

ВЕСТНИК ОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Редколлегия журнала

- В. Вжосек, доктор наук, профессор Университета им. Адама Мицкевича (г. Познань, Польша)
В. Деннингхаус, д-р ист. наук, профессор Нордост-Института (г. Люнебург, Германия)
Ж. А. Ермекбай, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Астана, Казахстан)
В. Ольшевски, доктор, профессор Университета Николая Коперника (г. Торунь, Польша)
Л. Публичи, профессор истории и антропологии Неаполитанского университета «Ориентале» (г. Неаполь, Италия)
З. Г. Сактаганова, д-р ист. наук, профессор, академик Академии истории и общественных наук, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова (г. Караганда, Казахстан)
С. М. Токть, д-р ист. наук, профессор Белорусского института юриспруденции (г. Гродно, Беларусь)
И. Р. Чикалова, д-р ист. наук, профессор, профессор Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (г. Минск, Беларусь)
Х. Штойбле, доктор наук, сотрудник Археологического ведомства Саксонии (г. Дрезден, Германия)

* * *

- А. В. Головнёв, д-р ист. наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург, Россия)
Л. П. Репина, д-р ист. наук, профессор, член-корреспондент РАН, зам. директора ИВИ РАН (Москва, Россия)
А. В. Антощенко, д-р ист. наук, профессор Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск, Россия)
И. А. Ветренко, д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (г. Санкт-Петербург, Россия)
Л. А. Сидорова, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель центра «Историческая наука России» Института российской истории РАН (г. Москва, Россия)
С. А. Красильников, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник сектора истории социально-экономического развития Института истории Сибирского отделения РАН, профессор Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск, Россия)
К. А. Колобова, д-р ист. наук, профессор РАН, Института археологии и этнографии СО РАН, зав. лабораторией цифровой археологии «Цифра» (г. Новосибирск, Россия)
О. Б. Леонтьева, д-р ист. наук, доцент, профессор Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва (г. Самара, Россия)
Г. П. Мягков, д-р ист. наук, профессор Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, профессор Казанского федерального университета (г. Казань, Россия)
В. Л. Портных, PhD, д-р ист. наук, зав. сектором всеобщей истории Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск, Россия)

* * *

- В. П. Корзун, д-р ист. наук, профессор ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (г. Омск, Россия)
С. Б. Крих, д-р ист. наук, доцент ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (г. Омск, Россия)
М. А. Мамонтова, канд. ист. наук, доцент ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (г. Омск, Россия)
Д. И. Попов, д-р ист. наук, профессор ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (г. Омск, Россия)
В. Г. Рыженко, д-р ист. наук, профессор ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (г. Омск, Россия)
Т. Б. Смирнова, д-р ист. наук, профессор ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (г. Омск, Россия)
Н. Г. Суворова, канд. ист. наук, доцент ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (г. Омск, Россия)
А. П. Толочко, д-р ист. наук, профессор ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (г. Омск, Россия)
И. В. Толпеко, канд. ист. наук, доцент ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (г. Омск, Россия)
Н. А. Томилов, д-р ист. наук, профессор ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (г. Омск, Россия)

© ФГАОУ ВО «ОмГУ им. Ф. М. Достоевского», 2022

Научный журнал
Выходит 4 раза в год
ОСНОВАН В 2014 г.

2022. Т. 9, № 4 (36)

ISSN 2312-1300

Включён в перечень ВАК
Входит в базу данных Russian
Science Citation Index (RSCI)
на платформе Web of Science

Учредитель
ФГАОУ ВО «ОмГУ
им. Ф. М. Достоевского»

Адрес редакции:
644077, Россия, Омская обл.,
г. Омск, пр-т Мира, д. 55а,
2 корпус ОмГУ, каб. 513

тел. (3812) 22-98-00
vesthist@gmail.com,
spbuchkov@mail.ru (с пометкой
«Статья в "Исторические науки"»)

Главный редактор
д-р ист. наук, проф. А. В. Якуб
Ответственный редактор
д-р ист. наук, проф. М. К. Чуркин
Ответственный секретарь
канд. ист. наук, доц. С. П. Бычков

Издаётся в авторской редакции
Технический редактор М. В. Быкова

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-72179
от 15 января 2018 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Объединённый подписной каталог
«Пресса России». Индекс 94052

Свободная цена

Полнотекстовая версия журнала
размещается на сайтах
научных электронных библиотек
eLIBRARY.RU (elibrary.ru)
и КиберЛенинка (cyberleninka.ru).
Индексируется в РИНЦ

Дата выхода в свет 28.12.2022
Ризография. Формат 60x84 1/8.

Печ. л. 39,3. Усл. печ. л. 36,6.
Уч.-изд. л. 30,7.
Тираж 25 экз. Заказ 265.

Отпечатано в типографии
ОмГУ им. Ф. М. Достоевского

Адрес издателя и типографии:
644077, Россия, Омская обл.,
г. Омск, пр-т Мира, д. 55а

Academic periodical
Published four times a year
FOUNDED IN 2014
2022. Vol. 9, no. 4 (36)

ISSN 2312-1300

Included in HAC list
Included in the Russian Science
Citation Index (RSCI) database
on the Web of Science platform

HERALD OF OMSK UNIVERSITY

Series "HISTORICAL STUDIES"

Founder

Dostoevsky Omsk State University

Address of editorial office:
office 513, 2nd building of OmsSU,
55a, Mira pr., Omsk,
Omsk Oblast, 644077, Russia
Phone: +7 (3812) 22-98-00
E-mail: vesthist@gmail.com,
spbychkov@mail.ru

Editor-in-Chief
Doctor of Historical Sciences,
Professor *A. V. Yakub*

Executive editor
Doctor of Historical Sciences,
Professor *M. K. Churkin*

Executive secretary
PhD in Historical Sciences,
Associate Professor *S. P. Bychkov*

Published in the Author's Edition
Technical editor *M. V. Bykova*

Journal Registration Certificate
PI No. FS77-72179
from January 15, 2018
given Russian Federal Surveillance
Service for Compliance
with the Legislation in Mass Media
and Cultural Heritage Protection

United subscription catalog
"The Russian Press". Index *94052*

Free price

The full text version of the journal
is posted on the websites
of scientific electronic libraries
eLIBRARY.RU (elibrary.ru)
and Cyberleninka (cyberleninka.ru).
Included in Russian science citation
index (RSCI)

Date of publication December 28, 2022
Risography. Format 60x84 1/8.

Printed p. 39,3.
Conventionally printed p. 36,6.
Accounting publishing p. 30,7.
Edition 25 copies. Order 265.

Printed in polygraphic base of
Dostoevsky Omsk State University
Address of publisher and printing house:
55a, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast,
644077, Russia

Editorial staff

- W. Wrzosek, Doctor of Sciences, Professor of Adam Mickiewicz University (Poznan, Poland)
V. Doenninghaus, Doctor of Historical Sciences, Professor (Nordost-Institute, Luneburg, Germany)
Z. A. Yermekbay, Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University (Astana, Kazakhstan)
W. Olszewski, Doctor, Professor of Nicolaus Copernicus University in Toruń (Toruń, Poland)
L. Pubblici, Full Professor of History and Anthropology at Università degli Studi di Napoli L'Orientale (Napoli, Italia)
Z. G. Saktaganova, Doctor of Historical Sciences, Academician of the Academy of History and Social Sciences, Director of Ethno-Cultural and Historical-Anthropological Research Center of the Karaganda State University of the name of academician E. A. Buketov (Karaganda, Kazakhstan)
S. Tokts, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Belarusian Institute of Jurisprudence (Grodno, Belarus)
I. R. Chikalova, Dr Hab in History, Professor, Professor of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, chief researcher of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Belarus)
H. Staeuble, Dr. in Prehistoric Sciences, Head of Division Large Projects in Archaeological Heritage Office Saxony (Dresden, Germany)

* * *

- A. V. Golovnev, Doctor of Historical Sciences, Professor, corresponding member of RAS, Director of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (St. Petersburg, Russia)
L. P. Repina, Doctor of Historical Sciences, Professor, corresponding member of RAS, vice director of IWH of RAS (Moscow, Russia)
A. V. Antoshchenko, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian History Department of the Institute of History, Political and Social Sciences of the Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
I. A. Vetrenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Social Technologies of the North-Western Institute of Management RANEPa (St. Petersburg, Russia)
L. A. Sidorova, Doctor of Historical Sciences, Chief Research Officer, Head of the Center "Historical Science of Russia" of the Institute of Russian History of RAS (Moscow, Russia)
S. A. Krasilnikov, Dr. habil. of Historical Sciences, Leading Research Scientist at the Department of the History of Social and Economic Development at the Institute of History of Siberian Branch of RAS; Professor of the Department of National History at the Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)
K. A. Kolobova, Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian Academy of Sciences, Head of the Digital Archaeology Laboratory at the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)
O. B. Leontyeva, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev (Samara, Russia)
G. P. Myagkov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Professor of the Kazan Federal University (Kazan, Russia)
V. L. Portnykh, PhD, Director of the World History Section of the Laboratory for Humanities of the Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

* * *

- V. P. Korzun, Doctor of Historical Sciences, Professor of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
S. B. Krikh, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
M. A. Mamontova, PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
D. I. Popov, Doctor of Historical Sciences, Professor of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
V. G. Ryzhenko, Doctor of Historical Sciences, Professor of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
T. B. Smirnova, Doctor of Historical Sciences, Professor of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
N. G. Suvorova, PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
A. P. Tolochko, Doctor of Historical Sciences, Professor of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
I. V. Tolpeko, PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
N. A. Tomilov, Doctor of Historical Sciences, Professor of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

© Dostoevsky Omsk State University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Норкина Е. С.* Древнееврейская история в «Еврейской энциклопедии» (1908–1913)..... 7
- Ватлин А. Ю.* Процесс объединения Германии 1989–1990 гг. и реакция советской общественности 16

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Кротт И. И., Любимов А. А.* Организация сервисного обслуживания пассажирских перевозок на речном транспорте Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. 24
- Миркин В. В.* Роль «Организации сотрудничества социалистических стран в области электрической и почтовой связи» в формировании межгосударственной системы электросвязи (конец 1950-х гг.) 38

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Быков А. В.* Институт выборов органов местного управления в трудах отечественных исследователей XIX – начала XX в. 51
- Титов В. Ю.* Историография изучения протестных настроений в советский период 58

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Попова Ю. В.* СССР как «золотой век»: динамика восприятия гражданами и их социально-экономические и политические настроения 67
- Муратшина К. Г.* Основные направления гуманитарных связей Свердловской области РФ с регионами Казахстана 77
- Ветренко И. А., Ковалев А. А.* История ленд-лиза и причины его актуализации в современных международных отношениях 84
- Попов Д. И.* Национализм как компонент политической программы правого популизма в Европе в начале XXI в. 98
- Зверев К. А.* Оформление национальной государственности Латвии и Литвы: правовой аспект и законодательство 107

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

- Авдашкин А. А.* Миграция из Таджикистана на Южный Урал: к вопросу об интеграции и идентичности мигрантов на локальном уровне 120
- Коломиец О. П.* Этнодемографическая характеристика населения Чукотки 127
- Тюхтенева С. П.* Пандемия коронавируса и перепись населения: растёт ли численность коренных народов Республики Алтай? 143
- Ключарева В. В.* «Тамыр» русского переселенца, но «бодан белого царя»: антропологические особенности романа «Сказ столетнего степняка» 151
- Ахметова Ш. К., Толпеко И. В.* Детский погребальный обряд казахов юга Западной Сибири 160

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Кирюшин К. Ю., Косинцев П. А., Макаревич Ш., Толтеко И. В.</i> Использование фаланг быков населением Северной Кулунды в энеолите (по материалам поселения Новоильинка-VI)	173
<i>Герасимов Ю. В., Здор М. Ю., Корусенко М. А.</i> Поселение Черталы в Тарском Прииртышье: некоторые итоги изучения	186
<i>Лапишина З. С.</i> Археология низовьев Амура: опыт интерпретации символов на личине петроглифов реки Кия	200
<i>Перевозчикова С. А., Калугина Д. А.</i> Кресты-тельники из погребений ранних кладбищ русского населения Удмуртского Прикамья	209

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

<i>Антощенко А. В.</i> «Thank You Very Much for Your Kind Letter and Flattering Invitation». Письма П. Г. Виноградова к Э. Селигману. 1907–1911 гг.	221
<i>Капустин Л. Г., Петин Д. И.</i> «Сильное утомление войной. Все ждут мира». Пленный комбат Осминин о настроении в частях и тылу Восточного фронта РККА летом 1919 г.	229
<i>Михальченко С. И., Пчеленок А. В.</i> Письма А. В. Соловьёва А. В. Флоровскому (из собрания Архива Российской академии наук)	241
<i>Трофимова О. В., Гоголев Д. А., Макарова Е. О.</i> К вопросу о корректировке биографии академика Э. Г. Лаксмана: по материалам Государственного архива в г. Тобольске	256

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Корзун В. П., Мягков Г. П., Рыженко В. Г., Якуб А. В.</i> Конструируя новое историографическое пространство: к юбилею Лорины Петровны Репиной	270
<i>Петин Д. И.</i> Историк-архивист душой и сердцем: к 70-летию Г. Ю. Бородиной	284
<i>Фоменко С. В.</i> «Мы были готовы продолжать наши исследования. Но происходившие в стране события перечеркнули наши планы...»	292
<i>Терентьев В. И.</i> Последний трикстер сибирской этнографии (к 70-летию Валерия Макаровича Кимеева)	300

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	310
-------------------------------------	-----

CONTENTS

Herald of Omsk University. Series "Historical Studies", 2022, vol. 9, no. 4 (36)

GENERAL HISTORY

- Norkina E.S.* Ancient Jewish History in the "Jewish Encyclopedia" (1908-1913)..... 14
- Vatlin A.Yu.* German Reunification Process in 1989-1990 and the Reaction of the Soviet Public..... 22

NATIONAL HISTORY

- Krott I.I., Lyubimov A.A.* Organization of Passenger Transportation Service on River Transport in Western Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries..... 35
- Mirkin V.V.* Role Of The "Organization Of Socialist Countries' Cooperation In The Field Of Electric And Postal Communications" In The Formation Of The Interstate Communication System (Late 1950s)..... 47

HISTORIOGRAPHY

- Bykov A.V.* The Institute of Elections of Local Government Bodies in the Works of Domestic Researchers of the 19th – Beginning of the 20th Century 56
- Titov V.Yu.* Historiography of the Study of the Protest Mood in the Soviet Period 66

POLITICAL SCIENCE AND INTERNATIONAL RELATIONS

- Popova Ju.V.* The USSR as a "Golden Age": the Dynamics of Citizens' Perception and Their Socio-Economic and Political Moods..... 75
- Muratshina K.G.* Cultural ties between Russia's Sverdlovsk Region and the Regions of Kazakhstan: Key Aspects 82
- Vetrenko I.A., Kovalev A.A.* The History of Lend-Lease and the Reasons for Its Updated in Modern International Relations 95
- Popov D.I.* Nationalism as a Component of the Political Program of Right-Wing Populism in Europe at the Beginning of the 21st Century 105
- Zverev K.A.* Establishment of the National Statehood of Latvia and Lithuania: Legal Aspect and Legislation 119

ETHNOLOGY, ETHNOGRAPHY

- Avdashkin A.A.* Migration from Tajikistan to the South Urals: on the Issue of Integration and Identity of Migrants at the Local Level 125
- Kolomiets O.P.* Ethno-demographic Characteristics of the Population of Chukotka..... 140
- Tyukhteneva S.P.* The Coronavirus Pandemic and the Population Census: is the Number Growing Indigenous Peoples of the Altai Republic? 150
- Klyuchareva V.V.* "Tamyр" of a Russian Migrant, but "Bodan of the White Tsar": Anthropological Features of the Novel "A Hungred Years on the Steppe" 158
- Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V.* Children's Funeral Rite of the Kazakhs of the South of Western Siberia 170

ARCHAEOLOGY

<i>Kiryushin K.Yu., Kosintsev P.A., Makarewicz Ch., Tolpeko I.V.</i> Use of Phalanxes of Bulls by the Population of Northern Kulunda in the Eneolithic (Based on Materials from the Settlement Novoilinka-VI).....	183
<i>Gerasimov Yu.V., Zdor M.Yu., Korusenko M.A.</i> The Settlement of Chertaly in the Tarsky Irtys Region: Some Results of the Study	198
<i>Lapshina Z.S.</i> Archaeology of the Lower Amur: Experience of Interpretation of Symbols on the Life of Petroglyphs of the Kia River	207
<i>Perevozchikova S.A., Kalugina D.A.</i> Crosses from Burials of Early Cemeteries of the Russian Population of the Udmurt Kama Region	219

HISTORICAL ARCHIVE

<i>Antoshchenko A.V.</i> “Thank You Very Much for Your Kind Letter and Flattering Invitation”. Letters of Paul Vinogradoff to Edwin Seligman. 1907–1911.....	227
<i>Kapustin L.G., Petin D.I.</i> “Great Fatigue from the War. Everyone is Waiting for Peace”. Captured Battalion Commander Osminin on the Mood in the Units and Rear of East Front of the Red Army in the Summer of 1919	238
<i>Mikhalchenko S.I., Pchelenok A.V.</i> Letters from A.V. Soloviev to A.V. Florovsky (from the Collection of the Archive of the Russian Academy of Sciences).....	254
<i>Trofimova O.V., Gogolev D.A., Makarova E.O.</i> On the Question of Correcting the Biography of Academician E.G. Laxman: on the Materials of the State Archive in Tobolsk	266

SCIENTIFIC LIFE

<i>Korzun V.P., Myagkov G.P., Ryzhenko V.G., Yakub A.V.</i> Constructing a New Historiographical Space: to the Anniversary of Lorina Petrovna Repina	282
<i>Petin D.I.</i> Historian-archivist with Heart and Soul: to the 70th Anniversary of G.Yu. Borodina.....	290
<i>Fomenko S.V.</i> “We Were Ready to Continue Our Research. But the Events that Took Place in the Country Crossed Out Our Plans...”	298
<i>Terentyev V.I.</i> The Last Trickster of Siberian Ethnography (to the 70th Anniversary of Valery Makarovich Kimeev).....	308

INFORMATION FOR AUTHORS	310
--------------------------------------	-----

ДРЕВНЕЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ В «ЕВРЕЙСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ» (1908–1913)*

Представленная статья посвящена изучению нарратива древнееврейской истории в «Еврейской энциклопедии», вышедшей в свет в Санкт-Петербурге в 1909–1913 гг. под редакцией представителей русско-еврейской интеллигенции и историков. Поскольку основой для редакторов энциклопедии послужило издание «Jewish Encyclopaedia» на английском языке, вышедшее в Нью-Йорке в 1901–1906 гг., автор статьи сравнивает содержание одноимённых статей. Указанная задача реализуется в контексте развития *Wissenschaft des Judentums* и демонстрирует некоторую тенденцию отхода от традиционного еврейского историописания в начале XX в.

Ключевые слова: нарратив; древнееврейская история; русско-еврейская интеллигенция; еврейская энциклопедия; *Wissenschaft des Judentums*.

В 1908–1913 гг. в издательстве «Брокгауз и Ефрон» вышла в свет многотомная «Еврейская энциклопедия» под общей редакцией Л. И. Каценельсона и барона Д. Г. Гинцбурга, позднее Л. И. Каценельсона и А. Я. Гаркави. В предисловии к энциклопедии отмечено, что основой труда послужило издание первой «обще-еврейской энциклопедии» «Jewish Encyclopaedia» на английском языке в Нью-Йорке в 1901–1906 гг. [1]. Даже при беглом просмотре «Еврейской энциклопедии» сразу заметным становится то, что внушительный её объём представлен статьями по истории и культуре евреев на территории Российской империи. Авторы и сами подчёркивают, что именно эта тематика носит самостоятельный характер, в отличие от остальных, которые они либо копировали, либо дополняли, если считали их «неудовлетворительными» [2, т. 1, с. IV]. Более ранние хронологически периоды и, в особенности древние, на первый

взгляд выглядят аутентично. В данном исследовании мы попытаемся проанализировать нарратив древнееврейской истории в «Еврейской энциклопедии» и сравнить с тем, что представлено в энциклопедии, выпущенной несколько ранее в США. Это дополнит наши представления о развитии российской *Wissenschaft des Judentums* в начале XX в.

«Еврейская энциклопедия» (далее – ЕЭ) или, как её назвал историк С. Дубнов «Национальный памятник еврейства», родилась в Российской империи к тому времени, когда читательская аудитория уже познакомилась с трудами русско-еврейских историков. Закономерно, что в тот период подъёма национального самосознания и обострения еврейского вопроса их научное внимание было приковано в основном к истории евреев России. Однако, до 1908 г. вышли в свет и работы, так или иначе затрагивающие сюжеты

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-41014) «От Святой Земли до рабочейладельческой формации: история Древнего Ближнего Востока в российской исторической науке XX в.».

древней еврейской истории. Это прежде всего труды С. М. Дубнова о всемирной истории евреев [3; 4], Л. Каценельсона о Вавилонском пленении и религии в истории древних евреев [5; 6]. Они же были фактически единственными, освещающими древнюю историю. Поэтому неудивительно, что заметную роль в подготовке энциклопедии сыграли оба этих историка. И если Дубнов позднее отказался от работы в энциклопедии, то фамилия Каценельсона стояла в качестве одного из главных редакторов весь период её издания.

Древнейший или библейский период издателями ЕЭ хронологически определялся до эллинистического времени. Он соответствовал условному отделу с одноимённым названием. Авторами статей по «библейскому» отделу стали те, чьи имена были в начале XX вв. уже довольно известными как в научной, так и так и общественной жизни России. Среди них кроме Каценельсона – библеисты и историки А. Ш. Каменецкий (под псевдонимом А.С.К.) и С. Бернфельд, историки С. Айзенштадт и Г. Красный, публицист Д. Пасманик, а так же гебраист Н. Переферкович. В определённое время за редактирование статей библейского отдела отвечали Переферкович и Красный, тогда как Каценельсон взял на себя общее редактирование библейского отдела. Вторым общим редактором издания обозначен барон Д. Гинцбург. Однако, как вспоминал С. Дубнов, он фигурировал в основном номинально [7, с. 329] и был главным образом инициатором издания.

Общими в биографиях авторов энциклопедии были несколько факторов, повлиявших, вероятно, и на сам нарратив энциклопедии. Во-первых, некоторые из них учились в университетах Европы, хотя и были выходцами из черты оседлости. Например, А. Ш. Каменецкий и С. Бернфельд получили образование в университетах Германии, С. Айзенштадт в Берне. Во-вторых, они неплохо были знакомы с еврейскими религиозными традициями и текстами: учились в еврейских религиозных учебных заведениях или происходили из семьи раввина или меламеда. И, в-третьих, активно участвовали в общественно-политической жизни России с одной стороны, и не были равнодушны к проблемам еврейского мира с другой. Иными словами, представляли собой особую

группу – русско-еврейскую интеллигенцию. Таким образом, к тому моменту, когда назрела инициатива издания энциклопедии, имена многих из них были широко известны в научной или общественной сфере. Кроме того, для русско-еврейской интеллигенции имена Г. Греца и других представителей немецкой *Wissenschaft des Judentums* не были пустым звуком.

Достижения немецкой *Wissenschaft des Judentums* использовали авторы *Jewish Encyclopedia* (далее – JE). Они ссылались на работы немецких историков Л. Цунца, Г. Греца, М. Штейншайдера и других. Отдельно следует отметить известного немецкого историка Э. Мейера. На его фундаментальные труды по истории древнего мира и истории семитских народов, а также подход к библейской критике ориентировались многие ведущие учёные начала XX в., в том числе издатели JE и ЕЭ. Американская еврейская энциклопедия создавалась с целью описания истории, религии, литературы и обычаев еврейского народа с древнейших времён до начала XX в. Ответственным редактором стал крупнейший американский издатель и публицист И. Зингер, а редакционный совет возглавлял издатель И. К. Функ. Энциклопедия явилась своего рода кульминацией движения *Wissenschaft des Judentums*, которое стремилось модернизировать научные методы. Значительное количество статей по древней еврейской истории написал историк и общественный деятель Дж. Джейкобс. Статьи по этой же тематике создавали гебраисты, ориенталисты и историки Р. Готтейл, В. Бахер, Е. Хирш, К. Колер. Все они какое-то время своей жизни посвятили учёбе в университетах Германии и к моменту подготовки энциклопедии были известными в научном мире исследователями древней истории в целом и библейской в частности. Часть авторов знала религиозные традиции не только в теории: например, В. Бахер, К. Колер и Е. Хирш были как учёными, так и раввинами. Следует подчеркнуть, что главный редактор Зингер стремился к строго научному изложению информации, уходя от какого-либо религиозного уклона. В контексте развития *Wissenschaft des Judentums* это отражает тенденцию отхода от традиционного еврейского историописания, наметившуюся в тот период.

Внимание издателей JE было сфокусировано на открытиях рукописей, сравнении и датировке событий согласно источникам [8, с. 3]. Это отразилось и на нарративе статей: авторы чаще концентрируются именно на разборе различных версий датировок событий. Возможно, это также объясняется тем, что большая часть авторов специализировалась на библеистике и гебраистике. Тексты статей в целом довольно сжаты, прослеживается стремление авторов объяснить понятие коротко и по существу. И наоборот, авторам статей русской энциклопедии присуще более развёрнутое рассуждение по обозначенному термину. Такой подробный нарратив напоминает текст научных статей или даже монографий, посвящённых детальному изучению поставленной проблемы.

Подобному характеру изложения научного материала в русской еврейской энциклопедии сопутствовали и особенности риторики текстов. В отличие от строго академического языка JE, в ЕЭ допускалось более художественное изложение, явно увлекающее читателя. Яркое это прослеживается в характеристике личностей. Например, А. Каменецкий и Г. Красный пытаются создать и художественный образ царя, отмечая: «тогда совершился перелом в его душе... Роскошь и многожёнство развратили его сердце» [2, т. 14, с. 453]; «Соломону чужда была жажда военных лавров» [2, т. 8, стб. 63]. В целом же авторы русской версии придерживаются основного разработанного американскими учёными условного деления статей – историко-хронологического и в зависимости от источника. Начало статьи открывается общим введением в понятие, далее приводятся взгляды критической школы, арабской литературы, раввинистической традиции.

Сюжеты древней еврейской истории появляются не только в описании классических понятий, относящихся непосредственно к библейским сюжетам и периоду, например: «Соломон», «Хам», «Вавилонское пленение», но и в общих понятиях. Так, в разъяснении терминов «царь», «торговля», «диаспора» повествование начинается в хронологическом порядке с первого упоминания или возможного применения в отношении еврейской истории и культуры. В целом набор понятий в JE удовлетворил русских издателей:

в основном они заимствовали тот же набор. В значительной степени изменялся нарратив отдельных статей. Так, коренной переработке авторами ЕЭ подвергаются именно обзорные статьи «Израильское царство», «Израиль», «Иудейское царство», «Палестина». Именно из них читатель мог получить быстрое и в то же время полное представление о древнееврейской истории. Г. Красный, рассуждая об истории Палестины, выделяет три главных особенности, повлиявших на историю евреев: воспоминания о своих предках, впечатления от египетской культуры и сознание присутствия в своей среде живого Бога [2, т. 12, стб. 202–255].

Дополнения отдельных статей касались и библиографического раздела. Так, авторы ссылаются не только непосредственно на американскую предшественницу с обозначением JE и классических учёных и библеистов, таких как Г. Грец, Ю. Велльгаузен, но упоминают и работы отечественных исследователей: востоковеда Б. Тураева, Л. Каценельсона и даже С. Дубнова. Таким образом, это прежде всего связано с достижениями русского востоковедения и иудаики рубежа XIX – начала XX вв.

Вероятно, проблема происхождения царской власти была одной из самых актуальных для составителей ЕЭ. Очевидно, что авторы имели знания о ступенях эволюции власти в обществе, подчёркивая, что для появления монархии необходимы определённые условия, но и для некоторых её форм также нужна готовность народного сознания. Так, Г. Красный отмечает, что первое время возникновения власти нельзя говорить о её теократической сущности [2, т. 8, стб. 58–72]. Особенностью рассуждений Красного является анализ системы правления в контексте теоретических рассуждений, которые он, вероятно, почерпнул из современной ему научной литературы в целом, и марксистской в частности. Так, он подчёркивает, что монархии Давида были присущи некоторые черты *восточного деспотизма* [2, т. 6, стб. 869].

Рассуждения о природе власти встречаются в нескольких статьях, прямо не относящихся к данному вопросу. Так, в статье об Авимелехе, отмечается опущенное в английской версии замечание о том, что он первый

в еврейской истории присвоил себе статус царя, узаконенный уже только при Самуиле [2, т. 1, стб. 91]. В определении понятия «Царь» в ЕЭ включены подробные пояснения о возможном происхождении и природе царской власти у евреев. Автор статьи Каменецкий на примере отдельных событий и личностей пытается проследить генезис и эволюцию власти в целом (от родовой знати, военачальников до царей) и выявить некоторые закономерности и общие черты правления разных представителей царской власти. Кроме того, данная статья, в сравнении с одноимённой статьёй в JE, содержит более детальное описание символов, функций и атрибутов власти (эмблемы царской власти, царский двор и свита, доходы царей, процесс избрания, исполнительные органы власти) и погружение в особенности управления страной [2, т. 15, стб. 767]. Здесь уже автор применяет современный ему термин «социальная дифференциация». Долгое сосуществование царской власти и старой системы опоры на родовых начальников и старейшин. В целом представления о возникновении царской власти у еврейского народа у издателей схожи: это внешний стимул (военная угроза от филистимлян) и необходимость лидера – сильной личности. Однако ни в статье «Царь», ни в статье о Сауле, ни в других статьях по древней израильской истории в JE не содержатся теоретические измышления о сущности [1, т. 7, с. 500–502, т. 11, с. 74–78].

В нарративах о трёх царях Сауле, Давиде, Соломоне выявляются значительные расхождения. Общим для издателей обоих энциклопедий в описании Саула является результат его правления: он не смог дать Израилю политическое единство [1, т. 11, с. 74–78, т. 14, с. 40–43]. Однако, если группой авторов статьи во главе JE Дж. Джейкобсом, И. Зингером и др. акцент в выводах сделан на том, что в целом правление Саула было неудачным, а его заслуга сводится только к появлению Давида, то мы видим иную картину в одноимённой статье ЕЭ. Её автор – Каменецкий – отмечает положительные черты царя: Саул первый объединил разрозненные племена в могучий народ, приучил к государственной жизни, дисциплине, национальной независимости [2, т. 14, стб. 42]. Общим для образа царя Давида в обеих эн-

циклопедиях является представление его как мудрого и энергичного правителя, объединившего окончательно разрозненные племена, вознёсшего народ Израиля на вершину славы [1, т. 4, с. 451–458; 2, т. 6, стб. 864–879]. Однако в ЕЭ более подробно приводится описание системы правления царя Давида, включая и анализ её сущности. Так, автор статьи о Давиде – Г. Красный, отмечает, что царь не был первое время абсолютным и неограниченным монархом. Его власть ограничивалась военной аристократией, которая в эпоху становления государства должна была иметь особое значение и силу. Рядом с Давидом стояло правительство из нескольких человек, что указывает на высоту государственного строя израильтян в эпоху этого царя. Были и особые должности – начальник корпуса телохранителей и др.

Подобным образом схожим для обеих изданий энциклопедий является репрезентация образа Саула: царь представлен как успешный, мудрый правитель, который тщательно продумал внутреннее устройство страны, а главным его достижением явилось строительство Храма [1, т. 11, с. 436–448; 2, т. 14, стб. 454–467]. Каменецкий в статье о Соломоне более пристальное внимание решил уделить внешней политике царя, искусно вплетя её в общемировой (Восточный) исторический контекст. Так, подробно освещено опущенное в JE описание основания царства Дамаска, с рассуждением об угрозе от него Палестине, а также основанного Гададом в Эдоме государства, о которых в Библии не было сказано [2, т. 14, стб. 454–467]. Автор также демонстрирует восприятие народом царя: он отмечает, что особе недовольство в обществе вызвало поклонение царя языческим идолам. В целом образ Соломона представлен как постепенно деградирующий в духовном плане, что заканчивается развращением царя: стремлением к богатству и роскоши и особенно отход от монотеизма, и в итоге понимание истинного – духовного – смысла жизни: «Испытав все радости жизни, испив чашу наслаждения до дна, Соломон убеждается, что не удовольствие и наслаждение составляют цель жизни, не они дают ей содержание, а страх Божий» [2, т. 14, стб. 454].

Акцент на нравственном падении Соломона в ЕЭ вполне закономерен для состави-

телей ЕЭ: их отличает более пристальное в отличие от американских издателей внимание к духовной жизни еврейского народа в целом и древних Израиля и Иудеи в частности. Часто исторические события ассоциируются с уровнем духовного развития и реакцией Бога. Если Дж. Джейкобса интересует историчность Хама [1, т. 6, с. 186], то Каменецкий символизирует его с нравственной ступенью развития общества [2, т. 15, стб. 531]. В статье об иудейском царе Узии в ЕЭ, в целом повторяющей текст одноимённой статьи в JE, подчёркивается, что болезнь царя – проказа – кара Божья [2, т. 15, стб. 94–95]. В статье о пророке Илие в ЕЭ с некоторым укором отмечается, что, несмотря на все чудеса Илии, многие евреи оставались неверующими [2, т. 8, стб. 83–96]. В стиле подобных рассуждений сделал заключение к статье «Иудейское царство» Красный: еврейский народ должен был пройти некоторое очищение в странах изгнания после Вавилонского пленения, прежде чем вернуться в свою страну [2, т. 9, стб. 12].

В этом контексте вполне объяснимо и довольно пристальное внимание авторов ЕЭ к состоянию религии в обществе фактически в период правления каждого царя. Например, в статье о Менаше, сыне иудейского царя Хизкии, акцент ставится на процветании язычества и упоминание факта восстановления капищ и нового жертвенника Балу в Храме Соломона [2, т. 10, стб. 852], тогда как в одноимённой статье JE слово «язычество» не употребляется вовсе, а говорится о синкретизме местного и чужеземного культов [1, т. 8, стб. 280–281]. Язычество часто если не прямо, то в подтексте ассоциируется с нравственным падением народа. В тексте о царе Давиде в ЕЭ включены довольно пространное рассуждение о характере религии. У автора статьи, Г. Красного, явно имелись представления об основных этапах развития религии в обществе: «Этот Ягве далёк от того космополитического идеала Бога, которым преисполнены пророки и который нашёл отражение в Псалмах... Монотеизм ещё не пустил глубоких корней в народном сознании. Бог Давида ещё не ревнив к другим Богам и относится толерантно ко всякой другой вере. Это и Давида сделало далёким от религиозной нетерпимости» [1, т. 4, с. 451–458; 2, т. 6, стб. 866].

В контексте русской *Wissenschaft des Judentums*, такое параллельное представление истории и духовности народа в ЕЭ в очередной раз демонстрирует невозможность русско-еврейских историков окончательно уйти от давно возникшей проблемы узкоатеологического подхода. С. М. Дубнов и ранее критиковал труды Г. Греца за теологический подход к изложению еврейской истории, в особенности древнейшей её части до Греко-римского владычества. Вместо долго живших теологического и телеологического метода Дубнов призывал историков усвоить социологический подход [9, с. 156].

Пожалуй, центральными для понимания представления учёных начала XX в. о древней еврейской истории в двух изданиях энциклопедий являются статьи «Израильское царство», «Израиль» (как народ), «Иудейское царство». Резким отличием является более развёрнутая информация о царствах у русских издателей: вероятно, её составители стремились дать читателю наиболее полное понимание и представление об основных этапах её истории. В каждой статье чётко выделяется «зерно» повествования в виде определённой личности и эпохе её правления. И наоборот, американские издатели стремились к более сжатому, компактному изложению информации и её смысловой равномерности.

Для составителей JE к Израильскому царству относится самостоятельная история этой территории после разделения Израильского царства на Северное и Южное, а более подробная история, начиная от колен, представлена в статье «Народ Израиля» [1, т. 6, с. 661–666]. Авторы чётко и условно делят всю историю царства на четыре периода, начиная с 934 и заканчивая 722 г. до н. э., подробными датировками, кратко описывая каждый из них. В статье «Народ Израиля» они попытались в очень сжатой форме перечислить основные события политической истории евреев. В ЕЭ соотношение информации в двух одноимённых статьях представлено с точностью до наоборот. Г. Красный – автор статьи об Израильском царстве – подготовил развёрнутую статью, в которой повествование начал с истории Израильских колен до последнего израильского царя Гошеа. При этом он старается обходиться без датировок,

а период после разделения царств выделяет особым подпунктом «Собственно израильское царство». Такое подробное изложение свидетельствует о стремлении автора дать читателю в одной статье не только полное представление об Израиле, но и вызвать живой интерес художественными описаниями. В нарративе статьи прослеживается акцент на влиянии отдельных личностей на ход истории, и особенно характеров политических лидеров. Например, Омри был царём, во многом напоминавшим народу Давида талантами полководца и творческими способностями правителя, а Иеробоам описывался как человек «недюжинных способностей и храбрый воин» [2, т. 8, стб. 65]. Значительное место в тексте об Израильском царстве занимает период правления Омри как один из самых успешных после разделения царства. Аналогичным для Иудейского царства, по мнению Г. Красного повторяющего общепринятую точку зрения, золотым веком является эпоха правления Хэзии [2, т. 9, стб. 10], которая тоже занимает значительное место в статье.

В статьях об Израильском и Иудейском царствах ЕЭ внимание автора – Г. Красного – приковано не только к правителям, но и второму важному действующему лицу – народу. При описании достижений и провалов правлений определённого царя подчёркивается реакция израильского народа на его действия, а также их влияние на национальное самосознание. Например, отмечается, что старое поколение общества неодобрительно относилось к реформам Ахаба [2, т. 8, стб. 67], личность Иеробоама I импонировала израильскому народу, народ страдал от Рехабеама, «угасал в народе дух свободолюбия и исчезло желание отстоять независимость» при Иеробоаме II [2, т. 8, стб. 69], при Санхерибе «дух народа воспрянул; его национальное и моральное чувства были удовлетворены» [2, т. 9, стб. 10], при Хизкии «иудейским обществом овладело чувство раскаяния» [2, т. 9, стб. 9].

Продолжая анализировать различия в ключевых текстах, мы находим и ещё одно немаловажное отступление русских авторов от первоначального источника. Автор статьи «Израиль» – Каценельсон – пытается разобраться, когда и как колена стали называться

Израилем и прослеживает соотношение его с термином «Иудея». Это связано с его более подробными рассуждениями об истории колен. По его мнению, вопреки ходячей и подерживаемой многими историками легенде о полном растворении десяти колен в других народах и полном исчезновении их с лица земли, они не исчезли, а большинство их слилось позже с пришедшими из Месопотамии иудеями в один израильский народ [2, т. 5, стб. 244]. В конце статьи он даже опровергает довольно расхожую точку зрения критической школы немецкого историка-востоковеда Ю. Велльгаузена о том, что Второзаконие написано в царствовании Осии: (по его мнению, автор – современник Иудейского царства не мог назвать свой народ Израилем – именем враждебного ему племени), и предполагает, что все пять книг Моисея написаны или до разделения царств или после возвращения евреев из Вавилона на том основании, что используют только наименование «Израиль» (не Иудея) [2, т. 8, стб. 46]. По сути, Каценельсон в нескольких статьях ЕЭ изложил точку зрения, которая сформировалась у него за несколько лет до издания энциклопедии и оформилась в статье, опубликованной в «Восходе» в 1902 г. [6, с. 118]. И таким образом, энциклопедия стала ещё одной научной площадкой для смелого выражения его концепции.

Пожалуй, ещё одно значимое расхождение русско-еврейских авторов с издателями американской энциклопедии проявилось в понятии «диаспора». В JE под диаспорой подразумевалось именно вынужденное переселение и «евреи в их рассеянии по Греко-римскому миру» [1, т. 2, с. 559–574], и, соответственно, в дальнейшем авторы применяют этот термин в отношении к эллинистическим и римским народам. В ЕЭ Каценельсон называет диаспорой уже поселение евреев вне Ханаана в древнее время вследствие торговой необходимости или войн. В таком контексте он выражает через это понятие и миграционные волны в Вавилонию, Египет [2, т. 7, стб. 224–225].

В статьях общего плана, например, «диаспора» [2, т. 7, стб. 224–225], «торговля» [2, т. 14, стб. 908–913], «Палестина» [2, т. 12, стб. 202–255] в ЕЭ авторы расширяют повествование за счёт подробных данных о том,

что происходило вокруг евреев – на соседних территориях или даже приводится описание геополитической обстановки, не всегда напрямую связанной с израильским народом. В отличие от них, в одноимённых статьях JE заметен акцент исключительно на факторах, имевших непосредственное влияние на евреев [1, т. 4, с. 186–193].

Таким образом, мы видим значительные расхождения во взглядах на древнееврейскую историю у русских и американских издателей еврейских энциклопедий. Для ЕЭ характерен более обширный взгляд на окружающую евреев действительность и всемирный исторический контекст. Это выразилось в довольно развёрнутом нарративе и стремлении даже в небольшой статье дать более полную картину с объяснением при-

чинно-следственных связей, приближающуюся к тексту научной монографии. Наблюдается постепенный отход от признания уже давно устоявшихся фактов древнееврейской истории, прописанных и признанных классиками немецкой иудаики. Это выражается в обращении к трудам отечественных востоковедов и историков еврейства в России. В целом русско-еврейским авторам так и не удаётся до конца избавиться от теологического акцента в историописании. Однако отмечается явный переход от простого пересказа событий согласно Библии к вдумчивому осмыслению нескольких спорных научных версий тех или иных фактов древнееврейской истории, а также понимание её в контексте истории остальных держав древнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Jewish encyclopedia: a descriptive record of the history, religion, literature, and customs of the Jewish people from the earliest times to the present day. – New York ; London : Funk & Wagnalls Company, 1901–1906.
2. Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем : В 16 томах. – СПб. : О-во для науч. евр. изд. «Брокгауз-Ефрон», [1908]–[1913].
3. Дубнов С. М. Всеобщая история евреев от древнейших времён до настоящего. – Одесса, 1901. – 228 с.
4. Дубнов С. М. Всеобщая история евреев на основании новейших научных исследований : [в 3 кн.]. – СПб. : Типо-литография А. Е. Ландау, 1904–1906.
5. Каценельсон Л. Религия и политика в истории древних евреев // Будущность. – 1900. – Т. 1. – С. 1–56.
6. Каценельсон Л. Вавилонское пленение // Книжки Восхода. – 1902. – № 3.
7. Дубнов С. М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени / [Вступ. ст. и коммент. В. Е. Кельнера]. – СПб. : Петербургское востоковедение, 1998. – 661 с.
8. Schwartz S. R. The Emergence of Jewish Scholarship in America: The Publication of the Jewish Encyclopedia. – Cincinnati : Hebrew Union, 1991.
9. Дубнов С. М. О современном состоянии еврейской историографии // Еврейская старина. – 1910. – № 3.

Сведения об авторе

Норкина Екатерина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
Адрес для корреспонденции: 199034, Россия, Санкт-Петербург, ул. Менделеевская линия, 5
E-mail: Norichmail@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9914-102X
WoS ResearcherID: N-2052-2015
Scopus ID: 55012196700

Информация о статье

Дата поступления
1 октября 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Норкина Е. С. Древнееврейская история в «Еврейской энциклопедии» (1908–1913) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 7–15. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).7-15.

ANCIENT JEWISH HISTORY IN THE "JEWISH ENCYCLOPEDIA" (1908-1913)

The article analyzes the narrative of ancient Jewish history in the "Jewish Encyclopedia", published in St. Petersburg in 1909-1913 and edited by famous representatives of the Russian-Jewish intelligentsia and historians. Since the basis for the editors of the encyclopedia was the edition of the "Jewish Encyclopedia" in English in New York in 1901-1906, the author compares the content of the articles of the same name. This task is being implemented in the context of the development of the Wissenschaft des Judentums and demonstrates a certain trend of departure from traditional Jewish historical writing at the beginning of the 20th century.

The author comes to the conclusion that significant differences in views on ancient Jewish history among Russian and American publishers of Jewish encyclopedias. The Russian Jewish Encyclopedia is characterized by a broader view of the reality surrounding the Jews and the world historical context. This was expressed in a rather detailed narrative and the desire to give a more complete picture even in a small article, approaching the text of a scientific monograph with an explanation of cause-and-effect relationships. There is a gradual departure from the recognition of the long-established facts of ancient Jewish history, prescribed and recognized by the classics of German Judaism. This is expressed in the appeal to the works of domestic orientalist and historians of the Jews in Russia. On the whole, Russian-Jewish authors never manage to completely get rid of the theological accent in historical writing. However, there is a clear transition from a simple retelling of events according to the Bible to a thoughtful understanding of several controversial scientific versions of certain facts of ancient Jewish history, as well as understanding it in the context of the history of other powers of the ancient East.

Keywords: narrative; Jewish history; Russian-Jewish intelligentsia; Jewish encyclopedia; Wissenschaft des Judentums.

REFERENCES

1. *The Jewish encyclopedia: a descriptive record of the history, religion, literature, and customs of the Jewish people from the earliest times to the present day*, New York, London, Funk & Wagnalls Company Publ., 1901-1906.
2. *Evreiskaya entsiklopediya: Svod znaniy o evreistve i ego kul'ture v proshlom i nastoyashchem* [Jewish Encyclopedia: A Collection of Knowledge about the Jews and their Culture in the Past and Present], in 16 volumes, St. Petersburg, Obshchestvo dlya nauchnykh evreiskikh izdaniy "Brokgauz-Efron", [1908]-[1913]. (in Russian).
3. Dubnov S.M. *Vseobshchaya istoriya evreev ot drevneishikh vremyon do nastoyashchego* [General History of Jews from Ancient Times to the Present]. Odessa, 1901, 228 p. (in Russian).
4. Dubnov S.M. *Vseobshchaya istoriya evreev na osnovanii novejshih nauchnyh issledovanij* [General History of Jews on the base of the newest researches], St. Petersburg, Tipo-litografiya A.E. Landau Publ., 1904-1906. (in Russian).
5. Katsnel'son L. *Religiya i politika v istorii drevnikh evreev* [Religion and Policy in the History of the Ancient Jews]. *Budushchnost'* [The Future], 1900, vol. 1, pp. 1-56. (in Russian).
6. Katsnel'son L. *Vavilonskoe plenie* [Babylonian Captivity]. *Knizhki Voskhoda* [Books of Voskhod], 1902, no. 3. (in Russian).
7. Dubnov S.M. *Kniga zhizni. Vospominaniya i razmyshleniya. Materialy dlya istorii moego vremeni* [Book of Life. Memoirs and Minds. Materials for my Time], St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1998, 661 p. (in Russian).
8. Schwartz S.R. *The Emergence of Jewish Scholarship in America: The Publication of the Jewish Encyclopedia*, Cincinnati, Hebrew Union Publ., 1991.
9. Dubnov S.M. *O sovremennom sostoyanii evreiskoi istoriografii* [To the contemporary Jewish historiography]. *Evreiskaya starina* [Jewish Antiquity], 1910, no. 3. (in Russian).

About the author

Ekaterina S. Norkina – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Jewish Culture of the St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Postal address: 5, Mendeleevskaya liniya ul., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: Norichmail@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9914-102X

WoS ResearcherID: N-2052-2015

Scopus ID: 55012196700

Article info

Received
October 1, 2022

Accepted
October 15, 2022

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-09-41014) "From the Holy Land to the slave-owning formation: the history of the Ancient Near East in Russian historical science of the 20th century".

For citations

Norkina E.S. Ancient Jewish History in the "Jewish Encyclopedia" (1908-1913). *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 7-15. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).7-15 (in Russian).

УДК 94(430).087

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).16-23

А. Ю. Ватлин

ПРОЦЕСС ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ 1989–1990 гг. И РЕАКЦИЯ СОВЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

На примере личного и социального восприятия событий, связанных с объединением Германии, демонстрируется роль субъективного фактора в процессе формирования мемориальной культуры. Показана динамика авторских впечатлений, связанных с «открытием» Германии в годы перестройки, и их проекция на события большой политики. Она сопоставляется с позицией советской прессы, освещавшей международные события в данный период. В условиях нараставшего плюрализма мнений газета «Правда» подчёркивала угрозы поглощения ГДР западным соседом, в то время как либеральные издания предпочитали говорить о «воссоединении немецкой нации». В статье сформулирован вывод об отставании политики СССР в 1990 г. от серьёзных внешнеполитических вызовов, которые сопровождали процесс германского воссоединения, что в конечном счёте привело к дискредитации перестройки в общественном мнении последнего года советской эпохи.

Ключевые слова: германский вопрос; перестройка; общественное мнение; историческая память; ГДР; ФРГ; Горбачёв; Коль.

В основу статьи положены личные впечатления автора и результаты его бесед с людьми, так или иначе вовлечёнными в процесс распада «социалистического лагеря» рубежа 1990-х гг. Хочется верить, что заявленная субъективность не помешает восприятию событий той эпохи новым поколением историков, которое вошло в профессию уже после того, как противостояние двух германских государств само стало историей.

Первые впечатления, особенно если речь идёт о глобальных и эпохальных событиях, часто оказываются поверхностными и преходящими – как сказал поэт, «большое видится на расстоянии». Однако современный поворот историографического процесса к проблемам формирования индивидуальной и социальной памяти о прошлом реабилитирует «суждения вслед», признавая за ними роль исходной точки коммуникативных практик, которые уже в следующих поколениях оформятся в мемориальную культуру того или иного общества [1; 2].

Как верно заметила Алейда Ассман, «лишь небольшая часть наших воспоминаний, пройдя речевую обработку, образует основу имплицитной истории жизни». Для

них характерны перспективность и фрагментарность, взаимосвязь с опытом других людей и внутренняя динамика. Эти «досознательные воспоминания» дремлют в нас, ожидая внешнего импульса для пробуждения [3, с. 20–21]. Автор надеется на то, что его непосредственная реакция на события тридцатилетней давности, которая представлена в настоящей статье, позволит показать роль объединения Германии в судьбах отдельных людей и всего общества, в те годы носившего на себе эпитеты «советское» и «перестроечное».

Я учился на историческом факультете МГУ в первой половине 1980-х гг., когда окружавший нас мир казался молодому поколению пусть и не очень симпатичным, но весьма стабильным, даже незыблемым. В студенческой среде считалось хорошим тоном выражать сомнения в том, «туда ли мы пришли», но сам вектор развития СССР, заданный семнадцатым годом и противостоящий капитализму, под вопрос не ставился.

Историю ФРГ и ГДР как двух государств, принадлежавших к антагонистическим общественным системам, нам преподавали отдельно, в рамках особых учебных

курсов. И тот и другой были обязательными. Иногда нам даже казалось, что (отнюдь не мирное) сосуществование двух Германий – это не просто навсегда, но и так было всегда, а пребывание всех немцев в едином государстве – просто эпизод на стыке новой и новейшей истории, закрытый преступлениями «третьего рейха».

С началом перестройки в сознание гуманитарной интеллигенции вселился исторический оптимизм. «Мы ждём перемен!» – пели мы вслед за Виктором Цоем, понимая это буквально: мы ждали перемен от верховной власти, предпочитая позицию заинтересованного наблюдателя. Во время студенческих и аспирантских поездок в ГДР я с удовольствием транслировал перестроечные лозунги о том, что истинного социализма не может быть без демократии. Помню, как боязливо мои собеседники при этих словах оглядывались по сторонам. Но я ведь не говорил ничего крамольного, я только повторял слова Михаила Горбачёва, а портреты его по частоте появления в начальственных кабинетах Берлина стояли на втором месте после образов самого Эриха Хонеккера.

Вынесенная из первого пребывания в ГДР уверенность в том, что эта страна всё-таки опережает нас в плане общественного прогресса, с началом перестройки растаяла как дым. Мы, советские люди, в горбачёвскую эпоху вновь вырвались вперёд, и вновь мы учили народы союзных стран побеждать и штурмовать неизведанные вершины. Скажу честно, среди моих знакомых в ГДР не было никого, кто разделял бы мою уверенность в светлом будущем. Они лишь горько рассуждали о том, что их собственные лидеры могут оставаться у власти ещё не один десяток лет, не обладая здоровьем и энергией советского лидера.

В советской прессе и научной периодике вопрос о судьбе наших «меньших братьев» в годы перестройки вообще не обсуждался. Институт мировой системы социализма Академии наук активно занялся внутренними проблемами СССР, забросив внешние дела. Девятый вал мемуаров и размышлений о «преданной и проданной ГДР», который поднялся в последующие десятилетия, являлся рефлексией *post factum*. Нет смысла их перечислять, но хочется спросить, где были все эти кадровые

военные и разведчики, профессора и дипломаты, когда ситуация в Центральной Европе ещё не являлась необратимой?

Летом-осенью 1989 г. советская пресса и телевидение крайне осторожно рассказывали о тысячах восточных немцев, оккупировавших посольства ФРГ в Праге и Варшаве, не избегая привычных упреков в адрес «подстрекателей из Бонна». Трудно сказать, после указания сверху или по собственной инициативе главных редакторов центральных газет, но с их страниц совершенно исчезли привычные репортажи об успехах социалистического строительства ГДР.

Международная повестка дня в тот момент постепенно отходила на второй план – «холодная война» казалась оконченной навсегда, а положение в странах реального социализма вообще не рассматривалось как часть зарубежной жизни. Так или иначе, «Международная панорама» в телевизионных рейтингах уступила первенство передаче под названием «Прожектор перестройки». Впрочем, в те годы главные новости черпали из газет, ежедневная пресса в почтовом ящике оставалась нормой повседневной жизни людей, считавших себя интеллигентами. Впервые в советской истории разные газеты стали подавать новости в различном ключе.

Радикальные издания вроде «Московских новостей» были заполнены внутривосточной повесткой, а уважаемые «Правда» и «Известия» сохраняли интерес к международной жизни, ключевые события и процессы которой транслировали советскому обществу через свои многомиллионные тиражи (в 1985 г. – 10 и 8 млн экземпляров). И та и другая газета имела в Берлине и Бонне штат специальных корреспондентов. Часть из них являлась сотрудниками КГБ, но остальные выполняли свой профессиональный долг [4]. Вплоть до ноября оба издания были достаточно консервативными, подавая отношение Западной Германии к бегству жителей ГДР из страны как «централизованно организованный психоз»¹.

На падение Берлинской стены «Правда» отреагировала статьёй «Гордиев узел разрублен», и это звучало так, как будто данный узел был завязан на устах самой газеты. Одобряя решение об открытии пограничных переходов, газета подавала этот шаг как

следствие «нового политического мышления», которое наконец-то добралось и до Восточного Берлина. Центральная пресса попросту переносила перестроечные штампы на ситуацию в ГДР, что сейчас, тридцать лет спустя, выглядит достаточно комично. При этом она всячески избегала даже затрагивать перспективу объединения Германии, подавая её как экстремизм уличных демонстрантов. С декабря 1989 г. в репортажах из ГДР появились более жёсткие оценки прошедших десятилетий: «партия страдает от последствий пагубного закоснелого курса»² и т. д.

Как показывает диссертация Галины Рословой, позже позиции центральных газет в освещении событий в ГДР стали расходиться кардинальным образом: ««Правда» подчёркивала возможность реформирования СЕПГ–ПДС с позиции братской коммунистической партии, а «Известия», являясь частью административного аппарата правительства, приветствовали демократизацию и конец однопартийного правления. В то время как партийная газета придерживалась идеи сохранения лидерства для себя и для СЕПГ, правительственная газета предпочитала партийный плюрализм со свободой выбора и конкуренцией» [4, с. 337–338]. Применительно к перспективам объединительного процесса первая из газет указывала на угрозы «поглощения» ГДР, вторая – на неизбежность «воссоединения».

Тайной за семью печатями для советского общества продолжал оставаться нарастающий кризис во взаимоотношениях лидеров СССР и ГДР. Мы знали о запрете в этой стране журнала «Спутник», о негативной реакции на разоблачительные статьи отечественной прессы, посвящённые сталинскому террору, но всё это выглядело как неизбежное отставание сателлитов от своего флагмана, внезапно и решительно взявшего курс на кардинальные общественные реформы.

То, что происходило между лидерами двух «братских стран» на самом деле, прекрасно иллюстрирует уникальный исторический источник – дневники помощника Горбачёва Анатолия Черняева [5]. Его шеф, не скрывавший нежелания общаться с Хонеккером как неисправимым ретроградом, купался в лучах славы во время своего визита в ФРГ в июне 1989 г. В ходе одного из интервью он

так высказался и о причинах раскола Германии, преодоление которого увязал с построением общеевропейского дома: «Стена появилась в конкретной ситуации. ГДР законно решила тогда использовать свои суверенные права. Стена может исчезнуть, когда отпадут предпосылки, которые её породили. Не вижу тут большой проблемы» [6, с. 79].

Проблемы не видели и мы, простые граждане Советского Союза. Мало кто сомневался в том, что, пойдя курсом перестройки, ГДР прекрасно проживёт и без стены. Тот, кто (как я) видел её воочию, умилялся её скромности и вписанности в городской ландшафт. Лишь после падения стены я понял, что видел не её саму, а всего лишь первое заграждение, за которым следовала пограничная полоса и лишь через добрую сотню метров – сама стена, достигавшая высоты в шесть метров.

В ночь на 10 ноября, когда в Берлине открылись пограничные переходы и жители ГДР пешком устремились «на Запад», я находился гораздо западнее, в столице Западной Германии, хотя и искренне жалел о том, что не смог увидеть этого исторического события. Попытки получить разрешение на поездку к остаткам стены в советском посольстве в Бонне успехом не увенчались – мне было сказано, что Западный Берлин остаётся согласно соглашению 1971 г. «самостоятельным политическим образованием», и самовольное его посещение обернётся для меня бессрочным закрытием выезда за рубеж. Людям старшего поколения не надо объяснять, насколько серьёзной была тогда эта угроза.

Если посещения ГДР скорее укрепили меня в том, что социализм может быть разным (ну разве что политические анекдоты были очень похожими), то поездка в ФРГ стала настоящим культурным шоком. Меня искренне удивляло то, насколько симпатично выглядят фасады домов и скверы в маленьких прирейнских городках, насколько шикарны магазины и пунктуальны поезда.

Но подспудно я искал что-то скрытое, разоблачающее показуху этой красивой жизни. Находили же советские корреспонденты в Бонне всего несколько лет назад горы мусора, опустившихся безработных и наркоманов. А я их так и не нашёл, хотя и пытался сохранить в себе остатки привычной карти-

ны, транслируемой советской прессой. Вот это отсутствие «серой изнанки», контраста между парадным подъездом и чёрным ходом, который был отличительной чертой советской действительности, поразило меня в ФРГ больше всего.

Что же было дальше? Открывшаяся перед нами возможность ездить и сравнивать сослужила плохую службу сохранявшимся клочкам солидарности между людьми из социалистических стран. Мы стали мыслить, как говорилось в фильме про Чапаева, «мировым масштабом», и судьбы наших невольных союзников уходили в тень перед перспективой нового мира после завершения «холодной войны». Советский Союз спустя почти семь десятилетий вернулся в центр мирового общественного интереса, второй раз за прошедший век спешно избавляясь от «балласта прошлого». Только на сей раз это были не регалии царского самодержавия, а знамёна мирового коммунизма. Началось то, что немцы очень точно называют *Flucht nach vorne* – бегство вперёд.

Понятно, что большинство населения в социалистических странах, не исключая и ГДР, это обстоятельство, казавшееся очередной сменой вывесок, мало интересовало. Ещё более справедливо это по отношению к Западу. В Бонне меня потряс не столько уровень, сколько образ жизни. Люди, по крайней мере внешне, вели себя спокойно, им не приходилось вести ежедневную борьбу за существование, они попросту наслаждались жизнью. Судя по мемуарам, Горбачёв чувствовал то же, что и все мы, впервые попавшие в ФРГ: побеждённые немцы устроили себе отличную жизнь – а мы, победители, разве не заслуживаем лучшей участи?

Сразу по приезде я был искренне удивлён тем, насколько западным немцам безразличны процессы, происходившие к востоку от германо-германской границы. За вежливым вниманием слушателей и коллег я не видел искреннего интереса к собственной персоне и своей стране (в то время как для нас, вчерашних московских студентов, любой «западник» являлся предметом досконального изучения). В памятную ночь на 10 ноября ситуация изменилась как по мановению волшебной палочки. Помню, какой восторг у боннцев вызвал первый восточно-

германский автомобиль «Трабант», появившийся на улицах их города. Отдав должное сдержанности Советского Союза, западные немцы быстро переключили внимание на своих восточных соотечественников.

Впоследствии Горбачёв назвал неправдой утверждения, «будто падение берлинской стены для меня, для советского руководства было неожиданностью, будто в Москве оно вызвало чуть ли не шок... мы были готовы к такому развитию событий» [6, с. 84]. Мемуары дипломатов, работавших в Берлине, говорят об обратном: МИД и посольство выясняли друг у друга, кого же проинформировали о своих планах «немецкие друзья» [7, с. 177]. Что уж говорить о нас, молодых людях, не посвящённых в тайны большой политики.

Купаясь в незаслуженном отблеске перестройки, я всё-таки ожидал, что после того, как стена пала, СССР должен был показать себя, собрать дивиденды произошедшего события, которое открывало дверь в новую эпоху. Увы, этого не произошло. Приведу мнение Игоря Максимычева – «советская политика ни разу не пыталась опередить события» [7, с. 177]. Действительно, руководство СССР предпочитало не высказываться на эту тему, играло в молчанку, предоставив право сделать первый выстрел Гельмуту Колю. Канцлер ФРГ уже в конце ноября 1989 г. выступил с программой «10 пунктов», которая весьма осторожно рисовала перспективу воссоединения двух германских государств [8].

Референт и биограф Горбачёва Андрей Грачев называет заторможенность реакции типичным приёмом своего патрона, который предпочитал двигаться вперёд, отступая на полшага от инициированных им самим событий, как бы реагируя на их неизбежность [9, с. 296]. Такой приём не всегда был оптимален, но он срабатывал, чтобы удержать своих твердолобых соратников от резких движений – в случае с падением Берлинской стены так и получилось.

9 декабря 1989 г. на пленуме ЦК КПСС Горбачёв заявил: «мы ГДР в обиду не дадим». Его современники без труда вспомнили, что то же самое говорил Брежнев про социалистическую Польшу с трибуны партийного съезда в 1981 г. – и с тем же результатом! Очевидно, названная его именем док-

трина «ограниченного суверенитета» социалистических стран настолько устарела, что её нельзя уже было цивилизованно реформировать, трансформировать или даже осторожно демонтировать. Оставалось ждать, когда она рухнет сама.

Дальнейшие события как внутри Советского Союза, так и вовне приобрели такую динамику, что Кремль за ними уже попросту не поспевал [5, с. 872, 877]. К концу 1990 г. вектор общественного отношения к Горбачёву поменял «плюс» на «минус», и практически всё, что произошло в эпоху перестройки, стало выглядеть игнорированием национальных интересов и предательством верных друзей. На этой почве и возросла обширная публицистика ничего не ведавших представителей советской номенклатуры, в которой «распродажа ГДР» заняла своё почётное место [10, с. 353].

Скажу точно, что до моего отъезда из ФРГ в пред рождественские дни 1989 г. никаких разговоров о том, что грядущий год будет последним для ГДР, не велось. Западные немцы настолько прочно усвоили правила политической толерантности, что пассивно взирали на попытку жителей ГДР «догнать и перегнать» Советский Союз. Он уже, увы, перестал быть примером и оплотом. Движение от плохого к худшему становилось аксиомой, а значит, начиналась жизнь по принципу «спасайся кто может» – и как может.

Мне запомнилось, что после определённой дипломатической паузы западногерманская пресса стала живописать крах экономики ГДР, убогость её инфраструктуры, запущенность внешнего облика городов и т. д. Общий знаменатель репортажей журналистов, побывавших в ГДР (теперь для этого не нужно было спрашивать разрешения у властей страны) был таков: «там всё плохо», что удерживало западных немцев от желания съездить и своими глазами посмотреть на «другую Германию». Вернувшись в Москву, я уже другими глазами смотрел на процесс сближения, а затем и воссоединения двух немецких государств. Его основой являлось всё та же потребительская парадигма, определявшая и неудержимый натиск «осси», и бесполезную осторожность «весси».

Занятый на закате перестройки индивидуальным выживанием, я, как и миллионы

моих соотечественников, ушёл в себя, сосредоточился на семейных, бытовых и потребительских проблемах, которые нарастали как снежный ком. Светлым пятном в этом мрачном калейдоскопе являлась возможность посетить европейские страны, благо моя специализация как коминтерноведа некоторое время вызывала интерес у зарубежных коллег и выражалась в постоянных приглашениях на разнообразные форумы и конференции.

И всё же трудно было не заметить, что в 1990 г. отношение тогда ещё советского общества к перспективе объединения Германии было гораздо более настороженным, чем к «бархатной революции» в ГДР. Главной причиной этого являлся исторический опыт – мощная Германия два раза развязывала мировые войны, которые принесли горе и разрушения народам России. Помню, что в западной прессе уже тогда появилось понятие «четвёртого рейха», на карикатурах объединённая Германия подавалась как прусский солдат в шлеме с пикой.

Её усиление происходило на фоне явной дезорганизации жизни в СССР. Здесь тоже проводили параллели с прошлым, причём на самом верху, о чём мы, конечно, знать тогда не могли. На закрытом совещании 26 января 1990 г., посвящённом перспективе объединения Германии, Горбачёв сказал: «Был Брестский мир № 1, теперь мы в ситуации “Брестского мира” № 2. Если не справимся, нам грозит, что отхватят опять полстраны» [11, с. 309]. Если посмотреть на карту, то граница, до которой дошли немецкие войска летом 1918 г., почти полностью совпадает с современными западными рубежами России.

В той же речи Горбачёв заявил, что ситуация с ГДР принципиально отличается от отношений с другими соцстранами. Здесь «для нас есть ещё моральный фактор – реакция советского народа. Я бы поставил на то, чтобы выиграть возможно больше времени. Самое главное сейчас – растянуть процесс, какова бы ни была конечная цель (воссоединение). Надо, чтобы к этой цели привыкли и немцы, и Европа, и в СССР» [11, с. 310]. Тут советский лидер в очередной раз проявил характерную для него излишнюю осторожность – гражданам его страны на последнем году перестройки было уже совсем не до «привыкания» к объединённой Германии.

ГДР хотя бы в бытовом и потребительском плане для нас, советской молодёжи, являла собой образец иного социализма – не то чтобы с человеческим лицом, но с более симпатичным во всяком случае. Мы гонялись за журналами мод и пластинками группы «Пудис», был широкий студенческий и туристический обмен. Нежелание восточных немцев «поправлять» свой социализм, безоглядное бегство от него, разрушало наши иллюзии, веру в то, что мы справимся с валом проблем, которые подтачивали устой Советского Союза.

Гарантии торговой марки «made in Germany» распространялись даже на такой специфический товар, как общественный строй, и скоротечное завершение истории ГДР поставило крест на «социалистическом выборе» Горбачёва. Время бодрящих иллюзий к лету 1990 г. безвозвратно ушло. Эпилог истории ГДР, сопровождавшийся рефреном «слишком поздно», всего лишь на один год предвосхитил развитие событий в СССР.

Дальше становилось только хуже. Советские люди, с один момент превратившиеся в россиян, попали в такой водоворот, что не до Германии было, да и ностальгировать по ушедшей системе не приходилось – надо было выживать. Спасибо советской власти – она приучила нас к потребительскому минимализму и самообеспечению везде, где толь-

ко было можно. В какой то степени нас грело и то, что по отношению к нам немцы (и западные, и восточные) проявили завидную благодарность. Первые неустанно слали гуманитарную помощь (может быть, её хватало только для москвичей, точно сказать не могу), вторые (в отличие от тех же поляков или прибалтов) понимали, что мы не по своей воле были «связаны одной целью, скованы одной цепью», и не отказывали нам в сохранении своих личных симпатий.

Спустя три десятилетия ни нам, ни им не следует стыдиться того, что наши действия, открывшие собой современную историю, определялись не столько горячим сердцем, сколько убогим бытом (а у кого-то и пустым желудком). Я не соглашусь с теми, кто утверждает, что за прошедшие годы мы и немцы отдалились друг от друга. Общую историю невозможно переписать, какие бы намерения не скрывались за подобными попытками. Объединение Германии было делом и наших рук, пусть мы и немцы так и не слились в «новой исторической общности», не построили обещанный политиками «общеевропейский дом».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известия. – 1989. – 3 окт.

² Правда. – 1989. – 8 дек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М. : Новое издательство, 2007. – 348 с.
2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
4. Roslova G. Parteinahе ostdeutsche und sowjetische Presse und die Auflösung der DDR: die Widerspiegelung von Niedergang und Zusammenbruch der DDR im „Neuen Deutschland“ und einigen Bezirkszeitungen sowie in den sowjetischen Zeitungen „Prawda“ und „Izwestiya“ (September 1989 – März 1990). – Hamburg, 2018. – 304 S.
5. Черняев А. С. Совместный исход: Дневник двух эпох, 1972–1991 годы. – М. : РОССПЭН, 2010. – 1047 с.
6. Горбачёв М. С. Как это было. Объединение Германии. – М. : Вагриус, 1999. – 240 с.
7. Максимычев И. Ф. Падение Берлинской стены. Из записок советника-посланника посольства СССР в Берлине. – М. : Вече, 2011. – 352 с.
8. Плато А. фон Объединение Германии – борьба за Европу. – М. : РОССПЭН, 2007. – 511 с.
9. Грачев А. С. Горбачёв. – М. : Вагриус, 2001. – 445 с.
10. Ахтамзян А. А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. Очерки. – М. : Библос консалтинг, 2010. – 386 с.
11. Галкин А. А., Черняев А. С. Михаил Горбачёв и германский вопрос. Сборник документов. 1986–1991. – М. : Весь Мир, 2006. – 696 с.

Сведения об авторе

Ватлин Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Адрес для корреспонденции: 119192, Россия, Москва, Ломоносовский пр., 27, корп. 4

E-mail: vatlin_alex@mail.ru

Информация о статье

Дата поступления
8 декабря 2021 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Ватлин А. Ю. Процесс объединения Германии 1989–1990 гг. и реакция советской общественности // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 16–23. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).16-23.

A.Yu. Vatlin

GERMAN REUNIFICATION PROCESS IN 1989-1990 AND THE REACTION OF THE SOVIET PUBLIC

Based on the methodology of studying historical memory, the author analyzes personal and social reactions that the resolution of the German question and the unification of Germany in 1990 caused in the Soviet society of the perestroika era. The special attention is paid to the phenomenon of the GDR that for several generations of Soviet people was associated with the process when a part of the German nation has learnt the lesson from the tragedy of National Socialism.

The author traces the connection between Gorbachev`s reforms and his foreign policy initiatives with the transformation of the FRG image in the public consciousness, filling it with positive content. The article shows it from the author's personal experience who was in Bonn in the fall of 1989. This experience is compared with the dynamics of the German question assessments that dominated in the Soviet press at that time. While conservative newspapers continued to insist on the "threat of the GDR merge", the liberal press saw in those events the prospect of an early reunification of the German nation.

The event that became a watershed of the considered period was the opening of the Berlin Wall. Its symbolism went beyond the intra-German discourse, became a factor in revising the established dogmas about the "real socialism advantages" in the public opinion of the Soviet Union. This event could have become a mobilizing factor for Gorbachev`s foreign policy but after 1989 his policy lost its offensive nature, it is limited to tactical response to external challenges, without using the opening chances to consolidate the USSR`s new place in the international arena.

The proof of the parallelism of the internal political processes in the USSR and the GDR that became the basis, on the one hand, for the collapse of the Soviet Union, and on the other hand, for the reunification of all Germans in one state, took the central place in the article.

Keywords: German question; perestroika (restructuring); public opinion; historical memory; GDR; FRG; Gorbachev; Kohl.

REFERENCES

1. Khal'bvaks M. *Sotsial'nye ramki pamyati [Social framework of memory]*, Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007, 348 p. (in Russian).
2. Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovenniy zapas [Reserve Store]*, 2005, no. 2-3. (in Russian).
3. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, 328 p. (in Russian).
4. Roslova G. Parteinahе ostdeutsche und sowjetische Presse und die Auflösung der DDR: die Widerspiegelung von Niedergang und Zusammenbruch der DDR im „Neuen Deutschland“ und einigen Bezirkszeitungen sowie in den sowjetischen Zeitungen „Prawda“ und „Izvestija“ (September 1989 – März 1990), Hamburg, 2018, 304 p. (in German).
5. Chernyaev A.S. *Sovmestnyi iskhod: Dnevnik dvukh epokh, 1972-1991 gody [Joint Outcome: A Diary of Two Ages, 1972-1991]*, Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 1047 p. (in Russian).

6. Gorbachev M.S. *Kak eto bylo. Ob'edinenie Germanii* [As it was. Unification of Germany], Moscow, Vagrius Publ., 1999, 240 p. (in Russian).
7. Maksimychev I.F. *Padenie Berlinskoi steny. Iz zapisok sovetnika-poslannika posol'stva SSSR v Berline* [Fall of the Berlin Wall. From the notes of the Minister-Counselor of the USSR Embassy in Berlin], Moscow, Veche Publ., 2011, 352 p. (in Russian).
8. Plato A. fon *Ob'edinenie Germanii – bor'ba za Evropu* [German reunification – the struggle for Europe], Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, 511 p. (in Russian).
9. Grachev A.S. *Gorbachev* [Gorbachev], Moscow, Vagrius Publ., 2001, 445 p. (in Russian).
10. Akhtamzyan A.A. *Ob'edinenie Germanii. Obstoyatel'stva i posledstviya. Ocherki* [German reunification. Circumstances and Consequences. Essays], Moscow, Biblos Consulting Publ., 2010, 386 p. (in Russian).
11. Galkin A.A., Chernyaev A.S. *Mikhail Gorbachev i germanskii vopros. Sbornik dokumentov. 1986–1991* [Mikhail Gorbachev and German Issue. Collection of documents. 1986-1991], Moscow, Ves' Mir Publ., 2006, 696 p. (in Russian).

About the author

Aleksander Yu. Vatlin – Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Postal address: 27, build. 4, Lomonosovskii pr., Moscow, 119192, Russia

E-mail: vatlin_alex@mail.ru

Article info

Received
December 8, 2021

Accepted
October 15, 2022

For citations

Vatlin A.Yu. German Reunification Process in 1989-1990 and the Reaction of the Soviet Public. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 16-23. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).16-23 (in Russian).

Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 24–37.

УДК 94(571.1)«18–19»:656.01:656.025.2:656.62

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).24-37

И. И. Кротт, А. А. Любимов

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕРВИСНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК НА РЕЧНОМ ТРАНСПОРТЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В центре внимания данного исследования находятся вопросы организации сервисного обслуживания пассажирских перевозок на речном транспорте Западной Сибири в условиях трансформации социально-пространственных структур в результате инфраструктурной модернизации региона в конце XIX – начале XX в. Определены основные направления развития сервисной деятельности пароходных компаний в Западной Сибири, раскрыта роль конкуренции между ними, показаны ключевые изменения социокультурного пространства в сибирском локальном сообществе. Сделан вывод о том, что качество и культура сервисного обслуживания пассажирских перевозок были объектом особого внимания западносибирских пароходств. Исследование строится на сочетании макроаналитических стратегий и микроисторического подхода. Методологической основой работы выступают выводы о «фронтирной модели» модернизации Сибири, особенностью которой является осуществление модернизационных изменений в условиях продолжающегося освоения территорий.

Ключевые слова: речной транспорт; пароходные компании; пассажирские перевозки; Западная Сибирь; социальное пространство; сервисная деятельность; социокультурные изменения.

Изучение истории транспортного освоения территории России имеет особое значение и актуальность. Транспорт и пути сообщения выполняют важные социально-экономические и политические функции, интегрируя регионы и отрасли экономики в единый комплекс. От состояния транспортного сообщения в значительной степени зависят темпы, характер, перспективы и возможности социально-экономического развития территорий.

Развитие речного транспорта в Западной Сибири было востребовано исторической ситуацией. В «дожелезнодорожную эпоху» он оказывал исключительно важное влияние на экономическое и социальное развитие сибирских городов. Коммерческая эксплуатация водных путей стимулировала рост торгово-промышленной активности сибирских городов, вызывала изменения в социальной структуре их населения, способствовала ут-

верждению индустриальной экспансии в системе водных перевозок и эксплуатации речного транспорта, актуализировала новые модели социально-пространственных перемещений различных групп населения в рамках локального сообщества.

Важным аспектом, характеризующим функционирование речного транспорта Западной Сибири, является проблема развития сервисного обслуживания пассажиров. В условиях изменений в региональной экономике, которые наблюдаются во второй половине XIX – начале XX в., актуализируется значимость организационного переустройства водного транспорта, его технического и технологического переоснащения, повышение качества сервисной деятельности. Конкурентоспособность пароходных фирм и компаний в этот период проявлялась уже не столько и не только в усовершенствовании технических и эксплуатационных характеристик

речного флота, сколько в рациональной организации самого процесса перевозок, повышении качества и культуры обслуживания клиентов.

В связи с этим несомненный интерес вызывает изучение опыта, имеющихся практик, которые были характерны для пароходных компаний восточных окраин России позднимперского периода. Известно, что Западная Сибирь в результате строительства железной дороги и в условиях миграционной волны в конце XIX – начале XX вв. переживала процесс трансформации социально-пространственных и экономических структур. Пароходные фирмы и компании вынуждены были реагировать на «новые вызовы», учитывать в своей деятельности сложившиеся экономические и социокультурные условия.

Проблематика, связанная с историей речного транспорта в Сибири, его влиянием на хозяйственно-экономическое освоение обширных пространств региона, достаточно хорошо изучена в российской и региональной историографии. С конца XIX в. и до 1950-х гг. историей развития пароходства в регионе занимались очевидцы событий (купцы, чиновники, инженеры, представители научных, деловых, журналистских кругов) и только во второй половине XX в. появляются коллективы профессиональных историков [1, с. 25–26, 32, 36, 38; 7; 8, с. 3, 6–7, 12, 16; 17, с. 4, 6, 12, 27, 28; 18, с. 67–68; 19, с. 1, 2, 8; 24; 28, с. 666–672; 31, с. 18; 32, с. 2–5, 7–9, 28–30, 34–35]. Именно в этот период вышли научные публикации, посвящённые речному транспорту Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Они содержали информацию о численности пароходных компаний, технической оснащённости их флота, системе организации перевозок грузов и пассажиров, взаимодействию речного транспорта с другими видами путей сообщения [2, с. 96; 3, с. 16–24; 4, с. 123–143; 5, с. 190; 6, с. 70–82; 13; 26, с. 195–201; 203, 205, 209; 30, с. 133–145].

С 1950-х гг. складывается сообщество профессиональных историков, активно занимающихся социальной историей пароходства в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: социальным составом, условиями труда, уровнем образования речников [5, с. 190; 27, с. 193; 29, с. 92–94].

Для современной историографической ситуации характерно появление работ, посвящённых деятельности отдельных пароходных компаний в регионе, их организационной структуре, основным направлениям и результатам коммерческой деятельности. Активно работающими авторами в данном направлении являются А. Г. Киселёв, А. А. Любимов, О. А. Задорожня [14, с. 31–36; 15, с. 85–99; 20, с. 124–135; 21, с. 51–62; 22, с. 102–148; 23, с. 124–142; 9, с. 134–144; 10, с. 50–58; 11; 12, с. 155–169]. Таким образом, современными исследователями сделан значительный шаг в разработке проблемы организации коммерческой деятельности пароходных компаний Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв., накоплен обширный документальный и фактический материал.

Но следует обратить внимание, что сегодня нуждается в продолжении работа по изучению портово-пристанного хозяйства, сервисной деятельности пароходных компаний. Исследователям только предстоит всестороннее изучить механизмы, с помощью которых речной транспорт изменял социокультурное пространство локального сибирского сообщества. Поэтому цель данного исследования – выявить и раскрыть особенности организации сервисного обслуживания пассажирских перевозок на речном транспорте Западной Сибири в условиях трансформации социально-пространственных структур в рамках инфраструктурной модернизации региона в конце XIX – начале XX в.

Данное исследование основывается на использовании широкого корпуса исторических источников, включающего как опубликованные, так и архивные документы. Методологической основой работы выступают положения теории модернизации, в частности, выводы о «фронтальной модели» модернизации Сибири, особенностью которой является осуществление модернизационных процессов в условиях продолжающегося освоения территорий [25, с. 37]. Эти положения очень важны для осмысления роли транспорта, в том числе речного, в модернизации экономического и социокультурного пространства Сибири в конце XIX – начале XX вв. Кроме того, следует подчеркнуть, что социо-

культурная методология работы предполагает раскрытие сферы взаимодействия культуры и социальных отношений, фокусируя внимание на области их взаимовлияния. Многофакторность модернизационной парадигмы наиболее очевидно проявляется тогда, когда предмет исследования «синтетический», в котором заложено взаимодействие, взаимовлияние и взаимозависимость разнохарактерных процессов.

На протяжении долгого времени сибирский «транспортный мир» характеризовался жесточайшей конкуренцией компаний, фирм, организаций, частных предпринимателей в производстве и сбыте своей продукции – перевозок. Борьба за пассажиров и грузовладельцев велась не только между видами транспорта, но и внутри них. Речной транспорт Западной Сибири также не был исключением. В системе водных перевозок региона происходило жёсткое соперничество между различными пароходными фирмами за получение прибыли в сфере перевозки грузов и пассажиров.

В условиях «новой Сибири», Сибири конца XIX – начала XX вв., совокупность услуг, связанных с перевозкой становится основным условием конкурентоспособности транспортных компаний. В эту совокупность входило обслуживание клиентов до поездки, во время поездки, а также после неё. При этом каждая из этих составляющих этапного обслуживания могла сыграть решающую роль в выборе вида транспорта. Важным аспектом организации перевозок являлась сервисная составляющая. В контексте речных перевозок под сервисной деятельностью мы понимаем хозяйственную активность, в которую вовлечены две основные стороны: пароходная компания, как специализированная структура, предоставляющая услуги по перевозке пассажиров и грузов, и потребители услуг (пассажиры, грузоотправители, грузополучатели), которые через рыночный обмен желают получить конкретные блага с учётом своих потребностей.

Понятие сервисной деятельности на транспорте, в том числе и водном, кроме чисто хозяйственно-экономических характеристик включает в себя такие аспекты и направления, которые расширяют его до многопланового экономического, социокультур-

ного феномена. Эту многозначность, по сути, хозяйственному механизму сообщают потребитель и окружающая среда. Интересы, эмоции, ценностные ориентации потребителя привносят в сервисную деятельность во многом не экономические характеристики. А социокультурные и экономические условия ограничивают социальное пространство.

В совокупности основу сервисной деятельности на речном транспорте составляют:

- организация обслуживания пассажиров на речных пристанях и портах, на пароходах;
- создание вспомогательных предприятий по обслуживанию клиентов;
- модернизация материально-технической базы речного транспорта в той её части, которая связана с обслуживанием клиентов;
- различные формы обслуживания грузоперевозчиков.

С развитием речного транспорта исследователи связывают появление стереотипа «утилизации времени», изменение художественно-эстетического облика сибирских населённых пунктов, трансформацию социокультурного пространства городов, усиление темпов урбанизации региона [14, с. 31].

Оценить качество и культуру сервисного обслуживания пассажирских перевозок можно, определив эффективность предоставляемой услуги и уровень культуры обслуживания при её оказании. Основными показателями качества оказанной транспортной услуги для изучаемого периода являлись скорость, безопасность, комфортность, удобство, доступность, уровень культуры – моральное и эстетическое удовлетворение клиента.

До начала 1890-х гг. условия перевозки пассажиров на паровых судах, курсирующих по рекам Западной Сибири, были довольно экстремальными. Характеризуя возможности водных путешествий по территории Западной Сибири, Ф. Н. Белявский отмечал: «перевозки пассажиров и в настоящее время далеко нельзя назвать удовлетворительными», пароходчики, основной доход которым приносили грузы, мало заботились об удобствах и комфорте для пассажиров¹. Проезд пассажиров на пароходах по западносибирским рекам не предусматривал какого-либо комфорта. Их размещали прямо на палубах рядом с лошадьми и коровами, в каютах перво-

го класса имелись только лавки для сидения. Условия длительных плаваний были весьма сложные и сопровождались риском массовых заболеваний. Мытарства, голод и опасность быть высаженным на берег – при нередких поломках на судах – сопровождали путников на грузопассажирских рейсах, организованных крупными пароходными компаниями в данный период. Особенно это было показательно на линии Тюмень-Томск, самой популярной и загруженной. Отсутствовали самые минимальные условия для удачной перевозки пассажиров. «Пароход был битком набит пассажирами разных полов, возрастов и званий... Холодный северный ветер с дождём пронизывал всех насквозь. Искры от пароходной трубы обжигали головы и руки... бутылка из-под сельтерской воды со вставленным в неё салным огарком – это освещение...»². Так, непростые условия перевозки пассажиров усугублялись ещё и длительностью путешествий. Поездка на пассажирском пароходе от Тюмени до Томска занимала в среднем 12–18 дней, грузы преодолевали этот путь за месяц³. Одним из недостатков речных перевозок оставался короткий срок навигации, который, как правило, продолжался от 90 до 100 дней. Иногда из-за ранних морозов реки покрывались льдом, прекращая всяческое движение по воде. Так, известны факты, когда пароход «Ермак» замёрз около Сургута, а паровое судно «Основа» не дошло 200 вёрст до Томска.

С 1870-х гг. государство начало вводить специальные договоры с пониженными льготными тарифами для компаний, осуществлявших пассажирские перевозки. Поэтому владельцы пароходных компаний брали на борт как можно больше людей, набивая их в трюмы. Некоторым пассажирам приходилось осуществлять поездку даже стоя. Несмотря на такие условия, количество пассажиров, решивших воспользоваться речным транспортом, постоянно росло. Если в 1838–1849 гг. через Тюмень из европейской части в Сибирь на пароходах и баржах перевезли около 4,5 тыс. пассажиров, то за 1852–1861 гг. – уже 25 тыс.⁴

В изучаемый период в наиболее некомфортных условиях, происходила транспортировка арестантов. С 1864 г. по распоряжению правительства пароходная перевозка ссыль-

ных была признана более экономичной по сравнению с гужевой. В связи с этим отмечалась существенная плотность ссыльных перевозимых на одном небольшом пароходе. Условия перевозки были сравнимы «с перевозкой скота». В результате каждый прибывший с арестантской баржей пароход привозил с собой несколько десятков жертв. Единственным «удобством», как со злой иронией отмечала сибирская газета «Степной край», было такое: «...сделано чрезвычайно важное для простого народа нововведение: при партии следовал священник, так что умиравшие были напутствуемы исповедью и св. причащением, покойники были отпеваемы и вообще переселенцы могли отправлять в пути все требы, что для многих из них служило, конечно, большим утешением и поддержкой. Священник приглашён компанией пароходства и получает полтора рубля суточных...»⁵.

Аналогичная картина отмечалась чуть позже в связи с перевозкой переселенцев. Так, в 1894 г. «Сибирский вестник» сообщил о том, что П. Я. Смороденников взялся доставить до Павлодара своим пароходом «Александр» около 1 500 переселенцев. Переселенцы, которых перевозили на 2 баржах, особенно переселенческие дети, хворали и умирали дорогой «в довольно большом количестве». Пароходчика критиковали за отсутствие, каких бы то ни было гигиенических и санитарных забот об этом «живом грузе», из-за чего «болезни на баржах с переселенцами развились до ужасных размеров». На попутных пристанях от Тобольска до Омска пришлось похоронить 52 человека, умерших от тифа, скарлатины и кори⁶.

Важным этапом в развитии речной системы Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. было появление первых пароходов, ориентированных только на перевозку пассажиров.

На рубеже XIX–XX вв. в связи с ростом переселенческого движения, расширением транспортного освоения территории, развитием экономики сибирских регионов, деловых коммуникаций происходило совершенствование организации водных перевозок и сервисного обслуживания пассажиров. Пассажирские перевозки стали приносить доход и поэтому многие крупные пароход-

ные компании стали уделять данному виду перевозок большое внимание.

В 1892 г. Е. И. Мельникова, купчиха 2-й гильдии заказала специальный небольшой пассажирский пароход «Кормилец». Мощность его паровой машины «Compaund» составляла 200 л. с. Судно предназначалось только для перевозки пассажиров. До этого все пароходы возили грузы, а пассажиров только попутно. Здесь мы видим начало определённой специализации паровых судов Западной Сибири, в соответствии с конкретной сервисной задачей – перевозкой пассажиров. Таким образом, частной пароходной компанией «Обское пароходство Е. И. Мельниковой» был дан определённый импульс для дальнейшего распространения пассажирских пароходов в Обь-Иртышском бассейне⁷.

Первый пароход купчихи Е. И. Мельниковой «Кормилец» 20 июня 1893 г. отправился в свой первый рейс по маршруту Тюмень – Томск, двигаясь со скоростью 20 вёрст в час. В носовой части пароход был оборудован салоном и каютами I класса, а в кормовой – каютами II класса и общим залом для пассажиров III класса. Затем судно было перестроено в двухэтажное с улучшенной планировкой. Путешествие на пароходе «Кормилец» в среднем сократилось до 6 суток вместо 12–17 суток. Первый пассажирский пароход был способен перевозить до 19 человек в каютах I класса, до 19 человек в каютах второго II и до 95 человек в III классе. Также 25 человек составлял экипаж судовой команды⁸.

В течение нескольких лет пароходная компания Е. И. Мельниковой пополнила свою флотилию ещё рядом достаточно крупных пароходов: «Богатырь», «Волшебник», «Горный Инженер Воронцов», «Братья Мельниковы», «Двигатель», «Воткинский Завод», «Дедушка», «Покорный», «Сибиряк», «Инженер-Механик Гуллет». Каждый из пароходов отличался внутренней отделкой. Все пароходы были построены по лучшим образцам, располагая всеми необходимыми условиями для безопасной и удобной перевозки пассажиров. Новые пароходы уже были двухпалубными в соответствии с американским образцом судов с каютами разных классов. Совершенствовалось и сервисное обслуживание пассажиров. Для пассажиров

I и II класса предусматривались отдельные каюты, для публики III класса – «совершенное» закрытое помещение» на палубе⁹.

Организация питания являлась одним из существенных элементов в сфере услуг на речном транспорте. Питание пассажиров на пароходах осуществлялось через специальные торговые точки – буфеты, где приобретались необходимые продукты. Буфеты предоставляли разнообразное меню блюд и продуктов для пассажиров. В частности меню в буфетах пароходства Е. И. Мельниковой было представлено от закусок и бутербродов до горячих блюд. Самым дорогим блюдом из «горячего» была уха из стерляди, стоимостью 80 коп. Пассажиры, желающие отведать дешёвое по стоимости блюдо, могли купить консоме с гренками за 25 коп. Цена на «холодные» блюда варьировалась от 50 до 90 коп. В долгих рейсах в первые дни пассажиры активно заказывали рыбные блюда за 85 коп. В жаркие дни покупались лёгкие салаты, закуски и бутерброды. По цене они могли быть доступны пассажирам всех классов. Кроме блюд, из предоставляемого пассажирам меню, можно было по соглашению с буфетчиками заказать различные кушанья и напитки за дополнительную плату. Пассажирам приходилось платить абсолютно за все продукты, даже за горячую воду. Так, за горячую воду для чая нужно было заплатить 5 коп., за воду в своей кружке 3 коп. Однако некоторым категориям граждан горячая вода отпускалась бесплатно. К ним относились солдаты, переселенцы, а также по требованию командира – бедные и больные пассажиры из III класса¹⁰.

Определённое внимание пароходовладельцы стали уделять и личной гигиене пассажиров. На всех пароходах в каждой отдельной каюте были умывальники. Для купанья пассажиров были предназначены души и ванны. В салонах I класса размещалась библиотека с постоянно свежими журналами и газетами, находилось пианино. Им можно было воспользоваться с 11 ч утра до 22 ч вечера. Так, пассажиры могли расширить свой кругозор, удовлетворить потребности в получении информации. На всех пароходах имелись электрические вентиляторы, электрическое освещение, паровое отопление. Также была налажена процедура покупки билетов и об-

ращения за информацией о маршрутах следования и условиях организации поездки. За справками и билетами можно было обращаться в контору пароходства в г. Томске.

Ежегодно пароходство Е. И. Мельниковой выпускало книжки с расписанием пароходов, в которых была отражена следующая информация: пассажирская и багажная такса, расписание прихода и отхода пароходов, железнодорожное расписание и много других полезных сведений. Также данная информация тиражировалась в региональной периодической печати. Движение пассажирских пароходов по каждому направлению было организовано в строго отведённые дни. Так, из Томска в Бийск осуществлялось два рейса в неделю. Пассажиры, благодаря отлаженным рейсам и достоверной информации, знали все возможные пересадочные пункты, время остановок, время прибытия и т. д.

Таким образом, положив начало пассажирскому сообщению по рекам Западной Сибири, пароходство семейства Мельниковых сразу зарекомендовало себя как грамотный организатор пассажирских перевозок. Установив правильное срочное пароходство и отрегулировав удобное сообщение в регионе, при умеренных фрахтовых ценах, пароходство Е. И. Мельниковой имело возможность перевозить помимо всякого рода грузов большое количество пассажиров.

Успешность пассажирских перевозок данной пароходной компании была связана, в-первую очередь, с чёткой дисциплиной для всех участников речного сообщения. Пароходством Е. И. Мельниковой были разработаны правила, которые содержали всю необходимую информацию, как для пассажиров, так и для состава пароходной команды. В своде правил был прописан распорядок всего рейса с момента покупки пассажирами билета до прибытия к месту назначения.

На пароходном предприятии Е. И. Мельниковой действовала система скидок для некоторых категорий граждан. Для любого взрослого пассажира с багажом плата взималась по пассажирской таксе, согласно выбранному классу. Перевозка детей младше 2-х лет осуществлялась бесплатно, при условии, если они не занимали отдельного места, за детей от 2-х до 8-ми лет платили половину пассажирской таксы соответствующего клас-

са. Чтобы не возникало споров относительно возраста детей, назначались специальные люди ответственные за его определение. На пароходах возраст определял командир или его заместитель, на пристанях – агент.

Особое положение занимала перевозка воинского офицерского состава. Для офицеров и членов их семейств, следующих по служебным надобностям, а также за их багаж предполагалась скидка за проезд 25 %. Учащимся (школьникам и студентам) предоставлялась скидка 20 % с пассажирской таксы I и II классов, если они предъявят в кассу при получении билета и в пути при контроле соответствующее удостоверение личности.

Билеты для разных классов сильно отличались по цене. Так, билет по маршруту от Томска до Бийска для пассажиров III класса стоил 7 руб. 70 коп. Для II класса он был в два раза дороже и стоил 15 руб. 40 коп. Для пассажиров, желающих ехать в улучшенных условиях, цена за билет I класса составляла 19 руб. 25 коп. Приблизительно в таком же размере были цены билетов по другим маршрутам¹¹.

В помещениях для пассажиров запрещалось перевозить домашних животных, особенно собак. По усмотрению командира парохода, допускалась возможность перевозки собак, но только под наблюдением хозяина или особого провожающего. Отдельное кормление не предусматривалось, а плата за перевозку приравнивалась как за 2 пуд. багажа. Каждому пассажиру разрешалось иметь при себе бесплатную подушку и саквояж весом не более 30 фунтов. Остальные вещи сдавались в багаж с уплатой по таксе. При этом за багаж, хранящийся на руках пассажиров, пароходство не отвечало. Регламентировались вопросы безбилетного проезда пассажиров. Лица, не предъявившие свои билеты при контроле, должны были взять их у начальника пункта, с уплатой вдвое дороже обычной пассажирской таксы. Все пассажиры были обязаны занимать места согласно взятым ими билетами. Однако у них имелась возможность смены места во время рейса. Переход из низшего класса обслуживания в высший допускался правилами перевозки, но после внесения соответствующей доплаты.

Пароходными компаниями прилагались усилия для того, чтобы обеспечить комфорт-

ность и удобство для пассажиров с точки зрения медицинского обслуживания. Для экстренных случаев на всех пароходах были аптечки, которыми пассажиры могли воспользоваться бесплатно.

Пароходство отвечало за безопасность пассажиров во время путешествия. Для этого существовал печень действий, которые запрещались пассажирам во время рейса. Так, «никто из пассажиров, не взирая на чин и звание, не вправе вмешиваться в управление пароходом; пассажирам воспрещается обращаться с разговорами к лицам, занятым управлением пароходом; входить в машинное и котловое отделения, в штурвальную рубку и вахтенный мостик; азартные игры на пароходах запрещаются; в целях предупреждения возможности пожаров при курении табака с папиросами или сигаретами по пароходу не ходить, окурки класть в пепельницы или предназначенные для них кадки с водой; запрещается бросать окурки на палубу и борт парохода»¹². В целях предупреждения возможности пожаров запрещалось зажигать спиртные, бензиновые, керосиновые и др. лампочки, портить пароходное имущество: стены, двери, окна, умывальники и др. Если такие факты были, виновники должны были уплатить стоимость испорченной вещи.

Обратим внимание, что для рубежа XIX–XX вв. условия, которые создавала компания «Обское пароходство Е. И. Мельниковой», считались не только одними из лучших в западносибирском регионе, но и во всей России. Перевозки пассажиров приносили немалые доходы компании. Поэтому успехи пароходства Е. И. Мельниковой побуждали владельцев других пароходных компаний заняться оказанием услуг по перевозке пассажиров. Это стимулировало начало конкуренции за перевозку пассажиров. Помимо увеличения флота, пароходные компании старались повышать уровень культуры и качества осуществляемых водных перевозок.

Торговый дом «И. Н. Корнилова Наследники», который имел собственную судоверфь с ремонтными мастерскими в Тюмени, понимая перспективность пассажирских перевозок, также модернизировал свои пароходы. Имея влияние и «накатанный» маршрут по линии Тюмень–Томск, компания в 1910 г. вводит новый маршрут в Семипалатинск

с остановками на всех попутных пристанях. Для этой цели провели реконструкцию парохода «Отец», который был перестроен в пассажирское двухэтажное судно. Для удобства пассажиров на судне имелись вентиляция, отопление, освещение, столовая, буфет, библиотека, комната отдыха с пианино, аптека, ванны и душевые комнаты¹³.

Примеру купчихи Е. И. Мельниковой последовал и томский купец 2-й гильдии В. Е. Едельштейн, построив пассажирский пароход «Любимец». С 1899 г. начал плавать ещё его один двухэтажный пароход – «Евгений», сделанный по американскому образцу с роскошной отделкой салона и столовых. Пароход «Любимец» был способен перевозить до 14 человек в каютах I класса, до 36 человек в каютах второго II и до 300 человек в каютах III класса. Также 28 человек составлял экипаж судовой команды¹⁴.

Стоит отдельно отметить удобства парохода «Евгений», принадлежавшего В. Е. Едельштейну. Судно имело изолированные товарные и пассажирские помещения. На втором этаже судна располагались каюты I и II классов, на первом – III класса. В носовой части парохода находились роскошный салон и столовая для пассажиров I класса, а в кормовой – столовая для II класса.

В 1870 г. на воду спустили пароход «Рейтерн» мощностью двигателя 120 л.с. Руководителем компании «Товарищество Колчина и Игнатова», к которой было приписано судно, являлся известный предприниматель И. И. Игнатов. Этот пароход можно охарактеризовать как одно из самых мощных судов того времени. Рейс между Томском и Тюменью он осуществлял всего за 8 суток¹⁵. Несмотря на быстроту оказания услуг данной пароходной компанией, их качество было не на самом высоком уровне. Так, прослеживалась неготовность фирмы составлять конкуренцию другим крупным компаниям, ориентированным на перевозку пассажиров.

Наиболее полную информацию о путешествиях на данном пароходе можно извлечь из воспоминаний русского писателя К. М. Станюковича, который на «Рейтерне» осуществлял рейс из Томска в Тюмень. Писатель отмечает, что данный пароход отличался чистотой и порядком: «Не особенно изящно скроенный, но крепко сшитый, он сиял чисто-

той. Всё было подкрашено и подчищено. Довольно вместительные семейные каюты были прибраны с особенною тщательностью, и на диванах белели новые коленкоровые чехлы. Лоцмана, матросы и официанты щеголяли свежими костюмами... Палубу подметали часто, слишком даже часто, в ущерб спокойствию палубных пассажиров»¹⁶.

По оценке писателя, сибирские пароходы никогда не отличались порядком, удобствами и чистотой. Но данный рейс был особым: в числе пассажиров находился новый генерал-губернатор Восточной Сибири, граф Игнатьев¹⁷.

В то же время стоит отметить и некоторые неудобства, с которыми столкнулись пассажиры парохода. Тот же К. М. Станюкович отмечал, что цены на еду в буфете были высокими: «Пароход отправлялся в два часа ночи. В десятом часу мы уже были на пароходе и уложили детей спать. Наш добрый гений, спутник-сибиряк, советовал мне запастись кое-какою провизией на дорогу и, главное, хлебом, так как на пароходе все дорого, а иногда и просто бывает нельзя достать».

Жизнь на пароходе К. М. Станюковичем охарактеризована как скучная. «На десятый день мы вошли в Томь. До Томска уже было недалеко. Пассажиры обрадовались: так надоели им однообразное плаванье и обычная пароходная жизнь; всем, как Колумбовым спутникам, хотелось “берега”».

Также проблемы возникали и по прибытию пассажиров. «Уже пристань была в виду, как наш пароход стал на мель. Провозившись с добрый час, сгрузили часть груза на подошедшие лодки, и только тогда снова двинулись и наконец, подошли к пристани»¹⁸.

В Обь-Иртышском бассейне в начале XX в. довольно широкое распространение получили двухэтажные товарно-пассажирские суда. Так, в 1904 г. омская публика с восторгом встретила первый комфортабельный 360-сильный пароход американской конструкции «Н. Сухотин». Судно имело изолированные товарное и пассажирское помещения, комфортабельные каюты I (в носовой части) и II (на корме) классов, залы для пассажиров III класса располагались на первом этаже палубы. В трюмах таких пароходов во время рейсов хранились грузы и пассажирский багаж. В то же время специаль-

ных пассажирских причалов не существовало. Обычно там, где перерабатывались грузы и осуществляли высадку и посадку пассажиров. Только в 1917 г. в устье р. Оми был установлен двухэтажный пассажирский дебаркадер [23, с. 130].

Тем не менее, пароходные фирмы продолжали совершенствовать организацию сервисного обслуживания пассажиров. Так, больших успехов в обслуживании пассажиров достигла пароходная компания «М. Плотников и сыновья». Шесть пароходов к 1912 г. были построены на судовых верфях принадлежащих семье Плотниковых.

Разница в путешествии на пароходе по билетам I, II и III класса была весьма существенной. Как правило, каюты I класса были двухместными (с двухъярусной кроватью), каюты II класса – четырёхместными. Каюты подразделялись на мужские, дамские и отдельные. Сама каюта была небольшой, с узкой дверью, из всех удобств имелся умывальник. Пассажир I класса мог выкупить оба билета и наслаждаться путешествием в одиночестве. На двухпалубных речных пароходах каюты I и II классов помещались обыкновенно на верхней палубе, ближе к центру судна – здесь меньше был слышен шум машины и колёс. Многие пароходы были буксирно-пассажирскими (так как буксировали в пути баржу). Шли они медленно и довольно долго стояли на больших пристанях. Можно было сойти с парохода, прогуляться, осмотреть населённый пункт. Как и большинство пассажирских судов начала XX в., пароходы компании освещались электричеством, а каюты I и II классов в холодное время отапливались паром. На пароходах были буфеты, где можно было пообедать, и библиотека, предоставлявшая возможность читать книги и свежие газеты. О комфорте для пассажиров III класса говорить не приходится, помещались они на палубе под тентом. Впрочем, не все пассажиры III класса путешествовали по несколько дней. Кстати, и пассажиры I и II классов большую часть дня, если погода была хорошей, старались проводить на палубе, а не в душной каюте¹⁹.

Кроме того, от Бийска до Барнаула можно было дважды в неделю отправиться на пароходах Е. И. Мельниковой и В. Е. Едельштейна. Интересно, что цена билета на реч-

ной транспорт от Бийска до Томска в 1901 г. составляла: в каютах 1-го класса – 9 руб. 30 коп., 2 класса – 8 руб., 3-го класса – 4 руб. 80 коп. Продолжительность рейса составляла 4 суток 4 часа²⁰.

При движении речных судов случались задержки. Пароход мог застрять на мели или надолго остановиться у переката, ожидая прохода каравана.

Интенсивность пассажирского движения судов по рекам Обь-Иртышского бассейна в рассматриваемый период была относительно невысокой. На маршрутах до Томска раз в неделю строго по расписанию ходили комфортабельные пароходы ряда компаний: «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли» и судоходства Трапезникова, Корнилова и Плотникова. Другие суда расписания не придерживались, курсируя как «Бог на душу положит». Обычная плата за проезд в каюте 1-го класса между Томском и Тюменью, расстоянием в 2 173 версты, была 15 руб. У Трапезникова «элитные» места стоили 18 руб., на пароходах Курбатова брали по 22 руб. Пассажиры 2-го класса, как правило, путешествовали за 10 руб. Дорога до Тобольска, 1 770 вёрст, стоила чуть меньше – 11 руб. по высшему разряду. За каждый провоз пуда багажа взималось 60 коп.²¹

Комфортабельные пароходы «Товарищества Курбатова и Игнатова» отправлялись из Тюмени в Томск каждое воскресенье и уже в среду следующей недели прибывали в Томск. Каюты в холодное время отапливались паром, пассажирам предлагались «кушанья и напитки по таксе», они же обеспечивались в пути газетами и журналами.

Частыми были аварии и гибель не только самих судов, но и находившихся на них членов экипажей и пассажиров. В 1883 г., например, произошёл взрыв на буксире «Ермак». Ко дну пошли не только груз и само судно, но и многие члены команды и пассажиры. А 9 сентября 1895 г. у парохода Трапезникова «Дельфин» с 200 пассажирами на борту в 10 вёрстах от с. Александровского на Оби, оторвавшимся шатуном паровой машины в трёх местах пробило днище²². 30 августа 1900 г. в Барнауле произошёл взрыв парового котла на пароходе «Евгений», принадлежавшем томскому купцу В. Е. Едельштейну.

Погибли 43 человека, в том числе и владелец судна. Около Бердска затонул пароход «Воронцов», близ Новониколаевска пошёл ко дну пароход «Дедушка»²³.

Большинство аварий происходило по вине судовых команд, чуть меньше из-за ветхости судов и некачественного их ремонта. Природные особенности региона также вмешивались в перевозки: туманы, штормы, ледоходы были нередким явлением.

Таким образом, в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. большинство крупных пароходных компаний начинают специализироваться в своей деятельности на обслуживании пассажиров. В данный период наиболее успешными компаниями, оказывавшими транспортные услуги в Обь-Иртышском бассейне, были фирмы Е. И. Мельниковой, В. Е. Едельштейна, И. И. Игнатова, пароходная компания «М. Плотников и сыновья», «Товарищество Курбатова и Игнатова», «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли» и др.

Для привлечения пассажиров компании старались уделить внимание всем направлениям сервисного обслуживания. Основными показателями эффективности оказанной услуги в этот период были такие параметры, как быстрота, комфортность, удобство, доступность и безопасность. Большинство пароходов представляли собой двухэтажные, комфортабельные товарно-пассажирские суда американского типа с каютами разных классов. Пароходы оборудовались специальными помещениями для нахождения пассажиров во время поездки – каютами. Класс и уровень комфортабельности каюты предоставленной пассажирам зависел от их социального статуса и дохода. На пароходах состоятельные пассажиры обеспечивались широким спектром услуг, в том числе, связанным с организацией их питания и удовлетворением санитарно-гигиенических и культурных потребностей.

Определённая работа велась пароходными конторами по продвижению своих фирм на рынке водных перевозок и привлечению пассажиров к поездкам. В портах и на пристанях клиенты могли ознакомиться с маршрутными картами, ценами на билеты и т. п. Большое количество информации тиражировалось в периодических изданиях. Рекламные новшества были непременно

атрибутом «нового времени» и предпринимательской активности пароходств. В итоге качество и культура сервисного обслуживания пассажирских перевозок, как составляющие профессиональной деятельности, были объектом особого внимания западно-сибирских пароходств. Основная причина такого рыночного поведения – конкуренция, которая ставила пароходные компании перед необходимостью поиска оптимального рыночного сегмента, маневрирования ценами, политики скидок, а в итоге переводила отношения пароходной компании в новое качество и рационализировала мировоззрение владельца-предпринимателя. Достижение высокого уровня оказываемых услуг для большинства пароходных компаний в рассматриваемый период времени становится первоочередной задачей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семёнова и под общ. рук. П. П. Семёнова и академика В. И. Ламанского. – СПб., 1907. – Т. 16. Западная Сибирь. – С. 365–366.

² Тобольские губернские новости. – Тобольск. – 1883. – № 33.

³ Ефременко Е. А., Ермачкова Е. П. Становление западносибирского речного пароходства [Электронный ресурс]. – URL: <http://zkm-nasledie.ru/arkhiv/2-uncategorised/422-stanovlenie-zapadnosibirskogo-rechnogo-parokhodstva.html> (дата обращения: 14.09.2022).

⁴ С рельсовых колёс – на плиты // История промышленности Новосибирска : [ист. очерки : в 5 т.]. – Новосибирск : Издат. дом «Историческое наследие Сибири», 2004. – URL: <http://bsk.nios.ru/content/na-rubezhe-vekov.html> (дата обращения: 14.09.2022)

⁵ Степной край. – Омск, 1895. – № 47.

⁶ Восточное обозрение. – Иркутск, 1894. – № 59.

⁷ Паровое судоходство по рекам Западной Сибири [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elib.tomsk.ru/page/8600/> (дата обращения: 14.09.2022).

⁸ Зачинатель пассажирского пароходства Сибири [Электронный ресурс]. – URL: <https://храни>

телиродины.рф/Article/?id=34399 (дата обращения: 14.09.2022); Пароходство [Электронный ресурс]. – URL: <http://flot55.ru/pages/-19-ot-2-pojabrja-2011> (дата обращения: 14.09.2022); Пароход Совнарком [Электронный ресурс]. – URL: <http://sea-transport.ru/parahodi/787-parokhod-sovnarkom.html> (дата обращения: 14.09.2022).

⁹ Паровое судоходство по рекам Западной Сибири [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elib.tomsk.ru/page/8600/> (дата обращения: 14.09.2022).

¹⁰ Первое легкопассажирское пароходство по р. р. Западной Сибири Е. И. Мельниковой : расписание движения пароходов. 1915 г. – Томск : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», [1915]. – 105, [3] с. : ил. – Из частной коллекции Э. К. Майданюка [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-6765/> (дата обращения: 14.09.2022).

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 14.

¹³ Омский телеграф. – Омск, 1910. – № 89, 99.

¹⁴ Товаро-пассажирский пароход «Любимец» мощностью 220 и.л.с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://russrivership.ru/public/files/doc1589.pdf> (дата обращения: 14.09.2022).

¹⁵ Башкирева Т. Ю. Первые пароходные компании Обь-Иртышского бассейна // Омский научный вестник. – 2008. – № 4. – С. 29.

¹⁶ Станюкович К. М. В далёкие края // Собр. соч. в 10 т. – М. : Правда, 1977. – Т. 1. – С. 30.

¹⁷ Станюкович К. М. В далёкие края [Электронный ресурс]. – URL: <https://iknigi.net/avtor-konstantin-stanyukovich/26770-v-dalekie-kraja-konstantin-stanyukovich/read/page-7.html> (дата обращения: 14.09.2022).

¹⁸ Станюкович К. М. В далёкие края. Т. 1. С. 38.

¹⁹ Вятка. Билет 3-го класса пароходства Тырышкина, 1894 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://tornado-84.livejournal.com/274552.html> (дата обращения: 14.09.2022).

²⁰ Как это было: бийские речные теплоходы [Электронный ресурс]. – URL: <https://biwork.ru/istoria/12874-kak-eto-bylo-bijskie-recnye-teplohody> (дата обращения: 14.09.2022).

²¹ Юшковский В. Д. Эскиз сюжета: 40 этюдов о 400-летнем Томске. – Томск, 2003. – С. 78.

²² История сибирского транспорта: дайджест краеведческой информации // Муниципальная информационная библиотечная система ; сост. : З. Б. Нагаева, Е. Ю. Озерова. – Томск : [б. и.], 2005. – С. 16.

²³ Там же.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельский И. М. Очерк водяных сообщений Сибири : Докл. съезду инженеров гидротехников инж. И. М. Бельского. – СПб. : Паровая тип. Муллер и Богельман, 1893. – 69 с.
2. Блинов Н. В. Очерки дореволюционной историографии и источниковедения рабочего класса Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1974. – 158 с.

3. *Большаков В. Н.* Город Томск в системе водного транспорта в дореволюционной Сибири // Из истории Томской области : сб. ст. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. – С. 16–24.
4. *Большаков В. Н.* К вопросу о формировании и численности речников Сибири (1895–1917) // Рабочие Сибири в период империализма : [тематич. сб. ст. / ред.: Н. В. Блинов (отв. ред.), В. Н. Большаков]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. – С. 123–143.
5. *Большаков В. Н.* Очерки истории речного транспорта Сибири, XIX в. – Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1991. – 215 с.
6. *Большаков В. Н.* Техническое перевооружение на речном транспорте Сибири в XIX в. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. – С. 70–82.
7. *Веглин П.* Судоходство по рекам Обского бассейна // Русское судоходство. – 1903. – № 8. – С. 84–87; № 9. – С. 84–92; № 10. – С. 102–103; 106–107; 109.
8. *Головин Б. Д.* История пароходного судоходства в Обь-Иртышском бассейне : (крат. очерк). – Омск : Изд-во газ. «Советский Иртыш», 1947. – 28 с.
9. *Задорожная О. А.* Омское речное агентство товарищества западно-сибирского пароходства и торговли в Обь-Иртышском водном бассейне (конец XIX – начало XX в.) // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2020. – № 1. – С. 134–144. – DOI: 10.36718/2500-1825-2020-1-134-144.
10. *Задорожная О. А.* Речные агентства «Товарищества Западно-сибирского пароходства и торговли» и организация её деятельности в районе Обь-Иртышского бассейна (1898–1917 гг.) // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 10. – С. 50–58.
11. *Задорожная О. А.* Речные компании Западной Сибири (1860–1917 гг.). – Сургут : Изд. центр СурГУ, 2012. – 253 с.
12. *Задорожная О. А.* Торговый дом «И. Н. Корнилова Наследники» во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы экономической и социальной истории Сибири XVIII – начало XX вв. (Из истории предпринимательства). – Омск : ОмГПУ, 2005. – Вып. 6. – С. 155–168.
13. *Зиновьев В. П.* Индустриальные кадры старой Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – 258 с.
14. *Киселев А. Г.* К вопросу о ритме городской жизни // Проблемы культуры городов России : материалы Пятого всерос. науч.-практ. семинара. – Омск, 2004. – С. 31–36.
15. *Киселев А. Г.* Становление фирмы: социокультурные условия и мотивация. К истории сибирского предпринимательства рубежа XIX–XX вв. // Проблемы экономической и социальной истории Сибири XVIII – начало XX вв. (Из истории предпринимательства) : сб. науч. ст. – Омск : ОмГПУ, 2005. – Вып. 6. – С. 85–98.
16. *Киселев А. Г.* Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. – Ханты-Мансийск : Изд-во ЮГУ, 2008. – 243 с.
17. *Лаврухин А. Н.* Нужды Сибирского пароходства. – Тюмень : Тип. «Сиб. торговой газеты», 1902. – 74 с.
18. *Левитов И. С.* Очерк развития пароходства в Западной Сибири // Журнал МПС. – 1888. – № 50. – X отдел. – С. 67–68.
19. *Левитов И. С.* Сибирское пароходство. – Екатеринбург, 1901. – 48 с.
20. *Любимов А. А.* Водные перевозки и экономическое развитие Прииртышья на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы экономической и социальной истории Сибири. XVIII – начало XX вв. : сб. науч. ст. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2003. – Вып. 4. – С. 124–135.
21. *Любимов А. А.* Рабочие и служащие речного флота Обь-Иртышского бассейна на рубеже XIX–XX веков // Проблемы социально-экономической истории Сибири. Вторая половина XIX – начало XX вв. (на службе у казны и капитала) : сб. науч. ст. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2007. – С. 51–62.
22. *Любимов А. А.* Развитие индустриального транспорта в Среднем Прииртышье в 90-е гг. XIX – 1914 г. : дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2000. – 183 с.
23. *Любимов А. А.* Формирование Омска как транспортного центра Среднего Прииртышья // Энциклопедия города Омска : в 3 т. / под. ред. Г. А. Павлова, Л. В. Новоселовой, С. Г. Сизова. – Омск : Издат. дом «Лео», 2009. – Т. 1. – С. 124–142.
24. *Огановский Н. П.* Народное хозяйство Сибири. – Омск, 1921. – 175 с.
25. *Побережников И. В.* Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2011. – 48 с.
26. *Рабинович Г. Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. – 328 с.
27. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. – Новосибирск : Наука, 1982. – 459 с.
28. Советская Сибирская энциклопедия. – Новосибирск : Сиб. краевое изд-во, 1937. – Т. 4. – 547 с.
29. *Титов Г. А.* Возникновение пароходства в Обь-Иртышском бассейне. – Новосибирск : Кн. изд-во, 1990. – 262 с.

30. Цепенникова Е. П., Большаков В. Н. Динамика заработной платы рабочих плавсостава на речном транспорте Сибири в 1895–1914 гг. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. – С. 133–145.
31. Шиша А. А. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. – Новониколаевск : Сиб. обл. гос. изд-во, 1922. – 92 с.
32. Шулятиков М. И. Очерк судоходства по рекам Западной Сибири. – М. : Типо-лит. В. Рихтер, 1893. – 64 с.

Сведения об авторах

Кротт Иван Иванович – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644099, Россия, Омск, наб. Тухачевского, 14

E-mail: ivkrott@mail.ru

Информация о статье

Дата поступления
1 октября 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Любимов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент Ишимского педагогического института им. П. П. Ершова (филиала) Тюменского государственного университета (Ишим, Россия)

Адрес для корреспонденции: 627750, Россия, Ишим, ул. Ленина, 1/2

E-mail: andrei.liubimov2016@yandex.ru

Для цитирования

Кротт И. И., Любимов А. А. Организация сервисного обслуживания пассажирских перевозок на речном транспорте Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 24–37. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).24-37.

I.I. Krott, A.A. Lyubimov

ORGANIZATION OF PASSENGER TRANSPORTATION SERVICE ON RIVER TRANSPORT IN WESTERN SIBERIA IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

The focus of this study is on the organization of passenger transportation services on river transport in Western Siberia in the conditions of transformation of socio-spatial structures as a result of infrastructural modernization of the region in the late 19th – early 20th centuries. The main directions of development of service activities of steamship companies in Western Siberia are determined, the role of competition between them is revealed, key changes in the socio-cultural space in the Siberian local community are shown. It is concluded that the quality and culture of passenger transportation service were the object of special attention of the West Siberian shipping companies. The research is based on a combination of macroanalytical strategies and a microhistoric approach. The methodological basis of the work is the conclusions about the "frontier model" of modernization of Siberia, the peculiarity of which is the implementation of modernization changes in the conditions of ongoing development of territories.

Keywords: river transport; steamship companies; passenger transportation; Western Siberia; social space; service activities; socio-cultural changes.

REFERENCES

1. Belsky I.M. *Ocherk vodianykh soobshchenii Sibiri: Doklad syezdu inzhenerov gidrotekhnikov inzhenera I.M. Belskogo* [Essay on water messages of Siberia: Doklad a congress of hydraulic engineers of the engeneer I.M. Belsky], St. Petersburg, Typ. Muller and Bogelman Publ., Publ., 1893, 69 p. (in Russian).
2. Blinov N.V. *Ocherki dorevoliutsionnoi istoriografii i istochnikovedeniia rabocheho klassa Sibiri* [Essays on pre-revolutionary historiography and source study of the working class of Siberia], Tomsk, Tomsk University Publ., 1974, 158 p. (in Russian).
3. Bolshakov V.N. Gorod Tomsk v sisteme vodnogo transporta v dorevoliutsionnoi Sibiri [The city of Tomsk in the water transport system in pre-revolutionary Siberia]. *Iz istorii Tomskoi oblasti* [From the history of the Tomsk region], collection of articles, Tomsk, Tomsk University Publ., 1988, pp. 16-24. (in Russian).
4. Bolshakov V.N. K voprosu o formirovanii i chislennosti rechnikov Sibiri (1895-1917) [On the issue of the formation and number of rivers of Siberia (1895-1917)], Blinov N.V., Bolshakov V.N. (eds.). *Rabochie*

- Sibiri v period imperializma* [Workers of Siberia during the period of imperialism], thematic collection of articles, Tomsk, Tomsk University Publ., 1976, pp. 123-143. (in Russian).
5. Bolshakov V.N. *Ocherki istorii rechnogo transporta Sibiri, XIX v.* [Essays on the history of river transport in Siberia, 19th century], Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 215 p. (in Russian).
 6. Bolshakov V.N. Tekhnicheskoe perevooruzhenie na rechnom transporte Sibiri v XIX v. [Technical re-equipment on river transport of Siberia in the 19th century]. *Problemy istorii dorevoliutsionnoi Sibiri* [Problems of the history of pre-revolutionary Siberia], Tomsk, Tomsk University Publ., 1989, pp. 70-82. (in Russian).
 7. Veglin P. Sudokhodstvo po rekam Obskogo basseina [Navigation on the rivers of the Ob basin]. *Russkoe sudokhodstvo* [Russian shipping], 1903, no. 9, pp. 84-92; no. 10, pp. 84-92; 102-103; 106-107; 109. (in Russian).
 8. Golovin B.D. *Istoriia parokhodnogo sudokhodstva v Ob-Irtyshskom basseine* [History of steamboat shipping in the Ob-Irtysh basin], essay, Omsk, Sovetskii Irtysh Publ., 1947, 28 p. (in Russian).
 9. Zadorozhnyaya O.A. Omskoe rechnoe agentstvo tovarishchestva zapadno-sibirskogo parokhodstva i torgovli v Ob-Irtyshskom vodnom basseine (konets XIX – nachalo XX v.) [Omsk River Agency of the Partnership of the West Siberian Shipping and Trade in the Ob-Irtysh Water Basin (late 19th – early 20th century)]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal Krasnoyarskogo GAU* [Social, Economic and Humanitarian Journal of Krasnoyarsk GAU], 2020, no. 1, pp. 134-144. DOI: 10.36718/2500-1825-2020-1-134-144. (in Russian).
 10. Zadorozhnyaya O.A. Rechnye agentstva Tovarishestva Zapadno-sibirskogo parokhodstva i torgovli i organizatsiya ee deyatelnosti v raione Ob-Irtyshskogo basseina 1898–1917 gg. [River agencies “Partnerships of the West Siberian Shipping and Trade” and the organization of its activities in the area of the Ob-Irtysh basin (1898-1917)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniia* [Genesis: Historical Research], 2018, no. 10, pp. 50-58. (in Russian).
 11. Zadorozhnyaya O.A. *Rechnye kompanii Zapadnoi Sibiri 1860–1917 gg.* [River companies of Western Siberia (1860-1917)], Surgut, Surgut State University Publ., 2012, 253 p. (in Russian).
 12. Zadorozhnyaya O.A. Torgovyi dom “I.N. Kornilova Nasledniki” vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Trading house “I.N. Kornilov’s Heirs” in the second half of the 19th – early 20th century]. *Problemy ekonomicheskoi i sotsialnoi istorii Sibiri XVIII – nachalo XX vv. (Iz istorii predprinimatel'stva)* [The problems of the economic and social history of Siberia 18th – the beginning of the 20th century (From Entrepreneurship History)], collection of scientific articles, Iss. 6, Omsk, OmGPU Publ., 2005, pp. 155-168. (in Russian).
 13. Zinovev V.P. *Industrial'nye kadry staroi Sibiri* [Industrial cadres of old Siberia], Tomsk, Tomsk University Publ., 2007, 258 p. (in Russian).
 14. Kiselev A.G. K voprosu o ritme gorodskoi zhizni [To the question of the rhythm of urban life]. *Problemy kultury gorodov Rossii* [Problems of culture of cities of Russia], proceedings of the fifth all-Russian scientific and practical seminar, Omsk, 2004, pp. 31-36. (in Russian).
 15. Kiselev A.G. Stanovlenie firmy sotsiokulturnye usloviia i motivatsiya. K istorii sibirskogo predprinimatel'stva rubezha XIX–XX vv. [Firm formation: sociocultural conditions and motivation. To the history of Siberian entrepreneurship at the turn of the 19th-20th centuries]. *Problemy ekonomicheskoi i sotsialnoi istorii Sibiri XVIII – nachalo XX vv. (Iz istorii predprinimatel'stva)* [The problems of the economic and social history of Siberia 18th – the beginning of the 20th centuries (From Entrepreneurship History)], collection of scientific articles, Iss. 6, Omsk, OmGPU Publ., 2005, pp. 85-98. (in Russian).
 16. Kiselev A.G. *Firma na ryinkakh Zapadnoi Sibiri v kontse XIX nachale XX vv.* [A company in the markets of Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries], Khanty-Mansiysk, Publishing House YUGU, 2008, 243 p. (in Russian).
 17. Lavrukhin A.N. *Nuzhdy Sibirskogo parokhodstva* [Needs of the Siberian Shipping Company], Tyumen, Sibirskaya torgovaya gazeta Publ., 1902, 74 p. (in Russian).
 18. Levitov I.S. Ocherk razvitiia parokhodstva v Zapadnoi Sibiri [Essay on the development of the shipping company in Western Siberia]. *Zhurnal MPS* [Journal MPS], 1888, no. 50, X otdel, pp. 67-68. (in Russian).
 19. Levitov I.S. *Sibirskoe parokhodstvo* [Siberian Shipping Company], Yekaterinburg, 1901, 48 p. (in Russian).
 20. Liubimov A.A. Vodnye perevozki i ekonomicheskoe razvitie Priirtyshya na rubezhe XIX – XX vv. [Water transportation and economic development of the Irtysh region at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Problemy ekonomicheskoi i sotsialnoi istorii Sibiri. XVIII – nachalo XX vv. (Iz istorii predprinimatel'stva)* [Problems of the economic and social history of Siberia. 18th – beginning of 20th century], collection of scientific articles, Iss. 4, Omsk, OmGPU Publ., 2003, pp. 124-135. (in Russian).
 21. Liubimov A.A. Rabochie i sluzhashchie rechnogo flota Obie-Irtyshskogo basseina na rubezhe XIX–XX vekov [Workers and employees of the river fleet of the Obol-Irtysh basin at the turn of the 19th-20th centuries]. *Problemy sotsialno-ekonomicheskoi istorii Sibiri. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. (na sluzhbe u kazny i kapitala)* [Problems of the socio-economic history of Siberia. The second half of the 19th –

- the beginning of the 20th century (in the service of the treasury and capital)*], collection of scientific articles, Omsk, OmGPU Publ., 2007, pp. 51-62. (in Russian).
22. Liubimov A.A. *Razvitie industrialnogo transporta v Srednem Priirtyshe v 90-e gg XIX – 1914 g.* [The development of industrial transport in the Middle Irtysh region in the 90s of 19th – 1914], PhD Thesis, Omsk, 2000, 183 p. (in Russian).
 23. Liubimov A.A. *Formirovanie Omska kak transportnogo tsentra Srednego Priirtyshya* [Formation of Omsk as a transport center of the Middle Irtysh region]. Pavlov G.A., Novoselova L.V., Sizov S.G. (eds.). *Entsiklopediya goroda Omska* [Encyclopedia of the city of Omsk], in 3 volumes, Omsk, Leo Publ., 2009, vol. 1, pp. 124-142. (in Russian).
 24. Oganovskii N.P. *Narodnoe khoziaistvo Sibiri* [National economy of Siberia], Omsk, 1921, 175 p. (in Russian).
 25. Poberezhnikov I.V. *Prostranstvenno-vremennaya model v istoricheskikh rekonstruktsiyakh modernizatsii* [Spatial-temporal model in historical reconstructions of modernization], Doctoral Thesis, Yekaterinburg, 2011, 48 p. (in Russian).
 26. Rabinovich G.Kh. *Krupnaya burzhuaziya i monopolisticheskii kapital v ekonomike Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv.* [Large bourgeoisie and monopolistic capital in the economy of Siberia of the late 19th – early 20th century], Tomsk, Tomsk University Publ., 1975, 328 p. (in Russian).
 27. *Rabochii klass Sibiri v dooktiabrskii period* [Working class of Siberia in the pre-October period], Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, 459 p. (in Russian).
 28. *Sovetskaya Sibirskaya entsiklopediya* [Soviet Siberian Encyclopedia], Novosibirsk, Siberian Regional Publ., 1937, vol. 4, 547 p. (in Russian).
 29. Titov G.A. *Vozniknovenie parokhodstva v Ob-Irtyshskom basseine* [The emergence of the shipping company in the Ob-Irtysh basin], Novosibirsk, Publishing House, 1990, 262 p. (in Russian).
 30. Tsepennikova E.P., Bolshakov V.N. *Dinamika zarabotnoi platy rabochikh plavsostava na rechnom transporte Sibiri v 1895-1914 gg.* [Dynamics of wages of workers of the floating staff on the river transport of Siberia in 1895-1914]. *Problemy istorii dorevoliutsionnoi Sibiri* [Problems of the history of pre-revolutionary Siberia], Tomsk, Tomsk University Publ., 1989, pp. 133-145. (in Russian).
 31. Shisha A.A. *Rol' inostrannogo kapitala v ekonomicheskoi zhizni Sibiri* [The role of foreign capital in the economic life of Siberia], Novonikolaevsk, Siberian Regional State Publ., 1922, 92 p. (in Russian).
 32. Shulyatkov M.I. *Ocherk sudokhodstva po rekam Zapadnoi Sibiri* [Essay on shipping on the rivers of Western Siberia], Moscow, V. Richter Publ., 1893, 64 p. (in Russian).

About the authors

Ivan I. Krott – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Postal address: 14, Tukhachevskogo nab., Omsk, 644099, Russia

E-mail: ivkrott@mail.ru

Andrei A. Lyubimov – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Ershov Ishim Pedagogical Institute (Branch) of the Tyumen State University (Ishim, Russia)

Postal address: 1/2, Lenina ul., Ishim, 627750, Russia

E-mail: andrei.lyubimov2016@yandex.ru

Article info

Received
October 1, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Krott I.I., Lyubimov A.A. Organization of Passenger Transportation Service on River Transport in Western Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 24-37. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).24-37 (in Russian).

УДК 654.1+339.923

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).38-50

В. В. Миркин

РОЛЬ «ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН В ОБЛАСТИ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ И ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ» В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ (КОНЕЦ 1950-х гг.)*

Рассматривается процесс создания в послевоенный период международной организации для обеспечения научно-технического сотрудничества в области электрической и почтовой связи между социалистическими государствами и её роль в решении первоочередных задач и стратегии развития межгосударственной системы связи. Показано, как логика разворачивавшейся холодной войны вынуждала Советский Союз в качестве одного из полюсов формировавшегося биполярного мира предпринимать усилия по строительству своей относительно автономной «внешней» системы электрической связи (включавшей проводную телеграфно-телефонную связь и радиоканалы), объединявшей национальные системы связи государств социалистического лагеря, в том числе для лоббирования своих интересов в международных организациях связи всемирного масштаба. Сети электрической и почтовой связи стран социалистического содружества находились на разных ступенях развития: каждая из них имела свои размер, масштаб и структуру, особенности использовавшейся техники и технологий, кадровую и административно-управленческую специфику. Эффективное использование международных сегментов сети электросвязи являлось общей стратегической задачей стран социалистического блока и по возможности учитывало национальные интересы всех входивших в данный блок стран. Подчёркивается, что стремительное развитие технологий, обусловленное начавшейся научно-технической революцией в электросвязи, выдвигало на передний план вопросы оперативного управления и рациональной эксплуатации международных сегментов систем связи социалистических государств: выработка единых инструкций, технических требований, методических подходов, единая автоматизация и тарификация международной сети и др. Показана также необходимость в данной ситуации наладить регулярный обмен научно-техническими знаниями для координации научных исследований и исключения параллелизма в их проведении.

Ключевые слова: электросвязь; коммуникации; телеграф; телефон; радио; международное сотрудничество; социалистические страны.

Мировая система социализма выстраивалась не только как совокупность государств с однотипным социальным строем, коммунистической идеологией, но также и в качестве содружества производительных сил, связывавшего воедино экономические системы этих государств, обеспечивая взаимную поддержку и более устойчивое, интенсивное их развитие.

Важнейшей формой сотрудничества между социалистическими государствами стала деятельность Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), созданного в 1949 г.

Данная международная организация занималась разработкой и реализацией мероприятий по специализации и кооперированию производства социалистических стран, расширению товарообмена и научно-технического сотрудничества. Важнейшую роль Совет играл в осуществлении единого планирования в масштабах мировой системы социализма. Другой формой экономического сотрудничества стран – членов СЭВ являлось совместное строительство объектов промышленно-транспортной инфраструктуры. К их числу относились, в частности, объединённая энер-

* Статья подготовлена при поддержке Германской службы академических обменов (DAAD) (стипендиальная программа «Forschungsaufenthalte für Hochschullehrer und Wissenschaftler, 2021») в рамках партнёрства с философским факультетом Берлинского университета имени Гумбольдта (Humboldt-Universität zu Berlin).

госсистема «Мир» (включала энергетические системы Венгрии, ГДР, Польши, ЧССР, Румынии и западной части СССР), трансконтинентальный нефтепровод «Дружба».

Как критически важный компонент национальной и глобальной экономической инфраструктуры, электрическая связь (наряду с транспортной сферой) также нуждалась в межгосударственном партнёрстве и регулировании. Поэтому главной целью данной статьи является выявление и характеристика основных направлений сотрудничества стран «социалистического лагеря» в области электрической связи. Для её достижения следует рассмотреть, прежде всего, роль «Организации сотрудничества социалистических стран в области электрической и почтовой связи» в формировании межгосударственной системы электросвязи.

Следует отметить, что, несмотря на свою актуальность, данная проблематика не привлекла к себе внимание историков. Каких-либо научных или публицистических работ о международном сотрудничестве социалистических государств в сфере связи найти не удалось. Более того, достаточно трудно обнаружить даже простое упоминание названий международных организаций, в рамках которых социалистические государства вели совместные научно-технические разработки и практическое сотрудничество в сфере связи (см.: [1–6]). Предлагаемая статья призвана, хотя бы отчасти, устранить этот пробел¹.

До войны международное сотрудничество СССР в области связи проходило в рамках нескольких организаций, главными из которых являлись *Международный союз электросвязи (МСЭ)* и *Всемирный почтовый союз (ВПС)*. Полномочия МСЭ и ВПС распространялись на все страны и континенты. Действуя во всемирном масштабе, они осуществляли глобальное научно-техническое сотрудничество, выработку единых нормативов, поддержание согласованных регламентов организации связи, что было жизненно необходимо для обеспечения коммуникации и интеграции национальных систем связи.

В условиях начавшейся «холодной войны» и формирования биполярного мира, СССР было жизненно необходимо обеспечить устойчивую и надёжную систему связи

для стран социалистического лагеря, располагавшихся, главным образом, на востоке европейского континента. Для решения этой задачи на первом совещании министров связи двенадцати социалистических стран в Москве 16 декабря 1957 г. была создана *Организация сотрудничества социалистических стран в области электрической и почтовой связи (ОСС)* [7]. Главной целью её существования было заявлено расширение экономического и научно-технического сотрудничества, обмен опытом и координация развития средств связи стран социалистического лагеря. Соответствующее соглашение о создании ОСС вступило в силу 30 июня 1958 г.²

Следует отметить, что появлению ОСС предшествовал длительный процесс выстраивания взаимоотношений с отдельными социалистическими государствами в области связи. Интерес в данном случае представляет, прежде всего, организация коммуникации и каналов связи между СССР и его главным западным сателлитом – ГДР.

Восстановление регулярной связи с освобождённой Германией началось лишь в 1946 г. – вначале в форме некоторых видов почтовой корреспонденции (письма, открытки), позднее была открыта гражданская телефонная связь – в направлении СССР для этих целей использовались две прямые телефонные линии. Важно подчеркнуть, что первые послевоенные соглашения между Германией и Всемирным почтовым союзом, а также Международным союзом электросвязи заключались без непосредственного участия германских официальных представителей, поэтому международные коммуникации в стране осуществлялись фактически при отсутствии должным образом оформленной законодательной базы. Первым нормативно-правовым актом, который положил конец эпохе правовой неопределённости (*unklare Rechtslage*) в области связи и символизировал признание Восточной Германии в качестве равноправного партнёра в сфере международных коммуникаций, явился Договор о почтовой и электрической связи между ГДР и СССР (1 июля 1950 г.)³.

Примечательным был тот факт, что языками служебной переписки по вопросам связи, согласно договору, на равных правах признавались и немецкий, и русский, невзирая

на то, что сами формуляры и официальные международные документы в сфере связи по-прежнему издавались только на французском. Для ГДР это было особенно важно, поскольку немецкий язык на Всемирном почтовом конгрессе 1947 г. был исключён из списка рабочих языков почтового союза [8, л. 2–3].

Политическое значение подписанных соглашений заключалось, прежде всего, в том, что отношения между СССР и ГДР в сфере почтовой и электрической связи, которые ранее осуществлялись через своего рода посредника – в рамках Всемирного почтового договора, – отныне были поставлены на прочную и независимую договорную основу, и ГДР участвовала в них как равноправный партнёр. В частности, это относилось к соглашению об обмене почтовой посылочной корреспонденцией, поскольку СССР не являлся участником соответствующего соглашения ВПС [8, л. 1–2].

Статьи 1–3 договора, в частности, предусматривали организацию телеграфно-телефонной линии между Москвой и Берлином посредством усилительного оборудования в Польше – Гданьске и Щецине, двух телефонных линий – через промежуточную трансляцию в Катовице, а также радиотелеграфной связи. С их помощью обеспечивалась двухсторонняя круглосуточная телеграфно-телефонная связь между ГДР и СССР, а также «промежуточными» и «примыкающими» странами, перечень которых подлежал дополнительному согласованию. В телеграфной корреспонденции использовалось четыре языка – русский, немецкий, французский и английский, однако все они подлежали транслитерации в символы латинского алфавита [9, л. 1–3].

На линиях между ГДР и СССР телефонисты конечных станционных пунктов в служебных целях обязаны были использовать оба языка – немецкий и русский. Допускалось организовывать всевозможные типы телефонных переговоров любой (неограниченной) продолжительности – государственные, срочные, служебные, частные, заказные и т. п., однако при чрезмерной нагрузке отдельно оговаривалось условие, по которому частные сеансы телефонной связи подлежали ограничению в 12 минут [9, л. 4].

В договоре были также представлены достаточно подробные дифференцированные тарифы на телеграфные отправления и телефонную связь⁴. При этом служебные переговоры по вопросам почтовой и электрической связи, так же, как и внутри Советского Союза на тот период, не подлежали какой-либо тарификации. Служебная переписка по вопросам международной связи между ГДР и СССР осуществлялась в равной степени на немецком и русском языках [9, л. 5–7].

Другая сторона межгосударственного партнёрства в сфере связи – координация научных исследований и обмен технической информацией между социалистическими государствами – до 1957 г. регулировалась общими соглашениями, заключёнными между профильными министерствами, а также отдельными договорами между научно-исследовательскими институтами связи СССР, ГДР, ПНР, Венгрии и др. стран.

Эти соглашения включали вопросы развития технического и научного сотрудничества в области радиосвязи, вещания и телевидения, обмен делегациями специалистов, регулярный обмен научной литературой и технической документацией (в том числе, касавшейся последних разработок) и, в отдельных случаях, – планами научно-исследовательской работы. К технической специальной литературе относились: правила эксплуатации (для общей и технической эксплуатации), стандарты для каналов и аппаратуры, стандарты проектирования, руководящие принципы и инструкции по планированию, строительству, ремонту и эксплуатации систем связи. После создания ОСС для поддержания актуального уровня научно-технических знаний в обмен была включена документальная кинопродукция и слайд-фильмы, касавшиеся вопросов связи.

В рамках данных соглашений во второй половине 1950-х гг. был налажен систематический двусторонний обмен специальной литературой и экспертными делегациями – в том числе с целью установления прямых связей между научно-исследовательскими институтами. В рамках обмена технической документацией министерства связи СССР, Чехословацкой Республики и Польской Народной Республики предоставили, в частности, документы на телекоммуникационные

кабели, визуальную измерительную технику, устройства для автоматизации почтовых предприятий и др. [10, л. 2]

В 1956–1957 гг. были проведены совместные научно-технические конференции по развитию телевизионной техники (Ленинград) и по вопросам технологии автоматизации телефонной связи (Ленинград, Варшава, Прага). В соответствии с их резолюциями, развернулась совместная работа в самом актуальном и перспективном на тот момент направлении – *автоматизации телефонного трафика*, включая разработку координатных телефонных станций и систем международной полуавтоматической телефонной связи (были составлены единые технические требования и распределены обязанности между странами).

Однако таких форм сотрудничества, по мнению большинства представителей администраций связи, было явно недостаточно для рационального использования технических мощностей и научных сил, а также последних достижений науки и техники в области связи. В частности, проверка тематического плана научных исследований и текущих разработок технических средств, проводившаяся НИИ связи и лабораториями промышленности Венгрии, министерством связи СССР и другими странами, привела специалистов к выводу, что координация работы была организована неэффективно: происходили параллельные разработки, уже готовые технические решения по каким-то причинам не использовались промышленностью стран-партнёров. Частично это объяснялось тем, что министерства связи не входили в Постоянную комиссию по экономическому и научно-техническому сотрудничеству Совета экономической взаимопомощи [10, л. 3].

Первое совещание министров связи социалистических государств⁵, организованное Советским Союзом в 1957 г., было призвано решить эту проблему. Для координации научных исследований в области связи и двустороннего обмена технической информацией Советский Союз, в первую очередь, обозначил те исследовательские учреждения и организации министерств связи социалистических стран, которые наиболее активно участвовали в совместных разработках. Со стороны СССР в этот список вошли Государст-

венный научно-исследовательский институт, Центральный научно-исследовательский институт связи, Научно-исследовательский институт местной и сельской телефонной связи, Электротехнический институт связи в Москве, Электротехнический институт связи в Ленинграде (технический отдел). Для проведения взаимного обмена технической информацией в данный список учреждений включался также Научно-исследовательский институт геомагнетизма, ионосферы и распространения радиоволн [10, л. 5].

К числу важнейших тематических блоков, в рамках которых организовывалось двустороннее сотрудничество, относились наиболее перспективные направления развития электросвязи: исследования в области статистической теории связи и создания волноводных линий, разработка полупроводниковых приборов и систем полуавтоматической и полностью автоматической междугородной телефонной связи, разработка телефонных систем несущей частоты с большим количеством каналов для симметричных и коаксиальных кабелей и многое другое [10, л. 3–4]. Важным вопросом, которому было уделено особое внимание на первом совещании министров связи в 1957 г., являлась координация работы ионосферных служб социалистических стран и введение взаимного обмена ионосферными данными и информацией о распространении радиоволн [11, л. 1–6].

Научно-техническое сотрудничество между странами ОСС проходило в тесном взаимодействии с Постоянной комиссией по экономическому и научно-техническому сотрудничеству в области машиностроения СЭВ. В работах, которые проводились соответствующей (девятой) секцией данной комиссии, принимали участие ведущие НИИ администраций связи ОСС. В конце 1950-х гг. они занимались, главными образом, проблемами телефонной связи: разработкой координатных АТС большой и средней ёмкости, а также аппаратуры полуавтоматической телефонной связи, исследованиями в области создания бесконтактных АТС, унификацией аппаратуры высокочастотного телефонирования и радиорелейных линий [12, л. 1–4]. По целому ряду не включённых в основной перечень тем научно-техническое сотрудничество НИИ админист-

раций связи ОСС осуществлялось путём «взаимной информации» [12, л. 4].

Помимо необходимости упорядочить и интенсифицировать взаимный обмен научно-техническими знаниями, другим проблемным полем явилось недостаточно оперативное управление международными, общими сегментами систем электросвязи социалистических стран. Это было обусловлено чрезвычайно быстрым развитием технологий во всех отраслях телекоммуникационного комплекса. Политическое и экономическое развитие социалистического лагеря привело к значительному увеличению трафика электросвязи во второй половине 1950-х гг. В результате недостатки в обработке трафика сообщений и эксплуатации каналов связи становились всё более очевидными и были связаны, главным образом, с недостаточной согласованностью в вопросах эксплуатации и дальнейшего развития аппаратуры и каналов электросвязи. Данные проблемы могли быть эффективно решены только совместными усилиями [13, л. 1].

Решение по интеграции сферы телекоммуникаций лежало в плоскости заключения базовых соглашений между администрациями связи о магистральных маршрутах, технических условиях эксплуатации линий связи, единых методах локализации неисправностей, единообразном обозначении линий, перспективах развития кабельной сети и т. п. Так, например, качество международного телефонного трафика ГДР зачастую не соответствовало значениям стандартов ССГ⁶, поскольку на международном уровне не было организовано соответствующей технической службы. В случае магистральных линий, частично, не существовало официальных предписаний по их эксплуатации, а также действовали различные правила в «единообразном» международном обозначении каналов [13, л. 2–3].

На повестке дня остро стоял вопрос о модернизации радиоцентров на территории социалистического содружества с целью приведения их в соответствие последним техническим стандартам. Подобное обновление представляло собой существенное инвестиционное бремя, поэтому целесообразно было пересмотреть существовавшие отношения между социалистическими и «внешни-

ми» странами, для того чтобы выработать методику их оптимального с экономической и технической точек зрения совместного использования (в частности, соотношение параметров мощности, ресурсоёмкости и затрат на эксплуатацию). В радиосвязи интеграция признавалась необходимой также и в области радионаблюдений, с тем чтобы в кратчайшие сроки анализировать и устранять возникавшие радиопомехи [13, л. 4].

Администрация связи ГДР одной из первых подняла вопрос о создании единой распределительной системы телевизионных трансляций внутри стран социалистического лагеря. Как известно, ряд западноевропейских государств «капиталистического лагеря» к тому времени уже объединил свои усилия в организации Евровидения (1954 г.). Телевизионную трансляционную сеть социалистических стран лишь предстояло создать⁷.

На совещании министров связи в 1957 г. представители ГДР также предложили определённым образом структурировать совместную работу и распределить её в рамках отраслевых комиссий будущей ОСС – их проект предусматривал создание комиссий по вопросам технического обслуживания в сфере телекоммуникаций, перспективного планирования, коммерческой радиосвязи, радионаблюдений, телевизионной и, наконец, комиссии почтовой связи. Общие вопросы межотраслевого регулирования и взаимодействия предполагалось решать в рамках комиссии по вопросам связи [13, л. 7–8].

Однако в дальнейшем структура созданной ОСС лишь отчасти воспроизвела этот первоначальный проект. Совместная работа велась в рамках шести комиссий, сформированных как по отраслевому, так и по функциональному признаку: телеграфно-телефонная проводная связь (электросвязь), радиосвязь, научно-техническое сотрудничество, почтовая связь, экономика связи и распространение периодической печати (см.: [14]).

Уже в первые два года своего существования (1958–1959 гг.) в рамках ОСС была проделана большая работа по выполнению решений, принятых на совещаниях министров в Москве (1957 г.), Праге (1958 г.) и Берлине (1959 г.) [15]. Совместными усилиями администрации связи ОСС организовали строительство коаксиальных магистралей,

формирование планов распределения частотных каналов для телевидения и УКВ-ЧМ радиовещания, согласование технических вопросов строительства радиорелейных линий и др. (см.: [16]).

Программа развития *проводной электросвязи* (телеграфно-телефонная дальняя связь), подготовленная на Берлинском совещании 1959 г., являлась центральным пунктом повестки в деле строительства межгосударственной системы электросвязи. Она представляла собой последовательную проработку нескольких узловых вопросов:

1. Распределение телефонного трафика через европейские транзитные узлы социалистических стран.

2. Подготовка обобщённой инструкции по технической эксплуатации международных магистральных линий связи, уплотнённых при помощи систем высокочастотного телефонирования.

3. Проектирование и строительство автоматической коммутационной телеграфной сети общего пользования между европейскими социалистическими странами – Гентекс⁸.

4. Разработка единых инструктивно-методических подходов к анализу эксплуатации международных связей, а также принципов тарификации международных услуг электросвязи.

5. Автоматизация сети Телекс между странами-членами ОСС.

6. Стратегия развития международных коммерческих радиосвязей [17, л. 1–2].

Забегая вперёд, следует отметить, что указанная проблематика – выработка единых инструкций, технических требований, методических подходов, автоматизация и тарификация международной сети электросвязи – во многом сохраняла свою актуальность на протяжении всего периода вплоть до распада социалистического содружества.

Опираясь на принятую программу в области проводной связи, Берлинское совещание одобрило разработанный связистами ГДР проект строительства автоматической телеграфной сети общего пользования Гентекс между европейскими странами – членами ОСС. Проектирование сети было намечено завершить в 1960 г. и уже в 1961 г. – ввести сеть в эксплуатацию. Развёрнутое решение по этому вопросу включало в себя кон-

фигурацию сети, техническую составляющую, вопросы её эксплуатации и тарификации [17, л. 1–3]. На администрацию связи ГДР возлагалась общая координация проектирования узловых станций Гентекс и, в случае необходимости, созыв экспертов для решения вопросов проектирования и строительства данной сети (см.: [18, л. 6–10]).

По вопросу распределения телефонного трафика через европейские транзитные узлы социалистических стран совещание министров поручило администрации связи Чехословакии до конца 1959 г. разработать технический план, содержащий данные относительно мощности пучков (узлов связи) и географических трасс линий сети международной полуавтоматической телефонной связи [19, л. 1].

Совещание принципиально одобрило обобщённую администрацией связи СССР инструкцию по технической эксплуатации международных магистральных линий связи, уплотнённых при помощи систем высокочастотного телефонирования, и поручило советской стороне провести её окончательное редактирование с тем, чтобы инструкция могла вступить в действие с 1960 г. [20, л. 1–2].

Вопросами тарификации проводной электросвязи в тот момент активно занимались и другие международные организации – разрабатывались единые принципы составления тарифов на международные услуги электросвязи, проводилась унификация и упрощение расчётов за предоставление таких услуг. В соответствии с рекомендациями, принятыми на Пражском совещании ОСС (1958 г.), а также учитывая вступление в силу с 1 января 1960 г. решения Международной Административной телефонно-телеграфной конференции об изменении окончательных и транзитных телеграфных тарифов для европейских стран, совещание министров организовало в Бухаресте в июне 1959 г. совещание экспертов для согласования новых телеграфных тарифов⁹ между европейскими социалистическими странами. Администрации связи Польской Народной Республики поручалось, проводя консультации с другими странами, до марта 1960 г. разработать предложения и рекомендации по единой методике тарификации, а также упрощению методов расчёта за пользование международной электрической связью [21].

При разработке единых принципов составления тарифов администрации связи ОСС, разумеется, учитывали действовавшие рекомендации МСЭ, но, в первую очередь, – необходимость использования прямых связей между социалистическими странами на более выгодных условиях. Для взаимного информирования о соответствующих прямых международных телефонно-телеграфных связях – их количестве и режиме эксплуатации, страны ОСС обменивались соответствующими справочными материалами и сообщали обо всех изменениях в структуре сети проводной электросвязи в январе и июле каждого года.

Эффективная работа международной системы электросвязи зависела также от разработки и принятия единого методического подхода (на первоначальном этапе – в формате единой инструкции), который позволял бы проводить глубокий и всесторонний анализ качественных показателей работы международных связей и, следовательно, оперативно и эффективно реагировать на возникающие в процессе их функционирования проблемы. Данной методической разработкой занимались, в первую очередь, связисты ГДР.

Для интенсификации телеграфного обмена в международной сети Телекс связисты ОСС признали необходимость автоматизации сегмента данной сети, ответственного за коммуникацию между социалистическими странами. Проект автоматизации, порученный администрации связи ГДР, предусматривал решение основных технических и эксплуатационных проблем, а также принципиальных вопросов по взаимным расчётам. Проект также учитывал уже принятые решения по автоматизации подобной сети – Гентекс. При разработке предложений предусматривалась техническая возможность будущей интеграции сетей (абонентов) Телекс, относившихся к ОСС, а также сетей Телекс «внешнего капиталистического мира» [22, л. 1].

Администрации связи СССР было поручено разработать план развития международных коммерческих радиосвязей и более эффективного использования действовавших международных радиосвязей социалистических стран. На основе данного плана страны ОСС согласовывали дальнейшее развитие

собственных коммерческих радиосвязей и добивались более рационального использования беспроводных каналов своих соседей по социалистическому лагерю [23, л. 1].

Кроме того, в сфере радиосвязи предстояло решить фундаментальную проблему того времени – вопрос распределения частот. Речь шла, в первую очередь, о диапазоне 27,5–10 500 МГц, каналах I, II и III диапазонов для телевидения и УКВ-ЧМ радиовещания, а также частотах для радиостанций УКВ-ЧМ вещания. Подготовленная совещанием ОСС таблица распределения полос частот в диапазоне 27,5–10 500 МГц впоследствии была представлена на Административной конференции радиосвязи в Женеве (августе 1959 г.). План распределения каналов I–III диапазонов и частот для телевидения и радиостанций УКВ-ЧМ относился к опорным мощным телевизионным центрам и станциям и не затрагивал второстепенные маломощные телевизионные передатчики и УКВ-ЧМ радиостанции (мощностью свыше 300 Вт) [24].

В целом, работа по вопросам радиосвязи проходила в русле подготовки к международным конференциям, проводившимся в 1959–1960 гг. Международным союзом электросвязи. Страны ОСС согласованно настаивали на реорганизации Международного комитета регистрации частот (МКРЧ) в Бюро по регистрации частот. Для участников ОСС в данном случае главным вопросом являлся учёт интересов стран социалистического содружества при составлении Международного списка частот, а также приём в МСЭ в качестве членов новых стран и территорий, независимо от их членства в ООН (в тот момент к работе Союза, в частности, не были допущены ГДР, МНР, КНДР, ДРВ). Совещание министров ОСС также настаивало на принятии русского языка в качестве рабочего для МСЭ, наравне с английским, французским и испанским, а также говорилось об эффективном использовании русского языка делегациями социалистических стран на конференциях МСЭ [25, л. 1].

Таким образом, вопросы, которые поднимались и дискутировались на первых совещаниях министров ОСС, подразделялись на несколько групп, в соответствии со структурой самой организации – электросвязь, ра-

диосвязь, научно-техническое сотрудничество и др.¹⁰ Поручения, решения, проекты, обсуждавшиеся на совещаниях ОСС, прорабатывались в дальнейшем в «заочном» режиме постоянно действующими группами специалистов той или иной администрации связи. Инициатор какого-либо проекта проводил, с одной стороны, сбор пожеланий, замечаний и предложений остальных членов ОСС, с другой – осуществлял рассылку уже разработанных проектов решений. Окончательный проект утверждался (или отправлялся на доработку) очередным совещанием министров. Между регулярными основными сессиями совещаний ОСС, которые организовывались один раз в два-три года, проводились совещания экспертов, технических служб, руководителей НИИ, а также полномочных представителей администраций связи по наиболее важным тематическим блокам повестки ОСС. Их тематика, расписание, форма и место проведения, состав участников и пр. оговаривались заранее и фиксировались в отдельном плане (см.: [26]).

Проведённый краткий экскурс в историю создания ОСС позволил установить, что к числу узловых направлений межгосударственного сотрудничества в области электросвязи в данный момент относились, в первую очередь, крупные проекты в области проводной телеграфно-телефонной связи – телеграфная сеть Гентекс и сеть Телекс. Кроме того, социалистические страны совместно разрабатывали инструктивно-методические документы, регламентирующие эксплуатацию и использование общих международных сегментов сети электросвязи. Другой крупной темой являлось согласованное определение принципов тарификации международных услуг связи.

Подчеркнём, что создание организации сотрудничества социалистических стран в области связи проходило на фоне стремительного развития транспортных, радио- и связных технологий, которое, безусловно, требовало согласованного решения научно-исследовательских проблем, связанных с их применением. ОСС сыграла ключевую роль в выработке единых принципов и подходов к формированию сети электрической связи, объединявшей страны социалистического содружества. СССР, как инициатор создания

ОСС, впоследствии принимал самое деятельное участие в её работе. До конца 1980-х гг. под руководством советской администрации было разработано несколько сотен производственных, технологических тем (см.: [26, л. 136–140]). Именно ОСС, закрепив уже достигнутый опыт в развитии почтовых и электрических коммуникаций между социалистическими странами, явилась базой для дальнейшего укрепления и расширения научно-технического сотрудничества, а также создания межгосударственной системы электросвязи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При подготовке статьи использовались материалы фондов Министерства почты и электросвязи ГДР, а также Института почтовой и электрической связи ГДР, посвящённые деятельности международных организаций в сфере связи и хранящиеся в Федеральном архиве Германии (Bundesarchiv – Lichterfelde, Berlin). Данные документальные материалы впервые вводятся в научный оборот.

² Другая крупная организация, объединявшая администрации связи социалистических государств, – Постоянная комиссия СЭВ по электрической и почтовой связи (КЭПС) – была создана значительно позднее, в 1971 г.

³ Подобные договоры с другими странами были заключены почти сразу после этого.

⁴ Статьи, посвящённые тарифам и порядку расчётов за междугородную связь, занимали почти половину объёма договора.

⁵ Албания (НРА), Болгария (НРБ), Китай (КНР), ГДР, КНДР, Монголия (МНР), Польша (ПНР), Румыния (РНР), СССР, Чехословацкая Республика, Венгрия (ВНР), Вьетнам (ДРВ). В качестве наблюдателя в совещании принимала участие также Югославия.

⁶ CCI = CCITT (Comité Consultatif International Téléphonique et Télégraphique) – сектор стандартизации Международного союза электросвязи.

⁷ «Интервидение» было организовано в 1960 г. в рамках существовавшей к тому времени Международной организации радиовещания и телевидения (Organisation Internationale de Radiodiffusion et de Télévision – OIRT).

⁸ Gentex – Generalized Teletype Exchange Service.

⁹ Вступили в силу также с 1 января 1960 г.

¹⁰ Проблематика комиссий почтовой связи и распространения печати в рамках данной статьи не рассматривается. В первые годы деятельности ОСС к числу отдельных тематических сюжетов относилась также методика перспективного планирования в области связи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Липкин М. А.* Совет экономической взаимопомощи и современные тренды в изучении XX века : к 70-летию образования СЭВ // Петербургские славянские и балканские исследования. – 2019. – № 2 (26). – С. 56–66.
2. *Милета В.* Специализированные организации СЭВ // Международная политика. – 1986. – № 862. – 5 марта. – С. 16–21.
3. *Степаненко С. И.* СЭВ: международное сотрудничество в области науки и техники / под ред. Н. В. Бороха. – М. : Международные отношения, 1985. – 271 с.
4. *Филипенко А. С.* Социалистическая интеграция и формирование международного хозяйственного комплекса стран – членов СЭВ / под ред. В. С. Будкина. – Киев : Вища школа, 1985. – 166 с.
5. *Хвостов В. М.* Проблемы истории внешней политики СССР и международных отношений. Избранные труды. – М. : Наука, 1976. – 550 с.
6. *Широков О. Н.* К вопросу о степени изученности проблемы деятельности СЭВ в отечественной историографии // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 7. – С. 60–66.
7. Соглашение об «Организации сотрудничества социалистических стран в области электрической и почтовой связи» (декабрь 1957 г.) // OSS-Ministerkonferenzen, Dokumente – I. Moskau 1957 u.a. BArch. DM 302/5016.
8. Unterlage für Vortrag im Ministerrat über die Bedeutung der in Moskau abgeschlossenen Post- und Fernmeldeabkommen (Berlin, den 10. Juli 1950) // Sonderabkommen mit der UdSSR. BArch. DM 3/10270.
9. Abkommen zwischen der DDR und der UdSSR über die Herstellung des Fernmeldeverkehrs (den 1. Juli 1950) // Sonderabkommen mit der UdSSR. BArch. DM 3/10270.
10. Referat über die technischwissenschaftliche Zusammenarbeit, den gegenseitigen Austausch von technischen Informationen und die Koordinierung der wissenschaftlichen Forschungsarbeiten (1957) // Material der OSS-Konferenz Moskau 1957 – (Referate). BArch. DM 3/4211.
11. Referat über die Arbeitskoordination der Ionosphärendienste in den sozialistischen Ländern und über die Einführung eines gegenseitigen Austausches von Ionosphärenangaben und Angaben über die Ausbreitung von Funkwellen // Material der OSS-Konferenz Moskau 1957 – (Referate). BArch. DM 3/4211.
12. Приложение 1. Участие НИИ администраций связи-членов ОСС в работах 9-й секции СЭВ. Документ 3.1 // Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonf. 1965 (deutsch/russisch). Abschlußakte der IV. OSS-Ministerkonferenz 1961 (russisch). Abschlußakte der III. OSS-Ministerkonferenz 1959 (russisch). BArch. DM 302/4601.
13. Referat über die Zusammenarbeit auf dem Gebiet des Betriebes und des weiteren Ausbaues der Nachrichtenverbindungen zwischen den sozialistischen Ländern. (Zum Pkt.2 des sowjetischen Vorschlages zur Tagesordnung) // Material der OSS-Konferenz Moskau 1957 – (Referate). BArch. DM 3/4211. S. 1–8.
14. Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonferenz 1965 (deutsch/russisch). Abschlußakte der IV. OSS-Ministerkonferenz 1961 (russisch). Abschlußakte der III. OSS-Ministerkonferenz 1959 (russisch). BArch. DM 302/4601.
15. OSS-Ministerkonferenzen, Dokumente – I. Moskau 1957, II. Prag 1958, III. Berlin 1959, IV. Warschau 1961, V. Ulan-Bator 1973. BArch. DM 302/5016.
16. Bericht über die Erfüllung der Beschlüsse der Moskauer und Prager Beratungen der Minister für Fernmeldewesen der sozialistischen Länder durch das Ministerium für Fernmeldewesen der UdSSR // Organisation für Zusammenarbeit... Berlin 1959. BArch. DM 3/2521. Листы не пронумерованы.
17. Заключительный акт III совещания министров, ведающих вопросами связи в социалистических странах, в Берлине от 1-го до 10-го июня 1959 г. Документ 1.3 // Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonf. 1965 (deutsch/russisch)... BArch. DM 302/4601.
18. Abschrift – Stellungnahme der Deutschen Demokratischen Republik zum Tagesordnungspunkt 5 der Konferenz der für das Post- und Fernmeldewesen verantwortlichen Minister der sozialistischen Länder in Prag 1958. Die Automatisierung des internationalen öffentlichen Telegrafendienstes der europäischen sozialistischen Länder // Material der OSS-Konferenz Berlin 1959. BArch. DM 3/ 1035 b. I.
19. Решение по вопросу плана направления телефонной нагрузки через европейские транзитные узлы социалистических стран. Заключительный акт III совещания министров, ведающих вопросами связи в социалистических странах, в Берлине от 1-го до 10-го июня 1959 г. Документ 1.1 // Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonferenz 1965 (deutsch/russisch). Abschlußakte der IV. OSS-Ministerkonferenz 1961 (russisch). Abschlußakte der III. OSS-Ministerkonferenz 1959 (russisch). BArch. DM 302/4601.
20. Решение подготовки проекта единой инструкции по технической эксплуатации международных магистральных линий связи, уплотнённых при помощи систем высокочастотного телефонирования. Заключительный акт III совещания министров, ведающих вопросами связи в социалистических странах, в Берлине от 1-го до 10-го июня 1959 г. Документ 1.2 // Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonferenz

- 1965 (deutsch/russisch). Abschlußakte der IV. OSS-Ministerkonferenz 1961 (russisch). Abschlußakte der III. OSS-Ministerkonferenz 1959 (russisch). BArch. DM 302/4601.
21. Решение относительно разработки единых принципов для составления тарифов на международные услуги электросвязи. Документ 1.5 // Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonf. 1965 (deutsch/russisch)... BArch. DM 302/4601. Листы не пронумерованы.
 22. Решение об автоматизации сети-телекс между странами-членами ОСС. Заключительный акт III совещания министров, ведающих вопросами связи в социалистических странах, в Берлине от 1-го до 10-го июня 1959 г. Документ 1.6 // Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonferenz 1965 (deutsch/russisch). Abschlußakte der IV. OSS-Ministerkonferenz 1961 (russisch). Abschlußakte der III. OSS-Ministerkonferenz 1959 (russisch). BArch. DM 302/4601.
 23. Решение о разработке плана развития международных коммерческих радиосвязей и более эффективного их использования. Заключительный акт III совещания министров, ведающих вопросами связи в социалистических странах, в Берлине от 1-го до 10-го июня 1959 г. Документ 1.7 // Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonferenz 1965 (deutsch/russisch). Abschlußakte der IV. OSS-Ministerkonferenz 1961 (russisch). Abschlußakte der III. OSS-Ministerkonferenz 1959 (russisch). BArch. DM 302/4601.
 24. Решение по вопросу принятия Таблицы полос частот. Документ № 2.1; Решение и план распределения частотных каналов I, II и III диапазонов для телевидения и УКВ-ЧМ радиовещания в европейских странах-членах ОСС. Документ № 2.2, Приложение I // Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonf. 1965 (deutsch/russisch)... BArch. DM 302/4601. Листы не пронумерованы.
 25. Решение о подготовке к международным конференциям, проводившихся в 1959–1960 гг. Международным Союзом Электросвязи. Заключительный акт III совещания министров, ведающих вопросами связи в социалистических странах, в Берлине от 1-го до 10-го июня 1959 г. Документ 1.3 // Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonf. 1965 (deutsch/russisch)... BArch. DM 302/4601.
 26. Internationale Vergleiche im Post- und Fernmeldewesen – Studie zum Länderbericht «Post- und Fernmeldewesen der UdSSR» // BArch. DM 3/35364.

Сведения об авторе

Миркин Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения, факультет исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 34

E-mail: wwm@lenta.ru

SPIN-код РИНЦ: 9620-4687

ORCID: 0000-0003-4340-6281

Информация о статье

Дата поступления
13 февраля 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Миркин В. В. Роль «Организации сотрудничества социалистических стран в области электрической и почтовой связи» в формировании межгосударственной системы электросвязи (конец 1950-х гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 38–50. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).38-50.

V.V. Mirkin

ROLE OF THE “ORGANIZATION OF SOCIALIST COUNTRIES’ COOPERATION IN THE FIELD OF ELECTRIC AND POSTAL COMMUNICATIONS” IN THE FORMATION OF THE INTERSTATE COMMUNICATION SYSTEM (LATE 1950s)

The article examines the process of creating an international organization in the post-war period to ensure scientific and technical cooperation in the field of electrical and postal communications between socialist states and its role in solving the priority tasks and development strategy of the interstate communications system. It is shown how the logic of the unfolding “cold war” forced the Soviet Union, as one of the poles of the emerging bipolar world, to undertake efforts to build its own relatively autonomous “external” electrical communication system (including wire telegraph and telephone communication and radio channels), which united the national communication systems of the states of the socialist camp – including for lobbying their interests in international communication organizations of the world scale. It is emphasized that the rapid development of technologies, due to the beginning of the

scientific and technological revolution in electrical communications, brought to the fore the issues of operational management and rational operation of international segments of communication systems of socialist states: the development of uniform instructions, technical requirements, methodological approaches, unified automation and tariffication of the international network, etc. The need to establish a regular exchange of scientific and technical knowledge is also shown – to coordinate scientific research and eliminate parallelism in their conduct. In preparing the article, materials were used from the funds of the Ministry of Post and Telecommunications of the GDR, as well as the Institute of Postal and Electrical Communications of the GDR, dedicated to the activities of international organizations in the field of communications and stored in the Federal Archives of Germany (Bundesarchiv, Lichterfelde – Berlin). These documentary materials are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: telecommunications; telegraph; telephone; radio; international cooperation; socialist countries.

REFERENCES

1. Lipkin M.A. Sovet ekonomicheskoi vzaimopomoshchi i sovremennyye trendy v izuchenii XX veka: k 70-letiyu obrazovaniya SEV [Council for Mutual Economic Assistance and Current Trends in 20th Century Research: On the 70th Anniversary of the Formation of the CMEA]. *Peterburgskie slavyanskii i balkanskii issledovaniya* [Petersburg Slavic and Balkan Studies], 2019, no. 2 (26). pp. 56-66. (in Russian).
2. Mileta V. Spetsializirovannyye organizatsii SEV [Specialized CMEA organizations]. *Mezhdunarodnaya politika* [International politics], 1986, no. 862, 5 March. pp. 16-21. (in Russian).
3. Stepanenko S.I. *SEV: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti nauki i tekhniki* [CMEA: international cooperation in science and technology], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1985, 271 p. (in Russian).
4. Filipenko A.S. *Sotsialisticheskaya integratsiya i formirovaniye mezhdunarodnogo khozyaistvennogo kompleksa stran – chlenov SEV* [Socialist integration and the formation of the international economic complex of the CMEA member countries], Kiev, Vishcha shkola Publ., 1985, 166 p. (in Russian).
5. Khvostov V.M. *Problemy istorii vneshnei politiki SSSR i mezhdunarodnykh otnoshenii. Izbrannyye Trudy* [Problems of the history of foreign policy of the USSR and international relations. Selected writings], Moscow, Nauka, 1976, 550 p. (in Russian).
6. Shirokov O.N. K voprosu o stepeni izuchennosti problemy deyatel'nosti SEV v otechestvennoi istoriografii [To the question of the degree of study of the problem of the activities of the CMEA in domestic historiography]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2006, no. 7, pp. 60-66. (in Russian).
7. Soglasenie ob «Organizatsii sotrudnichestva sotsialisticheskikh stran v oblasti elektricheskoi i pochtovoi svyazi» (dekabr' 1957 g.) [Agreement on the “Organization of Cooperation of Socialist Countries in the Field of Electric and Postal Communications” (December 1957)], OSS-Ministerkonferenzen, Dokumente – I. Moskau 1957 u.a. Bundesarchiv (Berlin, Germany) (BArch), DM 302/5016. (in Russian).
8. Unterlage für Vortrag im Ministerrat über die Bedeutung der in Moskau abgeschlossenen Post- und Fernmeldeabkommen (Berlin, den 10. Juli 1950) [Document for a lecture in the Council of Ministers on the importance of the postal and telecommunications agreements concluded in Moscow (Berlin, July 10, 1950)], Sonderabkommen mit der UdSSR. BArch, DM 3/10270. (in German).
9. Abkommen zwischen der DDR und der UdSSR über die Herstellung des Fernmeldeverkehrs (den 1. Juli 1950) [Agreement between the GDR and the USSR on the Establishment of Telecommunications (July 1, 1950)], Sonderabkommen mit der UdSSR. BArch, DM 3/10270. (in German).
10. Referat über die technischwissenschaftliche Zusammenarbeit, den gegenseitigen Austausch von technischen Informationen und die Koordinierung der wissenschaftlichen Forschungsarbeiten (1957) [Report on technical-scientific cooperation, mutual exchange of technical information and coordination of scientific research work (1957)], Material der OSS-Konferenz Moskau 1957 – (Referate). BArch, DM 3/4211. (in German).
11. Referat über die Arbeitskoordinierung der Ionosphärendienste in den sozialistischen Ländern und über die Einführung eines gegenseitigen Austausches von Ionosphären Daten und Angaben über die Ausbreitung von Funkwellen [Report on the work coordination of the ionospheric services in the socialist countries and on the introduction of a mutual exchange of ionospheric data and data on the propagation of radio waves], Material der OSS-Konferenz Moskau 1957 – (Referate). BArch, DM 3/4211. (in German).
12. Prilozhenie 1. Uchastie NII administratsii svyazi-chlenov OSS v rabotakh 9-i sektsii SEV. Dokument 3.1 [Annex 1. Participation of Research Institutes of Communications Administrations-members of the OSS in the work of the 9th section of the CMEA. Document 3.1], Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonf. 1965

- (deutsch/russisch). Abschlußakte der IV. OSS-Ministerkonferenz 1961 (russisch). Abschlußakte der III. OSS-Ministerkonferenz 1959 (russisch). BArch, DM 302/4601. (in Russian).
13. Referat über die Zusammenarbeit auf dem Gebiet des Betriebes und des weiteren Ausbaues der Nachrichtenverbindungen zwischen den sozialistischen Ländern. (Zum Pkt.2 des sowjetischen Vorschlages zur Tages Ordnung) [Report on cooperation in the field of operations and the further development of communications between the socialist countries. (Regarding point 2 of the Soviet proposal for the order of the day)], Material der OSS-Konferenz Moskau 1957 – (Referate). BArch, DM 3/4211, pp. 1-8. (in German).
 14. Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonferenz 1965 (deutsch/russisch). Abschlußakte der IV. OSS-Ministerkonferenz 1961 (russisch). Abschlußakte der III. OSS-Ministerkonferenz 1959 (russisch) [Closing Act of the VI. OSS Ministerial Conference 1965 (German/Russian). Final Act of the IV OSS Ministerial Conference 1961 (Russian). Closing act of the III. OSS Ministerial Conference 1959 (Russian)], BArch, DM 302/4601. (in German and Russian).
 15. OSS-Ministerkonferenzen, Dokumente – I. Moskau 1957, II. Prag 1958, III. Berlin 1959, IV. Warschau 1961, V. Ulan-Bator 1973 [OSS Ministerial Conferences, Documents – I. Moscow 1957, II. Prague 1958, III. Berlin 1959, IV. Warsaw 1961, V. Ulaanbaatar 1973]. BArch, DM 302/5016. (in German).
 16. Bericht über die Erfüllung der Beschlüsse der Moskauer und Prager Beratungen der Minister für Fernmeldewesen der sozialistischen Länder durch das Ministerium für Fernmeldewesen der UdSSR [Report on the implementation by the USSR Ministry of Telecommunications of the decisions of the Moscow and Prague meetings of the Ministers of Telecommunications of the socialist countries], Organisation für Zusammenarbeit... Berlin 1959. BArch, DM 3/2521. (in German).
 17. Zaklyuchitel'nyi akt III soveshchaniya ministrov, vedayushchikh voprosami svyazi v sotsialisticheskikh stranakh, v Berline ot 1-go do 10-go iyunya 1959 g. Dokument 1.3 [Final act of the III meeting of ministers in charge of communications in the socialist countries, in Berlin from June 1 to June 10, 1959. Document 1.3], Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonf. 1965 (deutsch/russisch)... BArch, DM 302/4601. (in Russian).
 18. Abschrift – Stellungnahme der Deutschen Demokratischen Republik zum Tagesordnungspunkt 5 der Konferenz der für das Post- und Fernmeldewesen verantwortlichen Minister der sozialistischen Länder in Prag 1958. Die Automatisierung des internationalen öffentlichen Telegrafendienstes der europäischen sozialistischen Länder [Transcript – Statement of the German Democratic Republic on item 5 of the agenda of the conference of ministers responsible for posts and telecommunications in the socialist countries in Prague in 1958. The automation of the international public telegraph service of the European socialist countries], Material der OSS-Konferenz Berlin 1959. BArch, DM 3/1035 b. I. (in German)
 19. Reshenie po voprosu plana napravleniya telefonnoi nagruzki cherez evropeiskie tranzitnye uzly sotsialisticheskikh stran. Zaklyuchitel'nyi akt III soveshchaniya ministrov, vedayushchikh voprosami svyazi v sotsialisticheskikh stranakh, v Berline ot 1-go do 10-go iyunya 1959 g. Dokument 1.1 [Decision on the plan to direct the telephone load through the European transit nodes of the socialist countries. Final Act of the III Conference of Ministers in charge of Communications in the Socialist Countries, in Berlin from June 1 to June 10, 1959 Document 1.1], Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonferenz 1965 (deutsch/russisch). Abschlußakte der IV. OSS-Ministerkonferenz 1961 (russisch). Abschlußakte der III. OSS-Ministerkonferenz 1959 (russisch). BArch, DM 302/4601. (in Russian).
 20. Reshenie podgotovki proekta edinoi instruksii po tekhnicheskoi ekspluatatsii mezhdunarodnykh magistral'nykh linii svyazi, uplotnennykh pri pomoshchi sistem vysokochastotnogo telefonirovaniya. Zaklyuchitel'nyi akt III soveshchaniya ministrov, vedayushchikh voprosami svyazi v sotsialisticheskikh stranakh, v Berline ot 1-go do 10-go iyunya 1959 g. Dokument 1.2 [The decision to prepare a draft of a unified instruction for the technical operation of international trunk communication lines, sealed with high-frequency telephony systems. The final act of the III meeting of ministers in charge of communications in the socialist countries, in Berlin from 1st to 10th June 1959 Document 1.2], Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonferenz 1965 (deutsch/russisch). Abschlußakte der IV. OSS-Ministerkonferenz 1961 (russisch). Abschlußakte der III. OSS-Ministerkonferenz 1959 (russisch). BArch, DM 302/4601. (in Russian).
 21. Reshenie otnositel'no razrabotki edinykh printsipov dlya sostavleniya tarifov na mezhdunarodnye uslugi elektrosvyazi. Dokument 1.5 [Decision on the development of uniform principles for the preparation of tariffs for international telecommunication services. Document 1.5], Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonf. 1965 (deutsch/russisch)... BArch, DM 302/4601. (in Russian).
 22. Reshenie ob avtomatizatsii seti teleks mezhdru stranami-chlenami OSS. Zaklyuchitel'nyi akt III soveshchaniya ministrov, vedayushchikh voprosami svyazi v sotsialisticheskikh stranakh, v Berline ot 1-go do 10-go iyunya 1959 g. Dokument 1.6 [Decision to automate the telex network between OSS member countries. The final act of the III meeting of ministers in charge of communications in the socialist countries, in Berlin from 1st to 10th June 1959 Document 1.6], Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonferenz 1965 (deutsch/russisch). Abschlußakte der IV. OSS-Ministerkonferenz 1961 (russisch). Abschlußakte der III. OSS-Ministerkonferenz 1959 (russisch). BArch, DM 302/4601. (in Russian).

23. Reshenie o razrabotke plana razvitiya mezhdunarodnykh kommercheskikh radiosvyazei i bolee effektivnogo ikh ispol'zovaniya. Zaklyuchitel'nyi akt III soveshchaniya ministrov, vedayushchikh voprosami svyazi v sotsialisticheskikh stranakh, v Berline ot 1-go do 10-go iyunya 1959 g. Dokument 1.7 [Decision to develop a plan for the development of international commercial radio communications and their more efficient use. Final act of the III meeting of ministers in charge of communications in the socialist countries, in Berlin from 1st to 10th June 1959 Document 1.7], Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonferenz 1965 (deutsch/russisch). Abschlußakte der IV. OSS-Ministerkonferenz 1961 (russisch). Abschlußakte der III. OSS-Ministerkonferenz 1959 (russisch). BArch, DM 302/4601. (in Russian).
24. Reshenie po voprosu prinyatiya Tablitsy polos chastot. Dokument № 2.1; Reshenie i plan raspredeleniya chastotnykh kanalov I, II i III diapazonov dlya televideniya i UKV-ChM radioveshchaniya v evropeiskikh stranakh-chlenakh OSS. Dokument № 2.2, Prilozhenie I [Decision on the adoption of the Table of Frequency Bands. Document No. 2.1; Decision and plan for the distribution of frequency channels of I, II and III bands for television and VHF-FM broadcasting in the European member countries of the OSS. Document No. 2.2, Appendix I], Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonf. 1965 (deutsch/russisch)... BArch, DM 302/4601. (in Russian).
25. Reshenie o podgotovke k mezhdunarodnym konferentsiyam, provodivshikhsya v 1959-1960 gg. Mezhdunarodnym Soyuzom Elektrosvyazi. Zaklyuchitel'nyi akt III soveshchaniya ministrov, vedayushchikh voprosami svyazi v sotsialisticheskikh stranakh, v Berline ot 1-go do 10-go iyunya 1959 g. Dokument 1.3 [The decision to prepare for international conferences held in 1959-1960. International Telecommunication Union. Final Act of the III Meeting of Ministers in charge of Communications in the Socialist Countries, in Berlin from June 1st to 10th, 1959 Document 1.3], Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonf. 1965 (deutsch/russisch)... BArch, DM 302/4601. (in Russian).
26. Internationale Vergleiche im Post- und Fernmeldewesen – Studie zum Länderbericht “Post- und Fernmeldewesen der UdSSR” [International comparisons in the postal and telecommunications system – study on the country report “Post and telecommunications in the USSR”], BArch, DM 3/35364. (in German).

About the author

Vladimir V. Mirkin – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Documentation of the National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Postal address: 34, Lenina pr., Tomsk, 634050, Russia

E-mail: wwm@lenta.ru

RSCI SPIN-code: 9620-4687

ORCID: 0000-0003-4340-6281

Article info

Received
February 13, 2022

Accepted
October 15, 2022

Acknowledgements

The article was prepared with the support of the German Academic Exchange Service (DAAD) (scholarship program “Forschungsaufenthalte für Hochschullehrer und Wissenschaftler, 2021”) in partnership with the Faculty of Philosophy of the Humboldt University of Berlin (Humboldt-Universität zu Berlin).

For citations

Mirkin V.V. Role Of The “Organization Of Socialist Countries’ Cooperation In The Field Of Electric And Postal Communications” In The Formation Of The Interstate Communication System (Late 1950s). *Herald of Omsk University. Series “Historical Studies”*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 38-50. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4). 38-50 (in Russian).

ИНСТИТУТ ВЫБОРОВ ОРГАНОВ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XIX – НАЧАЛА XX в.

Представлены краткие итоги анализа наиболее значимых трудов отечественных учёных второй половины XIX – начала XX в., раскрывающих научные взгляды на сущность, значение выборов как элемента деятельности местного управления (самоуправления) в России в период XVI–XVII вв. Выявлены основные черты, характеризующие выборность в изучаемый период. В частности, выборы представлялись не столько правом, сколько элементом обеспечения обязанностей общины перед государством, отмечается неурегулированность выборных процедур государством, сохранение традиционного порядка производства выборов.

Ключевые слова: выборы; самоуправление; местное управление; мир; община.

Развитие выборных основ в организации органов власти является одной из обсуждаемых в научном сообществе тем, при этом отмечается периодическое усиление внимания к ней со стороны учёных в периоды изменений в политической жизни страны. История выборов в Российском государстве в дореволюционный период, в целом, достаточно хорошо изучена современными исследователями. В частности, стоит особо выделить монографию доктора юридических наук И. В. Минникес «Выборы в истории Российского государства в IX – начале XIX века» [1], имеется ряд научных статей. Авторы опираются в том числе на труды исследователей второй половины XIX – начала XX в. Именно во второй половине XIX в. отмечается значительный рост научного интереса к проблемам истории местного управления, что было вызвано реформами земского (1864 г.) и городского (1870 г.) выборного местного управления в Российской империи.

Исследования выборности преимущественно связаны с изучением развития местного управления, самоуправления. Такая си-

туация закономерна, поскольку в дореволюционный период выборный порядок формирования органов управления был свойствен преимущественно на местном уровне.

Отечественные учёные второй половины XIX – начала XX в. внесли значительный вклад в изучение истории выборности в Российском государстве, ввели в оборот многие источники, их труды и в настоящее время остаются ценнейшим источником для современных исследований. При этом анализ самих этих трудов как комплекса научных работ по указанной проблематике остаётся за скобками научного интереса.

Учитывая требования к объёму научной статьи, остановимся на периоде XVI–XVII вв., поскольку он привлекал к себе внимание многих как дореволюционных, так и современных исследователей. По той же причине мы не рассматриваем представления о Земских Соборах, ограничиваясь сферой местного управления (самоуправления).

Целью данной работы является попытка восполнить пробел, представить обзор наиболее значимых исследований, определить

их значение для изучения истории выборности в России.

Борис Николаевич Чичерин в своём труде «Областные учреждения России в XVII веке» (опубликована в 1856 г.) рассматривал выборные должности в системе организации областного управления¹. При этом особое внимание он уделял обязанностям выборных должностных лиц, выполняемым в интересах государства. Им изучались три категории выборных должностных лиц: таможенные головы, кабацкие головы и целовальники; губные старосты и целовальники; земские старосты и целовальники.

По его мнению, государство использовало институт выборных людей (голов, целовальников и прочих) для решения своих задач и в той мере, в которой это отвечало его интересам. В частности, указывается на то, что в зависимости от ситуации, одни и те же функции могли вверяться выборным людям или назначаемым государством. Неоднократно подчёркивается, что выполнение обязанностей выборными людьми и их избирателями воспринималось как повинность, от которой стремились избавиться. Выборный порядок позволял власти не только экономить на содержании чиновников, но и ввести финансовую ответственность избираемых людей (например, целовальников) по недоимкам при сборе платежей или солидарную ответственность избирателей – казна убытка не должна была нести². Таможенные головы, кабацкие головы и целовальники являлись вирными сборщиками и служителями, избранными по обязанности низших сословий для управления казёнными делами. Таким образом, не смотря на выборный характер, они ни в коем случае не могут быть отнесены к самоуправлению.

Губные старосты и целовальники в большей мере признавались Б. Н. Чичериным земской властью – головы, по его замечанию, являлись главными сборщиками, а старосты – старшие над земскими людьми. Но и здесь видится повинность. Губное управление происходило, прежде всего, от необходимости организовать розыск, преследование и наказание преступников. Государство «...видело в губном управлении не общинное дело, государственное»³. Низшие служители (сотские, пятидесятские, десятские), будучи

избираемыми простыми людьми, также рассматривались как исполнители государственных повинностей.

Несколько иное отношение было к земским старостам и целовальникам. В их деятельности прослеживается более земское, местное начало. Однако и они выполняли государственные обязанности – сбор податей и отправление повинностей. Кроме того, сами общины рассматривались исследователем не в качестве самостоятельных союзов, а как имевшие государственное значение в первую очередь податные единицы. При этом существенного различия государственных дел и общинных не просматривается. Стоит отметить, что Б. Н. Чичерин не усматривал общины как свободной самоуправляемой организации и в средневековой Руси, где над общиной довели вотчинники.

Рассматривая процедуры выборов он и в порядке их производства видит государственное начало – выборы производились под руководством назначенных государством управленцев (воевод); избранный утверждался в должности государством (например – Разбойным приказом) и там же давал присягу (разумеется, не избирателям). Отмечается неурегулированность, случайный характер порядка проведения выборов.

Таким образом, Б. Н. Чичерин видел в выборном характере органов местного управления в XVI–XVII вв. абсолютно преимущественно способ возложить повинности по исполнению государственных задач на само население, не признавая за областным управлением значения самоуправления. Соответственно и выборы являлись не проявлением прав, свобод, а одной из обязанностей подданных русского государства.

Иной совершенно подход к вопросу о сущности и роли выборов в жизни населения Руси, Московского государства демонстрирует Афанасий Прокофьевич Щапов, историк и публицист, исповедовавший народнические взгляды на отечественную историю [2, с. 44] и придававший особое значение самоуправлению. В статье «Сельский мир и мирской сход», опубликованной впервые в журнале «Век» в 1862 г., А. П. Щапов представляет свою точку зрения на сущность самоуправления в истории, затрагивая вопрос о значимости выборов. Он полагал вы-

борное самоуправление следствием общинного поземельного устройства с древних времён. «Мир в сельских общинах, областях был полноправный государь»⁴. Приоритет мира в вопросах выборов земских голов, старост, целовальников, судей и иных лиц являлся естественной основой, принципом существования и самоорганизации самоуправляющихся общин. А. П. Щапов отмечает, что «...с распространением власти московских царей на все области земли, в волостях начал усиливаться приказно-правительственный элемент»⁵. Самоуправление всё более ограничивалось вмешательством государства и выборные должности стали носить приказной (т. е. государственный) характер. Однако, по его мнению, самоуправление и главный его атрибут – выборы не исчезли, сохранившись и во второй половине XVII в. и далее, не смотря на процессы закрепощения крестьян. Как видно, взгляды А. П. Щапова весьма противоположны представлениям Б. Н. Чичерина, видевшего в выборности только способ формирования используемых властью в своих целях органов управления на местах. Пожалуй, Щаповские представления о роли выборности значительно идеализированы, особенно если говорить о периоде истории с XVI в.

Михаил Михайлович Богословский своё исследование «Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.»⁶ посвятил анализу основных аспектов выборов на русском Севере применительно к выявлению сущности, особенностей местного самоуправления. В частности, на основе изучения избирательных списков, именованных «выбор», им был сделан вывод о договорном характере отношений между земским миром (избирателями) и выбранными должностными лицами⁷. Весьма интересен и значим для понимания проблем выборности в русском государстве анализ используемых в документах понятий «излюбили (полюбили)» и «выбрали». Автор полагает, что в первом случае обозначалось одобрение миром кандидата, этот термин носит скорее психологический смысл. Выдвигается предположение, что наличие слова «излюбили» указывает на добровольность избрания, в противовес ситуациям, когда земским людям в Московском царстве властью предписывалось «выбрать»

кандидатов, указанных представителями царской власти. При этом объясняется, какой смысл придаётся в таком случае понятию «выбор» – процедура составления списка местного общества, которые «прилагая руку» к «выбору» брали солидарную ответственность за плохое исполнение обязанностей должностным лицом (например – возмещение недостачи в собираемых податях). В целом, слово «выбор» относилось к формальной процедуре, заключающейся в составлении избирательного списка.

Характеризуя круг лиц, которые могли быть избраны миром, предъявляемые к ним требования, особое внимание М. М. Богословский обращает на требование к материальной (финансовой) обеспеченности кандидата. Интерес к этому вопросу проявляли как государство, так и общество. Государство было заинтересовано в полном получении собираемых с населения выборными людьми денег. Недостачу управленец должен был покрывать из своих средств (если она возникла по его вине). Для мира важно было, что бы избранное лицо не использовало своё положение для личного обогащения, не притесняло подвластных людей.

Весьма подробно рассматриваются обязанности выборных властей. Однако больший интерес представляет разбор обязанностей мира в отношении выбранных ими людей. Само наличие обязанностей у обеих сторон подтверждает тезис о договорной сущности отношений между миром (избирателями) и избранными им лицами. Причём, по мнению исследователя, этот договор имеет преимущественно публично-правовой характер, но в некоторых случаях встречались и частно-правовые элементы.

Подводя итоги, М. М. Богословский указывает на тройственный характер выборов на русском Севере. Во-первых, выделяется сама процедура подбора, одобрения кандидатур и составление формального акта, подтверждающего факт избрания. Второе значение связано с заключением договора между избранным лицом и избравшим его миром с фиксацией взаимных обязательств сторон. И третье – получение поручительства за избранных должностных лиц перед властью с возложением на избирателей (мир) обязанностей возмещения возникших по ви-

не выборного лица убытков казне. Таким образом, природа самоуправления и избрания видится двойственной, направленной на удовлетворение местных потребностей и выполнение государственных повинностей. Само же понятие «выбор» трактуется в узком смысле как юридический акт, подтверждающий факт избрания и возникновение определенных юридических последствий.

Александр Дмитриевич Градовский в монографическом труде «История местного управления в России»⁸ прямо не рассматривает вопросы выборов как таковые. Однако его взгляды на сущность общины и роли избираемых ей должностных лиц позволяют проследить и отношение к сущности самого института выборов.

Свободная община, существовавшая в древности, попадает под власть княжеских, государственных назначаемых управленцев – наместников, волостелей, воевод. Изменение ситуации отмечается с XVI в., когда общине предоставляется право самостоятельно выполнять обязанности по местному управлению. Крестьянская община, по мнению А. Д. Градовского, носила двойственный характер. Во-первых, она являлась «...соединением лиц, преследовавших свои интересы, независимо от каких бы то ни было правительственных задач»⁹. Вторая сущность общины связана с задачами, возлагавшимися на неё государством. При этом отмечает, что государство воспользовалось общиной как уже готовым инструментом для решения своих задач управления на местах без создания и содержания аппарата назначаемых чиновников. Отмечается, что под влиянием всё новых повинностей в пользу государства, первая сущность, как свободного сообщества для решения собственных, внутренних интересов, всё более уступает второй – аппарату осуществления функций государственного управления на местах. Высказывается парадоксальная мысль – в результате преобразований Ивана Грозного «...за общинами была признана *обязанность самоуправления*»¹⁰. Парадоксально, но вполне вписывается в представления о том, что общее значение имело не право (подразумеваются права крестьян и прочих сословий), а повинности, следовательно развивались и учреждения, основанные не на правах, а на повинностях. Са-

моуправление как решение внутренних вопросов общины, впрочем, не исчезло совершенно. Преимущественно оно сосредоточилось на вопросах землепользования.

«Тяглый» характер выборного управления, которое автор называет самоуправлением, всё значимее проявляется в период XVII в. и становится абсолютно приоритетным к началу правления Петра Первого. Огромное значение имел процесс закрепощения. Для крестьян крепостных власть помещиков, по выражению А. Д. Градовского, заменила деятельность общины.

А. Д. Градовский не затрагивает непосредственно вопросы выборов, однако рассматривает выборные должности как проявление государственной службы, повинности как для дворян, так и для крестьян. Таким образом, само избрание в первую очередь не акт волеизъявления людей, а способ отыскать и утвердить кандидатов, пригодных к отправлению службы по местному управлению. Такие должностные лица отличались от назначаемых государством чиновников фактом избрания местными обществами и отсутствием содержания от государства. Уже в XVII в. сфера выборности сокращается, уступая всё больше место власти назначаемого чиновника и помещика.

Историк и публицист С. Г. Алексеев в своём монографическом труде «Местное самоуправление русских крестьян XVIII–XIX в.»¹¹, изданном в 1902 г., основное внимание уделяет сравнительному исследованию законодательного регулирования, практики отношения государственных (правительственных) органов по отношению к крестьянскому самоуправлению в России и европейских странах в период XVIII–XIX вв. Для нас представляет интерес предпринятая им реконструкция порядка ведения Схода как собрания избирателей и органа решения важных общинных вопросов в период XVII в. Сход созывался старостами через сотских и десятских. Поскольку для принятия решения важно было присутствие максимального числа членов общества, принимались меры для обеспечения явки нежелающих участвовать в Сходе. Сначала их «увещевали», убеждали прийти рядовые члены общины. Самых упорных принуждали к явке старосты¹². При этом, как отмечает

С. Г. Алексеев, нередкостью было применение физического насилия с обеих сторон. Причина в том, что многие общинники (крестьяне или посадские) не были заинтересованы в Сходе, поскольку решались там прежде всего вопросы распределения податей и повинностей.

Александр Александрович Кизеветтер в монографии «Посадская община в России XVIII ст.»¹³, рассматривая посадские Сходы XVIII в. представляет краткую характеристику посадских Сходов XVI и XVII вв. Прежде всего, указывается на отсутствие принципиального различия самоуправления посадских миров по сравнению с самоуправляющимися мирами уезда. Отмечается отсутствие государственной регламентации внутриобщинных порядков в целом и выборных процедур в частности. Порядок созыва Схода, процедуры обсуждения, избрания, голосования в ходе Схода, права участия в Сходе определялись обычаями той или иной местности, конкретной общины. Государству был значим конечный итог – исполнение общиной повинностей, обязанностей, что вполне соотносится с выводами других исследователей.

Подводя итоги, следует отметить, что учёные второй половины XIX – начала XX вв. не выделяли саму процедуру выборов и связанные с ней вопросы в особую сферу научного интереса. В своих трудах они только косвенно затрагивают их в контексте местного выборного управления, самоуправления. Однако исследования позволяют раскрыть сущность выборного порядка органов, должностных лиц местного управления (самоуправления), особенности выборности. К примеру, нередко само по себе упоминание о выборах воспринимается как признак самоуправления, демократии. Однако, как показывает анализ научных трудов, большинство исследователей абсолютно не рассмат-

ривают наличие института выборов должностных лиц на местах как проявление самоуправления применительно к XVI–XVII вв. Само выборное местное управление представляется большинством учёных в первую очередь как обязанность, повинность общины в интересах государства. Особое значение имеет тот факт, что исследования проводились на основе анализа широкого круга первоисточников, в том числе впервые введённых в научный оборот. Изучение трудов исследователей второй половины XIX – начала XX вв., таким образом, позволяет сформировать более полное представление о сущности и состоянии выборных начал в российском государстве в период XVI–XVII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке. – М. : Тип. Александра Семина, 1856. – 606 с.

² Там же. С. 440–441.

³ Там же. С. 450.

⁴ Сочинения А. П. Щапова : в 3 т. – СПб. : Изд-во М. В. Пирожков, 1906. – Т. 1. – С. 768.

⁵ Там же. С. 770.

⁶ Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. – М. : Изд. Императорского историко-древностей русского при Московском ун-те, 1909. – Т. 1. – 495 с.

⁷ Там же. С. 302.

⁸ Градовский А. Д. История местного управления в России. – СПб. : Печ. В. Головина, 1868. – Т. 1. – 527 с.

⁹ Там же. С. 112.

¹⁰ Там же. С. 118

¹¹ Алексеев С. Г. Местное самоуправление русских крестьян XVIII–XIX вв. L'autonomie rurale des états d'Angleterre, de France, d'Allemagne et de Russie. – СПб. : Тип. изд-ва М. О. Вольф, 1902. – 328 с.

¹² Там же. С. 102–103.

¹³ Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. – М.: Унив. тип., 1903. – 810 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минникес И. В. Выборы в истории Российского государства в IX – начале XIX века. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2010. – 538 с.
 2. Смищенко Р. С. А. П. Щапов как инициатор народнической тенденции в отечественной историографии второй половины XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. – 1998. – № 3. – С. 44–47.
-

Сведения об авторе

Быков Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644092, Россия, Омск, пр. Комарова, 7

E-mail: aleksandr091070@rambler.ru

РИНЦ AuthorID: 675439

ORCID: 0000-0002-2637-4428

Информация о статье

Дата поступления
28 февраля 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Быков А. В. Институт выборов органов местного управления в трудах отечественных исследователей XIX – начала XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 51–57. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).51-57.

A.V. Bykov

THE INSTITUTE OF ELECTIONS OF LOCAL GOVERNMENT BODIES IN THE WORKS OF DOMESTIC RESEARCHERS OF THE 19th – BEGINNING OF THE 20th CENTURY

The article presents a summary of the analysis of the most significant works of famous domestic scientists of the second half of the 19th – early 20th centuries, revealing views on the essence and significance of elections as an element of the activity of local government (self-government) in Russia in the period of the 16th-17th centuries. The main features that characterize the electivity in the study period are revealed. Russian scientists of the second half of the XIX – early XX centuries. did not single out the election procedure itself and related issues as a special area of scientific interest. In their writings, they only indirectly affect them in the context of local elected administration, self-government. However, their research makes it possible to reveal the essence of the elective order of bodies, officials of local government (self-government), the features of electivity. For example, the very mention of elections is often perceived as a sign of self-government and democracy. However, as the analysis of scientific works shows, most researchers absolutely do not consider the existence of the institution of local election of officials as a manifestation of self-government in relation to the 16th-17th centuries. The elective local government itself is presented by the majority of scientists primarily as a duty, a duty of the community in the interests of the state. Accordingly, elections were seen not so much as a right, but as an element of ensuring the obligations of the community to the state. The authors also note the lack of legislative regulation of electoral procedures by the state, the preservation of the traditional procedure for conducting elections. Of particular importance is the fact that the research was carried out on the basis of an analysis of a wide range of primary sources, including those first introduced into scientific circulation. The study of the works of researchers of the second half of the 19th – early 20th centuries, thus, allows us to form a more complete picture of the essence and state of elective principles in the Russian state in the period of the 16th-17th centuries.

Keywords: elections; self management; local government; peace; community.

REFERENCES

1. Minnikes I.V. *Vybory v istorii Rossiiskogo gosudarstva v IX – nachale XIX veka* [Elections in the history of the Russian state in the 9th – early 19th century], St. Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2010, 538 p. (in Russian).
 2. Smishchenko R.S. A.P. Shchapov kak initsiator narodnicheskoy tendentsii v otechestvennoi istoriografii vtoroi poloviny XIX v. [A.P. Shchapov as the initiator of the populist trend in Russian historiography of the second half of the 19th century]. *Izvestiya Altaiskogo gosuderstvennogo universiteta* [News of the Altai State University], 1998, no. 3, pp. 44-47. (in Russian).
-

About the author

Alexander V. Bykov – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Postal address: 7, Komarova pr., Omsk, 644092, Russia

E-mail: aleksandr091070@rambler.ru

RSCI AuthorID: 675439

ORCID: 0000-0002-2637-4428

Article info

Received
February 28, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Bykov A.V. The Institute of Elections of Local Government Bodies in the Works of Domestic Researchers of the 19th – Beginning of the 20th Century. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 51-57. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4). 51-57 (in Russian).

УДК 06

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).58-66

В. Ю. Титов

ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Даётся классификация протестных настроений и объясняются причины возникновения такого явления с точки зрения исследований в новейшей истории. В советской науке существовала традиция объяснять роль протестов в общественном мнении влиянием представлений отдельных социальных групп, являющихся активными на данном отрезке времени, например, рабочих и колхозников. Поэтому в советских протестных настроениях преобладали нотки «политических сказок» (слухи, сплетни, анекдоты, обсуждения домыслов), а советская наука рассматривала их на стыке истории, лингвистики, политологии.

Ключевые слова: протест; социальная конфронтация; протестные настроения.

Современное обоснование темы «история отечественных протестных настроений» стало возможным в силу целого ряда законодательных инициатив, которые стали развиваться после опубликования в 1988 г. знаменитого постановления ЦК КПСС «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х – начала 50-х годов». Раскрытие специфики историографии темы «протестные настроения» является целью данного исследования.

Начало изучению протестных настроений в новейшей истории положила XIX Всесоюзная конференция КПСС. Её решения предопределили развал СССР, установление двухуровневой представительной системы (Съезд народных депутатов СССР и Верховный Совет СССР), учреждение поста президента СССР и начало пересмотра политической истории СССР. Впервые партийная конференция, принимавшая решения по переустройству политической системы страны, была публичной. Это обстоятельство стало одним из важнейших для дальнейшего переосмысления политического прошлого страны, что сразу же делало оппозиционные настроения краеугольным камнем преткновения различных общественно-политических объединений «эпохи перестройки». Для ис-

ториков итогами XIX партконференции стала возможность публично обсуждать ранее запретные темы и анализировать в прессе исторические источники. Кроме этого проблема изучения протеста была выделена в отдельную тему не столько социального плана, сколько социально-экономического и освещалась в публикациях трёх ведущих в конце 1980-х гг. журналов СССР: «Огонёк», «Наука и жизнь», «Коммунист».

Гипотеза исследования. Согласно нашему предположению, специфические для каждой исторической эпохи правовые и экономические обстоятельства жизни изменяют порядок логических и лексических понятий, составляющих мировоззрение общества – менталитет. Менталитет влияет на развитие протестных настроений: протестные настроения никогда не выражаются в чём-то едином и не имеют чётких законченных форм и видов, поскольку «распараллеливаются» на отдельные темы, связанные с отношением общества к власти, людей к обществу и человека к своей судьбе.

Процесс «распараллеливания» – это превращение общего социального недовольства в протестные настроения, которые сформировавшись в нечто единое, начинают действовать согласно со «своей внутренней жизнью» – брюзжание себе под нос. Таким

образом, отличить и распознать протестные настроения очень сложно, единственный метод, способствующий этому – отождествление конкретной социально-негативной среды с социальной установкой, получившей наибольшее распространение в источниках, отражающих общественное мнение.

Например, для первой половины XX в. такими причинами были убеждения в неизменности и правомерности обычаев, стремление к кооперации и консолидации в трудовой деятельности. Для второй половины XX в. причины протестных настроений выражались в стремлении добиться от властей признания гуманизма, нравственности и справедливости во внутренней политике.

Историография темы. Значительная часть исторической литературы о России 1922–1985-х гг. посвящена протестам обиженных властью людей: раскулаченных, репрессированных, диссидентов. При этом фигура Сталина и такое историко-культурологическое понятие, как «сталинизм», многими рассматривались в качестве центральной проблемы в истории СССР, и в истории протестов¹.

Новый вектор исследований проблемы отечественных протестных настроений начался с двух публикаций: статей академика Г. Л. Смирнова «Время трудных вопросов»² и А. Мещерякова «В защиту мещанства»³, в которых возникновение сталинизма и сопровождавших его репрессий обосновывалось проблемой незрелости общественного мнения. В качестве примера такой незрелости, отечественные учёные обозначили следующее предположение: репрессии – это протест общественного большинства направленный против ленинской программы революционных преобразований, т. е. всемирной революции. Не желая становиться винтиками в деле строительства мировой революции, люди, уставшие от гражданской войны, предпочли отмщение всем тем, с кем ассоциировали своё нестабильное положение и страх за жизнь – с ленинскими большевиками. Десятью годами позже точно такое же заключение нашло своё отражение в статье И. В. Павловой «Механизмы политической власти в СССР в 20–30-е годы». В статье протест масс против ленинских методов управления показан на примере бюрократи-

зации партии, что общественность восприняла как необходимую политику по укреплению государственности⁴.

Аналогичные процессы демонстрировало советское, а затем, российское общественное мнение, когда выступало «за» контрпреобразования во время путча в августе 1991 г. и в дни разгона Верховного Совета России в октябре 1993 г., когда враждебность к свободе и целесообразности экономических преобразований приобретала черты сознательной правительственной политики.

Традиция противопоставления себя государству, а таких примеров в отечественной истории немало, формировала традицию протестных настроений, игравших заметную роль в общественном мнении. Например, обоснование такой точки зрения для новейшего периода российской истории было предложено известным правозащитником Сергеем Адамовичем Ковалёвым в конце 1990-х гг. На примере изучения исторического наследия М. Я. Гефтера он выдвинул следующее положение: вместо принципов гражданского общества в истории политического развития России всегда преобладало общественное мнение, чуждое идеям государственности. Развитие этого общественного мнения происходило по мере возрастания «принудительного единообразия утопических учений», исходивших от институтов государственной власти над общественной инициативой⁵.

Общественная инициатива становилась и оставалась протестной по отношению к любым действиям государственных институтов власти до тех пор, пока государство ассоциировалось с подавлением свободомыслия. Как скоро государство переставало восприниматься носителями общественного мнения анонимом свободомыслию и справедливости, так сразу же протестные настроения перестраивались в противоположное направление: «против» свободомыслия и «за» государство⁶.

Природа такой метаморфозы – перекувыркивания⁷ завесила от восприятия роли государства в советском обществе. Государственная власть оценивалась через призму поступков конкретного руководителя: при «сильной руке» раздавался ропот недовольства от жёстких рамок, при либеральном руководителе раздавалось брюзжание об кор-

рупированности власти и её неспособности к саморегулированию. Данная интерпретация приемлема только при характеристике общественного мнения для СССР. Механизм перекувыркивания был подмечен ещё на XII съезде РКП(б). Выступая 17 марта 1923 г. с организационным отчётом И. В. Сталин, сказал: «Наши советские аппараты, по типу правильные, состоят зачастую из таких людей, имеют такие навыки и традиции, которые опрокидывают по существу правильную политическую жизнь»⁸.

Изучение протестных настроений формировалось в недрах философии и претерпело влияние политологии. Впервые влияние концепций политологов и культурологов советская историография испытала в середине 1970-х гг. Именно тогда в литературе протест перестаёт быть только формой борьбы. Учёные стали наделять протест дополнительными аспектами, например, протест, как катализатор социального взаимодействия; протест, как отражение общественно-политических тенденций; протест – зеркало экономического развития нации. Такие слова прозвучали во время межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в 1974 г. в статье Е. В. Гутновой, в книге Н. Н. Покровского «Антифеодальный протест урало-сибирских старообрядцев» (1974 г.), в книге Б. Ф. Поршнева «Социальная психология и история» (1979 г.).

В 1980 г. в Воронеже В. Г. Бухонов защитил докторскую диссертацию по философии «Методология проблемы исследования структуры общественного мнения». С точки зрения В. Г. Бухонова общественное мнение – это обмен новостями и составление всестороннего коллективного представления об обществе. У государства, в силу сложности социально-экономического регулирования отношений, периодически возникает необходимость в модернизации сложившихся представлений. Это приводит к изменениям во внутренней политике, необоснованному ущемлению материально-духовных потребностей индивида и росту протестных настроений.

Другой исследователь, в России – В. Г. Бритвин в 1990 г. обратил внимание на то, что общественное мнение не только отражает происходящее вокруг общества, но

и существенно воздействует на ситуацию, что происходит в момент, когда люди вступают в противоречия с властями. Точно такую же точку зрения высказал в 1995 г. Д. П. Гавра. По его мнению, противоречия, возникающие в общественном мнении, проходят пять стадий: зарождение, формирование, функционирование, спад и отмирание⁹. Протест органически связан с общественной жизнью и является одним из проявлений общественного мнения. Протест в общественном мнении является диалектическим понятием, постоянным и необходимым для функционирования гражданского общества и государства. Носителями такого протеста выступают идеи, которые обществом воспринимаются только на фоне профессионально-политической деятельности отдельных лидеров.

Наибольшее значение для отечественной историографии имеет монография Г. И. Вайнштейна «Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма», изданная в 1990 г. В первой главе, посвящённой методологическим проблемам исследования, Вайнштейн начал подготавливать читателя к тому, что социальный протест не может существовать без общественного мнения и политического сознания нации. Выявление политического сознания считалось конечным результатом в исследованиях, посвящённых коллективизации, индустриализации, профсоюзам. Такая тенденция сформировалась в работах историков 1960-х гг. и продолжала влиять на отечественную историческую науку в 1970–1980-х гг. По понятиям советского времени, политическое сознание считалось доказательством зрелости и самостоятельности общественных отношений. В то же самое время общественное мнение представляло собой переплетение отдельных психологических установок, усвоение которых происходило во многом за счёт сложного, напряжённого и даже конфликтного взаимодействия граждан с государством.

Множество психологических установок не позволяет превратить общество в подконтрольный механизм, выполняющий только то, что укажут сверху высшие политические власти. У советских учёных на этот счёт были свои представления, звучавшие приблизительно так: социальное противоборство оп-

ределяет особенности национального общественного мнения. В тех странах, где это мнение не монолит, общество и государство страдают от многих пороков. Естественно, что классовой борьбы при этом не получается, а есть только «социальный протест» – замена прежних жизненных обстоятельств на новые лучшие условия.

Видами такого социального протеста, по Вайнштейну, являлись: протест, как инструмент торга с представителями власти; протест, как социальная активность на рынке труда отдельных категорий людей; протест против утраты «привилегированного» положения тех социальных групп, которые считают себя «элитой»; протест-активность, вызванный чувством материального неравенства. Как видно, в основе большинства протестов лежит неудовлетворённость людей существующими тенденциями общественного развития. Причём, определение приоритетов такого развития полностью зависит от общественного мнения, которое формирует для большинства граждан духовные, гуманистические и общедемократические ориентиры. Через определённый временной промежуток прежние, старые ориентиры, сформированные общественным мнением, уступают место новым тенденциям, характерным для очередного этапа прогресса. Широкие общественные слои населения перестают держаться за какие-то конкретные политические идеалы и связывают своё благополучие не с коллективной борьбой, а с индивидуальными усилиями, поэтому протест становится повседневным атрибутом жизни, необходимым для достижения компромисса. В этом Вайнштейн намного опередил развитие современной отечественной исторической науки, утверждая, что протест развивается до тех пор, пока люди не достигают желаемого, после достижения они начинают искать пути к компромиссу с господствующими тенденциями в общественном мнении, а через это – и с государством¹⁰.

К настоящему времени была сделана попытка рассмотреть протест как одну из сторон общественной жизни и протестное мнение, как отражение социально-экономической действительности. В отечественной методологической литературе эта попытка была сделана Б. Я. Студницына¹¹. Наиболь-

ший интерес вызывает её диссертация на соискание степени кандидата философских наук по теме «“Культура протеста” и её роль в социально-культурной динамике». По всей вероятности, Белла Ярославовна придерживается так называемой Франкфуртской школы, представители которой Г. Маркузе и Т. Адорно считали, что протест вызывается стремлением к оптимизму. С точки зрения франкфуртцев, современное общество поражено пессимизмом. Пессимизм вызывает сплошное отрицание всего прошлого, что существует в национальной истории. Вот именно против такого пессимизма выступает часть общества, высказывая свои мысли через призму протестных настроений.

Осознание массами удручающего факта случившегося в социально-политической жизни и осмысление причин приведших общество к трагическим событиям, происходят не одновременно, а с запаздыванием. На первый взгляд подобное упрощение проблемы взаимоотношения общества и власти в невыгодном свете представляет общественное мнение, у которого всегда не хватает времени адекватно реагировать на происходящие события. В последнюю минуту перед решающим событием в их мировоззрении происходит эмоциональное возбуждение. Под воздействием эмоционального возбуждения долгое время замалчиваемая официальной идеологией точка зрения выходит на поверхность общественного мнения. Гласное заявление тех, чьи возгласы ранее не воспринимались по каким-либо причинам, в «последнюю» минуту преобразуют общественное мнение в прямо противоположную сторону. Например, эта тенденция лучше всего отражается в фондах советских писателей, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). По всей видимости, желая более выпукло показать те или иные стороны советской действительности, писатели и журналисты акцентировали своё внимание на фактах, являвшихся примерами «тех самых сдвигов в последнюю минуту».

Многих учёных смущало то обстоятельство, что причина, по которой в общественном мнении все «вдруг изменялось в последнюю минуту», оставалась неизвестной. Скорее всего, это происходит под влиянием ис-

торической персоны, с поведением которой массы ассоциируют своё мнение.

Во второй половине XX в. в исследованиях по изучению протеста и протестных настроений начинает преобладать компаративистский подход, где протест рассматривается, как постоянное состояние общества, приводимое в движение действиями извне. Само понятие «действия» рассматривается, как подсознательно подразумевающийся процесс, проистекающий от обратной связи какого-либо доминирования: протест общества против тоталитарного государства или протест общества против слабой власти. Однако постоянное доминирование институтов государственной власти над общественными интересами не вызывает скоротечного взрыва протеста. Но, чем больше властные структуры вовлекают в свою сферу людей, навязывая им какие-то правила, пытаясь создавать инструменты борьбы против причин вызывающих общественные протесты, тем больше возрастает фактор трений между представителями власти на местах и людьми. В начале в общественном мнении возникает напряжённость, которая позднее переходит в открытую неприязнь.

Например, так можно интерпретировать факты, относящиеся к протестам, вызванным хозрасчётными и иными видами кооперативной деятельности на окраинах и в глубинках РСФСР, где роль административно-хозяйственных руководителей была существенно выше партийных инстанций. Это подтверждают архивные фонды, например, Государственный архив Приморского края (ГАПК): фонд Дальневосточного пароходства (Ф. Р-2638), фонд надзирателя Удильских приисков (Ф. Р-3157).

Отчасти такая точка зрения нашла своё подтверждение во второй половине XX в. в работе болгарского учёного Р. Рачкова «Общественное мнение». Он разделил протест на два уровня: мнение трудового коллектива на производстве и мнение бытового окружения¹². Подобное разделение протестных настроений весьма удачно подходит для работы с архивными материалами. Мнение трудового коллектива – это весь комплекс документов относящихся к деятельности органов условно называемых Агитпропом (РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политиче-

ской информации и РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории). Мнение бытового окружения лучше всего передают письма и жалобы, адресованные в органы госконтроля (ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации) и материалы фондов региональных обкомов ВЛКСМ.

Аналогичные исследования имели место в англо-американской литературе. Американский исследователь Фредерик Вильямс, объединивший в книге «Язык и бедность» (1970) различные представления историко-лингвистического толкования протеста, представил протестные настроения в виде «круга бедности». Чувство социальной неполноценности, спровоцированное неблагоприятными экономическими факторами, переходит с помощью привычки, стереотипов и воспитания в инструмент использования и заработка материальных благ, а также способа жизни. По кругу, разделённому на четыре сектора, идут один за другим следующие факторы: 1) развитие ущербности, 2) образование ущербности – социокультурные факторы; 3) использование ущербности, 4) экономические причины – социоэкономические факторы.

В данном случае роль протеста в общественном мнении выполняет факт самореализации человека, что в свою очередь заставляет выдвигать и решать в рамках протестного мировоззрения определённые цели¹³.

Таким образом, в системе протестных настроений происходит перенацеливание мышления людей с негативных, деструктивных оценок сложившейся действительности, на достижение определённых приоритетов, связанных с получением более высокого социально-бытового статуса. Такая трактовка протестных настроений распространилась после выхода в свет в 1979 г. книги «Имидж протеста» известного специалиста в этой области – Альберта Ф. Эддриджа. В этой связи негатив, обычно ассоциирующийся с представителями исполнительной власти, перераспределяется в равной мере на тех, с кем связывается понятие конкуренции¹⁴. От того, в какой мере развиты в обществе демократические традиции, будет зависеть, станет ли конкурент союзником, либо превратится во внутреннего врага. Западные социологи назвали такой феномен протестом против самих себя (of protest against itself)¹⁵. В отечест-

венной историографии название дали другое – репрессии 1930-х и начала 1950-х гг. Интерпретация протеста с точки зрения формирования лингвистических стереотипов и их роли в общественном мнении составляет одну из теоретических гипотез нашего исследования.

В этой связи становится понятна мысль многих западных учёных писавших и пишущих о протесте, как множественности вариантов достижения консенсуса при полярности мнений.

Протест граждан против внутренней политики государства выгоден правительству, поскольку он выполняет задачи по контролю и единству управления. Но это возможно только в индустриальном обществе, когда протест проходит всю лестницу государственных инстанций и побуждает административные органы власти принимать адекватные действия, которые от них ожидает общество.

Если при рассмотрении протеста больше внимания уделяется престижу государственного управления и меньше правам граждан, то в итоге все дело заканчивается тем решением, которое необходимо для закономерности функционирования бюрократического управления. Согласно этому утверждению, инстанций, которые занимаются разбором протестов граждан, должно быть немного, все они имеют вертикальную схему соподчинения и осуществляют одну и ту же политику в интересах той социальной группы, от лица которой осуществлялось управление. Судебные органы власти должны находиться вне этой цепи рассмотрения протестов и проводить самостоятельную, независимую ни от кого внутривластную деятельность, направленную на выявление причин протестного поведения граждан. Такая схема не ликвидирует попыток бюрократов вмешиваться в дела управления, но лишает их возможности вмешиваться в рассмотрение протестов граждан. Таким образом, можно говорить о том, что протест способствует строительству гражданского общества.

Подобную мысль высказал академик АН СССР, Нобелевский лауреат мира и создатель водородной бомбы А. Д. Сахаров. Позиция академика А. Д. Сахарова, пытавшегося заставить органы власти соблюдать принятые ей же законы и добиться в СССР не-

коего подобия политической гласности, является одной из концепций общественного сопротивления. Свою точку зрения он изложил в 1968 г. в знаменитом эссе «Размышление о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе», где дал сравнительный анализ бюрократических систем СССР и США.

В советской историографии протест делили на следующие формы: пассивные (бегство, отказ от работы, подача жалоб, уход в религию) и активные (бунт – волнение, массовое восстание)¹⁶.

Более правомерно рассматривать протест с точки зрения степени его влияния на различные стороны общественной жизни. В таком случае представления, связанные с протестом, имеет смысл разделить на две формы:

- скрытые – спровоцированные неудовлетворённостью от невозможности реализовать свои потребности и выражающиеся в «тихих» бунтах;
- явные – спровоцированные социально-экономической нестабильностью и являющиеся агрессивными по отношению к тем людям и к тем обстоятельствам, которые ассоциировались в общественном мнении с неприязнью.

Протест – это свершившееся историческое явление, в котором присутствуют дата, факт и событие. Протестное настроение состоит из того же набора исторических признаков, но, будучи явлением ментального характера, обладает спецификой постоянного состояния, которое не имеет законченных форм и границ и позволяет находиться в постоянном развитии. Такое объяснение закономерно, поскольку при изучении протестных настроений всегда сталкиваешься с более широкими в своих понятийных, хронологических и географических рамках фактами, постепенно перерастающими в новые формы протестных настроений.

Характерным обстоятельством, позволяющим изучать протестные настроения как законченное историческое явление, есть словогемы¹⁷, составляющие духовное, мировоззренческое и ментальное целое и передающие через документы суть оппозиционных умонастроений определённых слоёв или групп населения. В ракурсе данного подхода

факты, интерпретирующиеся как протестные настроения, рассматриваются на стыке исторической, лингвистической, политологической наук в качестве целой системы «знаний и верований, задающих иерархию ценностей» для определённой «общности людей» и адекватно влияющих на всех, окружающих эту общность¹⁸.

В итоге речь идёт о своеобразном менталитете протеста, где специфическое словосочетание объясняет то, что человек, прежде чем совершить поступок, мыслит, обдумывает последствия предполагаемого свершения. Под воздействием внешних обстоятельств слово материализуется во что-то существенное, составляющее одно целое мысли и действия.

Данное обстоятельство вызывает необходимость разделить протестные настроения на два уровня восприятия:

- **политическое – объективное**, отражающее реальное состояние социально-экономических противоречий и выражающееся в жалобах, письмах-апелляциях, митингах, забастовках, реже в открытых восстаниях;

- **гражданское – субъективное**, отражающее утопизм общественного мировоззрения и выражающееся в неких социальных фантазиях протестующих людей или в «политических сказках».

В нашем понимании субъективное протестное настроение предполагает, что каждый человек от рождения наделён возможно-

стью не соглашаться с деятельностью административных органов власти и вообще государственной политикой в стране, если это невыгодно ему лично. В качестве альтернативы государственной политике несогласный человек имеет право предложить свой вариант регулирования спорных отношений, который, с точки зрения государственного устройства, может на первый взгляд показаться утопическим, но реализованным в конкретных условиях или в рамках конкретной территории.

Объективное протестное настроение отстаивает интересы общества, когда на них посягают институты государственной власти или когда обществу невыгоден какой-либо аспект внутренней политики правительства. Объективные и субъективные протестные настроения могут соответствовать одной и той же форме протеста, но различаться по видам выражения, что представлено в табл. 1.

Выводы. Отсутствие удовлетворённости граждан от государственной политики в области близкой к регулированию уровня жизни, социальных гарантий, приводили к девальвации не только местных обычаев, характерных для каждого отдельного региона страны, но и вообще к потере интереса общества к национальной политике. Такая ситуация завершается десакрализацией власти – потерей авторитета в широких слоях общественности. Надёжным способом предотвращения подобных негативных тенденций является демократизация общественных

Таблица 1

Первичный перечень форм протеста и видов протестных настроений

Формы протеста	Виды протестных настроений	Способы реализации протестных настроений
Обращение к власти	Устное	Слухи, сплетни, анекдоты, обсуждения
	Письменное	Жалоба, письмо-прошение на имя известного лидера и деятеля, письмо в газету, обращение в суд
Инакомыслие	Пассивное	Обсуждение внешней и внутренней политики, действий правительства
	Активное	Издательская и пропагандистская деятельность, высказывание оппозиционных настроений
Прямое неподчинение и сопротивление властям	Демонстрация	Речи, предшествующие митингам, забастовкам, стачкам, а также реализация требований, высказанных во время массовых актов протеста
	Сопротивление	Речи, непосредственно предшествующие погромам, мятежам, восстаниям

отношений с обязательным учётом требований протестующих слоёв населения.

Изучение протестных настроений в современном состоянии претерпело три системно-образующих периода:

1) рассекречивание и анализ ранее недоступных для историков документов в годы горбачёвской перестройки интерпретируют протестные настроения как характеристику политики гласности (это нашло отражение в многочисленных работах отечественных авторов);

2) переосмысление исторического прошлого в рамках правозащитной деятельности российской оппозиции с 1990-х гг. интерпретирует протестные настроения как элемент сопротивления государственной бюрократии (этот аспект нашёл отражение в работах иностранных авторов);

3) допустимо предположить, что протестные настроения как механизм построения гражданского общества можно наблюдать в публикациях общественно-политических организаций после 2000 г. (эта тенденция уходит своими корнями к работе А. Д. Сахарова «Размышление о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Безбородов А. Б. Феномен академического диссидентства в СССР. – М., 1998.

² Смирнов Г. Л. Время трудных вопросов // Правда. – 1988. – 30 сент.

³ Мещеряков А. В защиту мещанства // Знание – сила. – 1991. – № 1. – С. 71.

⁴ Павлова И. В. Механизмы политической власти в СССР в 20–30-е годы // Вопросы истории. – 1998. – № 11–12. – С. 51.

⁵ Ковалев С. А. Прагматика политического идеализма. – М., 1999. – С. 7.

⁶ Такую точку зрения можно без труда отыскать, как в научных исследованиях (1), так в мемуарной литературе (2). Например, 1) Вайнштейн Г. И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма. – М., 1990; Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – Л., 1991; Гавра Д. П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. – М.: РАН, 1995; 2) Антонов-Овсеенко А. Портрет Тирана. – М., 1994.

⁷ Фраза взята из статьи: Бухарин Н. И. Памяти Ильича // Правда. – 1925.

⁸ Цит. по: Сталин И. В. Соч. – Т. 5. – С. 208–209.

⁹ Гавра Д. П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. – СПб., 1995. – С. 210.

¹⁰ В дополнение к работе Вайнштейна необходимо привести ещё ряд работ, вышедших в последние советские годы. Они не имеют прямого отношения к проблеме протеста в СССР, однако позволяют судить об оценках, которые давали этому понятию в официальной идеологии. Так, И. А. Крывелев и Н. Е. Прокоповский, размышляя о философских корнях религиозных конфессий, уже в который раз в отечественной науке делали вывод о связи протестных настроений с уровнем экономического развития общества и трудовой занятостью людей. В этом пункте доказательств отечественные историки оказывались схожи и одновременно противоположны западным религиоведам, изучавшим вопрос о роли протеста в христианской цивилизации. С середины 1980-х гг. стало модным делать ссылки на признанных авторов в этой отрасли гуманитарной науки. Таких, как И. Л. Громадка, К. Барг, Дж. Б. Рассел.

¹¹ Студницына Б. Я. «Культура протеста» и её роль в социо-культурной динамике: автореф. ... дис. канд. филос. наук. – М., 2000. Интерес представляют другие публикации: Большаков В. В. Агрессия против разума. – М., 1984; Он же. Бунт в тупике. – М., 1973; Гальперин П. Я. К вопросу об инстинктах у человека // Вопросы психологии. – 1976. – № 1; Глуханова А. В. Типология политических конфликтов. – Воронеж, 1997; Лоренц К. Агрессия: (так называемое «зло»). – М., 1994.

¹² Бухонов В. Г. Методология проблемы исследования структуры общественного мнения: дис. ... канд. филос. наук. – Воронеж, 1980. – С. 21.

¹³ Sennet R. The Fall of Public Man. – New York, 1977. – P. 15.

¹⁴ Albert F. Eldridge. Images of conflict. – New York, 1979.

¹⁵ Luhmann N. Risk: a sociological theory / Transl. from the German orig. by Rhodes Barrett. – Berlin; New York. – P. 137.

¹⁶ Скворцов Б. П. Социальное движение народных масс классового антагонистического общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1972. – С. 10–11.

¹⁷ Дефиниция, объясняющая общественное явление через краткое лексическое определение, появление которого в истории вызвано правовыми и экономическими условиями развития общества.

¹⁸ Анализ современного понятия менталитета проведён в следующих работах: Архитов И. Л. Похороненная революция // Звезда. – 2000. – № 3; Бромлей Ю. В. К вопросу о влиянии национально-культурной среды на психику // Советская этнография. – 1983. – № 3; Гольц Г. А. Культура и экономика: поиски взаимосвязей // ОНС. – 2000. – № 1; Дубов И. Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. – 1993. – № 5; Колесов В. В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале науки. – Л., 1991;

Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск, 1995; Рябов М. Ю. Проблема знаковости в лингвистических исследованиях // Семиотические проблемы лингвистики : межвуз. сб. науч. тр. –

Кемерово, 1998; Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960; Успенский Б. А. Механизмы культуры : (сб. ст.). – М., 1990; Его же. Семиотика искусства. – М., 1995; Его же. Царь и патриарх: харизма власти в России. – М., 1998.

Сведения об авторе

Титов Владимир Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, эксперт по ценностям Росохранкультуры РФ, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (Иркутск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 664074, Россия, Иркутск, ул. Ивана Франко, 23-а

E-mail: titov.v@yandex.ru,
historiDizain@yandex.ru

РИНЦ AuthorID: 915261

ORCID: 0000-0001-8133-6806

Информация о статье

Дата поступления

4 июля 2022 г.

Дата принятия в печать

15 октября 2022 г.

Для цитирования

Титов В. Ю. Историография изучения протестных настроений в советский период // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 58–66. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).58-66.

V. Yu. Titov

HISTORIOGRAPHY OF THE STUDY OF THE PROTEST MOODS IN THE SOVIET PERIOD

The scientific substantiation of the topic “the history of domestic protest sentiments” became possible after the publication of the famous resolution in 1988 of the Central Committee of the CPSU “On... measures to restore justice to victims of repression”. This resolution became the key to the study of protest moods in the USSR. The article is devoted to the historiography of this topic. In 1970, protest became a topic related to many aspects of society: protest as a reflection of socio-political trends; protest is a mirror of the nation's economic development. This made it possible to classify protest moods: 1) appeal to the authorities; 2) dissent direct disobedience; 3) resistance to the authorities. The most common forms of expression of the protest mood are: rumors, gossip, jokes, discussions (jokes – a complaint, a letter of petition addressed to a well-known leader and figure, a letter to a newspaper, an appeal to the court). In Soviet science, there was a tradition to explain the role of protests on public opinion by the influence of the views of individual social groups that are active for a given period of time. For example, workers and collective farmers. Therefore, the notes of “political fairy tales” prevailed in the Soviet protest moods.

Keywords: protest; social confrontation; protest moods.

About the author

Vladimir Yu. Titov – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Expert on Values of Rosokhrankultura of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia)

Postal address: 23-a, Ivana Franko ul., Irkutsk, 664074, Russia

E-mail: titov.v@yandex.ru,
historiDizain@yandex.ru

RSCI AuthorID: 915261

ORCID: 0000-0001-8133-6806

Article info

Received

July 4, 2022

Accepted

October 15, 2022

For citations

Titov V.Yu. Historiography of the Study of the Protest Moods in the Soviet Period. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 58-66. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).58-66 (in Russian).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 67–76.

УДК 32.019.52

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).67-76

Ю. В. Попова

СССР КАК «ЗОЛОТОЙ ВЕК»: ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ ГРАЖДАНАМИ И ИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ

Анализируется характер и динамика восприятия российскими гражданами Советского государства. Находит своё подтверждение гипотеза о мифологическом образе СССР, характеризующая восприятие современными россиянами своего недавнего прошлого. Делаются предположения об источниках этой мифологизации: превалирование личного опыта над транслируемой государством доктриной, а также тяготы, лишения текущей повседневности, которые никак не соотносятся с некогда иллюзорным образом «другого», несоветского мира.

Ключевые слова: СССР; индивидуальная память; мифологизация прошлого; современное российское общество; динамика общественных настроений.

Несмотря на прошедшие десятилетия, Советский Союз продолжает оставаться для граждан современной России весьма привлекательным социально-политическим образованием. О нём с регулярностью вспоминают президент (достаточно вспомнить слова В. Путина о распаде СССР как «крупнейшей геополитической катастрофе XX в.»), лидеры политических партий (КПРФ и др. левые партии, поддерживающие коммунистическую идею), ностальгируют рядовые граждане. Несомненно, что отношение к прошлому, осмысление его, особенно недавнего, выступает основой для выстраивания ориентиров для настоящего и будущего развития. В статье мы попытаемся ответить на ряд вопросов. Какой характер носят эти представления о прошлом? Являются ли они результатом относительно объективного осмысления прошлого или в большей степени идеализированным образом достаточно давно ушедшего времени? Насколько текущее социально-экономическое положение граждан

и их политические предпочтения связаны с пониманием своего прошлого – СССР?

С позиции теории коллективной памяти представления о прошлом имеют коллективную природу, они транслируются и передаются в публичном пространстве, имеют опорные точки в виде вербальных и невербальных текстов, символов, собственные механизмы формирования. «Коллективная память формируется и поддерживается властью с помощью целого комплекса коммеморативных практик, направленных на управление прошлым в интересах настоящего. На групповом уровне она обеспечивает интеграцию и консолидацию членов общества, стимулируя их социальную активность, укрепляя сплочённость, солидарность, устойчивость и целостность. На индивидуальном уровне коллективная память способствует конструированию идентичности личности, формированию чувства преемственности и ответственности, определяя жизненные ориентиры, ценности и смыслы» [1, с. 139].

В данном случае можно говорить о целенаправленной деятельности политических акторов по формированию и поддержанию коллективной памяти посредством определённых институтов, норм. Но была ли организована (государством или иными акторами) работа, причём последовательная, по переосмыслению советского прошлого на уровне всего общества, а не отдельных его групп? Да, на уровне общественных организаций (таких полярных как «Мемориал» и «Память»), партийных структур такая работа велась, но она носила нишевый характер, охватывая часть населения и формируя контрастное представление о прошлом, причём преимущественно оценочное. На уровне государства как политического актора можно видеть использование опыта и памяти об СССР преимущественно в целях политической борьбы (наиболее яркий пример – президентские выборы 1996 г.), но никак не целенаправленная, организованная деятельность с развёрнутыми долгосрочными целями.

Но есть и массовая индивидуальная память, которая формируется на уровне воспоминаний индивидов. И последняя будет являться предметом нашего внимания. Индивидуальная и коллективная памяти взаимосвязаны. Как писал М. Хальбвакс, «эти две памяти часто проникают друг в друга; в частности, индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы подтвердить или уточнить то или иное воспоминание или даже чтобы восполнить кое-какие пробелы, вновь погрузиться в неё, на короткое время слиться с ней. И тем не менее она идёт по собственному пути, и весь этот внешний вклад постепенно усваивается и встраивается в неё. Коллективная память же оборачивается вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними. Она развивается по собственным законам, и даже если иногда в неё проникают и некоторые индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием личности» [2]. Поэтому в современной России именно массовая индивидуальная память оказалась главным инструментом формирования представлений о недавнем прошлом.

Если смотреть на отечественный исторический процесс последних трёх десятиле-

тий, то он может быть прочитан как отрицание / противопоставление / исправление советского прошлого (зависит от ракурса смотрящего). Опыт и практика СССР были той точкой, от которой отталкивались в движении к настоящему. Так, начало современной истории России – путч 1991 г. и последовавшие за ним политические решения (запрет КПСС, экономические и политические изменения) – тому подтверждение. Перемены 1990-х гг. были обусловлены истощённостью советской модели, усталостью населения от неё, истощением легитимности советской власти. Это не только констатация исторического факта и последовательности событий, а фиксирование характера восприятия происходящих перемен в сознании бывших советских людей. «Первая половина 1990-х годов была временем увлечения россиян Западом, западными моделями и институтами. Многие россияне в тот период искренне верили, что стоит России подвести черту под своим коммунистическим прошлым, как западное сообщество немедленно примет её в свой круг и поможет в кратчайшие сроки достичь такого же уровня процветания» [3, с. 62]. Но насколько критичным было осмысление обществом (отражённое на уровне общественного сознания) своего советского прошлого, чего хотело и к чему стремилось общество? Как понимало альтернативу советскому строю?

Если обратиться к имеющимся социологическим данным, то можно увидеть, что демократия как политический порядок с самого начала имела весьма ограниченное число убеждённых сторонников, и, напротив, высокие показатели тех, кто занимал неопределённую, промежуточную позицию. Так, согласно приводимым Л. И. Никовской данным по результатам опросов общественного мнения в 1992–1994 гг. в рамках совместного российско-американского проекта «Демократические ценности в структуре массового сознания» убеждённых демократов с России было 3,4 %, сочувствующих демократии – 28,5 %, сочувствующих авторитаризму – 16,5 %, а промежуточная группа респондентов (которая могла потенциально занять и продемократические, и проавторитарные позиции) составляла 49,8 % (см.: [3, с. 62]). Такие высокие показатели неопределённых

ся свидетельствуют о размытости политических представлений россиян, об отсутствии чёткого понимания и согласия относительно направления развития страны.

В. В. Петухов отмечает, что «Сами же представления о демократии, особенно в конце 1980-х гг., базировались на мечте (если к идейно-политическому концепту применим данный термин) о справедливо организованном обществе, которое виделось как российский аналог «государства всеобщего благоденствия», органически сочетающий, с одной стороны, активную роль государства в экономике, сильную систему социальной защиты, а с другой стороны – невмешательство государства в частную жизнь граждан, политические и гражданские свободы» [4, с. 265]. Подобные ожидания от демократического режима остались и через десятилетие. Так, В. В. Петухов представляя результаты исследования, проведенного Институтом социологии РАН «О чём мечтают россияне?» (апрель 2012 г.) подчёркивает, что у респондентов при ответе «на прямой вопрос: “Какая идея, лозунг в наибольшей степени выражает мечту о будущем России?”, две первых позиции заняли “социальная справедливость, государство, заботящееся о своих гражданах” и “равные права для всех, демократия, свобода самовыражения личности”» [5, с. 50].

Косвенным подтверждением подобных идеалистичных представлений о демократии как режиме социальной справедливости служит замечание Е. Б. Шестопал, которая, обобщая результаты социологических исследований демократических ожиданий россиян 1990-х гг. отмечала, что «согласно опросам, в начале-середине 1990-х годов само понятие демократии вызывало негативные чувства у большинства россиян, связывавших это понятие с той политической формой, которая ассоциировалась с ухудшением экономического положения людей» [6, с. 37–38]. Весьма примечательным является и то, что «представления о демократии диктуются потребностями высшего уровня – самореализации и самоактуализации. Это позволяет предположить, что демократия не входит в круг ближайших потребностей граждан и они рассматривают её как ценность более высокого порядка, так сказать, не повседневного пользования, приписывая ей исключи-

тельное нравственное содержание, которого им так не хватает в этой самой политической повседневности» [6, с. 42]. То есть демократия выступает не как функциональное явление, то, чем пользуются, то, посредством чего обеспечивают реализацию своих базовых потребностей, а как некий идеал, как то, что больше связано с индивидом как уникальным и автономным субъектом, нежели как составной частью социального целого, формой социального существования. Демократия предстаёт как бы вариантом «лучшего мира», «золотым веком», когда все основные задачи и потребности материального существования будут решены и достигнуты. Примечательно, что согласно результатам ранжирования ценностей, определяющих содержание демократии, представленных в исследовании Е. Б. Шестопал, на протяжении 1993–2011 гг. увеличились показатели ценности равенства (в 4 раза), индивидуальной автономии, активного участия в управлении государством (первые две к началу 2010-х вернулись к низким значениям после всплеска конца 1990-х) и ценность сильного государства как такового, но при этом уменьшились показатели таких ценностей как свобода, права человека, ответственность, соблюдение законов [6, с. 43]. Подобная вариативность, неустойчивость в ранжировании ценностей свидетельствует о нетвёрдости представлений о существовании определённого политического порядка (демократии в частности), ситуативности и реактивности этих представлений. А, значит, и их несформированности и подвижности. В этом случае, вероятно, восприятие и оценки прошлого также скорее всего будут носить крайне подвижный и ситуативный характер.

В связи с вышеизложенным вполне ожидаемо, что отношение к ближайшему прошлому, к СССР оказывается неустойчивым. Отношение к СССР оказалось критическим, поскольку сложившийся порядок не позволял удовлетворить самые значимые потребительские ожидания и рождал потребность в ином порядке, где человек будет чувствовать себя уверенно, защищённо, обеспеченно. Как указывал В. Петухов, «...подавляющее большинство россиян в те годы переход к демократии ассоциировали с надеждами на лучшую жизнь.» [4, с. 265]. Приме-

чательно, что и через десятилетия, в 2010-е гг. восприятие демократии в целом оставалось таким же: «большинство наших сограждан привлекает в демократии надежда на установление такого социального порядка, который бы обеспечил реализацию социальных и экономических прав граждан. Такого мнения придерживаются 79 % опрошенных, тогда как политические права и свободы считают приоритетными лишь 21 %. Причём россияне «пакет» социально-экономических прав не сводят лишь к «толщине собственного кошелька», а считают важным реальное обеспечение гражданам равенства возможностей, когда индивиды, имеющие разный социальный опыт, разную систему ценностей, разные жизненные стратегии, могли бы сами выбирать сферу и способы приложения своих усилий» [5, с. 52]. Соответственно, чем меньше наличная реальность соответствовала ожиданиям, воплощала реализацию надежд, тем больше и активнее переоценивалось прошлое. И мы видим подобные изменения в отношении восприятия россиянами опыта СССР.

Если обратиться к результатам тематических социологических опросов, проводимых Левада-центром (АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента), то заметно увеличение сожалений о распаде СССР. Согласно опросу от ноября 2014 г. на порядок увеличилось число сожалеющих о распаде СССР, и в первую очередь сожалеют (в одинаковой мере, что примечательно) об исчезнувшей принадлежности к великой державе (56 % в 2017 против 44 % в 2007) и о разрушении единой экономической системы (55 % в 2014 против 49 % в 2007)¹. Больше всего сожалеют о распаде СССР в 2014 г. респонденты старше 55 лет (86 %), с образованием ниже среднего (75 %) и бедные с точки зрения потребительского статуса (77 %). То есть когда распался СССР, этим респондентам было от 30 до 50 лет и, соответственно, их молодость и взрослая жизнь пришлась на «эпоху застоя». СССР для них – это время Брежнева, излёт советского порядка. И, судя по образовательному и потребительскому статусу, эти респонденты не смогли обрести в новой политической и социально-экономической сис-

теме желаемого благополучия. В 2018 г. сожалеющих уже 66 % и «индекс ностальгии по СССР» опять же выше в возрастной группе 55 лет и старше².

В 2018 г. сожаления о распаде СССР оказались все так же связаны прежде всего с разрушением единой экономической системы (52 %), потеря чувства принадлежности к великой державе снизилось на 20 пунктов в сравнении с 2014 г. и составило 36 %, сохранилось у респондентов недовольство высоким уровнем взаимного недоверия, утратой чувства, что повсюду «как дома», трудностями путешествий. Если смотреть по результатам опросов 2000-х гг., все названные показатели, кроме разрушения единой экономической системы, демонстрировали снижение. А показатель, «что ты повсюду, «как дома» сохранил свои значения³. В определённой степени, в этом чувстве «чужака», а также понимании экономических трудностей можно усматривать основу сохранения ностальгических чувств по отношению к СССР как к империи.

Интересно, что измеряемый Левада-центром (АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента) «индекс ностальгии по СССР»⁴ с 2010-х гг. демонстрирует возрастание для всех возрастных групп. С одной стороны, понятно, что группа 55 лет и старше застала последние десятилетия существования СССР и может вполне осознанно тосковать о том, что знала сама. Но возрастные группы моложе 55 лет в лучшем случае застали СССР в школьном возрасте, а ещё более младшие не застали совсем. Но при этом они всё более усиленно ностальгируют по тому, чего сами никогда не знали. С 2016 г. заметен симметричный рост индекса ностальгии во всех возрастных группах. Откуда они получают информацию для подобных ностальгических переживаний? Ответ даёт ещё один материал Левада-центра (АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента) – доклад 2020 г. «Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении»: 51 % респондентов получил информацию об СССР от родителей или близких родственни-

ков (это второй по популярности ответ после личного опыта), а из телепередач, теленовостей – всего 15 %⁵. При этом авторы доклада отмечают, что «обсуждение советских времён с друзьями и коллегами, скорее, не принято, а значит информация безмолвно принимается (от семьи или социальных институтов), но не рефлексировается в обсуждениях в ближайшем окружении»⁶ по причинам скорее всего взаимного недоверия, социальной атомизации. Участники другого исследования на схожую тему отмечали, что с распадом СССР выросло взаимное недоверие, ожесточённость⁷. Это взаимное недоверие и ожесточённость не дают возможности обсуждать, дебатировать разные темы, в том числе и тему СССР. В результате люди остаются в пространстве сформированного на уровне индивидуального опыта, личных контактов знания. А подобное «знание» очень субъективно и при названных сопутствующих обстоятельствах тяготеет к категоричности. Отсутствие рефлексии не даёт возможности критически оценить информацию об СССР, даже исходящую от его современников, а значит, открывает возможность мифологизации. Тем более, что эта мифологизация тем нагляднее, чем выше индекс ностальгии у людей, никогда не живших в СССР. СССР превращается в лубочный образ, резко (и выгодно для себя) контрастируя с неоднозначностью настоящего времени.

Мифологизация исторического опыта СССР проявляется и в степени критичности относительно его исторической судьбы. Так, показательны количественные величины в ответе на вопрос о неизбежности распада СССР, который задавался социологами Левада-центра (АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента) на протяжении 20 лет (с 1998 по 2018 гг.). В целом респонденты считают, что распада СССР можно было избежать (здесь ответы варьируются от 65 % – это наивысший показатель, приходится на 2003 и 2004 гг.), максимальная критичность к перспективам сохранения СССР приходится на 2015 г. (39 %), а в среднем неизбежность распада признаёт около 30 % респондентов. С высокой вероятностью можно предположить, что за ответом о том, что распада СССР

можно было избежать стоит представление об этом распаде как результате политического действия (или наоборот, бездействия) политиков, что сама идея СССР вполне жизнеспособна, но подвели «неумелые» политики. Только 31 % респондентов в 2016 г. не хотел бы восстановления СССР, а 44 % хотели бы (но понимают, что сейчас это невозможно)⁸. Поэтому сама идея социалистического государства, опыт СССР в современной России отнюдь себя не исчерпал, прошлое не осмыслено критически и из него не сделаны выводы. Напротив, российское общество оказывается обществом поглощающего граждан ресентимента, не принимающих настоящего, тоскующих по прошлому, но по тому прошлому, которое они в большинстве своём не проживали, а знают по воспоминаниям своих близких (при этом не стоит забывать, что человеческая память имеет свойство быть избирательной, а источники личного происхождения нуждаются в критике, но в обществе, как было показано выше, эта критика не возможна и не востребована). Причём эта тоска по прошлому в значительной степени стимулируется трудностями настоящего времени.

Можно ли провести корреляцию между силой ностальгии и социально-экономическим самочувствием населения современной России?

Образ СССР, создаваемый в основном теми, кто лично застал последние десятилетия его существования и дополняя его воспоминаниями и характеристиками, исходящими от более старших своих родственников, оказывается весьма идеалистичным, в основном лишённым негативных характеристик. Стремясь найти утешение, люди в поисках источника позитивных эмоций и надежд обращаются к известному им (или примерно известному, по воспоминаниям очевидцев) прошлому, если настоящее не даёт искомой надежды. Так, результаты социологических опросов, проведённых Левада-центром (АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента) в 2000, 2008 и 2019 гг. показывают лидерство и возрастание во временном масштабе показателей такой ключевой (по мнению респондентов) черты СССР как «забота

государства о простых людях»: с 37 % в 2000 г. (в «тучные 2000-е гг.» этот показатель снизился до 29 %) до 59 % в 2019 г. Так же в числе лидирующих и возрастающих по своему значению характеристик СССР респонденты называли «отсутствие межнациональных конфликтов», «успешное развитие экономики, отсутствие безработицы», «постоянное улучшение жизни людей»⁹. То есть Советский Союз предстаёт как «золотой век» социальной безопасности, социальной защищённости «простого человека». Конечно, нельзя утверждать наличие прямой линейной зависимости между социально-экономическим положением дел в стране и оценками этого положения гражданами страны, с одной стороны, и восприятием её недавнего прошлого, но, тем не менее, определённую зависимость можно увидеть. Если обратиться к данным регулярного мониторинга положения дел в стране, проводимого Левада-центром (АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента)¹⁰, то можно увидеть, что на периоды высоких позитивных социальных оценок СССР (2000 г. и 2019 г.) приходится рост (относительно предыдущих месяцев) критических оценок положения дел в стране. Данные, приводимые Левада-центром (АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента), позволяют увидеть интересные изменения в общественном мнении: к концу президентства Б. Ельцина общественное мнение было полярно настроено относительно оценок текущего положения вещей с перевесом в пользу негативных позиций. С приходом на пост президента В. Путина оценки текущего положения дел меняются противоположно, но это не быстрые перемены. Медленно растёт число тех, кто положительно оценивает происходящее в социально-экономическом и политическом пространствах страны, достигая самых высоких оценок в декабре 2007 г., в августе 2014 г. Негативные оценки происходящего снижаются, но тоже не плавно, скачками, периодически переживая подъёмы (но никогда не достигая тех показателей, которые были во времена президентства Б. Ельцина). На 2008 г., когда оптимистичное ви-

дение СССР относительно померкло, приходится рост позитивных оценок текущего положения дел в стране, а 2000 г. демонстрирует рост негативных оценок, как и 2019 г. (и уменьшение количества тех, кто позитивно оценивает происходящее)¹¹. Вряд ли можно ожидать зеркальных помесечных совпадений в восприятии обществом текущего положения дел и недавнего прошлого, но определённая зависимость здесь присутствует.

Если посмотреть на динамику сожалений о распаде СССР, то здесь видим, что максимум сожалений приходится на самый конец президентства Б. Ельцина (1999 г.) и начало нового президентства (декабрь 2001 г.), на 2002–2004 гг., на 2008–2009 гг. и с 2016 г. сожаления о распаде растут по восходящей¹². Эти сожаления довольно гармонично соотносятся с оценкой положения дел в стране, даваемой респондентами в опросах общественного мнения. Так, оценки положения дел в стране с 1998 г. растут до августа 1999 г., далее позитивные оценки сокращаются, достигая в мае 2000 г. показателей 1996 г. В мае 2002 г. опять заметен рост негативных оценок, который продолжается до конца 2003 г. С июня 2015 г. идёт скачкообразный рост негативных оценок положения дел в стране, который к июлю 2018 г. достигает уровня конца 2013 г. и подобные оценки держатся на этом уровне до начала 2022 г.¹³

Весьма симптоматично, что позитивные социально-экономические характеристики СССР («забота государства о простых людях», «постоянное улучшение жизни людей») соседствуют с сопоставимыми по количественным величинам такими характеристиками как «очередь, дефицит, карточки», «отставание от развитых стран в производстве, в качестве продукции», но меняющимися в прямо противоположном направлении¹⁴. Это свидетельствует о дуальном общественном сознании, соединяющем прямо противоположные, взаимоисключающие характеристики одного предмета, расколотом общественном сознании.

Политические характеристики СССР, даваемые гражданами, весьма показательны. На фоне высоких экономических и социальных оценок такие черты как «изоляция страны от внешнего мира», «всевластие партий-

ных и государственных чиновников», «преследование инакомыслящих», «преследование церкви и верующих» не занимают верхние строчки по величине показателей, находясь на периферии общественного сознания, будучи затемнёнными радужными социально-экономическими чертами¹⁵. Закономерность изменения величин этих показателей такая же, как и у позитивных показателей, только в обратном направлении: чем дальше от исторического времени существования самого СССР, ближе к настоящему времени, тем ниже величина. И получается, что выходящее на первый план социально-экономическое благополучие СССР, утверждаемое респондентами, оттесняет на задний план негативные управленческие и политические характеристики Советского Союза. Идентичная ситуация оказывается по данным опроса 2020 г.: первые ассоциации с СССР, возникающие в сознании российских граждан – это «стабильность, порядок, уверенность в завтрашнем дне», «хорошая жизнь», а в последнюю очередь – о репрессиях, застое, изоляции страны¹⁶. Авторы указанного исследования специально подчёркивают: «Хотя бедные респонденты, которым едва хватало денег на покупку продуктов питания, и пенсионеры чаще выражали крайнюю поддержку («определённо согласны»), чем респонденты с более высоким потребительским и профессиональным статусом, в целом суммарный уровень согласия представителями этих групп слабо дифференцирован, согласие доминировало над несогласием у всех»¹⁷. Объяснить это можно, во-первых, тем, что все ныне неоднородные в социально-экономическом плане группы населения вышли из одного монолитного в идеологическом плане общества – советского – жили, воспитывались в нём, воспринимая его установки и стереотипы. Во-вторых, – одинаковыми каналами трансляции знаний об этом недавнем прошлом – личными каналами. И если ориентироваться на данные 2016 г, то почти 60 % населения хотели бы вернуться в Советский Союз¹⁸. Но в этом стремлении, на наш взгляд, явственно видно мифологическое представление об СССР, поскольку к чему хотят вернуться – к социально-экономической стабильности, предсказуемости, возможности чувствовать себя везде как до-

ма, но при этом не принимая в расчёт (вытесняя из памяти) дефицит, невысокое качество продукции, ограничения и репрессии. Как можно заметить по ответам респондентов социологических опросов, образ СССР более эмоциональный, нежели строго фактический: это приятные ностальгические чувства, вызываемые ушедшей эпохой. Он позволяет скрадывать разнообразные конкретные нюансы эпохи, они стираются и забываются. И ещё более показательным, что респонденты не фиксировали в своих ответах проблему юридических гарантий имеющегося у них сейчас благополучия. То есть готовы ли они сейчас отказаться от того, что у них есть, появилось за последние десятилетия, чтобы вернуться назад? Это остаётся открытым вопросом. И давая ответ о невозможности в настоящем восстановить СССР респонденты, вероятно, подразумевали, что прежний миропорядок не восстановить (в частности, не вернуть в одно политическое целое государства, возникшие после распада СССР), поэтому о прошлом остаётся только вспоминать, утешая себя в настоящем. В определённом смысле современники хотят вернуть эмоции, ощущения от жизни, ассоциируемые с СССР, не вдаваясь в конкретные детали и механику процесса возврата. Но миф, каким сейчас оказывается СССР (прежде всего по эмоционально-образному переживанию его) может утешать, но не может стать реальностью. В результате общество в таком случае обречено стремиться или тосковать по неосуществимому и не существовавшему. Образ СССР предстаёт зеркальным контр-образом настоящему (таким образом, каким когда-то была демократия на исходе СССР), прошлым, расположенным к человеку, где он чувствовал себя удобно и защищённо, в противоположность настоящему: суровому, где человеку нет гарантий, нет защиты. Но при этом это представление именно мифологическое.

Н. И. Шестов социально-политический миф определял как «устойчивый и эмоционально окрашенный стереотип восприятия политических реалий прошлого и настоящего, порождённый потребностью ориентации личности и общественных структур в политическом процессе» [7, с. 79]. Для политического мифа характерна «...особая логика

стереотипного мышления и выбора... Она допускает, что в принципе возможно обобщение всего многообразия проявлений социально-политической мифологии в рамках достаточно непротиворечивой теории и тем самым даёт стимул для продолжения теоретических изысканий», а также высокая эмоциональность (см.: [7, с. 77]). Миф оперирует конкретными визуально-эмоциональными образами, воздействующими на эмоциональное восприятие человека.

Политический миф консолидирует общество (или его части) по границе «свой-чужой» и указывает на наиболее значимое для группы время/событие, своего рода «момент истины» для этой группы, когда проявились её самые важные черты (характеристики), раскрывающие важнейшие ценности этого сообщества, его ориентиры.

Характер ответов, которые давали респонденты на вопросы о СССР, проявляет их прежде всего эмоциональное отношение к этой эпохе, отношение по контрасту с настоящим временем. Создавалась дуальная оппозиция: настоящее время – СССР, в которой у последнего наличествовали превосходные характеристики. Отношение к эпохе СССР у респондентов полярное: они или принимают, или отвергают её. Эмоционально высокие оценки преобладают над негативными. Но при этом присутствует и признание, что вернуться туда сейчас нет желания. Не артикулируются, но, вероятно, признаются и ошибки, совершенные СССР, а в ещё большей степени – нежелание утратить то, что каждый из респондентов обрёл в постсоветскую эпоху¹⁹. Образ СССР выступает как утешительный образ, как воплощение того, что важно сохранять в пространстве общественно-политических, экономических отношений, образ советского прошлого воплоща-

ет наиболее значимые для сообщества ценности, ориентиры. СССР выступает как некий «потерянный рай», из которого люди под влиянием искушения весьма смутно и немногими понимаемой «демократии» вышли, но теперь тоскуют по нему, отдавая себе отчёт в том, что вернуться туда невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Распад СССР в российском общественном мнении. – URL: <https://www.levada.ru/2014/12/01/gaspad-sssr-v-rossijskom-obshhestvennom-mnenii/> (дата обращения: 25.06.2022).

² Ностальгия по СССР. – URL: <https://www.levada.ru/2018/12/19/nostalgija-po-sssr-2/> (дата обращения: 25.06.2022).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении. – URL: <https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2020/03/Pamyat-o-Sovetskom-Soyuze.pdf> (дата обращения: 05.07.2022). – С. 11.

⁶ Там же.

⁷ Ностальгия по СССР...

⁸ Распад СССР...

⁹ Советский Союз. – URL: <https://www.levada.ru/2019/06/24/ussr/>.

¹⁰ Оценка текущего положения дел в стране. – URL: <https://www.levada.ru/indikator/polozhenie-del-v-strane/> (дата обращения: 25.06.2022).

¹¹ Там же.

¹² Распад СССР в российском общественном мнении...

¹³ Оценка текущего положения дел...

¹⁴ Советский Союз...

¹⁵ Там же.

¹⁶ Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе... С. 6.

¹⁷ Там же. С. 8.

¹⁸ Распад СССР в российском общественном мнении...

¹⁹ Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе... С. 18.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рягузова Е. В.* Коллективная память и инстанции темпоральности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. – 2019. – Т. 8. – Вып. 2 (30). – С. 138–145. – DOI: 10.18500/2304-9790-2019-8-2-138-145.
2. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 05.07.2022).
3. *Никовская Л. И.* Изменение образа демократии как фактор самоопределения России // Полития. – 2008. – № 4 (51). – С. 62–72. – DOI: 10.30570/2078-5089-2008-51-4-62-72.

4. Петухов В. В. Эволюция представлений россиян о демократии: от мечты до запроса на работающие институты // Россия реформирующаяся. Вып. 11 : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Новый хронограф, 2012. – С. 264–288.
5. Петухов В. В. Демократия равных возможностей: мечта или реальная перспектива? // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1 (01). – С. 49–59.
6. Шестопал Е. Б. Представления, образы и ценности демократии в российском обществе // Полития. – 2011. – № 3 (62). – С. 34–47. – DOI: 10.30570/2078-5089-2011-62-3-34-47.
7. Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде / под ред. проф. А. И. Демидова. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 414 с.

Сведения об авторе

Попова Юлия Вениаминовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: ju.popova@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: 9528-3382; AuthorID: 570046

ORCID: 0000-0002-4708-0285

Информация о статье

Дата поступления
1 сентября 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Попова Ю. В. СССР как «золотой век»: динамика восприятия гражданами и их социально-экономические и политические настроения // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 67–76. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).67-76.

Yu. V. Popova

THE USSR AS A “GOLDEN AGE”: THE DYNAMICS OF CITIZENS’ PERCEPTION AND THEIR SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL MOODS

In the article, based on the analysis of data from sociological surveys conducted periodically by the Levada Center (ANO Levada Center is included by the Ministry of Justice in the register of non-profit organizations that act as a foreign agent), an attempt is made to determine the nature of the perception of the Soviet past by citizens of modern Russia and explain it. Based on the data obtained, the perception of the Soviet past can be characterized as mythological, since it is highly emotional, dualistic, uncritical (contains conflicting characteristics), tends to simplify social reality, and establishes semantic guidelines. It is plastic and shows changes within the timeline. The leading role in shaping the image of the Soviet past was played by individual experience broadcast through personal (family, friendly) channels. Other channels for the formation of collective memory worked and work very poorly (for almost the entire post-Soviet period, the state and other actors were not involved in the formation of collective memory). Therefore, there was no public discussion capable of taking the perception of the past beyond the scope of subjectivity. And this, in turn, not only acted as an essential basis for the mythologization of the Soviet past, but also did not allow the formation of an image of the past shared by many (majority), but, on the contrary, supported the internal conflict regarding the past and its assessment. A significant influence on the formation of individual memory of the Soviet past was exerted by the current socio-economic and political state of affairs in the country at a particular point in time. As follows from our comparison of assessments of the current state of affairs in the country, on the one hand, and the characteristics of the Soviet past, on the other, the times of pessimistic assessments of socio-economic and political affairs in the country correspond to higher positive assessments of the Soviet past, regret about the collapse of the USSR is growing. It is significant that emotionally charged high assessments of the Soviet past come not only from those respondents who had direct experience of life in the USSR, but also from younger respondents, which just indicates the mythologization of the Soviet past, the uncritical assimilation of a blissful subjective picture of the past as a value, semantic coordinates of everyday life (and not as a subject of critical reflection). The formation of the mythological image of the USSR was also influenced by the uncertainty of ideas and the overestimation of expectations regarding post-Soviet changes. Disappointment in the results of the latter increased nostalgia for the past and emphasized those components of the past that were most vulnerable or ceased to exist in the present. The combination of these circumstances, as a result, contributed to the formation of the mythological image of the

USSR, indicating the priority of individual memory and insufficient work on the formation of collective memory of the recent past.

Keywords: USSR; individual memory; mythologization of the past; modern Russian society; the dynamics of public sentiment.

REFERENCES

1. Ryaguzova E.V. Kollektivnaya pamyat' i instantsii temporal'nosti [Collective memory and instances of temporality]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya* [Bulletin of the Saratov University. New series. Series Acmeology of education. Developmental psychology], 2019, vol. 8, no. 2 (30), pp. 138-145. DOI: 10.18500/2304-9790-2019-8-2-138-145. (in Russian).
 2. Hal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency reserve], 2005, vol. 2, available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (Date of request: 05.07.2022). (in Russian).
 3. Nikovskaya L.I. Izmenenie obraza demokratii kak faktor samoopredeleniya Rossii [Changing the Image of Democracy as a Factor of Russia's Self-Determination]. *Politiya* [Politiya], 2008, vol. 4 (51), pp. 62-72. DOI: 10.30570/2078-5089-2008-51-4-62-72. (in Russian).
 4. Petukhov V.V. Evolyutsiya predstavlenii rossiyan o demokratii: ot mechty do zaprosa na rabotayushchie instituty [The evolution of Russians' ideas about democracy: from a dream to a request for working institutions]. Gorshkov M.K. (ed.). *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia in reform], vol. 11, Moscow, Novyi khronograf Publ., 2012, pp. 264-288. (in Russian).
 5. Petukhov V.V. Demokratiya ravnykh vozmozhnostei: mechta ili real'naya perspektiva? [Democracy of equal opportunities: a dream or a real prospect?]. *Sotsiologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological science and social practice], 2013, vol. 1 (01), pp. 49-59. (in Russian).
 6. Shestopal E.B. Predstavleniya, obrazy i tsennosti demokratii v rossiiskom obshchestve [Representations, Images and Values of Democracy in Russian Society]. *Politiya* [Politiya], 2011, vol. 3 (62), pp. 34-47. DOI: 10.30570/2078-5089-2011-62-3-34-47. (in Russian).
 7. Shestov N.I. *Politicheskii mif teper' i prezhe* [Political Myth Now and Before], Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2005, 414 p. (in Russian).
-

About the author

Yuliya V. Popova – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of National History, Sociology and Political Science of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: ju.popova@yandex.ru

RSCI SPIN-code: 9528-3382; AuthorID: 570046

ORCID: 0000-0002-4708-0285

Article info

Received
September 1, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Popova Ju.V. The USSR as a "Golden Age": the Dynamics of Citizens' Perception and Their Socio-Economic and Political Moods. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 67-76. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).67-76 (in Russian).

УДК 327

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).77-83

К. Г. Муратшина

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ РФ С РЕГИОНАМИ КАЗАХСТАНА*

Рассматривается сотрудничество в гуманитарной сфере между Свердловской областью и её партнёрами из Республики Казахстан. Изучены контакты с 2015 по 2020 гг., т. е. после вступления в силу Договора о Евразийском экономическом союзе и вплоть до пандемии COVID-19 с учётом опыта её первого года. Выявлено, что регионом наработан опыт сотрудничества с казахстанскими партнёрами в таких сферах, как научно-образовательная (наиболее широкие связи), туристическая, а также культурные обмены, контакты СМИ и работа с молодёжью. В особенности развиты связи с Костанайской, Акмолинской и Северо-Казахстанской областями, Астаной и Алма-Атой. Отмечается роль в сотрудничестве как государственных, так и негосударственных акторов. Сделан вывод о развитии связей «снизу», на основе наличия широкого запроса, который исходит от общества в России и Казахстане. В то же время заметна необходимость расширения спектра и географического охвата гуманитарных обменов ввиду их важности для развития интеграционных процессов и в целом взаимопонимания между народами.

Ключевые слова: Россия; Казахстан; Свердловская область; межрегиональные связи; гуманитарное сотрудничество.

Межрегиональные связи за последние десятилетия стали важным компонентом партнёрства Российской Федерации и Республики Казахстан. Они осуществляются в соответствии с российско-казахстанскими Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи¹, Договором о добрососедстве и союзничестве в XXI в.² и Соглашением о межрегиональном и приграничном сотрудничестве³. В первую очередь межрегиональное сотрудничество направлено на ускорение экономического развития обеих стран, но также значимо и для поддержания социальной базы союзнических отношений, формирования гуманитарных связей между обществами. В данной работе будет изучен гуманитарный аспект связей с партнёрами из Казахстана такого региона России, как Свердловская область.

В научной литературе межрегиональное сотрудничество РФ и РК исследуется достаточно активно, но, как правило, авторами рассматриваются контакты приграничных

краёв и областей [1–6]. Свердловская область находится далеко от внешних границ, но тем не менее накопила большой опыт сотрудничества с регионами различных стран мира, поскольку обладает развитой промышленностью, выгодным экономико-географическим расположением одного из транспортных хабов Евразии и концентрирует на своей территории большое число научных, образовательных и культурных центров. Представляет интерес проанализировать, как развиваются её гуманитарные контакты с партнёрами из Казахстана на современном этапе. В работе рассматривается период с 2015 по 2020 гг., т. е. после вступления в силу Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) (который, усиливая экономическое взаимодействие, в целом способствует большей интенсивности контактов между странами и обществами) и с учётом нового опыта первого года пандемии.

Для начала необходимо отметить, что в соответствии с Конституцией РФ⁴, Феде-

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-10060.

ральным законом о принципах организации местного самоуправления⁵ и Федеральным законом о координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ⁶, российские регионы обладают достаточно широкими полномочиями для осуществления внешних контактов, обозначенных в Концепции внешней политики РФ как «важный резерв двусторонних связей с соответствующими регионами и государствами в торгово-экономической, гуманитарной и иных областях»⁷. Казахстан, в отличие от России, является унитарным государством. В его Конституции⁸ и Законе об административно-территориальном устройстве⁹ упоминание о внешних связях регионов отсутствует. Закон о местном самоуправлении лишь оговаривает, что органы местного самоуправления должны «не допускать принятия решений, не соответствующих общегосударственной внутренней и внешней политике»¹⁰. В целом, регионы Казахстана ограничены унитарным строем в своих внешних связях [7], но правовая традиция взаимодействия с регионами других стран все же имеется, и в большей степени это возможно для близких партнёров из числа государств-соседей с устоявшимися кооперационными связями. В Концепции внешней политики РК предусмотрено «развитие торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества на региональном и местном уровне, в том числе на базе Форума межрегионального сотрудничества Казахстана и России»¹¹ (Форум проводится ежегодно с 2003 г. и является важной переговорной площадкой для двух стран. – К. М.). Таким образом, несмотря на разницу в государственном устройстве, РФ и РК сформирована правовая база межрегиональных связей, и обе стороны сходятся в признании их необходимыми для развития отношений.

Свердловской областью на своём региональном уровне к 2015 г. тоже была создана определённая база сотрудничества с партнёрами из РК: с 2003 г. действовало соглашение с акиматом Астаны о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, с 2013 г. – аналогичные соглашения с акиматами Карагандинской и Костанайской областей¹². Основной объём сотрудничества составляли экономические связи, но гуманитарные тоже были заплани-

рованы. Далее рассмотрим основные события гуманитарных контактов по годам.

В 2015 г. центральным событием стал Международный форум инноваций России и Казахстана в Екатеринбурге, проведённый министерствами образования РФ и РК, Уральским федеральным университетом (УрФУ) и Казахским национальным исследовательским техническим университетом. Результатом Форума стало установление прямых контактов в области промышленной науки между вузами и предприятиями двух стран, что важно в условиях интенсификации связей в ЕАЭС. Помимо этого, благодаря контактам общественных организаций экспертно-аналитического профиля из Екатеринбурга, Алма-Аты и Кокшетау, свердловскими политологами и их коллегами из казахстанских регионов был проведён круглый стол «Перспективы единого образовательного пространства ЕАЭС» для обсуждения процесса евразийской интеграции.

В 2016 г. Екатеринбург принял участие в акции «Нас миллионы панфиловцев!» к 75-летию контрнаступления Красной Армии под Москвой. Был организован торжественный митинг с участием представителей органов власти и общественных организаций. Штандарт вахты памяти город получил от Алма-Аты. Кроме того, общественниками из Екатеринбурга, Алма-Аты, Петропавловска и Кокшетау (участниками экспертных сообществ, российскими соотечественниками, частично при поддержке УрФУ, Казахского национального университета им. аль-Фараби и Ассамблеи народа Казахстана) были проведены научно-образовательные мероприятия: круглый стол к 70-летию Нюрнбергского процесса, школы молодых журналистов, конференция «25 лет независимости Казахстана – 25 лет добрососедства РК и РФ», круглый стол по экологическим проблемам Центральной Азии (ЦА). В них приняли участие десятки исследователей, студентов, журналистов. Наконец, команда из г. Рудный выступила в региональной лиге КВН «Уральская федеральная»¹³.

В 2017 г. Министерство международных и внешнеэкономических связей (ММиВЭС) Свердловской области совместно с Россотрудничеством и Уральской торгово-промышленной палатой организовали в рамках визита

делегации области на выставку «ЭКСПО» в Астане круглый стол «ЭКСПО-2017 – новые горизонты сотрудничества Казахстана и Свердловской области». В нём приняли участие представители администраций и научных кругов Свердловской и Павлодарской областей, главной темой стали новейшие разработки в энергетике. Также на «ЭКСПО» в рамках Фестиваля культуры регионов РФ выступили свердловские музыканты¹⁴. Продолжились и контакты НКО: были проведены круглые столы «Победа – одна на всех» в Кокшетау, «Политическая реформа в Казахстане: изменение баланса между ветвями власти» и «Сотрудничество Казахстана и России в развитии транспортной инфраструктуры Центральной Азии: история и современность. К 90-летию Турксиба» в Алма-Ате, «Опыт организации и проведения глобальных мероприятий в РФ и РК» в Астане. Кроме того, Торговое представительство Казахстана презентовало казахские чайные традиции на «Чайной улице» Ирбитской ярмарки¹⁵. Впоследствии «Чайная улица» организовывалась ежегодно вплоть до пандемии.

В 2018 г. НКО «Урал-Евразия» провела две школы для журналистов из России и ЦА в Екатеринбурге и Астане (одну с УрФУ, вторую – с Евразийским национальным университетом им. Л. Н. Гумилёва), круглый стол «Информационные войны в современном мире. Роль СМИ и формирование самостоятельной позиции журналиста» в Астане и круглый стол с Павлодарским государственным университетом «Противостояние фальсификации истории – совместная задача России и Казахстана» в Павлодаре.

В 2019 г. делегации Свердловской области представили туристический потенциал региона на выставках в Нур-Султане¹⁶ и Костанае, а казахстанские турфирмы приняли участие в форуме «Большой Урал-2019»¹⁷. Помимо этого, делегация области побывала на российско-казахстанском Форуме молодёжного сотрудничества, где представила свои программы молодёжного волонтерства¹⁸. Ещё одним значимым начинанием стал проведённый усилиями ММиВЭС, Посольства РФ в Казахстане, сообществ российских соотечественников и уральских НКО мотопробег байкеров из Екатеринбурга в Нур-Султан «Единая история», посвящённый

75-летию Победы, с памятными мероприятиями на мемориалах советским воинам.

Продолжались и образовательно-научные контакты. В УрФУ состоялся форум «Молодёжное измерение ЕАЭС» с участием студентов из Астаны, Костаная и Петропавловска, а в Костанае «Урал-Евразия» вместе с казахстанскими общественными организациями провела круглый стол для журналистов приграничных регионов «Российско-казахстанское приграничье» – территория медиасотрудничества». Также были подписаны соглашения о сотрудничестве Общественной палаты Свердловской области с Общественными советами Карагандинской и Костанайской областей¹⁹ и об установлении дружественных связей между Тавдинским городским округом Свердловской области и г. Лисаковском (Костанайская область)²⁰.

В 2020 г. в условиях пандемии контакты сохранились, хотя и переместились преимущественно в онлайн-формат. До первых ограничений в Екатеринбурге с полным аншлагом состоялся концерт казахстанского певца Димаша Кудайбергенова. Министерство культуры Свердловской области, ММиВЭС и благотворительный фонд «Бажов» реализовали проект «Бажов в Казахстане» для популяризации наследия П. П. Бажова: был издан в печатном виде и размещён в свободном доступе на сайте Свердловской областной межнациональной библиотеки сборник сказок «Серебряное копытце» на русском и казахском языках с иллюстрациями художников из России и Казахстана, проведены молодёжные конкурсы рисунков «#РисуемБажова» и эссе «#БажоввКазахстане»²¹.

Связи общественных, научно-экспертных организаций Свердловской и Акмолинской, Костанайской, Северо-Казахстанской областей тоже поддерживались: состоялись круглый стол «Подвиг братских народов. Летопись памяти», онлайн-конкурс чтецов «Мой парад Победы!», форум «Развитие и совершенствование экологических практик на приграничных территориях». В условиях первой волны пандемии уральские НКО неоднократно участвовали в акции «Добрососедство», отправляя в приграничные регионы РК гуманитарную помощь – средства защиты, ингаляторы, термометры, антисептики.

Наконец, стоит упомянуть о тех видах гуманитарных обменов, которые осуществляются из года в год на постоянной основе. В первую очередь это контакты вузов. УрФУ подписано более 40 документов о сотрудничестве с образовательными и научными учреждениями регионов Казахстана, ведётся постоянный информационный обмен, сотрудники на взаимной основе участвуют в конференциях, есть опыт совместных научных проектов, публикаций, также представители РК регулярно поступают в аспирантуру университета. Ведутся программы академических обменов, есть магистерская программа двойных дипломов. Кроме УрФУ, контакты с вузами Казахстана развивают Уральский государственный медицинский университет, Уральский институт управления, Уральский государственный экономический университет, Уральский государственный юридический университет, Уральский государственный педагогический университет, Уральский государственный горный университет, Уральский государственный архитектурно-художественный университет, Екатеринбургский государственный театральный институт. Студенты из РК регулярно поступают на учёбу в уральские вузы – как по общему конкурсу, так и по квотам.

Присутствуют регулярные, повторяющиеся обмены и в сфере культуры: например, представители Казахстана участвуют в ежегодной Летней оркестровой академии Свердловской филармонии и формируемом из её участников международном молодёжном «Чайковский-оркестре», конкурсах пианистов памяти В. Лотар-Шевченко, юношеском фестивале музыкального творчества «Земля – наш общий дом». Наконец, казахская диаспора в Свердловской области принимает участие в региональных культурных мероприятиях, праздниках и проводит свои с целью распространения информации о казахской культуре.

Таким образом, в гуманитарных контактах Свердловской области с партнёрами из Казахстана можно выделить следующие основные направления: научно-образовательные связи, культурные обмены, сотрудничество в сфере туризма, работа с молодёжью, контакты СМИ. Более активны и развиты

первые два направления, однако и в остальных тоже накоплен определённый опыт.

Наиболее активными можно назвать контакты с Костанайской, Акмолинской и Северо-Казахстанской областями, Астаной и Алма-Атой, В то же время этим связи не ограничиваются, есть примеры гуманитарных обменов и с другими регионами РК.

Институциональная структура сотрудничества включает как государственные институты (местные органы власти с обеих сторон, отраслевые министерства, подведомственные им учреждения культуры и образования), так и негосударственные – общественные организации, фирмы, творческие коллективы, профессиональные сообщества. Такое сочетание особенно важно, поскольку показывает, что связи развиваются не «сверху», не из-за обязательств «для галочки», а формируются на основе запроса, который исходит от обществ в России и в Казахстане. Этот запрос достаточно широк, и его необходимо развивать, отвечать на него, способствовать большему географическому охвату гуманитарных обменов для развития интеграционных процессов, экономических связей и в целом поддержки и взаимопонимания между людьми двух стран. Безусловно, многие контакты нарушила пандемия, однако нарабатанный опыт позволяет рассчитывать на их более широкое и взаимно интересное развитие в перспективе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между РФ и РК // Консорциум «Кодекс». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764295> (дата обращения: 27.02.2020).

² Договор между РФ и РК о добрососедстве и сотрудничестве в XXI в. // Президент РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1560> (дата обращения: 27.02.2020).

³ Соглашение между Правительством РФ и Правительством РК о межрегиональном и приграничном сотрудничестве // Консорциум «Кодекс». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902240036> (дата обращения: 27.02.2020).

⁴ Конституция РФ // Пенсионный фонд РФ. – URL: <https://pfr.gov.ru/order/konstituciya/~4849> (дата обращения: 19.06.2022).

⁵ ФЗ об общих принципах организации местного самоуправления в РФ // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. – URL: https://legalacts.ru/doc/131_FZ-ob-obvih-principah-

organizacii-mestnogo-samoupravlenija/ (дата обращения: 19.06.2022).

⁶ ФЗ о координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ // Президент РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13347> (дата обращения: 18.06.2022).

⁷ Концепция внешней политики РФ 2016 г. // МИД РФ. – URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 28.02.2020).

⁸ Конституция РК // Adilet.zan.kz. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 18.06.2022).

⁹ Закон об административно-территориальном устройстве РК // Adilet.zan.kz. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z930004200_ (дата обращения: 18.06.2022).

¹⁰ Закон о местном государственном управлении и самоуправлении в РК // Государственная вневедомственная экспертиза проектов. – URL: https://www.gosexpertiza.kz/sites/gosexpertiza/files/8_z-n_rk_no_148-ii_ot_23.01.2001_o_mestn_gosupravlenii_i_samoupravl_v_rks_izm_ot_03.04.2019.pdf (дата обращения: 18.06.2022).

¹¹ Концепция внешней политики РК на 2020–2030 гг. // Adilet.zan.kz. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000280> (дата обращения: 17.06.2022).

¹² Сотрудничество Свердловской области с РК // ММиВЭС Свердловской области. – URL: <http://mvs.midural.ru/sites/default/files/2.%20Сотрудничество%20Свердловской%20области%20с%20Казахстаном.pdf> (дата обращения: 18.06.2022).

¹³ Четвертьфинальные игры региональной лиги КВН «Уральская федеральная» стартуют сегодня в Свердловской области // Министерство культуры Свердловской области. – 30.05.2016. – URL: <https://www.mkso.ru/news/3004> (дата обращения: 23.06.2022).

¹⁴ Квартет «Феникс» и Лариса Сульдина выступили в Российском павильоне на Международной выставке «ЭКСПО-2017» в Астане

// Свердловская государственная академическая филармония. – 28.08.2017. – URL: <https://sgaf.ru/news/16742> (дата обращения: 23.06.2022).

¹⁵ Шипицина А. В рамках Ирбитской ярмарки будет организована «Чайная улица» // Коммерсант. – 2017. – 8 авг.

¹⁶ Пояснительная записка к отчёту о реализации государственной программы «Развитие международных и внешнеэкономических связей Свердловской области до 2024 г.» в январе – декабре 2019 г. // ММиВЭС Свердловской области. – URL: <https://mvs.midural.ru/sites/default/files/20200128n.pdf> (дата обращения: 18.06.2022).

¹⁷ Партнёрский диалог Свердловской области и Казахстана продолжает активно развиваться // Правительство Свердловской области. – 18.06.2019. – URL: <http://midural.ru/news/vministerstvah/document149923/> (дата обращения: 28.02.2020).

¹⁸ Перечень основных мероприятий и контактов в 2019–2020 гг. // ММиВЭС Свердловской области. – URL: http://mvs.midural.ru/sites/default/files/3.%20Перечень%20основных%20мероприятий_1.pdf (дата обращения: 16.06.2022).

¹⁹ Свердловская общественная палата подписала первый в истории России и Казахстана документ о сотрудничестве в развитии гражданского общества // Правительство Свердловской области. – 07.11.2019. – URL: <http://midural.ru/news/list/document157560/> (дата обращения: 28.02.2020).

²⁰ Международное сотрудничество // ММиВЭС Свердловской области. – URL: <https://mvs.midural.ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 18.06.2022).

²¹ Пояснительная записка к отчёту о реализации государственной программы «Развитие международных и внешнеэкономических связей Свердловской области до 2024 г.» в январе – июне 2020 г. // ММиВЭС Свердловской области. – URL: <https://mvs.midural.ru/sites/default/files/20200728n.pdf> (дата обращения: 18.06.2022).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аршинов Ю. Е., Лапенко М. В.* Анализ приграничного сотрудничества России и Казахстана в контексте евразийской интеграции (на примере Саратовской области) // Современные евразийские исследования. – 2015. – № 1. – С. 43–49.
2. *Ветренко И. А., Каппасова Г. М.* Акторы региональной современной политики в условиях межгосударственного взаимодействия (на примере России и Казахстана) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2015. – № 2. – С. 203–211.
3. *Курныкин О. Ю.* Потенциал и факторы сотрудничества приграничных регионов России и Казахстана // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 2015. – № 31. – С. 244–249.
4. *Чернышов Ю. Г.* Российско-казахстанское приграничье: историко-культурные и социально-коммуникативные особенности // Филолого-коммуникативные исследования. – 2016. – № 3. – С. 11–19.
5. *Лысенко Ю. А.* Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Республики Казахстан в научно-образовательной сфере // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 2016. – № 32. – С. 276–282.

6. Лапенко М. В., Онучко М. Ю. От контактности к барьерности: российско-казахстанская граница и приграничное сотрудничество в условиях пандемии COVID-19 // Постсоветские исследования. – 2021. – № 7. – С. 604–614.
7. Айтказинов Е. Б. Правовое положение регионов как управляемых частей Республики Казахстан // Современное право. – 2008. – № 11. – URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Правовое-положение-регионов-как-управляемых-частей-Республики-Казахстан> (дата обращения: 19.06.2022).

Сведения об авторе

Муратшина Ксения Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Адрес для корреспонденции: 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12

E-mail: ksenia.kgm@gmail.com

РИНЦ AuthorID: 772205

ORCID: 0000-0001-7952-6299

WoS ResearcherID: AAS-1108-2020

Информация о статье

Дата поступления
4 июля 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Муратшина К. Г. Основные направления гуманитарных связей Свердловской области РФ с регионами Казахстана // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 77–83. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).77-83.

K.G. Muratshina

CULTURAL TIES BETWEEN RUSSIA'S SVERDLOVSK REGION AND THE REGIONS OF KAZAKHSTAN: KEY ASPECTS

This article examines the cultural exchanges between Russia's Sverdlovsk region and the regions of Kazakhstan. Interregional cooperation is an essential area of Russia – Kazakhstan relations at current stage. The author studies the legal basis of the cooperation and traces how the ties have been developing since 2015 (after the Eurasian Economic Union Treaty entry into force) up to 2020, including the first year of the COVID-19 pandemic. Sverdlovsk region is taken for the analysis as an example of a large industrial region of Russia, situated in the middle of the country, far from borders, but with well-developed infrastructure and connectivity, providing vast experience of external economic and cultural contacts.

The following main areas of interregional cultural cooperation are defined: education ties (the most intensive cooperation), art exchanges, tourism, media contacts and youth policies. The research demonstrates that the key partners of Sverdlovsk region among the Kazakh counterparts are Kostanay region, Akmola region, North Kazakhstan region, Astana and Almaty. Regarding the structure of cooperation, the article displays the role of both state and non-state institutions in it.

It is concluded that the structure and contents of the cooperation point out that its process is not somehow unilaterally imposed by the states, but is rather developed from within, due to the long cooperation experience and demand from Russian and Kazakh societies. The author argues that, taking into account the necessity of cultural cooperation for bilateral relationship, for integration processes and for mutual understanding, these interregional ties still should be improved in terms of structure diversification and widening their geographical scope.

Keywords: Russia; Kazakhstan; Sverdlovsk region; interregional cooperation; cultural exchanges.

REFERENCES

1. Arshinov Yu.E., Lapenko M.V. Analiz prigranichnogo sotrudnichestva Rossii i Kazakhstana v kontekste evraziiskoi integratsii (na primere Saratovskoi oblasti) [The analysis of cross-border cooperation between Russia and Kazakhstan in the context of Eurasian integration (on the example of Saratov region)]. *Sovremennye evraziiskie issledovaniya* [Contemporary Eurasian Research], 2015, no. 1, pp. 43-49. (in Russian).

2. Vetrenko I.A., Kappassova G.M. Aktory regional'noi sovremennoi politiki v usloviyakh mezhgosudarstvennogo vzaimodeistviya (na primere Rossii i Kazakhstana) [Actors of regional modern politics in the conditions of intergovernmental cooperation (on the example of Russia and Kazakhstan)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Journal of Moscow State Regional University. Series "History and Political Science"], 2015, no. 2, pp. 203-211. (in Russian).
3. Kurnykin O.Yu. Potentsial i faktory sotrudnichestva prigranichnykh regionov Rossii i Kazakhstana [Potential and factors of cooperation between border regions of Russia and Kazakhstan]. *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniy* [Proceedings of Altai School of political studies], 2015, no. 31, pp. 244-249. (in Russian).
4. Chernyshov Yu.G. Rossiisko-kazakhstanskoe prigranich'e: istoriko-kul'turnye i sotsial'no-kommunikativnye osobennosti [Russian-Kazakh border: historical, cultural, social and communicative specific features]. *Filologo-kommunikativnye issledovaniya* [Philological and Communicative Studies], 2016, no. 3, pp. 11-19. (in Russian).
5. Lysenko Yu.A. Prigranichnoe sotrudnichestvo Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Kazakhstan v nauchno-obrazovatel'noi sfere [Cross-border cooperation between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in science and education]. *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniy* [Proceedings of Altai School of political studies], 2016, no. 32, pp. 276-282. (in Russian).
6. Lapenko M.V., Onuchko M.Yu. Ot kontaktnosti k bar'ernosti: rossiisko-kazakhstanskaya granitsa i prigranichnoe sotrudnichestvo v usloviyakh pandemii COVID-19 [From contact to barrier: the Russian-Kazakh border and cross-border cooperation in the context of the coronavirus disease (COVID-19)]. *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies], 2021, no. 7, pp. 604-614. (in Russian).
7. Aitkazinov Ye.B. Pravovoe polozhenie regionov kak upravlyaemykh chastei Respubliki Kazakhstan [Legal status of regions as administrative parts of the Republic of Kazakhstan]. *Sovremennoe pravo* [Contemporary Law], 2008, no. 11, available at: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Правовое-положение-регионов-как-управляемых-частей-Республики-Казakhstan> (accessed: 19.06.2022). (in Russian).

About the author

Ksenia G. Muratshina – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Postal address: 12, Rozhdestvenka ul., Moscow, 107031, Russia

E-mail: ksenia.kgm@gmail.com

RSCI AuthorID: 772205

ORCID: 0000-0001-7952-6299

WoS ResearcherID: AAS-1108-2020

Article info

Received
July 4, 2022

Accepted
October 15, 2022

Acknowledgements

This research was supported by the Russian Science Foundation, grant № 19-78-10060.

For citations

Muratshina K.G. Cultural ties between Russia's Sverdlovsk Region and the Regions of Kazakhstan: Key Aspects. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 77-83. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).77-83 (in Russian).

УДК 327

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).84-97

И. А. Ветренко, А. А. Ковалев

ИСТОРИЯ ЛЕНД-ЛИЗА И ПРИЧИНЫ ЕГО АКТУАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Программа ленд-лиза рассматривается как вид иностранной помощи в военной сфере. Данная тема всегда вызывала исследовательский интерес с момента принятия программы в 1941 г. как среди отечественных, так и зарубежных исследователей. Спецоперация России на Украине в 2022 г. актуализировала ленд-лиз с новой стороны. Цель исследования – изучение сути оригинальной программы ленд-лиза и причин её возрождения в XXI в. В ходе проведённого исследования авторы пришли к выводу, что возрождение программы ленд-лиза в 2022 г. преследует в первую очередь долгосрочные политические цели, которые достигаются с помощью поставок Украине военной помощи, погружая её в экономическую зависимость, делая марионеткой во внешнеполитической игре американских властей.

Ключевые слова: иностранная помощь; ленд-лиз; национальная безопасность; политические цели; военная помощь; сотрудничество; международные отношения.

Изучение ленд-лиза является междисциплинарным предметом исследования. Эта тема раскрывается в таких отраслях науки, как история, военное дело, международные отношения, политология, право и др. С формальной точки зрения тема довольно изученная как за рубежом, так и в нашей стране. Есть много цифр, фактов, аналитики. И даже споры по поводу значимости и вклада американского политико-экономико-военного проекта в победу над фашистской угрозой несколько ослабли к концу XX в. Таким образом, программа ленд-лиза могла бы стать ретроспективной, уходящей в историю.

Однако XXI в. ознаменовался новым витком противостояния коллективного Запада и России. Немаловажную роль в этом процессе сыграл процесс расширения НАТО на Восток и игнорирование опасений России по этому поводу. Особую угрозу в этот вопрос внесло неудержимое стремление Украины стать частью альянса. Осознавая серьёзную опасность своим национальным интересам, Президент России В. В. Путин решил действовать на упреждение. Так военное столкновение на территории Украины в 2022 г. возродило программу ленд-лиза, од-

нако теперь она не помогает Москве в борьбе с нацизмом, а, напротив, действует против неё, доказывая тем самым её чисто коммерческий характер с политическими целями.

Не менее важным вопросом при изучении реанимированной программы ленд-лиза является тема расплаты за оказанную Киеву военную помощь. Мы считаем, что в дальнейшем, когда уже будут подведены итоги ленд-лиза-2022, данный аспект общей темы военных поставок будет весьма актуальным предметом изучения многих наук.

Возрождение ленд-лиза стало возможным благодаря ряду причин: историческая, международная, политическая, военная, экономическая состоятельность; наличие средств, опыта, законодательной базы для повторения ленд-лиза; отлаженный механизм международного взаимодействия государств на двустороннем и многостороннем уровнях, а также в рамках блоков и альянсов, в том числе военных.

Тема ленд-лиза является довольно изученной. Первые работы, посвящённые ленд-лизу, таких учёных, как М. Бартон [1], Ю. Росту [2], Э. Стэйли [3], У. Уилки [4] и др., начали появляться ещё в годы Второй

мировой войны. Своя специфика была у работ, написанных в годы холодной войны. К подобным работам относятся труды таких авторов, как Г. Арнольд [5], Г. Моргентау [6], Л. Мортон [7] и т. д. Современные исследователи, как отечественные, так и зарубежные, также не обделяют вниманием тему ленд-лиза: В. И. Бартенев [8; 9], С. Биндра [10], Т. Хаттори [11] и пр. Также весьма ценными работами в рамках изучения ленд-лиза являются труды, посвящённые изучению института иностранной помощи, его становлению, развитию и современному состоянию. Здесь можно выделить следующие работы: Л. М. Капица [12], Н. А. Касимова [13], В. А. Масич [14] и пр.

В исследовании были использованы следующие научные методы: ретроспективный, сравнительный, прогностический, исторический. Эти методы позволили, во-первых, раскрыть сущность ленд-лиза как исторического явления, имеющего значимость в современности; во-вторых, изучить возможности и способы возрождения этого исторического явления, актуализирующегося в новых условиях; в-третьих, сделать долгосрочные прогнозы на основе имеющихся данных по вопросам, касающимся оплаты (и не только с точки зрения экономики) поставок воюющей стороне по современному ленд-лизу.

Цель исследования – изучение сути оригинальной программы ленд-лиза и причин её возрождения в XXI в. В рамках обозначенной цели были сформулированы следующие задачи: 1) рассмотреть теорию и практику военной помощи согласно международным отношениям; 2) дать анализ программы ленд-лиза 1941–1945 гг.; 3) изучить возрождённый в XXI столетии ленд-лиз как предпосылку начала новой мировой войны.

Предоставление иностранной военной помощи воюющей стране от других стран снова стало одной из актуальных проблем современных международных отношений. Так, 28 апреля 2022 г. Конгресс США рассмотрел и одобрил законопроект, согласно которому Украине начнут поставлять оружие по ленд-лизу. Как известно, это программа, по которой Штаты в годы Второй мировой войны сдавали в аренду союзникам или передавали в долгосрочный кредит военную технику и снаряжение.

Обратимся к теоретическим и историческим аспектам озвученной выше проблемы. В теории международных отношений можно выделить три ключевых подхода к пониманию иностранной военной помощи, среди которых *политический реализм* (Р. Арон, Г. Киссинджер, Г. Моргентау и др.), *либеральный интернационализм* (М. Дойль, М. Говард, В. Хантли и др.) и *теория мировой системы* (автор – И. Валлерстайн). Все три подхода сосредоточены на том, чтобы продемонстрировать результат деятельности иностранной помощи, упуская вопрос о том, чем она является и что собой представляет. То есть исследователи, изучая использование иностранной помощи, задаются только прагматическими вопросами об эффективности применения помощи одного государства в адрес другого (других). При этом в науке не уделяется достаточного внимания систематической теоретизации изучаемой проблемы в совокупности [11]. Однако, несмотря на некоторую схожесть в изучении предмета исследования, сущность выделенных теорий отличается.

Так, политический реализм рассматривает иностранную помощь как способ распространения политического влияния государства-донора на государства-реципиенты. Этот внешнеполитический инструмент воздействия возник в период холодной войны и позволял центрам силы биполярного мира привлекать на свою сторону третьи страны. При этом представители политического реализма убеждены, что роль и значение государства на международной арене детерминированы преимущественно военной властью.

По либеральному интернационализму, иностранная помощь является способом развития стран-получателей в социально-экономической и политической сферах. Для представителей этого научного направления международное сотрудничество предпочтительнее конфликтов и войн, а влияние международных организаций должно быть направлено на недопущение конфликтов на международной арене с помощью создания общепризнанных правил и процедур проведения многосторонней политики [15, с. 9].

Теория мировой системы определяет иностранную помощь как возможность кон-

тролировать путём сдерживания развитие государств, получающих такую помощь. Это, в свою очередь, позволяет контролировать неравномерное накопление капитала во всем мире.

Стоит отметить, что иностранную помощь неверно отождествлять с какими-либо операциями по экономическому обмену, например, в случае предоставления государством-донором государству-реципиенту вооружения в кредит или на иных выгодных условиях с применением отсроченных платежей. Иностранная помощь выстраивается по линии добровольности и безвозмездности. Иными словами, иностранная помощь – это акт дарения.

Феномен дарения изучал в своих исследованиях французский социолог Марсель Мосс [16]. Он рассматривал архаичные общества, на примере изучения которых пришёл к выводу о том, что в конфликтующих обществах нивелировать антагонизм можно с помощью дара. Это стало возможным по причине того, что дары порождали обязанность возмещать их. Такие отношения можно назвать принуждением к взаимности. Таким образом, дарение одной стороной побуждало другую сторону принимать эти дары. Так обязанность давать породила обязанность принимать, а также возмещать. При этом возмещение не сводилось к возврату того, что было подарено. Например, современные международные отношения предполагают в качестве возмещения политическую лояльность принимающей стороны по важным для донора вопросам.

Американский антрополог Маршалл Салинз [17] на основе трудов М. Мосса обозначил и сформулировал следующие формы дарения: 1) сбалансированная взаимность (возмещение соразмерно дару); 2) обобщённая взаимность (характерно для патриархального уклада; возмещение отложено во времени, например, когда одно поколение из получателей – детей – со временем становится дарителями – родителями); 3) отрицательная взаимность (взаимность/возмещение отсутствует, реципиент никогда не становится донором, а между дарителем и получателем даров с течением времени устанавливаются отношения, основанные на иерархическом принципе).

Применительно к современным международным отношениям стоит отметить, что в контексте выделенных типов дарения иностранная помощь относится к типу «отрицательная взаимность». Предоставление иностранной военной помощи не возвращается и не компенсируется донору с течением времени. Подобная политика объясняется несколькими причинами. Одна из них была названа выше – политическая лояльность по важным для донора вопросам. Но есть и другие. Так, генерал-майор армии США Лайман Л. Лемницер [18], анализируя «Программу иностранной помощи» (1950 г.) от США другим странам, отмечал, что военное оборудование в другие страны будет поставляться из числа избыточных запасов ВС США, а также из резервных запасов США с их обязательным последующим пополнением. Также генерал-майор пришёл к выводу, что пополнение ВС США военной техникой и оборудованием новых образцов должно сопровождаться избавлением от старых образцов. При этом утилизацию устаревшего оружия, по мнению военачальника, не может себе позволить даже самое богатое государство. Поэтому единственный оптимальный вариант в данном случае – его безвозмездная передача другим странам.

Вопросы изучения института иностранной военной помощи являются предметом исследования и отечественной науки. Так, исследователь В. А. Масич [14] рассматривает иностранную помощь как инструмент «мягкой силы». Профессор кафедры мировой экономики МГИМО(У) МИД России Л. М. Капица [12, с. 72] при рассмотрении международного института иностранной помощи выделяет следующие его типы по целевому назначению: экономическая, гуманитарная, техническая и военная помощь. По источникам финансирования – официальная, частная и смешанная помощь. По условиям предоставления – безвозмездная (дар или грант), связанная (дополнительные условия и требования) и несвязанная (без дополнительных условий и оговорок).

Изучением национальной модели иностранной помощи (в том числе и в области безопасности) занимаются такие отечественные исследователи, как В. И. Бартенев [8; 9], Н. А. Касымова [13], Н. В. Тоганова [19],

М. Ю. Фёдорова [20] и др. Учёные выделяют множество национальных моделей иностранной помощи, имеющие свои характерные черты и особенности. При этом самой развитой и обширной по охвату, материальным вливаниям, целям и результатам является американская модель, которой в научной литературе по объективным причинам уделено больше внимания.

Институт иностранной помощи начал развиваться после окончания Второй мировой войны. Иностранная военная помощь была анонсирована Законом «О взаимной оборонной помощи». Этот Акт был принят Конгрессом США и подписан Президентом Г. Трумэн 6 октября 1949 г. В дальнейшем этот документ изменялся, переиздавался, дополнялся, также издавались новые законы, регулирующие институт иностранной помощи в разных его аспектах. В частности, начало практической реализации иностранной помощи в различных сферах положил «План Маршалла» 1948–1951 гг. (так называемая «Программа восстановления Европы»), продолжил его Закон «О взаимной безопасности» 1951 г. и пр. Создавались специальные организации с административными и управленческими функциями, например, Администрация взаимной безопасности. При этом самым стратегически выверенным решением с серьёзными последствиями, нацеленными на далёкое будущее, стало создание Организации Североатлантического договора (НАТО) 4 апреля 1949 г. Основная цель создания – защита от коммунистической экспансии. В дальнейшем США по линии НАТО оказывали значительную военную помощь своим союзникам в различных конфликтах.

Таким образом, самой щедрой страной-донором являются США. Поэтому именно они вносят существенный вклад в развитие института иностранной помощи, в том числе и военной. В 1961 г. Конгрессом США был принят Закон «Об иностранной помощи», который действует по настоящее время, подвергнувшись внесению ряда поправок в разные годы. Стоит отметить, что именно на этот нормативно-правовой акт опирался нынешний Президент США Дж. Байден в вопросах предоставления военной помощи Украине в 2022 г. Именно в рамках данного закона им было инициировано внесение зако-

нопроекта и его рассмотрение Конгрессом США, о котором мы упоминали выше. Следует отметить, что по одобренному американскими конгрессменами законопроекту Президент США в 2022 и 2023 гг. сможет давать администрации страны указание предоставлять во временное пользование военную технику и имущество Украине или правительствам стран Восточной Европы, которые по его сугубо личному мнению пострадали от проводимой Россией спецоперации. Также по документу не позднее чем через 60 дней после его принятия глава Белого дома обязан создать ускоренные механизмы поставок вооружений.

Двусторонние программы помощи регулируются Агентством международного развития, являющимся составным элементом американского правительства. Вопросы многостороннего сотрудничества координируются множеством других организаций, каналов и структур.

И такие организации могут иметь как национальный, так и многосторонний (межправительственный) уровень. Они объединяют по всему миру множество государственных доноров, корпоративных / частных семейных фондов, международных НПО, частных лиц [12, с. 87–88], сотрудничающих в рамках института международной иностранной помощи.

Современные международные отношения характеризуются тем, что они интенсивно связываются с экономической дипломатией, делая мир взаимозависимым. В строгом смысле военная иностранная помощь не способствует развитию государства-получателя, однако в более широком понимании является одним из аспектов помощи в развитии принимающей стороны, так как экономика стран-реципиентов получает определённую выгоду от подобной деятельности [10]. При этом военная нестабильность, охватившая мир после Второй мировой войны, одни страны вынуждала примкнуть к одному из двух блоков, разделивших мир, под эгидой СССР и США, а другие – искать собственную выгоду на правах неприсоединившихся стран. По мнению исследователей, такая внешнеполитическая игра на два фронта помогала неприсоединившимся получать помощь от обоих силовых блоков одновремен-

но. Таким образом, представители биполярного мира «переманивали» на свою сторону нейтральные страны.

Современные международные отношения демонстрируют различные способы укрепления межгосударственного сотрудничества, в том числе с помощью вступления в различные организации. По словам американского политолога Ганса Моргентау, «иностранный способ, с помощью которого нации укрепляют свои союзы» [6, р. 354]. Это справедливое утверждение, тем более что современный уровень развития международных отношений позволяет получать военную помощь не только членам этих организаций, но также и не вступившим (или не принятым) в них. Например, современная Украина в период российской спецоперации на украинской территории получает колоссальную военную помощь от таких организаций, как ЕС и НАТО, при этом не являясь их участником.

Одним из самых известных и значимых в истории международных отношений эпизодом иностранной военной помощи является ленд-лиз, инициированный США во время Второй мировой войны. Стоит отметить, что в этот период иностранная помощь ещё не была институционализована, поэтому программу ленд-лиза можно считать первым шагом к упорядочиванию и оформлению института иностранной помощи, в том числе и военной.

11 марта 1941 г. Конгрессом США был принят «Закон по обеспечению защиты Соединённых Штатов» (An Act to Promote the Defense of the United States), который вошёл в историю как Закон о ленд-лизе. Этимология слова Lend Lease (от англ. Lend – «давать в займы» и Lease – «сдавать в аренду») точно раскрывает его цели и сущность. Ленд-лиз является инициированной Соединёнными Штатами программой помощи в период Второй мировой войны, оказываемой американскими властями членам антигитлеровской коалиции в области военно-технического и материального обеспечения.

Для объективности оценки эффективности данного закона важно понимать, какие события этому предшествовали. После нападения Германии на Советский Союз в Ва-

шингтон прилетела советская военная миссия во главе с генерал-лейтенантом Ф. И. Голиковым. В её составе был также генерал-майор советских ВВС А. К. Репин. На переговорах оба генерала, которых приняли Президент и члены правительства США, подчёркивали, что необходимо спешить, но при этом были уверены: Красная Армия не будет разбита летом 1941 г. и даже перехватит инициативу, когда начнётся зима. В ходе дискуссии по проблеме поставок в СССР в сентябре – октябре американских переговорщиков поразило, что советские представители делали упор на станки и материалы, необходимые для военных заводов, эвакуированных на Урал и в Сибирь. По мнению американцев, Советскому Союзу были нужны танки и самолёты, о чём в первую очередь, на их взгляд, следовало бы беспокоиться стране, находившейся на грани поражения. До конца сентября СССР платил наличными за всё, что приобретал в США. Всего же начиная с 23 июня 1941 г. «Амторг» выплатил американцам 92 млн долл., однако в действительности в Россию за тот же период было поставлено товаров лишь на 41 млн долл. В августе 1941 г., после Атлантической конференции, было принято решение послать в Москву совместную англо-американскую миссию с тем, чтобы разработать полную и долгосрочную программу помощи Советскому Союзу.

Конференция началась в Москве 29 сентября, и за 48 часов была подготовлена соответствующая девятимесячная программа. А 2 октября 1941 г. был подписан договор: с американской стороны – У. Гарриманом, с английской – У. Бивербруком, а с советской – наркомом иностранных дел В. М. Молотовым. Речь идёт о самом первом протоколе относительно поставок по ленд-лизу в СССР. Исторический Московский протокол состоял из семи машинописных страниц. Участники конференции обязывались обеспечивать нашу страну необходимыми «материалами, производимыми в Англии и США» в период с октября 1941 г. по конец июня 1942 г., а далее следовал перечень товаров. В первом его разделе фигурировали разнообразные машины и материалы, нужные для войны: танки, самолёты, провода для полевых телефонов, станки, броня, горючее, ко-

лючая проволока, сапоги, электроплиты, пшеница и многое другое. Во втором разделе были указаны конкретные количества этих товаров, требовавшиеся Советскому Союзу, в третьем – то, в какой мере Англия и США могут удовлетворить запросы по каждому пункту (в некоторых случаях констатировалось, что данный вопрос нуждается в дополнительном изучении). Нигде в документе не указывалась общая сумма в долларах. Протокол был скреплён дипломатическими печатями и подписан тремя вышеназванными представителями сторон [21].

Несмотря на то, что ленд-лиз был призван помогать государствам, пострадавшим от нацистской агрессии, дословный перевод и содержание самого нормативного акта демонстрируют, в первую очередь, заинтересованность США в собственной национальной безопасности. Так, этот закон расширял полномочия американского Президента в сфере распределения помощи любому государству, чья оборона «жизненно важна» в вопросах обеспечения национальной безопасности самих США. Это исключительно политический расчёт на далёкую перспективу – помогать только тем странам, которые несут пользу американским национальным интересам. Нацистская угроза была слишком очевидна, поэтому, осознав ценность и потенциал СССР в борьбе с агрессором, США совместно с Великобританией решили направлять помощь по ленд-лизу и Советскому Союзу. Так, СССР и его оборона в конце 1941 г. вошли в область «жизненно важной» сферы, влияющей на национальную безопасность США. Как только нацистская угроза была ликвидирована, поставки по ленд-лизу в Советский Союз прекратились, а американские союзники начали подсчитывать советский долг и свою прибыль.

Пожалуй, наиболее ёмко мысль о сущности американской внешней политики выразил американский социолог Уильям Р. Кэтон, который писал, что прежний, довоенный порядок, в котором Америка сохраняла статус нейтрального государства, не позволял извлекать прибыль из сложного положения воюющих государств, а прибыль из страданий и бедствий других могла быть огромной. Именно поэтому, по мнению учёного, «эта любовь к наживе привела нас к тому, что мы

приняли те же страдания и бедствия в попытке сохранить право извлекать выгоду из бедствий других» [22, р. 182]. Так осознание неправильности и недальновидности американской озабоченности долларами и породила беспрецедентную в те времена практику ленд-лиза.

Программа ленд-лиза, по мнению американских властей, смогла заменить второй фронт, обещанный СССР западными странами ещё в начале войны. Включение Советского Союза в данную программу было предпринято также и для того, чтобы снять давление с Великобритании, которая предполагала, что советские войска могут быть в кратчайшие сроки отброшены к Уралу [23].

Несмотря на экономическую и военнотехническую направленность ленд-лиза, невозможно проигнорировать и его политическое значение. Так, многие исследователи, которые занимались изучением данной темы, сошлись во мнении, что это был инструмент ведения войны с преследованием стратегических целей [24, с. 22]. По сути, США вели войну чужими руками и на чужой территории против нацистских агрессоров в своих национальных интересах. При этом в зарубежной научной литературе неоднократно упоминалось, что, несмотря на оказание «безусловной помощи» Советскому Союзу (таково было личное решение Ф. Рузвельта), на СССР оказывалось давление посредством этой самой помощи [5, р. 302]. Таким образом, ленд-лиз явил собою новую форму ведения войны, позволившей оказывать существенное влияние на её ход, но при этом не принимать в ней непосредственного участия.

Важно отметить, что оценивая потери и вклад СССР и США в военный период, зарубежные исследователи справедливо отмечают их несопоставимость между собой [3, р. 366]. Действительно, СССР взял на себя основной удар во Второй мировой войне, а ленд-лиз был вкладом в победу несколько иного качества и направления со стороны союзников. Такой способ военного участия позволял Рузвельту реализовывать свою предвыборную программу (1940 г.), согласно которой американские солдаты не будут воевать на фронтах иностранных войн. Но и в стороне США также не остались.

И всё же союзнических отношений между СССР и США в годы Второй мировой войны так и не сложилось, даже несмотря на помощь по ленд-лизу. Недоверие между двумя государствами так и осталось непреодоленным [25, р. 97]. Это особенно отчетливо прослеживалось в начале войны, однако на последующих её этапах оно несколько сгладилось. Так, И. В. Сталин не доверял западным политическим режимам с капиталистическим устройством, а США опасались скорой капитуляции Советского Союза и перехода поставок по ленд-лизу немецким войскам.

Нельзя не отметить, что в обеих странах в период войны создавался в целом положительный имидж друг друга в глазах общественности [4; 26], хотя и без критики не обошлось. Однако непримиримость и несформированные союзнические отношения, несмотря на значимую роль личных контактов в сотрудничестве [27], дали о себе знать сразу после окончания войны. Разногласия и споры в американо-советских отношениях возникали в том числе и по поводу значимости программы ленд-лиза для окончательной победы над фашизмом. СССР был убежден в отсутствии такой значимости, англо-американские научные и политические круги были уверены в обратном [28]. В итоге, по заявлениям авторов ленд-лиза и их реальных союзников, СССР был признан неблагодарным и отказывающимся от конструктивного сотрудничества государством [7; 29–31]. Такое мнение было доминирующим сразу после окончания Второй мировой войны и на протяжении всего периода холодной войны.

Тот факт, что ленд-лиз выступает своего рода уникальным прецедентом объединения усилий стран с различным социально-экономическим устройством в борьбе с глобальным злом, а именно с нацизмом, нельзя не признавать. Но и столько лет после окончания Второй мировой войны не прекращаются споры по поводу конкретной роли ленд-лиза в победе СССР, причём многие зарубежные и российские авторы используют этот сюжет в самых неблагоприятных целях, пытаясь принизить подвиг советского народа, обесценить его небывалые в человеческой истории жертвы. Противостоять фальсификаторам, проводя объективные квалифицированные исследова-

ния, и есть главная задача современных политологов.

Итак, главный вопрос заключается в том, какое политическое значение имела программа ленд-лиз в международных отношениях военного и послевоенного времени. Стоит отметить, что в условиях современного противостояния ценностных миров России и коллективного Запада, где одной из мишеней последнего выступает одна из ключевых скреп российского народа – победа в Великой Отечественной войне, сложно вычленить объективные оценки относительно значимости ленд-лиза для Советского Союза в политической, экономической, военно-технической сферах. Примечательно, что даже в период холодной войны оценки зарубежных учёных и политиков не были настолько субъективными и антагонистичными, как в XXI в., возрождающем нацизм.

Современная российская наука не отрицает вклад американцев в победу над гитлеровской Германией, однако и абсолютизировать его тоже не намерена. Так, по мнению доктора политических наук, профессора Д. Н. Ермакова, победу в войне обеспечили, прежде всего, единство фронта и тыла, трудовой подвиг советского народа, эффективная административная работа высшего советского политического руководства по реориентации промышленности на военные рельсы и эвакуация стратегически важных заводов на восток страны, а самое главное – военный подвиг советских солдат, защищавших своё Отечество [31]. Также, отмечает профессор, зачастую нарушалась логистика поставок, а поставляемая техника не была предназначена для сильных морозов и топлива низкого качества. А это, в свою очередь, несколько снижало значимость союзнической помощи, но, безусловно, не нивелировало её полностью. Тем более вклад союзников в победу над фашизмом признавал сам И. В. Сталин [32, с. 290].

Однако давление на СССР по поводу возврата долга по ленд-лизу (а с него сразу после окончания войны требовали более 2 млрд долларов), а потом и на Россию (ряд исследователей убеждены, что Россия до сих пор не расплатилась по ленд-лизу полностью [33]¹), существенно снижают впечатление от такой помощи. Также стоит учитывать, что

в начале войны поставок по ленд-лизу СССР не было предусмотрено, Советский Союз расплачивался за предоставляемую помощь своими сырьевыми ресурсами: сырой нефтью, хлопком, углём, рудой и т. д. Право на ленд-лиз СССР получил только 7 ноября 1941 г. При этом сам Закон о ленд-лизе прямо прописывал такой вид выгоды от сотрудничества с получателями помощи: «Выгодой Соединённым Штатам может быть оплата натурой или имуществом, а также любая другая прямая или косвенная выгода, которую Президент сочтёт удовлетворительной» [1]. Таким образом, ленд-лиз ещё в военные годы частично компенсировался обратным ленд-лизом из союзных стран в США, в том числе и из СССР. По мнению Г. Трумэна, с США по ленд-лизу с помощью обратного ленд-лиза полностью смогла расплатиться только Австралия.

Интересно отметить, что американская научная мысль в послевоенный период вполне осознанно заявляла, что США допустили серьёзную ошибку, не навязав Советскому Союзу политических условий за ленд-лизомские поставки [34]. Так США могли бы добиться существенных политических уступок от Сталина с помощью экономического давления. При этом в период войны американское правительство чётко осознавало, что ленд-лиз как воплощение концентрации экономической власти с политическими целями будет актуален только в военное время, в мирное время такой вид международной торговли создаст «большие проблемы», в первую очередь в политической сфере, а также в международной торговле [2]. Так, по мнению ряда историков, было положено начало холодной войны, воплощённое в провокационном действии Г. Трумэна по отмене ленд-лиза для Советского Союза [35].

Тема ленд-лиза и в XXI в. вызывает серьёзный научный и политический интерес как на Западе, так и в России. При этом ленд-лиз не просто осмысливается и изучается как свершившийся факт в мировой истории с точки зрения современной парадигмы. Более того, практика ленд-лиза видится её творцами актуальной и в современных международных условиях разложения однополярного мира. Так, современный американский военный эксперт Стивен Бланк убеждён, что Со-

ветский Союз не смог бы выиграть войну с фашистской Германией без поставок по программе ленд-лиза, которая, по мнению аналитика, стала полноценным «вторым фронтом». Также С. Бланк убеждён, что возрождение программы ленд-лиза станет эффективным инструментом по сдерживанию России².

Именно поэтому США возобновили практику ленд-лиза в период военного конфликта на территории современной Украины в 2022 г. Подобные действия обеспечивают американское политическое влияние на Украину в долгосрочной перспективе. Ведь если Россия, став преемницей СССР по ленд-лизомским долгам, расплатилась за эту военную помощь только в 2006 г., сложно представить, сколько на это уйдёт лет (или веков) у Украины. Вероятнее всего, расплата за американское оружие будет выражаться исключительно в политической и геополитической лояльности, доходящей до состояния покорности.

Вновь говорить о ленд-лизе все мировое сообщество заставили создатели этого феномена – Соединённые Штаты Америки. Так, 9 мая 2022 г. президент США Джо Байден подписал закон о ленд-лизе для Украины. Ранее, 7 апреля, его принял Сенат США, а 28 апреля то же самое сделала Палата представителей Конгресса США. Закон даст возможность США оперативно предоставлять Украине оружие «для защиты от агрессии России»³, также Киев получит по нему финансовую помощь в гораздо большем объёме, чем было до принятия этого закона.

Объём военной помощи Украине в США называют беспрецедентным. Так много техники и оружия не поставляли даже Афганистану за все 20 лет присутствия там американских военных, которые, покидая эту страну в спешке, оставили оборудование примерно на 85 миллиардов долларов (данные из открытых источников).

Следует отметить, что военную помощь Украине оказывали ещё с середины 1990-х гг. И уже тогда возникала тема так называемого нецелевого использования техники и вооружения. Бывшая советская республика постепенно стала одним из крупнейших в мире нелегальных рынков: бойцов ВСУ неоднократно уличали в попытках про-

дать гранаты, мины или патроны. По данным некоммерческой организации Small Arms Survey, только за период с 2013 по 2015 г. утеряли или украли 300 тысяч единиц стрелкового оружия⁴.

Получается, что спустя 77 лет Президент Соединённых Штатов Джо Байден вновь возрождает военную кредитную схему – для упрощения поставок оружия и военной техники Украине. Однако есть информация о том, что законопроект о ленд-лизе внесли на рассмотрения в Сенат США ещё до начала спецоперации РФ. Это произошло 19 января 2022 г., когда ещё не было и речи о специальной военной операции России на Украине, подтверждение этому можно найти на официальном сайте Конгресса США⁵.

Данный факт свидетельствует о том, что американское правительство заранее готовило законодательную базу для поддержки вооружённых сил Украины, что наглядно подтверждает наш высказанный ранее тезис о политической подоплёке ленд-лиза.

Сегодня этот закон выступает как один из методов дипломатии принуждения со стороны США. Полное и официальное название закона звучит так: «An Act To provide enhanced authority for the President to enter into agreements with the Government of Ukraine to lend or lease defense articles to that Government to protect civilian populations in Ukraine from Russian military invasion, and for other purposes», что в переводе означает «Закон о предоставлении Президенту расширенных полномочий по заключению соглашений с Правительством Украины о предоставлении или аренде оборонных средств этому Правительству для защиты гражданского населения Украины от российского военного вторжения и для других целей».

Уже сегодня многие военные эксперты предупреждают все мировое сообщество о затягивании военной операции со стороны Украины за счёт поставок ей вооружения и военной техники по ленд-лизу из-за океана. Также это может породить так называемую вооружённую коррупцию, из-за которой оружие может не дойти до фронта в силу отсутствия контроля за использованием поставляемого вооружения. К тому же ленд-лиз предполагает возврат денежных средств в полном объёме за данные поставки, хоть

и отсроченный во времени. Киеву придётся всё вернуть, а в нынешних условиях распада украинской экономики это выглядит почти нереальным. В связи с этим становятся понятны мотивы США. Они сводятся к тому, чтобы создать силами украинских вооружённых формирований и их оружия оптимальную ситуацию для изматывания и дальнейшего ослабления России. Америка продолжает реализацию своего стратегического геополитического плана.

Актуализация ленд-лиза сегодня выступает как комплексное оружие на многих фронтах: военном, информационном, экономическом, дипломатическом. Термин, который возник 17 декабря 1940 г. во время пресс-конференции Президента Рузвельта в Белом доме, сегодня стал столь же популярным, как и в годы Второй мировой войны. Тогда, в 1940 г., специального помещения для общения с журналистами в Белом доме ещё не было, корреспонденты набились прямо в Овальный кабинет. Именно там Президент и заговорил о важности военной помощи Великобритании в борьбе против Третьего рейха. «Представьте себе, что у вашего соседа горит дом, – говорил Рузвельт, – а у вас есть пожарный шланг. Он стоит \$15. Но неужели вы просто не одолжите его?»⁶ Мало кто мог представить себе, что за этим простым объяснением стоит историческое явление, которому суждено было вернуться в жизнь и научный обиход через 82 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Левицкий Л.* Ленд-лиз: мифы и реальность [Электронный ресурс] // Парламентская газета [сайт]. – 31.08.2021. – URL: <https://www.pnp.ru/social/lend-liz-mify-i-realnost.html> (дата обращения: 24.05.2022).

² *Бланк С.* Atlantic Council (США): США должны возродить программу ленд-лиза для сдерживания России [Электронный ресурс] // ИноСМИ [сайт]. – 04.03.2020. – URL: <https://inosmi.ru/20200304/246983329.html> (дата обращения: 23.05.2022).

³ All Information (Except Text) for S.3522 – Ukraine Democracy Defense Lend-Lease Act of 2022 117th Congress (2021–2022) // Congress.gov. – 2022. – URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/352...> (accessed: 03.06.2022).

⁴ Footnotes: Takeaways from previous Small Arms Survey research on Ukraine // Small Arms Survey. – 31.03.2022. – URL: <https://smallarms-survey.medium.com/footnotes-takeaways-from->

previous-small-arms-survey-research-on-ukraine-adff89b864d5 (accessed: 03.06.2022).

⁵ All Information (Except Text) for S.3522 – Ukraine Democracy Defense Lend-Lease Act of 2022 117th Congress (2021–2022) // Congress.gov. –

2022. – URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/352...> (accessed: 03.06.2022).

⁶ Ленд-лиз: цифры и факты // Библиотека nnre.ru. – URL: http://nnre.ru/voennaja_istorija/tanki_lend_liza_v_boyu/p2.php (дата обращения: 03.06.2022).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Burton M. C.* The Lend-Lease Operation // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* – 1943. – Vol. 225. – P. 183–189.
2. *Rostow E. V.* Two Aspects of Lend-Lease Economics // *The American Economic Review.* – 1943. – Vol. 33. – № 1. – P. 377–381.
3. *Staley E.* The Economic Implications of Lend-lease // *The American Economic Review* 33. – 1943. – № 1. – P. 362–376.
4. *Willkie W.* One World. – Simon and Schuster, 1946. – 206 p.
5. *Arnold H. H.* Global Mission. – London ; Melbourne : Hutchinson, 1951. – 276 p.
6. *Morgenthau H. J., Thompson K. W.* Politics Among Nations: the struggle for power and peace. – 6th ed. – New York : Alfred A. Knopf, 1985. – 600 p.
7. *Morton L.* Strategy and Command: The First Two Years. The War in the Pacific, vol. 10, U. S. Army in World War II. – Washington : Office of the Chief of Military History, Department of Army, 1962. – 761 p.
8. *Бартнев В. И.* Американские программы помощи зарубежным странам в области безопасности: прошлое, настоящее, будущее (часть 1) // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика.* – 2016. – № 4. – С. 204–234.
9. *Бартнев В. И.* Американские программы помощи зарубежным странам в области безопасности: прошлое, настоящее, будущее (часть 2) // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика.* – 2017. – № 1. – С. 93–117.
10. *Bindra S. S.* Foreign Aid And Foreign Policy: An Implementation Process // *World Affairs: The Journal of International Issues.* – 2018. – Vol. 22. – № 3. – P. 126–141.
11. *Hattori T.* Reconceptualizing Foreign // *Review of International Political Economy.* – 2001. – Vol. 8. – № 4. – P. 633–660.
12. *Капица Л. М.* Международный институт иностранной помощи // *Вестник МГИМО-Университета.* – 2011. – № 4 (19). – С. 70–98.
13. *Касьмова Н. А.* Национальные модели иностранной помощи // *Вестник МГИМО-Университета.* – 2011. – № 6 (21). – С. 119–130.
14. *Масич В. А.* Материальная помощь иностранным государствам, как инструмент «мягкой силы» // *Евразийский юридический журнал.* – 2015. – № 5 (84). – С. 54–55.
15. *Барабанов О. Н.* Проблемы глобального управления: выбор аналитической парадигмы // *Вестник международных организаций.* – 2009. – № 2 (24). – С. 5–13.
16. *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. – Москва : КДУ, 2011. – 413 с.
17. *Салинз М.* Экономика каменного века. – Москва : ОГИ, 1999. – 296 с.
18. *Lemnitzer L. L.* The Foreign Military Aid Program // *The Academy of Political Science.* – 1950. – Vol. 23. – № 4. – P. 92–98.
19. *Тоганова Н. В.* Экономика и безопасность как мотивы помощи развитию. Пример Германии // *Международные процессы.* – 2018. – Т. 16. – № 3. – С. 39–55.
20. *Федорова М. Ю.* Нетипичные наднациональные формы социального обеспечения // *Российский юридический журнал.* – 2012. – № 3. – С. 188–198.
21. *Рыжков Н. И.* Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы. – Москва : Издат. дом «Экономическая газета», 2011. – 448 с.
22. *Catton W. R.* Origin and Establishment of Lend-Lease Policy: A Study in Symbolic Paralysis // *ETC: A Review of General Semantics.* – 1950. – Vol. 7. – № 3. – P. 180–188.
23. *Munting R.* Lend-Lease and the Soviet War Effort // *Journal of Contemporary History.* – 1984. – Vol. 19. – № 3. – P. 495–510.
24. *Головатина П. М., Камынин В. Д.* Англо-американская помощь Советскому Союзу по ленд-лизу: взгляд зарубежной историографии // *Уральский вестник международных исследований.* – Екатеринбург : Изд-во Урал, 2005. – Вып. 4. – С. 19–28.
25. *Deane J. R.* The Strange Alliance. – New York : Viking Adult, 1947. – 344 p.

26. Голубев А. В. Америка как союзник в представлении советского общества: 1941–1945 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2016. – № 2 (4). – С. 31–51.
27. Быстрова И. В. СССР и США в годы Второй мировой войны: роль личных контактов в сотрудничестве // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2016. – № 2 (4). – С. 52–70.
28. Ward J. M. Some Implications of the Cessation of Lend-Lease // The Australian Quarterly. – 1946. – Vol. 18. – № 1. – P. 16–28.
29. Churchill W. The Grand Alliance. – Boston : Houghton Mifflin, 1950. – 903 p.
30. Campbell I., MacIntire D. The Kola Run. A Record of Arctic Convoys, 1941-1945. – London : Frederick Muller Limited, 1958. – 254 p.
31. Ермаков Д. Н. Американская военно-техническая помощь Советскому Союзу в годы Второй мировой войны: историко-политологический анализ // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2015. – № 3. – С. 68–78.
32. Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя. – Москва : АСТ: CORPUS, 2015. – 464 с.
33. Осьмачко С. Г., Артамонова О. А. Ленд-лиз и победа: политическое и экономическое значение поставок сырья, оборудования и вооружения в СССР // Вестник ЯВВУ ПВО. – 2019. – № 4. – С. 115–118.
34. Mose L. H. Lend-Lease to Russia: A Story That Needs to Be Told like It Was // The Russian Review. – 1970. – Vol. 29. – No. 1. – P. 81–86.
35. Herring G. C. Lend-Lease to Russia and the Origins of the Cold War, 1944-1945 // The Journal of American History. – 1969. – Vol. 56. – № 1. – P. 93–114.

Сведения об авторах

Ветренко Инна Александровна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Адрес для корреспонденции: 191119, Россия, Санкт-Петербург, ул. Чернышевского, 6/10

E-mail: vetrenko-ia@ranepa.ru

РИНЦ AuthorID: 287914

ORCID: 0000-0001-5212-4580

Ковалев Андрей Андреевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Адрес для корреспонденции: 199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43

E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

РИНЦ AuthorID: 647696

ORCID: 0000-0002-7760-5732

Информация о статье

Дата поступления
11 сентября 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Ветренко И. А., Ковалев А. А. История ленд-лиза и причины его актуализации в современных международных отношениях // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 84–97. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).84-97.

THE HISTORY OF LEND-LEASE AND THE REASONS FOR ITS UPDATED IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

The article is devoted to the consideration of the lend-lease program as a type of foreign aid in the military sphere. This topic has always aroused research interest since the adoption of the program in 1941, both among domestic and foreign researchers. Russia's special operation in Ukraine in 2022 updated Lend-Lease from a new angle. Now the debate of scientists about the significance of Lend-Lease during the Second World War is leveled by a new agenda of scientific research – the revived Lend-Lease to Ukraine during the period of the special operation. And the most complete and reliable study of modern Lend-Lease is possible only if we trace in detail the formation of Lend-Lease during the Second World War. The article uses the existing legislative base for the revived Lend-Lease program, which has been tested by time; the consistency and well-functioning of interstate relations (including block relations) at the present stage of their development is noted. The purpose of the study is to study the essence of the original Lend-Lease program and the reasons for its revival in the 21st century. The following scientific methods were used in the study: retrospective, comparative, predictive, historical. The work used legislative acts, relevant materials on the current situation, scientific works of domestic and foreign researchers on a given topic. In the course of the study, the authors came to the conclusion that the revival of the Lend-Lease program in 2022 is aimed primarily at pursuing long-term political goals that are achieved with the help of military supplies to Ukraine, plunging it into economic dependence, making it a puppet in the foreign policy game of American authorities. The mechanism for implementing the Lend-Lease program, well-established and familiar since the Second World War, helps the current American President in the shortest possible time to achieve the expansion of his powers in matters of military supplies under Lend-Lease-2022.

Keywords: foreign aid; lend-lease; national security; political goals; military aid; cooperation; international relations.

REFERENCES

1. Burton M.C. The Lend-Lease Operation. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1943, vol. 225, pp. 183-189.
2. Rostow E.V. Two Aspects of Lend-Lease Economics. *The American Economic Review*, 1943, vol. 33, no. 1, pp. 377-381.
3. Staley E. The Economic Implications of Lend-lease. *The American Economic Review* 33, 1943, no. 1, pp. 362-376.
4. Willkie W. *One World*. Simon and Schuster, 1946, 206 p.
5. Arnold H. H. *Global Mission*. London, Melbourne, 1951, 276 p.
6. Morgenthau H. J. *Politics Among Nations: the struggle for power and peace*. New York, Alfred A. Knopf, 1985, 600 p.
7. Morton L. Strategy and Command: The First Two Years. The War in the Pacific, vol. 10, U. S. Army in World War II. Washington, Office of the Chief of Military History, Department of Army, 1962, 761 p.
8. Bartenev V.I. Amerikanskiye programmy pomoshchi zarubezhnyim stranam v oblasti bezopasnosti: proshloe, nastoyashchee, budushchee (chast' 1) [American programs of assistance to foreign countries in the field of security: past, present, future (part 1)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of the Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics], 2016, no. 4, pp. 204-234. (in Russian).
9. Bartenev V.I. Amerikanskiye programmy pomoshchi zarubezhnyim stranam v oblasti bezopasnosti: proshloe, nastoyashchee, budushchee (chast' 2) [American programs of assistance to foreign countries in the field of security: past, present, future (part 2)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of the Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics], 2017, no. 1, pp. 93-117. (in Russian).
10. Bindra S.S. Foreign Aid And Foreign Policy: An Implementation Process. *World Affairs: The Journal of International Issues*, 2018, vol. 22, no. 3, pp. 126-141.
11. Hattori T. Reconceptualizing Foreign. *Review of International Political Economy*, 2001, vol. 8, no. 4, pp. 633-660.
12. Kapitsa L.M. Mezhdunarodnyi institut inostranoi pomoshchi [International Institute of Foreign Aid]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2011, no. 4 (19), pp. 70-98. (in Russian).
13. Kasymova N.A. Natsional'nye modeli inostranoi pomoshchi [National models of foreign aid]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2011, no.6 (21), pp. 119-130. (in Russian).

14. Masich V.A. Material'naya pomoshch' inostrannym gosudarstvam, kak instrument "myagkoi sily" [Material assistance to foreign states as a tool of "soft power"]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal [Eurasian Legal Journal]*, 2015, no. 5 (84), pp. 54-55. (in Russian).
15. Barabanov O.N. Problemy global'nogo upravleniya: vybor analiticheskoi paradigmy [Problems of global governance: choosing an analytical paradigm]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii [Bulletin of International Organizations]*, 2009, no. 2 (24), pp. 5-13. (in Russian).
16. Moss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po social'noi antropologii [Society. Exchange. Personality. Works on social anthropology]*, Moscow, KDU Publ., 2011, 413 p. (in Russian).
17. Salins M. *Ekonomika kamennogo veka [The economy of the Stone Age]*, Moscow, OGI Publ., 1999, 296 p. (in Russian).
18. Lemnitzer L.L. The Foreign Military Aid Program. *The Academy of Political Science*, 1950, vol. 23, no. 4, pp. 92-98.
19. Toganova N.V. Ekonomika i bezopasnost' kak motivy pomoshchi razvitiyu. Primer Germanii [Economics and security as motives for development assistance. The example of Germany]. *Mezhdunarodnye protsessy [International processes]*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 39-55. (in Russian).
20. Fedorova M.Yu. Netipichnye nadnatsional'nye formy social'nogo obespecheniya [Atypical supranational forms of social security]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal [Russian Law Journal]*, 2012, no. 3, pp. 188-198. (in Russian).
21. Ryzhkov N.I. *Velikaya Otechestvennaya: bitva ekonomik i oruzhie Pobedy [The Great Patriotic War: the Battle of Economies and the Weapon of Victory]*, Moscow, Publishing house "Ekonomicheskaya Gazeta", 2011, 448 p. (in Russian).
22. Catton W.R. Origin and Establishment of Lend-Lease Policy: A Study in Symbolic Paralysis. *ETC: A Review of General Semantics*, 1950, vol. 7, no. 3, pp. 180-188.
23. Munting R. Lend-Lease and the Soviet War Effort, *Journal of Contemporary History*, 1984, vol. 19, no. 3, pp. 495-510.
24. Golovatina P.M., Kamynin V.D. *Anglo-amerikanskaya pomoshch' Sovetskomu Soyuzu po lend-lizu: vzglyad zarubezhnoi istoriografii [Anglo-American Lend-lease assistance to the Soviet Union: a view of foreign historiography]*, Yekaterinburg, Ural Publishing House, 2005, pp. 19-28. (in Russian).
25. Deane J.R. *The Strange Alliance*. New York, Viking Adult, 1947, 344 p.
26. Golubev A.V. Amerika kak soyuznik v predstavlenii sovetskogo obshchestva: 1941-1945 gg. [America as an ally in the view of Soviet society: 1941-1945]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie [Bulletin of the Russian State University. Series: Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental studies]*, 2016, no. 2 (4), pp. 31-51. (in Russian).
27. Bystrova I.V. SSSR i SShA v gody Vtoroi mirovoi voiny: rol' lichnykh kontaktov v sotrudnichestve [The USSR and the USA during the Second World War: the role of personal contacts in cooperation]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie [Bulletin of the Russian State University. Series: Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental studies]*, 2016, no. 2 (4), pp. 52-70. (in Russian).
28. Ward J.M. Some Implications of the Cessation of Lend-Lease. *The Australian Quarterly*, 1946, vol. 18, no. 1, pp. 16-28.
29. Churchill W. *The Grand Alliance*. Boston, Houghton Mifflin, 1950, 903 p.
30. Campbell I., MacIntire D. *The Kola Run. A Record of Arctic Convoys, 1941-1945*. London, Frederick Muller Limited, 1958, 254 p.
31. Ermakov D.N. Amerikanskaya voenno-tehnicheskaya pomoshch' Sovetskomu Soyuzu v gody Vtoroi mirovoi voiny: istoriko-politologicheskii analiz [American military-technical assistance to the Soviet Union during the Second World War: historical and political analysis]. *Vestnik MGOU. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow State University. Series: History and Political Sciences]*, 2015, no. 3, pp. 68-78. (in Russian)
32. Khlevnyuk O. *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya [Stalin. The life of one leader]*, Moscow, CORPUS Publ., 2015, 464 p. (in Russian).
33. Osmachko S.G., Artamonova O.A. Lend-liz i pobeda: politicheskoe i ekonomicheskoe znachenie postavok syr'ya, oborudovaniya i vooruzheniya v SSSR [Lend-lease and victory: the political and economic significance of the supply of raw materials, equipment and weapons in the USSR]. *Vestnik JAVVU PVO [Vestnik YAVVU PVO]*, 2019, no. 4, pp. 115-118. (in Russian).
34. Mose L.H. Lend-Lease to Russia: A Story That Needs to Be Told like It Was. *The Russian Review*, 1970, vol. 29, no. 1, pp. 81-86.
35. Herring G.C. Lend-Lease to Russia and the Origins of the Cold War, 1944-1945. *The Journal of American History*, 1969, vol. 56, no. 1, pp. 93-114.

About the authors

Inna A. Vetrenko – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Social Technologies of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Postal address: 6/10, Chernyakhovskogo ul., St. Petersburg, 191119, Russia

E-mail: vetrenko-ia@ranepa.ru

RSCI AuthorID: 287914

ORCID: 0000-0001-5212-4580

Andrey A. Kovalev – PhD in Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Postal address: 57/43, Sredny pr. V.O., St. Petersburg, 199178, Russia

E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

RSCI AuthorID: 647696

ORCID: 0000-0002-7760-5732

Article info

Received
September 11, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Vetrenko I.A., Kovalev A.A. The History of Lend-Lease and the Reasons for Its Updated in Modern International Relations. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 84-97. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).84-97 (in Russian).

УДК 329.17

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).98-106

Д. И. Попов

НАЦИОНАЛИЗМ КАК КОМПОНЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ПРАВОГО ПОПУЛИЗМА В ЕВРОПЕ В НАЧАЛЕ ХХІ в.

Раскрывается содержание национализма как компонента политической программы право-популистских партий Европы в начале ХХІ в. Показано, что правый популизм базируется на принципах либо гражданского, либо этнического национализма. Миссия правых популистов сводится не только к отстаиванию интересов нации как гомогенного сообщества, отличающегося общей волей и моральной чистотой, но и её защите от «враждебных групп», якобы угрожающих социально-экономическому благополучию и культурной идентичности нации.

Ключевые слова: Европа; правый популизм; партии; этнический национализм; гражданский национализм.

В конце ХХ – начале ХХІ в. европейское общество охватили глубокие трансформационные процессы, в результате которых правопопулистские партии, преодолев имидж маргинальных радикальных групп и набрав солидный электоральный вес, смогли качественно изменить своё место в политическом пространстве Европы. Существенно увеличив своё парламентское представительство, правые популисты вошли в коалиционные правительства ряда европейских стран (Австрия, Дания, Италия, Латвия, Нидерланды, Норвегия, Польша и др.), получив отнюдь не второстепенные министерские портфели, а также смогли обеспечить своим кандидатам выход во второй тур президентских выборов (Австрия, Франция).

В европейском регионе сложились благоприятные условия для укрепления позиций антисистемных политических сил, оспаривающих власть системного мейнстрима. Политическое лидерство правоцентристских (консервативных, христианско-демократических) и левоцентристских (социал-демократических) партий в европейских партийных системах было серьёзно подорвано. В частности, результаты всеобщих выборов в ФРГ фиксировали сжатие электоральной базы обеих «народных партий» (ХДС/ХСС и СДПГ). Если в 1980-х гг. за них голосовали

около 80 % избирателей, то в конце 2010-х гг. лишь 57 % [1, с. 68]. Утрачивая привычную сетку политических координат, европейские избиратели всё чаще стали обращаться к таким формам электорального поведения, как абсентеизм и протестное голосование. Например, в 2002 г. в ходе парламентских выборов во Франции уровень абсентеизма достиг самых высоких показателей за всю послевоенную историю страны – 35,6 % избирателей не явились на участки для голосования [2, с. 309]. Протестные формы поведения избирателей стали следствием нарастающего у них ощущения дефицита демократии и неудовлетворённости сложившейся в странах Запада моделью выработки политических решений. Протекающие там процессы глобализации, детрадиционализации, коррозии идентичности европейских наций, вызывали массовые протесты против лишённой границ и национальной специфики космополитической «глобальной деревни» [3, с. 79].

Широкую гамму общественного протеста также отразили антииммигрантские настроения. Острота проблемы нарастала по мере увеличения как легальных, так и нелегальных миграционных потоков в европейские страны в начале ХХІ в. В 2015 г. на волне миграционного кризиса в Европу по-

пало более 1,3 млн человек беженцев [4, с. 57]. Мультикультуралистский принцип «жить вместе – оставаясь разными» подвергся критике со стороны широких групп коренного населения стран Европы. Слабая культурная интеграция мигрантов в принимающее общество нередко становилась причиной культурно-ценностного противостояния между общинами приезжих и коренными европейцами. Особое беспокойство последних вызвал процесс создания и роста «параллельных сообществ» мигрантов со своими социальными и правовыми нормами. С мигрантами коренное население Европы связывало ухудшение качества жизни и рост преступности. «Европа превращается в пёстрый котёл народов, где, однако, не перевариваются и не ассимилируются этнические группы», – отмечал британский социолог Э. Гидденс¹. Следствием этих процессов в европейских странах стал численный рост группы «испуганных избирателей», готовых поступиться демократическими убеждениями и ориентированных на гомогенные национальные сообщества как высшую ценность.

В исторических условиях начала XXI в. запросы обширной и социально неоднородной группы европейских избирателей не могли не найти адекватное политическое предложение. С ним выступили популистские партии, заняв правый и левый политические фланги, оголённые вследствие сдвига партий мейнстрима к политическому центру. «Крайне правые партии просто стали бенефициариями массового недовольства политиками и политикой или же тем местом, куда идут люди, когда чувствуют, что никто другой не выражает их взгляды», – отметила американский общественный деятель и политолог Энн Эпплбаум². Выразив массовые претензии, страхи и требования в понятиях культуры, политики и экономики правые популисты превратили их в эффективный общий знаменатель политической мобилизации.

Популизм представляет собой стратегию политической борьбы, подразумевающую непосредственное обращение к нации, как к обладающей единой общей волей и моральной чистотой группе, коллективная традиция которой хранит политические добродетели [5, с. 322]. Популисты отрицают важность числа участников нации, подчёркивая

значимость «качества» социальной общности, её «духа, единой общей воли и истинной идентичности». Миссия правых популистов, отражённая в программных установках праворадикальных партий, сводится не только к отстаиванию интересов нации, но и её защите от «враждебных групп», таких, как политическая элита («коррупцированная», «космополитичная», «продажная», «лживая», «беспринципная», «безразличная к голосу простых людей») или мигранты, якобы угрожающие социально-экономическому благополучию и культурной идентичности нации. В целом, «чуждыми элементами» правые популисты представляют довольно разнообразные социальные группы, выделенные по социальным, конфессиональным, этническим, мировоззренческим признакам. Отметим, что отстаивание интересов нации не является специфической характеристикой правого популизма. Его отличает именно претензия на право монопольно представлять национальную общность.

С понятием нации тесно связано понятие национализма. В его основе лежит представление, согласно которому нация является главным источником идентичности, центральным объектом лояльности и основой солидарности в рамках определённого гомогенного сообщества. Нация и принадлежность к ней рассматриваются националистами в качестве краеугольной ценности [6, с. 372].

В правопопулистском дискурсе проявляют себя два базовых типа национализма – этнический и гражданский. Первый из них основан на понимании нации как высшей формы этнической общности, имеющей исключительное право на обладание государственностью. В этническое ядро нации правые популисты включают единство территории и исторического прошлого её членов, общность языка, культуры, религии и традиций. Этнический национализм, как правило, возникает «снизу» и поддерживается национальными меньшинствами, такими, как ирландцы в британской Северной Ирландии, баски и каталонцы в Испании, корсиканцы во Франции, фламандцы в Бельгии, белуджи в Пакистане.

Основой гражданского национализма являются ценности гражданской нации, т. е. политической идентичности, построенной

вокруг общего гражданства в определённом государстве. Гражданская нация определяется не своим языком или культурой, а национальным общегосударственным сознанием её членов. Гражданский национализм можно охарактеризовать как национализм «сверху» или национализм уже сложившегося государства, стремящийся консолидировать всех граждан в единую общность. В отличие от нации, построенной на этнических основаниях, понятие гражданской нации неотделимо от понятия государственности. Кроме того, гражданская нация интегрирует в единое целое различные этнические группы. Так, современная итальянская нация была сформирована из романцев (древних римлян), этрусков, греков, арабов, тевтонцев и др. Французская нация – из галлов, романцев, тевтонцев, бретонцев и др. В начале XXI в. итальянцем, немцем или французом может стать любой иммигрант, легально пребывающий на территории Италии, ФРГ или Франции и более или менее хорошо интегрированный в общество³. Для этого необходимо получить гражданство – непереносимое условие принадлежности к гражданской нации.

К базовым принципам гражданского национализма относятся представления о том, что совокупность уникальных по своим характеристикам наций образует человечество; нации вне государств существовать не могут; из всех видов преданности преданность национальному государству важнее всех остальных; цементирующее для нации значение имеет общая идентичность её граждан⁴.

Европейские правые популисты в большинстве своём убеждены, что нацию нельзя свести к простому сообществу людей, объединённых общим гражданством и политическими ценностями. Чтобы принадлежать к соответствующей гражданской нации необходимо принять национальную культуру, язык, традиции.

Этот подход к пониманию нации сформировался под влиянием так называемого «культурного поворота», осуществлённого в 1980-е гг. европейскими «новыми правыми» интеллектуалами. «Группа исследования и изучения европейской цивилизации» (ГРЕСЕ) во главе с Аленом де Бенуа сформулировала понятие «нового расизма», отличающегося от старого тем, что признаётся тотальное

разделение людей не по биологическому (расовому) признаку, а по признаку принадлежности к той или иной культуре. Именно культура становится организующим людей в национальные общности началом, причём «новые правые» подчёркивали несовместимость различных культур друг с другом. Говоря о несовместимости культур, «новые правые», однако, не признавали превосходство одних культур над другими, подчёркивая, что для каждого народа ценна своя культура. Известное влияние на правый популизм также оказали работы С. Хантингтона, который утверждал, что «культура и осознание различной культурной идентичности определяют модели сплочённости, дезинтеграции и конфликта» в современном мире⁵.

Европейские правые популисты осуществили рецепцию идейного наследия «новых правых». Их национализм имеет прежде всего культурный характер и ориентирован на духовное возрождение нации. Нация в их понимании является продуктом уникальной истории, культуры и территориально-политического развития гомогенного сообщества.

В зависимости от базовых принципов понимания нации среди европейских правых популистов можно выделить:

– культурно-гражданских ассимиляционных националистов, выдвигающих следующие критерии принадлежности к нации: наличие общего гражданства, языка, культуры, ценностей, которые разделяются всеми гражданами государства вне зависимости от их происхождения. В отношении национальных меньшинств, религиозных и инокультурных групп применяется политика ассимиляции либо исключения, если они не поддаются ассимиляции;

– этнокультурных националистов, полагающих, что нация определяется через принадлежность индивида к этносу, образующему ядро нации, а также через общность языка, культуры, ценностей, исторической памяти, территории происхождения граждан государства;

– цивилизационных националистов, делающих акцент на таких критериях национальной идентификации, как принадлежность индивида к западной / европейской / иудео-христианской цивилизации, а также принятие ценностей этой цивилизации.

К типу культурно-гражданских ассимиляционных националистов можно отнести нидерландскую и австрийскую партии свободы, партии «Альтернатива для Германии» (ФРГ), «Фламандский интерес» (Бельгия), «Национальное объединение» (Франция), «Лига» (Италия). В частности, Австрийская партия свободы демонстрирует нам пример сочетания культурно-гражданского и цивилизационного национализма. В 2011 г. федеральный съезд в Граце принял партийную программу, в которой постулировалась приверженность защите «нашей родины Австрии, нашей национальной идентичности и самостоятельности». Залогом этой приверженности, согласно программе, является «связь с предками, немецкий язык, история и культура Австрии». «Государственный народ Австрии», т.е. нация, как считают популисты, состоит из «немецкого народного, языкового и культурного сообщества», а также таких «автохтонных групп» («исторически основанных меньшинств»), как бургенландские хорваты, словенцы, венгры, чехи, словаки и цыгане. Партия свободы допускает пополнение нации за счёт иммигрантов, но называет для этого ряд условий. Согласно её программным документам, приобрести австрийское гражданство и тем самым «право на родину» могут те, кто законно пребывает на территории страны, владеет немецким языком, интегрирован в австрийское общество, признаёт его ценности и культурно укоренён⁶.

Одновременно в программе утверждается, что Австрия является «частью европейского культурного пространства», корни которого уходят в «глубокую древность». Партийное руководство убеждено, что австрийской нации в полной мере свойственны основные европейские ценности и европейское мировоззрение, называемое «культурным христианством». Партия «готова решительно защищать эти европейские ценности и истоки», – утверждает в программе.

Ещё один пример культурно-гражданского ассимиляционного национализма демонстрирует правопопулистская партия «Альтернатива для Германии». Принятая в 2016 г. на федеральном партийном съезде в Штутгарте «Базовая программа для Германии» так определяет миссию партии: «Мы хотим навсегда сохранить человеческое дос-

тоинство, семьи с детьми, нашу западную христианскую культуру, наш язык и традиции в мирном, демократическом и суверенном национальном государстве немецкого народа»⁷. Национальная идентичность «в первую очередь определяется культурой», – указано в программе, поэтому необходимо «продвигать и защищать культурную солидарность». К ключевым элементам культуры отнесены язык («центральный элемент немецкой идентичности, который должен быть закреплён в Основном законе как государственный язык»), семейные ценности, христианская религия и «живые традиции». Все они «не только составляют основу нашего свободного и демократического основного порядка, но также определяют повседневные отношения людей друг с другом, отношения между полами и поведение родителей по отношению к своим детям». В документе также названы три источника культуры немецкой нации: во-первых, это «религиозная традиция христианства»; во-вторых, «научно-гуманистическая традиция, древние корни которой получили стимул к росту в эпоху Возрождения и Просвещения»; в-третьих, «римское право, на принципах которого основано наше правовое государство»⁸.

Партийная программа «Альтернативы для Германии» не могла обойти вопрос об угрозах «существованию нации как культурной единицы», требуя от государства и гражданского общества «уверенной защиты немецкой культурной самобытности». Основной угрозой называется политика мультикультурализма, «исторически слепая ставящая импортируемые культурные течения в один ряд с местной культурой и, таким образом, глубоко релятивирующая её ценности». Лидеры партии убеждены, что политика мультикультурализма, приводящая к формированию из иммигрантов «параллельных сообществ», «подорывает такие необходимые элементы стабильности общества, как социальная сплочённость, взаимное доверие и общественная безопасность»⁹.

Ещё одной угрозой идентичности европейских наций популисты считают религиозную систему ислама. «Ислам – это главным образом не религия, а ... политическая идеология. Слово ислам означает подчинение, то есть борьбу со всеми немусульманами, пока

все они не примут ислам», – утверждается в программе Нидерландской партии свободы. «Исламу не место в Нидерландах, если вы хотите жить по правилам ислама и шариата, отправляйтесь в исламскую страну! Нидерланды – наши!», – говорится в этом документе¹⁰. В программе «Альтернативы для Германии» мы находим схожий вывод: «Ислам не является религией Германии» и «представляет большую опасность для нашего государства, нашего общества и нашего ценностного порядка»¹¹.

Культурно-гражданский и цивилизационный типы национализма также свойственны бельгийской партии «Фламандский интерес», позиционирующей себя в качестве «националистической партии, инструмента политики национальной и культурной самобытности во Фландрии». «Партия посредством своих политических действий добивается, чтобы культурная идентичность и народное сообщество стали решающими для Конституции и управления государством», – говорится в партийной декларации «Фламандского интереса». Язык, традиции и ценности в этом документе определяются в качестве основы культурной самобытности народа, угрозой же «идентичности, культурной индивидуальности и самобытности народа» считается политика мультикультурализма. В свою очередь условием стабильности и процветания всего европейского региона «Фламандский интерес» считает сотрудничество проживающих на его территории народов, их «цивилизационное и культурное сообщество»¹².

«Защищать национальную идентичность», «укреплять единство нации», «охранять французский язык», а также «отстаивать национальную самобытность, ценности и традиции французской цивилизации» призывает своих сторонников «Национальное объединение»¹³. В программе Нидерландской партии свободы утверждается, что исторические традиции, иудео-христианские и гуманистические ценности являются доминирующей в стране культурой, составляющей основу идентичности нидерландцев¹⁴.

«Итальянская национальная идентичность основана на языке и культурном наследии. Она имеет более глубокие и древние корни, чем национальное государство», – говорится в программе правопопулистской

партии «Лига». Партия положительно относится к интеграции (путём получения гражданства) в итальянскую нацию иноэтнических элементов – иммигрантов, однако требует от них выполнения ряда условий. Среди них десятилетнее проживание в Италии, знание итальянского языка, местных традиций, а также «включение в итальянское общество»¹⁵.

Этнокультурный национализм лежит в основе программных установок таких правопопулистских партий, как венгерские «ФИДЕС» и «Йоббик», Партия финнов, Народная партия – Наша Словакия, латвийский Национальный альянс, Болгарское национальное движение. Так, в программе латвийского Национального альянса ключевыми условиями благополучия нации названо «увеличение доли латышей» и «предотвращение безответственной иммиграционной политики», размывающей этнический состав нации. «Основной целью Национального альянса всегда была и будет латышская Латвия», – говорится в программе¹⁶. Партия «ФИДЕС», выступая за этническую чистоту венгерской нации, требует остановить миграционный поток в свою страну для того, чтобы не допустить смешения венгров с мигрантами [7, с. 48]. В программных документах партии «Йоббик» нация понимается как сообщество людей, объединённых общим происхождением, языком, культурой, а также особенностями коллективной психологии («национальным характером»). Особый акцент делается на общности происхождения венгров как этноса. С этой целью в идейное ядро партии включена теория туранизма, относящая венгров к «туранской» группе народов, а их язык к «урало-алтайской языковой группе». Теория туранизма опровергает финно-угорское происхождение венгров и устанавливает их культурную, историческую и даже этническую связь с тюрскими народами. В этой связи национальные меньшинства рассматриваются в качестве инвазивного элемента, который, проникая в сердце венгерской нации, негативно влияет на её культуру¹⁷. Сосуществование мажоритарной и цыган является «одной из самых серьёзных проблем, стоящих перед венгерским обществом», – говорится в электоральном манифесте партии «Йоббик»¹⁸.

Одним из важнейших средств мобилизации национального сообщества для защиты своих интересов является какое-либо катастрофическое событие (война, стихийное бедствие, экономический коллапс) в настоящем или прошлом. Национальное бедствие (или память о нём) неминуемо порождает всплеск этнонационализма. Для венгров таким событием стали условия Трианонского мирного договора 1920 г., заключённого между странами-победительницами и Венгрией, потерпевшей поражение в Первой мировой войне. По его условиям Венгрия потеряла 2/3 от своей исторической территории, что значительной частью венгерского общества рассматривается в качестве национальной катастрофы. Поэтому проблема воссоединения венгерской нации, разделённой в ходе реализации положений «позорного и бесчестного» Трианонского договора, является центральной темой программных документов партии «Йоббик». «Политические горизонты «Йоббика» определяются не границами нашей страны, а границами нашей нации. Они не совпадают с географическими границами Венгерской Республики, учитывая, что наша нация была расчленена в результате Трианонского диктата. По сей день судьбы тех, кто живет на этих раздробленных территориях, остаются связанными друг с другом тысячами разных нитей», – говорится в электоральном манифесте партии «Йоббик». Важнейшей целью партии провозглашается «культурное и экономическое воссоединение венгерской нации, предоставление венгерского гражданства каждому венгру», проживающему «как в Карпатском бассейне, так и во всем мире»¹⁹. Тем самым, как утверждают авторы партийной программы, будут разорваны «оковы Трианона», «сковывающие венгерскую нацию уже почти 100 лет».

Таким образом, политический дискурс правых популистов исходит из конфликтного, поляризованного характера европейского общества и представляет собой реакцию на его многочисленные вызовы. Политическая программа популистов включает идейные конструкции, представляющие собой инструменты завоевания симпатий избирателей. Противопоставляя простой народ – чужим, враждебным группам, которые должны быть исключены из общественной жизни, конст-

руируя страх, связанный с разными реальными или воображаемыми опасностями, продвигая стратегию спасения народа от разнообразных угроз и врагов, пробуждая националистическое прошлое Европы в форме нарративов об идентичности, правопопулистские партии смогли заручиться поддержкой немалой части европейского общества.

С точки зрения правых популистов, нация как гомогенное сообщество должна занять подобающее ей место, а именно – выступать источником суверенитета и предельным основанием легитимности власти в государстве. Они отстаивают необходимость отказа от политики мультикультурализма, сохранения и поддержки модели монокультурного общества, национальных традиций, ценности семьи и национальной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Европа перемен: концепции и стратегии интеграционных процессов / отв. ред. Л. И. Глухарев. – М. : Крафт+, 2006. – С. 118.

² *Applebaum A.* Wrong About the Right Stuff Not all Europe's "right-wingers" fit the hackneyed profile the press and pols force on them – URL: <https://slate.com/news-and-politics/2002/05/wrong-about-the-right-stuff.html> (дата обращения: 15.09.2021).

³ *Махова А. В.* Эволюция воззрений правых сил во Франции, Италии, Венгрии 2000–2013 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2016. – С. 31.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – М. : АСТ, 2015. – С. 13.

⁶ Heimat, Identität und Umwelt // Parteiprogramm der Freiheitlichen Partei Österreichs (FPÖ). Beschlossen vom Bundesparteitag der Freiheitlichen Partei Österreichs am 18. Juni 2011 in Graz. – URL: <https://www.fpoe.at/themen/parteiprogramm/heimat-identitaet-und-umwelt> (дата обращения: 09.05.2021).

⁷ Grundsatzprogramm für Deutschland. Alternative für Deutschland | Bundesparteitag in Stuttgart 30 April bis 1 Mai 2016 – URL: <https://www.afd.de/grundsatzprogramm> (дата обращения: 14.02.2021).

⁸ Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland – URL: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2018/01/Programm_AfD_Online-PDF_150616.pdf (дата обращения: 14.02.2021).

⁹ Там же.

¹⁰ Het gaat om u Verkiezingsprogramma 2021–2025. – – URL: <https://www.pvv.nl/images/09012020/verkiezingen2020/0acxyuew34z/Verkiezi>

ngsProgramma2021-Final.pdf (дата обращения: 18.04.2021).

¹¹ Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland – URL: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2018/01/Programm_AfD_Online-PDF_150616.pdf (дата обращения: 14.02.2021).

¹² Beginselverklaring. Hieronder vindt u de beginselverklaring, zijnde de grondslagen, identiteit, waarden en normen waar het Vlaams Belang voor staat – URL: <https://www.vlaamsbelang.org/beginselverklaring> (дата обращения: 12.06.2021).

¹³ Au nom du peuple: engagements présidentiels Marine 2017. – URL: <https://rassemblement-national.fr/pdf/144-engagements.pdf> (дата обращения: 12.06.2021).

¹⁴ Het gaat om u Verkiezingsprogramma 2021 – 2025 – URL: <https://www.pvv.nl/images/09012020>

/verkiezingen2020/0асхуеw34z/VerkiezingsProgramma2021-Final.pdf (дата обращения: 18.04.2021).

¹⁵ Elezioni 2018: Programma di governo. – URL: <https://www.leganord.org/component/phocadownload/category/5-elezioni> (дата обращения: 12.06.2021).

¹⁶ Nacionālā apvienība. Programma – URL: <https://www.nacionalaarpvieniba.lv/programma> (дата обращения: 19.04.2021).

¹⁷ Махова А. В. Эволюция воззрений правых сил во Франции, Италии, Венгрии 2000–2013 гг. С. 179, 182.

¹⁸ Radical change for national self-determination and social justice. A guide to Jobbik's parliamentary electoral manifesto – URL: <https://www.jobbik.com/sites/default/files/Jobbik-RADICALCHANGE2010.pdf> (дата обращения: 18.04.2021).

¹⁹ Там же.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иерусалимский В. П. Правоцентристский сегмент партийно-политической системы ФРГ в процессе её общей трансформации // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2010. – № 2. – С. 66–93.
2. Франция в поисках новых путей / отв. ред. Ю. И. Рубинский. – М. : Ин-т Европы РАН, 2007. – 621 с.
3. Вайнштейн Г. И. Современный популизм как объект политологического анализа // Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 69–89. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.06>.
4. Агафшин М. М. Факторы миграции населения арабских стран Азии в ЕС // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Естественные науки. – 2017. – № 2 (18). – С. 56–64. – DOI: 10.21685/2307-9150-2017-2-7.
5. Jagers J., Walgrave S. Populism as political communication style: An empirical study of political parties discourse in Belgium // European Journal of Political Research. – 2007. – Vol. 46, № 3. – P. 319–345. – DOI: 10.1111/j.1475-6765.2006.00690.x.
6. Парфенов А. Д. Эвристические возможности концепта «культурный национализм» // Инновационный потенциал молодёжи: гражданственность, профессионализм, творчество : сб. науч. трудов / под ред. А. В. Пономарева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – С. 370–373.
7. Шаламов В. О. Этнический национализм как вектор развития венгерской политики // Российский журнал исследований национализма. – 2019. – № 1-2. – С. 48–51.

Сведения об авторе

Попов Дмитрий Иванович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: 55popov@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 192070

ORCID: 0000-0003-3091-3524

Информация о статье

Дата поступления
14 марта 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Попов Д. И. Национализм как компонент политической программы правого популизма в Европе в начале XXI в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 98–106. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4). 98-106.

NATIONALISM AS A COMPONENT OF THE POLITICAL PROGRAM OF RIGHT-WING POPULISM IN EUROPE AT THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

The article shows that in the late 20th – early 21st century. European society has been embraced by profound transformational processes, as a result of which right-wing populist parties, having overcome the image of marginal radical groups and gained solid electoral weight, have become an important actor in the political process in Western countries.

Favorable conditions have developed in the European region for strengthening the positions of anti-systemic political forces. The processes of globalization, detraditionalization, and corrosion of the identity of European nations that are taking place in Europe have caused massive civil protests against the cosmopolitan “global village” without borders and national specifics. The populists exploited the anti-immigrant sentiments of the Europeans. The weak cultural integration of migrants into the host society often became the reason for the cultural and value confrontation between the communities of visitors and native Europeans. The process of creation and growth of “parallel communities” of migrants with their own social and legal norms caused a particular concern of the indigenous population.

The article argues that nationalism (civil or ethnic) occupies a cornerstone in the political program of the European right-wing populists. The mission of right-wing populists comes down not only to defending the interests of the nation as a homogeneous community, distinguished by a “common will” and “moral purity”, but also to protecting it from “hostile groups” that allegedly threaten the socio-economic well-being and cultural identity of the nation.

Ethnic nationalism is based on the understanding of the nation as the highest form of an ethnic community that underlies statehood. In the ethnic core of the nation, right-wing populists include the unity of the territory and the historical past of its members, the commonality of language, culture, religion and traditions. Ethno-cultural nationalism underlies the program guidelines of such right-wing populist parties as the Hungarian “Fidesz” and “Jobbik”, the “Perussuomalaiset” (Finland), “Ludová strana – Naše Slovensko” (Slovakia), “Nacionālā Apvienība” (Latvia), “Българско национално движение” (Bulgaria).

The basis of civic nationalism is the values of a civic nation, that is, a political identity built around common citizenship in a particular state. A civil nation is determined not by its language or culture, but by the national consciousness of its members. Civic nationalism is the nationalism of an already established state, striving to consolidate all citizens into a single community. The type of cultural-civil nationalists can be attributed to the Dutch and Austrian freedom parties, the parties “Alternative für Deutschland” (FRG), “Vlaams Belang” (Belgium), “Rassemblement national” (France), “Lega” (Italy).

Both civic and ethnic right-wing populist nationalists share the principles of civilizational nationalism, which emphasizes such criteria of national identification as belonging to a Western, European, Judeo-Christian civilization, as well as accepting the values of this civilization.

Keywords: Europe; right-wing populism; parties; ethnic nationalism; civic nationalism.

REFERENCES

1. Ierusalimskii V.P. Pravotsentristskii segment partiino-politicheskoi sistemy FRG v protsesse eyo obshchei transformatsii [The center-right segment of the party-political system of Germany in the process of its general transformation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of the Moscow University. Series 25. International relations and world politics], 2010, no. 2, pp. 66-93. (in Russian).
2. Rubinskii Yu.I. (ed.) *Frantsiya v poiskakh novykh putei* [France in search of new ways], Moscow, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007, 621 p. (in Russian).
3. Vainshtein G.I. Sovremenniy populizm kak ob'ekt politologicheskogo analiza [Modern populism as an object of political analysis]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2017, no. 4, pp. 69-89. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.06>. (in Russian).
4. Agafoshin M.M. Faktory migratsii naseleniya arabskikh stran Azii v ES [Factors of migration of the population of the Arab countries of Asia to the EU]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Estestvennye nauki* [News of higher educational institutions. Volga region. Natural Sciences], 2017, no. 2 (18), pp. 56-64. DOI: 10.21685/2307-9150-2017-2-7. (in Russian).
5. Jagers J., Walgrave S. Populism as political communication style: An empirical study of political parties discourse in Belgium. *European Journal of Political Research*, 2007, vol. 46, no. 3, pp. 319-345. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2006.00690.x.
6. Parfenov A.D. Evristicheskie vozmozhnosti kontsepta “kul’turnyi natsionalizm” [Heuristic possibilities of the concept of “cultural nationalism”]. *Innovatsionnyi potentsial molodezhi: grazhdanstvennost’*,

- professionalism, tvorchestvo* [Innovative potential of youth: citizenship, professionalism, creativity], Ekaterinburg, Ural University Press, 2020, pp. 370-373. (in Russian).
7. Shalamov V.O. Etnicheskii natsionalizm kak vektor razvitiya vengerskoi politiki [Ethnic nationalism as a vector for the development of Hungarian politics]. *Rossiiskii zhurnal issledovani natsionalizma* [Russian Journal of Nationalism Studies], 2019, no. 1-2, pp. 48-51. (in Russian).
-

About the author

Dmitry I. Popov – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Theory of International Relations of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: 55popov@mail.ru

RSCI AuthorID: 192070

ORCID: 0000-0003-3091-3524

Article info

Received
March 14, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Popov D.I. Nationalism as a Component of the Political Program of Right-Wing Populism in Europe at the Beginning of the 21st Century. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 98-106. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).98-106 (in Russian).

УДК 94(474)

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).107-119

К. А. Зверев

ОФОРМЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЛАТВИИ И ЛИТВЫ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Рассматривается процесс строительства национальной государственности в Латвии и Литве. В отличие от других постсоветских республик, страны Балтии приняли решение о «восстановлении» независимости, утраченной в ходе так называемой советской оккупации. Это привело к поражению в правах местного русскоязычного населения, а также оформлению специфичной исторической политики. Истории становления местной национальной государственности в новейший период посвящена данная статья.

Ключевые слова: национальная государственность; Латвия; Литва; русскоязычное население; политика памяти.

В ходе начавшейся в 1985 г. «перестройки» в СССР практически синхронно в Эстонии, Латвии, Литве были образованы «Народные фронты», выступавшие с требованиями предоставления этим республикам экономической самостоятельности и осуждения пакта Молотова-Риббентропа, что ставило вопрос о правомерности вхождения Прибалтики в состав СССР. Народные фронты Эстонии, Латвии, Саюдис в Литве оформились к осени 1988 г. как организации в поддержку перестройки, объединявшие в себе общественные и экологические движения, общества по защите памятников старины. Нарождающееся движение изначально начало принимать выраженный националистический окрас¹.

Так, в Латвийской ССР протесты общенациональности вызвали идеи строительства метро в Риге, возведение Даугавпилской ГЭС, в результате которого предполагалось затопление долины Даугавы, а также приток обслуживающего данную электростанцию персонала из других республик. В Литовской ССР главной организационной силой нового движения выступили преподаватели Вильнюсского университета, а также национально ориентированная творческая интеллигенция, побуждающей силой также стала борьба за сохранение культурного наследия и экологи-

ческие протесты, например против строительства третьего блока Игналинской атомной электростанции.

Открыто выражая недовольство существующим порядком, Народные фронты в Прибалтике ожидаемо приобрели широчайшую общественную поддержку. 23 августа 1989 г., в ознаменовании полувековой годовщины подписания пакта Молотова–Риббентропа была проведена совместная акция – «Балтийская цепь», которая протянулась на 670 км от Таллина до Вильнюса и была призвана показать единение балтийских народов и их стремление к независимости. Сам посыл этой акции демонстрировал неприятие населением Эстонии, Латвии, Литвы инкорпорации в состав Советского Союза, нелегитимность пакта. Уже тогда была заложена идея реставрации довоенных республик.

Народные фронты и Саюдис смогли довольно быстро переформатироваться в политические партии и добились значительных успехов на выборах делегатов Съезда народных депутатов СССР, а также в республиканские Верховные Советы. Так, в Латвийской ССР Народный фронт получил 68 %², в Литовской ССР Саюдис – 67,5 %³.

Таким образом, уже в 1990 г. в Литве и Латвии оппозиционные советской власти силы получили квалифицированное боль-

шинство, т. е. 2/3 мест⁴ и возможность менять республиканские конституции. Сторонники независимости от СССР не преминули этим воспользоваться – первым актом нового состава республиканских Верховных Советов стало принятие 11 марта 1990 г. Акта о восстановлении независимости Литвы⁵, 4 мая 1990 г. – Декларации о восстановлении независимости Латвийской Республики⁶.

Во всех перечисленных выше документах шла речь именно о «восстановлении» независимости, утраченной в ходе так называемой «советской оккупации». Наиболее осторожно данный тезис был сформулирован в литовском акте: *«Выражая волю Народа, Верховный Совет Литовской Республики постановляет и торжественно провозглашает, что восстанавливается реализация суверенных прав Литовского Государства, попранных чужой силой в 1940 году, и отныне Литва вновь становится независимым государством»*⁷. Обтекаемость данной формулировки, а также отсылка к неприкосновенности границ, гарантированной Хельсинскими соглашениями 1975 г., в тексте акта объясняется тем обстоятельством, что границы Литвы в 1939–1946 гг. были существенно расширены за счёт Виленской и Клайпедской областей. Провозглашая независимость от СССР, новые власти не хотели терять приобретённые земли, но и от принципа правопреемства с Литовским государством 1918–1940 гг. отказываться не желали. Фактически, уже этими документами, в 1990 г. были заложены основы будущей государственной исторической политики. То есть за короткий промежуток времени из-за отсутствия политических реформ со стороны Союзного руководства, деятельности Народных фронтов и националистов в настроении людей произошли кардинальные изменения (от реформирования СССР до требования независимости).

Кровавые события января 1991 г. в Вильнюсе, и дни Баррикад в Риге, в ходе которых погибли люди, резко радикализировали обстановку и усилили позиции националистов. В результате, в феврале – марте 1991 г. были проведены референдумы, в ходе которых за восстановление независимости высказались в Латвии 73,7 % участвовавших⁸, в Литве – 90,5 %⁹. Относительно низ-

кие, по сравнению с южным соседом, цифры Латвии здесь объясняются наличием значительного, до половины населения, русскоязычного меньшинства.

Попытка государственного переворота в Советском Союзе подстегнула процесс дезинтеграции и распада страны, и уже 20 и 21 августа 1991 г. Верховные Советы Эстонии и Латвии провозгласили независимость на основе принципа правопреемственности¹⁰. Литва же, провозгласив выход из состава СССР ещё 11 марта 1990 г.¹¹ и добившись признания своей независимости со стороны Исландии, лишь подтвердила свои намерения. 6 сентября 1991 г. СССР признал независимость Эстонии, Латвии, Литвы, после этого государства получили международное признание и стали полноправными членами ООН и других организаций.

Фактически, во всех трёх Прибалтийских республиках победила идея восстановления государственности, утраченной в 1940 г., и принцип правопреемственности. Это имело далеко идущие последствия для их институционального оформления, так как выразилось в реставрации законодательной и административно-управленческой базы довоенных Эстонии, Латвии и Литвы. И, как результат, – восприятие периода существования ЭССР, ЛатССР, ЛитССР как «периода оккупации» со всеми вытекающими последствиями – а именно невозможность сохранения советской правовой базы, органов власти, предоставления всем постоянным жителям гражданства (за исключением Литвы) и др.

Институциональное оформление в Латвии и Литве началось с реставрации правовой базы довоенных республик. Первой по данному пути пошла Литва – 11 марта 1990 г. Верховный Совет Республики отменил действие Основного закона СССР¹² и возобновил действие конституции 1938 г. При этом, в акте отдельно оговаривалось, что *«Литва признает неприкосновенность границ, как это сформулировано в Заключительном акте Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятом в 1975 году»*¹³ – превентивная мера к пресечению возможных претензий Польши на Виленский край и Клайпеду. За южным соседом последовали Эстония и Латвия, где

были временно восстановлены не только Конституции 1938 и 1922 гг.¹⁴, но и довоенные законы о гражданстве¹⁵ с поправками, значительно сужавшими возможности натурализации¹⁶, и восстанавливавшими в правах лишь правопреемных граждан и их потомков. По нашему мнению, это было предпринято для максимального сужения круга потенциальных избирателей, которым предстояло не только принять новый Основной Закон, но и выбрать обновлённые органы власти всех уровней. Учитывая значительное количество нетитульного населения, эстонский и латвийский истеблишмент решил «расчистить путь» от возможных конкурентов. То есть принцип правопреемственности и, в последующем, оправдывавшая его государственная историческая политика, использовались в качестве своеобразной «ширмы», прикрытия в решении политических и экономических задач начала 1990-х гг.

В Латвии вплоть до июля 1993 г. продолжил управлять Республикой Верховный Совет, избранный в 1989 г., который и сыграл значительную роль в оформлении законодательства. Так, ещё в 1990 г. частично была восстановлена Конституция 1922 г. В ходе прений, большинство депутатов от Народного Фронта высказались за оценку периода существования ЛатССР как «оккупации» и поддержали реставрацию правовой базы буржуазной Латвии, в том числе и Основного Закона¹⁷. 21 августа 1991 г., практически при отсутствии возражений, данное решение было подтверждено¹⁸ в виде Конституционного закона Латвийской Республики «О государственном статусе Латвийской Республики»¹⁹ и окончательно одобрено без обсуждения вновь избранным парламентом независимой Латвии – Сеймом 6-го июля 1993 г.²⁰ Конституция 1922 г., или Сатверсме (Latvijas Republikas Satversme), в своё время составлялась на принципах Веймарской конституции, декларировала основные права и свободы, провозглашала Латвию парламентской республикой; высшим законодательным органом объявляла Сейм, исполнительным органом – кабинет министров, представительные функции у избираемого Сеймом Президента. Фактически Основной Закон 1922 г. перестал действовать в стране ещё в 1934 г., после переворота и установления

диктатуры Карлиса Улманиса, смещённого уже советскими властями в 1940-м. Однако, это не смутило большинство депутатов Верховного Совета ЛР из числа Народного Фронта, которые всеми силами пытались добиться именно восстановления Республики 1918–1940 гг., мотивируя это необходимостью реализации программы НФ²¹, поддержанной большинством латышей. Таким образом, Латвия стала единственной из стран Балтии и всего Советского блока, кто восстановил свою довоенную Конституцию без существенных изменений. Во многом это стало возможным из-за того, что конституционные споры в Латвии затмило обсуждение вопроса гражданства и статуса нелатышей, составлявших до половины населения на 1991 г.

Хотя в программе Народного Фронта от 1989 г. имелось положение о предоставлении гражданства независимой Латвии всем постоянным жителям республики, изъявившим на то желание²², к 1991 г. столь единой позиции в одноимённой фракции Верховного Совета ЛР уже не существовало. Ведь сам Народный Фронт являлся конгломератом разнообразных общественных течений, объединённых стремлением к переменам. И когда эти перемены – в нашем случае в виде независимости Латвии, наступили, фактор единения исчез. По мере обострения системного кризиса в союзных республиках, общество радикализировалось и крайне националистическая позиция правого крыла НФ стала преобладать в Верховном Совете ЛР. Это хорошо видно и по стенограммам заседаний Верховного Совета, и в работах латвийских исследователей (в том числе и депутатов от НФ в 1990–1993 гг.) Виктора Гущина [1], Константина Матвеева [2, с. 41–42], Руты Шац-Марьяш [3] и др. Более того, вопрос о гражданстве стал настолько резонансным, что 15 октября 1991 г. радиостанции Латвии вели прямую трансляцию из зала заседаний парламента, где принимался данный законопроект. В частности, депутат от Народного Фронта (один из основателей НФ) Роландс Рикардс (Rolands Rikards) с самого начала заявил, что его фракция в вопросе гражданства пошла на компромисс, мотивируя его тем, что «в Латвии есть граждане двух стран. Это следует из того, что власть

СССР в Латвии была незаконной с первого дня. С 17 июня 1940 года власть СССР в Латвии незаконна! <...> Есть 1,7 миллиона граждан Латвийской Республики, для которых мы сегодня восстановим права гражданина, и 1 миллион граждан СССР. Это факт. Некоторые называют их нарушителями границы, другие говорят, что они проникли незаконно. Мы этого не говорим. Мы просто говорим, что граждане СССР никогда не эмигрировали в Латвийскую Республику, потому что суверенная власть Латвийской Республики была утрачена 17 июня 1940 года. Они пришли сюда как в российскую губернию после 17 июня 1940 года. Они не эмигрировали в Латвийскую Республику как независимое государство. Поэтому я считаю, что самый важный момент натурализации – это знание латышского языка»²³. Здесь мы представили такую обширную цитату, так как она наилучшим образом демонстрирует позицию, возобладавшую в латвийском обществе. На отстаивание и оправдание данной позиции в последующем будут направлены все силы государственной исторической политики. Сущность высказываний депутата Рикардса состоит в том, что СССР в 1940 г. оккупировал Латвию, и, в последующий период, незаконно переселил сюда своих граждан, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть уравниены в гражданских правах с коренными жителями страны. То есть «нулевой вариант» предоставления гражданства неприемлем, единственный возможный вариант – это натурализация с обязательным требованием – знание латышского языка. При этом, парламентарии сразу же пресекли любые споры о статусе русского языка – «*требование другого государственного языка, русского, является смертью латышской нации*»²⁴. В ходе прений, депутат Роландс Рикардс отметил, что у предлагаемой редакции закона о гражданстве существует и экономическая подоплёка – «*латыши в настоящее время владеют только 10 процентами капитала, нелатыши – 90 процентами, а латыши могут оставаться слугами на своей родине. Это взаимосвязанный процесс...*»²⁵. Русскоязычные депутаты также обратили внимание на ущербный экономический и правовой статус неграждан. Из выступления депутата Павла Шаповалова

(из фракции Интерфронта «Равноправие») «Г-н Рикард сказал, что нечего беспокоиться о тех, кто не будет гражданином, потому что у них не будет права просто голосовать. Я хотел бы не согласиться с этим и привести несколько примеров, показывающих, насколько желательно сейчас получить гражданство в Латвийской Республике. Мы знаем, что помимо политических прав граждане будут иметь ряд экономических привилегий по сравнению с негражданами. Я упомяну только те законы, которые мы уже приняли. Во-первых, только граждане смогут быть директорами или управляющими государственных предприятий. Этот закон уже принят и работает. Во-вторых, закон о полиции, который уже принят и действует, гласит, что только граждане могут быть сотрудниками правоохранительных органов. Естественно, все полицейские, которые не приобретают гражданство, должны будут уйти в отставку. <...> Согласно Закону об акционерных обществах, определённые преимущества предоставляются их директорам, если они являются гражданами. Я не говорю о земле, о земле как в сельской местности, так и в городах – многим негражданам, проживающим в Латвийской Республике, не разрешат стать её владельцами. В своём выступлении г-н Лагздиньш сказал, что это решение было компромиссным. Я позволю себе не согласиться, потому что здесь нет компромисса»²⁶.

Таким образом, все негативные и дискриминационные стороны данного закона были озвучены ещё в ходе его обсуждения и являлись очевидными как для самих парламентариев, так и для общественности. Кроме того, в ходе прений, разработчики законопроекта не скрывали, что вопрос гражданства преследует и экономические цели – а именно перераспределение собственности в пользу латышей. Данную особенность в своих трудах отмечают такие латвийские исследователи как Гушин, Матвеев, Фурман и Задорожнюк [1; 2, с. 41–42; 3; 4, с. 107–108]. Итог голосования был вполне закономерен: 94 «за», 30 «против», 7 воздержавшихся. Следовательно, Народный Фронт был в целом един в своей поддержке восстановления гражданства буржуазной республики 1918–1940 гг., тем самым нарушив собствен-

ное программное заявление. Закон «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных условиях натурализации»²⁷, фактически, санкционировал появление 730 000 неграждан (30 % населения)²⁸. Так как вопрос о натурализации не был урегулирован вплоть до 1995 г., эти 30 % населения не смогли принять участие в политической жизни страны и лишь ограниченно были задействованы в приватизации собственности. В качестве примера здесь можно привести «Закон о разгосударствлении недвижимости в Латвийской республике»²⁹, который был принят всё тем же Верховным Советом ЛР, в ноябре 1991 г. и привёл к тому, что порядка 220 тыс. человек (10 % жителей Латвии) были лишены возможности приватизировать свои квартиры и дома, так как эта недвижимость подлежала реституции, т. е. возврату бывшим владельцам³⁰ (а значит, эти 220 000 человек должны были либо арендовать данное жильё, либо освободить его). Официальной статистики о национальной принадлежности данных лиц не существует. Но, учитывая тот факт, что в экспроприированное жильё селили как правило вновь прибывших в республику специалистов (в основном русскоязычных), а также то обстоятельство, что каждый пятый рижанин оказался квартиросъёмщиком в денационализируемом доме³¹ (этнические латыши в Риге к 1991 г. составляли менее половины населения³²), можно предположить, что именно русскоязычное население и пострадало в значительной степени от реституции. Законы «О приватизации земли в сельской местности»³³ и «О приватизационных сертификатах»³⁴ также предусматривали привилегии именно для граждан Латвии. Так, предполагалась реституция земельной собственности и приватизация земли только гражданами страны, которые одновременно и получали больше приватизационных сертификатов (дававших право собственности).

Дальнейшее становление латвийского законодательства связано уже с новым составом парламента, избранным в 1993 г. исключительно правопреемными гражданами. На выборах в Сейм ЛР, состоявшихся 5–6 июня 1993 г., победу одержали националистические силы. При этом также, как в случае с Эстонией, реституционный подход латвий-

ских парламентариев был весьма избирательным. Они отказались решить вопрос предоставления гражданства с позиций «слишком мягкого» закона 1919 г.³⁵, действовавшего в довоенной республике. А создали принципиально новый законодательный акт.

Так, статус неграждан был оформлен специальным законом³⁶ лишь в 1995 г. Он вводил новый документ, удостоверяющий личность – паспорт негражданина Латвии (*Latvijas Republikas nepilsoņa pase*). Негражданин имел право постоянно проживать на территории республики, пользоваться социальными гарантиями, но не мог избираться и быть избранным, а также испытывал целый ряд ограничений на профессии (о чём речь шла выше). Сам же механизм натурализации был прописан только в 1994 г. Законом о гражданстве³⁷. Для успешного прохождения натурализации требовалось сдать экзамен на знание латышского языка, истории Латвии, её Конституции, а также принести клятву на верность Республике. Кроме того, первые годы существовали особые ограничительные квоты о количестве ходатайств на получение гражданства – «окна натурализации». В период с 1995 по 1998 г. по закону натурализоваться могли 150 000 неграждан, но сделали это лишь 11 400 жителей³⁸. Только в 1998 г., под давлением ОБСЕ, на референдуме были приняты поправки к закону о гражданстве³⁹, отменяющие «окна натурализации» и упрощавшие процедуру получения латвийского паспорта (упрощённая процедура для лиц старше 65 лет и детей, родившихся после 21 августа 1991 г.). То есть возникла парадоксальная ситуация – с 1991 по 1995 г. до трети населения независимой Латвии не только не получили автоматически гражданство, но и не имели возможности натурализоваться. По мнению ряда исследователей⁴⁰, это была попытка реализации надежды на массовый выезд нелатышского населения из страны (как это было с балтийскими немцами в 1939–1941 гг.) и возвращения к моноэтническому государству. Но данные расчёты не оправдались, хотя часть русскоязычного населения покинуло Латвию⁴¹ (см. приложение 1, табл. 3). Степень поддержки данного тренда этническими латышами показывают результаты голосования на референдуме 1998 г., когда 45 % граждан

высказались против упрощения процедуры натурализации⁴². Следующим «ударом» по нелатышскому населению стало принятие Закона о языке 1992 г.⁴³, и его новой редакции от 1999 г.⁴⁴ Единственным государственным языком провозглашался латышский, свободное владение им явилось обязательным для всех государственных служащих, а также работников сферы обслуживания – от врачей, до продавцов. Был учреждён и контролирующий орган – Инспекция государственного языка, в обязанность которой вменялась проверка уровня владения латышским языком (вплоть до отстранения от работы лица, показавшего низкие знания), наблюдение за СМИ в дублировании всей информации на государственном языке и др. При этом закон совершенно не реагирует на тот факт, что до трети населения страны являются русскоязычными, а два крупнейших города страны – Рига и Даугавпилс латышскоязычные лишь на половину. Об уровне владения латышским официальная статистика свидетельствует следующее. Если в 1989 г. только 23 % представителей национальных меньшинств владели латышским языком, то в 2000 г. – уже 53 %, а в 2009 г. – около 92 %; в 2014 г. латышским языком в той или иной степени владели 94 % представителей национальных меньшинств, 3/4 молодых людей – представителей национальных меньшинств в возрасте от 18 до 24 лет ответили, что «отлично» (39 %) или «хорошо» (38 %) знают латышский язык⁴⁵.

Бесспорный факт – знание латышского языка среди русскоязычного меньшинства возросло многократно за годы независимости. Разумеется, значительную, хотя и противоречивую роль здесь сыграли и вышеозначенные законодательные инициативы. Тем не менее, мы можем смело констатировать, что в Латвии, также как в соседней Эстонии, была сформирована этноцентричная система государства, справедливость которой предстояло обосновать посредством государственной исторической политики. Правопреемственность, как и в случае с официальным Таллином, в Латвии стала лишь прикрытием для решения экономических и политических задач по очищению от конкурентов из числа нетитульных наций. Уже в самом начале строительства собственной государственно-

сти, латвийский истеблишмент использовал реституционный подход исключительно в тех сферах, где это было выгодно, и наоборот – игнорировал там, где считал его не отвечающим своим интересам.

Если Латвия строила свои государственные институты и законодательство, формируя этноцентричное государство на принципах максимальной правопреемственности по отношению к довоенным республикам, то перед Литвой стояли несколько иные задачи.

Вильнюс провозгласил свою независимость от СССР гораздо раньше соседей – ещё 11 марта 1990 г.⁴⁶ В силу своего аграрного характера, Литва избежала массового притока русскоязычного населения и осталась, в целом, моноэтничной. Кроме того, полная и безоговорочная реставрация правовой базы буржуазной республики 1918–1940 гг., здесь была чревата возрождением территориальных споров о Мемельском (Клайпедским) и Виленском краях с соседними государствами. По этим причинам, официальный Вильнюс, провозгласив преемственность по отношению к межвоенной Литве, в известной мере вынужден был лавировать между реституцией и созданием новых правовых основ, в частности – Конституции.

Верховный совет Литовской ССР, как мы писали ранее, 11 марта 1990 г. отменил действие советских конституций, возобновил конституцию 1938 г. и для согласования её положений с фактической ситуацией⁴⁷ принял Временный Основной закон Литовской Республики⁴⁸, который и действовал до принятия новой конституции, т.е. до 25 октября 1992 г. Во Временном Основном законе мы можем выделить наиболее важные аспекты, которые волновали местный истеблишмент в указанный период – в частности *Статья 4 «Территория Литовской Республики является цельной и неделимой, её границы могут быть изменены только международным договором, после ратификации Верховным Советом Литвы 4/5 всех голосов депутатов»*, а также *статья 12 «Столица Литовской Республики – город Вильнюс, давняя историческая столица Литвы»*⁴⁹ были призваны закрыть территориальный спор с Польшей и продемонстрировать бескомпромиссную позицию литовских властей. Одновременно,

закон давал понять местным национальным меньшинствам – в первую очередь русскоязычным и полякам – что новое Литовское государство не намерено вытеснять или ассимилировать нетитульные народности: *Статья 7 «Государственный язык Литовской Республики – литовский. Литовская Республика обеспечивает использование литовского языка в деятельности государственных и общественных учреждений, образовательных, культурных, научных, производственных и других учреждений, предприятий и организаций, а также заботу государства о всестороннем обучении и подготовке литовского языка. Создаются условия для использования и развития языков национальных сообществ»*⁵⁰. Такую сговорчивость литовских властей можно объяснить не только неопределённым будущим нового государственного образования (в марте 1990 г. Литва в одностороннем порядке провозгласила независимость от СССР и являлась непризнанным государством), но и возросшим противодействием к самоопределению республики со стороны местных национальных меньшинств (в первую очередь поляков), опасавшихся притеснений со стороны новых властей. Так, Шальчинийский районный Совет и город Эйшишкес – место компактного проживания польского меньшинства в Виленском крае – отказались признать декларацию 11 марта 1990 г. и объявили о создании самоуправляемого «польского национального округа»⁵¹. Только гарантии по «Созданию условий для использования и развития языков национальных сообществ» (прописанные в статье 7 Временного основного закона) и предоставление гражданства всем жителям республики, способствовали прекращению конфликта.

Как бы то ни было, в отличие от соседних Эстонии и Латвии, где правящие верхи к 1991/1992 гг. «забыли» о своих обещаниях в вопросах гражданства и прав национальных меньшинств, официальный Вильнюс продемонстрировал неизменный и последовательный подход. Закон о гражданстве ЛитССР от 11 марта 1989 г.⁵² давал возможность приобретения гражданства всем постоянным жителям республики (так называемый «нулевой вариант»), Закон о гражданстве от 5 декабря 1991 г.⁵³ подтверждал это право.

Сразу же после провозглашения независимости, началась работа над новым Основным Законом. В межвоенный период в Литовской Республике 1918–1940 гг. было принято несколько временных и постоянных конституций. Кроме того, с 1926 г. вплоть до 1940 г., в стране существовал авторитарный режим Антанаса Сметоны. Всё это затрудняло возможность реставрации старой правовой базы. 7 ноября 1990 г. Верховным Советом Литвы из числа депутатов была образована рабочая группа по разработке Конституции. Через год наработки этой группы были переданы Временной комиссии по разработке Конституции, сформированной с участием всех политических сил, представленных в Верховном Совете. В состав Комиссии вошли: Витянис Повилас Андриюкайтис, Збигневас Бальцявичюс, Бронисловас Гензялис, Эгидиус Ярашюнас, Стасис Кропас, Кестутис Лапинскас, Йонас Ляучюс, Донатас Моркунас, Казимерас Мотека, Ромуалдас Озолас, Роландас Паулаускас, Нарцизас Людвикас Расимавичюс, Зита Шличите, Ауримас Таурантас⁵⁴. Председателем 16 января 1992 г. был утвержден Кестутис Лапинскас⁵⁵. Итогом их работы стал, фактически, раскол комиссии и выработка двух проектов конституции – проект большинства членов комиссии (11 человек) и проект трёх депутатов от правого крыла Саюдис «За демократическую Литву»⁵⁶. Сущность разногласий касалась полномочий Сейма (парламент Литвы), Правительства и Президента. Путём компромисса, удалось выработать единый согласованный вариант Основного закона⁵⁷, который и был принят на референдуме 25 октября 1992 г. большинством голосов (56,8 % от общего числа избирателей)⁵⁸. Согласно конституции, Литва провозглашалась смешанной президентско-парламентской республикой (в отличие от соседних Эстонии и Латвии, где сложилась парламентская республика, а президент имеет лишь представительские функции) – это очевидный компромисс между сторонниками сильной президентской власти в лице правого крыла Саюдис «За демократическую Литву» во главе с председателем Верховного Совета Витаутасом Ландсбергисом и остальными членами Конституционной комиссии. Что касается текста самой Конституции, то здесь обращает на себя

внимание преамбула, которая гласит, что «Литовский народ, создавший много веков тому назад Литовское государство, основывая его правовой фундамент на Литовских Статутах и Конституциях Литовской Республики, веками решительно защищавший свою свободу и независимость, сохранивший свой дух, родной язык, письменность и обычаи, воплощая естественное право человека и Народа свободно жить и творить на земле своих отцов и предков – в независимом Литовском государстве, радея о национальном согласии на земле Литвы...»⁵⁹ Т.е. современная Литовская Республика, стремясь обезопасить себя от возможных территориальных притязаний (в первую очередь со стороны Польши, в силу исторических причин), объявляет о правопреемстве не только по отношению к межвоенной Литве 1918–1940 гг., но и к средневековому Литовскому государству. Данный факт сыграет определяющую роль в дальнейшем формировании литовской политики памяти. Кроме того, фразой «радея о национальном согласии на земле Литвы» фиксируется многонациональный характер Литовского государства. В соседних Эстонии и Латвии, напротив будет подчёркиваться моноэтнический характер республик⁶⁰.

Также, применительно к становлению законодательной основы Литовской Республики, необходимо обратиться к Закону о языке 1995 г.⁶¹, который провозглашал единственным государственным – литовский язык. Однако в Статье 1, правового акта, было отмечено, что «Закон не регулирует язык неформального общения литовского населения и событий религиозных общин и лиц, принадлежащих к национальным общинам»⁶². Данная оговорка в тексте закона и явилась реакцией властей на наличие в республике польского и русскоязычного меньшинства. При этом, именно русский язык является языком межнационального общения в Литве между литовцами, русскими, белорусами, украинцами, поляками. Однако, закон явно был направлен на вытеснение польского и русского языков и литуанизацию местных национальных меньшинств.

Получив литовское гражданство, местное русскоязычное и польское население скооперировалось в борьбе за защиту своих

прав, а также за сохранение образования на родном языке. При этом, по нашему мнению, гораздо более весомую позицию здесь проявляет именно польское население, всецело ориентирующееся на поддержку Варшавы [5, с. 80–83]. Ведь последняя, в отличие от России, является полноправным членом ЕС и имеет больше «рычагов давления» на Вильнюс.

Как видно из переписей населения Литвы⁶³, на протяжении 1990-х – 2000-х численность национальных меньшинств – как русскоязычных, так и поляков, непрерывно сокращалась. Тем не менее, уже в первые годы независимости, нетитульные нации сумели организовать свои политические силы, а именно Союз русских Литвы (СРЛ) и Избирательная акция поляков Литвы (ИАПЛ), действовавшие сообща.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать что оформление политики памяти и законодательства независимых Прибалтийских республик проходило в форме правопреемства по отношению к их довоенной государственности, что само по себе явилось вполне предсказуемым и закономерным шагом. Наиболее полно данный подход был реализован в Латвии, где на фоне наличия крупного русскоязычного меньшинства и раскола общества по этно-национальному признаку, развернулась борьба за экономическое и политическое превалирование титульного населения над нелатышами. Принцип правопреемства здесь был умело использован националистическими кругами (в борьбе за политическое и социально-экономическое превалирование), которым удалось закрепиться у власти и в последующем, при помощи государственной исторической политики, оправдывать справедливость реституционных принципов в законодательном и государственном строительстве. Литва, являясь более однородной в этническом плане, пошла по умеренному реституционному пути и в большей степени заботилась о сохранении территориальной целостности, купировании возможных претензий к Виленскому краю и Клайпеде, а также к их литуанизации (первостепенное продвижение литовского языка и культуры). Кроме того, в отличие от северных соседей, националистическим кругам

здесь не удалось удержаться у власти, а пришлось уступить место более умеренному крылу политического истеблишмента. Тем не менее, кровавые события 1991 г., сопровождавшие Литовский путь к независимости, также явились отправной точкой для формирования местной политики памяти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. *Клауцен А. П.* Как латышские националисты победили красных латышских стрелков. Воспоминания. – М. : Свет, 2018. – 228 с.

² *Latvijas Republikas Augstākā Padomes vēlēšanas* // *Latvijas Republikas Saeima*. – URL: <http://www.saeima.lv/lv/par-saeimu/likumdevesture/latvijas-republikas-augstaka-padome/> (дата обращения: 05.10.2019).

³ *Seimo narių sąrašas 1990–1992 m. kadencijos* // *Lietuvos Respublikos Seimas*. – URL: http://www3.lrs.lt/pls/inter/w5_lrs.seimo_nariu_sarasas?p_kade_id=1 (дата обращения: 05.10.2019).

⁴ *Клауцен А. П.* Песенная революция. Как латышские националисты победили красных латышских стрелков. Воспоминания. – М. : Свет, 2018. – 228 с.; *Seimo narių sąrašas 1990–1992 m. kadencijos* // *Lietuvos Respublikos Seimas*. – URL: http://www3.lrs.lt/pls/inter/w5_lrs.seimo_nariu_sarasas?p_kade_id=1 (дата обращения: 05.10.2019).

⁵ *Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d.* // *Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba* – URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения: 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвящённых проблеме национально-государственного суверенитета / сост. А. И. Доронченков. – М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. – С. 198.

⁶ *Latvijas Republikas Augstākās Padomes pirmās sesijas 4. Sēde 1990.gada 4. Maijā* // *Latvijas Republikas Saeima*. – URL: http://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1990/st_900504v.htm (дата обращения: 21.08.2019); Текст декларации на русском языке: Декларация Верховного Совета Латвийской Советской Социалистической Республики «О восстановлении независимости Латвийской Республики» от 4 мая 1990 г. // К Союзу Суверенных Народов : сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвящённых проблеме национально-государственного суверенитета / сост. А. И. Доронченков. – М. : Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. – С. 191.

⁷ Цит. по: *Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d.* // *Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba* – URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения: 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвящённых проблеме национально-государственного суверенитета / сост. А. И. Доронченков. – М. : Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. – С. 198.

⁸ *Ziņojums par Latvijas Republikas iedzīvotāju 1991. gada 3. marta aptaujas rezultātiem* // *Diena*, 1991, 8. marts, 2. lpp.

⁹ *Ar just uz tai kai Lietuvos valstybe būtų nepriklausoma demokratine Respublika?* // *Lietuvos aidas*. – 1991. – Vasario 14 d. Referendumo rezultatai. Šaltinis: 1991 m. vasario 14 d. „Lietuvos aidas“, p. 4 // *Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija*. – URL: <https://www.vrk.lt/documents/10180/668587/1991+02+09+rezultatai.jpg/e3f70e07-6372-4ebf-a405-b381aa1da542?t=1537441306041> (дата обращения: 22.09.2019).

¹⁰ О государственной независимости Эстонии // *Ведомости Эстонской Республики*. – 1991. – 21 авг. – № 25; *Latvijas Republikas Konstitucionālais likums «Par Latvijas Republikas valstisko statusu»* (Конституционный закон Латвийской Республики «О государственном статусе Латвийской Республики») // *Latvijas Republikas Tiesību Akts*. – URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=69512> (дата обращения: 05.04.2020).

¹¹ *Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d.* // *Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba* – URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения: 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвящённых проблеме национально-государственного суверенитета / сост. А. И. Доронченков. – М. : Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. – С. 198.

¹² *Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d.* // *Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba* – URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения: 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвящённых проблеме национально-

государственного суверенитета / сост. А. И. Доронченков. – М. : Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. – С. 198.

¹³ Цит. по: там же Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba...

¹⁴ Eesti Vabariigi põhiseadus: kehtestus 1. jaan. 1938 – Tallinn: sn., 1991 Kirjeldus 23, lk.; Latvijas Republikas Satversme // Latvijas Vēstnesis, – № 43, 01.07.1993; Latvijas Republikas Satversme: pieņemta Latvijas Satversmes Sapulces 1922.g. 15. februāra kopsēdē (Конституция Латвийской Республики: принятая в пленарном заседании Латвийского Учредительного Собрания 15-го февраля 1922 года и вступившая в силу 7-го ноября 1922 года). – Рига : Промсервис, – 23 lpp.

¹⁵ Kodakondsuse seadus (Закон о гражданстве 1938/1992) // Riigi Teataja. – 1992. – N 7. ст. 109; Likums par pavalstniecību: (lik. rīk. krāj. 1919. g. 127. num. un 1927. g. 93. num.); Papildinājumi likumā par pavalstniecību (1930. g. 5. Februārt), – Rīga: b.i. 1930 (Закон о гражданстве: (Сборник законов № 127 от 1919 года и № 93 от 1927 года); Поправки к Закону о гражданстве (5 февраля 1930 г.). – Рига : б. и., 1930).

¹⁶ Поправки, дополнения и предложения к постановлению «О гражданстве Эстонской Республики» / Rahvusarhiiv (ЭГА) Ф. R-3. Оп. 3. Д. 16115. – Л. 31–32.

¹⁷ Стенограмма 4-го заседания I-й сессии Верховного Совета Латвийской Республики от 4 мая 1990 г. (Latvijas Republikas Augstākās Padomes pirmās sesijas 4. Sēde 1990.gada 4. maijā) // Latvijas Republikas Saeima. – URL: https://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1990/st_900504v.htm (дата обращения: 05.04.2020).

¹⁸ Стенограмма заседания сессии Верховного Совета Латвийской Республики от 21 августа 1991 г. (1991.gada 21. augusta sēdes stenogramma) // Latvijas Republikas Saeima. – URL: https://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1991/st_910821v.htm (дата обращения: 05.04.2020).

¹⁹ Latvijas Republikas Konstitucionālais likums «Par Latvijas Republikas valstisko status» (Конституционный закон Латвийской Республики «О государственном статусе Латвийской Республики») // Latvijas Republikas Tiesību Akti. – URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=69512> (дата обращения: 05.04.2020).

²⁰ Стенограмма 1-го заседания открытия сессии 5-го Сейма Латвийской Республики от 6 июля 1993 г. (Latvijas Republikas 5. Saeimas pirmā sēde 1993. gada 6. Jūlijā Sēdi vada) // Latvijas Republikas Saeima. – URL: https://saeima.lv/steno/st_93/060793.html (дата обращения: 02.04.2020).

²¹ Latvijas Tautas frontes 2. kongress. Programma, statūti, rezolūcijas. – Rīga : Latvijas tautas frontes izdevniecība, 1990. – 24 с.

²² Там же. С. 4.

²³ Цит. по: Стенограмма заседания от 15 октября 1991 г. (1991.gada 15. oktobra sēdes stenogramma) // Latvijas Republikas Saeima. – URL: https://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1991/st_911015.htm (дата обращения: 07.04.2020).

²⁴ Цит. по: Стенограмма заседания от 15 октября 1991 г. (1991.gada 15. oktobra sēdes stenogramma) // Latvijas Republikas Saeima. – URL: https://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1991/st_911015.htm (дата обращения: 07.04.2020).

²⁵ Там же.

²⁶ Стенограмма заседания от 15 октября 1991 г. вечерняя сессия (1991.gada 15. oktobra sēdes stenogramma Vakara sēde) // Latvijas Republikas Saeima. – URL: https://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1991/st_911015v.htm (дата обращения: 07.04.2020).

²⁷ Par Latvijas Republikas pilsoņu tiesību atjaunošanu un naturalizācijas pamatnoteikumiem // Latvijas Republikas Tiesību Akti. – URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=69914> (дата обращения: 08.04.2020).

²⁸ European Commission Against Racism and Intolerance (ECRI) First report on Latvia Adopted on 13 March 1999. – P. 7.

²⁹ Par namīprašumu denacionalizāciju Latvijas Republikā (Закон о разгосударствлении недвижимости в Латвийской республике) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs, N 46, 21.11.1991.

³⁰ Худенко К. Сегодня будем ломать вашу дверь. Как Латвия отмечает 25 лет с начала денационализации жилья // rus.DELFI.lv – URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/story/segodnya-budem-lomat-vashu-dver-kak-latviya-otmechaet-25-let-s-nachala-denacionalizacii-zhilya.d?id=48096673> (дата обращения: 22.02.2020).

³¹ Там же.

³² 1989. gada tautas skaitīšanas rezultāti Latvijā: statistikas datu krājums = Итоги переписи населения 1989 года по Латвии: статистический сборник / Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja. – Rīga: Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja, 1992. – 305 lk.

³³ Par zemes privatizāciju lauku apvidos (Закон о приватизации земли в сельской местности) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs, 32/33/34, 20.08.1992.

³⁴ Par privatizācijas sertifikātiem (О приватизационных сертификатах) // Latvijas Vēstnesis, 52, 04.04.1995. – URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=34503> (дата обращения: 09.04.2020).

³⁵ Likums par pavalstniecību: (lik. rīk. krāj. 1919. g. 127. num. un 1927. g. 93. num.); Papildinājumi likumā par pavalstniecību (1930. g. 5. Februārt), – Rīga: b.i. 1930, – 35 lpp. (Закон о гражданстве: (Сборник законов № 127 от 1919 года и № 93 от 1927 года); Поправки к Закону о гражданстве (5 февраля 1930 г.). – Рига: б.и. 1930,)

³⁶ Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības (О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другого государства) // Latvijas Vēstnesis, 63, 25.04.1995. – URL: <https://likumi.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> (дата обращения: 09.04.2020)

³⁷ Pilsonības likums (Закон о гражданстве) // Latvijas Vēstnesis, 93, 11.08.1994. – URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57512> (дата обращения: 09.04.2020)

³⁸ Бутулис Илгарс. История Латвии / литературный перевод: Роалд Добровенский. – Рига : Jumava, 2010. – С. 222.

³⁹ Grozījumi Pilsonības likumā (поправки к закону «О гражданстве») // Latvijas Vēstnesis, – № 315/316, – 27.10.1998. – URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/50382-grozijumi-pilsonibas-likuma> (дата обращения: 02.02.2020).

⁴⁰ Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления. Сборник статей. – Москва : Рига : Московское бюро по правам человека, 2012. – 238 с.; Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / Бузаев В. В., Никифоров И. В. ; предисл. Жданок Т. А. ; под ред. Демурина М. В., Симиндя В. В. Фонд «Историческая память». – М., 2009. – 280 с.; Фурман Д., Задороженюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия: общества и государства. – М. : Референдум, 2002. – Вып. 5. – С. 107–108.

⁴¹ Latvijas 2000.gadadataus skaitīšanas rezultāti / Statistikas datu krājums. (Results of the 2000 population census in brief: statistical bulletin / Central Statistical Bureau of Latvia.) – Rīga : Latvijas Republikas Centrālā statistikas pārvalde, 2002. – 294 p.

⁴² 1998. Gada Tautas nobalsošana (Референдум 1998 г.) // Centrālās vēlēšanu komisijas (Сайт Центральной избирательной комиссии). – URL: <http://www.cvk.lv/cgi-bin/wdbcgiv/base/base.velbals> (дата обращения: 03.02.2020)

⁴³ Par grozījumiem un papildinājumiem Latvijas Padomju Sociālistiskas Republikas Valodu likumā (Поправки к Закону о языке Латвийской Советской Социалистической Республики) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs. – № 15/16, 16.04.1992.

⁴⁴ Valsts valodas likums (Закон о государственном языке) // Latvijas Vēstnesis, – № 428/433. – 21.12.1999. – URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/14740> (дата обращения: 05.02.2020).

⁴⁵ Программа освоения латышского языка // Сайт Министерства Иностранных дел Латвийской Республики. – URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/novosti/integracija-obshestva-v-latvii>

/programma-osvoeniya-latyshskogo-yazyka (дата обращения: 03.02.2020).

⁴⁶ Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba. – URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения: 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвящённых проблеме национально-государственного суверенитета / сост. А. И. Доронченков – М. : Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. – С. 198.

⁴⁷ См.: Цыпляев С. А. Эволюция конституционного устройства государств постсоветского пространства // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХИГС. – Т. 10. – № 1-1 (38). – 2019. – С. 58–67.

⁴⁸ Dėl Lietuvos Respublikos Laikinojo Pagrindinio Įstatymo (Временный Основной закон Литовской Республики) // Vyriausybės žinios. – 1990-03-31, – N. 9-224.

⁴⁹ Цит. по: Dėl Lietuvos Respublikos Laikinojo Pagrindinio Įstatymo (Временный Основной закон Литовской Республики) // Vyriausybės žinios, – 1990-03-31, – N. 9-224

⁵⁰ Цит. по: Dėl Lietuvos Respublikos Laikinojo Pagrindinio Įstatymo (Временный Основной закон Литовской Республики) // Vyriausybės žinios, – 1990.03.31, – N. 9-224

⁵¹ Dainius Žalimas, Sajūdis ir Lietuvos Respublikos Nepriklausomybės atkūrimas / sud Kn. Bronislovas Genzelis, Angonita Rupšytė, Kelias į Nepriklausomybę. – Kaunas: Šviesa, 2010, – L. 188.

⁵² Lietuvos Tarybų Socialistinės Respublikos pilietybės Įstatymas (Закон О гражданстве Литовской Советской Социалистической Республики) // Сайт Сейма Литвы. – URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.18854?positionInSearchResults=0&searchModelUUID=c85748b2-fbaa-447b-b151-43e61ba2998c> (дата обращения: 12.04.2020).

⁵³ Lietuvos Respublikos Pilietybės Įstatymas (Закон О гражданстве Литовской Республики) // Lietuvos aidas, – 1991.12.17, – N 251-0.

⁵⁴ Dėl laikinosios komisijos Konstitucijos projektui parengti sudarymo (Об учреждении временной комиссии по подготовке проекта Конституции) // Valstybės žinios, – 31 декабря 1991 г., – N 36-978.

⁵⁵ Dėl laikinosios komisijos Konstitucijos projektui parengti pirmininko patvirtinimo (Решение об утверждении председателя временной комиссии по подготовке проекта Конституции) // Valstybės žinios, – 1992-01-31. – № 3-47.

⁵⁶ Lietuvos konstitucinė teisė: raida, institucijos, teisių apsauga, savivalda. – Vilnius: Mykolo Romerio universiteto Leidybos centras, 2007, – L. 165.

⁵⁷ Там же. L. 165.

⁵⁸ Lietuvos Respublikos vyriausiosios rinkimų komisijos 1992 m. spalio 31 d. nutarimas «Dėl 1992 m. spalio 25 d. referendumo Lietuvos Respublikos Konstitucijai priimti rezultatų» (Постановление Центральной избирательной комиссии Литовской Республики от 31 октября 1992 г. «Об итогах референдума от 25 октября 1999 года по принятию Конституции Литовской Республики») // Сайт Центральной избирательной комиссии Литовской Республики. – URL: https://www.vrk.lt/documents/10180/432567/2343_Irkonstitucpriimti.pdf/312a28c3-73f1-443a-a893-e55b93b60f49 (дата обращения 13.04.2020).

⁵⁹ Цит. по: Конституция Литовской Республики (русский перевод) // Сейм Литовской Республики – URL: https://www.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm (дата обращения: 13.04.2020).

⁶⁰ Зверев К. А. Русскоязычное население Эстонской Республики в контексте государственной национальной политики (1992–2007) : дис. ... канд. ист. наук: 07:00:03. – Кострома, 2015. – 298 с.

⁶¹ Lietuvos Respublikos valstybinės kalbos įstatymas (Закон о государственном языке Литовской Республики) // Valstybės žinios, – 1995.02.18, – N 15-344.

⁶² Цит. по: Lietuvos Respublikos valstybinės kalbos įstatymas (Закон о государственном языке Литовской Республики) // Valstybės žinios, – 1995.02.18, – N 15-344.

⁶³ Lietuvos statistikos metraštis 1989 // Official Statistics portal. – URL: <http://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=83> (дата обращения: 23.09.2019); Lietuvos gyventojai (2019 m. leidimas) Gyventojų skaičius ir sudėtis (Жители Литвы (издание 2019 года) Население и состав) // Official Statistics portal. – URL: <https://osp.stat.gov.lt/lietuvos-gyventojai/lietuvos-gyventojai-2019/salies-gyventojai/gyventoju-skaicius-ir-sudėtis> (дата обращения 08.12.2019).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гущин В.* Постсоветская Латвия – обманутая страна. Почему НФЛ не привёл к демократии? О правовых и политических последствиях создания института массового безгражданства и ликвидации всеобщего избирательного права, или От дефицита демократии – к рецидивам тоталитаризма. 1988 год – март 2013 года. – Рига, 2013. – 720 с.
2. *Матвеев К.* Особенности правовой системы Латвийской Республики и их влияние на статус русскоязычного населения // Международная научно-практическая конференция русскоязычных юристов (23–24 октября 2015 года, Москва). Итоговые материалы. – М., 2015. – С. 41–42.
3. *Фурман Д., Задорожнюк Э.* Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия: общества и государства. – М.: Рефердум, 2002. – Вып. 5. – С. 107–108.
4. *Шибяева Е. И.* Русские и поляки в Литве: разный статус нацменьшинств // Россия и современный мир. – 2011. – № 1 (70). – С. 80–83.

Сведения об авторе

Зверев Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Костромского государственного университета (Кострома, Россия)

Адрес для корреспонденции: 156005, Россия, Кострома, ул. Дзержинского, 17

E-mail: zwerew.kir@yandex.ru

РИНЦ AuthorID: 30428660

ORCID: 0000-0002-4747-4970

WoS ResearcherID: ACF-6307-2022

Информация о статье

Дата поступления
5 июня 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Зверев К. А. Оформление национальной государственности Латвии и Литвы: правовой аспект и законодательство // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 107–119. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).107-119.

ESTABLISHMENT OF THE NATIONAL STATEHOOD OF LATVIA AND LITHUANIA: LEGAL ASPECT AND LEGISLATION

The article deals with the process of building national statehood in Latvia and Lithuania. Unlike other post-Soviet republics, the Baltic countries decided to "restore" the independence lost during the so-called "Soviet occupation". This led to the loss of rights of the local Russian-speaking population, as well as the formation of a specific historical policy. This article is devoted to the history of the formation of local national statehood in the newest period.

Keywords: national statehood; Latvia; Lithuania; Russian-speaking population; politics of memory.

REFERENCES

1. Gushchin V. *Postsovetskaya Latviya – obmanutaya strana. Pochemu NFL ne privel k demokratii? O pravovykh i politicheskikh posledstviyakh sozdaniya instituta massovogo bezgrazhdanstva i likvidatsii vseobshchego izbiratel'nogo prava, ili Ot defitsita demokratii – k retsidivam totalitarizma. 1988 god – mart 2013 goda* [Post-Soviet Latvia is a deceived country. Why didn't the NFL lead to democracy? On the legal and political consequences of the creation of the institution of mass statelessness and the elimination of universal suffrage, or From the deficit of democracy to the relapses of totalitarianism. 1988 – March 2013], Riga, 2013, 720 p. (in Russian).
2. Matveev K. Osobennosti pravovoi sistemy Latviiskoi Respubliki i ikh vliyanie na status russkoyazychnogo naseleniya [Features of the legal system of the Republic of Latvia and their impact on the status of the Russian-speaking population]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya russkoyazychnykh yuristov* [International scientific and practical conference of Russian-speaking lawyers], Moscow, 2015, pp. 41-42. (in Russian).
3. Furman D., Zadorozhnyuk E. Social'nye problemy rossiiskogo zarubezh'ya. Prityazhenie Baltii: Baltiiskie russkie i baltiiskie kul'tury [Social problems of the Russian abroad. The Attraction of the Baltics: Baltic Russians and Baltic Cultures]. *Strany Baltii i Rossiya: obshchestva i gosudarstva* [The Baltic States and Russia: Societies and States]. Moscow, Referendum Publ., 2002, iss. 5, pp. 107-108. (in Russian).
4. Shibaeva E.I. Russkie i polyaki v Litve: raznyi status nacmen'shinstv [Russians and Poles in Lithuania: different status of national minorities]. *Rossiya i sovremenniy mir* [Russia and the modern world], 2011, no. 1 (70), pp. 80-83. (in Russian).

About the author

Kirill A. Zverev – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Kostroma State University (Kostroma, Russia)

Postal address: 17, Dzerzhinskogo ul., Kostroma, 156005, Russia

E-mail: zverew.kir@yandex.ru

RSCI AuthorID: 30428660

ORCID: 0000-0002-4747-4970

WoS ResearcherID: ACF-6307-2022

Article info

Received
June 5, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Zverev K.A. Establishment of the National Statehood of Latvia and Lithuania: Legal Aspect and Legislation. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 107-119. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4). 107-119 (in Russian).

Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 120–126.

УДК 39:316.454.5

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).120-126

А. А. Авдашкин

МИГРАЦИЯ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА НА ЮЖНЫЙ УРАЛ: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ*

Статья посвящена идентичности мигрантов из Таджикистана в одном из регионов Уральского федерального округа. Источниковую базу составили материалы серии глубинных и экспресс-интервью, собранных летом 2022 г. в Челябинске и Магнитогорске. Всего было собрано 35 интервью. На их основе показаны особенности соотношения гражданской и этнической идентичности, выявлены основные связи и практики, объединяющие мигрантов и российское общество, показаны трудности, возникающие в процессе интеграции. Исследование показывает, что мигранты, особенно второго поколения, несмотря на ряд познавательных ограничений, достаточно хорошо интегрированы в гражданскую общность, или «российскую нацию», и осознают себя её частью.

Ключевые слова: миграция; Таджикистан; идентичность; интеграция; межэтнические отношения; мигранты.

Миграция из Республики Таджикистан на сегодняшний день является одним из важных факторов поддержания российской экономики и восполнения естественной убыли населения. Однако учёным пока мало известно о картине мира мигрантов, практически не проводится исследований их идентичности. Всё более актуален вопрос, кем они себя считают? Какая общность для них более приоритетна: граждане России, граждане Таджикистана, таджики, мусульмане, региональная группа в стране исхода и др. (см.: [1]). Ответы на эти исследовательские вопросы позволят лучше понять, как происходит интеграция среднеазиатских мигрантов в российское общество, в том числе на локальном уровне [2; 3]. Риски, вызванные срывами в реализации интеграционных сценариев мигрантов, часто становятся предметом ожив-

лённых дебатов. В последнее время острые дискуссии разворачиваются вокруг связи миграции и преступности, в выступлениях управленцев просматриваются тревожные прогнозы появления мигрантских анклавов¹.

Важно учесть, что количество мигрантов существенно различается от региона к региону. В 2022 г. основными центрами их приёма являются Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край, Иркутская и Свердловская области². В дополнении к этому каждый российский регион обладает определённой спецификой в плане приёма мигрантов. Так выделяются регионы-лидеры по количеству мигрантов из Кыргызстана, Узбекистана и, конечно, Таджикистана. В представленной статье мы не пытаемся дать ответ на вопрос, чем обусловлена эта

* Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки России (Проект № 2176 «Этнодемографические процессы в Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски» по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности»).

дифференциация. Внимание автора фокусируется на идентичности мигрантов из Таджикистана в одном из регионов УрФО, в Челябинской области. Так по данным Челстата за первую половину 2022 г. мигранты из Таджикистана обеспечили наибольший миграционный прирост³. Челябинская область в последние годы является вторым регионом УрФО по численности мигрантов из Таджикистана⁴, что только актуализирует такие исследования.

Материалы и методы. Основу источниковой базы составила серия глубинных (15) и экспресс интервью (20) с мигрантами из Таджикистана в Челябинске и Магнитогорске. Большинство информантов мужчины. Женщины, находясь под определённым социальным контролем, не всегда получали возможность принять участие в интервью. Численность информантов женского пола – 10 человек. Сбор полевых материалов проходил в июне-августе 2022 г. Возраст информантов составил от 18 до 47 лет, имена изменены по их просьбе. Идея тематики интервью сложилась на основе одного из основных опросников, применявшихся коллективом проекта в 2021 г. по вопросам этнической и общероссийской идентичности в регионах Азиатской части России. Преобладание общероссийской идентичности в ходе исследований на том этапе реализации проекта поставило интересный исследовательский вопрос, как бы такой опросник проходили мигранты, какова их идентичность, соотношение её этнической и гражданской компоненты? Невозможность проведения массового опроса в этой группе очевидна, поэтому автор пытался применять качественные методы, а опросник использовался как своеобразный гайд в ходе бесед с таджикскими мигрантами. Не все информанты располагали временем и возможностью для длительного интервью, ощущалась их закрытость.

Исходными точками для диалога стали вопросы о том, как часто информанты ощущают общность с гражданами России, что их объединяет с ними, какие эмоции вызывает чувство (не)принадлежности к российскому народу, наконец, что является для них родиной. Последний вопрос интересен, поскольку заметная часть наших информантов родилась

уже в России, а не в Таджикистане. Определённым эвристическим потенциалом для анализа собранных интервью обладает концепция транснационализма. Применение этой оптики позволяет рассмотреть такие модели жизни мигрантов как двойное гражданство, мышление в категориях проживания одновременно «здесь» и «там», формирование семейных отношений поверх границ. Кроме того, так смещается фокус на изучение отношений и ситуаций в принимающем и отправляющем обществах [4]. Пользу при интерпретации полученных результатов принесли теоретико-методологические подходы к интеграции мигрантов и результаты практических проектов [5].

Результаты. Одним из основных постулатов теории транснационализма является представление о сообществах, реализующих транснациональный образ жизни. Они сохраняют связи и «там» и «здесь», живут на две локации. В случае с выходцами из Таджикистана мы можем добавить сюда концепт политического транснационализма, когда двойное гражданство позволяет существовать в режиме гражданина в России и в Таджикистане. Так большинство наших информантов «часто» ощущает свою общность с гражданами России. Это характерно и для тех, кто сохраняет гражданство страны исхода (Таджикистан). При этом факт принадлежности к такой общности как граждане России выглядит столь же важным, как и общность «граждане Таджикистана» даже в случае, если гражданство Таджикистана не сохранялось. Допускаем, конечно, что некоторые из информантов «на всякий случай» умолчали, что они являются гражданами Таджикистана и (или) сохраняют двойное гражданство. Иными словами, идентичность наших информантов транснациональна по своему характеру. Оставаться своими и «здесь» и «там» выглядит для них важной социальной ценностью, признаком респектабельности и состоятельности. Быть «своим» одновременно в двух обществах, не разрывать контакты, реальные социальные и эмоциональные связи – всё это служит залогом функционально успешного мигрантского сценария. Как отметил Самомоли: *«Я правда горжусь тем, что получил российский паспорт. Это и моя страна, но я всегда помню,*

что я сын Таджикистана. У меня два отчества и каждое по-своему важно для меня и моей семьи».

Факт осознания себя таджиком несколько не мешает нашим информантам причислять себя «к российской нации, россиянам». Это большая общность аккумулирует множество людей, проживающих в этой стране и не обязательно «русских». Анвар рассказал нам, как регулярно смотрел матчи сборной России и болел «за нашу» сборную, в составе которой находились натурализованные бразильцы, игроки с кавказским происхождением, но пока не было игроков со среднеазиатскими корнями: *«Мне кажется это дело времени, когда парень родом из Таджикистана или таджик выйдет в составе сборной России по футболу на поле. Мы все будем очень рады. Фарход Васиев играл за “Оренбург”!»*

Проживая в России, участники исследования одновременно сохраняют и переживают эмоциональную привязанность к стране исхода или «родине предков». Формы сохранения этой связи вариативны и далеко не всегда предполагают сценарии периодических возвращений. Важность и частота ощущения общности с гражданами Таджикистана достигается за счёт разветвлённых коммуникаций с оставшимися «там» родственниками, земляками, внимательным изучением новостей о ситуации в стране. Свою роль здесь играет и политическая стратегия государства Таджикистан в отношении трудовой миграции. Она прошла определённый путь развития: от фазы «невмешательства» до реактивной стадии [6]. Несмотря на то, что информанты подвергли определённой критике местные диаспоральные организации и частично позицию официального Душанбе, в целом усилия чиновников и этноактивистов для сплочения таджиков оценены достаточно высоко. Как заметил Фируз: «таджики более дружны, чем, например, кыргызы. Чувствуется поддержка родины». В этом смысле примечательно, что у кыргызов такая идентичность не складывается, поскольку они разобщены как минимум по линии «Север» / «Юг».

Принимая во внимание вышесказанное, важно понять, что же объединяет таджикских мигрантов с гражданами России в по-

вседневной жизни. Какие институты, практики и символы этому служат? Первый нарратив сводился к ощущению ответственности за судьбу страны – России. За судьбу Таджикистана практически никто ответственности не ощущает, подчёркивая, что отдельный гражданин в Таджикистане не располагает такими рычагами влияния («коррупция и клановость непреодолимы на всех уровнях»). Скорее всего, речь идёт об объёмах и качестве услуг / ресурсов, которые государственные институты могут предоставить в обоих случаях, наличии или отсутствии ощутимых преград к их получению. Наиболее ярко мы это видим на примере системы образования и медицинского обеспечения. Более высокий коэффициент эффективности российской системы здравоохранения и образования «укрепляет» принадлежность к этой общности. Как отметил Наджон: *«Когда я получал российское гражданство мне говорили друзья. С гражданством ты сможешь получать медицинские услуги, сможешь детей в школу отдать. Сам ходит к врачу по полису ОМС».*

Ещё один важный сюжет, который мы встретили в беседах, в основном с молодыми людьми (18–20 лет), касается службы в российской армии. Процитируем Сохиба: «...эту страну хочется защищать». Служба в армии воспринимается как престижная, дающая привилегии, которых сложно добиться в аналогичной ситуации в Таджикистане. В условиях практически нулевого доступа к социальным лифтам именно служба в российской армии может служить «путёвкой в жизнь» для молодых мужчин из мигрантских семей: это полное обеспечение и довольствие, льготы, высокая заработная плата, возможности карьерных перспектив и др. Информанты мужского пола рассказали о нескольких семейных конфликтах с сыновьями, когда те не хотели продолжать и развивать семейный бизнес, а предпочитали службу в армии или учёбу по специальности «правоохранительная деятельность». Сыновья Салима не захотели дальше «торговать на рынке». Один пошёл служить в армию, другой поступил учиться в колледж, чтобы «стать своим здесь» и сделать хорошую карьеру. В таких случаях отцы семейств не понимали необходимости прикладывать усилия.

Отсутствие российского гражданства зачастую становится для мигрантов второго поколения большой проблемой, поскольку закрывается возможность продолжить бесплатное обучение, существуют и риски депортации. По этой причине они настроены на максимально полную интеграцию в общество младших родственников («хорошо учись, получи образование, отслужи в армии и др.»). Одним из частых нарративов стало приобретение жилья как конечная точка успешного укоренения [7]. К сожалению рамки представленной статьи не позволяют раскрыть подробно этот сюжет, но данная цель фигурировала практически во всех взятых интервью.

Статистически небольшая совокупность взятых интервью пока не позволяет делать выводов об установках разных поколений мигрантов из Таджикистана. Однако обнаружено, что представители старшего поколения в своих оценках связи с гражданами России применяли более абстрактные образы, без конкретных описаний. В свою очередь среди информантов 18–25 лет общность с гражданами России приобретает вполне чёткие очертания. Названы основные институты российского общества, взаимодействие с которыми осуществляется постоянно, даны положительные оценки этих процессов как на личном уровне («Я – служил в спецназе, в Таджикистане меня бы туда не взяли», «...в начальной школе в Таджикистане меня наказали за то, что не так пел гимн. За это я стоял, вытянув в руках стул...» и др.), так и на уровне группы («Эта страна приняла нас и дала много, мы её граждане»).

Факт принадлежности к российскому народу в подавляющем большинстве рассмотренных случаев связан с чувством защищённости: от правовой до социальной. Наши информанты осознают свою включённость в систему позиций и статусов российского общества. На практике это выражается в доступе к процедурам получения гражданства, т. е. участие в регулировании рынка труда, отсутствие дискриминации в доступе к нему, возможность решения проблемы безработицы, улучшения условий труда и др. Самое важное – это политика социальных обязательств государства (выплата различных пособий, оплата больничных).

Определённый интерес вызвали представления информантов о родине. Большинство назвало родиной различные районы, поселения в Таджикистане. Акцент делался именно на локальной идентичности («Я родился ещё в Ленинабаде», «кишлак недалеко от Худжанда»). В описании родных мест практически не встречается страна как таковая (Россия или Таджикистан). Это подтверждает наши предположения о том, что мигранты укоренены на родине через крепкие социальные связи с родственниками, соседями, земляками. Проживая много лет в Челябинске или других городах России, они регулярно созванивались с «домом», были в курсе многих дел и новостей. Как отметил Расул, он всегда знает как дела у его соседей, учителей. Кто уехал на заработки, кто приехал и построил на заработанные деньги дом и т. д. Иными словами диалог о месте, которое рассматривается в качестве родины в итоге всё равно выводил на транслокальность, т. е. проживание более чем в одном месте и включённость более чем в одно сообщество [8]. К примеру, находясь в Челябинске на рынке, наши информанты плотно вовлечены в отношения и «здесь» и «там». Приложение Viber в любой момент позволяет поделиться фотографиями, сделанными среди рабочего дня, показать «любимой бабушке» рабочее место внука, его друзей, скрывающихся под навесом торговой точки от челябинского зноя или дождя [9].

Заключение: проблемы интеграции и укрепление общероссийской идентичности. Проведённое исследование показало, что мигранты из Таджикистана обладают транснациональной идентичностью, они «проживают» одновременно в отправляющем и принимающем сообществах. Это обстоятельство не создаёт затруднений в развитии у них общероссийской идентичности: многие подчёркивали, что ощущают себя одновременно таджиками (этническая общность) и россиянами (гражданская общность). Мигранты второго поколения не испытывают значимых трудностей с интеграцией, воспринимают себя как неотъемлемую часть российской нации. Собранные интервью позволили наметить трудности, с которыми сталкиваются выходцы из Таджикистана. Во-первых, пока отсутствует ком-

плексное решение проблемы изучения русского языка как иностранного на уровне школьного образования. Невысокий уровень владения русским языком значительно снижает планку социальных ожиданий, способствует изоляции детей мигрантов на уровне школьных коллективов и колледжей. Пути решения данной проблемы избираются каждым учебным заведением самостоятельно. Зачастую в школах таких детей предпочитают объединять в коррекционные классы. Рассказы об учёбе в таком классе содержат практически повествования (учились сами, учатся братья, сестры, знакомые).

Во-вторых, девушки и молодые люди из консервативных семей нередко подвергаются насилию в семье (жёсткие предписания в выборе жизненного пути, запреты на общение со сверстниками, преграды на пути к получению образования). Вот яркий пример. Айша очень хотела после завершения девятого класса школы поступить в медицинский колледж, освоить профессию медицинской сестры, а после этого совмещать работу и учёбу в медицинском институте, чтобы стать кардиологом. Однако её отец настоял на замужестве после 18-летия. Отсутствие у Айши возможности отстаивать свою точку зрения привело к семейному конфликту, после которого её отправили учиться в Таджикистан.

После 20-летия Айша с мужем вернулась в Челябинск. На карьере медика пришлось «поставить крест». В коллективах школьных педагогов нередко отсутствует понимание, как реагировать на такие ситуации, как решать проблемы связанные с патриархальным давлением в семьях. Выходом может стать создание системы психологической поддержки («...мне был бы нужен школьный психолог, к нему можно пойти без ведома отца»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этнические анклавы в России становятся реальностью // Независимая газета. – 2022. – 21 июня. – URL: https://www.ng.ru/politics/2022-07-21/1_8493_enclave.html (дата обращения: 16.08.2022).

² В Россию въехало рекордное за квартал число мигрантов – 3,1 млн // Коммерсантъ. – 2022. – 8 авг. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5502093> (дата обращения: 16.08.2022).

³ Таджикиские мигранты бегут в этот российский регион // SPUTNIK. Таджикистан. – URL: <https://tj.sputniknews.ru/20220720/tajikistan-russia-chelyabinsk-migranty-1050125644.html> (дата обращения: 16.08.2022).

⁴ Трудовые мигранты из Таджикистана возвращаются работать на Урал // Коммерсантъ. – 2021. – 27 мая. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4828318> (дата обращения: 16.08.2022).

ЛИТЕРАТУРА

1. Олимов М. А., Олимова С. К. Трансформация идентичности в миграции: этничность и религия (на примере Таджикской трудовой миграции в России) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 59. – С. 158–166. – DOI: 10.17223/19988613/59/21.
2. Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов второго поколения в Москве в возрасте 18–30 лет: первые результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 6. – С. 63–81. – DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.04.
3. Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18–35 лет в России: результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 2. – С. 423–469. – DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.15.
4. Капустина Е., Борисова Е. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / под ред. С. Н. Абашина, О. Е. Бредниковой. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – С. 19–24.
5. Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социологические исследования. – 2017. – № 5. – С. 110–117.
6. Kluczevska K., Oleg K. Engaging with Labour Migrants: Emigration Policy in Tajikistan // Asian Studies Review. – 2022. – Vol. 46, Iss. 1. – P. 130–149. – DOI: 10.1080/10357823.2021.1931809.
7. Варшавер Е. А., Иванова Н. С., Рочева А. Л. Когда и почему мигранты приобретают жильё в России и как это связано с интеграцией? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2. – С. 223–247. – DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1910.
8. Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Laboratorium. – 2010. – № 3. – С. 72–95.

9. Касьмова С. Трансграничная коммуникация или мобильная связь в повседневной жизни семей таджикских трудовых мигрантов // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / под ред. С. Н. Абашина, О. Е. Бредниковой. – М. : Новое литературное обозрение, 2021. – С. 482–515.

Сведения об авторе

Авдашкин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета, доцент кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 76;

454084, Россия, Челябинск, пр. Победы, 162в

E-mail: adrianmaricka@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 924041; SPIN-код: 7760-9199

ORCID: 0000-0001-8169-2755

Scopus AuthorID: 57212146426

Информация о статье

Дата поступления
27 сентября 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Авдашкин А. А. Миграция из Таджикистана на Южный Урал: к вопросу об интеграции и идентичности мигрантов на локальном уровне // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 120–126. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).120-126.

A.A. Avdashkin

MIGRATION FROM TAJIKISTAN TO THE SOUTH URALS: ON THE ISSUE OF INTEGRATION AND IDENTITY OF MIGRANTS AT THE LOCAL LEVEL

The article is devoted to the identity of migrants from Tajikistan in one of the regions of the Ural Federal District. The source base was made up of materials from a series of express and in-depth interviews collected in the summer of 2022 in Chelyabinsk and Magnitogorsk. A total of 35 interviews were collected. Based on them, the features of the relationship between civil and ethnic identities are shown, the main ties and practices that connect migrants with Russian society are identified, and the difficulties that arise in the process of integration are shown. Despite a number of cognitive limitations, the study shows that migrants, especially the second generation, are quite well integrated and perceive themselves as part of a civil community or "Russian nation".

Keywords: migration; Tajikistan; identity; integration; interethnic relations; migrants.

REFERENCES

1. Olimov M.A., Olimova S.K. Transformatsiya identichnosti v migratsii: etnichnost' i religiya (na primere Tadzhikskoi trudovoi migratsii v Rossii) [Transformation of identity in migration: ethnicity and religion (on the example of Tajik labor migration in Russia)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorika* [Tomsk State University Bulletin. Story], 2019, no. 59, pp. 158-166. DOI: 10.17223/19988613/59/21 (in Russian).
2. Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. Integratsiya migrantov vtorogo pokoleniya v Moskve v vozraste 18-30 let: pervye rezul'taty issledovatel'skogo proekta [Integration of second-generation migrants in Moscow aged 18-30 years: the first results of a research project]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes], 2017, no. 6, pp. 63-81. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.04. (in Russian).
3. Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. Integratsiya migrantov vtorogo pokoleniya v vozraste 18-35 let v Rossii: rezul'taty issledovatel'skogo proekta [Integration of second-generation migrants aged 18-35 in Russia: results of a research project]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Public opinion monitoring: economic and social changes], 2019, no. 2, pp. 423-469. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.15. (in Russian).
4. Kapustina E., Borisova E. Obzor teoreticheskoi diskussii o kontseptsii transnatsionalizma [A review of the theoretical discussion about the concept of transnationalism]. Abashin S.N., Brednikova O.E. (eds.). *Zhit' v dvukh mirakh: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal'nost'* [Living in two worlds: rethinking

- transnationalism and translocality*], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 19-24. (in Russian).
5. Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. Integratsiya migrantov na mestnom urovne: rezul'taty nauchno-prakticheskogo proekta [Integration of migrants at the local level: results of a scientific and practical project]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2017, no. 5, pp. 110-117. (in Russian).
 6. Kluczevska K., Oleg K. Engaging with Labour Migrants: Emigration Policy in Tajikistan, *Asian Studies Review*, 2022, vol. 46, iss. 1, pp. 130-149. DOI: 10.1080/10357823.2021.1931809. (in Russian).
 7. Varshaver E.A., Ivanova N.S., Rocheva A.L. Kogda i pochemu migranty priobretayut zhil'e v Rossii i kak eto svyazano s integratsiei? [When and why do migrants acquire housing in Russia and how is this related to integration?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 2022, no. 2, pp. 223-247. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1910. (in Russian).
 8. Brednikova O., Tkach O. Dom dlya nomady [House for the nomad]. *Laboratoriu*, 2010, no. 3, pp. 72-95. (in Russian).
 9. Kasymova S. Transgranichnaya kommunikatsiya ili mobil'naya svyaz' v povsednevnoi zhizni semei tadzhikskikh trudovykh migrantov [Cross-border communication or mobile communication in the everyday life of families of Tajik labor migrants]. Abashin S.N., Brednikova O.E. (eds.). *Zhit' v dvukh mirakh: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal'nost'* [Living in two worlds: rethinking transnationalism and translocality], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 482-515. (in Russian).

About the authors

Andrey A. Avdashkin – PhD in Historical Sciences, Senior Researcher of the South Ural State University, Associate Professor of the Department of Political Sciences and International Relations of the Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

Postal address: 76, Lenina pr., Chelyabinsk, 454080, Russia;

162v, Pobedy pr., Chelyabinsk, 454084, Russia

E-mail: adrianmaricka@mail.ru

RSCI AuthorID: 924041; SPIN-code: 7760-9199

ORCID: 0000-0001-8169-2755

Scopus AuthorID: 57212146426

Article info

Received
September 27, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Avdashkin A.A. Migration from Tajikistan to the South Urals: on the Issue of Integration and Identity of Migrants at the Local Level. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 120-126. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).120-126 (in Russian).

УДК 39:314.1(571.6)

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).127-142

О. П. Коломиец

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ЧУКОТКИ*

Статья представляет собой этнодемографическую характеристику населения Чукотки с XVIII в. по настоящее время. Источниковая база исследования – статистические материалы, опубликованные документы, касающиеся численности и особенностей расселения, образа жизни коренных жителей Чукотки, научная литература по проблемам этнической демографии. В работе представлен сравнительный анализ результатов обследований и переписей населения Чукотки за 1897, 1926/27, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 (и частично 2020) гг. Охарактеризованы основные компоненты изменения численности населения и национального состава региона (естественный, общий, миграционный прирост населения) в советский и постсоветский периоды. В последние десятилетия заметно растёт доля коренного населения в общей структуре постоянных жителей региона. Продолжается отток населения из национальных сел в районные центры и города. Перепись населения 2020 г. показала значительную убыль населения из региона и сокращение числа постоянных жителей по сравнению с предыдущими периодами.

Ключевые слова: население Чукотки; национальный состав; коренные жители; демографическая характеристика; переписи населения; изменения численности.

Демографическая характеристика народов Чукотки в исторической динамике – весьма не простая задача. Воспроизвести более или менее точную численность тех или иных этносов применительно к определённой территории затруднительно по нескольким причинам: слабая источниковая база, погрешности в статистических документах и переписях, периодические изменения административно-территориальных границ, различные подходы учёных при демографических реконструкциях. Тем не менее, благодаря имеющимся материалам, можно выявить определённые закономерности в этнодемографическом развитии региона.

Сведений об этническом составе, численности, особенностях расселения коренных жителей Чукотки до середины XIX в. крайне мало. Материалы, собранные землепроходцами, путешественниками и учёными дают представление об этих народах на тот момент, когда они вступили в контакт с рус-

скими. Благодаря фундаментальным исследованиям нескольких поколений этнографов – В. Г. Богораза, Г. А. Меновщикова, Б. О. Долгих, И. С. Вдовина, И. С. Гурвича, В. В. Антроповой, Ю. Б. Симченко, И. И. Крупника, Г. М. Афанасьевой, Е. А. Михайловой и др. имеются весьма содержательные описания чукотского и эскимосского обществ (социумов) во второй половине XVII – XVIII в. [1, с. 26].

Первое упоминание о чукчах относится к 1641/1642 гг. [2, с. 47]. Согласно подсчётам Б. О. Долгих, к середине XVII в. на северо-восточных территориях жили около 2 тыс. оленеводов-кочевников чукчей, около 4 тыс. оседлых эскимосов-охотников, около 10 780 коряков. Эскимосы занимали узкую полосу от залива Креста на юге до мыса Рыркарпия на севере, чукчи – территорию к северу от Анадырского лимана до залива Креста и внутренние районы Чукотки до мыса Биллингса на севере, соприкасаясь с эскимосами на востоке и юкагирами-чуванцами

* Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки России в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

на западе. Территория расселения коряков простиралась от мыса Наварин до Укинского залива по Берингоморскому побережью. Колымский и Корякский хребты служили сухопутной границей между коряками и юкагирами. Юкагиры, живущих, на территории от Лены до устья Анадыря было в середине XVII в. менее 5 тыс. чел. [3, с. 553–554]. Некоторые исследователи полагают, что данные по численности чукчей и эскимосов в тот период занижены [1, с. 27]. Численность русского населения на р. Анадырь в конце XVII в. составляла около 200 чел. [2, с. 61].

Согласно имеющимся источникам, чукчи делились на две территориальные группы – «каменные» и «тундровые» колымско-алазейские чукчи (около 400 чел.); эскимосы – на четыре: уэленцы (около 1 500 чел.), пээки (около 600 чел.), айваны (около 1 400 чел.), вутээнцы (около 500 чел.) [3, с. 554].

Наиболее значительные этнические изменения на северо-востоке произошли в XVIII в. в связи с включением Камчатки и Чукотки в состав Российского государства. Согласно мнению И. С. Гурвича, в первой половине XVIII в. соотношение береговых и тундровых жителей на Чукотке было приблизительно равным (4 тыс. оленеводов и 4 тыс. оседлых), а в конце века оно изменилось в пользу оленеводов (6 тыс. оленеводов и 4 тыс. оседлых). Учитывая переход части эскимосов в тундру и ассимиляцию их чукчами, численность их в XVIII в. осталась на уровне XVII в. или несколько уменьшилась (4–3,5 тыс. чел.). Исторические условия, сложившиеся на северо-востоке, позволяли чукчам увеличивать свои территориальные владения за счёт соседей и значительно расширить пастушеское оленеводство. Очевидно, это и привело к увеличению их численности [2, с. 117].

Образовалась новая группа старожильческого населения – анадырцы. Анадырский острог стал крупным центром сосредоточения русского населения на северо-востоке (в 1744 г. там находилось 400 служилых, в 1747 г. – 310; в 1760-е гг. – русских не менее 650–700 чел. [2, с. 123–124]. После упразднения в 1770 г. Анадырской крепости анадырцы переселились на Колыму.

По мнению И. С. Гурвича, безуспешные военные походы анадырских властей по при-

ведению в русское подданство чукчей привели к крайнему разорению северо-восточных юкагиров и оленных коряков. Чукчи-оленоводы, обитавшие в труднодоступных районах тундровой зоны, менее пострадали от этих походов. Воспользовавшись ослаблением своих соседей, чукчи стали совершать набеги на анадырских юкагиров и оленных коряков, отняли у них крупные стада оленей. В ходе борьбы чукчи привлекли на свою сторону некоторые группы береговых эскимосов и ассимилировали их. На крайнем северо-востоке Сибири в XVIII в. происходило, с одной стороны, интенсивное сплочение ряда этнических групп, сопровождающееся расширением территории их обитания (чукчи, эвены, русские старожилы), с другой – рассеивание (юкагиры, эскимосы) [2, с. 133]. Чукчи и азиатские эскимосы были приняты в русское подданство 11 октября 1789 г. и отнесены к сибирским «инородцам».

К 50–60-м гг. XIX в. чукчи освоили обширные пространства к юго-западу от Чаунской губы, ранее занятые юкагирским и эвенским населением. Одновременно на побережье Северного Ледовитого океана и Берингова моря шёл процесс вытеснения и частичной ассимиляции чукчами эскимосов, которые были расселены на Чукотском носу: на мысе Пээк, в селениях Чаплино и Сирениках. Таким образом, чукотский этнос занял зоны прибрежной и континентальной тундры крайнего северо-востока Сибири [4, с. 19–20].

Обширные сведения о населении Чукотского полуострова в конце XIX в. известны благодаря деятельности начальника Анадырской округи Н. Л. Гондатти. По его оценке, с момента отъезда из Маркова он лично посетил 38 «лагерей» (стойбиш) оленных чукчей с общим населением 487 чел. и 42 посёлка приморских чукчей и эскимосов с общим населением более 2 тыс. чел. Кроме того, в Уэлене он собрал сведения о 29 посёлках приморских чукчей вдоль северного побережья Чукотки и оценил их общее население в 1 152 чел. [5, с. 26]. Собранные им статистические материалы о численности и расселении жителей Чукотки вошли в Первую всеобщую перепись населения Российской империи 1897 г. [6]. Собственно с материалов Гондатти начинается анализ динамики численности жителей Чукотки, с конца

XIX в. и до наших дней [7, с. 22]. В публикации «Состав населения Анадырской округи» Гондатти даёт краткое, но очень ёмкое описание всех групп коренного населения, их образа жизни, мест проживания, маршрутов передвижения, степени включения в торговую экономику и т. п. [8]. При этом Гондатти не только назвал известные ранее коренные народы Чукотки – чукчей, ламутов (эвенов), юкагиров, чуванцев, коряков, смешанных обрусевших жителей долины Анадыря (марковчан), но добавил новые – азиатских эскимосов и кереков. Он первым описал основные территориальные группы оленных чукчей с их русскими и чукотскими названиями (носовые / *кауралэт*, беломорские / *онмылэт*, анадырские / *каургылэт*, пакульнейские / *пэкульнэылэт*, еропольские / *эйгисхилэт*, и туманские / *телькапэлэт*), а также указал места их сезонных кочевий и характер контактов с другими группами [7, с. 23].

Материалы Всеобщей переписи населения 1897 г. по Северо-Востоку опубликованы С. К. Паткановым. В них представлены, в том числе, сведения о жителях Анадырской округи [6]. Так, согласно данным С. К. Патканова, численность населения округи составляла 12 319 чел. Э. Е. Селитреник составил сводную таблицу, характеризующую население Чукотского национального округа по результатам переписи 1897 г. в современных границах (Анадырский, Чукотский районы (уезды), а также части Гижигинского и Колымского округов) (табл. 1). Согласно его подсчётам, численность населения округа составляла 14 706 чел. [9, с. 32–33].

На основе имеющихся источников XIX – начала XX в. И. И. Крупник реконструировал демографическую структуру бере-

говых охотников (эскимосов) и кочевых коллективов, в том числе чукотских. Так, оленные чукчи отличались высокой долей детей (40–45 %), повышенной долей стариков (6–10 %), пониженной долей лиц трудоспособного и репродуктивного возраста (50 %). Соотношение мужчин и женщин в трудоспособном возрасте – 88–90 мужчин на 100 женщин. Среднее чукотское стойбище насчитывало 20,7 чел. и состояло из 4 семей-домохозяйств (фактически 3,8). Для оленных чукчей из-за отсутствия прямых демографических данных показатели естественного прироста можно определить лишь косвенным путём. Так, у чаунских чукчей в 1850 и 1937 гг. средний размер одной годовой когорты в группе детей до 8 лет составлял 30–35 чел. на 1 000. Поскольку смертность детей до 1 года была у чукчей не ниже 30–35 % родившихся, реальный коэффициент рождаемости, скорее всего, приближался к 50–55 %. Из 53 новорождённых младенцев и детей в возрасте до 1 года, зарегистрированных в 1850 г. на группу из 1 350 чаунских чукчей, 23 % числились первыми в своей семье, 21 % – вторыми, 46 % – третьими и четвёртыми и 10 % – пятыми и более (максимально: 7-й живой ребёнок у матери 47 лет). Эти цифры подтверждают мнение В. Г. Богораза о высокой плодовитости и общей «жизнестойкости» оленных чукчей по сравнению с соседними народами. Основные пики смертности у чукчей приходились на первые годы жизни и возраст 40–45 и 55–65 лет. Учёный объясняет уменьшение доли трудоспособных мужчин среди чукчей спецификой чукотского оленеводства и крайне тяжёлыми условиями выпаса стад [10, с. 92–96].

Таблица 1

Население Чукотского национального округа в современных границах, по данным переписи 1897 г.

Население	Русские	Чукчи	Эскимосы	Чуванцы	Ламуты (эвены)	Юкагиры	Коряки
Мужчины	65	5 381	631	221	646	42	257
Женщины	80	5 577	676	203	640	51	235
Всего	145	10 958	1 307	424	1 286	93	492
Из них:							
оседлое	138	2 963	1 307	262	44	81	155
кочевое	7	7 995	–	162	1 242	12	337

И. И. Крупник рассчитал среднюю демографическую структуру эскимосского коллектива (общины) в конце XIX – начале XX в.: 25–27 % мужчин и 29 % женщин трудоспособного возраста (16–59 лет), 2–4 % нетрудоспособных стариков (старше 60 лет) и более 40 % детей и подростков с примерно равным соотношением мальчиков и девочек. Число взрослых мужчин определяло количество промысловых бригад. Бригада включала обычно 4–6 мужчин и нескольких подростков. Три-четыре бригады, т. е. 15–20 взрослых мужчин, были тем минимумом, который обеспечивал успешный промысел китов и моржей. Следовательно, устойчивое существование обеспечивалось группой не менее 60–80 человек разного возраста, а оптимальной для традиционного жизнеобеспечения азиатских эскимосов можно считать общину с 6–8 бригадами охотников (или 130–160 человек всего населения). Согласно данным регистрации смертности и рождаемости в 1920–1930-х гг., И. И. Крупник восстановил характер демографических процессов у эскимосов. В этот период наблюдалась очень высокая рождаемость (50–60 %), в среднем, женщина рожала 6–8 детей. Средний уровень смертности у эскимосов был весьма высоким (не менее 40–50 %). Значительная часть всех смертных случаев приходилась на детей до 10 лет, из них 40 % – на детей до 1 года. Следующий возрастной пик смертности падал на взрослое трудоспособное население (35–40 лет) и был связан с повышенной смертностью мужчин-охотников среднего возраста и женщин в конце репродуктивного периода. Эта же возрастная группа страдала от заносимых эпидемий. Учёный считает, что для

азиатских эскимосов начала XX в. была характерна мобильность состава и численности коллективов, высокая рождаемость, способность к быстрому росту. Итоговый естественный прирост сдерживался высокой смертностью взрослого населения, сокращённой продолжительностью жизни лиц зрелого и пожилого возраста, всплеска эпидемий, голодовок, массовой гибели от несчастных случаев [10, с. 92–96].

П. Е. Терлецкий провёл анализ движения населения Крайнего Севера по данным переписи 1926/27 гг., а также сравнил полученные данные с результатами переписи 1897 г. К сожалению, результаты представлены автором в старых границах до национального районирования: «Чукчи – всё население с 11 771 чел. возросло до 12 321 или на 4,7 % при среднем годовом приросте в 0,15 %. Коряки – всё население возросло с 7 335 до 7 434 или на 1,3 %, при среднем годовом приросте в 0,04 %. Чуванцы – с 453 до 707 чел. или на 54,7 %, при годовом приросте в 1,47 %. Юкагиры – с 754 население упало до 441 или 41,5 %, при отрицательном годовом приросте в 1,25 %. Эскимосы – с 1 307 до 1 251, или уменьшилось на 4,3 % при средней годовой убыли в 0,12 %» [11, с. 62–63]. Автор отмечает, что приведённые данные среднего годового прироста за тридцатилетний период чрезвычайно разнятся друг от друга по отдельным народностям. Э. Е. Силетренник сопоставил данные переписей за 1897, 1926/27, 1939 и 1959 гг. (табл. 2). Согласно полученным результатам, численность коренного населения Чукотского национального округа значительно сократилась.

Таблица 2

**Население Чукотского национального округа
по данным переписей 1897, 1926/27, 1939, 1959 гг.**

<i>Население</i>	<i>1897</i>	<i>1926/27</i>	<i>1939</i>	<i>1959</i>
Всего	14 706	13 515	21 524	46 689
Из них:				
чукчи	10 958	10 917	12 196	9 975
эскимосы	1 307	1 285	1 502	1 064
коряки	492	92	353	72
ламуты	1 286	391	965	820
юкагиры (чуванцы)	517	363	741	103
прочие малые народности	–	–	–	39
прочее население	146	467	5 767	34 616

После установления в 1920-х гг. на Чукотке советской власти и советской системы управления начался интенсивный переход кочевого коренного населения на оседлый образ жизни, и этот процесс был завершён в основном к 1950 г. с образованием национальных сёл. В 1930-х гг., после открытия месторождений олова и вольфрама, запускается интенсивное промышленное освоение Чукотки. В 1958 г. началось становление золотодобывающей промышленности, а в 1960-х гг. была создана основная часть приисков, ГОКов, электростанций и объектов транспортной инфраструктуры. Для привлечения в регион трудовых ресурсов, особенно квалифицированных кадров, начала действовать программа по материальному стимулированию труда в районах Крайнего Севера. Динамичное развитие народно-хозяйственных объектов и миграционный приток населения вызвали образование новых рабочих посёлков и посёлков городского типа. Согласно данным переписи 1939 г. чукчи, эвены и эскимосы составляли 69 % общей численности населения Чукотки, затем их доля постепенно снижалась и достигла 9 % в конце советского периода, что явилось абсолютным минимумом за всю историю Чукотки [12, с. 52–53].

Коренные малочисленные народы Севера всегда находились под пристальным вниманием советских учёных. Проблемы, связанные с их численностью, освещались в различных работах этнографов, демографов, социологов. Учёные отмечали, что численность народов Севера постоянно росла, но неоди-

наково в разные периоды и у каждого из них (табл. 3). Так, в целом численность народов Севера с 1959 по 1970 г. возросла на 16,6 %. Затем она стабилизировалась, не было ни большого роста, ни сильного уменьшения населения. Учёные объясняли данную ситуацию следующими причинами: общим для всей страны снижением рождаемости; ассимилятивными процессами; высокой смертностью на почве алкоголизма; существованием особых льгот для народов Севера, которые способствовали сохранению у народов Севера самосознания; недостатками медицинского обслуживания населения, что вело к сокращению средней продолжительности жизни коренного населения, высокой смертности, в том числе детской. С начала 1970-х гг. темпы естественного прироста коренного населения пошли на убыль. За 1970–1979 гг. естественный прирост уменьшился по сравнению с предшествующим десятилетием в 5 раз. Особенно упали показатели по саами, ненцам, чукчам, эвенкам, нанайцам, корякам, долганам, ительменам, ульчам, орочам, удегейцам. В дальнейшем, в 1979–1987 гг. по данным Госкомстата РСФСР, численность народов Севера увеличилась на 11,3 %. За этот период, выросла в разной степени численность всех народов, в том числе и у тех, численность которых в предыдущие годы сокращалась [13, с. 7–11].

Далее приведём сведения окружного отдела статистики о численности коренного населения Чукотского автономного округа в период 1968–1988 гг. (табл. 4).

Таблица 3

Динамика численности коренных народов Севера в СССР по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 г.

Народы	1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989 г.	
	число	число	% по отношению к численности в 1959 г.	число	% по отношению к численности в 1970 г.	число	% по отношению к численности в 1979 г.	
Чукчи	11 727	13 597	115,9	14 000	103	15 183	108,4	
Эвены	9 121	12 029	131,9	12 523	104,1	17 199	137,3	
Коряки	6 287	7 487	119,1	7 879	105,1	9 242	117,3	
Эскимосы	1 118	1 308	117	1 510	136,3	1 718	113,8	
Юкагиры	442	615	139,1	835	135,8	1 142	136,8	
Чуванцы	–	–	–	–	–	1 511	–	

Таблица 4

Демографические показатели ЧАО в период 1968–1988 гг.

<i>Население</i>	<i>1968 г.</i>	<i>1988 г.</i>
Общее число населения округа	97 тыс.	158 тыс.
Чукчи	11 119	12 217
Эскимосы	1 288	1 388
Юкагиры	113	157
Коряки	76	72
Эвены	897	1 131
Чуванцы, якуты и др.	241	622

Таблица 5

Соотношение численности коренных народов Севера и численности всего населения административной единицы, %

	<i>1959 г.</i>	<i>1970 г.</i>	<i>1979 г.</i>	<i>1989 г.</i>
Чукотский АО	25,9	13	9,97	9,8

Естественный прирост народов Севера, проживающих на территории РСФСР, в целом был ниже, чем прирост всего населения РСФСР. Ряд демографических показателей по народам Крайнего Севера свидетельствовал о неблагоприятном положении с их социальным обеспечением и медицинским обслуживанием. Так, коэффициент смертности оставался достаточно высоким – в 1,7 раза выше, чем для всего населения в районах их проживания. Доля умерших в возрасте до 60 лет среди общего числа умерших из народов Крайнего Севера – 70 %. По выборочным данным у народов Крайнего Севера продолжительность жизни была на 10–12 лет меньше среднесоюзных показателей [13, с. 11]. С конца 1950-х гг. шло неуклонное уменьшение процентного соотношения народов Севера с остальным населением. Так, Чукотский автономный округ (ЧАО) в 1989 г. показывал одни из самых низких значений (табл. 5).

В советский период население Чукотки, особенно городское, увеличивалось за счёт миграционного притока из других регионов РСФСР и республик СССР и естественного прироста (более высокого, чем в других регионах, из-за более молодой возрастной структуры населения) и достигло максимального показателя – 158 тыс. чел. в 1990 г. Приток некоренного населения вызвал изменение в национальном составе населения. Удельный вес русских увеличился до 68 %

по переписи 1979 г. (максимальный показатель за всю историю региона) и 66 % по переписи 1989 г. При этом доля чукчей и других коренных народов уменьшилась на порядок. [12, с. 54].

В конце 1980-х гг. учёные делали прогнозы на усиление межэтнических связей народов Севера, особенно с пришлым инонациональным населением, дисперстности расселения, процесса урбанизации, особенно в связи с промышленным освоением Крайнего Севера страны; последствия видели в усилении ассимилятивных процессов, сокращении численности народов Севера.

В 1970-е гг. начался резкий рост городского населения среди народов Севера. Так, в 1979 г. этот прирост составил у эскимосов 22 %, чукчей 14,4 %; в 1989 г. у чуванцев – 53,8 % [13, с. 17].

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. в ЧАО проживало 163 934 чел., в том числе 118 986 горожан и 44 948 чел. в сельской местности. Так как собственные трудовые ресурсы округа были недостаточны для развивающейся промышленности, то к строительству индустриальных предприятий были привлечены специалисты и рабочие из разных областей и городов страны. В связи с этим отмечалось преобладание мужчин среди занятого городского населения. Значительная доля прироста населения обеспечивалась притоком извне. Для городского населения ЧАО были характерны вы-

сокая мобильность, низкая приживаемость, что связано с недостаточной социальной инфраструктурой. Пришлое население в основном проживало в городах Анадыре, Певеке, в рабочих посёлках Провидения, Эгвекинот, Билибино, в приисковых посёлках Валькумей, Красноармейский и др., имеющих повышенный уровень благоустройства по сравнению с сельскими поселениями.

Согласно учёту на начало 1987 г. в сельской местности ЧАО проживало 13 579 чел. из числа КМНС (в 1989 г. – 14 088 чел., в городе – 1 938 чел.). Большинство чукчей находились в Чукотском (2 876 чел.) и в Анадырском (1 994 чел.) районах. Значительная часть эвенов проживала в Билибинском (676 чел.) и Анадырском (272 чел.). Чуванцы жили главным образом в Анадырском районе (437 чел.), эскимосы в Провиденском (642 чел.), Чукотском (317 чел.), Иультинском (143 чел.) районах.

В середине 1980-х гг. процесс урбанизации, охвативший коренных жителей, усилился. В центре округа г. Анадыре чукчи, чуванцы, эвены, эскимосы, стали составлять заметную часть населения. В черте города без пригородного с. Тавайваам к концу 1980-х гг. проживало около 900 коренных жителей. Относительно большая группа городского населения образовалась в бухте Провидения. Там, по данным 1980 г. проживало 202 коренных жителя (чукчи, эскимосы, чуванцы), в 1987 г. – 229 чел.

В конце 1980-х гг. все сельские населённые пункты, где проживало коренное население, были смешанными по национальному составу, численностью от 400 до 1 500 жителей. В них много приезжих русских, украинцев и др. В целом социальная структура коренного местного населения в эти годы сблизилась со структурой приезжих. Незначительное количество коренного населения наблюдалось лишь в горнодобывающей промышленности [13, с. 218–219].

Большое влияние на демографические процессы в среде коренного населения оказывает развитие института семьи и брака. В качестве примера приведу развитие чукотской семьи. К концу 1960-х гг. чукотская семья состояла в основном из 2–3 поколений: престарелые родители, сын (дочь), его жена и их дети. В составе таких семей, кроме того,

иногда жили неженатые братья и незамужние сестры. Довольно часто встречались также семьи, в которых вместе с женатым сыном или замужней дочерью жили вдовы отец или мать. В 1970-х гг. практически исчезли большие неразделённые семьи. Зафиксированы единичные случаи существования таких семей, это связано с нехваткой жилья в сёлах. Средний размер чукотской семьи (совместно проживающие члены) составлял в округе в конце 1970-х – начале 1980-х гг. 4 человека, в том числе в сельской местности – 4,1, в городе – 3 человека. Эта цифра выше, чем в целом по СССР, но меньше, чем у других оленеводческих народов Севера, в частности коряков и ненцев.

Ещё в середине 1980-х гг. учёные обозначили серьёзную социальную проблему, связанную с диспропорцией в половозрастной структуре оленеводов. Оленеводам-мужчинам в силу сложных условий кочевого быта было крайне сложно найти себе спутницу жизни, разделяющую и поддерживающую традиционный уклад. По социологическим данным 1987 г., холостой молодёжи в оленеводческих бригадах Магаданской области насчитывалось до 69 %. К сожалению, в настоящее время эта проблема стала ещё острее. Многие мужчины-оленеводы вынуждены покидать тундру, переселяться в посёлки, менять профессию, так как жена и дети предпочитают сельский или городской образ жизни. Было много семей, не имеющих в своём составе супружеской пары. Например, в с. Сиреники в 1983 г. таких было до 39 % от общего количества (в основном разведённые женщины и матери-одиночки).

Межнациональные браки у чукчей и в прошлом были не редкость. Встречались чукотско-корякские браки, чукотско-эскимосские, чукотско-эвенские и изредка чукотско-русские. В 1970–1980-х гг. уже до половины всех семей в сёлах были смешанных в этническом плане. В с. Ново-Чаплино они составляли в 1962 г. 23 %, в 1983 г. – 63,7 %. 18,5 % всех этнически смешанных чукотских семей в посёлках – семьи с участием русских, однако имелись также украинско-чукотские и молдавско-чукотские семьи. Удельный вес смешанных браков, их этническая структура зависели и зависят от хозяйственной специфики населённых пунк-

тов, соотношения приезжих и местных жителей, национального состава сёл вообще [14, с. 29–66].

Анализ структуры современной чукотской семьи показал, что ныне основной её формой, как и по всей стране, стала малая супружеская семья. Большинство составляют семьи, включающие представителей двух поколений. Трёхпоколенные семейные образования в основном состоят из женщин с детьми и одного (реже – двух) родителей этих женщин. Неразделенные семьи очень редки – взрослые дети после женитьбы (выхода замуж) обычно выделяются из семей родителей, образуя новые семьи. Численный состав чукотских семей различен: в однопоколенных семьях число их членов равно 1–2, в двухпоколенных – 3–4, в трёхпоколенных – 4–6 чел. Большинство семей имеют одного – двух детей. Многодетными являются в основном семьи оленеводов и охотников, то есть людей, занятых в традиционных отраслях хозяйства.

Сравнительно большой удельный вес в общем числе чукотских семей одиночек и семей, возглавляемых женщинами (без мужа), является показателем некоторой неустойчивости чукотских семей. Распадаются в основном молодые семьи. В настоящее время очень высока доля одиноких матерей из числа представителей коренных малочисленных народов. В статистических сведениях за 2010 г. мы видим, что из 1 297 матерей-одиночек 1 057, или 81,4 %, – коренные жительницы [15, с. 7]. В национальных сёлах не редкость, когда бабушки и дедушки воспитывают своих внуков, являясь их официальными опекунами, или же и вовсе усыновляют их.

Для примера приведу статистику по национальным сёлам Островное и Омолон Билибинского района. В селе Островное по состоянию на 1 января 2014 г. проживало 400 человек. Из них 58 русских, 262 чукчей, 52 эвена, 1 юкагир, 2 эскимоса, 25 ненцев. В селе 41 полная семья (мать, отец, дети), 29 семей, в которых один родитель и дети. При этом 40 семей с одним ребёнком, 16 семей с двумя детьми и 13 семей с тремя и более детьми. Так же в селе довольно большое число пар, проживающих в незарегистрированном браке (так называемый гражданский

брак) – 27. В селе Омолон проживало 886 человек. Из них 174 русских, 170 чукчей, 495 эвенов, 30 юкагиров, 17 коряков. В селе 58 полных семей, 48 семей с одним родителем. При этом семей с одним ребёнком – 29, с двумя детьми – 37, с тремя и более – 40. Распространение многодетных семей в Омолоне связано с тем, что значительная часть коренного населения занята в традиционных отраслях хозяйства – в оленеводстве, рыболовстве, охоте.

Остановимся на проблеме смешанных браков в районах расселения коренного населения. Преобладающим вариантом являются семьи, образованные чукчами и русскими. Причём при опросе информанты подразумевают под словом «русские» и множество других национальностей (украинцы, башкиры, молдаване, татары и др.). По участию в национально-смешанных браках женщины коренной национальности значительно опережают мужчин, потому что на Север традиционно приезжают больше мужчин, чем женщин. Ещё одна причина такого дисбаланса заключается в том, что женщины не хотят выходить замуж за пьющих мужчин, а для мужчин коренной национальности проблема пьянства и алкоголизма очень актуальна.

При заключении браков чукчей с приезжими мужчины-мигранты в большинстве случаев старше жён, а в браках мужчин коренной национальности женщины обычно старше своих спутников жизни. Образовательный уровень и социальное положение супругов равны в большинстве межнациональных браков. Преобладают варианты определения национальности детей в смешанных браках по родителю коренной национальности (в основном по матери, так как женщины чаще вступают в эти браки).

Межэтнических браков становится всё больше, и в них втягиваются представители новых этносов. На заработки на Чукотку приезжали и приезжают представители разных национальностей (русские, украинцы, молдаване, чуваша, мордвина и др.) и разных государств (Украина, Молдавия, Узбекистан, Таджикистан, Турция, Канада). Часть приезжего населения осела на территории, к ним присоединились члены их семьи, друзья и родственники, в результате

чего национальный состав поселений стал более разнообразным. Но пришлое население (в отличие от старожильского), привлекаемое на Север высокой зарплатой, слабо закрепляется там. И каждые несколько лет происходит смена значительной части пришлое населения. Такая ситуация очень неблагоприятна для коренных жителей Севера. Именно эта часть приезжих создаёт неустойчивость семейно-брачных отношений, увеличивает число разведённых, детей без отцов. Однако некоторые из них, женившись на местных жительницах, оседают здесь и, возможно, станут со временем постоянными жителями, а возможно, даже сторожилами.

Межэтнические браки оказывают на этнос двойное воздействие. К негативным воздействиям можно отнести то, что в северных этносах возрастает доля холостых мужчин. Кроме того, уменьшается число лиц, владеющих языками народов Севера. Однако, вряд ли можно категорически утверждать, что межэтнические браки представляют собой угрозу существованию северных этносов. Дело в том, что, во-первых, численность народов Севера в результате межэтнических браков не уменьшается, а наоборот – увеличивается. Во-вторых, среди лиц, состоящих в межэтнических браках, и среди метисов доля желающих покинуть места традиционного расселения невелика. В-третьих, несмотря на то, что доли хорошо знающих свой национальный язык как среди метисов, так и среди лиц, состоящих в межэтнических браках, несколько меньше, чем среди не «смешанного» населения и среди лиц, состоящих в однонациональных браках, очень многие представители этнически смешанных групп хотели бы выучить родной язык своего народа. К тому же лица, рождённые от этнически смешанных браков, имеют более высокий уровень образования. Их социально-профессиональный статус выше. Среди них меньше безработных. Их быт более крепко и надёжно обустроен. Их брачная ситуация более благополучна: среди них меньше разведённых и вдовствующих. Подавляющее большинство представителей народов Севера относится к межэтническим бракам одобрительно, что обусловлено отчасти и положительным

опытом предшествующих межэтнических браков [16].

Механический прирост населения на Чукотке начал падать с 1983 г. и стал отрицательным уже по итогам 1987 г. С этого времени начала меняться и этническая структура населения – процент пришлое населения неуклонно уменьшался, а коренного – возрастал. Однако, даже самые смелые прогнозы начала 1990-х гг. оказались слишком оптимистичными. Отток населения с Чукотки принял необратимый характер (табл. 6). В 1996 г. ЧАО был на первом месте по темпам снижения численности населения (5,6 %) из-за продолжающегося выезда жителей в основном в центральную часть России. В 1997 г. отрицательный миграционный прирост составил 4 692 чел. На 1 января 1998 г. численность населения Чукотки уменьшилась до 89 936 чел. [17, с. 182].

Таблица 6

**Динамика численности населения
Чукотского автономного округа
(по итогам переписей населения)**

Год	Всё население	Городское	Сельское
1970	103 235	70 933	32 302
1979	139 944	96 356	43 588
1989	163 934	118 986	44 948
2002	53 824	35 869	17 955
2010	50 526	32 734	17 792
2020	47 490	32 389	15 101

В начале 2000-х гг. численность населения ЧАО стабилизировалась, после потери 2/3 его жителей. Основной проблемой демографического развития ЧАО является продолжающийся на фоне естественного прироста населения миграционный отток. Наличие миграционного оттока, превышающего естественный прирост, привело к снижению среднегодовой численности населения за период с 2002 по 2017 г. с 55,3 тыс. чел. до 49,3 тыс. чел. В 2018 и 2019 гг. наметился миграционный прирост населения, численность населения округа увеличилась. В 2020 г. вновь наблюдалась отрицательная динамика миграционных процессов (-760 чел.) (табл. 7).

Таблица 7

Компоненты изменения численности населения Чукотского АО

Год	Численность населения на 1 января	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост	Численность населения на 31 декабря
2002	55 309	-2172	42	-2 214	53 137
2003	53 137	-1204	117	-1 321	51 933
2004	51 933	-118	164	-282	51 815
2005	51 815	576	198	378	52 391
2006	52 391	522	186	336	52 913
2007	52 913	-88	206	-294	52 825
2008	52 825	-687	131	-818	52 138
2009	52 138	-959	55	-1 014	51 179
2010	51 179	-833	48	-881	50 346
2011	50 346	642	127	515	50 988
2012	50 988	-208	128	-336	50 780
2013	50 780	-225	129	-354	50 555
2014	50 555	-15	139	-154	50 540
2015	50 540	-383	206	-589	50 157
2016	50 157	-335	181	-516	49 822
2017	49 822	-474	182	-656	49 348
2018	49 348	315	78	237	49 663
2019	49 663	625	71	554	50 288
2020	50 288	-736	24	-760	49 500

Миграция в пределах Чукотки представлена в основном поэтапным процессом переселения сельского населения в посёлки и в города округа. На начало 2020 г. численность городского населения составляла 35 974 чел. (71,5 % от общего числа жителей), сельского – 14 314 чел. (28,5 %). Число

сельских жителей неуклонно снижается на протяжении ряда лет (табл. 8). Наиболее предпочтительным для переезда является окружной центр – г. Анадырь. Это единственный населённый пункт Чукотки, численность которого стабильно растёт.

Таблица 8

Городское и сельское население ЧАО

Год	Все население	В том числе		В общей численности населения, %	
		городское население	сельское население	городское население	сельское население
2010	50 526	32 734	17 792	64,8	35,2
2011	50 346	32 659	17 687	64,9	35,1
2012	50 988	33 675	17 313	66,0	34,0
2013	50 780	33 851	16 929	66,7	33,3
2014	50 555	34 110	16 445	67,5	32,5
2015	50 540	34 522	16 018	68,3	31,7
2016	50 157	34 720	15 437	69,2	30,8
2017	49 822	34 892	14 930	70,0	30,0
2018	49 348	34 795	14 553	70,5	29,5
2019	49 663	35 193	14 470	70,9	29,1
2020	50 288	35 974	14 314	71,5	28,5

В национальных селах ЧАО проживает преимущественно до 90–95 % коренного населения. До начала 1980-х гг. среди горожан проживало всего 10,1 % коренного населения. С 1980-х гг. идёт непрерывный процесс увеличения числа коренных жителей в общей численности городского населения, что связано и с массовым оттоком приезжего населения из региона в 1990-е гг. [18, с. 154; 20, с. 240–241].

За период с 2001 по 2010 гг. доля аборигенного населения г. Анадыря выросла с 16 до 23 %. Процесс переселения жителей из сельской местности в крупные посёлки и города Чукотки продолжается в настоящее время. В первую очередь национальные сёла покидает молодёжь, которая стремится закрепиться в районных центрах (Лаврентия, Провидения, Эгвекинот, Беринговский) и городах округа (Анадырь, Певек, Билибино). Основные причины оттока коренного населения из сёл в города: нехватка рабочих мест, низкий уровень заработной платы в

селах, изолированность, транспортная недоступность, неразвитость культурно-досуговой сферы, нежелание молодёжи работать в традиционных отраслях сельского хозяйства (в оленеводстве, морском зверобойном промысле, рыболовстве), заметно более низкий уровень жизни сельского населения по сравнению с городским [19, с. 240–241]. Зачастую, для современной чукотской молодёжи переезд из родных сёл в г. Анадырь, является лишь трамплином для дальнейшей миграции в другие регионы страны.

Согласно данным переписей 2002 и 2010 гг. (табл. 9), в межпереписной период увеличилась численность чукчей, коряков и юкагиров; уменьшилось количество эскимосов, эвенов, чуванцев и кереков. По мнению В. А. Тураева, неоднозначная демографическая картина у коренных народов связана с одной стороны, с реальными процессами депопуляции у некоторых из них, с другой стороны, с качественной стороной переписи [20, с. 152].

Таблица 9

Количественный состав представителей коренных малочисленных народов РФ, проживающих на территории ЧАО

<i>Национальность</i>	<i>Численность по итогам переписи 2002 г.</i>	<i>Численность по итогам переписи 2010 г.</i>
Чукчи	12 662	12 772
Эскимосы	1 534	1 529
Эвены	1 407	1 392
Чуванцы,	951	897
Коряки	55	69
Кереки	3	1
Юкагиры	185	198
Эвенки	37	18
Шорцы	6	4
Ханты	4	1
Ульчи	3	2
Тувинцы	4	–
Тофалары	2	–
Орочи	2	4
Нивхи	1	3
Ненцы	19	22
Негидальцы	1	–
Нанайцы	9	6
Камчадалы	8	6
Ительмены	13	9
Долганы	1	3

Статистические данные Главного управления здравоохранения Департамента социальной политики ЧАО, характеризующие демографические показатели коренного населения с 2001 по 2006 гг., демонстрируют некоторый рост рождаемости и естественного прироста. С 2007 г. отменена статистика медико-демографических показателей по ко-

ренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, поэтому приводим демографические показатели за 2006–2021 гг., которые касаются всего населения Чукотки (табл. 10). Согласно статистическим данным, в 2021 г. на Чукотке наблюдалась естественная убыль населения.

Таблица 10

Демографические показатели рождаемости, смертности, естественного прироста населения Чукотки с 2001 по 2021 гг.

<i>Год</i>	<i>Родившиеся всего / коренное население</i>	<i>Умершие всего / коренное население</i>	<i>Естественный прирост всего / коренное население</i>
2001	686 / 337	570 / 18	116 / 17
2002	719 / 370	701 / 266	18 / 104
2003	653 / 401	611 / 214	42 / 214
2004	679 / 405	562 / 225	117 / 180
2005	787 / 419	623 / 210	164 / 209
2006	795 / 419	597 / 214	198 / 205
2007	771	585	186
2008	801	595	206
2009	751	620	131
2010	695	640	55
2011	688	559	129
2012	711	580	131
2013	662	533	129
2014	690	551	139
2015	685	479	206
2016	679	498	181
2017	649	467	182
2018	625	547	78
2019	525	454	71
2020	546	522	24
2021	502	540	-38

Основные причины сокращения числа коренных жителей Чукотки: проблемы с естественным приростом на фоне высокой рождаемости и смертности. При этом в период между переписями 2002 и 2010 гг. доля детей в возрасте от 0 до 14 лет сократилась у чукчей с 31,7 до 28,8 %. Падение рождаемости связано со сменой традиционных установок на многодетность, снижением брачности и увеличением доли неполных семей. Хотя чукчей, эскимосов, эвенов и юкагиров демографы относят к группе с повышенной рождаемостью [20, с. 154]. На демографическую ситуацию оказывает влияние и увеличение

числа смешанных браков. Следует отметить, что несмотря на снижение рождаемости у коренных жителей Чукотки, её темпы всё-таки выше, чем у приезжего населения региона. В последние годы наблюдается снижение числа зарегистрированных браков (2013 г. – 427, 2014 г. – 404, 2015 г. – 418, 2016 г. – 356, 2017 г. – 415, 2018 г. – 356, 2019 г. – 360, 2020 г. – 282, 2021 г. – 297), а также разводов (2013 г. – 294, 2014 г. – 302, 2015 г. – 283, 2016 г. – 261, 2017 г. – 278, 2018 г. – 239, 2019 г. – 247, 2020 г. – 227, 2021 г. – 227).

Рост показателей смертности на Чукотке обусловлен изменением возрастной структуры жителей, так как в 1990-е гг. округ покинула значительная часть трудоспособного населения, увеличился рост доли коренных жителей в структуре общей смертности (в 2001 г. на долю коренных жителей приходилось 45,6 % всех смертей в ЧАО) [21, с. 119]. Продолжительность жизни коренных народов значительно ниже общероссийских и региональных показателей, хотя в последние годы выросла с 59 до 64,2 лет. В 2020 г.

ожидаемая продолжительность жизни в регионе – 65,8 лет.

Текущая этнодемографическая ситуация на Чукотке прояснится после публикации результатов Всероссийской переписи населения 2020 г. Можно с уверенностью констатировать, что происходит значительное уменьшение количества постоянных жителей региона, продолжается увеличение числа коренных жителей в численности всего населения ЧАО (согласно переписи 2010 г. – 33,4 %).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зуев А. С.* Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII в.). – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. – 444 с.
2. *Гурвич И. С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. – М. : Наука, 1966. – 276 с. – (Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия / АН СССР ; Т. 89).
3. *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М. : Наука, 1960. – 622 с. – (Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия / АН СССР ; Т. LV).
4. *Афанасьева Г. М.* Чукчи. Популяционно-демографический статус (вторая половина XIX – первая половина XX вв.). – М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. – 269 с.
5. *Гондатти Н. Л.* Поездка из с. Маркова на р. Анадыре в бухту Провидения (Берингов пролив) // Записки Приамурского отдела ИРГО. – Хабаровск, 1898. – Т. 4. – Вып. 1. – С. 1–42, I–XXVI.
6. *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, языки и роды инородцев // Записки Императорского Русского географического общества, Отделение статистики. – СПб., 1912. – Т. 11. – Вып. 1. – С. 433–999.
7. Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие : к 125-летию поездки Н. Л. Гондатти на Чукотский полуостров в 1895 году / под ред. О. П. Коломиец, И. И. Крупника. – М. : PressPass, 2020. – 468 с.
8. *Гондатти Н. Л.* Состав населения Анадырской округи // Записки Приамурского отдела ИРГО. – Хабаровск, 1897. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 166–178.
9. *Селитренник Э. Е.* Численность населения Чукотского национального округа, по данным переписей 1897 г. и 1926–1927 гг. // Записки Чукотского краеведческого музея. – Вып. VI. – Магадан : Магадское кн. изд-во, 1973. – С. 30–37.
10. *Крупник И. И.* Арктическая этноэкология. – М. : Наука, 1989. – 272 с.
11. *Терлецкий П. Е.* Население Крайнего Севера (по данным переписей 1926/27 гг.). – Л., 1932. – 64 с. – (Труды научно-исследовательской ассоциации института народов Севера ЦИК СССР; Т. 1, вып. 1, 2).
12. *Кумо К., Литвиненко Т. В.* Население Чукотки в пространстве и времени // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2016. – Т. 3. – № 3. – С. 50–66.
13. Народы Советского Севера / под ред. И. С. Гурвича, З. П. Соколовой. – М. : Наука, 1991. – 264 с.
14. *Пивнева Е. А.* Современная Чукотская семья: структура и динамика развития (1970 – 1980-е годы). – М. : Изд-во ИЭА РАН, 1994. – 138 с.
15. Социально-экономическое положение коренных малочисленных народов Чукотского автономного округа. Июнь 2010 г. – Анадырь, 2010. – 14 с.
16. *Мархинин В. В., Удалова И. В.* Межэтнические браки: состояние, динамика, проблемные ситуации. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1997. – 236 с.
17. *Назаров А. В., Сулейманов С. Ш., Зекий О. Е.* Среда обитания и здоровье народов Чукотки. – М. : Типография «Новости», 2000. – 288 с.
18. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. – 272 с.
19. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы. – Архангельск : САФУ, 2017. – 325 с.
20. *Тураев В. А.* Социально-демографические процессы у коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1989–2010 гг. // Россия и АТР. – 2019. – № 2. – С. 145–164. – DOI: 10.24411/10268804201910027.

21. Петренко Э. П. Медико-демографические особенности Чукотки: 1991–2001 гг. // Состояние здоровья населения Чукотки: проблемы и пути решения. – Магадан : Дальнаука, 2003. – С. 52–60.
-

Сведения об авторе

Коломиец Оксана Петровна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н. А. Шило ДВО РАН (Анадырь, Россия)

Адрес для корреспонденции: 689000, Россия, Анадырь, ул. Энергетиков, 15

E-mail: okkolo@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 2916-0811

ORCID: 0000-0003-0027-7539

Scopus AuthorID: 56902417700

Информация о статье

Дата поступления
25 сентября 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Коломиец О. П. Этнодемографическая характеристика населения Чукотки // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 127–142. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).127-142.

O.P. Kolomiets

ETHNO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE POPULATION OF CHUKOTKA

The article presents an ethno-demographic characteristic of the population of Chukotka from the 18th century to the present. Until now. The source base of the study is statistical materials, published documents concerning the number and characteristics of settlement, the way of life of the indigenous people of Chukotka, scientific literature on the problems of ethnic demography. The paper presents a comparative analysis of the results of surveys and censuses of the population of Chukotka for 1897, 1926/27, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 (and partly 2020) The main components of the change in the population and the national composition of the region (natural, general, migration population growth) in the Soviet and post-Soviet periods are characterized.

According to the data of the 2002 and 2010 censuses, the number of Chukchi, Koryaks, and Yukagirs increased during the intercensal period; the number of Eskimos, Evens, Chuvans and Kereks decreased. The ambiguous demographic picture among indigenous peoples is connected, on the one hand, with the real processes of depopulation in some of them, and, on the other hand, with the qualitative side of the census.

The main reasons for the decline in the number of indigenous people of Chukotka: problems with natural growth against the background of high birth and death rates. The decline in the birth rate is associated with a change in traditional attitudes towards having many children, a decrease in marriage rates and an increase in the proportion of single-parent families. Although the Chukchi, Eskimos, Evens and Yukagirs are classified by demographers as a group with an increased birth rate. The demographic situation is also influenced by the increase in the number of mixed marriages. It should be noted that despite the decline in the birth rate among the indigenous inhabitants of Chukotka, its rates are still higher than among the visiting population of the region.

The increase in mortality rates in Chukotka is due to a change in the age structure of the inhabitants, since in the 1990s a significant part of the able-bodied population left the district, the growth in the share of indigenous people in the structure of total mortality increased. The life expectancy of indigenous peoples is significantly lower than the national and regional indicators.

The current ethno-demographic situation in Chukotka will become clear after the publication of the results of the 2020 All-Russian Population Census. It can be stated with confidence that there is a significant decrease in the number of permanent residents of the region, and the number of indigenous people in the total population of the ChAO continues to increase.

Keywords: population of Chukotka; ethnic composition; indigenous people; demographic characteristics; population censuses; population changes.

REFERENCES

1. Zuev A.S. *Prisoedinenie Chukotki k Rossii (vtoraya polovina XVII – XVIII v.)* [Accession of Chukotka to Russia (second half of the 17th – 18th centuries)], Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009, 444 p. (in Russian).

2. Gurvich I.S. *Etnicheskaya istoriya Severo-Vostoka Sibiri [Ethnic history of the North-East of Siberia. Proceedings of the Institute of Ethnography]*, Trudy instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya; Vol. 89, Moscow, Nauka Publ., 1966, 276 p. (in Russian).
3. Dolgikh B.O. *Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII veke [Tribal and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century]*, Trudy instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya; Vol. LV, Moscow, Nauka Publ., 1960, 622 p. (in Russian).
4. Afanas'eva G.M. *Chukchi. Populyatsionno-demograficheskii status (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX vv.) [Chukchi. Population-demographic status (second half of the 19th – first half of the 20th centuries)]*, Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999, 269 p. (in Russian).
5. Gondatti N.L. *Poezdka iz s. Markova na r. Anadyr v bukhtu Provideniya (Beringov proliv) [A trip from Markova on the river Anadyr to the Bay of Providence (Bering Strait)]. Zapiski Priamurskogo otdela IRGO [Notes of the Amur Department of the IRGO]*, Khabarovsk, 1898, vol. 4, no. 1, pp. 1-42, I-XXVI. (in Russian).
6. Patkanov S.K. *Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoi sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev [Statistics showing tribal composition population of Siberia, language and clans of foreigners]. Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, Otdelenie statistiki [Notes of the Imperial Russian Geographical Society, Department of Statistics]*, St. Petersburg, 1912, vol. 11, no. 1, pp. 433-999. (in Russian).
7. Kolomiets O.P., Krupnik I.I. (eds.). *Prikladnaya etnologiya Chukotki: narodnye znaniya, muzei, kul'turnoe nasledie [Applied ethnology in Chukotka: indigenous knowledge, museums, cultural heritage]*, To the Celebrating 125th anniversary of Nikolai L. Gondatti's 1895 trip to the Chukotka Peninsula, Moscow, PressPass Publ., 2020, 468 p. (in Russian).
8. Gondatti N.L. *Sostav naseleniya Anadyrskoi okrugi [Composition of the population of the Anadyr district]. Zapiski Priamurskogo otdela IRGO [Notes of the Amur Department of the IRGO]*, Khabarovsk, 1898, vol. 3, no. 1, pp. 166-178. (in Russian).
9. Selitrennik E.E. *Chislennost' naseleniya Chukotskogo natsional'nogo okruga, po dannym perepisei 1897 g. i 1926-1927 gg. [Population of the Chukotka National Okrug, according to the 1897 and 1926-1927 censuses.]. Zapiski Chukotskogo kraevedcheskogo muzeya [Notes of the Chukotka Museum of Local Lore]*, Issue VI, Magadan, Magadskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1973, pp. 30-37. (in Russian).
10. Krupnik I.I. *Arkticheskaya etnoekologiya [Arctic ethnoecology]*, Moscow, Nauka Publ., 1989, 272 p. (in Russian).
11. Terletskii P.E. *Naselenie Krainego Severa (po dannym perepisei 1926/27 gg.) [Population of the Far North (according to 1926/27 censuses)]*, Trudy nauchno-issledovatel'skoi assotsiatsii instituta narodov Severa TsIK SSSR; Vol. 1, no. 1, 2, Leningrad, 1932, 64 p. (in Russian).
12. Kumo K., Litvinenko T.V. *Naselenie Chukotki v prostranstve i vremeni [The population of Chukotka in space and time]. Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee [Russian regions: a look into the future]*, 2016, vol. 3, no. 3, pp. 50-66. (in Russian).
13. Gurvich I.S., Sokolova Z.P. (eds.). *Narody Sovetskogo Severa [Peoples of the Soviet North]*, Moscow, Nauka Publ., 1991, 264 p. (in Russian).
14. Pivneva E.A. *Sovremennaya Chukotskaya sem'ya: struktura i dinamika razvitiya (1970 – 1980-e gody) [Modern Chukchi family: structure and dynamics of development (1970 – 1980s)]*, Moscow, IEA RAS Publishing House, 1994, 138 p. (in Russian).
15. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie korennykh malochislennykh narodov Chukotskogo avtonomnogo okruga. Iyun' 2010 g. [Socio-economic status of the indigenous peoples of the Chukotka Autonomous Okrug. June 2010]*, Anadyr, 2010, 14 p. (in Russian).
16. Markhinin V.V., Udalova I.V. *Mezhetnicheskie braki: sostoyanie, dinamika, problemnye situatsii [Interethnic marriages: state, dynamics, problem situations]*, Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1997, 236 p. (in Russian).
17. Nazarov A.V., Suleimanov S.Sh., Zekii O.E. *Sreda obitaniya i zdorov'e narodov Chukotki [Habitat and health of the peoples of Chukotka]*, Moscow, Novosti Publ., 2000, 288 p. (in Russian).
18. *Rossiiskaya Arktika: korennye narody i promyshlennoe osvoenie [Russian Arctic: indigenous peoples and industrial development]*, Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, 272 p. (in Russian).
19. *Etonatsional'nye protsessy v Arktike: tendentsii, problemy i perspektivy [Ethno-national processes in the Arctic: trends, problems and prospects]*, Arkhangel'sk, NARFU Publ., 2017, 325 p. (in Russian).
20. Turaev V. A. *Sotsial'no-demograficheskie protsessy u korennykh malochislennykh narodov Dal'nego Vostoka v 1989–2010 gg. [Socio-demographic processes of the indigenous peoples of the Far East in 1989-2010.]. Rossiya i ATR [Russia and Asia-Pacific]*, 2019, no. 2, pp. 145-164. DOI: 10.24411/10268804201910027. (in Russian).

21. Petrenko E.P. Mediko-demograficheskie osobennosti Chukotki: 1991–2001 gg. [Medical and demographic features of Chukotka: 1991–2001]. *Sostoyanie zdorov'ya naseleniya Chukotki: problemy i puti resheniya* [State of health of the population of Chukotka: problems and solutions], Magadan, Dal'nauka Publ., 2003, pp. 52-60. (in Russian).

About the author

Oksana P. Kolomiets – PhD in Historical Sciences, Leading Researcher of the History and Economics Laboratory of the North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n.a. N. A. Shilo of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences (Anadyr, Russia)

Postal address: 15, Energetikov ul., Anadyr, 689000, Russia

E-mail: okkolo@mail.ru

RSCI SPIN-code: 2916-0811

ORCID: 0000-0003-0027-7539

Scopus AuthorID: 56902417700

Article info

Received
September 25, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Kolomiets O.P. Ethno-demographic Characteristics of the Population of Chukotka. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 127-142. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).127-142 (in Russian).

УДК 39

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).143-150

С. П. Тюхтенева

ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА И ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ: РАСТЁТ ЛИ ЧИСЛЕННОСТЬ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ?*

Рассматривается сложная, многофакторная ситуация, которая может сказаться на итогах Всероссийской переписи населения 2020 г., фактически проходившей в Республике Алтай с 1 по 30 июня 2021 г. в труднодоступных сёлах и с 15 октября по 14 ноября 2021 г. во всех остальных населённых пунктах. Из всего множества факторов, воздействующих на выбор человеком своей этнокультурной принадлежности, рассмотрены лишь два – это ограничительные меры в период пандемии коронавируса и отложенная из-за неё перепись. В работе представлены результаты включённого наблюдения в ходе переписи населения в г. Горно-Алтайске.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы; теленгиты; тубалары; Всероссийская перепись населения 2021 г.; пандемия коронавируса.

Новые социально-экономические обстоятельства, сложившиеся в сложный период весны-лета 2020 – весны 2022 гг., оказали, по моему мнению, неочевидное, но весьма существенное воздействие на этнодемографические процессы у коренного населения Республики Алтай.

Цель этой статьи состоит в том, чтобы обосновать предположение автора относительно роста численности коренных малочисленных народов Республики Алтай по данным Всероссийской переписи населения 2021 г. Ожидаемо, что возрастёт численность всего населения региона, поскольку положительная динамика здесь отмечается на протяжении нескольких лет. Увеличится также количество людей, относящих себя к кумандинцам, теленгитам, тубаларам и челканцам. Однако, следует оговориться, что рост численности этих народов не связан только с естественным приростом или миграцией из других регионов России.

Пандемия

Когда в мире, а потом и в России началась пандемия коронавируса, Республика Алтай довольно долго оставалась в этом

отношении «стерильной»: до середины апреля 2020 г. в регионе отсутствовали заболевшие новой коронавирусной инфекцией¹. А с 21 апреля 2020 г. власти региона приняли решение об ограничительных мероприятиях, вводимых в дополнение к режиму повышенной готовности.

Вначале правительство издало распоряжение № 144-р «О введении режима «Повышенная готовность» и мерах по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Республики Алтай» 18 марта 2020 г.² В нём было сказано, что в целях предупреждения ввоза и распространения новой коронавирусной инфекции на территории Республики Алтай определён комплекс ограничительных мероприятий на территории Турочакского района. Согласно принятым документам, граждане, прибывающие на территорию Республики Алтай, должны сообщить об этом по телефону круглосуточной горячей линии, соблюдать режим изоляции в течение 14 дней.

При этом жители Республики Алтай обеспечивают самоизоляцию в домашних условиях, а граждане, не зарегистрированные

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. при поддержке Министерства образования и науки России.

на территории региона, по месту прибытия, исключая гостиницы, туристические базы и иные коллективные средства размещения. Все прибывшие из других регионов должны находиться в изолированном помещении, позволяющем исключить контакты с членами семьи и иными лицами, не подвергнутыми изоляции. До 21 апреля самоизоляции на две недели подлежали только жители, прибывающие в регион из-за рубежа, а также из городов Москвы и Санкт-Петербурга. В связи с регистрацией двух случаев заболевания коронавирусом на частном строящемся объекте в Турочакском районе, где работы проводили строители-вахтовики, с 21 апреля введен запрет на въезд и выезд из этого района всем, кроме местных жителей. Допускается следование транзитом через Турочакский район без остановки и стоянки. Жители Турочакского района, вернувшиеся из других регионов страны, также должны сообщить свои данные по номеру телефона круглосуточной горячей линии и на 14 дней обеспечить самоизоляцию. Аналогичное решение о запрете въезда-выезда принималось в отношении Кош-Агачского района.

Большая часть ограничительных мероприятий весной и в начале лета 2020 г. в республике были такими же, как во всей стране. Однако, со 2 июля 2020 г. было решено открыть туристические объекты региона для приёма отдыхающих. Окончательно ограничительные меры (ношение масок) были приостановлены уже весной 2022 г.

Перепись

Часть этих мер была действительна и в период проведения Всероссийской переписи населения 2021 г. Учитывая труднодоступность некоторых сёл Турочакского и Улаганского районов, перепись в девятнадцати кордонах, заимках и сёлах провели с 1 по 30 июня 2021 г., в остальных населённых пунктах – с 15 октября по 14 ноября 2021 г.³

Согласно опубликованным предварительным итогам Всероссийской переписи населения 2020 (фактически 2021) года численность постоянного населения Республики Алтай составляет 210 924 чел., из которых 145 582 чел. живут в селе и 65 342 в городе [2, т. 1]. В «Российской газете» 30 мая 2022 г. были опубликованы официальные предварительные итоги переписи 2020 г. Численность

постоянного населения Республики Алтай составляет, согласно этим данным на 1 октября 2021 г., 211 тыс. чел. – и это оценочная цифра⁴. В публикации отмечено, что данные по численности населения даны в округлённом виде.

По данным республиканского правительства на 1 января 2022 г. в регионе постоянно проживало 221 559 чел., в том числе селян 157 001 и горожан 64 558 чел.⁵ Разница в приведённых данных для небольшого субъекта страны с малочисленным населением огромная – 10 635 чел.

Данные Всероссийской переписи населения 2010 г., для сравнения, таковы: всего постоянного населения в Республике Алтай 206 168 чел., из них селян 149 235 чел. и 56 933 горожан. Если ориентироваться на статистику федеральную 2021 г., то прирост в межпереписной период равен 4 756 чел. А если на статистику республиканскую начала 2022 г. – то прирост составил более 10 тыс. чел. Таким образом, разница в приросте населения между теми данными, которые опубликовали федеральный Росстат и правительство самого субъекта, отличается более, чем в два раза.

Для того, чтобы разобраться в приведённых сильно отличающихся статистических данных, полагаю, следует отметить во многом пересекающуюся систему учёта различных категорий населения, используемую, прежде всего, на уровне субъекта. Рабочая гипотеза состоит в том, что региональным данным можно доверять более, чем в данном конкретном случае федеральным. Вместе с тем, следует отметить, что исходя из подушевого финансирования, практикуемого многими ведомствами социальной направленности, есть потенциальная возможность завышения численности населения исполнительными властями регионов для формирования многих бюджетобразующих показателей и следующих за ними межбюджетных трансфертов, субвенций и субсидий. С другой стороны, имеется множество контролирующих ведомств, ведущих внутреннюю статистику, минимизирующих риски от приписок.

В нашей стране уже имеется множество разных ведомственных регистров учёта населения: обязательного пенсионного, медицин-

ского и социального страхования, коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, избирательных комитетов, служб занятости, медицинских работников, больных сахарным диабетом, туберкулезом и пр., государственных служащих, силовиков, службы судебных приставов, в сфере дошкольного, школьного, средне-специального и высшего образования, науки, воинского учёта, налоговой службы, паспортно-визовой миграционной службы, органов ЗАГС и т. д. Следовательно, данные о численности населения на уровне субъектов РФ могут быть верифицированы на основе данных различных отраслевых регистров учёта различных категорий населения. Этому же призван служить федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации», который, собственно, должен объединить метаданные с целью совершенствования предоставления государственных и муниципальных услуг, выполнения государственных и муниципальных функций, в том числе в электронной форме; реализации государственной политики в сфере социально-экономического развития, защиты прав и законных интересов граждан РФ и иностранных граждан, находящихся в России, а также обеспечения национальной безопасности РФ; обеспечения актуальности и достоверности информационных ресурсов органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов России, органов местного самоуправления, органов управления государственными внебюджетными фондами, содержащих сведения о населении РФ и обеспечения возможности выявления изменений содержащихся в них сведений о населении России путём приведения указанных сведений в соответствие со сведениями, содержащимися в федеральном регистре сведений о населении; официального статистического учёта населения; реализации полномочий субъектов РФ по предметам совместного ведения РФ и её субъектов и по предметам ведения субъектов России, полномочий РФ, переданных субъектам РФ, а также полномочий органов местного самоуправления для решения вопросов местного значения; составления и реализации государственных

и муниципальных программ, подготовки проектов бюджетов бюджетной системы РФ и в иных целях государственного и муниципального управления; осуществления полномочий избирательных комиссий, комиссий референдума, предусмотренных законодательством РФ и о выборах и референдумах; совершения нотариальных действий от имени РФ.

Сведение воедино всех видов и типов регистров учёта населения, в идеальном варианте, должно способствовать быстрому и даже удаленному получению всевозможных справок, назначению пособий, выплат и т. п., а также актуализации данных о фактической численности населения как по субъектам РФ, так и по стране в целом.

Пока метаданные находятся в процессе свода сведения о численности постоянного населения можно узнать из материалов Всероссийской переписи населения. По состоянию на середину сентября 2022 г. данных о национальном составе населения Республики Алтай нет. Тем не менее, опираясь на данные о национальном составе населения региона в 2002 и 2010 гг., можно предположить, что прирост численности коренных народов в Республике Алтай вполне ожидаем⁶. Так, эти данные демонстрируют, что в межпереписной период с 2002 по 2010 гг. в целом по стране произошло увеличение числа алтайцев: в эту группу отнесены те, кто назвал себя алтайцем, теленгитом, тубаларом и челканцем. Всего их было 67 239 чел. в 2002 г. и 74 238 чел. в 2010 г., т. е. численность всех алтайцев увеличилась на 6 999 чел. При этом в самой республике совокупная численность алтайцев увеличилась за восемь лет с 62 192 до 68 814 чел., прирост составил 6 622 чел. Между Всероссийской переписью населения России 2010 г. и 2002 г. численность коренных этносов, проживающих на территории республики, приросла на 34,4 %: в 2010 г. было 7 801 чел., в 2002 г. – 5 803 чел. В том числе численность теленгитов увеличилась на 54,1 % (в 2010 г. – 3 648 чел., в 2002 г. – 2 368 чел.), тубаларов на – 23,4 % (в 2010 г. – 1 891 чел., в 2002 г. – 1 533 чел.), кумандинцев – на 14,1 % (в 2010 г. – 1 062 чел., в 2002 г. – 931 чел.) и челканцев на 34,1 % (в 2010 г. – 1 113 чел., в 2002 г. – 830 чел.)⁷. Следовательно, учитывая, что регион отно-

сится к субъектам РФ с положительным естественным приростом населения, а также факт избыточной смертности населения от новой коронавирусной инфекции и связанных с нею заболеваний, вполне можно ожидать прироста коренных малочисленных народов Республики Алтай не менее 2 000 чел.

Фактическая численность коренных малочисленных народов Республики Алтай на примере теленгитов и тубаларов по переписям 2002 и 2010 гг.

Теленгиты: к 1897 г. в составе населения Томской губернии, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской Империи, насчитывалось более 90 тыс. чел., языки которых были отнесены к татарским. Из них около половины – это аборигенное население Алтая. Практически эта численность была подтверждена результатами Все-

союзной переписи населения 1926 г.: всё аборигенное население Алтая составляло 42 239 чел., из них черневых татар (тубалары) – 12 чел., алтайцев – 35 601, телеутов – 344, теленгитов – 3 414, кумандинцев – 1 384, шорцев – 7 и ойратов (ойротов) – 1 477 чел. После 1926 г. тубалары, теленгиты, кумандинцы были исключены из официального списка народов СССР. По переписи 1939 г. на Алтае было 47 867 чел. из числа коренного населения, а в 1959 г. – 45 270. Вновь теленгиты были учтены в 2010 г. По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., приведённым в табл. 1, теленгитами себя указали 3 648 чел., среди которых чуть более 240 чел. горожан. Из этого числа в возрасте от новорождённых и до 14 лет – 554 мальчика и 561 девочка. В возрасте 15–39 лет было 659 мужского пола и 687 женского.

Таблица 1

Теленгиты⁸

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	муж. и жен.	муж.	жен.	муж. и жен.	муж.	жен.	муж. и жен.	муж.	жен.
Теленгиты	3 648	1 751	1 897	241	98	143	3 407	1 653	1 754
В том числе в возрасте, лет:									
0–4	432	217	215	18	7	11	414	210	204
5–9	346	169	177	11	3	8	335	166	169
10–14	337	168	169	23	12	11	314	156	158
15–17	198	101	97	25	10	15	173	91	82
18–19	67	28	39	25	7	18	42	21	21
20–24	311	159	152	39	17	22	272	142	130
25–29	278	136	142	17	7	10	261	129	132
30–34	258	123	135	19	8	11	239	115	124
35–39	234	112	122	13	6	7	221	106	115
40–44	236	113	123	12	4	8	224	109	115
45–49	291	147	144	11	3	8	280	144	136
50–54	274	111	163	8	4	4	266	107	159
55–59	160	75	85	8	5	3	152	70	82
60–64	74	30	44	5	2	3	69	28	41
65–69	33	19	14	2	1	1	31	18	13
70 и более	119	43	76	5	2	3	114	41	73
Из общей численности населения – в возрасте:									
моложе трудоспособного	1192	589	603	56	22	34	1 136	567	569
трудоспособном	2 145	1 070	1 075	170	71	99	1 975	999	976
старше трудоспособного	311	92	219	15	5	10	296	87	209
медианный возраст	27,4	26,4	28,2	22,1	22,4	21,6	27,9	26,7	28,8

Таблица 2

**Тубалары: численность и миграция внутри республики
по переписям 2002 и 2010 гг.⁹**

	2002	2010	Прирост / убыль, %
ТУБАЛАРЫ	1 565	1 965	+25,6
в Республике Алтай	1 533	1 891	+23,4
г. Горно-Алтайск	120	301	+150,8
Майминский район	19	180	+847,4
Турочакский район	998	970	-2,8
Чойский район	352	343	-2,6

В возрасте от 60 лет и старше – 92 мужчины и 134 женщины. Медианный возраст теленгитов – 27,4 года.

Демографические данные, таким образом, можно оценить как благоприятствующие дальнейшему увеличению численности теленгитов за счёт естественного прироста населения.

Тубалары: при переписи населения Советского Союза 1926 г. были зафиксированы 12 чел., проживающих в сельской местности на территории Ойротской автономной области, как тогда называлась Республика Алтай, с этнонимом черневые татары. Остальные тубалары были учтены как алтайцы, численность которых в 1926 г. была 35 601 чел., и, возможно, как ойраты – в количестве 1 477 чел. Тубалары стали учитываться как народ после 2000 г., вследствие включения их в перечень коренных малочисленных народов России.

Динамику численности тубаларов можно проследить только по трём последним Всероссийским переписям населения – 2002, 2010 и 2020 гг. (2021 г. фактически, данных нет). По Всероссийской переписи населения 2010 г. общая численность тубаларов составляла 1 891 чел., из которых 1 590 – сельские жители. Из них 784 мужчины, или 49,3 % и 806 женщины, или 50,7 %. Из общей численности сельского тубаларского населения 453 чел., или 28,5 %, пребывают в возрасте моложе трудоспособного, 953 чел., или 59,9 %, – в трудоспособном, а 184 чел., или 11,6 %, – старше трудоспособного возраста. Медианный возраст в целом у тубаларов равен 33,2 годам, а у сельского населения составляет 33,4 года.

Указанный в табл. 2 прирост тубаларов на 23 процента исследователь В. В. Николаев

объясняет сменой этнической идентичности: учитывавшиеся ранее как алтайцы стали указывать свою этническую принадлежность как тубалары, а родившиеся в межэтническом браке изменили свою национальность с русской на аборигенную [1, с. 128]. Ещё один фактор роста численности тубаларов – это смена этнической принадлежности по решению суда. Как правило, в суд обращаются люди, чья этническая принадлежность ранее была указана, например, в свидетельстве о рождении, как алтаец. Сравнение приведённых в таблице данных показывает, что значительный прирост численности в межпереписной период обусловлен вовсе не естественным приростом, а именно переменой в идентичности.

Рост численности тубаларов в Майминском районе с 19 чел. в 2002 г. до 180 чел. в 2010 г. можно объяснить, помимо уже указанных выше факторов, переселением в этот муниципалитет тубаларов из Чойского и Турочакского районов. В пользу этого свидетельствует отрицательный прирост в Турочакском и Чойском районах, приведённый в табл. 2.

Майминский район – самый маленький по площади в республике: его территория равна 1286 кв. км, но самый густонаселённый. Районный центр с. Майма расположен на Чуйском тракте по берегам реки Маймы, впадающей в самую большую реку республики, Катунь. Сельских поселений 6, населённых пунктов в них – 25. А районный центр село Майма считается самым большим селом России. Всего населения в районе 34 647 чел., из которых половина, 17 869 чел., жители самого села Майма. Привлекательность Майминского района обусловлена рядом социально-экономических причин,

не последнее место в числе которых имеют более высокий шанс трудоустройства, большая доступность социального и медицинского обслуживания, доступность дошкольного, школьного, средне-специального и высшего образования. Сёла Майминского района в основном расположены вблизи столицы республики и связаны с нею постоянными автобусными маршрутами.

Как пандемия повлияла на перепись и чего стоит ожидать от публикации результатов переписи-2020?

Как выше было указано, в 2010 г. в Республике Алтай проживало около восьми тысяч человек из числа коренных малочисленных народов. Речь идёт именно о тех, кто обратился в суд для признания и подтверждения своей этнической идентичности. В случае положительного решения суда обратившийся имеет право, как относящийся к коренным малочисленным народам, на ряд льгот¹⁰. Однако, судя по моим полевым материалам 2021–2022 гг., нельзя сказать, что эти льготы в виде возможности получения пиломатериала и права на охоту имеют решающее значение для большинства коренных. Чаще всего люди обращаются в суды для того, чтобы раньше выйти на пенсию: по достижении 50 лет женщинами и 55 лет мужчинами.

Социально-экономическая нестабильность последнего десятилетия, усугубляемая безработицей среди людей предпенсионного возраста, пенсионной реформой, и особенно локдаун и последующая самоизоляция в период пандемии коронавируса 2020–2022 гг. укрепила автохтонов Республики Алтай в уверенности в том, что хоть и небольшая, но стабильная пенсия в размере десяти – одиннадцати тысяч рублей может служить гарантией выживания. Поскольку регион сельскохозяйственный, а большая часть коренных малочисленных народов проживает в сельской местности, экономика их семей строится на самообеспечении продуктами скотоводства, огородничества, таёжных промыслов и охоты. И, тем не менее, без стабильного источника денег не может обойтись ни один человек. Пандемия вынудила власть республики закрыть на время въезд и выезд в Турочакский и Кош-Агачский районы, в которых проживает значительная часть кумандинцев, тубаларов, челканцев и теленгитов.

Безработные жители сёл, в весенне-летний период работающие на всевозможных туристических объектах, оказались без работы и без средств к существованию. Достаточно много представителей коренных малочисленных народов, работающих вахтовым способом, не могли ни выехать на вахту, ни вернуться с неё. Таким образом, пандемия вызвала к жизни новые социальные практики, в числе которых следует назвать осознанный выбор смены этнической идентичности для улучшения материального положения.

Я также полагаю, что именно в силу того, что автохтоны в основном сельские, они активнее участвовали в переписи населения. Как правило, односельчане хорошо знают друг друга, и, поскольку переписчиками работали их же земляки, мало кто мог манкировать переписью. Другое дело – в единственном городе республики, Горно-Алтайске: судя по моим полевым материалам октября-ноября 2021 г., очень часто переписчикам приходилось стоять у закрытых дверей квартир, поскольку жильцы не реагировали на звонок или же отвечали из-за дверей, что переписываться не желают и даже обвиняли в распространении коронавируса. Соответственно, можно предположить, что сельские из числа коренных малочисленных народов лучше были представлены при учёте населения 2021 г.

Резюмируя, следует отметить, что прогнозируемый рост численности автохтонов Республики Алтай по результатам Всероссийской переписи населения 2020 (2021) г. зиждется на множестве факторов. Наиболее значимым является смена этнической идентичности людей, обращающихся в суды для подтверждения принадлежности к коренным малочисленным народам Российской Федерации. Такое решение большей части новоопределяющихся вызвано жизненной необходимостью – чтобы получить легальное право на социальное пенсионное обеспечение, за неимением других способов заработать себе на жизнь. Небольшой в целом прирост численности коренных малочисленных народов может быть обеспечен также и естественным приростом населения региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Теперь уже официально: Республика Алтай – единственный регион в России без коронавируса» // Новости Горного Алтая. – 2020. –

15 апр. – URL: <https://www.gorno-altaisk.info/news/114171>.

² Распоряжение Правительства Республики Алтай № 231-р от 21 апр. 2020 г. «О внесении изменений в распоряжение Правительства Республики Алтай от 18 марта 2020 года № 144-р»; Распоряжение Правительства Республики Алтай № 232-р от 21 апр. 2020 г. «Об определении комплекса ограничительных мероприятий на территории муниципального образования “Турочакский район”».

³ Многофункциональный центр обеспечения предоставления государственных и муниципальных услуг Республики Алтай. «На труднодоступных территориях Республики Алтай началась перепись населения» // Новости Горного Алтая. – 2021. – 17 июля. – URL: <http://www.altai-mfc.ru/information-service/news/na-trudnodostupnykh-territoriyakh-respubliki-altay-nachalas-perepis-naseleniya/>.

⁴ Предварительные итоги Всероссийской переписи населения // Российская газета. Федеральный выпуск. – 30.05.2022. – № 114 (8762). – URL: <https://rg.ru/2022/05/30/predvaritelnye-itogi-vserossijskoj-perepisi-naseleniia.html>.

⁵ Паспорт региона // Официальный интернет-портал правительства Республики Алтай. – URL: <https://www.altai-republic.ru/about-the-region/pasport/>.

⁶ Население / Основные показатели / Численность и состав населения / Оценка численности

постоянного населения Республики Алтай на 1 января 2022 г. – URL: <https://akstat.gks.ru/folder/33349>.

⁷ Доклад на правительственный час в Государственном Собрании-Эл Курултай Республики Алтай «О государственной поддержке социально-экономического развития коренных малочисленных народов в Республике Алтай» // Комитет по национальной политике и связям с общественностью Республики Алтай. – URL: <https://knp-ra.ru/deyatelnost/teksty-ofitsialnykh-vystupleniy/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-kmn/>.

⁸ Всероссийская перепись населения – 2010. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Гл. 24. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по возрастным группам и полу.

⁹ Национальный состав населения по Республике Алтай : стат. сб. / Алтайстат. – Горно-Алтайск, 2004. – Т. 2. – 210 с.; Всероссийская перепись населения – 2010. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Гл. 24. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по возрастным группам и полу.

¹⁰ Ассоциация коренных малочисленных народов Республики Алтай / Права коренных малочисленных народов Республики Алтай. – URL: <https://akmnga.ru/>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаев В. В. Городские и сельские группы коренных народов Алтая: этнодемографические процессы в начале XXI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2017. – Вып. 16, № 3. – с. 127–134.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 1. Численность и размещение населения. Таблица 4. Численность городского и сельского населения по полу по субъектам Российской Федерации. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580>.

Сведения об авторе

Тюхтенева Светлана Петровна – доктор исторических наук, независимый исследователь

Адрес для корреспонденции: 649000, Россия, Республика Алтай, Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, д. 43, кв. 8

E-mail: kerel63@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 5054-3201; AuthorID: 144216

ORCID: 0000-0002-3306-1091

WoS ResearcherID: R-6391-2016

Scopus AuthorID: 57190806230

Информация о статье

Дата поступления
26 сентября 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Тюхтенева С. П. Пандемия коронавируса и перепись населения: растёт ли численность коренных народов Республики Алтай? // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 143–150. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).143-150.

THE CORONAVIRUS PANDEMIC AND THE POPULATION CENSUS: IS THE NUMBER GROWING INDIGENOUS PEOPLES OF THE ALTAI REPUBLIC?

The new socio-economic circumstances that developed in the difficult period of spring-summer 2020 – spring 2022, in my opinion, had an unobvious, but very significant impact on the ethno-demographic processes among the indigenous population of the Altai Republic.

The purpose of this article is to substantiate the author's assumption regarding the growth in the number of indigenous peoples of the Altai Republic according to the 2021 All-Russian Population Census. It is expected that the total population of the region will increase, as positive dynamics have been observed here for several years. The number of people identifying themselves as Kumandins, Telengits, Tubalars and Chelkans will also increase. However, it should be noted that the growth in the number of these peoples is not associated only with natural growth or migration from other regions of Russia. The article discusses a complex, multifactorial situation that may affect the results of the 2020 All-Russian Population Census, which actually took place in the Altai Republic from June 1 to June 30, 2021 in hard-to-reach villages and from October 15 to November 14, 2021 in all other settlements. Of the many factors affecting a person's choice of their ethnic and cultural affiliation, only two have been considered – these are restrictive measures during the coronavirus pandemic and the census postponed because of it. The paper presents the results of participant observation during the population census in the city of Gorno-Altaysk.

In summary, it should be noted that the predicted growth in the number of autochthonous peoples in the Altai Republic based on the results of the 2020 (2021) All-Russian Population Census is based on many factors. The most significant factor is the change in the ethnic identity of people who apply to the courts to confirm their belonging to the indigenous peoples of the Russian Federation. Such a decision of most of the newly determined is caused by a vital necessity – to obtain a legal right to social pensions, in the absence of other ways to earn a living. A small overall increase in the number of indigenous peoples can also be ensured by the natural increase in the population of the region.

Keywords: indigenous peoples; Telengits; Tubalars; All-Russian population census 2021; coronavirus pandemic.

REFERENCES

1. Nikolaev V.V. Urban and rural groups of the indigenous peoples of Altai: ethno-demographic processes at the beginning of the 21st century. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History. Philology*, 2017, iss. 16, no. 3, pp. 127-134. (in Russian).
2. Results of the All-Russian Population Census 2020. Vol. 1: Population size and distribution. Table 4. The number of urban and rural population by sex in the constituent entities of the Russian Federation. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580>.

About the author

Svetlana P. Tyukhteneva – Doctor of Historical Sciences, Independent Researcher

Postal address: kv. 8, 43, Kommunisticheskii pr., Gorno-Altaysk, Republic of Altai, 649000, Russia

E-mail: kerel63@mail.ru

RSCI SPIN-code: 5054-3201; AuthorID: 144216

ORCID: 0000-0002-3306-1091

WoS ResearcherID: R-6391-2016

Scopus AuthorID: 57190806230

Article info

Received
September 26, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Tyukhteneva S.P. The Coronavirus Pandemic and the Population Census: is the Number Growing Indigenous Peoples of the Altai Republic? *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 143-150. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).143-150 (in Russian).

УДК 39

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).151-159

В. В. Ключарева

**«ТАМЫР» РУССКОГО ПЕРЕСЕЛЕНЦА, НО «БОДАН БЕЛОГО ЦАРЯ»:
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА
«СКАЗ СТОЛЕТНЕГО СТЕПНЯКА»**

В исследовании с антропологической точки зрения проанализирован роман «Сказ столетнего степняка», который был издан в Казахстане в 2018 г. Автор романа Баянғали Токанович Алимжанов – казахский поэт, драматург, писатель, режиссёр. «Сказ столетнего степняка» – это история о казахском аксакале Асанбае, который рассказывает своим внукам о ключевых событиях XX в., находясь на пороге «нового времени независимости степи». В основу произведения лег жизненный опыт старшего поколения – предков и земляков автора. Текст книги рассматривается посредством технологий «Memory Studies» (исследования памяти). Изучаемый роман – это символ коллективной памяти народов Северного Казахстана, созданный в определённых общественно-политических условиях. В ходе исследования с автором романа было проведено интервью, которое включало вопросы, связанные с биографией автора, процессом создания романа, сплетением художественных образов с реальными историями. Роман «Сказ столетнего степняка» является источником для изучения антропологических аспектов исторических процессов на постсоветском пространстве, а также выполняет роль трансляции этнокультурной информации.

Ключевые слова: межнациональные отношения; народы Казахстана; коллективная память; художественная литература; Северный Казахстан; национальная политика.

Тамырство – это обычай дружбы-побратимства людей, не обладающих родственными связями. Особое распространение он получил в дореволюционное время – в период появления на территории казахских жузов казачьего и крестьянского переселенческих сегментов. Переселенцы и коренное казахское население обменивались опытом ведения хозяйства, вновь прибывшие быстро осваивали «киргизский» язык, а казахи заявляли, что с радостью отдали бы своих детей в «русские» школы. Разрушение межэтнических социокультурных границ в дореволюционное время стало основой для формирования благоприятных межэтнических отношений в советский период. Однако часть современных казахстанских историков считает, что есть и обратная сторона процесса вхождения казахских жузов в состав Российской империи – казахи лишились «независимости» и стали «бодан (с каз. – *подданными*) белого царя».

Художественная литература, будучи одной из форм отражения общественного сознания, показывает ценностные ориентации исторических эпох. Она является одним из способов ознакомления с историческим прошлым. Художественные произведения можно использовать как способ трансляции этнокультурной информации. Не являются исключением и произведения современных казахстанских писателей. Об одном из них и пойдёт речь в данной статье.

О романе. Роман «Сказ столетнего степняка» – это история о казахском аксакале Асанбае Бектемирове, который рассказывает о событиях XX в., находясь на пороге XXI в. – «нового времени независимости степи». Главный герой романа делится мыслями о ключевых событиях в истории уходящего столетия – первой мировой войне, национально-освободительном восстании казахов 1916 г., революции и гражданской войне, коллективизации, репрессиях, ВОВ

и др. Данные события можно рассмотреть в качестве интерпретационных моделей прошлого, которые транслирует автор.

Произведение вышло в свет в 2018 г., автор – Баянгали Токанович Алимжанов – казахский поэт, драматург, писатель, режиссер. Родился 16 октября 1954 г. в г. Степняке Кокчетавской области Казахской ССР. После окончания школы, поступил в Казахский государственный университет им. С. М. Кирова (г. Алма-Ата, КазССР) на филологический факультет (отделение казахского языка и литературы). Баянгали Алимжанов является автором более 30 книг, написанных на казахском и русском языках¹.

В 2019 г. роман «Сказ столетнего степняка» был издан в Москве (издательство «Художественная литература»). В 2020 г. роман «Сказ столетнего степняка» (в пер. – «A Hungred Years on the Steppe») был опубликован в Лондоне².

Основная часть действий романа происходит на родной земле автора – это аул Кеңашы (каз. Кеңашы), г. Степняк и окрестности. В настоящее время данная территория находится в составе Акмолинской области Республики Казахстан (РК), в дореволюционный и советский периоды входила в состав Кокчетавского уезда, Кокчетавской области.

Методология исследования. Сюжет романа является компиляцией воспоминаний и впечатлений автора, его близких, друзей, знакомых. Автор отмечает: «да, роман базируется в основном на реальных событиях, историях из жизни, на судьбах людей, потому что столетнюю историю целого народа невозможно рассказать, не опираясь на историю реальную»³. Роман является отражением коллективной памяти. Поэтому в настоящем исследовании произведение «Сказ столетнего степняка» рассматривается посредством технологий *Memoary Studies* (исследования памяти). Генеалогию исследований памяти возводят к идеям французского социолога М. Хальбвакса (1877–1945), который предложил использование термина «рамка» [1]. Основной смысл заключается в том, что нет воспоминаний, не обусловленных социально-политическими рамками. Следовательно, прошлое – это реконструкция, созданная в определённых общественно-идеологических условиях. «Сказ столетнего степняка» –

взгляд на события XX столетия, сформированный через призму «времени независимости казахской земли». Данное литературное произведение представляет ценность поскольку является отражением реальных исторических событий. В своей работе писатель попытался дать достоверную с его точки зрения информацию.

Исторический контекст оказывает огромное влияние на восприятие отдельных понятий социумом. В 1990-е гг. на постсоветском пространстве активизировались процессы национализма, которые были направлены на конструирование гражданской идентичности населения новых государственных образований. Одним из подобных механизмов стал процесс реконфигурации коммеморативных практик. Коммеморации – это совокупность механизмов, посредством которых фиксируется, корректируется и передается из поколения в поколение информация о прошлом. Коммеморативные практики позволяют конструировать и транслировать интерпретационные модели исторических событий. После распада Советского Союза на территории Республики Казахстан начался процесс «строительства казахстанского суверенитета», включающий в себя расширение сферы применения казахского языка, переименование улиц и населённых пунктов. С 2012 г. Республика Казахстан приступила к реализации программы «Стратегия-2050», согласно которой одним из векторов дальнейшего развития страны стал патриотический акт «Мәңгілік ел» (с каз. – «Вечная страна»). «Мәңгілік ел» – общенациональная идея о вечном существовании Казахстана, которая базируется на актуализации ценностей казахстанцев – «независимости, богатой истории, культуре, языке, многонациональности»⁴. В настоящее время страна осуществляет переход на латинский алфавит, вводится трёхязычие, актуализируется историческое прошлое страны. Поэтому в исследовании применяется подход «история понятий», с помощью которого рассматривается интерпретация терминов в современной общественно-политической обстановке. Данный подход позволяет выявить влияние трансформации отдельных терминов на коллективную память.

Основными источниками для написания статьи стали текст романа «Сказ столетнего

степняка» и материалы интервью с автором романа. Руководствуясь историко-сравнительным методом, были также рассмотрены дополнительные группы источников (делопроизводственные документы, нормативные правовые документы и документы стратегического планирования РК).

В ходе исследования было проведено интервью с автором романа. Интервью включало 4 блока вопросов: семья; образование; идея написания романа; взаимодействие с народами, проживающими на территории Северного Казахстана. Основная цель интервью – выявить антропологические особенности романа «Сказ столетнего степняка», показать то, как судьбы отдельных людей нашли своё художественное воплощение. В ходе анализа будут приводиться цитаты из романа, пунктуация и орфография автора – сохранены.

Роман Б. Алимжанова как символ коллективной памяти жителей Северного Казахстана. Роман «Сказ столетнего степняка» раскрывает историю жизни казахского аксакала Асанбая Бектемирова. Повествование ведется от первого лица. Аксакал, повидавший немало на своём жизненном пути, рассказывает внукам историю своей жизни, которая отражает историю казахского народа. Асанбай вспоминает все ключевые события XX столетия – первую мировую войну, восстание на казахской земле 1916 г., революцию, гражданскую войну, коллективизацию, ВОВ, освоение целинных земель и т.д.

Как говорит автор, Асанбай Бектемиров – это собирательный образ, «образ самого народа, простого народа, который страдал, боролся, выживал»⁵. К примеру, история войны – это частично история отца писателя. Семидесятые годы XX в. основаны на личных впечатлениях и воспоминаниях Баянгали Токановича. «Здесь много художественного вымысла, который переплетается, – отмечает Б. Алимжанов, – это незаметно даже. Люди не могут различить: где художественный вымысел, а где реальная история, я этому радуюсь»⁶. Реальные люди и реальные истории в романе слились с художественными приёмами: «Даже мой отец и мать, они родились в 1920-е гг., а герой-то мой столетний. Вот его детство – это отчасти мое детство. Это я! Это я смотрел в пото-

лок на необструганные доски. Это меня чуть не буднул этот баран. Я, наверное, слился со своим героем, это и мой отец, это мои гены. И многие рассказы не только от моего отца. Были фронтовики, они обрывками рассказывали истории, что-то запомнилось у меня и вот это все сплелось. Я считаю, что мне Всевышний дал такое творение»⁷.

В романе показано межкультурное взаимодействие народов в ходе кардинальных переустройств мира в XX столетии. Баянгали Алимжанов называет своё произведение историей «о казахско-русско-немецкой войне и дружбе», делая основной акцент на том, что «история вражды должна учить дружбе»⁸.

Анализ текста книги позволяет выявить образ казахов как коренного населения, а также образ русских, немцев и др. представителей «пришлого» населения. В дореволюционной России переселенческая политика была направлена на решение проблемы малоземелья в европейской части страны, обеспечение безопасности пограничных территорий, продвижение вглубь Великой степи. В середине XIX в. практиковалось переселение крестьян из малоземельных регионов с последующим зачислением в казачье сословие. После принятия в 1881 г. «Временных правил о переселении крестьян на свободные казённые земли», крестьянское переселенческое движение стало набирать обороты, а своего апогея оно достигло в период проведения столыпинской аграрной реформы. Кокчетавский уезд (действие романа происходит на данной территории) ввиду обилия пресных вод, пастбищ и плодородных почв привлекал к себе крестьян [2, с. 42–43]⁹. В результате переселений в Кокчетавском уезде сформировалось полиэтничное население. Следующим образом автор описывает переселенцев дореволюционного периода: «Было ещё одно яркое впечатление – русские переселенцы. Говорят, вначале наши встретили их враждебно. Считали, что они враги, чужеземцы, и пришли отобрать наши просторы. Отдельные отчаянные храбрецы вредили им как могли, а при удобном случае даже убивали»¹⁰. Постепенно ситуация изменилась: «Со временем все начали привыкать к новому сосед-

ству. Постепенно начали общаться, обмениваться бытовой утварью, перенимать опыт жизни друг у друга»¹¹.

При прочтении романа возникает когнитивный диссонанс. С одной стороны, автор положительно характеризует русских, немцев, украинцев – преимущественно на уровне межличностного общения. С другой – негативно оценивается политика «русских колонизаторов» в лице Российской империи, Советского Союза. В таблице «Интерпретационные модели в романе Баянгали Алимжанова» показаны примеры восприятия казахского и русского населения, а также «русской» власти. Хронология таблицы включает дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Дореволюционный период характеризуется негативным отношением к политике Российской империи: «наша степь фактически стала колонией русской империи!» (табл.). В советский период важную роль начинает играть патриотизм – «Мы, казахи, русские, все национальности огромной страны, были едиными советскими солдатами, боевыми товарищами и защищали единую Родину», но критикуется русификация республик – «всюду целенаправленно насаждались русскоязычные названия местности, населенных пунктов и улиц, чуждые казахам» (табл.). Период «независимости» рассматривается как время возможностей – «Будем жить, как жили, в мире и согласии,

как равноправные граждане новой независимой страны казахов!» (табл.). В то же время в романе даётся положительная оценка переселенческому русскому сегменту. Разницу в восприятии можно объяснить тем, что мировосприятие автора базируется на установках современной национальной политики Казахстана («о беспощадной колонизации Казахской степи Российской империей»), а также на собственном межкультурном взаимодействии с русскими, украинцами, немцами и другими народами, проживающими в Северном Казахстане. Личное взаимодействие повлияло на сюжетные линии романа: «Наш отец Аманжол, ярый противник царской колонизации, ко всеобщему удивлению, подружился с переселенцем Майдайкином из поселения у озера Жокей (Джукей). Моего отца Аманжоло и Майдайкина казахи прозвали «тамыр»! Почему-то так повелось в народе, что, если казах дружит с русским, то их называли тамыр. Тамыр означает, во первых, корень, во вторых, кровяной сосуд – вена, артерия. Думается мне, что этим многозначительным словом подчёркивается важность казахско-русской дружбы, вот, мол, срослись корнями, или стали кровными братьями»¹². Данный сюжет – один из примеров появления в романе жизненных историй, которые заново родились в произведении в новой форме. У отца писателя был русский друг, которого называли тамыр.

Интерпретационные модели в романе Баянгали Алимжанова

Термин	Примеры использования					
	Дореволюционный период		Советский период		Постсоветский период	
Казахи	С. 12	Да, мы не свободные казахи.	С. 152	Получается, мы, казахи, не могли, не имели право жить по своим обычаям. Нам навязали абсолютно чужой закон, которому мы обязаны были подчиняться.	С. 27	Вот теперь, спустя десятилетия возвращаются на свою родину, теперь уже новую страну, независимую республику Казахстан потомки ушедших поневоле на чужбину казахов.
	С. 19	Казахи не всегда были боданы белого царя.	С. 184	Но беда была в том, что во многих казахских аулах, совхозах не было казахской школы! В ауле Кенаши почти девяносто процентов населения были казахи, но школа была русская.	С. 221	Парадокс был в том, что казахи были хорошими, когда были бодан – подданными, а как только стали независимыми, то вмиг стали плохими.
	С. 23–24	Места здесь красивые, земли плодородные, раньше они принадлежали казахам. Но царские власти просто забрали эти земли.				

Окончание табл.

Термин	Примеры использования					
	Дореволюционный период	Советский период	Постсоветский период			
Русские (переселенцы)	С. 23–24	Наш отец Аманжол, ярый противник царской колонизации, ко всеобщему удивлению подружился с переселенцем Майдайкином.	С. 209	... Тохтар Аубакиров взмыл в космос... ещё интереснее, что казахский батыр – герой полетел в космос вместе с русским Александром Волковым и австрийским космонавтом Францем Фибеком! Ну, опять казах, русский и немец вместе, теперь в космосе!	С. 214	– Мы всегда за дружбу! – ответил, успокоившись, бравый сосед-богатырь и посмотрел на меня открыто. Высказав таким образом друг другу свои исторические обиды, мы, два добрых соседа, при поддержке третьего – Лейке, залпом выпили за дружбу народов. Кажалось, мы этим подписывали народный договор о казахско-русско-немецкой дружбе!
	С. 24	Моего отца Аманжола и Майдайкина казахи прозвали тамыром. Так повелось в народе, если казах дружит с русским, его называют тамыр. Тамыр означает, во-первых, корень, во-вторых, кровяной сосуд – вена, артерия. Думается мне, что этим многогранным словом подчёркивается важность казахско-русской дружбы.				
Русские (в контексте руководящего гос. аппарата)	С. 13	Наша степь фактически стала колонией русской империи!	С. 118	Мы, казахи, русские, все национальности огромной страны, были единими советскими солдатами, боевыми товарищами и защищали единую Родину – СССР! защищая Советский Союз, русский край, мы защищали свою родную землю, свой народ.	С. 213–214	– Ты че, друг наш сердечный, мучаешься как царь Николай Второй перед отречением от престола? Будем жить, как жили, в мире и согласии, как равноправные граждане новой независимой страны казахов! Давай, на прощание с русской водкой и властью, налью по полной! – засмеялся я.
	С. 26	В июне 1916 года вся степь была потрясена указом Белого царя о мобилизации казахов в возрасте от девятнадцати до тридцати одного года на черновые работы на фронтах первой мировой войны. Печально известный в истории Июньский указ стал настоящей трагедией для казахов. Народ не хотел отдавать своих детей на верную гибель и вспомнил клятву царя о том, что русская империя не будет брать казахов на воинскую службу.	С. 176–177	А об ономастике, топонимике невозможно было даже заикнуться – всюду целенаправленно насаждались русскоязычные названия местности, населённых пунктов и улиц, чуждые казахам. Именами людей, не имеющих никакого отношения к Казахстану, назывались города, посёлки и проспекты. Мы понимали, что это тоже проявление политики русификации и ассимиляции, кипели от негодования, говорили даже открыто, но власти нас и слушать не хотели.		– Были времена, когда наши предки властвовали над Московией, над всей великой Русью. Золотая орда Батый хана была полна нашими предками – казахскими племенами! И с тобой согласен, почти триста лет казахи были подданными русской империи! – ответил я спокойно. – История повторяется! Счёт ничейный – 300 на 300! И мы, кажется, квиты!

Источник: Алимжанов Б. Т. Сказ столетнего степняка. – Астана : ИП Сотниченко Е.В., 2018. – 225 с.

У самого Баянгали Токановича тоже много друзей разных национальностей. Степняк – родина автора – это многонациональный город. В 1960 г. в г. Степняке проживало 12 700 человек. К этому времени в результате депортаций, освоения целинных земель в районе сформировалось полиэтничное население: русские, казахи, украинцы, ингуши, чеченцы, татары, немцы и др. [3, с. 205]. *«Помню друзей своего детства. До сих пор встречаемся, обнимаемся как говорится. Абсолютно мне не мешает, что он другой нации, я другой»*¹³ – отмечает Б. Алимжанов. Также он добавляет: *«Пусть процветает каждая нация, пусть процветает их язык, культура, да мы будем как равный с равным дружить. Настоящая дружба бывает между равными. Мы все земляне, у нас единство. Поэтому у меня в романе сказано “история войны должна учить нас миру, а история вражды – дружбе”.* Кроме дружбы и равенства народов свободы нет ничего лучшего, ещё никто ничего не придумал»¹⁴.

Отдельное внимание следует уделить интерпретации топонимов в книге. После распада СССР руководство Республики Казахстан приступило к проведению политики ускоренной «казахизации». При Совете министров РК была сформирована государственная ономастическая комиссия, главной задачей которой стало «возрождение национальной топонимики как важного свидетельства истории и культуры народа» [4, с. 191–193]. Результатом работы комиссии стал запуск механизма переименования улиц и городов, который активно действует вплоть до настоящего времени. В 1993 г. вышло Постановление о транскрибировании на русском языке отдельных топонимов, согласно которому Кокчетавская область превратилась в Кокшетаускую, а г. Кокчетав – в г. Кокшетау¹⁵. В книге современные наименования используются применительно к дореволюционному и советскому периоду. Баянгали Алимжанов называет кокчетавские земли (речь идёт о дореволюционном периоде) «*кокшетауцина*»¹⁶.

Автор также затрагивает вопрос о положении казахского языка в советский период: «Но беда была в том, что во многих казахских аулах, совхозах не было казахской шко-

лы! В ауле Кенащи почти девяносто процентов населения были казахи, но школа была русская»¹⁷. Аул Кенащы (каз. Кеңашы) – это родной аул автора и история о положении казахского языка – это душевные порывы Баянгали Алимжанова. Как он отмечает, «в 70-е годы уже там было стопроцентное обучение на русском языке»¹⁸. Поэтому Баянгали Алимжанов учился в райцентре г. Степняке, где находилась казахская школа.

Формирование языковой политики СССР проходило в 1930-е гг., в 1938 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [5, с. 41]. В 1941 г. был завершён переход народов Советского Союза на кириллицу. Русский язык в республиках выступал гарантом социальной мобильности и карьерного роста.

Казахский язык, по мнению автора романа, в те годы не обладал перспективами: «Когда я окончил 10 классов по-казахски и хотел поехать учиться в КазГУ на филологический факультет (специальность – казахская филология), мне открыто сказали “Зачем ты едешь поступать на казахский факультет? Перспективы нет у казахского языка, всё закрывается, всё будет на русском, езжай поступай на физика-математика”»¹⁹. Несмотря на все сложности, Баянгали Алимжанов поступил в КазГУ на филологический факультет. Вспоминая те годы, он говорит «вот тогда я увидел, что была у нас надежда ещё. И вот мы боролись всю жизнь, вот за выживание, за сохранение, за самосохранение своего языка и культуры»²⁰.

В интервью Баянгали Токанович называет процесс русификации «*болью казахов*», по его мнению – «*когда казахи теряют свой язык, свою культуру, они теряют себя как народ*»²¹. Стоит конкретизировать, что 1970-е гг. в целом автор характеризует положительно: «*строились совхозы, люди обретали профессии, жили хорошо*», но отмечает, как «*народу казахам было очень тяжело*»²². О детях, вынужденных адаптироваться в данной языковой ситуации, Б. Алимжанов пишет: «*Самым ужасным следствием такой диктаторской, шовинистической политики было то, что дети, выросшие и воспитанные до семи лет в чисто казахской семье,*

не сразу усваивали русскоязычное обучение, и в результате выросло целое поколение людей, находящихся в каком-то раздразе»²³.

Таким образом, художественная литература – это способ интерпретации прошлого, картина мира, включающая в себя переплетение реальных историй и художественного вымысла. В романе «Сказ столетнего степняка» представлена общественно-политическая панорама жизни казахского народа в XX в. Произведение, основанное на реальных событиях, является компиляцией историй множества казахстанцев и отражает историческую память народа о прошлом. Не стоит забывать, что роман написан в годы «независимости» и воспоминания о прошлом сформированы через призму времени «независимости» казахской степи. Ряд понятий, используемых автором, являются маркерами современной идентичности казахстанцев. Наиболее яркий пример – понятие «независимость». В романе современные наименования административно-территориальных единиц используются применительно к дореволюционному и советскому периоду: вместо «кокчетавских земель» – «кокшетаущина», вместо «Казахская ССР» встречается современное название республики. Коренное казахское население республики не всегда положительно реагировало на советские топонимические изменения, свидетельством чего является современное желание использовать «казахские» названия применительно к прошедшим эпохам.

Баянғали Алимжанову с помощью текста удалось передать «дух эпохи». Родной язык автора – казахский, текст романа отражает национальный колорит казахского народа. На создание произведения повлиял ряд факторов: общественно-политические условия возникновения романа, биография автора – соседство и дружба с русскими, украинцами, белорусами, немцами и др. некоренными народами Казахстана.

Автору удалось зафиксировать особенности межкультурного взаимодействия народов Северного Казахстана. Роман является источником для изучения антропологических аспектов исторических процессов на постсоветском пространстве, а также – формой трансляции этнокультурной информации. В интервью автор заявляет: «Мне хотелось

рассказать русским языком, русскому и русскоязычному миру о своём народе, о его истории, которую я слышал, которую я пережил. Я сам много раз перечитывал роман, – отмечает автор, – сам радуюсь, до слёз дохожу иногда. Я его писал один год и 8 месяцев. Много раз перечитывал, перечеркивал»²⁴. В заключение хочется отметить, что «Сказ столетнего степняка» – это история о дружбе народов. Как говорит Баянғали Алимжанов, «о дружбе можно много говорить, это же не плакатная дружба, громкими словами этой дружбы не добьёшься, это выстраданная, через кровь, пот, через слезы, через сломанные судьбы. Вот так пришли мы к этой дружбе»²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Баянғали Алимжанов // Литературный портал. – URL: <https://adebiportal.kz/ru/authors/view/4106> (дата обращения: 05.03.2022).

² «История столетия»: Уникальный автор из Казахстана издал свою книгу в Лондоне // Казинформ : междунар. информ. агентство. – URL: https://www.inform.kz/ru/istoriya-stoletiya-unikalnyu-avtor-iz-kazahstana-izdal-svoyu-knigu-v-londone_a3638674 (дата обращения: 05.03.2022).

³ Архив Музея народов Сибири Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (МНС ОЛ ИАЭТ СО РАН). Ф. VII-1. Л. 36.

⁴ Стратегии и программы // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs (дата обращения: 02.03.2022); «МЭНГЛІК ЕЛ» проекты в будущее // Научные статьи Казахстана. – URL: <https://articlekz.com/article/21495> (дата обращения: 03.03.2022).

⁵ Архив МНС ОЛ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Л. 34.

⁶ Там же. Л. 35.

⁷ Там же. Л. 35.

⁸ Алимжанов Б. Т. Сказ столетнего степняка. – Астана : ИП Сотниченко Е.В., 2018. – С. 3.

⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 81. Акмолинская область. – СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – С. IV, 1.

¹⁰ Алимжанов Б. Т. Указ. соч. С. 16.

¹¹ Там же. С. 16.

¹² Там же. С. 16–17.

¹³ Архив МНС ОЛ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Л. 37.

¹⁴ Там же. Л. 37.

¹⁵ Постановление Президиума Верховного Совета Республики Казахстан от 7 октября 1993 г. № 2410-ХІІ «Об упорядочении транскрибирования на русском языке казахских топонимов, наименований и переименовании отдельных административно-территориальных единиц Республики Казахстан» // *Zakon.kz*. – URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=1002411 (дата обращения: 22.02.2022).

¹⁶ *Алимжанов Б. Т.* Указ. соч. С. 7.

¹⁷ Там же. С. 184.

¹⁸ Архив МНС ОЛ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Л. 32.

¹⁹ Архив МНС ОЛ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Л. 32.

²⁰ Там же. Л. 32.

²¹ Там же. Л. 32.

²² Там же. Л. 32.

²³ *Алимжанов Б. Т.* Указ. соч. С. 176.

²⁴ Архив МНС ОЛ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Л. 34.

²⁵ Там же. Л. 38.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. – М. : Новое издательство, 2007. – 348 с.
2. *Абуев К. К.* Кокшетау : исторические очерки. – Кокшетау, 2011.
3. *Подолько В. В.* Школы города Степняка в документах местных архивов // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017. – № 1 (13). – С. 205–211.
4. *Андреев А. А.* Национальная политика Республики Казахстан в период становления российско-казахских отношений 1990–1995 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2009. – Вып. 2. – С. 191–196.
5. *Мякишев А. П.* Национально-языковое строительство в Советском Союзе в послевоенный период: основные направления и тенденции // Известия Саратовского университета. Серия «История. Международные отношения». – 2015. – Т. 15. – Вып. 3. – С. 40–48.

Сведения об авторе

Ключарева Валентина Владимировна – инженер-исследователь Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: valentina1497@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 869343

ORCID: 0000-0001-8403-5865

Информация о статье

Дата поступления
30 сентября 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Ключарева В. В. «Тамыр» русского переселенца, но «бодан белого царя»: антропологические особенности романа «Сказ столетнего степняка» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 151–159. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).151-159.

V.V. Klyuchareva

“TAMYR” OF A RUSSIAN MIGRANT, BUT “BODAN OF THE WHITE TSAR”: ANTHROPOLOGICAL FEATURES OF THE NOVEL “A HUNGRED YEARS ON THE STEPPE”

Fiction, being one of the forms of reflection of public consciousness, shows the value orientations of historical epochs. The study analyzes the novel “A hungred years on the steppe” from an anthropological point of view, it was published in 2018. The author of the novel is Bayangali Tokanovich Alimzhanov – Kazakh poet, playwright, writer, director. Born on October 16, 1954 in Stepnyak, Kokchetav region, Kazakh SSR. He is the author of more than 30 books written in Kazakh and Russian.

“A hungred years on the steppe” is a story about the Kazakh aksakal Asanbai, who tells his grandchildren about the key events of the XX century, being on the threshold of the “new time of independence of the steppe”. The work is based on the life experience of the older generation – the ancestors and fellow countrymen of the author. The text of the book is considered by means of Memory Studies technologies. The novel under study is a symbol of the collective memory of the peoples of

Northern Kazakhstan, created in certain socio-political conditions. During the research, an interview was conducted with the author of the novel. The interview included questions related to the author's biography, the process of creating a novel, the interweaving of artistic images with real stories.

The novel "A hundred years on the steppe" is of interest as a source for studying the anthropological aspects of historical processes in the post-Soviet space, and is also a form of broadcasting ethnocultural information.

Keywords: interethnic relations; the peoples of Kazakhstan; collective memory; fiction; Northern Kazakhstan; national politics.

REFERENCES

1. Hal'bvaks M. *Sotsial'nye ramki pamyati [The social framework of memory]*, Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 348 p. (in Russian).
 2. *Abuev K.K. Kokshetau [Kokshetau]*, historical essays, Kokshetau, 2011. (in Russian).
 3. Podolko V.V. Shkoly goroda Stepnyaka v dokumentakh mestnykh arkhivov [Schools of the city of Stepnyak in the documents of local archives]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki" [Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"]*, 2017, no. 1 (13), pp. 205-211. (in Russian).
 4. Andreev A.A. Natsional'naya politika Respubliki Kazakhstan v period stanovleniya rossiisko-kazakhskikh otnoshenii 1990–1995 gg. [National policy of the Republic of Kazakhstan during the formation of Russian-Kazakh relations 1990-1995]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg University]*, 2009, no. 2, pp. 191-193. (in Russian).
 5. Myakshev A.P. Natsional'no-yazykovoe stroitel'stvo v Sovetskom Souze v poslevoennyi period: osnovnye napravleniya i tendentsii [National-language construction in the Soviet Union in the post-war period: main directions and trends]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [News of Saratov University. History series. International relations]*, 2015, no. 3, pp. 40-48. (in Russian).
-

About the author

Valentina V. Klyuchareva – Research Engineer of the Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: valentina1497@mail.ru

RSCI AuthorID: 869343

ORCID: 0000-0001-8403-5865

Article info

Received
September 30, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Klyuchareva V.V. "Tamyр" of a Russian Migrant, but "Bodan of the White Tsar": Anthropological Features of the Novel "A Hundred Years on the Steppe". *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 151-159. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).151-159 (in Russian).

УДК 393

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).160-172

Ш. К. Ахметова, И. В. Толпеко

ДЕТСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАЗАХОВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Впервые рассматривается детский погребальный обряд казахского населения юга Западной Сибири. Исследование охватывает период со второй половины XX в. до современности. Используются материалы, полученные в ходе экспедиционных работ в Омской, Новосибирской и Тюменской областях. Дано описание всех этапов похорон – от смерти ребёнка до поминок и оформления могилы. Проводится анализ детских захоронений, выявленных в ходе экспедиционных исследований казахских некрополей на территории Омской области. Выяснено, что детский погребальный обряд у казахов в целом является отражением взрослого, но имеет свою специфику. В его основе лежат доисламские представления тюрков, традиции ислама и современные новации. Мусульманская традиция детально регламентирует обращение с душой и телом ребёнка в зависимости от его возраста и обстоятельств смерти. Доисламские черты прослеживались ещё в XX в. в оставлении на детских могилках колыбелей и кроваток. Отмечен своеобразный возврат к доисламским представлениям в начале XXI в. в виде традиции оставлять игрушки на детских захоронениях. Новой тенденцией стала установка оградок и памятных досок с эпитафией на могилках младенцев.

Ключевые слова: детский погребальный обряд; казахи юга Западной Сибири; доисламские традиции; ислам; новации.

Введение

В системе погребально-поминального обряда детские погребения во многих культурах занимают особое место. Распространено отношение к детям как к невинным существам до достижения возраста физиологического созревания, что нашло отражение в похоронном ритуале. В археологических исследованиях детский погребальный обряд в различных аспектах рассматривается достаточно часто, а иногда становится и объектом самостоятельного изучения [1, с. 62–82; 2, с. 107–110; 3, с. 70–79; 4, с. 87–94 и др.]. Даже отсутствие на некрополях детских захоронений косвенно указывает на иной погребальный обряд, применявшийся к детям. В этнографии нет специальных работ по этой проблематике, рассматриваются только отдельные аспекты в рамках исследований различной направленности [5, 1985, с. 288, 301; 6, 2003, с. 65–66 и др.].

Похоронно-поминальный обряд тюркских и мусульманских народов, в том числе казахов, изучен достаточно полно. Однако детский погребальный обряд, который отличается своей спецификой, практически не

освещен, хотя различные аспекты этнопедагогики, обрядов рождения и детства представлены в разделах монографий и отдельных статьях. Отсутствие этнографических публикаций по этой теме побудило авторов обратиться к рассмотрению детского погребального обряда на примере казахского населения юга Западной Сибири.

Работа основана на материалах Казахских этнографических экспедиций 2006 и 2009 гг. по Новосибирской, Омской и Тюменской областям и Международных казахских археолого-этнографических экспедиций ИАЭТ СО РАН 2010–2013 гг., 2020–2021 гг. по южным и юго-западным районам Омской области и г. Омску. В ходе исследования были использованы методы полевой этнографии. Рассматривается период со второй половины XX в. до современности.

Значение возраста и обстоятельств смерти в детском погребальном обряде казахов

В научной литературе существуют разные возрастные классификации детей, начиная с внутриутробного периода или младенчества до совершеннолетия [7, с. 185–190; 8,

с. 388–392]. В исламе возраст совершеннолетия связывают с наступлением физиологической зрелости организма в период от 9 до 15 лет¹. Наиболее распространённым среди сибирских мусульман является рубеж в 13 лет. Однако у казахского населения существует традиционное разделение по возрасту [9, с. 290–291; 10, с. 51–55]. У казахов до настоящего времени после рождения ребёнка выделяется переходный период до 40 дней – *қырқы, шілде*. Сразу после купания на новорожденного надевали специальную рубашку – *ит көйлек* (собачья рубашка), связанную с представлением о потусторонней сущности собаки². Согласно традиционному мировоззрению, новорожденный в течение 40 дней ещё тесно связан с потусторонним миром. Большая часть детских обрядов у казахов Западной Сибири приходится именно на этот период: *шілдехана* – охрана новорожденного от злых духов в первые три ночи; *калжа* – для восстановления физических сил матери и укрепления физического и духовного развития ребёнка; *ат қою* или *азан шақыру* – имянаречение; *бесікке салу* – укладывание в колыбель. Всё это время младенца оберегают от посторонних глаз и воздействия потусторонних сил. После проведения обряда *қырқынан шығару* – выхода из 40 дней, во время которого малютку купают в воде с серебряными монетками, состригают внутриутробные волосы и снимают *ит көйлек*, младенец становится членом реального мира [11, с. 340–346].

Обстоятельства смерти детей бывают разные. По данным информантов в советские времена при родах в больнице мертворожденных не хоронили, потому что их тела не отдавали родителям. В Российской Федерации похороны мертворожденных или умерших после родов детей регулируются законодательством в соответствии с юридическим определением плода и младенца. Если ребёнок умер до достижения 197 дня (менее 28 недель) внутриутробного развития, то это плод, даже если недоношенные младенцы в возрасте менее 28 недель умерли после родов. В таких случаях похороны относятся к компетенции родильного дома. Похороны подпадающих под определение «младенец» регламентируются федеральным законом «О погребении и похоронном деле»³. Хоро-

нут таких детей без отпевания и в христианстве, и в исламе, в остальном принятые традиции соблюдаются.

Улемы Духовного управления мусульман Казахстана в 2018 г. вынесли *фетву* (*фетва* – решение, принятое на основе шариата) о погребении выкидышей, мертворожденных и младенцев, умерших во время родов. Если у женщины произойдёт выкидыш до 81 дня после зачатия, когда у плода ещё не сформированы руки, ноги, волосы, то мусульманские погребальные обряды не проводятся. Если выкидыш произойдёт после 81 дня, когда уже сформированы руки, ноги и другие части тела, то плод должен быть завернут в чистую белую ткань и захоронен. В случае рождения полностью сформированного мёртвого ребёнка, его следует обмыть, дать ему имя и похоронить без *жаназы*. Если ребёнок умер после родов, то ему надо дать имя, обмыть, завернуть тело в *кафан* и провести погребение с *жаназой*. *Кафан* состоит из трёх кусков ткани: для нижней, верхней частей тела и большого отреза (*лифаф*), в который заворачивают ребёнка⁴.

Детский погребальный обряд

У казахов юга Западной Сибири погребальный обряд в отношении детей в целом совпадает с общими нормами ислама, однако, по сравнению со взрослыми, он проводится в сокращённом варианте. Умершие до наступления половой зрелости считаются безгрешными. По этой причине малышам во время похорон *талкын* не читают, так как могильный допрос предназначен только для совершеннолетних и умственно полноценных людей. Если новорожденный умер после рождения, *жаназу* читают, как и другим детям, не достигшим полового созревания. Считается, что при этом благодать невинных существ идёт родителям. Для них также не проводят поминальный цикл от 3 дней до года⁵. В Омской области младенцам и маленьким детям *жаназу* читают сами или приглашают имама, поминок не устраивают. Отдельные семьи до 40 дней по четвергам приглашают на угощение с ритуальными лепёшками *шелтек* соседок и пожилых женщин. *Кафан*, который в обследованных регионах Сибири называют *кебін, ақырет*, детям кроют, как и взрослому, в трёх частях: рубашка, штанишки и отрез ткани для оборачивания.

Один из информантов сказал, что выкраивал штанишки и рубашку даже для новорожденного сына. При родах в домашних условиях выкидышей, обернув пеленкой, просто закапывают в землю. Если плод был полностью сформирован, мертворожденному ребёнку дают имя и хоронят после обмывания, завернув в белую ткань. *Жаназа* в таких случаях не проводят, потому что они не пришли в эту реальность и остались в потустороннем мире. Однако, если в семье есть старые люди, то читают молитвы для умножения собственной благодати. С 12-летнего возраста, а иногда и с 9 лет – при появлении первых половых признаков, проводят полный погребально-поминальный обряд. Но в таких случаях поминки обычно проходят более скромно – в кругу родственников, друзей и соседей. Лошадь не режут, обходятся лишь жертвоприношением баранов.

Детские захоронения

Могилы детей зафиксированы нами на всех казахских кладбищах, на которых была возможность произвести их идентификацию по внешнему виду или по надписям на могильных плитах. Внешне они всегда выделяются небольшой надмогильной насыпью. Конструкцию детской могилы по ней уста-

новить невозможно. У взрослых захоронений нередко фиксируется проседание почвы в месте расположения подбоя. Однако на детских могилах отмечено только общее нивелирование могильного холмика (оплывание, равномерное проседание). По этнографическим данным, умершему ребёнку копают небольшую (длиной 0,8–1 м и более) и неглубокую яму в зависимости от возраста и роста. Обустраивается *лахат*, который закрывают так же, как и взрослым, например, косым накатом досок.

Детей стараются хоронить с умершими членами семьи в одной ограде или рядом, если нет места внутри ограждения. В приведенном ниже примере (рис. 1) детская могила расположена рядом со взрослой и на ней установлена оригинальная маленькая ограда, выполненная из тех же материалов и в том же стиле, что и взрослая.

При одновременной смерти матери и ребёнка их хоронят в одной могиле или рядом, в одной ограде (рис. 2).

По ориентации детские могилы не выделяются среди взрослых, они всегда вписаны в общие ряды. Ограды же у отдельно стоящих детских захоронений меньше по периметру и ниже взрослых (рис. 3).

Рис. 1. Кладбище аула Тумба (Москаленский район Омской области). Взрослая и детская ограды, выполненные в одном стиле. Фото И. В. Толпеко, 2010 г.

Рис. 2. Кладбище Хаир Ихсан (Омский район Омской области). Могилы матери и детей, погибших в результате несчастного случая. Фото И. В. Толпеко, 2020 г.

Рис. 3. Кладбище Хаир Ихсан (Омский район Омской области). Старая детская могила с новой деревянной оградкой. Фото И. В. Толпеко, 2020 г.

Могилку ребёнка ограждают так же, как и у взрослых, в течение года. Можно предположить, что ранее очень маленьким детям ограды не ставились и они быстро нивелировались с поверхностью. Однако в последние годы появилась новая тенденция – устанавли-

вать оградки и памятные доски с рисунком и эпитафией даже на могилках младенцев (рис. 4; 5).

В ходе экспедиционных исследований 2013 г. на одной могиле кладбища Каржас Одесского района Омской области нами

Рис. 4. Кладбище Бибатыр (Омская область, Азовский район). Могилы близнецов с игрушками. На металлической ограде мемориальная доска с эпитафией и рисунком. Фото И. В. Толпеко, 2020 г.

Рис. 5. Кладбище Бибатыр (Омская область, Азовский район). Детская могила с мемориальной доской на ограде и погремушкой. Фото И. В. Толпеко, 2020 г.

закреплено самодельная алюминиевая доска, прикреплённая к металлической ограде. На ней были вырезаны имена 11 детей с датами их рождения и смерти (рис. 6).

При опросе информантов выяснилось, что это могила трагически погибшего в 15-летнем

возрасте Ермака Кармуллина. Рядом находятся оплывшие и заросшие травой и кустарниками, не ограждённые захоронения его братьев и сестёр, умерших в младенчестве. Самая ранняя могилка датируется 1956 г., а наиболее поздняя 1968 г. Имя с датой рож-

дения и смерти «1970 ж. – 17/ХІІ – 30/ХІІ» пытались стереть. Это были дети Жексембая Кармуллина 1915 г. р. Обращает внимание тот факт, что всем детям, даже прожившим от одного до нескольких дней, были даны имена. Сыну, рождённому через полтора месяца после смерти 15-летнего Ермака, роди-

тели, вероятно в память, дали то же имя, ребёнок прожил всего два месяца.

На Старомусульманском кладбище в г. Омске нами зафиксировано захоронение ребёнка, оградкой для которого стала детская металлическая кроватка (рис. 7).

Рис. 6. Кладбище Каржас (Одесский район Омской области). Алюминиевая доска с указанием имён и дат жизни умерших детей Ж. Кармуллина. Фото И. В. Толпеко, 2013 г.

Рис. 7. Старомусульманское кладбище (г. Омск). В качестве оградки на детской могиле установлена металлическая детская кроватка. Фото И. В. Толпеко, 2020 г.

Следуя за традицией оставления на могилах детей люлек, логично заключить, что это была кроватка умершего ребёнка. Казахи могут много лет хранить *besik* (колыбель) выросших детей на чердаке, но в случаях смерти малышей игрушки, колыбели, кроватки оставляли на могилке. В г. Омске на старом кладбище аула Каржас (за улицей 4-я Тюкалинская) на детских могилах стояли колыбели и кроватки. Они исчезли в конце 1980 – начале 1990 гг., когда рядом жители многоэтажек нового микрорайона стали разбивать самопальные огороды, для ограждения которых использовали ограды, в том числе и детские кроватки с этого некрополя. О казахской традиции оставлять колыбели умершего младенца на могиле есть упоминания в источниках XIX – начала XX вв.⁶ Ф. А. Фиельструп писал: «Над могилой детей кладется люлька, если ребёнок спал ещё в люльке»⁷. Об оставлении на могилах детей колыбелей сообщают И. Г. Георги⁸ и А. И. Левшин⁹. Истоки этой традиции уходят в доисламское время. В. Г. Кубарев для древнетюркских погребений как третий тип выделяет скальные могилы, среди которых особое внимание обращает на младенцев, захороненных с колыбелями [12, с. 21–22]. Случай оставления колыбели в могиле ребёнка зафиксирован М. А. Корусенко на татарском могильнике Бергамак II [6, с. 45]. Однако распространение этого обычая фиксируется у разных народов и в широких хронологических границах. Детским захоронениям в колыбели эпохи бронзы Урало-Сибирского региона (окуневская и алакульская культуры) посвящена статья С. В. Сотниковой [13, с. 24–36]. Захоронение в колыбели на дереве детей, у которых не прорезались зубы, у северных хантов и манси отмечала З. П. Соколова¹⁰. Е. М. Тоцакова указывает на то, что у кумандинцев вместе с ребёнком в возрасте до года хоронили его колыбель¹¹. У тувинцев-шаманистов похороны детей были как у взрослых. Умерших в колыбельном возрасте захоронивали вместе с колыбелью, которую, как и одежду умершего, специально приводили в негодность¹². Существовала подобная традиция, например, и у сербов: «Если младенец умирал в своей колыбели, то колыбель нужно было сломать и выбросить туда, куда выбрасывают все «смертные»

предметы (в текущую воду, на дерево или под какой-нибудь забор), или же продать, чтобы следующих детей защитить от смерти. Иногда младенцев хоронили в их колыбели или оставляли колыбель на могиле»¹³. Эти данные, несмотря на некоторые отличия в деталях, свидетельствуют о формировании в разных этносах универсалий, являющихся общими для ряда культур.

В мировоззрении казахов *besik*, как и *шанырақ*, имел сакральное значение, как олицетворение родного дома, гнёздышка младенца. Обряд укладывания в колыбель был очень важным и сопровождался благопожеланиями для малютки. В старину их начинали со словами: «*Балаланың бесігі – көн дүниенің есігі*» (Колыбель ребёнка – дверь во Вселенную). У тувинцев сумона Цаган-Нур Хубсугульского аймака Монголии колыбель называют *кавай* [14, с. 77]. У алтайцев слово *кабай* употребляется в двух значениях как колыбель и гроб [15, с. 175–176]. В Этимологическом словаре тюркских языков Э. В. Севортяна значение слова *бишик / beşik* возводится не только к традиционной люльке, колыбели, младенцу, потомству, но и метафорически к гробу¹⁴. Семантическая оппозиция «рождение – смерть» в тюркоязычном фольклоре позволяет интерпретировать связь колыбели с круговоротом жизни, переходом как в этот, так и в иной мир [15, с. 175–176].

Частым спутником детских казахских могил на современном этапе являются игрушки. Это может быть погремушка, повешенная на доску в головах могилы (рис. 5), одна или несколько игрушек, выложенных на могильном холмике (погремушки, машинки и мягкие, резиновые, пластиковые зверюшки). Из-за предрассудков вещи и игрушки умершего ребёнка никто не возьмёт, родители тоже не используют их при рождении последующих детей. Некоторые хранят вещи младенца, но никому не дают ими пользоваться. Имамы в таких случаях объясняют людям, что ислам не поддерживает суеверия, а предметами и вещами, находящимися в хорошем состоянии, надо пользоваться. Тем не менее, поверья, связанные со страхом потерять детей, ещё стойко держатся в сознании казахского населения Западной Сибири. Игрушки оставляют даже детям, которые умерли в возрасте всего нескольких дней, ещё

в больнице (рис. 4). На наш взгляд, это отголоски доисламской традиции. Из тувинского фольклора дошли такие строки: «Душа младенца бывает там, где его кукла, колыбель, шуба, сапожки, рожок...»¹⁵. В. П. Дьяконова пишет о том, что тувинцы умершему ребёнку, который уже ходил и не спал в колыбели, в могилу не клали никаких вещей домашнего обихода, так как при жизни он ими ещё не пользовался. Его хоронили с любимыми игрушками¹⁶.

По наличию машинок погребения, даже без надписей, можно идентифицировать как могилы мальчиков (рис. 4, 8). Таким образом, погребальный обряд маленьких детей может нести гендерную информацию. Обращает внимание отсутствие на детских могилах антропоморфных игрушек (кукол, роботов и др.), что можно связать с влиянием ислама.

Ареал распространения этой традиции на сегодняшний день не установлен. Мы можем только отметить, что игрушки на могилах маленьких детей стали обычным явлением в казахском погребальном обряде на территории Омской области. В Новосибирской области и в Павлодарской области Республики Казахстан игрушки на детских захоронениях отсутствуют. Однако их наличие отме-

чено Ю. С. Макуровым на мусульманских кладбищах степной зоны Челябинской области [16, с. 105].

Обсуждение

Детский погребальный обряд казахского населения юга Западной Сибири в целом проводится по той же схеме, что и взрослый. Однако в нём большую роль играет возрастная градация и характер смерти. Особенно отличаются похороны детей, умерших до рождения или в младенческом возрасте. Среди них выделяются подгруппы, в которых из структуры погребального обряда исключаются определённые действия. Причём изменения, как правило, касаются этапов до захоронения (обращение с саваном, наличие или отсутствие *жаназы*) и после похорон (сопровождение могилы игрушками, отсутствие поминок). Чем старше ребёнок, тем меньше таких исключений и отклонений.

Непосредственно обряд погребения осуществляется практически как у взрослых, только все делают в уменьшенном варианте – меньше по длине, ширине и глубине могила. Разницы в глубине могил для мальчиков и девочек не существует. В этом отношении следует пояснить, что женщин в погребальной традиции казахов юга Западной Сибири

Рис. 8. Кладбище Красный пахарь (Черлакский район Омской области). Детская могила с большим количеством игрушек, половину из которых составляют машинки. Фото И. В. Толпеко, 2021 г.

хоронят глубже из-за их большей греховности [11, с. 350–351]. К детям это неприменимо, так как они считаются безгрешными. Это подтверждает визуальный осмотр надмогильных холмиков разнополых близнецов. Доски, традиционно устанавливаемые в головах и в ногах, оформлением и шириной близки к взрослым. Однако у маленьких детей их высота на поверхности, как правило, не превышает 0,5–0,6 м (рис. 3, 4). Следует также отметить, что в настоящее время даже на могилках младенцев стали устанавливать маленькие оградки и памятные доски с эпитафией.

Характерным отличием от взрослых захоронений ранее было оставление на детских могилках колыбелей и кроваток. Данная традиция уходит своими корнями в доисламские представления. Однако, с внедрением ислама и его запретом на сопроводительный инвентарь, колыбели стали оставлять на могиле, а не в ней. В настоящий момент эта традиция ушла в прошлое. Новой тенденцией стало оставление на могилах маленьких детей игрушек. По нашему мнению, это является своеобразным возвратом к доисламским представлениям о снабжении умершего набором сопроводительного инвентаря. Это делается в рамках появившейся к современному казахскому погребальному обряду общей практики оставлять на могиле вещи умершего (головные уборы, четки), предметы, указывающие на род его деятельности (руль, военная символика) и подношения (деньги, сигареты) [17, с. 272]. В случае же с детьми – это игрушки. Они, в отсутствие надписей, являются также гендерным идентификатором (мальчикам – машинки).

В качестве отдельного момента следует отметить то, что в детских похоронах у казахов принимает участие только ограниченный круг самых близких людей. Это значительно отличает их от взрослого мероприятия такого плана, который традиционно собирает большое количество родственников и знакомых. С наступлением половой зрелости у подростков погребальный обряд проводится как у взрослых.

Заключение Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что детский погребальный обряд у казахов юга Западной Сибири выстроен по тем же канонам, что

и взрослый, в соответствии с исламом, однако он обладает своими характерными особенностями. Во второй половине XX в. ещё можно было проследить отголоски доисламских представлений (колыбели и кроватки на могилах). В настоящее время погребальный обряд продолжает видоизменяться. В частности, нами зафиксировано, что в XXI в. у казахов юга Западной Сибири наблюдается своеобразный возврат к доисламским традициям в той его части, которая касается внешнего оформления могилы. Для детских погребений это выразилось в оставлении на могилках игрушек. Из новаций также можно отметить установку оградок и памятных досок с эпитафией на могилках младенцев. Детскому погребальному обряду в этнографической науке уделялось мало внимания. Отдельных исследований, посвящённых этой теме до сих пор не было. Результаты проведенного исследования показывают, что он может быть самостоятельным объектом изучения.

Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность руководителю казахского национально-культурного центра Одесского района Омской области Рахмету Кудайбергеновичу Оспанову за помощь в работе экспедиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бутаев У. Наступление совершеннолетия согласно Исламу [Электронный ресурс]. – URL: <https://islamcivil.ru/nastuplenie-sovershennoletiya-soglasno-islamu/>.

² Кондыбай С. Казахская мифология : краткий словарь. – Алматы : Нурлы Алем, 2005. – С. 205.

³ Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ (ред. от 30 августа 2021 г.) «О погребении и похоронном деле» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2022 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8919/591f64de6d98b263c1e0fef7d5d149c12cabe210/ (дата обращения: 17.04.2022).

⁴ Мертворожденных надо хоронить, но джаназу-намаз читать нельзя [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zakon.kz/4915618-mertvorozhdennyh-nado-horonit-no.html> (дата обращения: 25.04.2022).

⁵ Сущность смерти и похоронный обряд. По мазхабу имама аш-Шафи'и. – Махачкала, 2009. – С. 291.

⁶ Обычаи киргизов Семипалатинской области // Русский вестник: журнал литературный и поли-

тический. – Т. 137. – М. : Университетская типография М. Каткова на Страстном Бульваре, 1878. – С. 54.

⁷ *Фиельструп Ф. А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. – М. : Наука, 2002. – С. 120.

⁸ *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Часть вторая о народах татарского племени и других не решенного ещё происхождения Северных Сибирских. – СПб. : Императорская академия наук, 1799. – С. 139. – URL: <https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/212378/1/MDAwMDAwMDZfR2VvcmdpIEkuSS4gT3Bpc9CwbmlIHZzZWtoIG9iaXTQsH1lc2hjaGlraCB2IFJvc3NpeS5wZGY=> (дата обращения: 12.03.2022).

⁹ *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. – Алматы : Санат, 1996. – С. 341.

¹⁰ *Соколова З. П.* О некоторых погребальных обычаях северных хантов и манси // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск : Наука, 1978. – С. 171.

¹¹ *Тошцакова Е. М.* Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX вв.). – Новосибирск : Наука, 1978. – С. 154.

¹² *Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л. : Наука, 1975. – С. 68–69.

¹³ *Толстая С. М.* Колыбель // Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 561.

¹⁴ *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». – М. : Наука, 1978. – С. 123.

¹⁵ *Кенин-Лопсан М. Б.* Мифы тувинских шаманов. Тыва хаманарнын торулгалары. – Кызыл : Новости Тувы, 2002. – С. 32.

¹⁶ *Дьяконова В. П.* Указ. соч. – С. 69.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балабанова М. А.* Морфология детских захоронений ранних кочевников Нижнего Поволжья (по материалам могильников раннесарматского времени) // Нижневолжский археологический вестник. – 2017. – Т. 16. – № 1. – С. 62–82.
2. *Берсенева Н. А.* Гендерный анализ детских погребений в древних обществах: теоретические подходы, проблемы и перспективы // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск : Аграф-Пресс, 2010. – С. 107–110.
3. *Гусев Ал. В.* Богатые детские захоронения могильника Зеленый Яр на севере Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – № 3 (48). – С. 70–79. – DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.3.070-079.
4. *Серегин Н. Н.* Детские погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 3 (22). – С. 87–94.
5. *Гаджиева С. Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. – М. : Наука, 1985. – 358 с.
6. *Корусенко М. А.* Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. – Новосибирск : Наука, 2003. – 192 с.
7. *Ваганов П. Д., Яновская Э. Ю., Манджиева Э. Т.* Периоды детского возраста // Российский медицинский журнал. – 2018. – № 24 (4). – С. 185–190. – DOI: 10.18821/0869-2106-2018-24-4-185-190.
8. *Эргешова К. А.* Историческая эволюция деления детей по возрастному признаку [Электронный ресурс] // Бюллетень науки и практики. – 2021. – Т. 7. – № 2. – С. 387–393. – URL: <https://www.bulletennauki.com> (дата обращения: 03.04.2022). – DOI: 10.33619/2414-2948/63/43.
9. Казахи. Историко-этнографическое исследование. – Алматы : Казахстан, 1995. – 352 с.
10. *Шаханова Н.* Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). – Алматы : Казахстан, 1998. – 184 с.
11. *Ахметова Ш. К., Томилов Н. А.* Казахи аула Қасқат: традиции и инновации в культуре казахского населения Западной Сибири. – Омск : Издат. дом «Наука», 2013. – 392 с.
12. *Кубарев Г. В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 400 с.
13. *Сотникова С. В.* Детские захоронения в колыбели эпохи бронзы Урало-Сибирского региона: в поисках аналогов // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2016. – С. 24–36.
14. *Айыжы Е.* Погребально-поминальный обряд тувинцев Баян-Ульгийского и Хубсугульского аймаков Монголии // Новые исследования Тувы. – 2017. – № 1. – С. 73–81. URL: https://www.researchgate.net/publication/317576139_Pogrebavno-pominalnyj_obrad_tuvincev_Baan-Ulgijskogo_i_Hubsugul'skogo_ajmakov_Mongolii (дата обращения: 15.04.2022).
15. *Мишенькина Е. В., Извекова Т. Ф.* Оппозиция «смерть – рождение» в переходных обрядах, связанных с детьми, у алтайцев // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 4. – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 175–177.

16. Макуров Ю. С. Мусульманские кладбища степной зоны Челябинской области (предварительные итоги полевых исследований 2013–2016 гг.) // Археология Среднего Приоболжья и сопредельных территорий : материалы межрегионального круглого стола, посвящ. 50-летию Курганской археологической экспедиции (8 декабря 2016 г.). – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. – С. 103–108.
17. Ахметова Ш. К., Толпеко И. В. Новации в погребальном обряде казахов Западной Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России : в 2 т. – Омск ; Сургут : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. – Т. 2. – С. 270–273.

Сведения об авторах

Ахметова Шолпан Камалидиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644024, Россия, Омск, пр. Карла Маркса, 15

E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: 3744-3525

ORCID: 0000-0002-8925-0772

Толпеко Ирина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: itolpeko@yandex.ru

РИНЦ SPIN-код: 6209-2181

ORCID: 0000-0002-3085-2330

Информация о статье

Дата поступления

1 октября 2022 г.

Дата принятия в печать

15 октября 2022 г.

Для цитирования

Ахметова Ш. К., Толпеко И. В. Детский погребальный обряд казахов юга Западной Сибири // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 160–172. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).160-172.

Sh.K. Akhmetova, I.V. Tolpeko

CHILDREN'S FUNERAL RITE OF THE KAZAKHS OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA

The article considers for the first time the children's funeral rite of the Kazakh population in the south of Western Siberia. The study covers the period from the second half of the 20th century to the present. The materials obtained in the course of expeditionary work in the Omsk, Novosibirsk and Tyumen regions were used. A description of all stages of the funeral is given – from the death of a child to the commemoration and decoration of the grave. An analysis of children's graves, identified during expeditionary research of Kazakh cemeteries in the Omsk region, is carried out. The special role in the children's funeral rite of the age and circumstances of the child's death is considered. The transition to the adult burial variant is defined as variable. The onset of physiological maturity served as a milestone. Based on the studied sources, it is concluded that the children's funeral rite among the Kazakhs as a whole is a reflection of an adult, however, it has its own well-defined features. Three main sources of their formation are singled out: the traditions of Islam, pre-Islamic ideas and innovations. The Muslim tradition regulates in detail the treatment of the soul and body of a child, depending on his age and circumstances of death. The clearest gradation exists for newborns. The Muslim rite of burial with zhanaza is performed only for newborns born alive. The stillborn, according to Islamic norms, are given a name, washed, wrapped in a shroud, but they do not read the zhanaza. An unformed fruit is simply wrapped in cloth and buried in the ground. Pre-Islamic features can be traced back in the 20th century. In leaving cradles and cribs on children's graves. A peculiar return to pre-Islamic ideas at the beginning of the 21st century is noted. In the form of a tradition to leave toys at children's graves. A new trend was the installation of fences and memorial plaques with an epitaph on the graves of babies.

Keywords: children's funeral rite; Kazakhs south of Western Siberia; pre-Islamic traditions; Islam; novations.

REFERENCES

1. Balabanova M.A. Morfologiya detskikh zakhoroneni rannikh kochevnikov Nizhnego Povolzh'ya (po materialam mogil'nikov rannesarmatskogo vremeni) [Morphology of children's burials of early nomads of the Lower Volga region (based on the materials of the burial grounds of the Early Sarmatian time)]. *Nizhnevolzhskii arkhologicheskii vestnik* [*Nizhnevolzhsky Archaeological Bulletin*], 2017, vol. 16, no. 1, pp. 62-82. (in Russian).
2. Berseneva N.A. Gendernyi analiz detskikh pogrebenii v drevnikh obshchestvakh: teoreticheskie podkhody, problemy i perspektivy [Gender analysis of children's burials in ancient societies: theoretical approaches, problems and prospects]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkhologo-etnograficheskikh soveshchani* [*Culture as a System in a Historical Context: The Experience of West Siberian Archaeological and Ethnographic Meetings*], collection of scientific articles, Tomsk, Agraf-Press Publ., 2010, pp. 107-110. (in Russian).
3. Gusev A.I.V. Bogatyie detskie zakhoroneniya mogil'nika Zelenyi Yar na severe Zapadnoi Sibiri [Rich Burials of Children at Zeleny Yar, Northwestern Siberia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [*Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*], 2020, no. 3 (48), pp. 70-79. DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.3.070-079. (in Russian).
4. Seregin N.N. Detskie pogrebeniya rannesrednevekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona [Children's burials of the early medieval Turks of the Altai-Sayan region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [*Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*], 2013, no. 3 (22), pp. 87-94. (in Russian).
5. Gadzhieva S.Sh. *Sem'ya i brak u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v.* [*Family and marriage among the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th century*], Moscow, Nauka Publ., 1985, 358 p. (in Russian).
6. Korusenko M.A. *Pogrebal'nyi obryad tyurkskogo naseleniya nizov'ev r. Tara v XVII–XX vv.: Opyt analiza struktury i sodержaniya* [*Funeral rite of the Turkic population of the lower reaches of the Tara River in the 17th – 20th centuries: Experience of analyzing the structure and content*], Novosibirsk, Nauka Publ., 2003, 192 p. (in Russian).
7. Vaganov P.D., Yanovskaya E.Yu., Mandzhieva E.T. Periody detskogo vozrasta [Periods children's age]. *Rossiiskii meditsinskii zhurnal* [*Russian Medical Journal*], 2018, no. 24 (4), pp. 185-190. (in Russian).
8. Ergeshova K.A. Istoricheskaya evolyutsiya deleniya detei po vozrastnomu priznaku [Historical evolution of the division of children by age]. *Byulleten' nauki i praktiki* [*Bulletin of Science and Practice*], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 387-393, available at: <https://www.bulletennauki.com> (accessed: 03.04.2022). DOI: 10.33619/2414-2948/63/43. (in Russian).
9. Taizhanova G.E. (ed.). *Kazakhi. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [*Kazakhs. Historical and ethnographic research*], Almaty, Kazakhstan Publ., 1995, 352 p. (in Kaz.).
10. Shakhanova N. *Mir traditsionnoi kul'tury kazakhov (etnograficheskie ocherki)* [*The world of traditional Kazakh culture (ethnographic essays)*], Almaty, Kazakhstan Publ., 1998, 184 p. (in Kaz.).
11. Akhmetova Sh.K., Tomilov N.A. *Kazakhi aula Kaskat: traditsii i innovatsii v kul'ture kazakhskogo naseleniya Zapadnoi Sibiri* [*Kazakhs of the aul of Kaskat: traditions and innovations in the culture of the Kazakh population of Western Siberia*], Omsk, Izdat. dom "Nauka" Publ., 2013, 392 p. (in Russian).
12. Kubarev G.V. *Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov)* [*Culture of the ancient Turks of Altai (based on the materials of funerary monuments)*], Novosibirsk, Institute Archaeology and Ethnography SB RAS Publ., 2005, 400 p. (in Russian).
13. Sotnikova S.V. Detskie zakhoroneniya v kolybeli epokhi bronzy Uralo-Sibirskogo regiona: v poiskakh analogii [Children's burials in the cradle of the Bronze Age of the Ural-Siberian region: in search of analogies]. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovani* [*Theory and practice of archaeological research*], collection of scientific articles, Barnaul, Altai State University Publ., 2016, pp. 24-36. (in Russian).
14. Aiyzhy E. Pogrebal'no-pominal'nyi obryad tuvintsev Bayan-Ul'giiskogo i Khubsugul'skogo aimakov Mongolii [Funeral and memorial rite of the Tuvans of Bayan-Ulga and Khubsugul Aimag of Mongolia]. *Novye issledovaniya Tuvy* [*New studies of Tuva*], 2017, no. 1, pp. 73-81, available at: https://www.researchgate.net/publication/317576139_Pogrebalno-pominalnyj_obrad_tuvincev_Baan-Ulgijskogo_i_Hubsugulskogo_ajmakov_Mongolii. (in Russian).
15. Mishen'kina E.V., Izvekova T.F. Oppozitsiya "smert' – rozhdenie" v perekhodnykh obryadakh, svyazannykh s det'mi, u altaitsev [The opposition of "death – birth" in the transitional rites associated with children among the Altaians]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [*Yaroslavl Pedagogical Bulletin*], 2012, no. 4, vol. I (Gumanitarnye nauki), pp. 175-177. (in Russian).
16. Makurov Yu.S. Musul'manskie kladbishcha stepnoi zony Chelyabinskoi oblasti (predvaritel'nye itogi polevykh issledovani 2013-2016 gg.) [Muslim cemeteries of the steppe zone of the Chelyabinsk region (preliminary results of field research 2013-2016)]. *Arkheologiya Srednego Pritobol'ya i sopredel'nykh territorii* [*Archaeology of the Middle Tobol Pool and adjacent territories*], proceedings of the interregional

- round table dedicated to the 50th anniversary of the Kurgan Archaeological Expedition (December 8, 2016), collection of scientific articles, Kurgan, Kurgan State University Publ., 2016, pp. 103-108. (in Russian).
17. Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. Novatsii v pogrebal'nom obryade kazakhov Zapadnoi Sibiri [Innovations in the funeral rite of the Kazakhs of Western Siberia]. *Kul'tura russkikh v arkhelogicheskikh issledovaniyakh: arkhelogiya Severa Rossii* [Russian Culture in Archaeological research: the Archaeology of the North of Russia], collection of scientific articles, vol. 2, Omsk, Surgut, Izdatel'skaya gruppа ANO "Institut arkhelologii Severa" Publ., 2021, pp. 270-273. (in Russian).
-

About the authors

Sholpan K. Akhmetova – PhD of Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute Archaeology and Ethnography SB RAS (Omsk, Russia)

Postal address: 15, Marksa pr., Omsk, 644024, Russia

E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

RSCI SPIN-code: 3744-3525

ORCID: 0000-0002-8925-0772

Irina V. Tolpeko – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Ethnology, Anthropology, Archaeology and Museology of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: itolpeko@yandex.ru

RSCI SPIN-code: 6209-2181

ORCID: 0000-0002-3085-2330

Article info

Received
October 1, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. Children's Funeral Rite of the Kazakhs of the South of Western Siberia. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 160-172. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).160-172 (in Russian).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФАЛАНГ БЫКОВ НАСЕЛЕНИЕМ СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЫ В ЭНЕОЛИТЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-VI)

Рассматриваются двадцать экземпляров вторых фаланг быков из первого горизонта энеолитического поселения Новоильинка-VI. Выделены артефакты, имеющие следы обработки или использования разной степени интенсивности – от едва заметных следов на отдельных участках до воздействий, полностью изменивших (модифицировавших) естественную костную поверхность. Рассматриваются версии неутилитарных действий с фалангами (различные игры) и использование части артефактов в качестве лоцил, абразивов, а также грузиков-утяжелителей.

Ключевые слова: Северная Кулунда; поселение Новоильинка-VI; энеолит; вторые фаланги быков; *Bos taurus*; неутилитарная деятельность; игры; лоцила.

Введение. Поселение Новоильинка-VI находится в Хабаровском районе Алтайского края (рис. 1), в 8 км к западу от с. Новоильинка.

Исследования поселения Новоильинка-VI позволили существенно расширить имеющиеся представления об энеолите юга Западной Сибири [1, с. 155–156]. В ходе раскопок первого горизонта была найдена выразительная серия орудий из кости: «копьевидные орудия», трепала, лоцило, шпатель, наконечник стрелы, фрагменты наконечников стрел, острие, орудия из лопаток и челюстей лошадей, метаподиальные кости лошади со следами подпиливания и заготовки орудий, обнаружено по одной кости с орнаментом и с царапинами [2]. Вызывают интерес изделия из первых фаланг лошади: «изделие с желобком»; наковальня; двенадцать «подшипников скольжения» [2, с. 32–33, рис. 4, 12].

Для первого культурного горизонта поселения Новоильинка-VI по костям животных выполнено семь радиоуглеродных дат, из

которых четыре получены жидкостно-сцинтилляционным методом (LSC) СОАН-9042 4290 ± 95 л.н., СОАН-9043 4320 ± 100 л.н., IGAN-5312 4210 ± 80 л.н., IGAN-5311 4190 ± 90 л.н. [3, с. 51] и три выполнены с использованием метода ускорительной масс-спектрометрии (AMS) 4485 ± 20 л.н., 4505 ± 20 л.н., 4485 ± 20 л.н. [4].

Объект исследования. Остеологические коллекции первого горизонта поселения Новоильинка-VI обрабатывались Л. Л. Гайдученко в полевых условиях. Одновременно происходил отбор образцов для хранения и дальнейшего исследования в Алтайском государственном университете. В отобранной коллекции представлено сорок пять вторых фаланг быков, из которых восемь экземпляров (17,8 % от всех) имеют следы деформации, связанной с проявлениями тракционной патологии [3]. Кроме того, была выделена серия из двадцати вторых фаланг быков со следами обработки и/или использования разной степени интенсивности от воздействий,

полностью изменивших (модифицировавших) естественную костную поверхность (рис. 2, 1, 3, 5, 7), до еле заметных следов на отдельных участках (рис. 3, 5).

Вторая фаланга быков (*phalanx media*) – трубчатая короткая трёхгранная кость. На проксимальном (верхнем) конце кости находится суставная ямка (*fovea articularis*) с сагиттальным гребнем, а на дистальном (нижнем) конце – головка кости (*caput phalangis mediae*) в виде двух блоков, разделенных сагиттальным желобком. Каждая фаланга имеет 6 поверхностей (сторон): верхнюю (проксимальную), нижнюю (дистальную), переднюю (дорзальную), заднюю (пальмарную), боковую с наружной стороны (латеральную) и боковую с внутренней стороны (медиальную). В каждом скелете имеется восемь таких костей очень близких по форме, размерам и весу.

У трёх фаланг в рассматриваемой коллекции обработана (зашлифована, а может быть сточена) медиальная поверхность

(рис. 2, 1–3). Степень обработки или сработанности следует определить как очень высокую. В результате воздействия удалены все естественные неровности латеральной (медиальной) поверхности кости и она стала ровная, слегка закруглённая к краям (рис. 2, 1). Из-за существенной утраты внешнего слоя кости в результате обработки и дальнейшего использования на значительной части изделия обнажилась губчатая структура. Следы воздействия при такой сохранности проследить достаточно сложно, однако на некоторых участках они остались. Так, один из них (рис. 2, 1) имеет выраженную заполировку на плоской медиальной поверхности и поперечные оси изделия тонкие риски в средней части. Следы заполировки есть и на других участках кости, в том числе на всех четырёх выступах проксимальной поверхности. Подобный характер оформления медиальной поверхности и следов использования может быть функционально интерпретирован как свойственный лошину [5, с. 190–191, фото 1].

1 - Поселение Новоильинка-VI.

Рис. 1. Место расположения поселения Новоильинка-VI

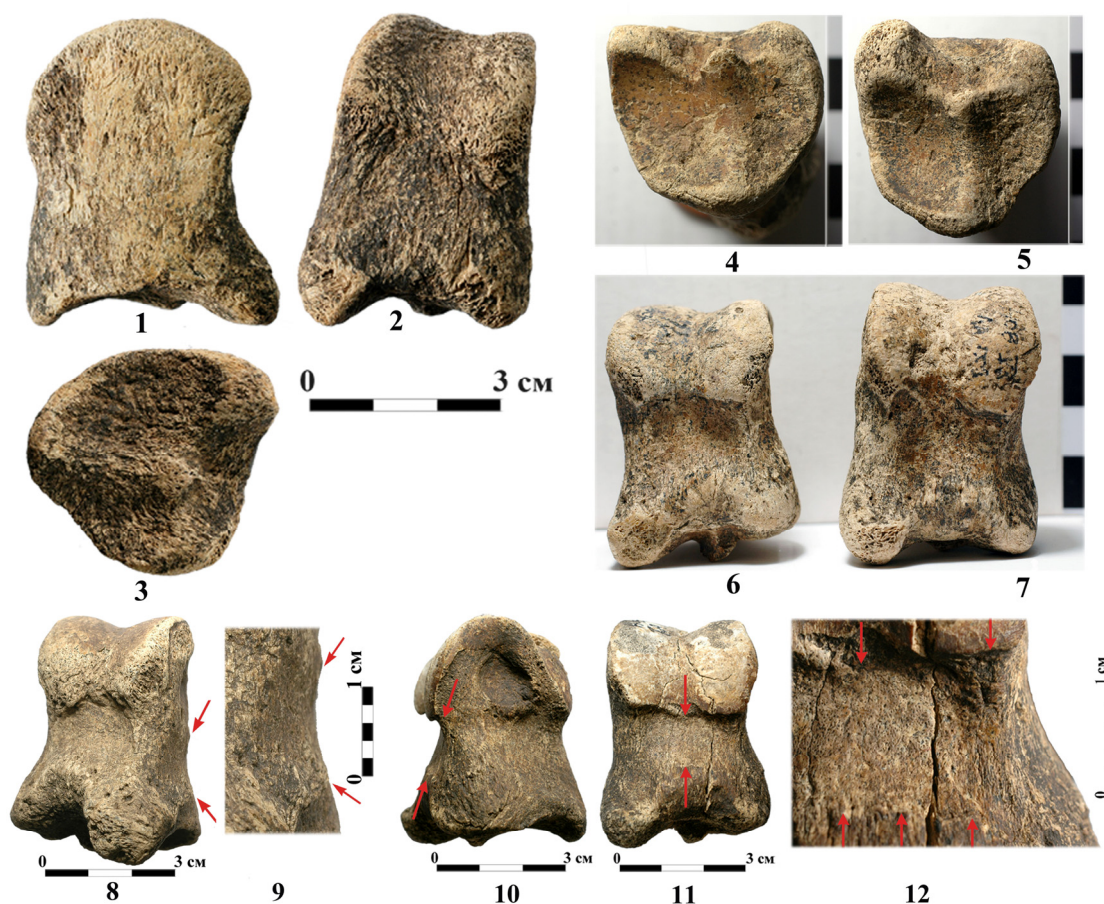

Рис. 2. Поселение Новоильинка-VI. Первый горизонт

Вторые фаланги быков: 1 – обработанная (шлифованная) латеральная (медиальная) поверхность; 2 – пальмарная поверхность; 3 – обработанная (шлифованная) проксимальная поверхность; 4 – фаланга с необработанной проксимальной поверхностью; 5 – фаланга с обработанной проксимальной поверхностью; 6 – фаланга с необработанной проксимальной поверхностью (вертикальное положение); 7 – фаланга с обработанной проксимальной поверхностью (вертикальное положение); 8 – фаланга с желобком на латеральной (медиальной) поверхности; 9 – фаланга с желобком на латеральной (медиальной) поверхности (фрагмент); 10 – фаланга с желобком на пальмарной поверхности (здесь и далее обозначен красными стрелками); 11 – фаланга с желобком на пальмарной поверхности; 12 – фрагмент фаланги с желобком на пальмарной поверхности

У вторых фаланг на проксимальной поверхности расположены четыре выступа – три по краям и один между ними. Последний образован сагиттальным гребнем, задний конец которого поднят вверх (рис. 2, 4). С естественной, необработанной проксимальной поверхностью, вторая фаланга, поставленная на горизонтальную плоскость, опираясь на этот выступ достаточно сильно отклоняется от вертикальной оси либо влево (рис. 2, 6), либо вправо. У всех двадцати исследованных фаланг проксимальная поверхность обработана (рис. 2, 3, 5, 7). Выступы зашлифованы с разной степенью интенсивности, иногда до обнажения внутренней губчатой структуры кости. Последнее, надо отметить сразу, в последствии приводило к ускоренному разрушению на этом участке. Обработка такого

рода, вероятнее всего, преследовала цель придать кости устойчивость при установке её на проксимальную поверхность. Со значительно обработанной поверхностью фаланга принимает устойчивое вертикальное положение (рис. 2, 7). Так, из 20 экземпляров 10, если их поставить проксимальной частью на ровную плоскую поверхность, стоят устойчиво, опираясь на все 4 выступа. При этом степень пришлифовки (сошлифовки) выступов на одной кости может быть разной, так как в естественном виде они на фаланге могли быть выражены в разной степени. Остальные десять экземпляров при установке проксимальной частью на горизонтальную поверхность опираются, как правило, на три крайних выступа. Неустойчивое положение, которому мешает выступ сагиттального

гребня, фиксируется единично (рис. 2, б). Таким образом, целью выраженного нивелирования выступов на проксимальной поверхности фаланги, особенно на сагиттальном гребне, было достижение её устойчивого вертикального положения на более или менее ровной горизонтальной поверхности. Результаты такой обработки фиксируются хорошо.

Как уже отмечалось, снятие костного вещества до губчатой структуры приводило к её ускоренному разрушению в дальнейшем, что не позволяет зафиксировать следы абразивного воздействия. Однако у 14 экземпляров на небольших сохранившихся участках выступов проксимальной поверхности отмечена слабо выраженная заполировка. Отсутствие преднамеренного полирования всей поверхности фаланг подтверждается локальностью таких следов. При этом у одной фаланги, опирающейся при установке на три выступа, на них есть участки слабой заполировки, а на четвёртом, на который никогда нет опоры, её нет. У двух экземпляров, у которых опорой служили три выступа, заполировка прослеживается на всех четырёх. Однако оба эти изделия могут стоять с небольшим наклоном вправо или влево, опираясь только на три выступа. Таким образом, четвёртый интервально тоже оказывался задействован. Ввиду всего перечисленного можно сделать вывод, что заполировка на выступах проксимальной части поверхности появилась в результате использования фаланг, в частности их регулярной установке на проксимальную поверхность. Характер абразива, при помощи которого производилось нивелирование выступов, установить достаточно сложно. Можно предположить, что он был плоским, так как этого требовала цель его применения – получение относительно ровной проксимальной поверхности фаланги (рис. 2, 5).

У трёх фаланг износ в средней части тела кости отчётливо фиксируется до довольно выраженного истирания и образования хорошо фиксируемого даже невооружённым взглядом желобка (рис. 2, 8–12). Ему сопутствует опоясывающая заполировка. Такой характер износа возможен только при обвязывании фаланги чем-то мягким и широким. По всей вероятности, он стал результатом длительно контакта кости в этой части с кожаным ремешком шириной около 15–20 мм.

Желобок фиксируется либо на латеральной (медиальной) поверхности (рис. 2, 8–9), либо на пальмарной поверхности (рис. 2, 10–12).

У двух фаланг (рис. 2, 12; 3, 1–2) верхний конец медиального блока нижнего сустава с пальмарной стороны подрезан для более плотного прилегания обвязки к поверхности, а длительность воздействия перевязи на кость даже привела к серьёзной деформации фаланги, выразившейся в стачивании верхнего конца медиального блока нижнего сустава (рис. 3, 1). Срезание производилось в продольном и, частично, в диагональном направлении (рис. 3, 2). На пальмарной стороне медиального блока нижнего сустава также прослеживаются надрезы (или царапины), образующие ряд слабо выраженных параллельных линий (рис. 3, 3). Характер их появления остаётся не ясен.

Надрезы, образующие ряды параллельных линий на латеральной (медиальной) поверхности зафиксированы у одной фаланги (рис. 3, 4–5), а ещё у одной нарезки образуют «елочку» (рис. 3, 4–5).

Следы лощения на вторых фалангах быков занимают незначительные площади (рис. 3, 8–10б). В большинстве случаев им сопутствует выраженная коричневая окраска поверхности кости в этой части и на дистальном участке (рис. 3, 1–3; 8–10). Иногда из-за разрушения поверхности окраска сохраняется только отдельными фрагментами (рис. 3, 1–3). Следует отметить, что она имеет довольно насыщенный коричневый цвет и поверхностный характер (не уходит вглубь кости). У нескольких артефактов выраженное изменение цвета присутствует на дистальной суставной поверхности (рис. 3, 8–10а). В целом такое покрытие напоминает патину и местами при увеличении под микроскопом выглядит на поверхности кости как коричневая полупрозрачная желеобразная плёнка (рис. 3, 11, 12). Причины появления такого покрытия пока остаются неясны, но можно предположить, что это следы термического воздействия. Так, в традиционных играх коми использовались как кости естественного цвета, так и окрашенные. Кости специально сушили на печи, в результате чего они приобретали коричневый оттенок [6, с. 93]. Анализ исследуемых артефактов показал, что окраска и заполировка способствовали защите кости от разрушения.

Рис. 3. Поселение Новоильинка-VI. Первый горизонт

Вторые фаланги быков: 1 – фаланга с обработанной дистальной (проксимальной) поверхностью (следы обрезывания верхнего конца медиального блока нижнего сустава) и параллельными нарезками на нижнем суставе; 2 – следы обрезывания верхнего конца медиального блока нижнего сустава; 3 – параллельные нарезки на пальмарной стороне медиального блока нижнего сустава; 4 – фаланга с параллельными нарезками на латеральной (медиальной) поверхности; 5 – параллельные нарезки на медиальной поверхности; 6 – фаланга с нарезками «елочкой» на медиальной поверхности; 7 – нарезки «елочкой» на медиальной поверхности; 8 – дорзальная поверхность; 9 – медиальная поверхность; 10 – пальмарная поверхность; 11 и 12 – участки на дистальной поверхности со следами окрашивания и изменения поверхности кости; 8а, 9а, 10а – участки на дистальном суставе со следами изменения цвета поверхности (тепловая обработка?); 8б, 9б, 10б – участки со следами лощения на дорзальной и пальмарной поверхностях

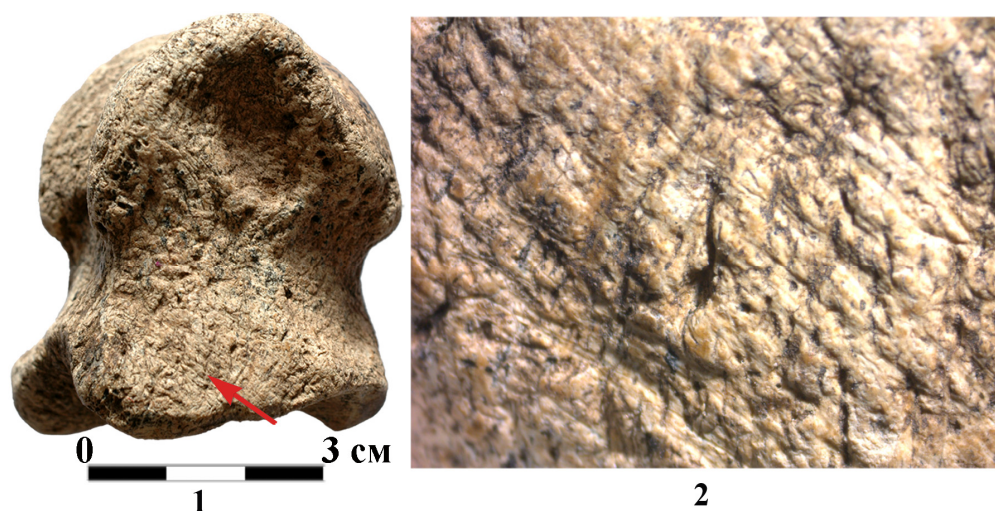

Рис. 4. Поселение Новоильинка-VI. Первый горизонт. Фаланга с многочисленными бороздками на задней части проксимального конца латеральной поверхности

На нескольких фалангах невооруженным глазом видны канавки (бороздки), прорезающие в разных направлениях поверхность кости. Края их скруглены, характер появления пока не ясен. Наиболее выразителен образец со множеством канавок глубиной около 0,1–0,2 мм (рис. 4, 1, 2).

Обсуждение полученных результатов

Обработанные таранные кости мелкого и крупного рогатого скота достаточно широко распространены в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии и им посвящена обширная литература. Таранные кости МРС и КРС встречаются в поселенческих, погребальных и культовых комплексах. Исследователи отмечают, что они служили как сырьём для изготовления утилитарных изделий, главным образом орудий, так и являлись атрибутами различных обрядов» [7, с. 32]. С. В. Сотникова указывает на то, что в погребениях синташтинско-петровского типа широко представлены кости козы, сайги, косули, кабана, крупного рогатого скота, свиньи. Она отмечает устойчивую тенденцию к преобладанию детских погребений с наборами астрагалов над захоронениями взрослых, предлагая варианты интерпретации этих находок в качестве набора для игр в кости; гадальных костей; символов благополучия; оберегов [8, с. 26, 30].

В археологической литературе по энеолиту степной и лесостепной Евразии подобные находки практически не упоминаются. Известные авторам аналоги встречаются в материалах ботайской энеолитической куль-

туры, где на поселениях обнаружены фаланги лошадей и мелких копытных животных с орнаментом, насечками, следами от ремешков для привязки. По мнению В. Ф. Зайберга, гравированные фаланги выполняли функцию тотемных знаков или символов, оберегов от болезней и падежа скота, их могли использовать, бросая жребий при разделении скота, а также для игры [9, с. 222–224].

В этнографической литературе имеются многочисленные свидетельства использования мелких костей и суставов диких и домашних копытных животных в утилитарной и неутилитарной деятельности ([10–12] и др.).

Даже поверхностный обзор литературы позволяет сделать вывод что, игры с костями копытных животных имели широкое географическое распространение и были довольно разнообразны [13, с. 121]. Существовали как игры, развивающие мелкую моторику, глазомер и точность, так и сюжетные игры [6, с. 99]. У коми некоторые игроки, желая выделить собственные косточки, отмечали их еле заметными царапинами [6, с. 93]. Выше отмечалось, что на некоторых вторых фалангах анализируемой коллекции имеются еле заметные следы обрезывания (рис. 3, 2), царапины (рис. 3, 3, 5, 7). Создаётся устойчивое впечатление, что это своеобразная «тамга» – знак собственности, то, что исследователи отмечают у коми.

Коричневое покрытие некоторых фаланг (рис. 3, 1, 2, 8–10) из коллекции памятника позволяет выдвинуть в качестве рабочей гипотезы возможность придания им цвета пу-

тём термического воздействия. При увеличении хорошо заметно (рис. 3, 11–12), насколько видоизменена окрашенная поверхность, что может быть результатом нагрева. Такая традиция, как уже отмечалось выше, была зафиксирована у коми.

Интересно, что ни на одной из вторых фаланг быков поселения Новоильинка-VI не имелось следов забитости. Можно сделать вывод, что данные предметы сильно не бросали – не применяли как битки в играх на выбивание, не бросали как гадальные кости. Однако это не отрицает возможность использования их в играх. У коми в некоторых местах игральные бабки использовали как шашки. Позволим себе обширную цитату: «до сих пор не приходилось слышать, что шашки (которые теперь широко распространены повсеместно) пришли на место бабок. Не известно было и о шашечной доске, тем не менее игра существовала, по-видимому, очень давно, ибо сохранилось самобытное название дэвэдь (*döwödь*)» [6, с. 98]. Формат научной статьи не предполагает излишних фантазий, но создаётся устойчивое впечатление, что вторые фаланги из Новоильинки-VI с обработанной проксимальной поверхностью (рис. 2, 5, 7) представляют собой практически идеальную игровую фигуру (шашку, пешку или что-то аналогичное), идеально «ложась в руку» и устойчивую на плоскости. Различия в цветовой окраске фаланг – светлые и тёмные, вызывают логичную ассоциацию – чёрные и белые. Подобное противопоставление игровых фигур характерно для многих настольных игр, из которых наиболее известные шашки, шахматы и нарды.

В литературе отмечается, что кости животных использовались не только в играх. В Дагестане в некоторых аулах с альчиками связано множество магических поверий. Считалось, что они отводят «дурной глаз». В лезгинском ауле «Джаба в прошлом вешали на шею лошади альчик, считая, что от этого она делается быстроногой и выносливой» [10, с. 50]. У хакасов, как отмечает Ю. Г. Кустова, «один или целая связка астрагалов находились в колыбели в качестве погремушки и одновременно амулета» [11, с. 89]. Возможно, желобки на вторых фалангах быков поселения Новоильинка-VI возникли в результате аналогичных действий.

Как отмечалось выше, подобные выводы сделаны в ходе изучения фаланг лошадей поселения Ботай [9, с. 224].

Возможно следы на некоторых фалангах можно рассматривать и как результат утилитарных действий. Полностью изменить естественную пальмарную костную поверхность (рис. 2, 1) могло использование артефакта в качестве лощила или абразива. Варианты применения трёх фаланг, у которых обработана медиальная поверхность, в качестве лощил, находят многочисленные аналогии в этнографической литературе. Так, в традиционной культуре хакасов астрагалами очищали шкуру домашнего скота при выделывании и размягчении кожи, также их использовали «как противовес для подвешивания кисета на пояс, закрепляли верёвки... использовали для счёта» [11, с. 89]. Таким образом, есть разные варианты утилитарного использования вторых фаланг с кожаным ремешком (рис. 2, 8–12) в обычной бытовой и хозяйственной деятельности.

В составе коллекции памятника присутствует «изделие с желобком», выполненное из первой фаланги лошади [2, рис. 5, 1]. Похожий артефакт был обнаружен на поселении Кожай-1 терсекской культуры эпохи энеолита в Республике Казахстан. С. С. Калиева называет его «путовая кость лошади с нарезками» [14, с. 206, рис. 148, 5]. У кости, найденной на поселении Новоильинка-VI, прорезанные линии образуют четко выраженный желобок, который можно было использовать для фиксации нити. Подобный предмет мог служить грузиком, отвесом или утяжелителем в самых разных операциях. Изготовление «изделия с желобком» не требовало больших усилий. В варианте использования в качестве «утяжелителей» вторых фаланг быков (рис. 4) необходимо было только удалить мясо и жир с их поверхности. Они могут служить практически идеальными «утяжелителями» ткацкого станка или приспособления, связанного с плетением. Достаточно свежая кость обладала необходимой плотностью, следовательно и весом, для обеспечения необходимого натяжения нити. Вторые фаланги быков могли одновременно с функцией «грузика» использоваться как «катушки» или «бобины».

Таксономическая принадлежность костных остатков быков (род *Bos*) из поселения

Новоильинка-VI является проблематичной. Первоначально они были отнесены к домашней форме – крупному рогатому скоту (*Bos taurus* L., 1758) [15]. Но в ранние хронологические периоды (неолит, энеолит) в Евразии был широко распространен дикий предок крупного рогатого скота – тур (*Bos primigenius* Vojanus, 1825) [16]. Основной проблемой при диагностике остатков тура является их морфологическое сходство с остатками крупного рогатого скота. Единственным диагностическим признаком, кроме ДНК, являются размеры костей. Это основано на том, что после доместикации тура у домашнего крупного рогатого скота во времени происходило уменьшение размеров костей [17]. Для более точной диагностики принадлежности остатков быков из поселения Новоильинка-VI было проведено сравнение размеров зубов и костей из этого поселения с размерами костей голоценового тура Восточной Европы [18] и домашнего крупного рогатого скота из памятников эпохи поздней

бронзы Восточной Европы [17], поселения синташтинской культуры Аркаим [19] и поселения елунинской культуры Березовая Лука [20; 21] (табл.). Измерения зубов и костей проводились по общепринятой методике [22].

Размеры зуба М3 из Новоильинки-VI превышают размеры зуба домашнего крупного рогатого скота, длина м3 быка из Новоильинки-VI перекрывается с длиной домашнего скота на 0,5 мм, а длина таранной кости – на 0,8 мм (табл.). По размерам других костей перекрытие значений из Новоильинки-VI и домашнего скота больше, но максимальные значения значительно превышают их и соответствуют размерам костей тура (табл.). Размеры костей тура также несколько перекрываются с размерами костей домашнего скота, что отмечалось и ранее [17]. В целом, размеры костей из Новоильинки-VI соответствуют размерам костей тура (табл.). Сравнение размеров зубов и костей показывает, что остатки быка из Новоильинки-VI принадлежат туру.

Размеры костей тура, крупного рогатого скота и быков из Новоильинки VI, мм

Выборка	n	min	max
Длина М3			
Тур	13	34,4	43,9
Крупный рогатый скот	64	24,8	33,7
Новоильинка VI	3	37,2	40,0
Длина м3			
Тур	43	38,0	57,0
Крупный рогатый скот	872	27,0	42,5
Новоильинка VI	5	42,0	48,0
Длина наибольшая таранной кости			
Тур	164	75,0	102,0
Крупный рогатый скот	769	56,0	78,0
Новоильинка VI	8	77,2	86,1
Ширина нижнего конца пясти (Mc III+IV)			
Тур	99	62,0	90,0
Крупный рогатый скот	278	52,0	79,0
Новоильинка VI	6	67,3	85,8
Ширина нижнего конца плюсны (Mt III+IV)			
Тур	56	57,0	81,0
Крупный рогатый скот	221	47,0	73,0
Новоильинка VI	11	59,5	74,5
Длина фаланги I			
Тур	68	63,4	82,4
Крупный рогатый скот	811	52,0	74,0
Новоильинка VI	7	70,4	81,4

Заключение. Подводя итоги, можно отметить, что аналогии рассмотренным материалам прослеживаются на широких просторах Северной Евразии от энеолита и вплоть до этнографического времени. Однако вторые фаланги с поселения Новоильинка-VI обладают определённой спецификой, выделяющей их в среде как синхронных памятников (поселение Ботай), так и более поздних. Полученные материалы расширяют наши представления о материальной и духовной культуре энеолитического населения Северной Кулунды.

Не вызывает сомнений, что предложенная авторами историко-культурная интерпретация артефактов является предметом дискуссии и требует дальнейшего обсуждения. При продолжении работ на поселении Новоильинка-VI и поступлении новых материалов можно будет вернуться к обсуждению проблем, обозначенных в данной работе. На сегодняшний день перспективным направлением в плане работы с предложенными гипотезами использования фаланг нам представляется проведение экспериментальных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирюшин К. Ю.* Керамика поселения Новоильинка-VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 4/1 (88). – С. 149–156. – DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-23.
2. *Кирюшин К. Ю., Гайдученко Л. Л.* Изделия из кости в материалах первого горизонта поселения эпохи энеолита Новоильинка-VI // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 3 (15). – С. 25–43. – DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-03.
3. *Кирюшин К. Ю., Гайдученко Л. Л., Макаревич Ш.* Вторые фаланги крупного рогатого скота со следами деформаций в материалах поселения Новоильинка-VI (Северная Кулунда) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. – Вып. XXVI. – С. 51–56. – DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.9.
4. *Librado P., Khan N., Fages A., Kusliy M. A., Suchan T., Tonasso-Calvière L., Schiavinato S., Alioglu D., Fromentier A., Gaunitz C., Chauvey L., Seguin-Orlando A., Der Sarkissian C., Orlando L., Graphodatsky A. S., Moskal-del Hoyo M., Perdreau A., Aury J.-M., Wincker P., Southon J. et al.* The origins and spread of domestic horses from the western Eurasian steppes // Nature. – 2021. – Т. 598. – № 7882. – С. 634–640. – DOI: <https://doi.org/10.1038/s41586-021-04018-9>.
5. *Зиновьев А. В.* Обзор археозоологического материала полученного из раскопа «Десятинный-I» в Великом Новгороде в 2008 году // Новгород и новгородская земля. История и археология. – 2009. – Т. 23. – С. 189–207.
6. *Рассыхаев А. Н.* Игры с шегами (в бабки) в традиционной культуре коми // Фольклористика коми. Труды института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО Российской академии наук. – Вып. 63. – Сыктывкар, 2002. – С. 91–104.
7. *Подобед В. А., Усачук А. Н., Циминданов В. В.* Таранные кости крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Теория и практика археологических исследований. – 2014. – № 2 (10). – С. 31–56. – DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-03.
8. *Сотникова С. В.* Детские погребения с наборами альчииков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 2 (25). – С. 26–34.
9. *Зайберт В. Ф.* Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск : Наука, Республика Казахстан, 1993. – 245 с.
10. *Арефьев О. М.* Традиционные народные игры дагестанцев // Мир образования – образование в мире. – 2013. – № 3 (51). – С. 48–54.
11. *Кустова Ю. Г.* Детские игрушки из кости и ритуалы с ними у хакасов // Вещь и обряд: рациональное и иррациональное в архаике : сборник научных трудов семинара «Теория и методология архаики». – СПб. : МАЭ РАН, 2018. – С. 82–91.
12. *Пещерева Е. М.* Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков // Сборник Музея антропологии и этнографии. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – Т. XVII. – С. 22–94.
13. *Рассыхаев А. Н.* Игровая культура ижемских оленеводов: к вопросу о коми-ненецких межкультурных контактах // Вестник угроведения. – 2017. – № 2 (29). – С. 119–126.
14. *Калиева С. С.* Поселение Кожай 1. – Алматы : Изд-во МН-АК РК : Ин-т археологии им. А. Маргулана, 1998. – 225 с.
15. *Гайдученко Л. Л., Кирюшин К. Ю.* Новые остеозоологические материалы из раскопок энеолитического поселения Новоильинка-VI в Кулунде // Маргулановские чтения – 2014. – Алматы ; Павлодар, 2014. – С. 421–427.
16. *Vuure C. van.* Retracing the aurochs: history, morphology and ecology of an extinct wild ox. – Sofia ; Moscow : PENTSOFT, 2005. – 431 p.

17. Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. – М. : Наука, 1970. – 160 с.
18. Гасилин В. В., Косинцев П. А., Саблин М. В. Фауна стоянки Варфоломеевская в степном Поволжье // Фауны и флоры Северной Евразии в кайнозое. – Екатеринбург ; Челябинск, 2008. – С. 25–100.
19. Косинцев П. А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий. – Челябинск, 2000. – С. 17–44.
20. Косинцев П. А. Животноводство и охота населения Берёзовой Луки // Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., Тишкин А. А. Берёзовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Т. I. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 150–164.
21. Косинцев П. А., Явшева Д. А., Девашиш М. М. Комплекс костных остатков из раскопок поселения Берёзовая Лука // Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А. Берёзовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Т. II. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 139–148.
22. Driesch A. von den. A Guide to the Measurement of Animals Bones from Archaeological Sites. Peabody Museum Bulletin 1. – Harvard University, 1976. – 137 p.

Сведения об авторах

Кирюшин Кирилл Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства Института географии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Адрес для корреспонденции: 656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, 61/506

E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

Scopus AuthorID: 14627637500

WoS ResearcherID: AAT-3494-2020

РИНЦ AuthorID: 129641

ORCID: 0000-0003-3122-1423

Косинцев Павел Андреевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

Адрес для корреспонденции: 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 202

E-mail: кра@ipae.uran.ru

Scopus AuthorID: 22134777900

WoS ResearcherID: N-3893-2017

РИНЦ AuthorID: 69708

ORCID: 0000-0002-0973-7426

Макаревич Шерил – доктор философии, профессор Института доисторической и протоисторической истории Кильского университета (Киль, Германия)

Адрес для корреспонденции: 24118, Германия, Киль, Йоханна-Месторф-Штрассе, 2-6

E-mail: s.makarewicz@ufg.uni-kiel.de

ORCID: 0000-0002-1649-336X

Толпеко Ирина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: itolpeko@yandex.ru

РИНЦ SPIN-код: 6209-2181

ORCID: 0000-0002-3085-2330

Информация о статье

Дата поступления

1 октября 2022 г.

Дата принятия в печать

15 октября 2022 г.

Для цитирования

Кирюшин К. Ю., Косинцев П. А., Макаревич Ш., Толпеко И. В. Использование фаланг быков населением Северной Кулунды в энеолите (по материалам поселения Новоильинка-VI) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 173–185. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).173-185.

USE OF PHALANXES OF BULLS BY THE POPULATION OF NORTHERN KULUNDA IN THE ENEOLITHIC (BASED ON MATERIALS FROM THE SETTLEMENT NOVOILINKA-VI)

The settlement of Novoilinka-VI is located in the Khabar district of the Altai Territory, 8 km west of the village of Novoilinka. In the materials of the first cultural horizon of the monument, an expressive series of bone tools was found. For this horizon, six radiocarbon dates were obtained from animal bones. Four of them were performed by liquid scintillation method (LSC) SOAN-9042 4290 ± 95 l.n., SOAN-9043 4320 ± 100 l.n., IGAN-5312 4210 ± 80 l.n., IGAN-5311 4190 ± 90 l.n. and three using the method of accelerator mass spectrometry (AMS) 4485 ± 20 l.n., 4505 ± 20 l.n., 4485 ± 20 l.n.

Osteological collections of the first horizon of the settlement Novoilinka-VI were processed in the field by L.L. Gaiduchenko. In the course of this, samples were selected for permanent storage and further study in the laboratory of Altai State University. Forty-five second phalanges of bulls are represented in the collection. Of these, twenty have traces of processing and/or use of varying degrees of intensity. On some objects, external influence has greatly changed the natural bone surface, on others only barely noticeable traces are recorded in certain areas.

The working versions of both non-utilitarian actions with phalanges (their participation in games, cult activities) and the use of some artifacts as ceramic smoothing tool, abrasive tool, a product for weight.

Analogies to the materials under consideration are numerous and can be traced across the vast expanses of Northern Eurasia from the Eneolithic era to the ethnographic time. However, the second phalanges from the collection of the first cultural horizon of the settlement of Novoilinka-VI have their own specifics. This distinguishes them both among the materials of synchronous monuments (Botai settlement) and later ones. The materials obtained and the results of studying the presented collection of the second phalanges expand our understanding of the material and spiritual culture of the Eneolithic population of Northern Kulunda.

Keywords: Northern Kulunda; settlement of Novoilinka-VI; Chalcolithic; second phalanges of bull; *Bos taurus*; non-utilitarian activity; polishing.

REFERENCES

1. Kiryushin K.Yu. Keramika poseleniya Novoil'inka-VI (po rezul'tatam issledovaniy 2013–2014 gg.) [Ceramics of the settlement of Novoilinka-VI (based on the results of research in 2013–2014)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai State University], 2015, no. 4/1 (88), pp. 149–156. DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-23. (in Russian).
2. Kiryushin K.Yu., Gaiduchenko L.L. Izdeliya iz kosti v materialakh pervogo gorizonta poseleniya epokhi eneolita Novoil'inka-VI [Bone products in the materials of the first horizon of the settlement of the Eneolithic era Novoilinka-VI]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 2016, no. 3(15), pp. 25–43. DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-03. (in Russian).
3. Kiryushin K.Yu., Gaiduchenko L.L., Makarevich Sh. Vtorye falangi krupnogo rogatogo skota so sledami deformatsii v materialakh poseleniya Novoil'inka-VI (Severnaya Kulunda) [The second phalanges of cattle with traces of deformations in the materials of the settlement Novoilinka-VI (Northern Kulunda)]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory], collection of scientific articles, Barnaul, Altai University Publ., 2020, iss. XXVI, pp. 51–56. DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.9. (in Russian).
4. Librado P., Khan N., Fages A., Kusliy M.A., Suchan T., Tonasso-Calvière L., Schiavinato S., Alioglu D., Fromentier A., Gaunitz C., Chauvey L., Seguin-Orlando A., Der Sarkissian C., Orlando L., Graphodatsky A.S., Moskal-del Hoyo M., Perdreau A., Aury J.-M., Wincker P., Southon J. et al. The origins and spread of domestic horses from the western Eurasian steppes. *Nature*, 2021, vol. 598, no. 7882, pp. 634–640. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41586-021-04018-9>.
5. Zinov'ev A.V. Obzor arkheozoologicheskogo materiala poluchennogo iz raskopa "Desyatynny-I" v Velikom Novgorode v 2008 godu [Review of the archeozoological material obtained from the excavation "Desyatynny-I" in Veliky Novgorod in 2008]. *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology], collection of scientific articles, vol. 23, 2009, pp. 189–207. (in Russian).
6. Rassykhaev A.N. Iгры s shegami (v babki) v traditsionnoi kul'ture komi [Games with tags (in money) in the traditional culture of Komi]. *Fol'kloristika komi. Trudy instituta yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra UrO Rossiiskoi akademii nauk* [Folklore studies of Komi. Proceedings of the Institute of Language,

- Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*], collection of scientific articles, iss. 63, Syktyvkar, 2002, pp. 91-104. (in Russian).
7. Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimindanov V.V. Tarannye kosti krupnogo rogatogo skota v kul'turakh epokhi bronzy stepnoi i lesostepnoi Evrazii [Ram bones of cattle in Bronze Age cultures of Steppe and forest-steppe Eurasia]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 2014, no. 2(10), pp. 31-56. DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-03. (in Russian).
 8. Sotnikova S.V. Detskie pogrebeniya s naborami al'chikov i rol' igry v obshchestvakh stepnogo naseleniya epokhi bronzy [Children's burials with sets of boys and the role of play in the societies of the steppe population of the Bronze Age]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2014, no. 2 (25), pp. 26-34. (in Russian).
 9. Zaibert V.F. Eneolit Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya [Eneolite of the Ural-Irtysh interfluve], Petropavlovsk, Nauka Publ., 1993, 245 p. (in Russian).
 10. Aref'ev O.M. Traditsionnye narodnye igry dagestantsev [Traditional folk games of Dagestanis]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire* [The world of education – education in the world], 2013, no. 3 (51), pp. 48-54. (in Russian).
 11. Kustova Yu.G. Detskie igrushki iz kosti i ritualy s nimi u khakasov [Children's bone toys and rituals with them at the Khakas]. *Veshch' i obryad: ratsional'noe i irratsional'noe v arkhaïke* [Thing and Rite: rational and Irrational in Archaic], collection of scientific papers of the seminar "Theory and Methodology of Archaic", St. Petersburg, 2018, pp. 82-91. (in Russian).
 12. Peshchereva E.M. Igrushki i detskie igry u tadjikov i uzbekov [Toys and children's games for Tajiks and Uzbeks]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1957, vol. XVII, pp. 22-94. (in Russian).
 13. Rassykhaev A.N. Igrovaya kul'tura izjemskikh olenevodov: k voprosu o komi-nenetskiykh mezhkul'turnykh kontaktakh [Игровая культура ижемских оленеводов: к вопросу о коми-ненецких межкультурных контактах]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugrovedenie], 2017, no. 2 (29), pp. 119-126. (in Russian).
 14. Kalieva S.S. *Poselenie Kozhai 1* [Kozhai 1 settlement], Almaty, Izd-vo MN-AK RK, In-t arkheologii im. A. Margulana Publ., 1998, 225 p. (in Russian).
 15. Gaiduchenko L.L., Kiryushin K.Yu. Novye osteozoologicheskie materialy iz raskopok eneoliticheskogo poseleniya Novoil'inka-VI v Kulunde [New osteological materials from the excavations of the Neolithic settlement Novoilinka-VI in Kulunda]. *Margulanovskie chteniya – 2014* [Margulanov readings – 2014], Almaty, Pavlodar, 2014, pp. 421-427. (in Russian).
 16. Vuure C. van. Retracing the aurochs: history, morphology and ecology of an extinct wild ox, Sofia, Moscow, PENTSOFT Publ., 2005, 431 p.
 17. Tsalkin V.I. Drevneishie domashnie zivotnye Vostochnoi Evropy [The oldest pets of Eastern Europe], Moscow, Nauka Publ., 1970, 160 p. (in Russian).
 18. Gasilin V.V., Kosintsev P.A., Sablin M.V. Fauna stoyanki Varfolomeevskaya v stepnom Povolzh'e [Fauna of the Varfolomeevskaya parking lot in the steppe Volga region]. *Fauna i flora Severnoi Evrazii v kainozoe* [Fauna and flora of Northern Eurasia in the Cenozoic], collection of scientific articles, Ekaterinburg, Chelyabinsk, 2008, pp. 25-100. (in Russian).
 19. Kosintsev P.A. Kostnye ostatki zivotnykh iz ukreplennogo poseleniya Arkaim [Bone remains of animals from the fortified settlement of Arkaim]. *Arkheologicheskii istochnik i modelirovanie drevnikh tekhnologii* [Archaeological source and modeling of ancient technologies] collection of scientific articles, Chelyabinsk, 2000, pp. 17-44. (in Russian).
 20. Kosintsev P.A. Zhivotnovodstvo i okhota naseleniya Berezovoi Luki [Animal husbandry and hunting of the population of Berezovaya Luka]. Kiryushin Yu.F., Maloletko A.M., Tishkin A.A. *Berezovaya Luka – poselenie epokhi bronzy v Aleiskoi stepi* [Berezovaya Luka is a Bronze Age settlement in the Aleyskaya Steppe], vol. I, Barnaul, Altai University Publ., 2005, pp. 150-164. (in Russian).
 21. Kosintsev P.A., Yavsheva D.A., Devyashin M.M. Kompleks kostnykh ostatkov iz raskopok poseleniya Berezovaya Luka [A complex of bone remains from the excavations of the settlement of Berezovaya Luka]. Kiryushin Yu. F., Grushin S. P., Tishkin A. A. *Berezovaya Luka – poselenie epokhi bronzy v Aleiskoi stepi* [Berezovaya Luka is a Bronze Age settlement in the Aleyskaya Steppe], vol. II, Barnaul, Altai University Publ., 2005, pp. 139-148. (in Russian).
 22. Driesch A. von den. *A Guide to the Measurement of Animals Bones from Archaeological Sites*, Peabody Museum Bulletin 1, Harvard University, 1976, 137 p.
-

About the authors

Kirill Yu. Kiryushin – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Recreational Geography, Service, Tourism and Hospitality Institute of Geography Altai State University (Barnaul, Russia)

Postal address: 61/506, Lenina pr., Barnaul, 656049, Russia

E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

Scopus AuthorID: 14627637500

WoS ResearcherID: AAT-3494-2020

RSCI AuthorID: 129641

ORCID: 0000-0003-3122-1423

Pavel A. Kosintsev – PhD in Biological Sciences, Senior Researcher of the Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)

Postal address: 202, 8 Marta ul., Yekaterinburg, 620144, Russia

E-mail: kpa@ipae.uran.ry

Scopus AuthorID: 22134777900

WoS ResearcherID: N-3893-2017

RSCI AuthorID: 69708

ORCID: 0000-0002-0973-7426

Cheryl Makarewicz – Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Prehistoric and Protohistorical History of the University of Kiel (Kiel, Germany)

Postal address: 2-6, Johanna-Mestorf Strasse, D-24118, Kiel, Germany

E-mail: c.makarewicz@ufg.uni-kiel.de

ORCID: 0000-0002-1649-336X

Irina V. Tolpeko – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Ethnology, Anthropology, Archaeology and Museology of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: itolpeko@yandex.ru

RSCI SPIN-code: 6209-2181

ORCID: 0000-0002-3085-2330

Article info

Received
October 1, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Kiryushin K.Yu., Kosintsev P.A., Makarewicz Ch., Tolpeko I.V. Use of Phalanxes of Bulls by the Population of Northern Kulunda in the Eneolithic (Based on Materials from the Settlement Novoilinka-VI). *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 173-185. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).173-185 (in Russian).

УДК 904.5;571.13+902.21;902.26

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).186-199

Ю. В. Герасимов, М. Ю. Здор, М. А. Корусенко

ПОСЕЛЕНИЕ ЧЕРТАЛЫ В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ*

Представлены некоторые итоги археологического изучения поселения Черталы I (среднее течение р. Тара), оставленного историческими предками сибирских татар. Приведены сведения об истории исследования памятника, охарактеризовано его современное состояние. Поселение раскапывалось в течение нескольких сезонов, общая площадь вскрытия составила 660 м². Изучены остатки двух жилых строений, хозяйственная зона и прилегающее пространство. На основе собранного материала описаны некоторые строительные технологии, затронуты вопросы планиграфической организации поселений, охарактеризованы особенности хозяйства коренного населения. Полученные данные убедительно связывают археологический памятник с историческим поселением Черталы, существовавшим до середины XIX в., и позволяют датировать изученные комплексы финальной стадией существования посёлка.

Ключевые слова: этнографо-археологические комплексы; археология поселений; Новое Время; Среднее Прииртышье; тарские татары; этнокультурная история.

Комплекс археологических памятников на правом берегу р. Тары, в окрестностях д. Петропавловки, был открыт и частично исследован Б. В. Мельниковым в 1988–1991 гг.¹ В его составе были выделены поселение Черталы I, датированное XVII–XVIII вв., грунтовый могильник Черталы III (того же времени) и курганные могильники Черталы II, IV (XIII–XIV вв). Поселение расположено в 3,62 км к северо-западу от д. Черталы, на коренной террасе правого берега р. Тары высотой 9 м над уровнем поймы, в 4 км к юго-востоку от д. Петропавловки и в 4,5 км к востоку от пгт. Муромцево. Река Тара в этом месте делает крутой поворот с север-северо-запада на юго-запад. Правый берег долины высокий, с крутым, задернованным и поросшим ивняком и берёзой склоном, местами обрывистым, левый – пологий, с обширной поймой с заливным лугом и ивняком. Площадка террасы, в месте расположения поселения, понижается к юго-востоку, уклон достигает 4 % и выходит

в узкий лог глубиной до 9 м, пересекающий террасу в направлении северо-восток. Поселение приурочено к наиболее высокой части площадки. Границы памятника Б. В. Мельников установил по распространению находок и характеру растительности, определив общую площадь в 2 га. Территория поселения локализована на открытом участке местности, окруженном смешанным лесом, который в течение долгого времени распахивался под посадки картофеля, в результате чего видимые признаки памятника были полностью уничтожены. С 2007 г. хозяйственная деятельность на этом участке прекратилась, поверхность задерновалась, поросла луговой растительностью со значительной долей рудералов. Через поселение проходит полевая дорога Петропавловка–Плотбище. В локальной топонимике место известно как Красный яр (*Кызылджар*).

Первооткрыватель рассматривал указанные поселение и грунтовый могильник как базовые элементы этнографо-археологи-

* Работа выполнена в рамках государственного задания Омского научного центра СО РАН (номер госрегистрации проекта 121022000112-2) и НИР Института археологии и этнографии СО РАН FWZG-2022-0002 «Население Сибири и Северного Казахстана: социокультурные процессы и трансляция культурного наследия».

ческого комплекса (ЭАК) сибирских татар, чем и был обусловлен его интерес к изучению указанных памятников². В 1988 г. Б. В. Мельников на площадке террасы заложил разведочный шурф, продолжением которого стал раскоп следующего полевого сезона, а в 1991 г. отдельным раскопом исследовалась площадка пойменной террасы. Общая площадь раскопов составила 540 кв. м, оба располагались в юго-восточной части памятника. Полученная коллекция и полевая документация, отражающая итоги работ, переданы на хранение с Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (МАЭ ОмГУ). К сожалению, начатые исследования не получили должного развития – научные отчёты были подготовлены только по итогам полевых работ 1988–1989 гг., полученные материалы так и не были опубликованы. Полевая документация и коллекция артефактов

пострадали после затопления одного из помещений МАЭ ОмГУ.

В 2006 г. памятник обследовал М. А. Корусенко³. При осмотре действующего картофельного поля были зафиксированы следы первого раскопа Б. В. Мельникова, а также на значительном от него удалении собран подъёмный материал. В 2010 г. на территории памятника были заложены три рекогносцировочных шурфа, в одном из которых удалось зафиксировать угол какого-то сооружения, а в следующем году начались полномасштабные исследования. Раскоп площадью 85 кв. м был размечен в 90 м к северо-западу от участка исследований Б. В. Мельникова, западнее центральной зоны памятника⁴ (рис. 1).

Целью настоящей статьи является сравнительный анализ данных, полученных в результате раскопок разных лет и оценка их потенциала для изучения проблем культурогенеза коренных жителей Тарского Прииртышья.

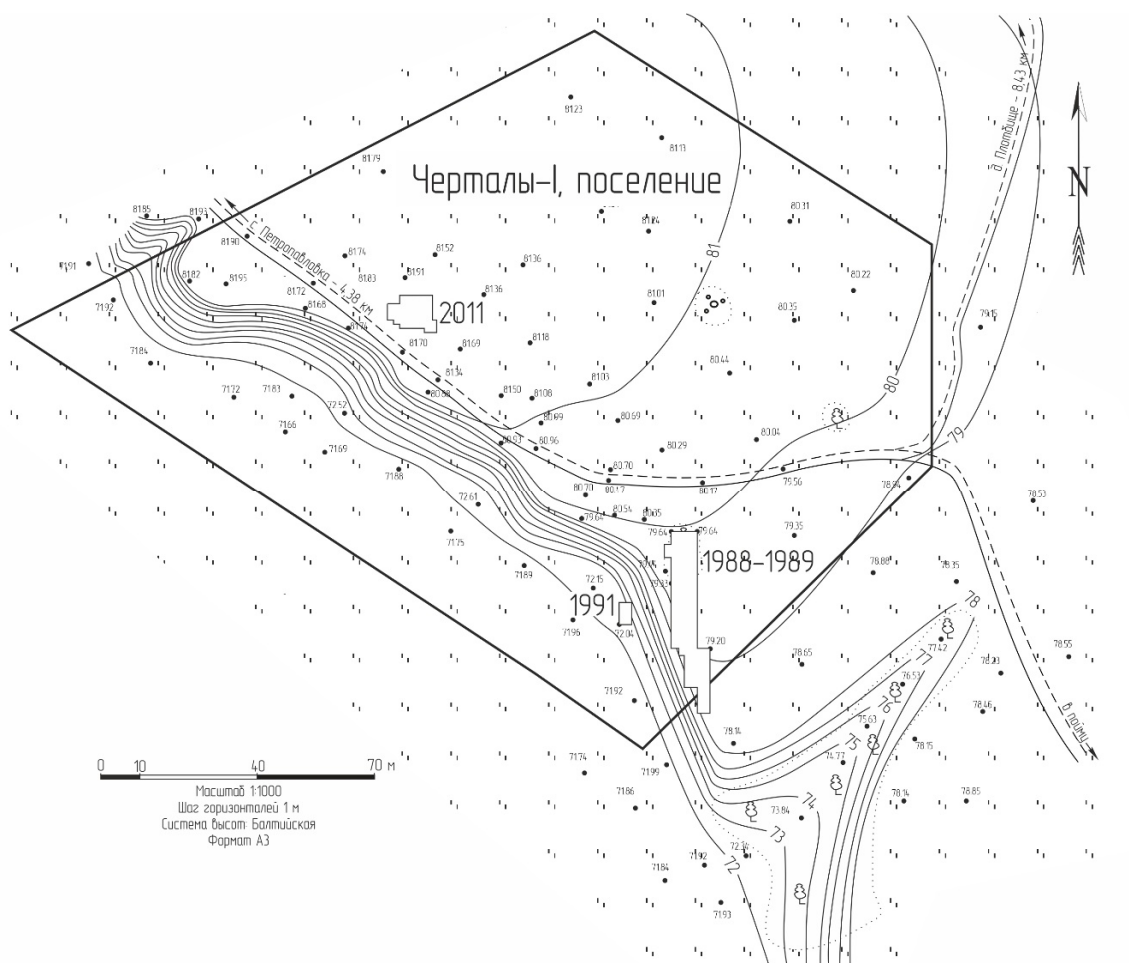

Рис. 1. Черталы-I, поселение. Инструментальный план с указанием мест расположения раскопов 1989, 1991, 2011 гг.

Современная деревня Черталы, населённая этно-территориальной группой татарских татар – *аялу*, расположена на левом берегу р. Тары, у её излучины, но, согласно историческим данным, до середины XIX в. поселение ясаших татар Юрты Черталинские располагалось на правом берегу реки⁵. Этнографами при опросе информаторов из д. Черталы получены сведения о том, что на Красном Яру находилось древнее поселение их предков («*кышлау*» – зимняя стоянка), а выше по течению – кладбище⁶. Таким образом, есть достаточно оснований полагать, что археологические памятники Черталы I и Черталы III являются поселением и могильником, оставленными предками современного населения д. Черталы.

Шурф и раскопы Б. В. Мельникова располагались на восточной окраине поселения у края и у подошвы коренной террасы, что позволило изучить не только культурный слой самого поселения, но и его переотложенную в результате естественных процессов часть. Общее количество находок в коллекции составило почти 10 тыс. экземпляров, включая 395 единиц вещевых находок (исключая фрагменты керамики и технологические отходы (фрагменты бересты и т. п.)). Следует отметить, что, к сожалению, в отчёте о полевых работах не описан процесс изучения объекта, отсутствуют детальные описания конструктивных элементов и наблюдения, утрачена часть планового материала, а имеющиеся в отчёте в ряде случаев противоречат друг другу, прилагаемые фотоматериалы очень низкого качества.

Шурф и раскоп 1988 и 1989 гг. представляют собой единый участок площадью 420 кв. м, вытянутый с севера на юг, с общим понижением к югу (обрыву). В северной части на поверхности фиксировалось повышение высотой до 50 см⁷. Раскоп включал в себя как само повышение, так и значительную площадь, примыкающую к нему с юга⁸.

Как следует из текста отчёта, уже на первом горизонте в северных квадратах раскопа «зафиксированы брёвна, ориентированные с юго-запада на северо-восток»⁹. Подробное описание конструкции в отчёте отсутствует, но на плане зачистки после 1 штыка отображены 7 «брёвен», 6 из которых расположены двумя группами по три

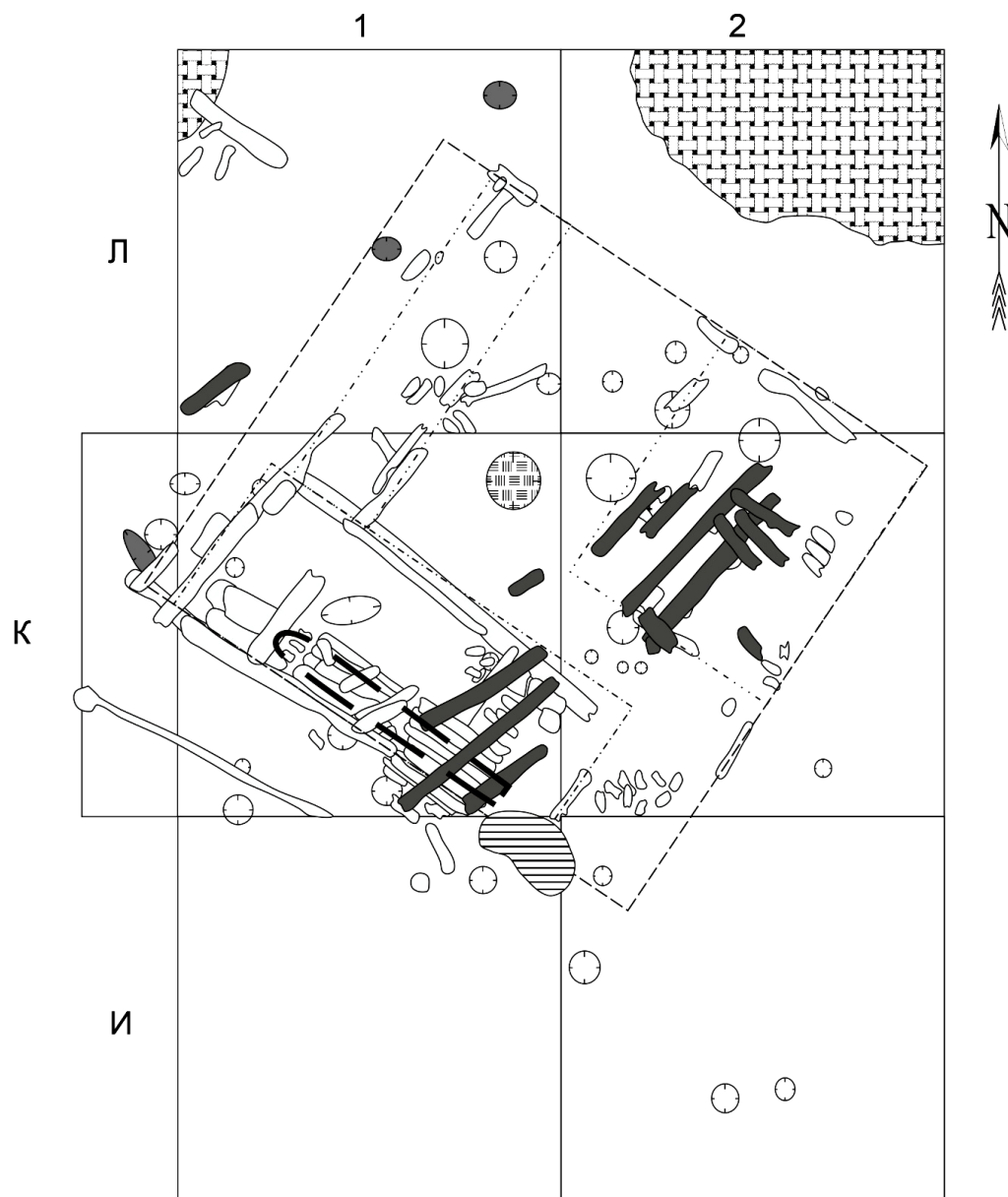
брёвна, лежащими параллельно друг другу (обозначим юго-западную группу как группу 1, а северо-восточную, соответственно, – группа 2), ещё одно бревно в группы не входит, но ориентировано аналогично. Длина брёвен – 1–2,2 м, ширина – 0,16–0,18 м, расстояние между ними – 0,2–0,38 м; по их толщине (или диаметру) информация отсутствует, не указана также степень сохранности.

Из планов зачистки следует, что на первом условном горизонте второго штыка параметры группы 1 не изменились, а у группы 2 проявились ещё 5 фрагментов, которые лежат поперёк «брёвен», выявленных на первом штыке. Размеры расчищенных фрагментов: длина – 0,4–1 м, ширина – 0,18–0,2 м, информации по иным характеристикам новых деталей конструкции в отчёте нет.

На втором условном горизонте второго штыка контуры сооружения оформились окончательно. Фотографий этого этапа исследований нет, поэтому описание будет дано только по плану¹⁰. Большая часть расчищенных компонентов конструкции представлена элементами разных размеров и ориентации в пространстве и укладывается в прямоугольник 5×6 м, ориентированный длинной стороной по линии северо-запад – юго-восток (информация о степени сохранности элементов конструкции в тексте отчёта отсутствует). За пределами этой площади остались девять элементов, из которых только два имеют длину 1 м и более. Один из них, длиной 2,9 м и шириной 0,1–0,2 м, располагается в 1,2–1,3 м к юго-западу от юго-западной стороны, параллельно ей. Второй значительный элемент располагается рядом с северным углом предполагаемого контура объекта, в 1,2 м от северо-западной стороны к северо-западу от неё, его длина 1,2 м, ширина – 0,2 м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток; размеры остальных не превышают 0,2–0,4×0,1–0,2 м (рис. 2).

Элементы, расположенные внутри контура 5×6 м, концентрируются в три группы: группа 1 – у юго-западной стороны (Б. В. Мельников предположил, что это остатки нар и отопительной конструкции), группа 2 – у северо-западной стороны, группа 3 – у северо-восточной.

Группа 1 насчитывает 41 элемент (кв. К-1), наиболее массивные из которых

Условные обозначения

- - элементы, выявленные на первом штыке и первом уровне второго штыка
- - элементы выявленные на втором уровне второго штыка
- - «ямка» со следами деревянного столбика в заполнении, заглубленная в материк
- - «ямка» со следами древесного тлена, заглубленная в материк
- ⊗ - «яма» прослеженная только на уровне второго штыка
- ▣ - объект (хозяйственная яма) с отсутствующим описанием
- ▭ - граница периметра, в который укладывается большая часть расчищенных элементов
- ▭ - граница группы 1
- ▭ - граница группы 2
- ▭ - граница группы 3
- ▭ - «дымоход»
- ▭ - обожженная глина

Рис. 2. Черталы-I, поселение. Элементы конструкции жилища в северной части раскопа 1989 г., реконструкция по планам из отчёта Б. В. Мельникова 1989 г. (элементы условных обозначений в кавычках – терминология автора отчёта)

(1,2–4×0,2–0,3 м) образуют разомкнутый с юго-восточной стороны прямоугольный периметр размерами 4,5×1,8 м – раму, а более мелкие элементы длиной 0,2–1,2 м, шириной 0,15–0,3 м, заполняют пространство между ними. Периметр ориентирован длинной осью по линии север-запад – юго-восток.

Группа 2 (кв. К-1, Л-1) состоит из 17 элементов, которые образуют умозрительный разомкнутый прямоугольный периметр размерами 3,7×0,6 м, ориентированный длинной осью по линии юго-запад – северо-восток. Юго-западной стороной периметр примыкает к группе 1. Элементы расположены в основном параллельно длинной оси и имеют размеры 0,2–1×0,1–0,2 м, две плашки по краям периметра расположены перпендикулярно.

Группа 3 (кв. Л-1, 2) расположена в восточной части большого периметра и состоит из 19 разрозненных элементов, образующих разомкнутый прямоугольный контур размерами 3×2,5 м. Размеры элементов 0,2–1,2×0,1–0,2 м. Располагаются преимущественно поперёк длинной оси, шесть элементов – вдоль.

При описании выборки третьего штыка Б. В. Мельников отмечает, что «расположение остатков деревянного сооружения соответствовало зафиксированному на втором штыке»¹¹. В описании четвёртого штыка какие-либо упоминания конструкции отсутствуют.

В результате работ 1989 г. Б. В. Мельниковым было раскопано жилище, описание которого финализирует текстовую часть отчёта. Приведём его полностью: «Жилище фиксировалось на поверхности ещё до начала раскопок в виде возвышения в северной части раскопа. В ходе расчистки первого штыка были зафиксированы 4 бревна в кв. К-1,2, лежащих в направлении юго-запад – северо-восток. После зачистки первого слоя второго штыка выявлено ещё четыре коротких бревна в кв. К-2, лежащих под прямым углом к вышеописанным брёвнам. Эти брёвна, вероятно, являются остатками упавшей крыши жилища. После зачистки второго штыка жилище оконтурилось в виде прямоугольного сооружения, ориентированного по линии северо-восток – юго-запад – северо-запад – юго-восток. Границы его хорошо фиксировались

по прослойкам белой и серой золы и бересты. В южной части жилища кв. К-1 защищено прямоугольное (неразборчиво. – авт.) сооружение (вероятно, остатки лежанки – нар), размерами 2×4 м, ориентированное длинной осью по линии север-запад – юго-восток. Лежанка представляет собой сруб в три венца, покрытый сверху продольными плахами. Южный угол лежанки примыкал к скоплению обожжённой глины на пересечении квадратов И-1, 2, К-1 (вероятно, это остатки очага, возможно, чувала). Вероятно, лежанка подогревалась от чувала, так как в заполнении лежанки от южной части, примыкающей к чувалу, в направлении на северо-запад отмечен округлый в плане дымоход (воздуховод?), имеющий более рыхлое заполнение. Длина воздуховода достигает 2,8 м. Пол жилища был выстлан слоем бересты»¹².

Таким образом, описание конструкции жилища фактически отсутствует, поэтому реконструкцию Б. В. Мельникова мы дополним данными, полученными из анализа материалов его отчёта, которые автор не использовал: «План до раскопок» (план нивелировки дневной поверхности), «План ямок», таблицу «Характеристика ямок», «План разреза по линии 3-3»¹³, а также этнографическими сведениями.

Для постройки дома было выбрано локальное естественное повышение до 0,2 м; на дневной поверхности зафиксировано в виде подпрямоугольного возвышения в северной части раскопа, размером ≈12×10 м, ориентированного по оси юго-запад – северо-восток.

Судя по стратиграфической картине на разрезе по линии 3–3, проходившей по центру жилища, на начальном этапе строительства дома был снят гумусный слой, в результате чего образовался котлован глубиной до 0,3 м и размерами чуть больше площади, занимаемой сохранившимися элементами. При этом в юго-западной части оставлена ступенька размерами около 2×4 м (высоту этого элемента на основании имеющихся данных отчёта установить невозможно), которая могла использоваться для сооружения нар. Рядом с ней, в южном углу, сооружено отопительное устройство, тип которого установить на основе имеющихся данных невозможно. Стены жилища представляли собой каркас из вертикальных и горизонтальных

балок, промежутков между которыми был заполнен горизонтальными жердями. Остатки именно такой конструкции, по нашему мнению, зафиксированы Б. В. Мельниковым в южной части жилища, которые он ошибочно интерпретировал как остатки крыши и нар. В пользу такой интерпретации говорит как характер расположения продольных плах, так и взаиморасположение продольных и поперечных элементов. Три «бревна», принятые Б. В. Мельниковым за срубную конструкцию, логичнее рассматривать как основные стенки, закреплённые на вертикальных столбах, которые в раскопе зафиксированы в виде поперечных «брёвен» (рис. 2). В процессе археологизации строения стена упала внутрь сооружения, лишь её нижняя часть сохранилась *in situ*. Что касается округлого «дымохода» с более рыхлым заполнением, прослеженным под лежанкой, то это, вероятно, нора животного. Для утверждения о принадлежности указанного элемента к отопительной системе недостаточно ни археологических, ни этнографических сведений. Кроме этого, в отчёте нет ни слова о конструкции «дымохода» (каркас, обмазка и др.). Также не в пользу версии о назначении этого элемента говорит, то, что Б. В. Мельников смог проследить его только на протяжении 3 м, т. е. «дымоход» закончился глухой стенкой. Следует также отметить, что отсутствие фотографий этого объекта и высотных отметок на плане, не позволяют нам определить расположение «дымохода» в объёме жилища. Нижняя часть стен дома по периметру была подсыпана золой в качестве дополнительной термоизоляции. Внутренне пространство дома было выстелено берестой, фрагменты которой, различных размеров, встречались в процессе раскопок в разных частях сооружения. Внутри здания зафиксированы несколько округлых ям с древесным тленом, которые мы склонны рассматривать как следы опорных конструкций крыши. Информация о каких-либо иных элементах конструкции жилища в отчёте отсутствует.

Функционально внутреннее пространство дома было, видимо, разделено на две зоны – хозяйственную, располагавшуюся у входа, и жилую, у дальней стенки строения; именно здесь располагалась отопительная конструкция и поднятые над уровнем

пола нары. Более полное представление об интерьере жилища можно было бы получить на основе анализа распределения находок в пространстве строения и их характера, но принятая в отчёте система планофиксации не позволяет этого сделать, поскольку находки со всех штыков нанесены на один план, а отсутствие условных обозначений делает невозможным анализ их типологии. Таким образом, сооружение, исследованное в раскопе 1989 г., можно интерпретировать как долговременное жилое строение каркасно-столбовой конструкции, слегка заглублённое в землю.

В раскопе 2011 г. сразу под дёрном на всей площади фиксировался перемес тёмносерой и чёрной гумусированных супесей с примесями сильно прокалённого суглинка оранжевого цвета в северо-восточном углу и навоза в южной части, а также золы и углей. Находки верхних горизонтов относительно равномерно располагались по всей площади раскопа, более высокая концентрация их отмечена в западном и юго-восточном секторах. На третьем горизонте находки образовывали полосу в юго-восточной части, ориентированную по линии северо-запад – юго-восток (рис. 3). Собранный коллекция артефактов включает колотые трубчатые кости, обломки челюстей, зубы животных; фрагменты гончарной керамики, железные ножи и их обломки, абразивы, изделия из кости и железа. Следует отметить находки голубой пастовой бусины, каменного жернова и плоского наконечника стрелы из бронзы, железного серпа, дверной петли и альчиков с резным краем.

На зачистке после выборки 2-го горизонта были выявлены остатки прямоугольного в плане строения, размером 5×6 м, ориентированного по оси северо-запад – юго-восток, параллельно кромке террасы, контуры которого обозначены полосами серой супеси и полосами древесного тлена и остатками плах. Объект включает остатки деревянных конструкций, комплекс столбовых ям, подсыпку строительной площадки.

Контур строения сформирован сгнившими плахами, лежащими вдоль его стен; лучше сохранились северо-восточная, юго-восточная и северо-западная. Элементы конструкции прослежены в виде полос деревян-

ного тлена и остатков плах, ориентированных по направлению северо-запад – юго-восток, параллельно стенам сооружения. Поверх деревянных плах зафиксированы фрагменты берестяной крыши, которая сверху была замазана жидкой смесью глины и песка. Вдоль юго-западной и частично вдоль северо-западной стен строения прослежен слой органики (навоз, суглинок), образующий достаточно чёткий контур, который интерпретируется как остатки саманной обмазки нижней части стен дома. Вдоль юго-восточной стенки такой же слой самана оконтурен мощной золистой подушкой, которая, вероятно, выполняла теплоизолирующую функцию.

Конструктивные особенности основания постройки наиболее отчётливо прослежены по юго-восточной стенке. Плаха, образующая здесь контур жилища, представляет собой часть продольно расколотого бревна, уложенного колотой стороной вверх на слой бересты, которая настелена на ещё одну пла-

ху из хвойного дерева, расположенную на земле. Сверху сохранились остатки ещё одной плахи, также связанной с конструкцией стены. К внутренней стороне стены примыкают плахи, образующие раму основания отопительной конструкции, составленную из более тонких колотых плах. Между рамами контура жилища и отопительной конструкции прослежена засыпка светло-серого песка с примесью золы и мелких угольков, которую рама печной площадки оконтуривает сбоку и сверху. Подсыпка лежит на темно-сером слое погребенной почвы.

Опишем этот объект подробнее. Итак, в северо-восточном углу строения открыты остатки отопительной конструкции в виде прямоугольной рамы размерами 2,3×1,5 м, образованной плахами из расколотых в четверть брёвен, забутованной песком белого цвета, под которым прослежена прослойка прокалённой глины красно-оранжевого цвета. При разборке рамы печи встречены

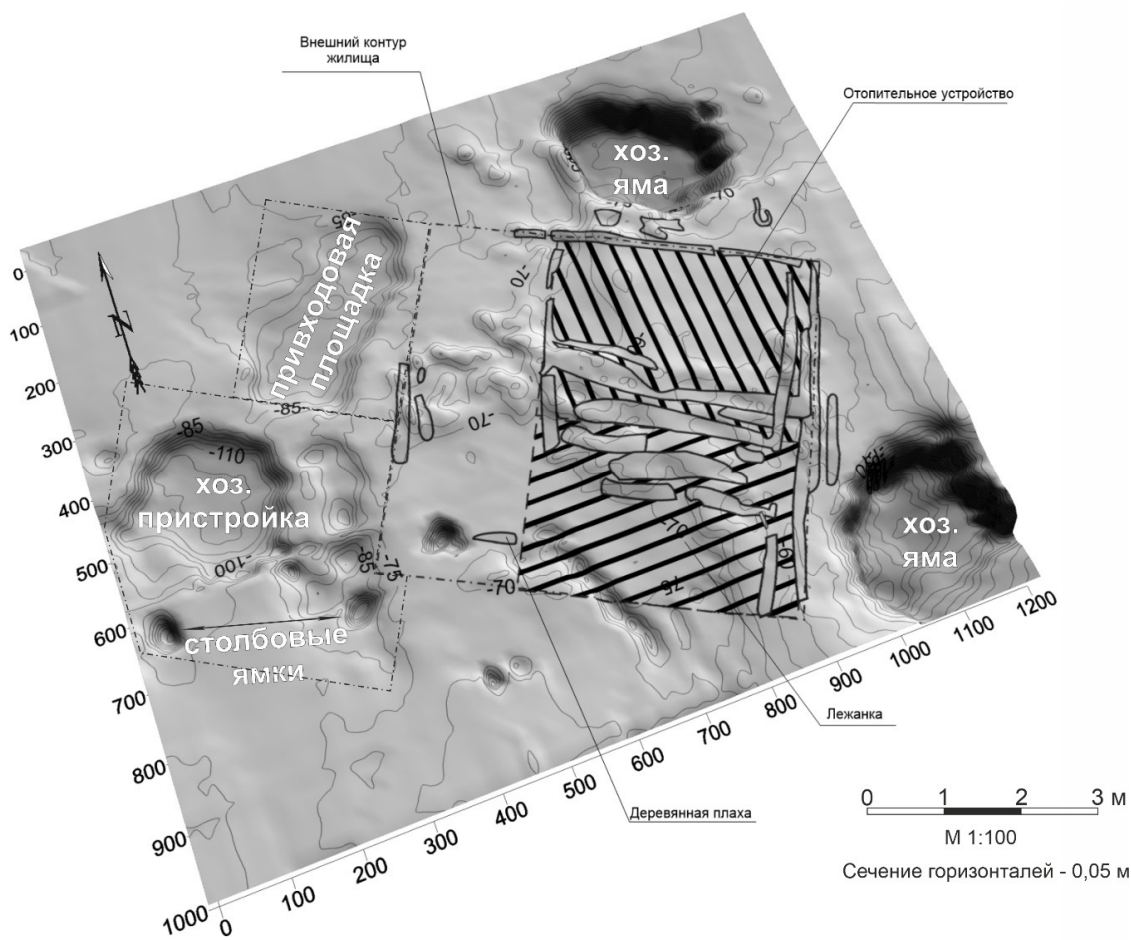

Рис. 3. Черталы-1, поселение. Элементы жилища и усадьбы в раскопе 2011 г.

отдельные фрагменты глиняной обмазки красного цвета, в её северном углу – заготовка костяной стрелы. Вдоль северо-восточной стенки рамы расчищено скопление костей животных, располагавшееся полосой протяжённостью 1,77 м, которое включало рёбра, расколотые продольно трубчатые кости, фрагменты нижних челюстей и лопаточные кости животных, а также рог косули. Следует отметить, что в расположении костей прослеживается определённый порядок – длинные ориентированы продольно, в несколько слоев, что позволяет предполагать целенаправленную укладку. Вероятно, указанное скопление выполняло функцию арматуры фундамента печи в месте наиболее высокой нагрузки. Между скоплением костей и слоем прокалённой глины, лежавшем под основанием печи, были найдены железный нож и костяная стрела.

Следы топки прослежены в центральной части рамы. Она представляла собой площадку подовальных в плане очертаний, размером 83×78 см, вытянутую по направлению юго-запад – северо-восток, поверхность которой покрыта смесью глины и ила толщиной до 1 см. В северо-восточной части на этой поверхности расчищено скопление крупных фрагментов прокалённой глиняной обмазки ярко-оранжевого цвета. Восточная часть почти горизонтальная, имеет небольшое понижение к западу, южная выше на 6 см, и также горизонтальна. Часть с обмазкой выше общего уровня на 9 см, минимальная высота составляет 15 см от уровня песчаной забутовки. Площадка оконтурена остатками 11 вертикальных прутков, которые полукольцом охватывают её по линии юг – восток – север – северо-запад; юго-западный контур открыт. Отопительное сооружение вплотную примыкало к северо-восточной стенке строения, его рама опиралась на балку основания стены, у юго-восточной стенки оставалось небольшое свободное пространство шириной до 0,5 м, в котором, близ границы с жилой зоной, расчищено скопление костей рыб. Скорее всего, этот закуток использовался для сброса бытового мусора, в том числе – пищевых отходов, но периодически очищался.

За пределами рамы, у северо-западного её угла, в месте стыка со стеной, расчищено

ещё одно скопление костей животных, аналогичное вышеописанному, но ориентированное перпендикулярно стенке строения. Поверх скопления зафиксировано несколько фрагментов бересты. Рядом обнаружены детали биметаллической дверной петли – железная полоса дверной накладке и бронзовая декоративная накладке на петлю. Эти находки, очевидно, относятся к двери жилища, располагавшейся в северо-западной стене строения. Отметим также, что вблизи от входа был обнаружен железный серп. Площадка под печью лишена берестяного покрова, в отличие от остального пространства, видимо, жилого. Следует отметить, что в заполнении горизонтов к северу от границы стены / печной конструкции прослежены многочисленные фрагменты обмазки, достаточно крупные, аморфные, концентрирующиеся в западной части; в центре – пятно золы и сажи, дисперсно встречаются мелкие угли.

Пространство к югу от описанной конструкции до юго-западной стены строения было занято остатками деревянного перекрытия из шести плах, уложенных продольно на две поперечины. Северо-западная балка основания данной конструкции образует общую границу с контуром отопительного сооружения. При разборке указанного сооружения обнаружен альчик косули с резным краем и отверстием в центре. Остатки деревянных конструкций лежали на слое светло-серой супеси, которая представляет собой подсыпку основания здания. Слой супеси был насыпан для выравнивания микрорельефа участка строительства; грунт для этого, скорее всего, брался рядом, из ям, которые в дальнейшем использовались как хозяйственные. Под указанным слоем прослеживается слой тёмно-серой супеси – погребенная почва; её мощность составляла 10–15 см; ниже залегал слой светло-серой супеси, образующий археологический материк.

Пространство между северо-западной стенкой строения и описанными конструкциями было заполнено многочисленными скоплениями фрагментов бересты с прослойками самана, лежащими на тонком слое серой супеси, под которым прослежен слой светлой супеси, ниже – тёмно-серая супесь. Структура скоплений всегда однообразна – верхний слой бересты, на котором фиксиру-

ются мелкие угольки, небольшие обломки костей и другой мусор, ниже – слой самана толщиной до 1 см, перекрывающий ещё одну берестяную подстилку, под которой фиксировались мелкие плашки, иногда – со следами обожжения.

В северо-западной стенке строения зафиксированы элементы входа в виде столбовых ямок и предвходовой площадки. Последняя прослежена как яма размерами $\approx 2 \times 1,2$ м при глубине до 20 см от уровня материка, подовальных очертаний, ориентированная по линии СВ – ЮЗ, заполненная смесью самана и глины, перекрытая берестой. У юго-западной и северо-восточной границ углубления расположены округлые ямки диаметром 20–25 см, которые мы рассматриваем как столбовые. Кроме того, овальные ямы диаметром по верхнему контуру до 60 см, а по дну – 20–25 см, с наклонными стенками, которые, на наш взгляд, также можно интерпретировать как столбовые, обнаружены у юго-западной и юго-восточной стен строения, что, в целом, позволяет отнести его конструкцию к каркасно-столбовым.

Кроме описанной постройки, в пределах раскопа было изучено ещё несколько объектов, образующих единый функциональный комплекс. Близ южного угла сооружения обследована яма подквадратных в плане очертаний, размерами $2,6 \times 2,2$ м, глубиной 1,1 м от уровня материка, в заполнении которой встречались многочисленные осколки костей, фрагменты гончарной керамики, обрывки бересты и берестяных изделий, зола и навоз. находки свидетельствуют, что объект использовался как мусорная яма. У северного угла расчищена овальная яма размерами $3,5 \times 2,3$ м и глубиной 0,9 м от уровня материка, при выборке заполнения которой обнаружены многочисленные кости и осколки костей различных животных, в том числе – рог козули, лося, черепные кости, челюсти, позвонки, рёбра, носившие следы обожжения. Среди находок также были железный сошник, обломок железной трубки неясного назначения, несколько фрагментов гончарной керамики. Верхняя часть объекта, до глубины 20–25 см, перекрывалась слоями прокалённой глины, саж, солистых включений; ниже прослежен слой навоза, лежащего

на берестяной подстилке, мощность слоя достигает 50 см; далее – серой супесью, практически все находки приурочены к этой страте, ниже – более тёмная супесь без находок, под ней – белая супесь, в которой прослежены древесные угли. Стратиграфия ямы показывает чёткую этапность её использования: в течении какого-то времени яма была открыта, заполнялась золовыми отложениями, гумусом, сформировался дёрн, затем она использовалась как мусорная, к этому периоду относится большинство находок, в том числе железный сошник, трубка, рога животных. Позже яма была перекрыта слоем бересты; для этого использовался, главным образом, нижний слой коры дерева, и стала использоваться для сброса навоза. На большей части площади ямы береста сгорела, вероятно, при горении навоза; слой её сохранился только в южной и юго-восточной части, где навоза было мало или он вообще отсутствовал. На остальной площади встречались только небольшие обгорелые фрагменты бересты.

На расстоянии 3–3,5 м западнее постройки был обследован ещё один объект, связанный с комплексом усадьбы, который имел вид округлой ямы с почти отвесными стенками и ровным дном. Её размеры составляли $2,8 \times 3$ м при глубине 25 см от уровня материка. Заполнение включало перемес из солистой супеси и саж, на дне и у стенок зафиксированы линзы самана и навоза, находки представлены несколькими обломками обожженных костей животных и фрагментом керамики. Вдоль западного, южного, юго-восточного и восточного контуров отмечены столбовые ямки округлой формы, диаметром до 30 см, которые с большой долей вероятности связаны с описанным объектом. Судя по характеру заполнения, прослеженным элементам конструкции и находкам, это сооружение выполняло хозяйственные функции.

Таким образом, на раскопе 2011 г. были изучены остатки, вероятно, одной усадьбы, включавшей долговременное жилое строение, хозяйственные ямы и сооружение (рис. 3).

Удалось зафиксировать ряд технологических и, как нам представляется, ритуальных особенностей строительства, функционирования и археологизации комплекса. Стратиграфические наблюдения показали, что для возведения дома использовалась

специально подготовленная площадка, с которой был удалён дерн и поддёрновый слой на глубину до 10 см, а затем подсыпкой песка и суглинка площадка была выровнена. Грунт для подсыпки брался непосредственно на поселении, скорее всего, из ям, прослеженных у южного и восточного углов дома, которые позже использовались как хозяйственные. Основание дома было оформлено рамой из деревянных полубрёвен, щели между которыми заполнили засыпкой из смеси песка, золы, залили саманом, приготовленным на основе навоза. Затем полученная площадь была покрыта пластинами бересты, уложенной на арматуру из прутьев, сверху помещена саманная стяжка, на которую уложили ещё один слой бересты, уже более тонкой. Саман, вероятно, готовился также рядом со строительной площадкой, для этого использовалось уплощённое углубление к западу от дома, которое позже стало основанием хозяйственной постройки. Очевидно, этот слой образовывал напольное покрытие. Внутри дома, рядом с будущим входом, был уложен железный серп, обращенный лезвием наружу; судя по уровню его залегания, он находился под слоем бересты. Мы склонны рассматривать находку как следы ритуальных действий, совершенных, скорее всего, при строительстве дома. В северо-восточном углу жилища было поставлено отопительное сооружение, вероятно, в виде чувала с прямоугольным основанием, вплотную примыкавшее к северо-западной стенке дома. Основание чувала образовано рамой из трёх плах, смыкающихся с балкой основания стены, его северо-западный и северо-восточный контуры дополнительно усилили арматурной сеткой из длинных костей животных. В северном углу рамы уложили заготовку костяного наконечника стрелы, а вдоль северной стены – железный нож и костяной наконечник стрелы. Указанные предметы мы считаем свидетельствами ритуальных действий, связанных с защитой источника огня, но интерпретация и расшифровка самого ритуала, как и в случае с серпом, станут темой дальнейших исследований. Площадку основания забутовали глиной, отсыпали песком, затем в неё воткнули 11 ивовых прутков толщиной не менее 1 см, оконтуривших очертания будущей топки, устье которой было открыто

в юго-западную стенку чувала. На этом основании, видимо, был собран плетеный свод топки. Основание топочного отделения было трёхуровневым – в устье располагался порожек высотой до 6 см, препятствующий выпадению угольков при работе чувала, и поднятию в дальней части топки на 9 см над уровнем топливника. Тело чувала, скорее всего, было более массивным в северо-западной части, о чём может косвенно свидетельствовать планиграфия арматурного пояса – именно эту зону стремились усилить при организации фундамента. Такая асимметрия может быть оправдана тем, что именно эта часть печи была обращена к входной двери, и массивный корпус, разогретый за время топки, создавал тепловую завесу, препятствующую быстрому остыванию дома. Южнее чувала располагалось жилое отделение, пол которого утеплили деревом и берестой: сюда же выходила топка чувала. В западной части дома, ближе ко входу, находилась, вероятно, хозяйственно-производственная зона, здесь обнаружены небольшие фрагменты берестяных и костяных заготовок.

Вход в дом был оформлен навесной дверью, о чём может свидетельствовать находка биметаллической накладной дверной петли, а также столбовые ямы, который могли использоваться как основания для косяков. Перед входом была сооружена площадка, основание которой прослежено в виде подовальной в плане ямы, заполнение которой составляли переслои бересты и самана. По углам ямы расположены характерные углубления, которые можно интерпретировать как остатки столбовых ямок – это могли быть опоры легкого навеса над площадкой.

Само жилище, судя по прослеженным столбовым ямам в юго-западном и северо-западном углах, вероятно, имело каркасно-столбовую конструкцию. Более подробной информации об устройстве стен и кровли жилища получить не удалось. Прослеженная в раскопе планировка жилого дома коррелирует с описанием этнографами традиционного жилища барабинских татар, с поправкой на определённое историческое развитие. Таким образом, изученное строение следует рассматривать как определённый этап в развитии домостроения коренных обитателей Обь-Иртышья, в котором можно усматривать

некоторое влияние русских традиций (навесная дверь). У задней стенки дома, по обеим углам, были расположены ямы для сброса бытового мусора, которые с некоторой периодичностью перекрывались землёй и берестой, вероятно, в санитарных целях. Западнее дома, к югу от входа, располагалось хозяйственное строение в виде неглубокой полуземлянки с каркасно-столбовой конструкцией стенок, входом обращенное к северо-востоку. Такое расположение постройки, на наш взгляд, не случайно, оно позволяло создать дополнительную защиту от ветра с господствующего южного направления.

Оба типа жилищ, описанные на основании археологических данных, находят аналоги в традициях домостроительства коренных народов Западной Сибири, в частности, у барабинских татар. Так, сооружения, конструктивно близкие исследованному Б. В. Мельниковым, зафиксированы этнографами в виде квадратных или прямоугольных строений с опорными столбами по углам, основания стен которых выполнены из обрешетки с обмазкой [1, с. 186–188]. Конструкция дома из раскопа 2011 г. наиболее близка описанному А. Г. Селезнёвым «земляному дому» (*ярь-и*) барабинцев, где пространство между угловыми столбами, количество которых могло варьироваться, заполнялось пластами дёрна [2, с. 81]. Внутренняя планировка дома также находит близкие аналоги в традициях барабинских татар [3, с. 83].

Полученные материалы позволяют высказать некоторые соображения относительно планировки самого поселения. Прежде всего, отметим, что строения, изученные раскопами 1989 и 2011 гг., располагались в противоположных концах памятника. Оба жилых дома выходами ориентированы к северо-западу, т. е. в противоположную от реки сторону, что, вероятно, связано с необходимостью создать дополнительную защиту от ветров, дующих со стороны левобережной поймы. Два шурфа, заложенные в 2010 г., не показали наличия каких-либо признаков строений, равно как и южная часть раскопа 1989 г. Из этого можно сделать вывод о том, что дома располагались довольно разреженно, вдоль контура террасы, на расстоянии 15–30 м от её края. Предположение о существовании линейной планировки, на наш

взгляд, пока преждевременно, хотя исключить такой вариант, исходя из имеющихся данных, нельзя. Отмеченные особенности заметно отличают поселение Черталы I от более ранних комплексов коренного населения региона, датируемых XVI–XVIII вв., для которых характерна плотная хаотичная застройка. Указанные различия, на наш взгляд, демонстрируют развитие организации поселений под определённым влиянием русского населения.

Судя по прослеженному заполнению раскопа и остеологическому материалу, в жизни населения, оставившего памятник, заметную роль играло животноводство, хотя преобладающая роль в обеспечении мясной составляющей рациона сохранялась за охотой.

Скорее всего, оба дома были разобраны хозяевами, при этом часть элементов конструкций, вероятно, была демонтирована для вторичного использования. Именно этим можно объяснить необычный профиль столбовых ямок, зафиксированный в раскопе 2011 г.: столбы подкопали, раскачали, выдернули из земли и перевезли на новое место. Мы полагаем возможным связывать это событие с перемещением поселения на левый берег Тары, на место его современного расположения. Это произошло, согласно историческим сведениям, в середине XIX в., следовательно, этим временем и следует датировать прекращение функционирования комплекса, а время его бытования определить первой половиной XIX в. Не противоречит указанной датировке и собранный инвентарь. Кроме того, полученные материалы позволяют достаточно убедительно связывать материалы поселения и позднего комплекса некрополя Черталы-3, 4, что открывает широкие перспективы для изучения различных аспектов этнокультурной истории группы тарских татар.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мельников Б. В. Отчёт о работе археолого-этнографической комплексной экспедиции в окрестностях д. Черталы Муромцевского района Омской области летом 1988 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 2. Д. 62-1. Омск, 1989; Мельников Б. В. Отчёт об археологических раскопках поселения Черталы I в 1989 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 2. Д. 66-1. Омск, 1990.

² Мельников Б. В., Дрягин В. В. Место базового памятника в системе этнографо-археологического комплекса (постановка вопроса) // История, краеведение и музееведение Западной Сибири. Археология Западной Сибири. – Омск, 1988. – С. 54–57.

³ Корусенко М. А. Отчёт об археологической разведке на территории Омской области в 2006 г. // Архив Музея археологии и этнографии ОмГУ. Ф. II. Д. 2008-1.

⁴ Корусенко М. А. Отчёт об археологических раскопках поселения Черталы I, могильника Черталы III, IV на территории Муромцевского района Омской области в 2010–2011 г. // Архив Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. 39-1. Омск, 2012.

⁵ Корусенко М. А. Отчёт об археологических раскопках поселения Черталы I, могильника Черталы III, IV на территории Муромцевского района Омской области в 2010–2011 г. // Архив Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. 39-1. Омск, 2012.

⁶ Корусенко М. А. Отчёт об археологических раскопках поселения Черталы I, могильника Черталы III, IV на территории Муромцевского района

Омской области в 2010–2011 г. // Архив Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. 39-1. Омск, 2012.

⁷ Мельников Б. В. Отчёт об археологических раскопках поселения Черталы I в 1989 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 2. Д. 66-1. Омск, 1990. С. 1.

⁸ Мельников Б. В. Отчёт об археологических раскопках поселения Черталы I в 1989 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 2. Д. 66-1. Омск, 1990. Рис. 1.

⁹ Мельников Б. В. Отчёт об археологических раскопках поселения Черталы I в 1989 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 2. Д. 66-1. Омск, 1990. С. 5.

¹⁰ Мельников Б. В. Отчёт об археологических раскопках поселения Черталы I в 1989 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 2. Д. 66-1. Омск, 1990. Рис. 96.

¹¹ Мельников Б. В. Отчёт об археологических раскопках поселения Черталы I в 1989 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 2. Д. 66-1. Омск, 1990. С. 9.

¹² Мельников Б. В. Отчёт об археологических раскопках поселения Черталы I в 1989 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 2. Д. 66-1. Омск, 1990. С. 11–12.

¹³ Мельников Б. В. Отчёт об археологических раскопках поселения Черталы I в 1989 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 2. Д. 66-1. Омск, 1990. С. 14–19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томилов Н. А., Богомолов В. Б., Курочка Ю. И. Новые материалы по этнографии барабинских татар // Из истории Сибири. – Томск : Изд-во ТГУ, 1975. – Вып. 16. – С. 178–205.
2. Селезнёв А. Г. Традиционные типы жилища барабинских татар // Жилище народов Западной Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. – С. 78–85.
3. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. – Т. 1 : Поселения и жилища. – Кн. II. – 286 с.
4. Здор М. Ю., Корусенко М. А. Отопительные устройства аборигенного населения нижнего течения р. Тара (по материалам поселений Алексеевка 51 и Черталы I) // Интеграция археологических и этнографических исследований : в 2 т. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2013. – Т. 1. – С. 209–214.

Сведения об авторах

Герасимов Юрий Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644024, Россия, Омск, пр. К. Маркса, 15/1

E-mail: ngajapti@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5066-576X

Здор Максим Юрьевич – ведущий инженер Омского научного центра Сибирского отделения РАН (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644024, Россия, Омск, пр. К. Маркса, 15/1

E-mail: m-zdor@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1842-101X

Информация о статье

Дата поступления
13 сентября 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Герасимов Ю. В., Здор М. Ю., Корусенко М. А. Поселение Черталы в Тарском Прииртышье: некоторые итоги изучения // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 186–199. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).186-199.

Корусенко Михаил Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, старший научный сотрудник сектора методов исследования проблем развития регионов Омского научного центра Сибирского отделения РАН (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644024, Россия, Омск, пр. К. Маркса, 15/1

E-mail: otto.link@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7004-1287

Yu.V. Gerasimov, M.Yu. Zdor, M.A. Korusenko

THE SETTLEMENT OF CHERTALY IN THE TARSKY IRTYSH REGION: SOME RESULTS OF THE STUDY

The article presents some results of the archaeological study of the settlement of Chertaly I, located in the middle reaches of the Tara River, left by the historical ancestors of the Siberian Tatars. Some information about the history of the monument research is provided as well as characterization of its current state. The settlement has been excavated for several seasons, with the total area of the digs equated to 660 m². As a result, the remains of two residential buildings, the utility zone and the adjacent space have been studied. On the basis of the data collected, some construction technologies are described, the issues of the planographic organization of settlements are touched upon, the special characteristics of the economy of the indigenous population are discussed. The data obtained convincingly connects the archaeological complex with the historical settlement of Chertaly, which existed until the middle of the XIX century. Additionally, the data allows us to conclude that the studied complexes represent the final stage of the settlement's existence.

Keywords: Ethnographic and archaeological complexes; archaeology of settlements; archaeological excavations; Modern Times; Middle Irtysh region; Tar Tatars; ethnic history.

REFERENCES

1. Tomilov N.A., Bogomolov V.B., Kurochka Yu.I. Novye materialy po etnografii barabinskikh tatar [New materials on the ethnography of the Barabinsk Tatars]. *Iz istorii Sibiri [From the history of Siberia]*, collection of scientific articles, Tomsk, Tomsk University Publ., 1975, iss. 16, pp. 178-205. (in Russian).
2. Seleznev A.G. Traditsionnye tipy zhilishcha barabinskikh tatar [Traditional types of housing of the Barabinsk Tatars]. *Zhilishche narodov Zapadnoi Sibiri [The dwelling of the peoples of Western Siberia]*, collection of scientific articles, Tomsk, Tomsk University Publ., 1991, pp. 78-85. (in Russian).
3. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri [Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia]*, Tomsk, Tomsk University Publ., 1994, vol. 1, Poseleniya i zhilishcha, book II, 286 p. (in Russian).
4. Zdor M.Yu., Korusenko M.A. Otopitel'nye ustroistva aborigennogo naseleniya nizhnego techeniya r. Tara (po materialam poselenii Alekseevka 51 i Chertaly 1) [Heating devices of the indigenous population of the lower reaches of the Tara River (based on the materials of the village of Alekseevka 51 and Chertaly 1)], *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy [Integration of archaeological and ethnographic research]*, in 2 volumes, Irkutsk, IrGTU Publ., 2013, vol. 1, pp. 209-214. (in Russian).

About the authors

Yuriy V. Gerasimov – PhD in Historical Sciences, Research Fellow of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russia)

Postal address: 15/1, K. Marksa pr., Omsk, 644024, Russia

E-mail: ngajapti@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5066-576X

Article info

Received
September 13, 2022

Accepted
October 15, 2022

Maksim Yu. Zdor – Leading Engineer of the Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russia)

Postal address: 15/1, K. Marksa pr., Omsk, 644024, Russia

E-mail: m-zdor@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1842-101X

For citations

Gerasimov Yu.V., Zdor M.Yu., Korusenko M.A. The Settlement of Chertaly in the Tarsky Irtysh Region: Some Results of the Study. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 186-199. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).186-199 (in Russian).

Mikhail A. Korusenko – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Ethnology, Anthropology, Archaeology and Museology of Dostoevsky Omsk State University, Senior Research Fellow of the Institute of Archaeology and Etnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow of the Sector of Research Methods for Regional Development Problems of the Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russia)

Postal address: 15/1, K. Marksa pr., Omsk, 644024, Russia

E-mail: ollo.link@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7004-1287

УДК 903.126(571.26)

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).200-208

З. С. Лапшина

АРХЕОЛОГИЯ НИЗОВЬЕВ АМУРА: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛОВ НА ЛИЧИНЕ ПЕТРОГЛИФОВ РЕКИ КИЯ

В нижнем течении реки Амур и на побережье Татарского пролива с 50-х гг. XIX в. по XXI в. открыт ряд памятников наскального искусства: Сикачи-Алян, Малышево, Шереметьево, на реке Кия, Сукпай, Калиновка, урочище Май, бухта Ситуан, бухта Базарная. В совокупности они составляют бесценное культурное наследие, воплощающее в себе наиболее важные символы картины мира коллективов ушедших исторических эпох. В статье представлен вариант трактовки смыслового содержания символики личины № 1 петроглифов правого берега реки Кия, расположенных вблизи села Переяславка в Хабаровском крае. В качестве метода использован авторский приём иконографического описания личин, используемый более десяти лет. Итогом исследований стала интерпретация рисунка как маски верховного духа-танцора для исполнения ритуалов мужских тайных союзов.

Ключевые слова: петроглифы; река Кия; иконографический анализ; личина; символы; картина мира.

Введение

В Нижнем Приамурье с 60-х гг. XIX в. по конец 70-х гг. XX в. открыт ряд памятников петроглифов в бассейнах Амура и Уссури: Сикачи-Алян – П. И. Ветлицын в 1890 г.¹ и В. Л. Альфтан в 1894 г.², по правому берегу реки Уссури, Шереметьево – в 1861 г. Р. К. Маак³, на реке Сукпай в 1978 г. В. И. Дьяков⁴, на реке Кия в 1966 г. В. Д. Яхонтов⁵, по берегу русла Амура, в селе Калиновке – в конце XIX в. Дж. Фоук⁶, в урочище Май (Аури) в 1933 г. А. М. Золотарев⁷. В XXI в. автором обнаружены два местонахождения петроглифов на побережье Татарского пролива: в бухтах Ситуан в 2018 г. [1, с. 132–135] и Базарная в 2019 г. [2, с. 54–69]. Основные работы по превращению петроглифов в полноценные исторические источники проводились в 1935 г. (А. П. Окладников, М. Черемных) отрядом Нижнеамурской археологической экспедиции Института этнографии АН СССР, в 1953–1970 гг. археологами отряда Дальневосточной археологической экспедиции Института археологии и этнографии СО АН СССР под руководством А. П. Окладникова. Помимо полевых работ, проведены научные исследо-

вания по интерпретации и публикации материалов⁸. В 1990-х гг. осуществлялись полевые работы на р. Сукпай [3, с. 194–200].

История открытия и изучения петроглифов на реке Кия

Памятник расположен в излучине правого берега р. Кия, притока р. Уссури (рис. 1). В непосредственной близости находится пос. Переяславка Лазовского района Хабаровского края. Первые сведения о рисунках были получены А. П. Окладниковым от члена Приамурского Географического общества, натуралиста-орнитолога В. Д. Яхонтова. Он написал заметку в газету «Тихоокеанская звезда» с описанием антропогенных разрушений скал с рисунками возле Малышево и Сикачи-Аляна, упомянул о рисунках на скалах урочища реки Кия, в частности, о личинах, которые расстреливались, очевидно, туристами, охотниками и рыбаками⁹.

В 1967–1968 гг. А. П. Окладников и археологи Дальневосточной археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии СО АН СССР С. Г. Глинский и А. П. Деревянко приступили к полевым исследованиям памятника: возле скал была обнаружена стоянка с мезолитическим

Рис. 1. Место расположения петроглифов на реке Кия.
Фото З. С. Лапшиной, 2022 г.

слоем; проведены топографическое описание и калькирование 13 рисунков, из которых один был нанесён краской, остальные выбиты по поверхности участков скал. Фотоснимки сделаны Ю. А. Полумисковым¹⁰. В 2010 г. полевые исследования на р. Кия в районе расположения петроглифов проводил старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН д-р исторических наук В. Е. Медведев. Он изучал материальные культурные остатки в рыхлых отложениях коренного берега р. Кии в излучине Чёртово Плесо. Учёный определил культурно-хронологические границы появления рисунков: «Найденные фрагменты керамики мальшевской культуры позволяют датировать основную часть петроглифов средне-неолитическим временем (IV–III тыс. до н. э.). Некоторые рисунки могли быть выбиты в позднем неолите (вознесенская культура). Изображение лодки скорее следует связывать с обитателями р. Кии, оставившими поблизости от писаниц керамику польцевской культуры раннего железного века (конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.)» [4, с. 77]. Он не упоминает мезолитический слой, который был обнаружен в конце 1960-х гг.¹¹ В 2021 г. сотрудниками Хабаров-

ского краевого центра по охране памятников истории и культуры под руководством А. Р. Ласкина обнаружены две личины с сиянием¹². В декабре того же года ими проводились исследования с использованием методов фотограмметрии и выявлено изображение лося, которое визуальное на скале уже не просматривалось¹³. Общее количество изображений увеличилось до 16 изобразительных единиц.

Предыстория исследования личины № 1. Первичные сведения о памятнике были помещены А. П. Окладниковым в статью «Из предыстории искусства Амурских народов»¹⁴, опубликованную в 1968 г. в журнале «Советская археология». В полном объёме материалы по наскальным рисункам р. Кия вошли в его монографию «Петроглифы Нижнего Амура» (1971 г.). В монографии личина № 1 представлена как самая крупная (55×45 см), с концентрическим овалом и пучком трёх коротких полосок наверху, которые рассматриваются как рудимент головного убора из перьев; выделены большие круглые глаза, окаймлённые концентрическими кружками; на лбу ромб, окаймлённый спиральями; отмечено, что «Нижняя часть орнаментального внутреннего заполнения личины пострадала

от времени и не может быть восстановлена»¹⁵. Автором статьи проводилось исследование семантики изображений киинских личин. В монографии «Архаическая модель мира в наскальных рисунках Амура и Уссури» сделан иконографический анализ трёх личин (№ 8–10), по итогам которого они были отнесены к маскам персонажей верхней небесной сферы Вселенной [5, с. 92–97]. Личина № 1 описана автором также в монографии «Модель космоса в содержании личин петроглифов Амура и Уссури», где сделан первичный анализ семантики знаков внутреннего заполнения и верхнего знака за пределами контура; в итоге изображение рассматривалось как центральный персонаж идеограммы «столб людоеда» и было реконструировано предназначение изучаемого рисунка [6, с. 175–177]. В предлагаемой статье излагаются результаты дополнительных исследований всей совокупности знаковой системы внутреннего заполнения личины (рис. 2).

Иконографический анализ личины № 1 на скале р. Кия

Описание скалы и расположение рисунка. Скала сложена базальтами серого цвета. Под воздействием природных факторов она раскалывается на крупные глыбы, которые отваливаются от её массива и лежат у под-

ножия. Поверхность скалы покрыта вертикальными и косыми трещинами, образующими отдельные плоскости, на которые и наносились рисунки. Личина № 1 расположена отдельно от других, на небольшой плоскости, ограниченной трещинами и выступом в нижней части. Рисунок крупного размера (55×45 см). По своему облику он значительно отличается от других личин памятника.

Характеристика внешней контурной линии. Личина окружена двойным внешним контуром в виде вписанных друг в друга окружностей. В нижней части она немного шире, нежели в верхней. На макушке маски выбиты из одной точки пучком три тонкие полоски с округлыми концами: центральная – длинная, слева и справа – две короткие.

Внутреннее заполнение рисунка. В верхней части тонкая трещина пересекает двойной контур слева и справа, а также глаз и нос. Рисунок симметричен по вертикали: одинаково изображаются оба глаза, окруженные двойными полудугами; разделительной линией служит нос, на лбу два симметричных завитка, строго по центру лба четыре точки и два вписанных друг в друга угла вершинами вверх. Симметрию нарушает пучок из трёх линий – отростков, он чуть смещён влево. Внутреннее заполнение личины

Рис. 2. Петроглифы Кии. Личина № 1.

Фото З. С. Лапшиной (2014 г.) и прорисовка (по: Окладников А. П., 1971, табл. 132)

зрительно разделяется на три части: лобную, центральную, нижнюю:

1) *Лобная часть*. Она не отделена линией, бровями или свободным пространством от основной части. Это пространство выше уровня глаз. Оно обрамлено слева и справа двойными короткими полудугами. Лоб насыщен знаками. Выше переносицы нос плавно переходит в две двойные фигуры «V-образной» композиции с завитками. Между ними в развилке начертан ромб: нижняя его часть – собственно развилка из двойных линий, а верхняя – два угла вершинами вверх, вписанные друг в друга. Внутри ромба нанесено «четвероточие» – четыре ямки в крестообразной композиции.

2) *Центральная часть*. Она представлена глазами и носом до переносицы. Оба глаза состоят из ямок-зрачков, вписанных в два концентрических круга. За ними слева и справа выбиты двойные полудуги, одна в другой, они заканчиваются загибами над глазами и продолжаются полудугами на лбу. Нос имеет вид конуса: узкий у переносицы и расширяющийся книзу, он длинный и крупный. Ноздри отдельно не выделены, что может указывать на позднейшую разработку художественного образа.

3) *Нижняя часть*. Она включает щеки и расположенные на них сложные знаки. Ниже носа и знаков проходит довольно широкая трещина, она как бы отсекает участок подбородка, и проходит по всей горизонтали рисунка. Тем не менее, под трещиной заметны полукруг ниже носа и отходящие от него слева и справа две коротких полудуги. Их можно связывать с увеличением трещины, либо с деталями несохранившегося рта. Ниже глаз слева нанесен знак двойного овала с точкой; под правым глазом один мелкий кружок с точкой-ямкой внутри, и второй, более крупный эллипсоидный знак с выпуклой точкой внутри. Внутреннее заполнение этих знаков нельзя определить точно, и ямки, и выпуклости могут быть результатом процессов выветривания на поверхности скалы. В прежних описаниях они ошибочно воспринимались автором как знаки «слёз».

Заключение по рисунку и содержанию художественного образа. В структуре рисунка выдержан единый мотив двойной прямой и изогнутой линий, а также двойных концен-

трических кругов. При этом отсутствует мотив «линии-змеи», что, на наш взгляд, является признаком позднего изображения (финал каменного века). Вопросу мотивов в рисунках личин и последовательности их появления посвящено отдельное исследование автора, изложенное в статье «Личины петроглифов Амура-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ» [7, с. 64–68].

Личина № 1 отличается множеством знаков, рассмотрим их символическое значение. Как показало изучение автором несколько десятков амуро-уссурийских личин, содержание художественного образа мифологического персонажа, в основном заключено в символике его лобной части. В данном случае, в двойных завитках, углах, ромбе и крестообразном «четвероточии»:

1) Маска персонажа наделена знаком «V-образных» стружек с завитками, которые в ритуальной практике играют роль жертвоприношения высшим божествам. Содержанию знака завитков в заполнении личин посвящено отдельное исследование автора, изложенное в статье «Ритуальные стружки «инау» в наскальном искусстве Нижнего Приамурья», в которой обосновано представление о завитках как художественном образе древесных стружек. Последние использовались в качестве жертвоприношения взамен человека в течение всех этапов культурогенеза обитателей Амура, вплоть до настоящего времени [8].

2) Знак «четвероточия» в крестообразной композиции на лбу. На личине № 1 этот знак фланкируется по горизонтали двумя завитками, исходящими из развилки на переносице. Это соответствует «двойному инау», разновидности ритуальных древесных стружек, которые используются в качестве жертвенного дара во всех ритуальных действиях айнов о. Сахалина и о. Хоккайдо, нивхами Сахалина и Амура, ульчами, нанайцами и другими народностями Амура. Этот знак имеет тысячелетнюю историю [8]. Таким образом, жертвенный дар слева и справа обрамляет знак четырёх точек. Фланкирование центральной фигуры – это художественный приём, используемый с древности, для выражения образа мира с верховным персонажем по центру. Четвероточие выступает осью (пуповиной) данной модели мира. Ис-

следованиями числового описания мироздания, в частности, сущности числа «четыре» как символа горизонтальной структуры пространства и постоянно сменяющихся четырёх времён года в архаической культуре занимались семиотик В. Н. Топоров и археологи Б. А. Фролов¹⁶ и В. В. Евсюков¹⁷ и др. Опираясь на их опыт, знак ромба, заключающего в себе крестообразное «четвероточие», мы рассматриваем как символ верховного божества неба и земли, соединяющего горный и водный мир, смену времён года. Этот знак отражает структурирование горизонтального пространства в социуме оседлых рыболовов Амура. Именно знаку четырёх точек в ромбе предназначаются жертвенные дары в виде завитков.

Аналогичные знаки четырёх точек в крестообразной композиции встречаются во внутреннем заполнении на лбу личин других памятников Амура: в Сикачи-Аляне – Малышево это рисунок 2 на камне № 82; рисунок 2 на камне № 25; рисунок 1 на камне № 79. При этом содержание художественного образа приведённых личин не всегда совпадает. Знак четырёх точек в крестообразной композиции встречается на керамике неолита, в том же виде он сохранился в вышивках нанайской одежды [8]. Очевидно, знак «четвероточия» имеет всеобщее значение, стоит над символикой других мифологических персонажей, являясь образом мира.

3) Глаза в концентрических кругах. Этот приём показывает причастность изображения к человеческому черепу, который символизирует связь персонажа с духами предков. Он характерен для нижнеамурских петроглифов, как и двойные спирали в основе орнамента. Это отмечали учёные и на Амуре, и среди Северо-Западных петроглифов Северной Америки: Б. Лауфер¹⁸, А. П. Окладников¹⁹, Е. А. Окладникова²⁰ и др.

4) Двойные полудуги, ограничивающие участок лба и обрамляющие глаза и скулы маски также выступают признаками черепа. Череповидные личины нижнеамурских петроглифов, как правило, очерчены во внутреннем заполнении слева и справа одинарными или двойными кривыми линиями. Наиболее поздние, угасающие признаки черепа во внутреннем заполнении личины – это, на наш взгляд, знаки углов на щеках.

5) Знаки под глазами маски требуют отдельных объяснений. Ранее они обозначались автором «слезами» [6, с. 176]. В петроглифоведении существует понятие «слёзы» на масках, но они отличаются от знаков на амурских масках. В наскальном искусстве Сибири (окуневские стелы), а также индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки, знаки «слёз» связывают с длинными полосками ниже глаз, т. е. со следами текущих слёз²¹. Изучаемые нами эллипсы и кружки ниже глаз киинской личины, очевидно, правильнее называть знаками без уточнения. На личинах Амура часто встречаются знаки в виде эллипсов, треугольных фигур либо на щеках, либо за пределами внешнего контура личины. Маски таких персонажей с головными уборами и знаками принадлежат к особой категории изображений, которые обозначены автором как центральное звено идеограммы «столб людоеда» [6].

6) Пучок из трёх отростков на вершине головы, а также двойной контур личины могут означать изображение головного убора с султаном, характерного для руководителей сакральных обрядов. Среди личин Сикачи-Алян – Малышево есть маски с головным убором и с султаном на макушке (№ 41:1, № 55:1). Эти знаки связаны с изображением головного убора маски великого духа-танцора и руководителя обрядов [9, с. 104–114].

7) Играет свою роль и одиночное расположение личины № 1 на скале. Она первая, самая крупная, расположена высоко. Эта личина открывает изобразительный ряд наскального святилища, это подчёркивает её особое сакральное назначение.

Обсуждение и выводы. Иконографическое описание личины № 1 на скале р. Кия и анализ знаков показали принадлежность изображения к рисункам уровня модели мира; более того, это атрибут из обрядовой сферы коллективов оседлых рыболовов. Личина представляет собой изображение ритуально-обрядовой маски в головном уборе с султаном. Она наделена череповидными признаками: это глаза в концентрических кругах; двойные линии, обрамляющие лобную часть, глаза и нижнюю часть внутри двойного контура, они показывают абрис черепа. Эти детали и одиночное расположе-

ние маски на скале рассматриваются нами как наиболее важная часть атрибутов костюма сакрального лица, в частности, верховного духа-танцора и организатора ритуальных праздников мужских тайных союзов. Свидетельства о содержании обрядов и символическом значении подобных обрядовых личин для индейцев квакиутль оставил американский антрополог Ф. Боас и другие исследователи культуры американских индейцев²².

Второй ряд признаков на маске ставит её в положение модели мира. Это древние знаки двойных завитков, углов, ромба и крестообразного «четвероточия» в лобной части. Ритуальная маска наделена признаками более высокого порядка, нежели обрядовый костюм для праздника. Перечисленные знаки отражают представления о мироздании, в котором присутствует верховное божество, обозначенное четырьмя точками в двойном ромбе, нанесён знак жертвоприношения в виде «двойных инау». Султан на головном уборе также передаёт элемент образа солярного божества: он выступает аналогом лучей сияющего солнца. Череповидные признаки указывают на связи владельца маски не только с сияющим солярным божеством, но и с поколениями предков, которые ему поклонялись и чтили. Очевидно, культурное наследие древности было принято в обрядовой сфере членов мужского союза и вошло составной частью в новую модель космоса, воплощённую в священной обрядовой маске верховного духа-танцора и руководителя обрядов. Маска могла принадлежать исключительно главной сакральной персоне, и в ней заключалась его могущественная сила и власть. Подобные многослойные представления о мире, жизни и смерти становились картиной мира для социумов эпохи перехода от материнского рода к отцовскому.

А. П. Окладников в 1960–1970-х гг. обращал внимание на причинно-следственную связь разнообразия изобразительного искусства Приамурья со сложной развитой структурой первобытной общины. В статье «Из предыстории искусства Амурских народов (петроглифы на реках Кие и Уссури)» он отмечал: «такие формы общественной организации, как тайные мужские союзы и общества» на Амуре достигли «более высокой степени развития по сравнению с тем, что было

в таёжной Сибири»²³. Эти мысли нашли продолжение и в статье «Узловые вопросы ранней истории советского Дальнего Востока (Приморье и Приамурье)», где он писал: «И ещё ближе к пониманию этой структуры приводит нас анализ своеобразных наскальных рисунков нижнеамурской группы (Сикачи-Алян, Кия, Калиновка, Шереметьево). Судя по петроглифам, в неолите ещё в условиях материнского рода на Амуре уже возникает такая специфическая форма общественной организации, как тайные мужские союзы с ритуальными танцами и обрядами инициации»²⁴. С позиций петроглифоведения, рассматриваемая личина отнесена к поздним памятникам по причине отсутствия «линии-змеи» в структуре и мотиве рисунка. Архаическая картина мироздания рыболовов Амура не может обойтись без образа солярного божества, нанесённого «линией-змеёй», этот мотив исчезает к концу каменного века. Соответственно, личина № 1 может быть отнесена к финалу вознесенской культуры, слой которой обнаружен В. Е. Медведевым в пределах петроглифов р. Кие [4, с. 78]. Изображение, наделённое многочисленными знаками, свидетельствует о существовании в культуре оседлых рыболовов Амура разработанной системы мировидения. Она структурирована, отражает связь поколений с предками, содержит новые представления и знаки, которые появляются в социуме в процессе перехода от материнского рода к отцовскому.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ветлицын П. И.* Заметки о древних гольдских памятниках близ селения Мальшевского // *Приамурские ведомости.* – 1895. – 22 янв. – С. 17–18.

² *Альфтан В. Л.* Заметки о рисунках на скалах по р.р. Уссури и Бикину // *Труды Приамурского Отдела Импер. Русского географического общества.* 1895. Т. II. – Хабаровск, 1895. – С. 10.

³ *Маак Р. К.* Путешествие по долине р. Уссури. – Ч. 1. – СПб., 1861. – С. 43.

⁴ *Дьяков В. И.* Сукпайская писаница // *Археологические материалы по древней истории Дальнего востока СССР.* – Владивосток, 1978. – С. 31–32.

⁵ *Яхонтов В.* Я посетил знакомые места // *Тихоокеанская звезда.* – 1966. – 28 окт. – С. 3.

⁶ *Fowke G.* Exploration of the Lower Amur Valley // *American Anthropologist.* Vol. VIII. – 1966. – № 2. – April – June. – P. 276–277.

- ⁷ *Окладников А. П.* О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции в низовьях Амура летом в 1935 г. // *Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.)*. – Новосибирск : Наука, 1980. – С. 3.
- ⁸ *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. – Л. : Наука, 1971. – 335 с.
- ⁹ *Яхонтов В.* Указ. соч.
- ¹⁰ *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. С. 14.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Новые петроглифы на реке Кия // *Хабаровский краевой центр охраны памятников истории и культуры [Электронный ресурс]*. – URL: <https://nasledie27.ru/novosti-nrc/408-novye-petroglify-na-reke-kiya.html> (дата обращения: 03.05.2022).
- ¹³ Среди петроглифов на Кие обнаружили рисунок лося // *Хабаровский краевой центр охраны памятников истории и культуры [Электронный ресурс]*. – URL: https://static.vl.ru/news/1608535180826_default; <https://www.dvnovosti.ru/khab/2020/12/21/124321/> (дата обращения: 03.05.2022).
- ¹⁴ *Окладников А. П.* Из предыстории искусства Амурских народов (петроглифы на реках Кие и Уссури) // *Советская археология*. – 1968. – № 4. – С. 46–56.
- ¹⁵ *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. С. 61.
- ¹⁶ *Топоров В. Н., Фролов Б. А. и др.* Числа // *Мифы народов мира : энциклопедия*. – М., 1991. – Т. 2. – С. 629–631.
- ¹⁷ *Евсюков В. В.* Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамики культуры яншао // *История и культура востока Азии*. – Новосибирск : Наука, 1988. – 128 с.
- ¹⁸ *Laufer B.* The Decorative Art of the Amur Tribes. *Memoirs of the American Museum of Natural History*. Vol. VII, [pt.] 1. – [New York], 1902. – Table XXV, fig. 1; fig. 5, 6.
- ¹⁹ *Окладников А. П.* Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья // *Советская этнография*. – 1959. – № 2. – С. 38–46.
- ²⁰ *Окладникова Е. А.* Загадочные личины Азии и Америки. – Новосибирск : Наука, 1979. – С. 26–33.
- ²¹ Там же. С. 42.
- ²² *Boas F.* The social organization and the secret societies of the Kwakiutl Indians // *Ann. rep. of the Bureau of Amer. Ethnology*. Smithsonian Inst. S. Nat. museum. – Washington, 1897. – 500 p.
- ²³ *Окладников А. П.* Из предыстории искусства Амурских народов... С. 54.
- ²⁴ *Окладников А. П.* Узловые вопросы ранней истории советского Дальнего Востока (Приморье и Приамурье) // *Дальний Восток*. – 1976. – № 9. – С. 125.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лапшина З. С.* Петроглифы Нижнего Приамурья как экскурсионный и туристический ресурс. Проблемы сохранности и музеефикации // *Музей под открытым небом. Стратегия сохранения скульптуры в городской среде*. – СПб. : Знакъ, 2018. – С. 132–135.
2. *Лапшина З. С.* Новые археологические памятники на побережье Татарского пролива // *Записки Гродековского музея*. – Хабаровск : КГБНУК «ХКМ им. Н. И. Гродекова», 2020. – Вып. 39. – С. 54–69.
3. *Шиповалов А. М.* Наскальные изображения на р. Сукпай // *Традиционная культура востока Азии*. – Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 1999. – Вып. 2. – С. 194–200.
4. *Медведев В. Е.* О культурно-хронологическом соответствии киинских писаниц и поселений // *Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы*. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011. – Т. 2. – С. 77–78.
5. *Лапшина З. С.* Архаическая модель мира в наскальных рисунках Амура и Уссури. – Хабаровск : ХГИИК, 2012. – 212 с.
6. *Лапшина З. С.* Модель мира в семантическом содержании череповидных личин Амура и Уссури. – Хабаровск : ХГИИК, 2015. – 236 с.
7. *Лапшина З. С.* Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // *Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы*. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011. – Т. 2. – С. 64–68.
8. *Лапшина З. С.* Ритуальные стружки «инау» в наскальном искусстве Нижнего Приамурья // *Научное обозрение: теория и практика*. – 2012. – № 3. – С. 112–120.
9. *Лапшина З. С.* Архаическая картина мира в семантическом содержании личин петроглифов Нижнего Амура : монография. – Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2020. – 270 с.

Сведения об авторе

Лапшина Зоя Степановна – кандидат исторических наук, докторант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доцент кафедры церковно-практических и исторических дисциплин Хабаровской духовной семинарии (Хабаровск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 680000, Россия, Хабаровск, ул. Шевченко, 26

E-mail: Lapahinazoy@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4283-7365

Информация о статье

Дата поступления
4 мая 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Лапшина З. С. Археология низовьев Амура: опыт интерпретации символов на личине петроглифов реки Кия // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 200–208. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).200-208.

Z.S. Lapshina

ARCHAEOLOGY OF THE LOWER AMUR: EXPERIENCE OF INTERPRETATION OF SYMBOLS ON THE LIFE OF PETROGLYPHS OF THE KIA RIVER

In the lower reaches of the Amur River and on the coast of the Tatar Strait, from the 50s of the 19th to the 21st century, a number of rock art monuments were discovered: Sikachi-Alyan, Sheremetyevo, Kiya River, Sukpai, Kalinovka, Mayo Forest, Situan Bay, Bazarnaya Bay. Petroglyphs contain different cultural and historical layers of the Stone Age, the era of early metals and the early Middle Ages. The creators of the images left on the stones and rocks the symbols of the most important representations created in their cultural community, some of them can be considered as an element or a holistic view of the model of the universe and the rules of life in society. Of particular importance are studies of the semantic content of petroglyph drawings. Studying drawings and plots on stones and rocks, a petroglyphologist seeks to decipher these messages of antiquity, get closer to understanding the cultural foundations of the inhabitants of the region in a particular historical era. The object of the author's research is the rock art of the Lower Amur region. The subject of the study was the semantics of signs in the drawings of petroglyphs.

The purpose of the article is to present a variant of the interpretation of the semantic content of the symbolism on the face No. 1 of petroglyphs on the right bank of the Kiya River near the village of Pereyaslavka in the Khabarovsk Territory. The research method is the use of the author's method of iconographic description of the drawings of masks. The result of the study was the interpretation of the mask No. 1 as an image of the mask of the supreme spirit-dancer for performing the rituals of male secret unions. The mask is an artistic embodiment of the central character of the "cannibal pillar" ideogram. Three-part ideograms of similar content were singled out by the author among the Lower Amur petroglyphs in the amount of fourteen complexes. The iconographic description of the mask No. 1 on the rock of the Kiya River and the analysis of signs showed that the image belongs to the drawings of the level of the world model. This is an attribute from the ritual sphere of sedentary fishermen's groups. The face is an image of a ritual mask in a headdress with a sultan. It is endowed with cranial features: these are eyes in concentric circles, double lines framing the frontal part, eyes and lower part inside a double contour, they indicate the image of the skull. The image of a mask with numerous signs testifies to the existence of a developed system of worldview in the culture of the settled fishermen of the Amur. It is structured, reflects the connection of generations with ancestors, contains new ideas and signs that appear in society in the process of transition from the maternal clan to the paternal one.

Keywords: petroglyphs; the river Kiya; iconographic analysis; disguise; symbols; picture of the world.

REFERENCES

1. Lapshina Z.S. Petroglify Nizhnego Priamur'ya kak ekskursionnyi i turistichekii resurs. Problemy sokhrannosti i muzeefikatsii [Petroglyphs of the Lower Amur region as an excursion and tourist resource. Problems of preservation and museumification]. *Muzey pod otkrytym nebom. Strategiya sokhraneniya skul'ptury v gorodskoi srede* [Open-air museum. Strategy for the Preservation of Sculpture in the Urban Environment], collection of scientific articles, St. Petersburg, Znakh Publ., 2018, pp. 132-135. (in Russian).

2. Lapshina Z.S. Novye arkhеologicheskie pamyatniki na poberezh'ye Tatarskogo proliva [New archaeological sites on the coast of the Tatar Strait]. *Zapiski Grodekovskogo muzeya [Notes of the Grodekovsky Museum]*, Khabarovsk, Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Grodekov Publ., 2020, Iss. 39, pp. 54-69. (in Russian).
3. Shipovalov A.M. Naskal'nye izobrazheniya na r. Sukpai [Rock art on the river Sukpai], *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii [Traditional culture of East Asia]*, collection of scientific articles, Blagoveshchensk, Publishing House of the Amur State University, 1999, iss. 2, pp. 194-200. (in Russian).
4. Medvedev V.E. O kul'turno-khronologicheskom sootvetstvii kiinskikh pisanits i poselenii [On the cultural and chronological correspondence of the kiinsk petroglyphs and settlements]. *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoi pisanitsy [Rock art in modern society. To the 290th anniversary of the scientific discovery of the Tomsk petroglyph]*, vol. 2, collection of scientific articles, Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2011, pp. 77-78. (in Russian).
5. Lapshina Z.S. *Arkhaicheskaya model' mira v naskal'nykh risunkakh Amura i Ussuri [Archaic model of the world in the rock paintings of the Amur and Ussuri]*, Khabarovsk, Khabarovsk State Institute of Culture Publ., 2012, pp. 92-97. (in Russian).
6. Lapshina Z.S. *Model' mira v semanticheskom sodержanii cherepovidnykh lichin Amura i Ussuri [Model of the world in the semantic content of the skull-like faces of Amur and Ussuri]*, Khabarovsk, Khabarovsk State Institute of Culture Publ., 2015, pp. 175-177. (in Russian).
7. Lapshina Z.S. Lichiny petroglifov Amuro-Ussuriyskogo kompleksa: struktura risunka i khudozhestvennyy obraz [Faces of petroglyphs of the Amur-Ussuri complex: the structure of the drawing and the artistic image], *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoi pisanitsy [Rock art in modern society. To the 290th anniversary of the scientific discovery of the Tomsk petroglyph]*, vol. 2, Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2011, pp. 64-68. (in Russian).
8. Lapshina Z.S. Ritual'nyye struzhki "inau" v naskal'nom iskusstve Nizhnego Priamur'ya [Ritual shavings "inau" in the rock art of the Lower Amur region], *Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika [Scientific review: theory and practice]*, 2012, no. 3, pp. 112-120. (in Russian).
9. Lapshina Z.S. *Arkhaicheskaya kartina mira v semanticheskom sodержanii lichin petroglifov Nizhnego Amura [Archaic picture of the world in the semantic content of the petroglyphs of the Lower Amur]*, monograph, Khabarovsk, Publishing House of TOGU, 2020, 270 p. (in Russian).

About the author

Zoya S. Lapshina – PhD in Historical Sciences, Doctoral Candidate of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia), Associate Professor of the Department of Church-Practical and Historical Disciplines Khabarovsk Theological Seminary (Khabarovsk, Russia)

Postal address: 26, Shevchenko ul., Khabarovsk, 680000, Russia

E-mail: Lapahinazoy@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4283-7365

Article info

Received
May 4, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Lapshina Z.S. Archaeology of the Lower Amur: Experience of Interpretation of Symbols on the Life of Petroglyphs of the Kia River. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 200-208. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).200-208 (in Russian).

УДК 902.01

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).209-220

С. А. Перевозчикова, Д. А. Калугина

КРЕСТЫ-ТЕЛЬНИКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ РАННИХ КЛАДБИЩ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ УДМУРТСКОГО ПРИКАМЬЯ

Впервые представлена характеристика нательных крестиков, обнаруженных при раскопках русских могильников конца XVI – первой половины XIX в., расположенных в Прикамье на территории современной Удмуртии. Образование кладбищ связано с первой волной русской колонизации в конце XVI в. Изучены морфологические параметры крестиков-тельников: размеры, состав, орнамент и форма. Авторами статьи выявленные кресты были вписаны в общепризнанные типологии В. И. Молодина и Э. П. Винокуровой.

Ключевые слова: нательные кресты; типология; Прикамье; могильник; Сарапул; Гольяны; Зуевы Ключи.

В середине XVI в. на территории Удмуртского Прикамья началась первая русская колонизация. Именно в это время на правом берегу р. Камы были основаны военно-административные центры Сарапул и Каракулино, появились деревни Гольяны, Макарово и др., в которых селилось русское население.

Археологическое изучение населённых пунктов, связанных с первыми русскими поселениями на территории современного Удмуртского Прикамья, началось ещё в начале XX в. В 1909 г. П. П. Беркутовым и Ф. В. Стрельцовым, сотрудниками Сарапульского земского музея, на Сарапульской пристани были изучены два групповых захоронения XVII в.¹, предположительно мусульманское и православное. По мнению Л. Д. Макарова эти ямы, общее количество костяков в которых достигало более чем 5 000, могли являться захоронениями останков умерших из «убогих домов» [1].

В 1983 и 2006 гг. при строительных работах в центре Сарапула, на Красной площади, Н. Л. Решетниковым, сотрудником Сарапульского музея истории и культуры Среднего Прикамья, были найдены остатки человеческих костей и нательных крестов. В полевых материалах эти погребения автор отнес к могильнику XVII–XVIII вв.² Стационарные исследования на этом могильнике

проведены в 2017 г. отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета под руководством С. А. Перевозчиковой. Всего выявлено и изучено 295 костяков из 284 захоронений³.

На территории более южной крепости в Каракулино также были обнаружены остатки захоронений кладбища XVII–XIX вв. В 2009 г. выявлены разрозненные останки взрослого и детского костяков [2, с. 90].

Археологические исследования проводились и в населённых пунктах Зуевы Ключи и Гольяны. В 1996 г. С. Е. Перевощиковым на Зуевоключевском III могильнике были изучены 7 погребений: одно взрослое и шесть детских. При двух умерших найдены нательные кресты XVII в.⁴ На Гольянском кладбище⁵ выявлено 68 захоронений с останками 71 костяков [3].

В результате проведенных работ были частично обследованы самые ранние некрополи. Учитывая привязанность поселений к большой водной магистрали – Каме, кладбища располагались непосредственно на берегу, в центре поселений, на небольшом возвышенном месте, практически примыкая к жилым и хозяйственным постройкам. Это объясняет наличие мощного поселенческого культурного слоя на площадке некрополей

Рис. 1. Расположение Сарапульского I, Зувовключевского III и Гольяновского могильников на карте Прикамья

(на примере Гольяновского и Сарапульского могильников). Именно это обстоятельство зачастую существенно затрудняло фиксацию очертаний могильных ям.

Анализ выявленных захоронений показал, что в целом погребальная практика местного населения укладывалась в православный канон. Зафиксированные могильные ямы имели прямоугольную форму и средние размеры 170–190×60–80 см. Ориентация могил – ВСВ-ЗЮЗ. Захоронения производили в деревянных дощатых гробах. Умерших укладывали на спине с вытянутыми ногами, головой на ЗЮЗ [3].

Характерная черта Сарапульского кладбища – малое количество погребений с сопутствующим инвентарём (95 могил; 33 % от всех захоронений). Из единичных находок присутствуют бронзовые пуговицы-гирьки, серьги и пряжки, железная подкова, рыболовный крючок. В погребении 284 были расчищены остатки декора погребального покрывала – окаймляющая кружевная тесьма и тканый крест. Ещё в двух женских захоронениях выявлены остатки налобных венчиков с фрагментами кос. Хорошо представлены предметы мелкой культовой пластики – образки (погр. 180 и 182) и крестики-тельники. Всего на Сарапульском кладбище был найден 101 нательный крест.

В Гольянах сопровождающий инвентарь обнаружен в 42 погребениях (62 % от общего числа могил). Из единичных находок присутствуют бронзовые пуговицы-гирьки, бронзовые серьга, мелкие колечки и крючок, стеклянные бусы, остатки кожаной обуви, обработанные кости животных, серебряная чешуйка, железные ножи. К предметам мелкой культовой пластики относятся иконка св. Николая Чудотворца и нательные кресты (47 экз.).

В данной статье представлен анализ 150 нательных крестиков из описанных выше памятников. Ниже приводится их подробное описание с делением на типы, подтипы и варианты. За основу нами была взята классификация В. И. Молодина [4]. В дополнение к ней использована классификация, предложенная Э. П. Винокуровой [5].

У крестика из погр. 5 Гольяновского кладбища и 11 крестиков из Сарапульского кладбища (погр. 137, 144, 145, 156, 162, 171, 190, 202, 204, 210, 236) сохранность была крайне плохая, их не удалось соотнести с каким-либо типом.

Тип I – прямоугольные. Крест нательный, четырёхконечный с прямоугольными лопастями. Углы средокрестия и концы крестов – прямые. Форма креста простая. Тип II по Э. П. Винокуровой. Кресты выполнены

в основном из Cu (80–90 %), иногда с добавлением Zn (7–15 %).

Подтип 1, вариант 2 (3 экз.; рис. 2, 1; Г 4; ЗК 2А, ЗК кв. Д/5)⁶. Длина крестов – 3,4 см⁷, ширина – 2,1 см, толщина – 0,2 см. Восьмиконечный крест с тростью и копием опирается на курган. На оконечностях горизонтальных лопастей – IC (Иисус) и XC (Христос). Под центральной, большой, перекладной голгофского креста расположены сочетания из трёх букв НИ К (Копье) и Т (Трость) КА. На нижней лопасти, под курганом, имеется надпись МЛ/РБ (Место лобно, рай бысть). По краю крест иногда украшен косой насечкой. На оборотной стороне поверхность креста плоская или украшена косой насечкой по краю и разделена на несколько зон с нечитаемыми надписями внутри.

Подтип 2, вариант 3. Восьмиконечный крест с тростью и копием опирается на кур-

ган. На оконечностях горизонтальных лопастей – IC (Иисус) и XC (Христос). В верхней части креста, под оглавием, – надпись ЦРЪ/СЛВ (Царь Славы). Под центральной, большой, перекладной голгофского креста расположены сочетания из трёх букв НИ К (Копье) и Т (Трость) КА. На нижней лопасти, под курганом, имеется надпись МЛ/РБ (Место лобно, рай бысть). По краю крест иногда украшен косой насечкой. На оборотной стороне поверхность креста плоская или украшена косой насечкой по краю и разделена на несколько зон с нечитаемыми надписями внутри.

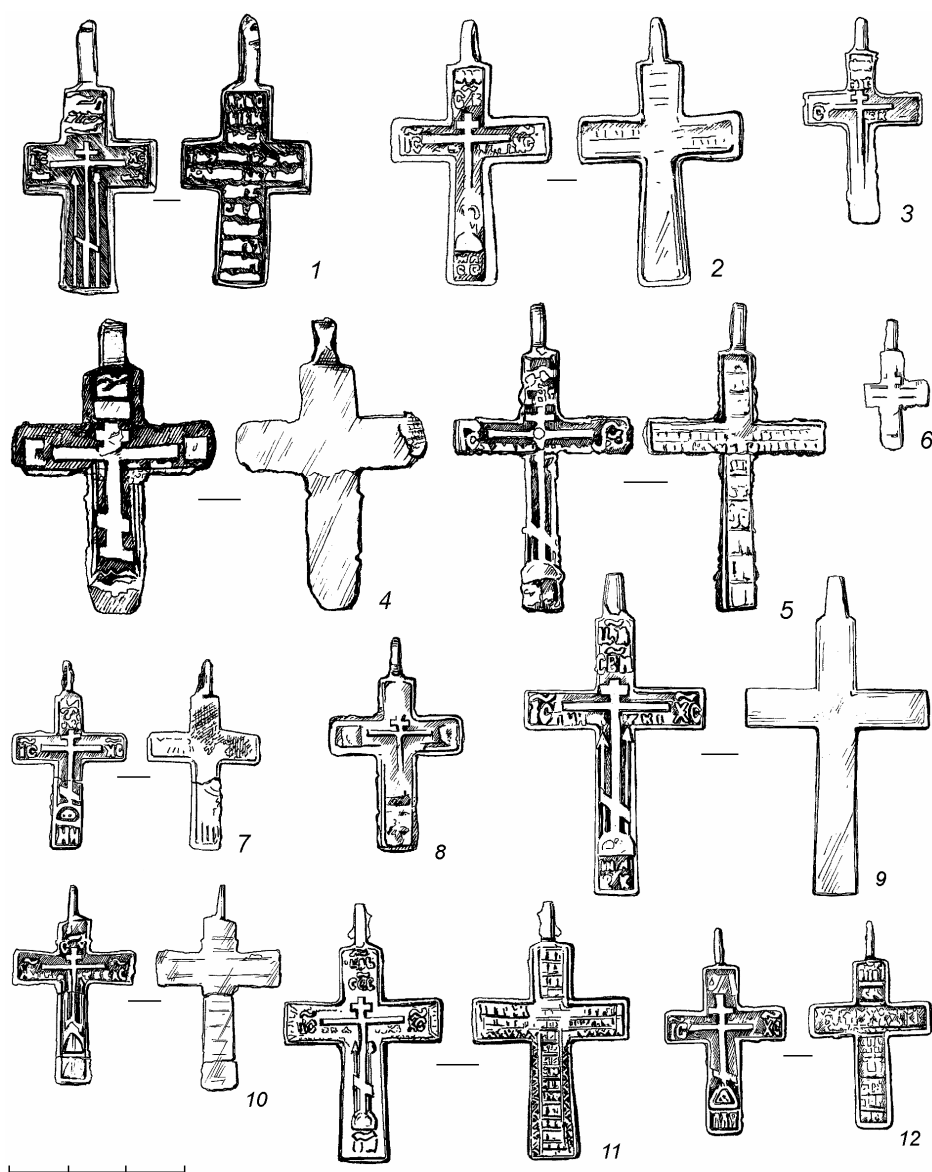

Рис. 2. Кресты-тельники с прикамских могильников

Гольяновский могильник: 1 – погр. 4; 4 – погр. 28; 7 – погр. 9; 10 – погр. 35; 12 – погр. 40.
Сарапульский I могильник: 2 – погр. 199; 3 – погр. 155; 5 – погр. 233; 6 – погр. 189;
8 – погр. 47А; 9 – погр. 209; 11 – погр. 49

Различия у крестов, в основном, наблюдаются по размерам.

Подвариант 1. Длина крестов – 4,0–4,7 см, ширина – 3–3,2 см, толщина – 0,2 см (9 экз.; С 34, С 124, С 172, С 199, С 209, С 231, С 233, С 282, Г 28) (рис. 2, 2, 4, 5, 9).

Подвариант 2. Длина крестов – 2,5–3,8 см, ширина – 2,1–3,0 см, толщина – 0,1–

0,2 см. У креста Г 21 имеется лишь надпись ЦРЪ (39 экз.; С 7, С 8, С 21, С 23, С 28, С 30, С 43, С 45, С 47А, С 47Б, С 49, С 74, С 81, С 101, С 106, С 146, С 155, С 164, С 165, С 174, С 185, С 192, С 200, С 205, С 208, С кв. Г/74, С кв. Ц'/65, С кв. Р/29, С с/п; Г 4, Г 9, Г 17, Г 29, Г 35, Г 40, Г 52, Г 56Б, Г 62, Г кв. И/8) (рис. 2, 3, 7, 8, 10–12; рис. 3, 1).

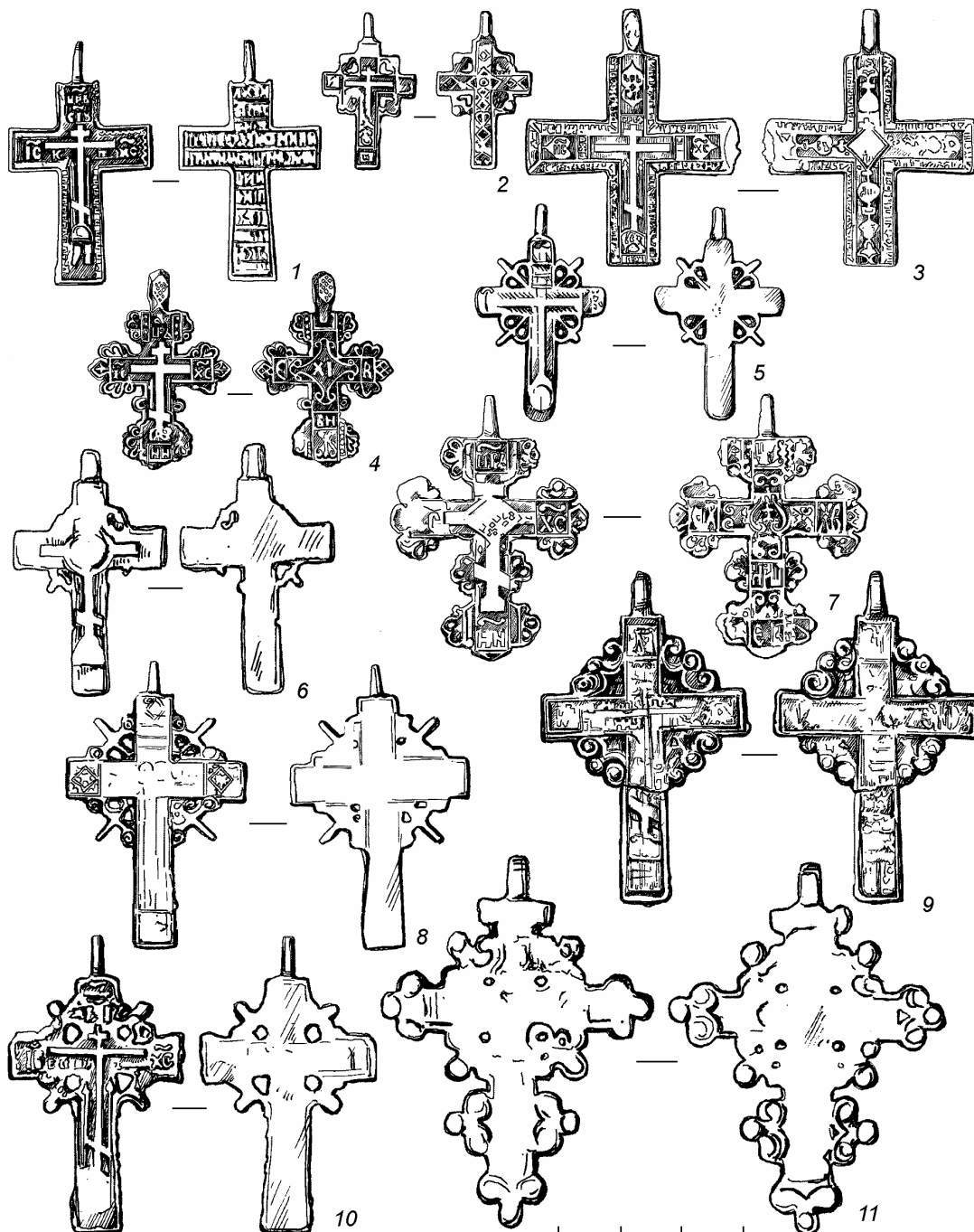

Рис. 3. Кресты-тельники с прикамских могильников

Гольяновский могильник: 1 – погр. 62; 4 – сбор с поверхности; 5 – погр. 34; 9 – погр. 18.

Сарапульский I могильник: 2 – кв. Г/77; 3 – погр. 264; 6 – погр. 68; 7 – погр. 100;

8 – погр. 41; 10 – погр. 151; 11 – погр. 284

Подвариант 4. Длина крестов – 1,7–1,9 см, ширина – 1,4–1,5 см, толщина – 0,1 см. Восьмиконечный крест без трости и копия опирается на курган. Крест С 189 не имеет надписей (2 экз.; С 25, С 189) (рис. 2, 6).

Подтип 4. Крест прямоугольный с равносторонними лопастями. Представлен экземпляром из погр. 264 Сарапульского кладбища (рис. 3, 3). Длина креста – 3,6 см, ширина – 3,6 см, толщина – 0,2 см. Сплав Cu (73 %) + Sn (17,4 %) + Pb (8,3 %). В центре – восьмиконечный крест с тростью и копием опирается на курган с черепом. На оконечностях горизонтальных лопастей в прямоугольных вставках и листиках – IC (Иисус) и XC (Христос). В верхней части креста, под оглавием, в двух листах – надпись ЦРЪ/СЛВ (Царь Славы). Середина креста на обратной стороне украшена ромбом и исходящими листьями. По краю креста, на обеих сторонах, имеются слова молитвы.

Тип 3 – с завитками по окончаниям лопастей. Крест нательный, четырёхконечный с прямоугольными лопастями. Углы средокрестия и концы крестов – прямые. Форма креста простая. На окончаниях лопастей имеются завитушки. Длина – 3,7 см, ширина – 3,2 см, толщина – 0,1 см. Выполнены из меди с небольшим содержанием свинца (Cu – 93 %, Pb – 6 %). На оконечностях горизонтальных лопастей – IC (Иисус) и XC (Христос). В верхней части креста, под оглавием, – надпись ЦРЪ (Царь). На нижней лопасти, под курганом, имеется надпись МЛ (Место лобно). Изображение восьмиконечного креста выполнено отдельно и припаяно к основе креста. Восьмиконечный крест без трости и копия опирается на курган. На оборотной стороне имеются надписи (2 экз.; С 100, Г с/п) (рис. 3, 4, 7).

Тип 4 – с волютами. Прямоугольный крест, у которого из углов исходят лучи, простые или оформленные дугой-венком. Тип I4 по Э. П. Винокуровой.

Подтип 2. Представлен экземпляром из погр. 34 Гольянского кладбища (рис. 3, 5). Длина креста – 3 см, ширина – 2,2 см, толщина – 0,1 см. Сплав Cu (29,9 %) + Ag (67,7 %). Из средокрестий, украшенных волютами, исходят лучи. Восьмиконечный крест с тростью и копием опирается на курган. Обратная сторона плоская. Тип I5 по

Э. П. Винокуровой; подобный вариант отсутствует в классификации В. И. Молодина.

Подтип 2, вариант 1. Представлен экземпляром из погр. 41 Сарапульского кладбища (рис. 3, 8). Длина креста – 4,3 см, ширина – 3,2 см, толщина – 0,1 см. Сплав Cu (81,7 %) + Zn (8,7 %) + Pb (6,8 %). Из средокрестий, украшенных волютами, исходят лучи. Восьмиконечный крест с тростью и копием опирается на курган. На оконечностях горизонтальных лопастей – IC (Иисус) и XC (Христос). В верхней части креста, под оглавием, – надпись ЦРС (Царь Славы). Надписи находятся в ромбах, а те, в свою очередь, – в квадратных вставках.

Подтип 3, вариант 1, подварианты 1, 2. Длина крестов – 4,2–5 см, ширина – 3,2–3,3 см, толщина – 0,1–0,2 см. Сарапульские кресты выполнены из сплавов Cu (70 %) + Zn (25 %), гольянский – из сплава Cu (64,5 %) + Sn (17,6 %) + Pb (16,7 %). Средокрестия украшены волютами и шариками – имитацией лучей. Восьмиконечный крест опирается на курган: у некоторых крестов имеются трость и копие. На оконечностях горизонтальных лопастей – IC (Иисус) и XC (Христос). В верхней части креста, под оглавием, – надпись ЦРЪ или ЦРЪ/СЛВ (Царь Славы). У крестов С 53 и С 151 на нижней лопасти, под курганом имеется надпись МЛ/РБ (Место лобно, рай бысть). Под центральной, большой, переключиной голгофского креста расположены сочетания из трёх букв НИ К (Копье) и Т (Трость) КА. Обратная сторона всех крестов плоская. У креста Г 18 на оконечностях, а также на оборотной стороне – прямоугольные вставки с плохо читаемыми надписями (6 экз.; С 53, С 115А, С 151, С 187, С 19, Г 18) (рис. 3, 9, 10).

Подтип 3, вариант 1, подвариант 6. Длина крестов – 1,5–2,3 см, ширина – 1,3–1,6 см, толщина – 0,1 см. Выполнены из сплава Cu (84 %) + Pb (15 %). Восьмиконечный крест без трости и копия опирается на курган. На оконечностях горизонтальных лопастей – IC (Иисус) и XC (Христос). В углах средокрестия имеются небольшие зерни – «намёки на лучи». У креста С 176 обратная сторона плоская. У креста С кв. г/77 в верхней и нижней лопастях в прямоугольных вставках имеются плохо читаемые надписи. На оборотной стороне рисунок из растительного

орнамента (3 экз.; С 176, С 179, С кв. г/77) (рис. 3, 2).

Подтип 3, вариант 3. Представлен экземпляром из погр. 68 Сарапульского кладбища (рис. 3, б). Длина креста – 3,7 см, ширина – 2,7 см, толщина – 0,1 см. Сплав Cu (49,9 %) + Pb (31 %) + Zn (8,8 %) + Sn (7,6 %). Восьмиконечный крест с цатой, без трости и копья опирается на курган с черепом. На оконечностях горизонтальных лопастей – IC (Иисус) и XC (Христос).

Подтип 4, вариант 1, подвариант 1. Представлен экземпляром из погр. 284 Сарапульского кладбища (рис. 3, 11). Длина креста – 5 см, ширина – 3,3 см, толщина – 0,1 см. Средокрестия и концы креста украшены волютами и шариками – имитацией лучей.

Тип 5 – листовидные. Прямоугольный крест, украшенный растительным орнаментом. Тип V по Э. П. Винокуровой.

Восьмиконечный крест с тростью и копьем опирается на курган с черепом внутри. На оконечностях горизонтальных лопастей – IC (Иисус) и XC (Христос) или IC (Иисус) СНЪ (Сын) и XC (Христос) БЖИ (Божий) (Г яма 1, 57, 37, 33). В верхней части креста, под оглавием, – надпись ЦРЪ/СЛВЫ (Царь Славы) или ЦРЪ/СЛВ.

Кресты, в основном, отличаются по размерам и отдельным деталям. Сплав состоит из меди, цинка и свинца, в разном процентном соотношении.

Подтип 1, варианты 2, 3. Длина крестов – 3–3,7 см, ширина – 1,8–2,7 см, толщина – 0,1 см. Крест С ц/62 с обеих сторон украшен синей эмалью, крест Г 53 – белой эмалью. Крест С кв. С/44 на лицевой стороне украшен зелёной эмалью, боковые и верхние концы – жёлтой эмалью, а нижний – синей. Обратная сторона полностью украшена зелёной эмалью. У креста С 157 к обратной стороне прикипела ткань. Лицевая сторона его украшена голубой эмалью. На обеих сторонах крест Г яма 1 украшен зелёной эмалью. На лицевой стороне Г 57 – белая эмаль. У крестов Г 37, Г 33 с лицевой стороны синяя и белая эмаль, с изнанки – синяя эмаль (10 экз.; С 157, С 283, С кв. ц'/62, С кв. С/44, Г 33, Г 37, Г 53, Г 57, Г 64, Г яма 1) (рис. 4, 1, 2).

Подтип 1, варианты 2, 3. Длина крестов – 2,7 см, ширина – 2,3 см, толщина – 0,1 см. С обеих сторон кресты С 54, Г 63, Г 55,

Г кв. И/15 украшены голубой эмалью (13 экз.; С 29, С 54, С кв. Р/28, Г 9, Г 36, Г 42, Г 43, Г 45, Г 48, Г 54, Г 55, Г 63, Г кв. И/8) (рис. 4, 3, 4).

Подтип 1, варианты 2, 3. Длина крестов – 4,2 см, ширина – 2,8 см, толщина – 0,1 см. У голянских изделий на обеих сторонах сам крест украшен синей эмалью, а растительный узор – голубой (4 экз.; С 232, Г 13, Г 21, Г кв. Е/2) (рис. 4, 5).

Тип 6, подтип 1 – с заострёнными углами средокрестия. Представлен экземпляром из погр. 175 Сарапульского кладбища (рис. 4, б). Крест прямоугольный, углы средокрестия заострены, лопасти расширяются к окончаниям. Тип III по Э. П. Винокуровой. Длина креста – 3,7 см, ширина – 2,7 см, толщина – 0,1 см. Выполнен из сплава Cu (94,8 %) + Pb (4,5 %). Восьмиконечный крест с тростью и копьем опирается на курган с силуэтом черепа внутри. На оконечностях горизонтальных лопастей – IC (Иисус) и XC (Христос). В верхней части креста, под оглавием, – надпись ЦРЪ/СЛВ (Царь Славы). На нижней лопасти, под курганом имеется надпись МЛ/РБ (Место лобно, рай бысть). Под центральной, большой, перекладиной голгофского креста расположены сочетания из трёх букв НИ К (Копье) и Т (Трость) КА. Обратная сторона плоская.

Тип 6, подтип 2 – прямоугольные, с усечёнными концами. Длина крестов – 2,5 см, ширина – 1,7 см, толщина – 0,1 см. Выполнены из сплавов Cu (50–68 %) + Zn (26–28 %) + Pb (2–19 %). Восьмиконечный крест с тростью и копьем опирается на курган с черепом. На оконечностях горизонтальных и вертикальной лопастей – условные обозначения надписей. Такие же условные буквы имеются и на обратной стороне. На крестах Г 51, Г 65 есть синяя эмаль с двух сторон, у креста Г 31 – белая (4 экз.; Г 6, Г 31, Г 51, Г 65) (рис. 4, 7).

Тип 7, подтип 2 – с плавно расширяющимися лопастями. Выявлены два таких изделия в плохом исполнении. Крест прямоугольный, лопасти больше напоминают небольшие утолщения на концах. Длина – 2 см, ширина – 1,8 см, толщина – 0,2 см. Выполнены из сплава Cu (67 %) + Zn (5,6 %) + Pb (25,4 %). В центре – восьмиконечный крест без трости и копья. На оконечностях

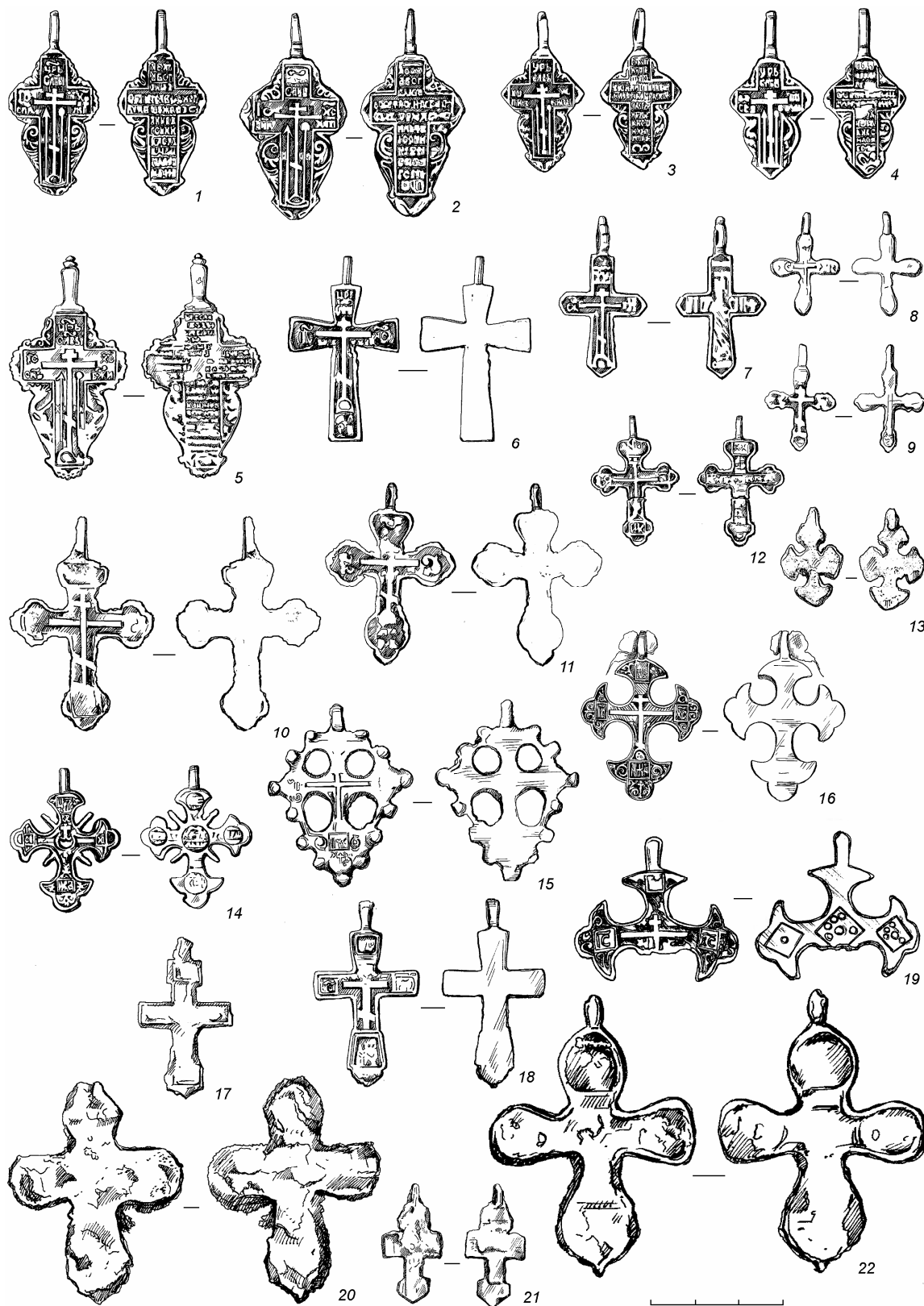

Рис. 4. Кресты-тельники с прикамских могильников

Гольяновский могильник: 1 – погр. 33; 2 – погр. 64; 3 – погр. 43; 4 – погр. 48;
7 – погр. 51; 12 – погр. 13; 21 – погр. 19.

Сарапульский I могильник: 5 – погр. 232; 6 – погр. 175; 8 – погр. 173; 9 – погр. 247;
10 – погр. 170; 11 – погр. 184; 13 – погр. 230; 14 – погр. 42; 15 – кв. ц'/60; 16 – погр. 196;
17 – погр. 55; 18 – погр. 267; 19 – погр. 12; 20 – погр. 71; 22 – погр. 131

горизонтальных лопастей – IC (Иисус) и XC (Христос). В верхней лопасти – надпись ЦС (Царь Славы). Обратная сторона плоская (2 экз.; С 173, С 247) (рис. 4, 8, 9).

Тип 8, подтип 1 – с окончаниями лопастей в виде трилистников. Средокрестие имеет округлые углы. Лицевая сторона крестика часто оконтурена узким валиком. Длина крестов – 3,4–3,8 см, ширина – 2,7–3,3 см, толщина – 0,1–0,2 см. В центре – восьмиконечный крест с тростью и копием опирается на курган. На оконечностях горизонтальных лопастей – IC (Иисус) и XC (Христос). В верхней части креста, под оглавием, – надпись ЦРЪ/СЛВ (Царь Славы). На нижней лопасти, под курганом, имеется надпись МЛ/РБ (Место лобно, рай бысть). Под центральной, большой, переключиной голгофского креста расположены сочетания из трёх букв НИ К (Копье) и Т (Трость) КА. Обратная сторона плоская. У крестика Г А/2 на оборотной стороне имеется надпись (22 экз.; С 10, С 18, С 48А, С 48Б, С 99, С 115Б, С 170, С 184, С 188, С 211, С 212, С кв. д/74, С кв. П/30, С кв. Р/29, С кв. г/75, Г 13, Г 49, Г 50, Г 56В, Г 58А, Г 59, Г кв. А/2) (рис. 4, 10–12).

Тип 10 – с окончаниями лопастей в виде заостренных трилистников. Средокрестие имеет округлые углы. Лицевая сторона крестика часто оконтурена узким валиком. Тип X по Э. П. Винокуровой.

Подтип 1, вариант 1. Длина креста – 2 см, ширина – 1,6 см, толщина – 0,2 см. Сплав Cu (80 %) + Zn (14,6 %) + Pb (3,8 %). Подвержены сильной коррозии (2 экз.; С 2, С 230) (рис. 4, 13).

Подтип 1, вариант 2. Представлен экземпляром из погр. 196 Сарапульского кладбища (рис. 4, 16). Длина креста – 3,5 см, ширина – 3 см, толщина – 0,1 см. Выполнен из сплава Cu (57,5 %) + Ag (39,9 %). В центре – восьмиконечный крест с тростью и копием опирается на курган с черепом. На оконечностях горизонтальных лопастей в прямоугольных вставках – IC (Иисус) и XC (Христос). В верхней части креста, под оглавием, в прямоугольной вставке – надпись ЦРЪ/СЛ (Царь Славы). На нижней лопасти, под курганом имеется надпись в прямоугольной вставке НИКА (Ника – Победитель). В нижней лопасти, под прямоугольной вставкой, имеется небольшой крестик, вписанный в завитки.

Такие же завитки имеются и на других окончаниях трилистников. Обратная сторона плоская.

Подтип 1, вариант 3. Сохранилась лишь верхняя половина крестика из погр. 12 Сарапульского кладбища (рис. 4, 19). Ширина – 4 см, толщина – 0,1 см. Выполнен из сплава Cu (27,6 %) + Pb (47,4 %) + Sn (23,7 %). В центре – восьмиконечный крест с тростью и копием. На оконечностях горизонтальных лопастей в прямоугольных вставках – IC (Иисус) и XC (Христос). В верхней части креста надпись находится под прямоугольной вставкой – ЦРЪ/СЛ (Царь Славы). Сама вставка пустая. Трилистники украшены завитками. На оборотной стороне имеются четыре ромба в центре креста и в его окончаниях. Ромбы украшены точечным орнаментом.

Подтип 2 – с отростками из средокрестий. Представлен экземпляром из погр. 42 Сарапульского кладбища (рис. 4, 14). Длина креста – 3 см, ширина – 2,6 см, толщина – 0,1 см. Выполнен из сплава Cu (79,7 %) + Pb (19,7 %). В центре – восьмиконечный крест с цатой, тростью и копием опирается на курган с черепом. На оконечностях горизонтальных лопастей в прямоугольных вставках – IC (Иисус) и XC (Христос). В верхней части креста, под оглавием, – надпись ЦРЪ (Царь Славы). На нижней лопасти, под курганом имеется надпись в прямоугольной вставке НКА (Ника – Победитель). Трилистники украшены завитками, обратная сторона – пятью круглыми вставками в центре креста и по окончаниям.

Подтип 3 – с сомкнутыми трилистниками и шариками по окончаниям. Тип XI по Э. П. Винокуровой. Представлен экземпляром из Сарапульского кладбища, с кв. ц'60 (рис. 4, 15). Длина креста – 3,7 см, ширина – 3,5 см, толщина – 0,1 см. Выполнен из сплава Cu (69,3 %) + Pb (9,8 %) + Sn (18,9 %). В центре – восьмиконечный крест с тростью и копием опирается на курган с черепом. На оконечностях горизонтальных лопастей в прямоугольных вставках – IC (Иисус) и XC (Христос). На нижней лопасти, под курганом имеется надпись в прямоугольной вставке НИКА (Ника – Победитель). В нижней лопасти, под прямоугольной вставкой, имеется небольшой крестик, вписанный в завитки. Такие же завитки имеются и на других окон-

чаниях трилистников. Обратная сторона плоская.

Тип 12 – с трапециевидными окончаниями. Крест прямоугольный. Верхняя лопасть расширяется к окончанию. На конце нижней лопасти имеется трапециевидная вставка; угол лопасти заужен. Боковые лопасти прямоугольные. Тип IV по Э. П. Винокуровой.

Вариант 1. Длина крестов – 3,5 см, ширина – 2,4 см, толщина – 0,1 см. Состав – Cu (97,1 %). Восьмиконечный крест без трости и копия опирается на трапециевидную вставку. На оконечностях горизонтальных лопастей – прямоугольные вставки с плохо читаемыми буквами. На верхней лопасти – прямоугольная вставка с надписью ЦС (Царь Славы). Обратная сторона плоская (3 экз.; С 91, С 120, С 267) (рис. 4, 18).

Вариант 2. Представлен экземпляром из погр. 55 Сарапульского кладбища (рис. 4, 17). Длина креста – 3 см, ширина – 2 см, толщина – 0,1 см. Выполнен из сплава Cu (43,7 %) + Zn (31,1 %) + Pb (23,8 %). Прямоугольное расширение имеется не только на нижней лопасти, но и на верхней. Восьмиконечный крест без трости и копия опирается на трапециевидную вставку. На оконечностях горизонтальных лопастей – прямоугольные вставки с плохо читаемыми буквами. На верхней лопасти – прямоугольная вставка с надписью ЦС (Царь Славы). Обратная сторона плоская.

Вариант 3. Представлен экземпляром из погр. 19 Гольяновского кладбища (рис. 4, 21). Длина креста – 2,2 см, ширина – 1,5 см, толщина – 0,1 см. Выполнен из сплава Cu (66,5 %) + Sn (4,8 %) + Pb (27,2 %). Прямоугольное расширение на нижней лопасти. Обе стороны креста плоские, без дополнительных деталей.

Тип 13 – «энколпионы». Представлены двумя экземплярами из Сарапульского кладбища. Кресты являются имитацией энколпионов: по форме они им подобны, но не имеют двух створок и шарнирного соединения. Вместо него в верхней лопасти расположена петля. В нижней лопасти есть отросток, имитирующий шарнир. Крест из погр. 71 сильно корродирован (рис. 4, 20). Длина его – 5,3 см, ширина – 4,5 см, толщина – 0,3 см. Изображение можно различить

лишь у креста из погр. 131 (рис. 4, 22). Длина креста – 6,5 см, ширина – 5,2 см, толщина – 0,2 мм. Выполнен из сплава Cu (72,7 %) + Pb (20,1 %). В центре креста – распятый Иисус. В верхней части лопасти имеется изображение двух святых и буквы ЦРСЛ (Царь Славы). На боковых и нижней лопастях также есть изображения или буквы, но лопасти сильно корродированы (2 экз.; С 71, С 131).

Датировка кладбищ и нательных крестов

Дата Зуевключевского III могильника весьма условна – XVII в. Она определена лишь по двум найденным крестам.

Начало функционирования Сарапульского и Гольяновского кладбищ также условно – конец XVI в. На это указывают фрагменты керамики, найденные при раскопках поселений или при случайных сборах, находки монет-чешуек, а также первые письменные упоминания о населённых пунктах.

У кладбищ в Сарапуле и Гольянах верхняя дата сужена практически до четверти века. После проведения Екатериной II административной реформы Сарапул получает статус города и становится центром уезда в составе Вятского наместничества. В 1784 г. утверждён первый генеральный план города, согласно которому менялось направление улиц. Но ещё до утверждения плана три деревянные церкви, примыкавшие к старому кладбищу, были снесены, а вместо них, практически в центре некрополя, строится каменный Вознесенский собор. К строительству каменного собора на Красной (Соборной) площади приступили в 1777 г. Главный престол освящен 16 марта 1785 г. В течение XIX в. происходит перепланировка мыса, на котором находилось кладбище, строятся каменные жилые и торговые здания. Таким образом, верхней датой функционирования Сарапульского кладбища можно считать третью четверть XVIII в.

Что касается Гольян, то после строительства в 1756–1760 гг. Ижевского и Воткинского железоделательных заводов, гольянская пристань, возле которой располагалось кладбище, становится их главным речным портом. К началу XX в. в черте села насчитывалось около 10 пристаней. Активная деятельность привела к плотной застройке береговой линии. В первой половине XIX в.

Гольяновское кладбище закрыли, а новое открыли уже за пределами села.

Учитывая даты функционирования кладбищ, мы можем выявить типы крестиков, которые не выходят за пределы XVIII в. и обнаружены лишь в захоронениях Сарапульского кладбища: прямоугольный с равносторонними лопастями (тип 1, подтип 4), с заострёнными углами средокрестия (тип 6, подтип 1), с плавно расширяющимися лопастями (тип 7, подтип 2), с окончаниями лопастей в виде заострённых трилистников (тип 10), энколпионы (тип 13). Последний тип, скорее всего, относится к концу XVI – XVII вв., являясь копией настоящих «шарнирных» энколпионов.

К крестам, найденным одновременно в Сарапульских и Гольяновских погребениях, относятся прямоугольные (тип 1), с завитками по окончаниям лопастей (тип 3), с волнотами (тип 4), листовидные (тип 5), с окончаниями лопастей в виде трилистников (тип 8, подтип 1). Мы не можем чётко сказать, к какому веку относятся подобные кресты из гольяновских могил (к XVIII или первой половине XIX в.), в отличие от сарапульских XVIII в. Не выявлено различий ни в размерах, ни в технике их исполнения.

Выделяется тип крестов, обнаруженный лишь в захоронениях Гольяновского кладбища: прямоугольные, с усечёнными концами (тип 6, подтип 2).

Таким образом, крестики Зуевключевского III могильника могут быть датированы в пределах XVII в., Сарапульского кладбища – концом XVI – третьей четвертью XVIII в., Гольяновского кладбища – концом XVI – первой половиной XIX в. На Сарапульском могильнике отмечено большее разнообразие крестов, связанное, скорее всего, с городским населением. В гольяновских могилах встречены, в основном, прямоугольные и листовидные кресты. Гольяновские кресты выполнены более тщательно: молитвенные

надписи на обороте, проработанный орнамент, наличие эмали.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известия императорской археологической комиссии. Прибавление к вып. 32. – Санкт-Петербург, 1909; Известия императорской археологической комиссии. Прибавление к вып. 34. – Санкт-Петербург, 1910.

² Решетников Н. Л. Отчёт о разведочных работах в Сарапульском и Каракулинском районах Удмуртской АССР, Актанышском районе Татарской АССР, проведённых в 1983 г. // Архив Института истории и культуры народов Приуралья (Архив ИИКНП). Ижевск, 1985. Ф. 2. Д. 215; План проведения спасательных археологических полевых работ на выявленных объектах археологического наследия «Сарапульское поселение» и «Сарапульский I могильник» при строительстве объекта «Туристско-рекреационный кластер “Камский берег”. Удмуртская Республика. 1 очередь г. Сарапул» в г. Сарапул Удмуртской Республики – исполнители Иванов А. Г., Князева Л. Ф., Решетников Н. Л. // Архив УдНИИ УрО РАН, 2017 (рукопись).

³ Перевозчикова С. А. Отчёт о спасательных археологических работах (наблюдения и раскопки), проведённых в г. Сарапул Удмуртской Республики летом-осенью 2017 года // Архив ИИКНП. Ижевск, 2018. Ф. 2. Д. 648.

⁴ Перевозчикова С. Е. Отчёт о работах в Каракулинском районе Удмуртской Республики в 1996 году. Исследования Зуевключевских I и III могильников и I стоянки // Архив ИИКНП. Ижевск, 1997. Ф. 2. Д. 333; Вязников А. М. Отчёт о разведочных работах, проведённых летом 2007 года в Завьяловском районе Удмуртской Республики // Архив ИИКНП. Ижевск, 2008. Ф. 2. Д. 527.

⁵ Перевозчикова С. А. Отчёт об археологических исследованиях в Завьяловском районе Удмуртской Республики летом 2012 года // Архив ИИКНП. Ижевск, 2013. Ф. 2. Д. 570.

⁶ Здесь и далее: С – Сарапульский I могильник, Г – Гольяновский могильник, ЗК – Зуевключевской III могильник. После буквы указан номер могилы или квадрат, где была сделана находка.

⁷ Имеется в виду длина основы креста, без учёта петли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаров Л. Д. Об уникальном археологическом памятнике Сарапула (коллективные могилы на Оползине) // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – Вып. 3. – С. 114–116.
2. Голдина Р. Д., Черных Е. М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики. – Ижевск : Сарапульская типография, 2011. – 168 с. – (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; т. 18).

3. *Перевозчикова С. А.* Некоторые результаты археологических исследований первых русских кладбищ в Удмуртском Прикамье // XXI Уральское археологическое совещание, посвящённое 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева. – Самара : Изд-во СГСПУ, 2018. – С. 311–312.
4. *Молодин В. И.* Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск : ИНФОЛИО, 2007. – 248 с.
5. *Винокурова Э. П.* Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. – М. : Наука, 1999. – С. 326–360.

Сведения об авторах

Перевозчикова Светлана Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, старший преподаватель кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2

E-mail: homasvet@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 4307-2505

ORCID: 0000-0001-6064-8034

Калугина Дарья Андреевна – лаборант Института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2

E-mail: daryakalugina96@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: 2461-2518

ORCID: 0000-0002-7258-8953

Информация о статье

Дата поступления
25 мая 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Перевозчикова С. А., Калугина Д. А. Кресты-тельники из погребений ранних кладбищ русского населения Удмуртского Прикамья // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 209–220. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).209-220.

S.A. Perevozchikova, D.A. Kalugina

CROSSES FROM BURIALS OF EARLY CEMETERIES OF THE RUSSIAN POPULATION OF THE UDMURT KAMA REGION

The article presents for the first time the characteristics of the crosses found during the excavations of Russian burial grounds of the late 16th – first half of the 19th century, located in the Udmurt Kama region. The formation of cemeteries is associated with the first wave of Russian colonization at the end of the 16th century. The morphological parameters of the crosses were studied: the sizes, composition, ornament and shape were described. The authors of the article identified crosses were inscribed in the generally recognized typologies of V.I. Molodin and E.P. Vinokurova.

Keywords: body crosses; typology; Kama region; burial ground; Sarapul; Golyany; Zuyevi Klyuchi.

REFERENCES

1. Makarov L.D. Ob unikal'nom arkheologicheskom pamyatnike Sarapula (kollektivnye mogily na Opolzine) [About the unique archaeological monument in Sarapul (collective graves on Opolzin)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2014, no. 3, pp. 114-116. (in Russian).
2. Goldina R.D., Chernykh E.M. *Arkheologicheskaya karta Karakulinskogo raiona Udmurtskoi Respubliki*. [Archaeological map of the Karakulinsky District of the Udmurt Republic], Materials and researches of the Kamsko-Vyatskaya archaeological expedition, vol. 18, Izhevsk, Sarapul Printing House Publ., 2011, 168 p. (in Russian).
3. Perevozchikova S.A. Nekotorye rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy pervykh russkikh kladbishch v Udmurtskom Prikam'e [Some results of archaeological research on the first Russian cemeteries in the Udmurt Prikamye]. *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie, posvyashchennoe 85-letiyu so dnya*

- rozhdeniya G.I. Matveevoi i 70-letiyu so dnya rozhdeniya I.B. Vasil'eva [21st Ural Archaeological Meeting dedicated to the 85th anniversary of G.I. Matveeva and the 70th anniversary of I.B. Vasiliev], collection of scientific articles, 2018, Samara, SGSPU Publ., pp. 311-312. (in Russian).
4. Molodin V.I. *Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga* [Crosses of the Ilimskiy Ostrog], Novosibirsk, INFOLIO Publ., 2007, 248 p. (in Russian).
 5. Vinokurova E.P. *Metallicheskie litye kresty-tel'niki XVII v.* [Metal cast crosses of the 17th century]. *Kul'tura srednevekovoi Moskvy. XVII vek* [Culture of medieval Moscow. 17th century], 1999, Moscow, Nauka Publ., pp. 326-360. (in Russian).
-

About the authors

Svetlana A. Perevozchikova – PhD in Historical Sciences, Senior Researcher, Senior Lecturer of the Department of Udmurtia History, Archaeology and Ethnology of the Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Postal address: 1/2, University ul., Izhevsk, 426034, Russia

E-mail: homasvet@mail.ru

RSCI SPIN-code: 4307-2505

ORCID: 0000-0001-6064-8034

Darya A. Kalugina – Laboratory Assistant at the Institute of History and Culture of the Peoples of the Urals of the Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Postal address: 1/2, University ul., Izhevsk, 426034, Russia

E-mail: daryakalugina96@yandex.ru

RSCI SPIN-code: 2461-2518

ORCID: 0000-0002-7258-8953

Article info

Received
May 25, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Perevozchikova S.A., Kalugina D.A. Crosses from Burials of Early Cemeteries of the Russian Population of the Udmurt Kama Region. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 209-220. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).209-220 (in Russian).

Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 221–228.

УДК 929

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).221-228

А. В. Антощенко

«THANK YOU VERY MUCH FOR YOUR KIND LETTER AND FLATTERING INVITATION». ПИСЬМА П. Г. ВИНОГРАДОВА К Э. СЕЛИГМАНУ. 1907–1911 гг.

Публикуются письма выпускника и бывшего профессора Московского университета П. Г. Виноградова, ставшего после эмиграции из России профессором Оксфордского университета, адресованные его американскому коллеге Э. Селигману во время первой поездки Павла Гавриловича в США и после неё. Они дают основу для исследования этой малоизученной страницы в биографии известного российского и британского историка и правоведа, дополняя сведения его опубликованного эпистолярного наследия, хранящегося в архивах, библиотеках и музеях России. По их содержанию можно проследить основные локации поездки и формирующийся круг его новых знакомых среди американских коллег, признание ими авторитета П. Г. Виноградова в вопросах древнего права. Публикуемые письма находятся в Библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета. Их текст, написанный по-английски, переведён на русский язык и сопровождается необходимыми комментариями.

Ключевые слова: П. Г. Виноградов; Э. Селигман; история древнего права; Гарвардский университет; Колумбийский университет.

Возможности изучения биографии известного российского и британского историка и правоведа Павла Гавриловича Виноградова (Paul Vinogradoff, 1854–1925) значительно расширились благодаря публикации его эпистолярного наследия, хранящегося в архивах, библиотеках и музеях России¹. Однако биография учёного оказалась разделённой на две части из-за его эмиграции в 1901 г. из России. Всемирное признание бывший профессор Московского университета получил уже в новом качестве – профессора Оксфордского университета. Правда, в истории Оксфордской школы права его международному авторитету не уделено внимания, хотя специальный раздел книги посвящён зарубежным поездкам оксфордских правоведов. В значительной степени это результат разбросанности эмигрантского эпистолярного наследия П. Г. Виноградова, мало

известного и трудно доступного для его биографов. Данная публикация устраняет этот недостаток лишь отчасти, предоставляя читателям возможность познакомиться с письмами Павла Гавриловича к его американскому коллеге Эдвину Роберту Андерсону Селигману. Основная их часть связана с первой поездкой П. Г. Виноградова в США в 1907 г., что делает их содержание своеобразным «ключом», позволяющим открыть дверь к пониманию значения этого события в его жизни.

К моменту написания первого письма из Оксфорда в Нью-Йорк у П. Г. Виноградова уже была договорённость, достигнутая ещё весной 1906 г. с президентом Гарвардского университета Ч. У. Элиотом, о прочтении курса лекций весной 1907 г. в этом университете. В письме от 26 мая 1906 г. Павел Гаврилович писал, что сможет приехать для

чтения лекций во второй или третьей неделе апреля 1907 г., сожалея, что его жена не сможет сопровождать его в этой поездке, так как «она считает затруднительным покинуть дом на два или три месяца»². Тем самым уже весной 1906 г. планировалась достаточно длительная поездка, хотя конкретные контуры её стали проясняться значительно позже, накануне отъезда.

Первое из публикуемых писем свидетельствует, что П. Г. Виноградов планировал отчалить 3 марта из Саутгемптона с тем, чтобы прибыть в американский Кембридж, находящийся в пригороде Бостона, где расположен Гарвардский университет, 7 или 8 апреля 1907 г. Здесь у него уже были намечены лекции по истории древнего права, но весенний перерыв в занятиях позволял внести коррективы и принять предложение Э. Селигмана прочитать 18 апреля в «4-10 пополудни» лекцию «Цели и методы сравнительного древнего права»³. Излагавший её содержание репортёр не преминул отметить, что лектор, карьера которого была связана с ведущими европейскими университетами (Берлинским, Московским, Оксфордским), счёл необходимым для себя «соприкоснуться с выдающимися образовательными учреждениями Нового Света, и особенно с приобретающим влияние Колумбийским университетом»⁴. Правда, при изложении мыслей известного профессора он превратил его эволюционный взгляд на правоведение в «изучение правовой революции», но в остальном при характеристике его взглядов на основные школы в юриспруденции был весьма комплиментарен. Однако, судя по письму П. Г. Виноградова к Э. Селигману от 20 апреля, не менее важным, чем лекция, событием стал ужин, на котором было возможно завязать дружеские отношения в непринуждённой обстановке. На следующий день П. Г. Виноградов посетил своих друзей в Нью-Джерси и направился обратно в Кембридж. Здесь он продолжил свой лекционный курс в Гарварде, внося в него некоторые коррективы. Об этих изменениях П. Г. Виноградов извещал в письме от 11 апреля 1907 г. секретаря Гарвардского университета Дж. Д. Грина: «Я намерен разделить “Элементы Древнего права” в моих четырёх последних лекциях на следующие подразделы:

Вторник, 23: Самопомощь; среда, 24: Компромисс; четверг, 25: Религиозная власть; вторник, 30: политическая власть»⁵. За время пребывания в Кембридже П. Г. Виноградов также опубликовал в «Harvard Law Review» статью о передаче земельных владений в древнем англосаксонском праве⁶, оттиск которой был направлен президенту университета⁷.

1 мая 1907 г. Павел Гаврилович планировал отправиться в Мэдисон, остановившись по дороге в Чикаго, где хотел провести один день в гостях у своего коллеги, декана Школы права Северо-Западного университета Дж. Г. Вигмора. Об этом он сообщал ему в письме от 25 апреля 1907 г.⁸ На 4 мая у П. Г. Виноградова уже было запланировано занятие в Висконсинском университете в Мэдисоне. 6 мая исполнительный комитет совета регентов этого университета утвердил приглашённого профессора в должности преподавателя истории с назначением ему зарплаты \$ 500 из бюджета исторического факультета⁹. 7 мая состоялась лекция П. Г. Виноградова «Англия в одиннадцатом столетии», о которой на следующий день написал репортёр университетской газеты¹⁰. Он отметил большой интерес к ней не только студентов, но и преподавателей, а также кратко охарактеризовал её содержание, подчеркнув особое внимание лектора к роли нормандского завоевания, пережиткам англосаксонских порядков и скандинавскому влиянию. На 13, 20 и 27 мая были намечены семинары приглашённого профессора по «Книге Судного Дня» (Doomsday Book), составленной вскоре после нормандского завоевания Англии.

Начало лета П. Г. Виноградов провёл в гостях у профессора университета Вирджинии Т. У. Пейджа в Шарлоттсвилле. На обратном пути его ждала приятная новость: 27 июня газета «Boston Daily Globe» опубликовала списки «выдающихся людей, удостоенных академических степеней колледжами Новой Англии»¹¹. Среди получивших почётную степень доктора права Гарвардского университета имя П. Г. Виноградова упоминалось рядом с В. Вильсоном, в то время президентом Принстонского университета и будущим президентом США, американским госсекретарём Э. Рутом, британским

послом в США Дж. Брайсом и французским послом Ж. Ж. Жюссераном. Это лишний раз свидетельствовало, что поездка оказалась весьма плодотворной, не только позволив

расширить круг лично знакомых ему коллег, но и упрочив его авторитет в мировой правовой науке того времени.

1

39, St. MARGARET'S ROAD,
OXFORD.
23-III-[19]07

Dear Professor Seligman¹²,

Thank you very much for your kind letter and flattering invitation. I need not ask Edgeworth¹³ to learn about your work in Columbia University. I appreciate especially your own work in the Political Science Quarterly¹⁴. I should be much honoured if you could arrange for a lecture at your University say on 17 or 18-IV, and I hope the state of affairs may enable you to do so. Please address your replay to me at the Colonial Club, Cambridge, Mass[achusetts]. I start from Southampton on the 31-III and hope to be in Boston by the 7 or 8-IV. I would probably take as the subject of my lecture Self-help and Compromise in ancient law.

Yours truly P. Vinogradoff

ПЕРЕВОД

Дорогой профессор Селигман,

весьма благодарен за Ваше любезное письмо и лестное приглашение. Мне нет нужды спрашивать Эдгворта, чтобы узнать о Вашей работе в Колумбийском университете. Особенно высоко я оцениваю Ваше сочинение в «Political Science Quarterly». Для меня было бы большой честью, если бы Вам удалось организовать лекцию в Вашем университете, скажем 17 или 18 апреля, и я надеюсь, что обстоятельства позволят Вам сделать это. Пожалуйста, направьте Ваш ответ мне в Колониальный клуб, Кембридж, Масс[ачусетс]. Я выезжаю из Саутгемптона 31 марта и надеюсь прибыть в Бостон к 7 или 8 апреля. Я, вероятно, выберу предметом моей лекции самопомощь и компромисс в древнем праве.

Истинно Ваш П. Виноградов

2

COLONIAL CLUB, Cambridge
Mass[achusetts]
10-IV-[19]07

Dear Professor Seligman,

Let me thank you for your kind letter and invitation. Thursday, 18-IV, at 4 p. m. will be very well for my lecture. I intend to stay in New-York for two or three days, taking advantage of the Harvard recess. I need hardly say that I feel much honoured and grateful in connection with the proposed dinner. Friday night would be very acceptable for me. On Saturday I shall have to go and see some friends in New Jersey.

As to the subject of my lecture in Columbia University I would prefer on second thoughts, to take «The aims and methods of comparative Ancient Law». The theme suggested before might turn out too special for a single lecture. I hope this change may be acceptable to you and to Prof[essor] Kirchow¹⁵.

In any case please forward my thanks to him and to the Law faculty for joining in the invitation tendered by you on behalf of the faculty of Political Science. I am greatly looking forward to this engagement and to making your personal acquaintance.

Yours truly P. Vinogradoff

ПЕРЕВОД

Дорогой профессор Селигман,
позвольте поблагодарить Вас за Ваше любезное письмо и приглашение. Четверг, 18 апреля, в 4 часа пополудни будет вполне подходящим временем для моей лекции. Я намереваюсь задержаться в Нью-Йорке дня на два или три, используя благоприятный момент – каникулы в Гарварде. Едва ли нужно говорить, что я преисполнен гордости и признательности в связи с предлагаемым обедом. Вечер в пятницу будет вполне подходящим для меня. В субботу мне придётся уехать, чтобы повидать кое-кого из друзей в Нью-Джерси.

Что касается предмета моей лекции в Колумбийском университете, то я, поразмыслив, предпочел бы взять «Цели и методы сравнительного древнего права». Тема, предложенная прежде, может оказаться слишком специальной для одной лекции. Я надеюсь, что это изменение будет приемлемо для Вас и проф[ессора] Кирчевея. В любом случае передайте мою благодарность ему и преподавателям юридического факультета за то, что они присоединились к приглашению, присланному Вами от имени преподавателей факультета политических наук.

Я с нетерпением ожидаю этой встречи и личного знакомства с Вами.

Истинно Ваш П. Виноградов

3

Hotel St. Regis
New York

20–IV–[19]07

Dear Professor Seligman,

I must not leave New-York without expressing to you and to your colleagues my heartfelt thanks for the splendid reception you have given me here. Your kindness has been almost too great there is an element of danger in finding oneself appreciated and welcomed in such a way. But there is an element of strength: our span of life is a short one, and it is encouraging to feel that one's efforts are sympathized with and taken up by men of great standing and conspicuous deserts.

With renewed cordial thanks

Yours very truly P. Vinogradoff

ПЕРЕВОД

Дорогой профессор Селигман,
я не могу покинуть Нью-Йорк, не выразив Вам и Вашим коллегам моей сердечной благодарности за великолепный приём, оказанный вами мне здесь. Ваша любезность была столь велика, что есть даже некоторый элемент опасности в том, что оказываешься так высоко оцененным и радушно принятым. Но в этом есть также элемент силы: миг нашей жизни – краток, и отраднo почувствовать, что твои усилия вызывают сочувствие и встречают поддержку со стороны людей выдающегося положения и замечательных заслуг.

С сердечной благодарностью

Истинно Ваш П. Виноградов

4

THE BRITISH EMBASSY,
WASHINGTON.
2-VI-[19]07

Dear Professor Seligman,

I have taken the liberty to give your address to some of my friends and letters for me may reach you in the course of June. I hope it may not be too great a trouble to have them readdressed according to my indications. Up to Friday, 7-VI (inclusive) my address will be

c/o Prof[essor] T. W. Page¹⁶,
University of Virginia
Charlottesville, V. a.

I will send you a postcard as to my later movements. I shall remain in this country somewhat longer than I expected, leaving on the 4-VII instead of 19-VI as originally intended. I shall probably be in New-York from 1 to 4-VII, but I wonder whether I shall find you or Dean Kirchwey or Prof[essor] Simkhovitch¹⁷ then at that time.

I passed New-York a few days ago, but remained too short a time to be able to call on you.

With best regards and excuses for presuming on your kindness

Yours very truly P. Vinogradoff

ПЕРЕВОД

Дорогой профессор Селигман,

я позволил себе дать Ваш адрес некоторым из моих друзей, и письма для меня могут прийти к Вам в течение июня. Я надеюсь, что Вас не затруднит переадресовать их в соответствии с моими указаниями. До пятницы, 7 июня (включительно), мой адрес будет следующим:

с/о проф[ессор] Т. У. Пейдж,
Университет Вирджинии
Шарлоттсвилль, Вирджиния.

Я пошлю Вам почтовую карточку относительно моих дальнейших переездов. Я останусь в стране несколько дольше, чем я ожидал, и покину её 4 июля вместо 19 июня, как первоначально намеревался. Возможно, я буду в Нью-Йорке с 1 по 4 июля, но я удивился бы, если бы нашёл Вас или декана Кирчвея или профессора Симковича там в это время.

Я проезжал через Нью-Йорк несколько дней назад, но находился в нём столь короткое время, что не смог позвонить Вам.

С лучшими пожеланиями и извинением за злоупотребление Вашей любезностью

Истинно Ваш П. Виноградов

5

19 Linton R[oa]d, Oxford
11-V-[19]11

Dear Professor Seligman,

I think you would find most professors of political economy and political science in Russia siding with pacifists and a great number favouring free trade. The two qualifications need not go necessary together, however.

I may mention Professors M. Kovalevsky¹⁸ (Public Law, University of Petersburg), Professor A. Tchuprov¹⁹ (Political Economy, Polytechnicum, St. Petersburg, P. v[on]. Struve²⁰ (Political Economy, Polytechnicum, St. Petersburg), N. Kablukoff²¹ (Political Economy, University, Moscow), A. Manuiloff²² (late Rector and Prof[essor] of Polit[ical] Economy, Moscow), S. Kotliarevsky²³ (Constitutional Law, Moscow).

I hope this information may be sufficient. If you want any thing in addition, please command on.

With best regards

Yours truly P. Vinogradoff

ПЕРЕВОД

Дорогой профессор Селигман, я думаю, что Вы найдете большинство профессоров политической экономии и политических наук в России, стоящими на позициях пацифистов, и большое число, предпочитающих свободу торговли (free trade). Тем не менее, эти две характеристики не обязательно следуют вместе.

Я могу упомянуть профессоров М. Ковалевского (публичное право, Санкт-Петербургский университет), проф[ессора] А. Чупрова (политическая экономия, Политехнический институт, Санкт-Петербург), П. Струве (политическая экономия, Политехнический институт, Санкт-Петербург), Н. Каблукова (политическая экономия, университет, Москва), А. Мануйлова (нынешний ректор и проф[ессор] политической экономии, Москва), С. Котляревского (конституционное право, Москва).

Я надеюсь, что этой информации будет достаточно. Если Вы хотите что-либо дополнительно, сообщите мне.

С лучшими пожеланиями

Истинно Ваш П. Виноградов

**Columbia University. Library of Rare Book and Manuscript.
Edwin Robert Anderson Seligman Papers, 1750–1939. Series 1: Correspondence.
Subseries: Cataloged Correspondence. Box C31**

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эпистолярное наследие академика П. Г. Виноградова в архивах, библиотеках и музеях России (1874–1924 гг.). – СПб., 2020.

² Letter of P.G. Vinogradoff to Ch.W. Eliot on May 26, 1906 // Harvard University Archives (HUA). Records of President Charles W. Eliot, 1869–1930. Call number UAI 5.150. Correspondence. B. 128. F.: Vinogradoff, Paul, 1906–1907.

³ Oxford Professor to Lecture Here // Columbia Spectator. – April 16, 1907. – P. 1.

⁴ Dr. Vinogradoff's Lecture // Columbia Spectator. – April 19, 1907. – P. 1.

⁵ Letter of P.G. Vinogradoff to J.D. Greene on April 11, 1907 // HUA.

⁶ Vinogradoff P. Transfer of Land in Old English Law // Harvard Law Review. – 1907. – Vol. XX. – No. 7. – P. 532–548.

⁷ Letter of J.D. Greene to P.G. Vinogradoff on May 18, 1907 // HUA.

⁸ Letter of P.G. Vinogradoff to J.H. Wigmore on April 25, 1907 // Northwestern University Archives. John Henry Wigmore (1863–1943) Papers. B. 121. F. 24.

⁹ Meetings of the Executive Committee of the Board of Regents. Vol. F. P. 526 (n. 16). University of Wisconsin-Madison Archives.

¹⁰ Large Audience Hears English Professor // Daily Cardinal. University of Wisconsin. – 1907. – May 8. – P. 1. Если в репортаже корреспондента Колумбийского университета была неверно воспроизведена мысль лектора, то в этой статье ошибка была сделана в корреспондентом в транскрипции его фамилии – Venogradoff.

¹¹ Men of Prominence Honored by Degrees at New England Colleges // Boston Daily Globe. – 1907. – June 27. – P. 11.

¹² Селигман (Зелигман) Эдвин (1861–1939) – американский экономист, известный теоретическими разработками в области общественных финансов и налогообложения. Профессор политических наук Колумбийского университета (1904–1931).

¹³ Эдгеворт Фрэнсис Исидро (1845–1926) – английский экономист, профессор политической экономии Оксфордского университета, редактор журнала «Economist» (1891–1926).

¹⁴ Seligman E. R. A. The Economic Interpretation of History // Political Science Quarterly. – 1901. – Vol. 16. – No. 4. – P. 612–640; 1902. – Vol. 17. – No. 1. – P. 71–98; Vol. 18. – No. 2. – P. 284–312. Статьи опубликованы отдельной книгой (NY., 1902), которая была переведена на русский язык (см.: Зелигман Э. Экономическое понимание истории / пер. с англ. Б. Смирнова. – СПб., 1905).

¹⁵ Кирчвей Джордж Вашингтон (1855–1942) – американский правовед-криминалист, профессор (с 1891 г.) и декан школы права Колумбийского университета (1901–1910).

¹⁶ Пейдж Томас Уолкер (1867–1937) – американский экономист, профессор экономики университета Вирджинии с 1906 г.

¹⁷ Симкович Владимир Григорьевич (1874–1959) – экономист, профессор экономической истории Колумбийского университета с 1904 г.

¹⁸ Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) – правовед, историк, социолог, обществен-

ный деятель, профессор Московского университета (1878–1887) и Петербургского университета (1905–1916), член-корреспондент (1899) и действительный член Петербургской АН (1914).

¹⁹ Чупров Александр Александрович (1844–1926) – статистик, возглавлял кафедру статистики Петербургского политехнического института (1902–1917).

²⁰ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – экономист, публицист, историк, социолог, философ, общественный и политический деятель, редактор газет и журналов, преподавал в Петербургском политехническом институте в 1906–1917 гг.

²¹ Каблуков Николай Алексеевич (1849–1919) – экономист, статистик, общественный деятель. Сотрудник (1874–1879), а затем заведующий ста-

тистическим отделением Московской губернской земской управы (1885–1907), экстраординарный профессор (1903), ординарный профессор кафедры политической экономии и статистики юридического факультета Московского университета (1907–1919).

²² Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929) – экономист, профессор кафедры политической экономии и статистики (1903) и ректор Московского университета (1905–1911), министр народного просвещения Временного правительства (1917).

²³ Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939) – правовед, историк, профессор кафедры государственного права юридического факультета Московского университета (1911–1919).

Сведения об авторе

Антощенко Александр Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 185910, Россия, Петрозаводск, ул. Ленина, 33

E-mail: ant@petsu.ru

SPIN-код РИНЦ: 8184-4374

ORCID: 0000-0002-2366-3750

WoS ResearcherID: AAG-5905-2019

Информация о статье

Дата поступления
1 сентября 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Антощенко А. В. «Thank You Very Much for Your Kind Letter and Flattering Invitation». Письма П. Г. Виноградова к Э. Селигману. 1907–1911 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 221–228. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).221-228.

A.V. Antoshchenko

“THANK YOU VERY MUCH FOR YOUR KIND LETTER AND FLATTERING INVITATION”. LETTERS OF PAUL VINOGRADOFF TO EDWIN SELIGMAN. 1907–1911

Letters of P. G. Vinogradoff, a graduate and former professor of Moscow University, who became a professor at Oxford University after emigration from Russia, addressed to his American colleague E. Seligman during Pavel Gavrilovich's first trip to the USA and after it, are published. They provide the basis for the survey of this little-studied page in the biography of the famous Russian and British historian and jurist, supplementing the information of his published epistolary heritage, which is stored in the archives, libraries and museums of Russia. According to their content, one can trace the main destinations of the trip and the emerging circle of his new acquaintances among American colleagues, their recognition of the authority of P. G. Vinogradoff in matters of ancient law. The published letters are held in the Rare Book and Manuscript Library of Columbia University. Their text, written in English, is translated into Russian and is accompanied by the necessary comments.

Keywords: P. Vinogradoff; E. Seligman; history of ancient law; Harvard University; Columbia University.

About the author

Aleksandr V. Antoshchenko – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian History Department of the Institute of History, Political and Social Sciences of the Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

Postal address: 33, Lenina ul., Petrozavodsk, 185910, Russia

E-mail: ant@petsu.ru

RSCI SPIN-code: 8184-4374

ORCID: 0000-0002-2366-3750

WoS ResearcherID: AAG-5905-2019

Article info

Received
September 1, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Antoshchenko A.V. "Thank You Very Much for Your Kind Letter and Flattering Invitation". Letters of Paul Vinogradoff to Edwin Seligman. 1907–1911. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 221-228. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).221-228 (in Russian).

УДК 93/94(341.34+355.404.8)

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).229-240

Л. Г. Капустин, Д. И. Петин

**«СИЛЬНОЕ УТОМЛЕНИЕ ВОЙНОЙ. ВСЕ ЖДУТ МИРА».
ПЛЕННЫЙ КОМБАТ ОСМИНИН О НАСТРОЕНИИ В ЧАСТЯХ И ТЫЛУ
ВОСТОЧНОГО ФРОНТА РККА ЛЕТОМ 1919 г.***

Публикуется и с методологических позиций военной антропологии анализируется обзор, подготовленный белой контрразведкой по итогам допроса пленённого на Тоболе 18 августа 1919 г. командира батальона РККА. Описаны исторические условия появления источника, актуального для осмысления военных операций в Зауралье летом-осенью 1919 г. В заключение подчёркнуты дискуссионные аспекты исследования. Работа адресована широкому кругу читателей – исследователям истории Гражданской войны в России, Красной и белой армий, антибольшевистских спецслужб, а также вопроса военного плена в указанный период.

Ключевые слова: национальный вопрос; Гражданская война; советская власть; РККА; белая армия; офицерство; военнопленные; военная контрразведка; спецслужбы; повседневность.

Эго-документы, источники личного происхождения, связанные с участниками Гражданской войны в России при всей своей хрестоматийной субъективности, играют крайне важную роль для академической интерпретации сущности братоубийственного противостояния. Значимо и то, что в условиях антропологического поворота в исторической науке современные специалисты ведут исследования, используя расширенный методологический спектр. Боевые действия рассматриваются сегодня не только с позиций традиционной теоретической формулы «кони и походы». Существенное внимание историками уделяется социальным и экономическим последствиям войн, их влиянию на повседневную жизнь, а также бытованию человека в армейском социуме [1, с. 136; 2, с. 243–246, 248; 3, с. 124]. Это становится возможным, в том числе, благодаря военной антропологии – утвердившемуся за текущее десятилетие междисциплинарному направлению, сочетающему знания фундаментальных гуманитарных наук (см. подр.: [4–7]).

Активное осмысление данного аспекта, наряду со стремлением введения в оборот новых источников, становится тенденцией отечественной историографии, что мы наблюдаем, в том числе, из опыта работы в Омске продолжающейся научной конференции «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие» (см. обзоры: [8–10]).

Исход боевых операций в Гражданской войне, равно как и в иных конфликтах, зависел не только от укомплектованности, выучки и положенных видов обеспечения войск. В число решающих факторов влияния вошли также морально-психологическое состояние, как воинских частей противоборствующих сторон, так и местного населения, ставшего невольным заложником войны.

Восточный фронт для РККА являлся особым направлением не только в военном отношении; победа здесь приобретала, прежде всего, политико-идеологический смысл. Захват Урала и восстановление в регионе советской власти летом 1919 г. позволили

* Авторы выражают благодарность историкам-архивистам Александру Владимировичу Грошеву и Сергею Александровичу Харитонову за консультативную помощь в подготовке данной статьи.

большевикам завладеть стратегической инициативой, открывая дорогу на Омск – ключевой административный центр антибольшевистской Сибири. Это положило начало фатальному поражению армии Российского правительства А. В. Колчака.

Отводя силы на восток, белогвардейское командование в июле–августе 1919 г. пыталось выстроить оборону в Зауралье. Как подчёркивал в воспоминаниях командующий образованной в те дни 3-й армией генерал Константин Вячеславович Сахаров (1881–1941), в реках Тобол и Ишим виделись надёжные естественные преграды, какие могли служить для временной задержки натиска РККА и подготовки собственного контрнаступления. Параллельно реорганизовывалась система управления войсками, шла выгодная перегруппировка, рассредоточение и доукомплектование имеющихся сил. Для обеспечения этого армейские спецслужбы белых активизировали свою работу (об этом также вспоминает упомянутый мемуарист), в тыл РККА для сбора информации активно забрасывались агенты [11, с. 151–153]¹. Тем не менее, последующие действия на Тоболе в сентябре – начале октября 1919 г. стали последней удачной наступательной операцией белой армии. Верховный правитель 7–16 октября 1919 г. посетил фронт; поездка была призвана воздействовать на войска в агитационно-пропагандистском смысле, поднять боевой дух, предполагая закрепление и дальнейшее развитие успеха. Но как общеизвестно, уже вскоре удача окончательно отвернулась от антибольшевистских сил. Катастрофа белых назревала стремительно. 13–14 ноября 1919 г. в Омск вошли части РККА. Это случилось всего лишь через месяц после того, как адмирал Колчак лично чувствовал в прифронтовой полосе отличившихся солдат и офицеров, уповая, что его армия продолжит наступать на запад (см. об этом: [12–13]).

Для военно-исторических исследований одним из типов эго-источников, дающих, подчас, разнообразные представления являются показания пленных и перебежчиков. Применительно к положению дел в лагере красных в конце лета 1919 г. в районе Тобола вызывают интерес показания командира 2-го батальона 44-го стрелкового полка РККА Осминина (бывшего офицера старой армии).

Он оказался в руках белогвардейцев 18 августа 1919 г., был допрошен прикомандированным к контрразведывательному отделению штаба 3-й армии прапорщиком В. Карасевым. Осминин дал показания, судя по всему, либо в день пленения, либо на следующие сутки в штабе 3-й армии белых (находился тогда, предположительно на станции Петухово, в 350 км по железной дороге на запад от Омска).

По итогам беседы с красным комбатом военный контрразведчик подготовил аналитическую записку, машинописная заверенная копия которой, выявлена в Историческом архиве Омской области в фонде П–21 «Совет Общества старых большевиков» в деле с малоинформативным заголовком «Сведения и воспоминания о колчаковщине», содержащем разрозненные эго-документы по указанной тематике. Цель нашей работы – аналитическое изучение информационных потенциалов данного источника для его введения в научный оборот.

Ведущие историки российских спецслужб А. М. Плеханов и А. А. Зданович в своих интервью подчёркивают особую важность изучения документов органов безопасности для более масштабного осмысления эпохи социальных катаклизмов, когда братоубийственное противостояние вылилось, в том числе, в ожесточённую борьбу по линии спецслужб (см. подр.: [14–15]). В связи с этим публикация выявленного источника, учитывая его авторство, приобретает высокую актуальность.

Судя по объёму данного документа, разговор пленного комбата и белого контрразведчика вряд ли был слишком продолжительным. Обзор, разделённый на смысловые блоки, даёт колоритные представления о настроениях в РККА и в среде обывателей провинции в переломный для Восточного фронта момент – после провальной для колчаковской армии Челябинской операции и накануне вступления РККА в Сибирь. Пленный комбат, исходя, как минимум, из его достаточно высокого должностного статуса (в штатных расписаниях «старой» и белой армий ему соответствовал офицер в чине подполковника), являлся человеком, весьма осведомлённым о многих оперативно-тактических замыслах и армейской жизни в звене

«полк-бригада», что напрямую предопределялось его служебными обязанностями. Поэтому объяснимо, что Осминин на допросе бесхитростно рисует особенности своей воинской части, характеризуя структуру, персоналий из числа командного состава от рот до бригады. Но главное внимание в словах Осминина уделено представлениям в РККА о разных белых армиях, степени их опасности для советской власти; описан социальный и возрастной облик рядового, командного и политического состава РККА. Вызывают интерес в показаниях и разнообразные стороны повседневности – аспекты взаимоотношений между данными категориями военнослужащих и особенности взаимодействия красноармейцев с населением в разных местностях, размеры жалования в РККА.

Согласимся, что высказанные комбатом представления красных о расстановке сил в белой армии выглядят отчасти наивно. В то же время бывший офицер Осминин весьма аккуратен в оценках белых и в целом, обстоятельства момента показаны им достаточно объективно. Но при оценке содержания такого рода документов, как показания плененных, надо помнить о субъективном контексте, в котором они давались – несвобода, вполне резонные опасения человека за свою жизнь и невольное «стремление» сказать представителю противника то, что «хотят услышать» от пленного. Затрагиваемые в документе вопросы «идеологического оформления» войны, эволюции понятий «свой-чужой», психологии поведения представителей командного состава, влияния на человека пребывания в плену в видении военной антропологии входят в число ключевых проблем данного исследовательского направления, что подчёркивает авторитетный специалист в этой области Е. С. Сенявская [5; с. 30–31].

Несколько выбивается из общей повествовательной канвы сюжет, представленный в конце обзора, посвящённый Украине (конкретно Киеву), где с момента демобилизации зимой 1918 г. до весны 1919 г. проживал пленённый на Тоболе Осминин. Он указывает на типовые сложности в экономической ситуации (цены, оплата труда, многообразие денежного рынка, топливный кризис) и проблемы в политической сфере (борьба партий,

антисемитизм). Данные в показаниях можно назвать достаточно точными, соотнося их, например, с общими характеристиками финансово-экономической сферы и, как частный случай со стоимостью товаров в мае 1919 г. в Киеве, приводимыми авторитетным историком М. В. Ходяковым в его фундаментальной монографии о денежном обращении в период Революции и Гражданской войны [16, с. 148–176, 256]. Острота противоречий среди киевской общественности документально подтверждается в обобщающих трудах академических специалистов О. В. Будницкого и А. С. Пученкова (см. подр.: [17; 18, с. 201–272]).

Для понимания локальной исторической атмосферы, в которой был создан публикуемый источник, отдельное внимание стоит уделить обстоятельствам, при которых красный комбат попал в плен. Формирование, в котором Осминин командовал батальоном, начало создаваться в Казани в начале января 1919 г. как 1-й Казанский резервно-милиционный полк. Его личный состав комплектовался из рабочих предприятий Ягодной слободы и кадра казанского Всеобуча. Полк в апреле 1919 г. вошёл в состав Казанского укрепленного района, став 5-м Казанским крепостным полком, а в конце мая 1919 г., будучи переименован в 44-й стрелковый полк, вошёл в состав 3-й бригады 5-й стрелковой дивизии РККА². Командовал 44-м полком служивший в РККА с декабря 1918 г. военруком казанского всеобуча Михаил Алексеевич Филатов (1895–1962) – офицер военного времени, участник Первой мировой войны; впоследствии – генерал-майор Советской Армии³. Должность полкового комиссара занимал Владимир Борзов. К 15 августа 1919 г., в трёх батальонах полка насчитывалось 797 человек (в их числе, 62 командира), 448 штыков и 10 пулеметов. В конце июля 1919 г. военспец РККА В. В. Котомин (1882–1919) (впоследствии перешёл на сторону колчаковских войск) указывал, что боеспособность и общая выучка 39-го, 44-го и 45-го полков, составлявших 3-ю стрелковую бригаду, являлись весьма средними по уровню [19, с. 410].

Названная бригада в составе 5-й стрелковой дивизии РККА к середине августа 1919 г. после успешного завершения Челя-

бинской операции вышла к Тоболу. Река на пути в Западную Сибирь являлась последним естественным препятствием. Утром 16 августа командование соединения провело рекогносцировку места переправы. По смелой и рискованной задумке командира 3-й бригады Степана Кирилловича Строганова (1876–1920) 44-й полк должен был атаковать по фронту позиции 3-й армии белых, оборудованные на высоком противоположном берегу реки. Форсировав водную преграду в районе разрушенного железнодорожного моста и действуя в полосе деревень Глинки–Смолино отбросить части колчаковцев. В это время дислоцированный по соседству 43-й стрелковый полк имел задачу переправиться южнее, после чего зайдя глубоко в тыл группировке белых в районе излучины Тобола, перерезать железную дорогу. Данные действия, сочетаемые с фронтальным ударом, должны были обеспечить быструю победу советских сил.

Утром 17 августа 1919 г. началось форсирование Тобола частями РККА. События двух дальнейших дней отличались динамичностью и драматизмом. Переправившийся авангард 44-го полка (около 150 человек) сразу же попал под обстрел орудий Самарского артдивизиона 1-й Самарской стрелковой дивизии. Завязалась и перестрелка с пехотой самарцев. Артиллерия белых перенесла огонь на основную массу советского полка, скопившуюся на противоположном берегу Тобола. Большевистское наступление захлебнулось. Поражение этого дня дополнил произошедший в ночь с 16 на 17 августа разгром 8-й роты 44-го полка (тогда погиб командир роты Владимир Воробьев, а его помощник был ранен). Это подразделение, стоявшее севернее, в деревне Белый Яр, должно было прикрывать левый фланг полка.

Утром 18 августа при поддержке артиллерии 5-й стрелковой дивизии 44-й полк попытался взять реванш. Увеличенная группировка (около 300 красноармейцев), форсировав Тобол в том же месте, быстро захватила плацдарм на противоположном берегу. После этого десант должен был обеспечить дальнейшее наступление в район разъезда Утяк и деревни Патронное. Вполне резонно, что численность атакующих бойцов и характер боевой задачи определили назначение

в качестве руководителя командира батальона. Однако развитию успеха и в этот раз помешал плотный ответный артиллерийский огонь волжан (Самарского артиллерийского дивизиона и Отдельной гаубичной батареи). Ситуация вызвала замешательство в боевых порядках красных. Воспользовавшись моментом, 1-й и 2-й батальоны 2-го Самарского полка пошли в штыковую атаку (несмотря на то, что по оценкам контрразведки штаба 3-й армии белых «полк сильно устал»⁴). В итоге, десант 44-го полка РККА оказался быстро сброшен в Тобол, понеся наибольшие потери за всё время операции – 6 убитых, 78 раненых, 12 пленных. Среди тех, кто попал в руки противника, был и командир 2-го батальона Осминин. Генерал Сахаров для награждения отличившихся при атаке нижних чинов 2-го Самарского полка распорядился выдать 5 Георгиевских крестов (см. подр.: [20, с. 85–103]).

Опубликованные в официальной хронике сообщения об этих событиях весьма общо, но с бравадой сообщали: «Большевикам не удаётся продвинуться вперёд и форсировать реку Тобол. Ряд попыток их в этом направлении потерпел полную неудачу»; «Наши части стоят на линии реки Тобол. <...> На фронте перестрелка и поиски разведчиков. Все попытки противника наступать и переправиться через Тобол ликвидируются огнём артиллерии и пулеметов»; «На фронте по реке Тоболу попытки красных перейти реку не приводят к существенным для них результатам»; «Действия по реке Тоболу оживились. Идёт артиллерийская и ружейная перестрелка»⁵. Но такая патетика пропагандистов белой армии видится отчасти оправданной. Действия волжан, бесспорно, можно назвать проявлением доблести и выучки. Атаковавший их в этом бою 44-й полк РККА четырёхкратно превосходил самарцев. Реализовать задуманное – форсировать Тобол в районе железнодорожного моста, закрепиться и продвинуться дальше на восток – красные в итоге смогли, но это произошло лишь к вечеру следующего дня 19 августа 1919 г., когда части 27-й стрелковой дивизии РККА прорвали оборону белых южнее, вышли в тыл 1-й Самарской дивизии, угрожая ей окружением.

Значительный вопрос представляет историко-биографический портрет комбата Осминина. Он, как следует из показаний, после демобилизации армии проживал в Киеве до мая 1919 г., когда выехал в Москву, а затем на восток страны, где получил назначение в 5-ю стрелковую дивизию на Восточном фронте. О его судьбе после допроса можно лишь строить догадки, не исключая скорый фатальный исход.

На сегодняшний день достаточно сложным представляется вопрос идентификации личности бывшего поручика Осминина. Это связано как с наличием целого ряда офицеров с такой фамилией, возможной разницей её написания, так и отсутствием в публикуемом источнике имени или хотя бы инициалов красного комбата, а также искажением чина (пленные обеих сторон в своих показаниях нередко умышленно и завышали, и занижали свой чин). В силу вышесказанного пока можно говорить лишь о предположительном определении личности автора показаний, сформировав круг вероятных идентификаций, основанный на наиболее распространенном написании фамилии, последнем чине в старой армии и географическом факторе относительно проживания и службы. С высокой долей вероятности можно утверждать, что этот бывший офицер был не кадровым, а выпуска военного времени, уроженцем юго-восточных губерний. Как правило, такие люди оканчивали ближайшие школы прапорщиков, а после развала фронта возвращались на родину. Приводимые ниже версии выстроены нами на основе анализа послужных списков, хранящихся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

Первый вариант – Осминин Василий Никитич, 1896 г. р., из крестьян Пензенской губернии, окончивший 19 апреля 1916 г. Оренбургскую школу прапорщиков. На май 1917 г. – прапорщик 5-го Сибирского стрелкового полка⁶. Его личность может браться нами в расчёт при условии получения им до начала 1918 г. ещё двух чинов, такие случаи в 1917 г. имели место (так как производства

производились вплоть до середины ноября 1917 г.).

Второй кандидат (рассматривается нами, как наиболее вероятный) – Осминин Фёдор Иванович, 1893 г. р., из мещан города Ростова Ярославской губернии, окончивший 2 февраля 1916 г. 2-ю Московскую школу прапорщиков. Был женат на 1916 г. на мещанке города Галича (очевидно Костромской губернии) Екатерине Ивановне Головиной. На 1919 г. – бывший подпоручик, служивший к лету 1919 г. в тыловых частях РККА в Ростовском уезде Ярославской губернии⁷.

Третья версия – Михаил Иванович Осминин, 1891 г. р., из крестьян Ярославской губернии, окончивший 1 декабря 1914 г. Виленское военное училище. Поручик на 24 октября 1916 г.⁸ Большинство обучавшихся первого выпуска, вышедших в войска прапорщиками, к концу 1917 г. успели получить производство именно в поручики.

Остальные офицеры с такой фамилией, как видно из послужных списков, хранящихся в РГВИА, в 1917 г. либо едва окончили школу прапорщиков, либо были уже в чинах выше поручика, либо в дальнейшем служили в белых армиях. Идентификация красного комбата Осминина по документам советских формирований, где он служил, крайне затруднительна. В коллекции послужных списков и картотеке командно-начальствующего состава РККА, имеющейся в Российском государственном военном архиве, подходящих персоналий нет. В весьма немногочисленных хранящихся в РГВА документах по личному составу за 1919 г. 44-го стрелкового полка, как и в документах вышестоящих армейских соединений (3-й бригады, 5-й стрелковой дивизии) необходимых сведений не имеется. Более точное определение личности Осминина позволит осуществить только находка новых документов.

Источник приводится в традициях археографии с сохранением стилистики оригинала. Очевидные ошибки исправлены по умолчанию. Название работы дано публикаторами.

Сведения о настроении Красной Армии и населения занятых большевиками областей по показаниям командира 2-го батальона 44-го советского полка [бывшего] поручика ОСМИНИНА, взятого в плен 18 августа с.[его]г.[ода] у д.[еревни] Глинка на правом берегу реки Тобол

[Действующая армия, район восточнее Кургана]

[Не ранее 18 августа 1919 г.]

Определённых задач при движении Красной Армии на восток не ставится. Общим лозунгом является: «В Сибирь, за хлебом». О Сибирской армии говорят, что «КОЛЧАКУ пришёл конец», так как численность Сибирской армии невелика, а перебежчиков много. Относительно СЕМЕНОВА большевики говорят, что с ним можно столкнуться: «если он не друг нам, то, во всяком случае, и не враг».

За Южный фронт советской России не опасаются: надеются, что вражда кубанцев с донцами, а также распыление офицерских частей среди мобилизованных ослабят армию ДЕНИКИНА. Более опасным противником считают армию генерала ЮДЕНИЧА, которому помогают десанты союзников и их военные суда. Петроград [–] «красный», рабочие говорят: «умрём, но не сдадимся».

На Восточном фронте борются 2 советские армии, 2-ая и 5-ая. В начале июля [1919 г.] между ними был перерыв в 140 вёрст. 3-я бригада 5-ой дивизии 2-ой армии получила назначение установить связь с левым флангом 5-й армии.

Коммунистических частей на фронте я не видел и ничего не слышал о них. Но в тылу я встретил коммунистический эскадрон в Симбирске и слышал, что в Казани есть коммунистический батальон. Коммунистические ячейки в частях немногочисленны. В нашем 2-м батальоне 44-го стрелкового полка вместе с «политруками» насчитывалось коммунистов человек 12. На собрания их солдаты некоммунисты не допускаются.

Основная масса Красной Армии состоит из мобилизованных до 28-летнего возраста (призыв 1911 г.), но в некоторых местностях мобилизованы и более старшие сроки, так, например, в Казани рабочие были мобилизованы до 43 лет. Чувствуется сильное утомление войной, солдаты ропщут и говорят, что дальше осени [1919 г.] воевать не будут. Казанцы 44-го полка говорят: «Почему на нас взвалили всю тяжесть войны, почему не мобилизуют население занятых местностей? Нам нужно идти в Казань и приниматься за давно брошенную работу дома». Добровольцев в Красной Армии вообще немного, а в нашем батальоне не было ни одного.

Дезертирство сильно развито, несмотря на то, что принимаются суровые меры не только к самим дезертирам, но и к их семьям: [они] лишаются пособия, [у них] отбираются не только избытки, но и необходимые запасы продовольствия и одежды, [они] назначаются на принудительные работы.

Отношение солдат к офицерам хорошее, [солдаты] их считают своими товарищами. Но к комиссарам относятся недружелюбно, а иногда и враждебно. Комиссара нашего полка Владимира Борзова (кажется бывший приказчик) солдаты звали «обезьянья морда». Политические руководители в батальонах и ротах тоже не на высоком счету у солдат: «Вы только нагреваете руки нашими спинами», говорят они. Утомление войной сильное. Все ждут мира. ЛЕНИН в войсках пользуется большой популярностью, солдаты называют его «папаша». Троцкий особенной популярностью не пользуется, но я о нём не слышал, как хорошего, так и дурного.

О Сибирской армии говорят, что в ней «золотопогонники буржуи» стремятся захватить всю власть и опять закабалить народ. О программе правительства КОЛЧАКА и его целях ничего не знают.

Случаи добровольной сдачи в плен Красной Армии довольно редки. В нашем батальоне, по крайней мере, не было ни одного случая перехода на сторону Народной Армии⁹.

Высший командный состав состоит преимущественно из бывших офицеров, но большинство их служит «из-под палки». Над распоряжениями комиссаров офицеры часто смеются и в своей среде в критике не стесняются. Чувствуется недостаток офицеров, в нашем батальоне всего оставалось три офицера: я, начальник пулемётной команды и командир четвёртой ро-

ты. Начальник 5-ой дивизии ЛЕПИК (или ЛЕПИН)¹⁰, командир 3-ей бригады 5-ой дивизии, начальник штаба 3-ей бригады ИЛЛЕЙКО. Командир 44-го стрелкового полка капитан ФИЛАТОВ. Комиссар полка Владимир Борзов, политический руководитель 2-го батальона ВАСИЛЬЕВ. Политические руководители 4-ой, 5-ой, 6-ой рот АНОХИН, ЛИХАЧЕВ, АВДЕЕВ.

Для разведки существует особая команда конных разведчиков и по штату полагается по 12 разведчиков на роту. Они получают и большее жалование (рядовой 350 р.[ублей], разведчик 2-го разряда 600 р.[ублей], 1-го разряда 800 рублей).

Во главе политического отдела (соответствует контрразведке) состоит комиссар полка, но агенты его не известны ни солдатам, ни офицерам. В нашем батальоне их было человек 6, но я знал только ГОЛУБЕВА, который состоял в команде связи и числился при штабе полка. О шпионаже в Сибири слышал, но как он организован [–] не знаю.

Отношение Красной Армии к населению

Солдаты никаких реквизиций и грабежей у населения не производят. При расположении по квартирам за всё получаемое от хозяев красноармейцы платят. Жалобы населения на грабежи редки. Мне лично жаловались жители д.[еревни] Б.[ольшое] Чаусово на то, что солдаты Володарского дивизиона украли у них овёс, холст, шубы и проч.[ее], но за всё моё время пребывания в Красной Армии с 30 мая с.[его]г.[ода] это был единственный случай. При конфискации овса, хлеба и фуража политические руководители выдают старостам расписки. 44-м полком было конфисковано на ст.[анции] Маук у хозяина, бежавшего вглубь Сибири, 6 коров и овёс по указанию оставшегося в его доме квартиранта-беженца, а квартиранту было оставлено 2 коровы. На заимке около Каслинского завода было взято 7 из 14 возов овса, в д.[еревне] Урукуль [взято] 200 пудов пшеницы.

Отношение населения к Красной Армии

Население Пермской губ.[ернии] относится к Красной Армии сочувственно. В Верхне-Уфалейском заводе нас встретили с красными флагами, давали хлеб и яйца, то же самое и в Каслинском заводе. Башкиры везде встречали нас недружелюбно, не хотели даже за деньги давать нам ни хлеба, ни молока, на требование подвод отвечали, что нет лошадей, а между тем у них самих [были] целые табуны. Такое отношение мы встречали в д.[еревнях] Татарская, Караболка, Исаево, Сураково, Тарантул, Сафаново и Боровая. Начиная от с.[ела] Плотниково население относилось к нам сочувственно, правда с красными флагами нас не встречали, но здесь можно было купить всё. Такое же положение мы встречали и дальше на восток отсюда, проходя через селения Козино, Зайково, Бродокалмацкое, Карасево, Линево, Купай (или Купайское), Травянское, Шабаново, Ложкино, Сычево и Большое Чаусово. В г.[ороде] Кургане на окраине жители при нашем вступлении кричали «ура» и давали солдатам цветы, но в центре никаких встреч не было и улицы были пусты. На 16 августа [1919 г.] вечером был назначен митинг, но я на нём не был.

О добровольцах, изъявивших желание поступить в Красную Армию, я слышал только в Каслинском заводе, где женщины мне говорили, что многие каслинские рабочие поступают в Красную Армию. О добровольцах в сельских поселениях я ничего не слышал.

Положение в советской России

О положении в центре европейской России я ничего не знаю, так как после демобилизации армии зимой 1918 г. жил всё время в Киеве до весны текущего года. В Киеве население советской властью недовольно – ожидали от неё большего. Рабочие жалуются на низкую оплату труда: «хоть и 8-часовой рабочий день, а живём не лучше». Замечается враждебное отношение к евреям. На заборах часто можно видеть надписи: «Бей жидов, спасай Россию». В запасном полку, стоявшем в Бендерских казармах, солдаты выгнали евреев, заявив, что они не желают с ними служить. Комиссары для охраны евреев принимают самые строгие меры. Я сам был очевидцем, как на Крещатике один прохожий был арестован за слово «жид» – слово это теперь употреблять запрещено. Во всех учреждениях евреи играют громадную роль. Часто наблюдались случаи, что учреждение, где не было евреев, расформировывалось, а затем через несколько дней появлялось аналогичное учреждение под другим названием, и в нём значитель-

ное число мест было замещено евреями. Интеллигенция никакой роли не играет и её вообще незаметно. Из небольшевистских газет остались только «Борьба», орган левых социалистов-революционеров, издающийся на украинском и русском языках и украинская газета «Красный Прапор». Все типографии конфискованы различными учреждениями, либо отданы коммунистам, либо левым С[оциалистам]–Р[еволюционер]ам. Украинское движение заметно пало, господствующий язык – русский, затем идут еврейский, польский, а украинский можно услышать только на базаре. По статистическому отчёту, произведённому большевиками, оказалось, что 67 % всего населения Киева – великороссы, затем идут евреи и поляки и уже после них – украинцы. Вся власть принадлежит Совету народных комиссаров Украины. В нём комиссар труда КОГАН, комиссар юстиции РАФИС, военный комиссар ПОДВОЙСКИЙ. Левые С[оциалисты]–Р[еволюционер]ы стоят за совет и имеют большее влияние, чем большевики. Правые и С[оциалисты]–Р[еволюционер]ы, и остальные партии почти никакой роли не играют и молчат.

Вольная продажа продуктов продовольствия и мануфактуры запрещена. Из денежных знаков кроме николаевских и керенок ходят украинские и советские деньги. Крестьяне охотнее всего принимают николаевские и керенки, а украинские¹¹ почти совсем не берут. В конце мая с.[его]г.[ода] цены на продукты в Киеве были следующие:

1 фунт белого хлеба	23 рубля
1 фунт чёрного хлеба	12–16 рублей
1 фунт мяса	13 рублей 50 копеек
1 фунт телятины	11 [рублей]
1 фунт сала	40 [рублей]
1 фунт картофеля	2 рубля – 2 рубля 50 копеек
1 фунт лука	8–10 рублей
1 фунт мыла	12–16 рублей
1 фунт сахарного песка	12 рублей
1 фунт сахара-рафинада	18 рублей

Вообще сахара на Украине много и его можно покупать сколько угодно, но в Москве при моём проезде через неё в мае с.[его]г.[ода] за один кусок пиленого сахара платили 3 рубля.

В Киеве чувствуется сильный недостаток квартир. Комната стоит от 100 до 500 рублей в месяц. Замечается сильный недостаток в топливе. За отсутствием каменного угля паровозы и пароходы отапливаются дровами. Сплав леса по Днепру весной текущего года был очень незначителен. Одна кубическая сажень дров стоит в Киеве 1000 р.[ублей], пуд дров [–] 16–18 р.[ублей]. Железные дороги функционируют слабо из-за отсутствия топлива и недостатка подвижного состава. От Киева до Москвы я ехал с поездом особого назначения 8 дней.

Показания снимал состоящий в прикомандировании к контрразведывательному отделению штаба 3-й армии прапорщик [В.] КАРАСЕВ¹².

С подлинным верно:

Делопроизводитель

Губ.[ернский] сек.[ретарь]

[неразборчивая подпись]

**Исторический архив Омской области. Ф. П–21. Оп. 1. Д. 7. Л. 25–27.
Машинопись с рукописными вставками. Заверенная копия**

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сахаров К. В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. – М. : Центрполиграф, 2020. – С. 154–157, 168.

² Попович В. И., Гнусин И. А. Путь борьбы. Краткая история 5 дивизии. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. – С. 12.

³ Подробнее о нём см.: Великая Отечественная. Комкоры : военный биографический словарь / под общ. ред. ген.-п. М. Г. Вожакина. – М. : Жуковский ; Кучково поле, 2006. – Т. 2. – С. 772–773.

⁴ Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 –

март 1920 г.): сб. док. / сост. М. И. Вебер. – Екатеринбург : УрО РАН, 2019. – С. 32.

⁵ На нашем фронте // Русская армия (Омск). – 1919. – 19 авг.; Военные сообщения // Сибирская речь (Омск). – 1919. – 19 авг.; Восточный фронт // Правительственный вестник (Омск). – 1919. – 22 авг.; Восточный фронт // Военные ведомости (Новониколаевск). – 1919. – 20 авг.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. П/С № 89-090 (1916 г.).

⁷ РГВИА. Ф. 409. П/С № 185-584 (1916 г.).

⁸ РГВИА. Ф. 409. П/С № 89-090 (1916 г.).

⁹ Очевидно, Осминин имел в виду белую армию, перепутав её название с армией Комуча.

¹⁰ Верно: Лепик Иван Фомич (1859 – [после 1920]) – кадровый военный, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, генерал-майор (1915).

¹¹ Обиходные названия бумажных денег: николаевские – кредитные билеты образцов выпуска царского правительства; керенки – казначейские знаки номиналами 20 и 40 руб. образца 1917 г.; украинские – исчисленные в шагах, карбованцах и гривнах денежные знаки УНР, С. В. Петлюры, П. П. Скоропадского.

¹² Прапорщик В. Карасев – делопроизводитель, заведующий информационной частью контрразведывательного отделения штаба 3-й армии (Фронт и тыл... С. 257).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скутина И. В.* Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. – Тюмень : ТюмГУ, 2003. – 208 с.
2. *Цветков В. Ж.* Основные тенденции и перспективы изучения Белого движения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг. : очерки истории и историографии / отв. ред. Д. Б. Павлов ; ИО ; ИРИ РАН. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. – С. 239–262.
3. *Ходяков М. В.* Ответы на вопросы по истории Гражданской войны в России // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. – 2018. – Т. 6. – С. 119–124.
4. *Анфертьев И. А.* Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Теория и методология гуманитарного знания. Россияведение. Общественные функции гуманитарных наук : сб. материалов конф. «Гуманитарные чтения РГГУ – 2010» (Москва, 26 марта – 1 апреля 2010 г.). – М. : РГГУ, 2011. – С. 319–328.
5. *Сенявская Е. С.* Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // Вестник Мининского университета. – 2016. – № 1–2. – С. 14–25.
6. *Гладышев А. В.* Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. – 2017. – № 59. – С. 136–150.
7. *Разиньков М. Е.* Белые, красные, интервенты: психология вооружённого противостояния: военно-историческая антропология. – Saarbrücken : Lap Lambert, 2012. – 187 с.
8. *Стельмак М. М.* Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные архивы и экспедиции. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 57–64.
9. *Машкарин М. И.* «Смута XX века» в Сибири: взгляд сквозь документальное наследие (историкоархивные конференции в Омске по истории Революции и Гражданской войны в России) // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2020. – Т. 5, № 1. – С. 70–74.
10. *Петин Д. И., Тишкина К. А.* Вспоминая трагичные дни России: конференция по истории Гражданской войны в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 239–247.
11. *Кирмель Н. С.* Разведывательное обеспечение боевых действий белых армий в Сибири в 1918–1919 гг. // Власть. – 2009. – № 8. – С. 151–153.
12. *Симонов Д. Г.* Восточный фронт армий адмирала А. В. Колчака (июнь–ноябрь 1919 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 4. – С. 45–52.
13. *Калекин В. В., Капустин Л. Г., Петин Д. И.* Верховный правитель адмирал А. В. Колчак в поездке на Тобольский фронт: к анализу неизвестного фотодокумента 1919 г. // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 390–404.
14. *Плеханов А. М.* «Создаётся впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”...» // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2018. – № 1. – С. 7–11.
15. *Зданович А. А.* «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе...» // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2021. – Т. 6, № 4. – С. 55–61.
16. *Ходяков М. В.* Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы. – 3-е изд. – СПб. : СПбГУ, 2019. – 312 с.

17. Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). – М. : РОССПЭН, 2005. – 552 с.
18. Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). – СПб. : Полторак, 2012. – 338 с.
19. Ганин А. В. «Непреренно прочесть Дзержинскому и всем цекистам»: Доклад полковника В. В. Котомина о состоянии Красной армии // Россия в эпоху великих потрясений : науч. сб. к 50-летию А. С. Кручинина. – М. : ДРЗ им. А. Солженицына ; Русский путь, 2018. – С. 369–422.
20. Винокуров О. А. Битва на Тоболе: 1919 г. в Курганской области. – Шумиха : Велес, 2013. – 271 с.

Сведения об авторах

Капустин Леонид Геннадьевич – независимый исследователь (Муром, Россия)

Адрес для корреспонденции: 602267, Россия, Муром, ул. Московская, д. 25, кв. 73

E-mail: kapustin.09@mail.ru

Петин Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, доцент (ВАК Россия), доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644050, Россия, Омск, пр. Мира, 11

E-mail: dimario86@rambler.ru

РИНЦ AuthorID: 742782

ORCID: 0000-0003-1614-8133

WoS ResearcherID: A-8542-2017

Информация о статье

Дата поступления
20 июля 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Капустин Л. Г., Петин Д. И. «Сильное утомление войной. Все ждут мира». Пленный комбат Осминин о настроении в частях и тылу Восточного фронта РККА летом 1919 г. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 229–240. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).229-240.

L.G. Kapustin, D.I. Petin

“GREAT FATIGUE FROM THE WAR. EVERYONE IS WAITING FOR PEACE”. CAPTURED BATTALION COMMANDER OSMININ ON THE MOOD IN THE UNITS AND REAR OF EAST FRONT OF THE RED ARMY IN THE SUMMER OF 1919

The political transformation of Russian society, caused by the Revolution of 1917 and the Civil War, led to a strong ideological stratification of society. But the choice of one of the opposing sides was especially acute for the military, and above all for the officers. During the First World War, this layer of the army underwent significant social changes, replenished with yesterday's civilians, who came from a peasant-philistine environment. These people in the military-revolutionary period of 1917–1922 sometimes became key participants in the fratricidal confrontation.

The inevitable consequence of any war is captivity. The study of this phenomenon, along with a general understanding of front-line events, reveals a number of important issues in the functioning of military society, such as the moral and psychological stamina of the troops, the methodology of the army special services, the manifestation of humanity towards the enemy, etc.

In order to expand our understanding of the situation on the Eastern Front of the Red Army and the defense of the White armies in the Trans-Urals in the summer and autumn of 1919, the reader is presented with an analytical review prepared by the White counterintelligence following the interrogation of the Red Army battalion commander Osminin, captured on the Tobol on August 18, 1919. A certified copy of this document was found in the Historical Archive of the Omsk Region. The purpose of our work is an analytical study of the information potentials of this source in order to introduce it into scientific circulation.

The genre features of the presentation determined the theoretical basis of the study – the principle of consistency, anthropological approach, and comparative historical and historical biographical methods. This methodological set made it possible to consider the events under study in the general context of the situation of hostilities, linking the historical conditions for the appearance of the source with specific individuals.

The work may be of interest to a wide range of readers, primarily among them – researchers of the history of the Civil War in Russia, the Red and White armies, anti-Bolshevik secret services, as well as the issue of military captivity in this period.

Keywords: national question; Civil War; Soviet authority; Red Army; white army; officers; prisoners of war; military counterintelligence; special services; everyday life.

REFERENCES

1. Skipina I.V. *Chelovek v usloviyakh Grazhdanskoi voiny na Urale: istoriografiya problem [Man in the conditions of the Civil War in the Urals: the historiography of the problem]*, Tyumen, Tyumen State University Publ., 2003, 208 p. (in Russian).
2. Tsvetkov V.Zh. Osnovnyye tendentsii i perspektivy izucheniya Belogo dvizheniya [The main tendencies and prospects of the study of the White movement]. Pavlov D.B. (ed.). *Rossiya v gody Grazhdanskoi voiny, 1917–1922 gg. [Russia during the Civil War, 1917–1922]*, essays on history and historiography, Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018, pp. 239–262. (in Russian).
3. Khodyakov M.V. Otvetny na voprosy po istorii Grazhdanskoi voiny v Rossii [Answers to questions on the history of the Civil War in Russia]. *Rossiya v epokhu revolyutsii i reform. Problemy istorii i istoriografii [Russia in the era of revolutions and reforms. Problems of history and historiography]*, 2018, vol. 6, pp. 119–124. (in Russian).
4. Anfert'yev I.A. Novye napravleniya v sovremennoi otechestvennoi istoriografii. Voenno-istoricheskaya antropologiya: teoreticheskie i mezhdistsiplinarnye problemy novoi otrasli istoricheskoi nauki [New trends in modern Russian historiography. Military historical anthropology: theoretical and interdisciplinary problems of a new branch of historical science]. *Teoriya i metodologiya gumanitarnogo znaniya. Rossievedenie. Obshchestvennye funktsii gumanitarnykh nauk [Theory and Methodology of Humanitarian Knowledge. Russian studies. Social functions of the humanities]*. Moscow, Russian State University for Humanities Publ., 2011, p. 319–328. (in Russian).
5. Senyavskaya Ye.S. Voenno-antropologiya: opyt stanovleniya i razvitiya novoi nauchnoi otrasli [Military anthropology: the experience of the formation and development of a new scientific industry]. *Vestnik Mininskogo universiteta [Herald of the Minin University]*, 2016, no. 1–2, pp. 14–25. (in Russian).
6. Gladyshev A.V. Antropologicheskii povорот v voyennoi istorii [Anthropological turn in military history]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*, 2017, no. 59, pp. 136–150. (in Russian).
7. Razin'kov M.E. *Belye, krasnye, interventy: psikhologiya vooruzhennogo protivostoyaniya: voyenno-istoricheskaya antropologiya [White, Red, Interventionists: the psychology of armed confrontation: military-historical anthropology]*, Saarbrücken, Lap Lambert Publ., 2012, 187 p. (in Russian).
8. Stel'mak M.M. Glavnaya konferentsiya o revolyutsii i Grazhdanskoi voine v Omske: itogi nauchnoi diskussii [The main conference on the revolution and the Civil War in Omsk: the results of scientific discussion]. *Severnye arkhivy i ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 57–64. (in Russian).
9. Mashkarin M.I. “Smuta XX veka” v Sibiri: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie (istoriko-arkhivnye konferentsii v Omske po istorii Revolyutsii i Grazhdanskoi voiny v Rossii) [“Troubles of the 20th century” in Siberia: a look through the documentary heritage (historical and archival conferences in Omsk on the history of the Revolution and the Civil War in Russia)]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]*, 2019, vol. 5, no. 1, pp. 70–74. (in Russian).
10. Petin D.I., Tishkina K.A. Remembering the Tragic Days of Russia: Conference about the History of the Civil War in Omsk. *Herald of Omsk University. Series “Historical Studies”*, 2022, Vol. 9, no. 1 (33), pp. 239–247. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(1).239-247. (in Russian).
11. Kirmel' N.S. Razvedyvatel'noe obespechenie boevykh deistvii belykh armii v Sibiri v 1918–1919 gg. [Intelligence support of the fighting of the White armies in Siberia in 1918–1919]. *Vlast' [Power]*, 2009, no. 8, pp. 151–153. (in Russian).
12. Simonov D.G. Vostochnyi front armii admirala A.V. Kolchaka (iyun' – noyabr' 1919 g.) [Eastern front of the armies of Admiral A.V. Kolchak (June – November 1919)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*, 2011, no. 4, pp. 45–52. (in Russian).
13. Kalekin V.V., Kapustin L.G., Petin D.I. Verkhovnyi pravitel' admiral A.V. Kolchak v poezdke na Tobol'skii front: k analizu neizvestnogo fotodokumenta 1919 g. [Supreme ruler Admiral A.V. Kolchak on a trip to the Tobolsk front: to the analysis of an unknown photographic document of 1919]. *Vestnik arkhivista [Herald of an Archivist]*, 2021, no. 2, pp. 390–404. (in Russian).
14. Plekhanov A.M. «Sozdaetsya vpechatlenie, chto my vospityvaem molodoe pokolenie, “ne pomnyashchee rodstva”...» [“It seems that we grow younger generation “oblivious of gens”...”]. *Omskii nauchnyi vestnik*.

- Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity], 2018, no. 1, pp. 7-11. (in Russian).
15. Zdanovich A.A. «Kontseptual'no my dolzhny pisat' ne o tom, kak pobedili, a o tom, kak na dolgom puti voevali i cherez poteri prishli k Velikoi Pobede...» ["Conceptually, we should write not about how we won, but about how we fought on a long journey and through losses came to the Great Victory..."]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity], 2021, vol. 6, no. 4, pp. 55-61. (in Russian).
 16. Khodyakov M.V. *Den'gi revolyutsii i Grazhdanskoj voiny: 1917–1920 gody* [Money of the Revolution and the Civil War: 1917-1920], 3rd ed., St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2019, 312 p. (in Russian).
 17. Budnitskiy O.V. *Rossiiskie evrei mezhdru krasnymi i belymi (1917–1920)* [Russian Jews between the Reds and the Whites (1917-1920)], Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, 552 p. (in Russian).
 18. Puchenkov A.S. *Natsional'naya politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920 g.)* [The national policy of General Denikin (spring 1918 – spring 1920)], St. Petersburg, Poltorak Publ., 2012, 338 p. (in Russian).
 19. Ganin A.V. “Nepremenno prochest' Dzerzhinskomu i vsem tsekistam”: Doklad polkovnika V.V. Kotomina o sostoyanii Krasnoi armii [“Be sure to read Dzerzhinsky and all the Central Committee members”: Report of Colonel V. V. Kotomin on the state of the Red Army]. *Rossiya v epokhu velikikh potryasenii* [Russia in the era of great upheavals], Moscow, House of the Russian Diaspora named after A. Solzhenitsyn Publ.; Russian way Publ., 2018, pp. 369-422. (in Russian).
 20. Vinokurov O.A. *Bitva na Tobole: 1919 g. v Kurganskoj oblasti* [Battle on the Tobol: 1919 in the Kurgan region], Shumikha, Veles Publ., 2013, 271 p. (in Russian).

About the authors

Leonid G. Kapustin – Independent Researcher (Murom, Russia)

Postal address: 25, fl. 73, Moskovskaya ul, Murom, 602267, Russia

E-mail: kapustin.09@mail.ru

Dmitriy I. Petin – PhD in Historical Sciences, Associate Professor (HAC, Russian Federation), Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Communications of the Omsk State Technical University (Omsk, Russia)

Postal address: 11, Mira pr., Omsk, 644050, Russia

E-mail: dimario86@rambler.ru

RSCI AuthorID: 742782

ORCID: 0000-0003-1614-8133

WoS ResearcherID: A-8542-2017

Article info

Received
July 20, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Kapustin L.G., Petin D.I. “Great Fatigue from the War. Everyone is Waiting for Peace”. Captured Battalion Commander Osminin on the Mood in the Units and Rear of East Front of the Red Army in the Summer of 1919. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 229-240. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).229-240 (in Russian).

УДК 929

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).241-255

С. И. Михальченко, А. В. Пчеленок

ПИСЬМА А. В. СОЛОВЬЁВА А. В. ФЛОРОВСКОМУ (ИЗ СОБРАНИЯ АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК)*

Публикуются относящиеся к 1930–1940-м гг. письма историка права А. В. Соловьёва историку-слависту А. В. Флоровскому. Письма раскрывают подробности участия двух историков в печатных изданиях русского зарубежья, СССР, Югославии и Чехословакии. Характеризуется работа Соловьёва над текстами древнерусских памятников «Слова о полку Игореве», «Задонщины» и «Слова о гибели Русской земли».

Ключевые слова: А. В. Соловьёв; А. В. Флоровский; русская эмиграция в Югославии; письма учёных; «Слова о полку Игореве»; «Задонщина».

Переписка учёных – важнейший исторический источник. Особое значение она приобретает для истории российской эмиграции первой волны, где ещё многие аспекты как общественного служения, так и частной жизни остаются не проясненными окончательно. В этой связи письма историка права Александра Васильевича Соловьёва его коллеге историку-слависту Антонию Васильевичу Флоровскому представляют значительный интерес. Оба они относились к поколению историков, чьё профессиональное становление пришлось фактически на эмигрантские годы. А. В. Соловьёв (1890–1971) прославился своими многочисленными сочинениями в сфере истории права южных славян, русской истории, а также геральдики. В 1920-е – начале 1950-х гг. он жил в Югославии, преподавал в университетах Белграда (до 1946 г.) и Сараева (до 1949 г.) [1]. А. В. Флоровский (1884–1968) практически всю эмиграцию прожил в Праге, где преподавал вначале на Русском юридическом факультете, а затем в Карловом университете [2]. Настоящая публикация содержит письма, хранящиеся в фонде А. В. Флоровского в Архиве РАН в Москве [3]. Хронологически

письма распадаются на два блока: первый относится к 1930-м гг. (преимущественно, к концу десятилетия). Основное содержание писем этого времени – обсуждение возможности участия Флоровского во «Владимирском сборнике», готовящемся Соловьёвым к 950-летию Крещения Руси, а также участие Соловьёва в запланированном, но так и не состоявшемся в итоге «Русском историческом журнале». Вторая часть писем относится к 1946–1948 гг., когда Соловьёв стал деканом юридического факультета нового Сараевского университета. Наряду с бытовыми подробностями жизни в Сараеве, деталями административной карьеры как адресата, так и автора писем, значительный интерес представляют сюжеты, связанные с подготовкой Соловьёвым статей по истории древнерусских памятников – «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» и его участие в работе московского журнала «Вопросы истории» и чехословацких и югославских исторических журналах. Письма содержат также информацию о деятельности знаменитого историка Древней Руси Б. Д. Грекова (в том числе, на посту директора Института славяноведения), с которым Соловьёв состоял в переписке.

* Подготовлено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 22-28-00024 «Историки русского права в европейской эмиграции: научные воззрения и коммуникация (1920-е – 1940-е гг.)».

Письма публикуются по рукописям, хранящимся в Архиве Российской академии наук (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 413. Л. 2–23).

Сокращённые слова расшифровываются в квадратных скобках.

1

Белград, 17 мая 1934

Дорогой Антоний Васильевич!

На днях ко мне обратился Л. М. Сухотин¹ с интересным вопросом в разговоре: кого бы я мог указать, как серьёзного кандидата на кафедру истории Восточной Европы Венского Университета²? (его об этом запрашивал его свояк Н. С. Трубецкой³). Я первым делом назвал Вас и указал на Ваши занятия в области русско-чешских отношений, которые, как я слышал, выросли до весьма крупных размеров.

Я был бы сердечно рад, если бы из этих разговоров что-нибудь вышло (Л. М. обещал написать Трубецкому, вполне разделяя мое мнение) и если бы Вам посчастливилось представлять русскую науку в Вене вместе с Н. С. Трубецким. Мне очень интересно знать, обращались ли уже к Вам по этому поводу и чего собственно Вена ищет: постоянного профессора, лектора или приват-доцента? Есть ли у них другие кандидаты в виду?

Позволяю себе обратиться к Вам с этими вопросами, потому что желаю Вам всяческого успеха. Но если бы Вы по каким-либо соображениям отказались от соискания и предпочли бы остаться в Праге, то у меня сейчас есть на примете следующий кандидат, которого я стал бы выдвигать только в том случае, если Вы действительно не желали бы переходить в Вену.

Поэтому мне очень интересно Ваше мнение по этому поводу. Пишу все это строго доверительно, т. к. излишняя огласка может лишь испортить дело.

Прошу передать наш сердечный привет Вашей супруге и принять уверения в искреннем уважении от сердечно преданного Вам

А. Соловьева

Белград X,
ул. Яворска 7

2

Белград, 18 мая 1938

Дорогой Антоний Васильевич!

Обращаюсь к Вам с горячей просьбой от имени «Комитета по чествованию 950-летия крещения Руси», возглавляемого митр[ополитом] Анастасием⁴. Этот знаменательный юбилей решено, между прочим, отметить изданием сборника научно-популярных статей, освещающих со всех сторон это событие и эпоху.

Мне поручено быть редактором сборника, и я особенно прошу Вас, как выдающегося специалиста, не отказать дать нам статью на отдельную тему, по Вашему выбору. Может быть «Русское государство в эпоху Владимира» или «Западная и Восточная церковь в эту эпоху, в отношении к Руси», что вам больше по душе? (или «Русь, Чехи и Поляки»?).

Предполагается участие А. В. Карташева⁵ (Крещение Руси), Г. А. Острогорского⁶ («Русь и Византия»), Е. А. Ляцкого⁷ («Владимир Св. в русской словесности»), бар[она] М. А. Таубе⁸ («Родовой знак Рюриковичей»), И. И. Лаппо⁹, Е. В. Спекторского¹⁰ и др. Размер сборника – 10–12 печ. листов.

Размер статьи – от 6 до 16 печ. страниц, по возможности – без примечаний. Предположено издать 2–3000 экз[емпляров] для широкого распространения его (гл[авным] о[бразом] бесплатного) среди русского населения, особенно – среди учащихся в Польше, С. Америке, на Балканах и Д. Востоке (через церковные организации). Кажется, он будет единственным такого типа.

Гонорара мы обещать не можем, т. к. с трудом собрали деньги на печатание. Конечно, дадим 50 отписок (или больше, если захотите). Желательно статью иметь к 1 июля, чтобы сборник мог выйти к 1 сентября.

Считая издание такого научного сборника нашим национальным долгом, очень прошу Вас принять в нём участие и обрадовать нас своею статьею¹¹.

Примите уверение в истинном почтении от сердечно преданного

А. Соловьёва

Может быть, Вы подскажите мне, к кому ещё обратиться?

3

1 февраля 1939

Дорогой Антоний Васильевич,

Не помню, ответил ли я Вам на вашу любезную открытку, которую Вы меня приглашали участвовать в «Русском Истор[ическом] Журнале»¹². Сейчас отвечаю на Ваше письмо от 27-го.

Я с радостью приму участие в этом журнале и всецело приветствую это полезное начинание.

Мне бы хотелось обсудить подробнее программу журнала. Сколько тетрадей думаете Вы выпускать в год? Четыре по 4 листа? Конечно, это небольшой формат журнала, который мешает печатать обширные статьи.

Поэтому мне кажется, что центр тяжести журнала надо бы перенести в критико-библиографическую часть. Отдельную статью всякий из нас может напечатать (в Записках Р[усского] [Научного] Института в Белграде¹³ или в «Записках Исследовательской Коллегии» в Праге¹⁴, в иностранных журналах). Но зарегистрировать эти статьи должен центральный орган. Я несколько раз поднимал вопрос о том, чтобы белградские «Записки Р[усского] [Научного] Института» вели библиографический отдел, но это не вызвало сочувствия. Критика в «Соврем[енных] Записках»¹⁵ и в «Semin[arium] Kondak[ovianum]»¹⁶ носит случайный характер. Теперь, наконец, «Р[усский] И[сторический] Ж[урнал]» может пополнить этот крупный пробел.

Мне кажется, что статей для начала могло бы быть немного – скажем – 2 листа на статью (две или три), а 2 листа на критику и библиографию (Критич[еских] статей, можно бы ввести II, одни – мелкие заметки: по отд[ельным] вопросам (в 1-2 странице). Так сейчас в «Югослов[енском] Истор[ическом] Часописе»¹⁷).

Теперь вопрос – какую из критики и библиографии вести? С 1917 года, с 1930 или с 1938 года? В зависимости от этих границ меняется и объём критики.

Мне кажется, что меньше всего надо помещать критич[еских] статей на отдельные сочинения – это носит всегда случайный характер. Их можно допускать, но в виду исключения.

Важнее гораздо: А) Критические обзоры по отдельным отраслям русской истории – их можно бы провести, начиная с 1917 года по 1937 год. Это было бы очень ценно. Надо только заранее распределить сотрудников – по дисциплинам и по месту (Советы или эмигранты). В) Наряду с этим за 1938 (и текущий год) надо бы дать полную библиографию – это типа, как в Byzant[inische] Z[eitschrift]¹⁸ или в Revista istorică română¹⁹. Отмечается каждая вышедшая книга, статья (и критика) издаётся её краткое изложение на 4–5 строчках (допустимы в этом смысле авторефераты). Эту библиографию надо бы распределить по нескольким навсегда установленным рубрикам (археология, Др[евне]Рус[ская] история, Литовск[ая] и Моск[овская] Русь, Империя, история права, история эконом[ического] быта, история искусства, геральдика и нумизматика и т. п.). И вести в алфавитном порядке в пределах каждой рубрики (или в конце дать общий алфавит).

Ввиду того, что работ по русской истории, пожалуй, не так много, можно бы эту библиографию дать в первом номере (напр[имер] в № 2 за 1938 г., а в № 1 будущего года за 1939 г.). Но она была бы очень полезна.

Вопрос – печатать ли статьи русских авторов, писанные на иностранные темы (по византийской, сербской, польской истории)?

Что касается статьи, то мне очень хочется дать отрывок «Белая и Чёрная Русь» (опыт по историко-полити[ческой] терминологии)²⁰. Но не хватает нек[от]орых данных. Не можете ли мне указать, по актам Моск[овского] государства, когда впервые москвичи начинают называть Литовскую Русь – белорусцами, белорусами? Кажется, не ранее конца XVI века.

Всем белградским коллегам, названным в письме, передал Ваше приглашение. Вы забыли ещё А. Л. Погодина²¹ (Б[елград]., Кавадарска 11), П. Б. Струве²² (Јаворска, 7) и Н. П. Толля²³ (кнеза Павла, 104). Указываю вам их адреса, на случай, если захотите им написать отдельно.

Примите сердечный привет от искренне преданного

А. Соловьева

4

23.III.1939

Дорогой Антоний Васильевич,

Получил Ваше письмо от 14-го (через два дня), спешно закончил свою статью и вчера (22-го) послал её Вам заказным, вместе с оттиском «Внешней Руси»²⁴. Надеюсь, что события не помешают Вам выпустить майскую книжку и что может быть моя статья в неё войдёт. Её можно и озаглавить просто «Б[елая] Русь» или, если хотите, «Б[елая] и Ч[ерная] Русь»²⁵. В двух-трёх местах не хватает точных цитат, кот[орые] могу дополнить в корректуре. Рад был бы, если бы Вы пополнили данные о том, когда Москва стала называть так своих соседей. Передал ваше приглашение указанным лицам, но у меня впечатление, что они ждут письменного. Напишите им лично, хотя бы по моему адресу. Жду от Вас ответа и ещё раз сердечно благодарю за любезное и обстоятельное письмо. Программа журнала мне очень нравится и надеюсь, что она осуществится.

Примите искренний привет от преданного

А. Соловьева

5

3-X.1939

Многоуважаемый Антоний Васильевич,

Не откажите сообщить есть ли у Вас надежда напечатать мою статью. Весьма вероятно, что сейчас это надежда уменьшилась в связи с общими событиями. Если Вы не предвидите возможности напечатать её до Нового года, то будьте добры прислать мне рукопись – я постараюсь поместить её здесь, может быть в III сборнике Р[усского] Арх[еологического] Об[ществ]а²⁶. Но был бы рад, если бы Ваше начинание увенчалось успехом. Примите сердечный привет от искренне преданного

А. Соловьева

6

25-IX.1946

Дорогой Антоний Васильевич,

Большое спасибо за Вашу милую открытку от 31-8 и за сообщённые сведения. Интересно узнать, что Вы написали за время оккупации – какие Ваши книги выйдут осенью.

У меня к вам просьба. Не откажите проверить почему Перетц (Слово о полку Игореве) 1926)²⁷ и Орлов (Слово, изд[ание] 1946 г.)²⁸ считают Ярославну²⁹ второю женою Игоря Святославича³⁰. В Ипат[ьевской] летописи на это указаний нет (Лаврент[ьевской] у меня под руками нет). Это легко проверить по Лаврент[ьевской] и по М. Погодину (Исслед[ование] т. IV³¹) и по таблицам Баумгартена³². К сожалению, у нас так недостаёт русских книг, особенно после того как Народная библиотека³³ сгорела при бомбардировке немцами, а Публ[ичная] русская³⁴ закрыта. Очень буду Вам благодарен за справку. Я написал статью о «Политическом кругозоре автора Слова»³⁵ и это мне нужно в связи с Ярославом Галицким³⁶. Сюда приехала В. П. Ляцкая³⁷, но я её ещё не видел. Надеюсь, узнать от неё новости о Праге.

Примите мой самый сердечный привет.

Ваш А. Соловьев

Ещё: нет ли в Праге книги Н. Серебрянского³⁸ «Древнерусские княж[еские] жития» М. 1915 (это что в Чтениях МОИДР³⁹ за 1915 г.)? Я давно жажду её прочесть.

7

7- II.1947
Сараево

Дорогой Антоний Васильевич,

Давно получил Ваше милое письмо со сведениями о черниговских князьях. Я ими воспользовался и уже послал Б. Д. Грекову⁴⁰ свою статью о «Политическом кругозоре автора Слова о полку Игореве» – он обещал её напечатать. Жаль, конечно, что Вы не могли найти точный текст Любецкого синодика⁴¹, чтобы увидеть, как там упомянут кн. Игорь-Георгий Святославич и его жена (или жены?). Но это уже дело прошлое.

Я был в хлопотах, т. к. меня выбрали орд[инарным] профессором на новый юридический факультет в Сараево (там постепенно организует целый университет, уже открыт медицинский)⁴². Надо было собирать документы, книги, готовить лекции, переезжать. Приехал я сюда 3 февраля, пока один, а семья остаётся в Б[елграде] до лета. Вчера было торжественное открытие фак[ульгета] (меня выбрали деканом), и уже начали читать лекции. Я читаю «Историю права и государства народов Югославии». Надо устраивать помещение, библиотеку. Получил много книг в подарок от белгр[адского] факультета. Кстати, будьте добры указать точные адреса учреждений, к которым можно было бы обратиться, прося их прислать книги новому факультету (Ваш юрид[ический] и истор[ический] факультет, Акад[емия] наук, Слав[янский] Институт⁴³ т. д.). Очень буду Вам благодарен. Если у вас что будет напечатано, пришлите и мне лично.

С Б. Д. Грековым я виделся три раза. Он очень мил и радушен, очень интересовался тем, кто из славяноведов за границей. Я ему назвал Вас, О. Д. Маркова⁴⁴, В. А. Мошина⁴⁵. Он очень хочет привлечь всех к работе в Инст[итуте] славяноведения⁴⁶, но у этого Инст[итута] ещё нет никакого помещения. Вообще, квартир в М[оскве] невозможно найти. Он выпускает сейчас «Историю крестьян в России»⁴⁷, обещал прислать. Пока в Инст[итуте] слав[яноведения] с ним только Пичета⁴⁸; Грацианский⁴⁹ недавно умер. В Белграде ещё мало печатают: впрочем, Острогорский выпускает как учебник для студентов сербский перевод своей «Истории Виз[антии]»⁵⁰. В. А. Мошин пишет большую работу по истории Афона⁵¹.

Пишите мне: Sarajevo, Pravni fakultet. Очень жду от Вас известий и сведений.
Искренне преданный

А. Соловьёв

8

Сараево, 20-I. 1948

Дорогой Антоний Васильевич,

Давным-давно уже получил Ваше любезное письмо, но до сих пор не собрался Вам ответить – много всяких дел и хлопот. Извините меня, пожалуйста.

Ваше письмо меня очень обрадовало. От души желаю успеха Кондаковскому Институту и приветствую возобновление его деятельности. Сердечно благодарю за приглашение сотрудничать в его Анналах.

Раздумывал, что бы дать Вам. Я сейчас очень занят вопросом о богомилах⁵² в Боснии. У меня готова статья о «вероучении боснийских богомилов»⁵³. В последнее время в местной литературе много напутали по этому вопросу: Одни стали доказывать, что «боснийская церковь» всегда была православною, другие – что она была какою-то «старокатолическою». Но и те, и другие сходятся на том, что она не была еретическою, ибо боснийские памятники (грамота, завещание) вполне правоверны. Между тем, анализ босн[ийских] евангелий убедил меня в том, что это настоящие богомилы. Эту статью я обещал Пауловой⁵⁴ для «Byzantinoslavica»⁵⁵, но она собирается печатать её не в IX/2 который должен выйти вскоре, а в томе X, который начнет набирать в июне. Не знаю, начнете ли Вы Анналы раньше этого срока?

Кроме того, у меня есть статья по-сербски «Кончанский практик»⁵⁶. Это неопубликованный ещё практик имений мон[астыря] Кончи в Македонии (на сербском яз[ыке]) после 1366 г. – из Хиландарского архива⁵⁷. В нём есть новые данные по социально-экономическому быту крестьян того времени. Мне было бы нетрудно перевести её на русский (довольно большой комментарий – больше 1 печ[атного] листа) и послать к Вам.

Так как Вы, вероятно, не будете платить сотрудникам, то я хотел бы оставить за собою право напечатать те же статьи по-сербски здесь в Сараеве – в «Гласнике Сараевского музея»⁵⁸ или в новом истор.-юрид. журнале «Архив Богишича»⁵⁹, который мы собираемся издавать. Согласитесь ли Вы на это условие?

Послал ли я Вам свою статью о «торговле рабами в Боснии»⁶⁰? Кажется нет. Пришлю её Вам для рецензии.

Примите самый сердечный привет от искренне преданного

А. Соловьева

9

Сараево 18 мая 1948

Дорогой Антоний Васильевич,

На днях получил в дар второй том ваших «Чехов и Восточных Славян»⁶¹ и приношу Вам самую сердечную благодарность за такой ценный подарок. Вместе с тем от души поздравляю Вас с выходом в свет этой книги, которой пришлось пролежать шесть лет в наборе. Какое счастье, что она не пропала совсем. Теперь её появление особенно кстати, и советские историки найдут в ней много поучительного, особенно в главе об экономических связях, разработанной столь исчерпывающе. Вашу книгу о торговле сукном⁶² я тоже получил в своё время и, кажется, за неё поблагодарил.

Я сейчас очень занят моими богомилами. Хотелось бы закончить книгу к зиме. Материала очень много, и старого и нового. Но у меня есть своя точка зрения, которая оказалась правильной, и теперь «все сходится» – это самое главное. Очень хотелось бы вам дать статью по этому вопросу. Мне очень жаль, что вы отвергаете мое «Вероучение боснийских богомилов», если оно появится и в «Раде Югосл[авской] Академии»⁶³. Это руководящая, даже немного «сенсационная» статья, и круг читателей был бы различный. Но у Вас свои соображения. Могу дать что-либо иное, напр. о богомильских надгробных памятниках⁶⁴ (тут новость, что они своеобразно признавали и толковали крест), но предупреждаю, что и это войдет в мою книгу, которая, конечно, появится в Сараеве не раньше весны.

Недавно я написал некролог А. Л. Погодина⁶⁵ и послал его В. А. Мошину. Не хотели ли вы его напечатать? Вообще, как обстоит дело с «Анналами»? Будет ли достаточно материала, и когда они могут выйти в свет? У нас в Югославии очень много издательских замыслов. Каждый институт собирается издавать свой журнал, хватит ли сотрудников? И в Сараеве наш Институт истории права начинает издания своего «Архива» с широкой программой. Непременно дам там рецензии на ваши книги.

Очень сожалею, что не удалось приехать в Прагу на торжества Карлова университета⁶⁶. Многих и многое хотелось бы повидать. Какие книжные новинки? Не появилось ли чего-нибудь интересного о гусситстве⁶⁷? Мне оно интересно для параллели с богомильством. Не можете ли вы мне прислать на прочтение какое-нибудь и старое, но солидное сочинение об этом? Очень был бы вам благодарен, и вернул бы по почте или через белградское ч[ехо]-сл[овацкое] посольство.

Не знаете ли, когда Славянский Институт издаст списки Задонщины Фрчека⁶⁸? Мне это интересно, п[отому]ч[то] Югосл[авская] Академия издаёт памятники древне-русского эпоса («Слово о полку», «Слово о погибели» и «Задонщину») в переводах с моей вступ[ительной] статьей⁶⁹. Интересно было бы видеть тексты Фрчека. Жив ли он? В кн[иге] 3-й «Вопросов Истории» сказано, что проф[ессор] Малышкин⁷⁰ нашёл новый список «Слова о погибели». Полагаю, что это тот же список 16 века, который Заволоко⁷¹ нашёл в Риге в старообр[ядческой] библи[отеке] и сообщил М. Горлину⁷²: тот его напечатал в RES'e⁷³ 1947; ничего нового он не представляет. Жаль, что никто не пишет из Москвы и приходится ограничиваться случайными сведениями.

Квартира у нас чудесная, все окна в парк, всё цветёт и зеленеет, прекрасный вид на горы, и мы очень довольны нашим переселением.

Прошу Вас и вашу супругу принять наш общий сердечный привет.

Искренне преданный

А. Соловьев

10

14.- VI. 1948

Дорогой Антоний Васильевич,

писал Вам недели три тому назад, но ещё ответа от вас не получил.

У меня есть рукопись «Политический кругозор автора Слова о полку Игореве». Писал я её во время оккупации и дополнил в 1946 г. Там есть новые соображения. В декабре 1946 г. я передал её Б. М. Грекову (вместе с «Вел[икой] и Мал[ой] Русью»⁷⁴). Ему она очень понравилась, он взял её с собою, ну до сих пор не напечатана, и вероятно не будет напечатана⁷⁵. Она не подходит по объёму и теме для «Вопросов Истории», а других журналов я там не вижу.

Поэтому посылаю Вам её копию. Занятия «Словом» были в традициях Кондак[овского] Института, и я думаю, там бы она пришлась кстати. Прочитайте и напишите мне Ваше мнение.

Что вы знаете о том, печатается ли исследование Яна Фрчека о «Задонщине»? Нельзя ли его получить? Я заканчиваю для Югосл[авской] Акад[емии] работу о русском среднев[ековом] эпосе («Слово о п[олку] Игор[еве]», «Слово о погибели» и «Задонщина») для переводов на хорватский, к[о]т[орый] должен появиться отдельной книжкой⁷⁶. Очень было бы интересно иметь и работу Фрчека. Жив ли он? Знакомы ли вы с ним? Не могу ли я получить корректурные листы?

Премного буду Вам благодарен за ответ, искренне преданный

А. Соловьёв.

11

12.-VII.1948

Дорогой Антоний Васильевич,

Получил Ваше любезное письмо от 1 июля. Очень рад, что моя статья Вам подходит. Я на днях написал запрос Б. Д. Грекову о её судьбе; ну хорошо будет, если и Вы напишите. Может быть, Вы скорее получите ответ.

Французское резюме напишу, но не сейчас. Очень я занят богами, а хочется отделать и «Задонщину». Непременно пришлите мне работу Фрчека; и не можете ли прислать мне на прочтение и работу Андриановой-Перетц⁷⁷; я знаю о ней только из «Советской Книги» № 5, из рецензии на исследование В. Ф. Ржиги⁷⁸ о той же Задонщине: «Слово Софония Рязанца» (Учёные Записки Моск[овского] гос[ударственного] Педагог[ического] инст[итута] т. 43-й, М[осква], 1947)⁷⁹. Если оно есть в Праге, пришлите мне его на прочтение: оно мне просто необходимо. Здесь, к сожалению, такие редкие книги недоступны (напечатано всего 1000 экз.).

Очень рад, что у Вас дело с «Анналами» налаживается. Желаю вам всяческого успеха.

Сердечный привет вам и супруге.

Искренне Ваш

А. Соловьёв

Посылаю Вам свою статью о 600-летию Карлова Универ[ситета] – непременно передайте её в Славянский Инст[итут] и попросите их прислать мне все их издания после войны, но прежде всего Фрчека. Очень жаль, что он погиб – я этого не знал.

12

20. IX. 1948

Дорогой Антоний Васильевич,

Давно получил Ваше письмо от 24.VIII из Марианских Лазней, но все не собрался ответить. Был немного в Дубровнике, купался и занимался в архиве, очень занят богами.

Однако попутно написал для Вас рецензию на Фрчека, которого Вы мне любезно прислали. Боюсь, что очень длинна, но вопрос интересный и злободневный. Может быть, дать ей заглавие (напр. «Одна или две редакции Задонщины?») или «Спорные вопросы о генезисе Задонщины») и напечатать её петитом, как критическую статью (как когда-то мои «Спорные вопросы о Готах в Крыму»⁸⁰).

Хочется ещё написать Вам рецензию на работу J. Jодковского (поляка)⁸¹ о новых печатях русских князей, найденные в Гродне⁸². Это моя родина, и следовало бы написать. Она, конечно, будет короче, 3–4 страницы.

Сдадите ли Вы журнал в печать в октябре? Очень бы хотелось, чтобы он вышел поскорее. Что касается французского резюме, я в затруднении – у меня не осталось копии статьи. Не может ли кто-нибудь у Вас сострять резюме и прислать мне на просмотр? Премного меня обяжете.

О конгрессе в Пар[иже] и Бр[юсселе]⁸³ знаю очень мало. Г. А. Остр[огорский] был там, но мне ничего не написал. Учёных из СССР не было. Где будет следующий, не знаю.

Очень жду вашего ответа.

Сердечный привет Вам и супруге Вашей.

Искренне Ваш

А. Соловьев

В Сараеве чувствуем себя очень хорошо – милый факультет, прекрасная квартира, славные окрестности, только иногда не хватает книг.

13

8.-X.1948

Дорогой Антоний Васильевич,

Только что получил письмо от Б. Д. Грекова: он сообщает мне, что моя статья о «Слове о п[олку] Игореве» уже напечатана в № 25 «Истор[ических] Записок» – я этого номера ещё не видел.

Итак, к сожалению, она не может появиться в «Анналах». Полагаю, что тем более к стати моя рецензия о Фрчеке, которую следует напечатать, как отдельную статью – придумайте для неё заглавие. Рецензию о гродненских печатях пришлю Вам, как только получу от Вас ответ, стоит ли её печатать.

Примите самый сердечный привет от преданного

А. Соловьева

Проверьте пожалуйста мои переводы цитат из Фрчека, у меня не было под руками чешского словаря, и я перевел, напр. «truchlivý» – трогательный, а надо «печальный». Исправьте все, пожалуйста.

14

3.- XI.1948

Дорогой Антоний Васильевич,

Ещё 21-го сентября я послал Вам заказным пакетом большую рецензию на Фрчека, а одновременно и письмо (кажется открытку). От Вас я ответа до сих пор не получил. Не знаю, не затерялось ли мое или Ваше письмо. Т. к. мой «автор Слова о п. Игореве» напечатан в «Истор Зап.» № 25, то Вам бы хорошо напечатать статью о Фрчеке. Вопрос, выйдет ли номер «Анналов»? Что по этому поводу слышно?

Напишите мне пожалуйста. Нужна ли Вам рецензия о Гродне? Что нового вообще? У нас в Сараеве жизнь провинциальная вдали от всех новостей. Сердечный привет супруге и Вам от преданного

А. Соловьева

15

26.-XI. 1948

Дорогой Антоний Васильевич,

Получил Ваше письмо перед отъездом из Сар[аева] в Белград – приехал на неделю по научным делам. Поздравляю Вас с утверждением в должности и желаю вам скорее совершенно поправиться и быть здоровым. Очень буду рад, если *Анналы* выйдут. Дайте моей статье заглавие: «Вопрос о двух редакциях *Задонщины*». Г. А. Острогорский получил нью-йоркское издание «Слова о полку Игоре» с большой статьей Якобсона, где очень дельные возражения Мазону⁸⁴. Жаль только, что ему остался неизвестным II-й выпуск «Заметок»⁸⁵. Постараюсь прислать Вам рецензию о гродненских печатях. Сейчас у меня много дела; сверх научных занятий свалилось на меня и редакторство историко-юридического журнала. Помещу там заметку о Вашем II томе «Чехов и Восточных Славян». Не мог ли бы Мацоурек⁸⁶ прислать мне для рецензии свою «Историю Восточных Славян»⁸⁷?

У меня есть некоторая надежда побывать через 1–2 месяца в Праге. Узнайте пожалуйста, на месте ли рукописи Душ[анова] Зак[онника]⁸⁸ в Нар[одном] Музее⁸⁹? Мне надо их просмотреть. Самый сердечный привет от Георгия Александровича и от преданного

А. Соловьёва

16

15.-II. 1949

Дорогой Антоний Васильевич,

Получил оба Ваших отиска, особенно интересен второй – о печальной судьбе Ладыженского⁹⁰. Сердечно Вас за них благодарю. Получил и Вашу открытку: к сожалению, поездка моя не может состояться никак, несмотря на все мое желание, придётся просить сфотографировать рукописи, но это мы сделаем официально, через Академию Наук. Сейчас я в Белграде, приехал на несколько дней в связи с делами издания. Остановился у Г. А. Острогорского – он просит Вам кланяться. Как обстоит дело с изданием *Анналов*? Жду выхода в свет трёх отисков в разных местах, которые Вам пришлю.

Шлю самый сердечный привет

Преданный А. Соловьёв

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сухотин Лев Михайлович (1879–1948) – директор русско-сербской женской гимназии в Белграде. Автор учебников для средней школы в эмиграции.

² Институт был учреждён в 1907 г. Официальные названия института несколько раз менялись и отражают историю предмета в Венском университете: до 1948 г. он назывался «Семинар по восточноевропейской истории. История Восточной Европы», затем «Семинар истории Восточной Европы и исследований Юго-Востока», с 1956 г. «Институт истории Восточной Европы и исследований Юго-Востока», с 1978 г. «Институт исследований Восточной и Юго-Восточной Европы», а с 2000 г. «Институт истории Восточной Европы».

³ Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) – лингвист и общественный деятель. В 1920-е гг. теоретик евразийства. С 1923 г. преподавал в Венском университете

⁴ Митрополит Анастасий (Грибановский Александр Алексеевич) (1873–1965) – епископ

Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), первоиерарх РПЦЗ в 1936–1964 гг. В начале 1938 г. возглавил Комитет по чествованию 950-летия Крещения Руси.

⁵ Карташев Антон Владимирович (1875–1960) – государственный деятель дореволюционной России. С 1920 г. в эмиграции во Франции. Профессор Свято-Сергиевского православного богословского института (с 1925 г.), в 1922–1939 гг. профессор русского отделения Сорбонны.

⁶ Острогорский Георгий Александрович (1902–1976) – югославский историк-византист русского происхождения. Доктор Гейдельбергского университета (1925). Приват-доцент Университета Бреслау (1928–1933). Профессор Белградского университета (1933–1973). Основатель и руководитель Византологического института (1948).

⁷ Ляцкий Евгений Александрович (1868–1942) – этнограф, фольклорист, литературовед, издатель. С 1922 г. жил в Праге, профессор русской словесности чешского Карлова университета. Автор многочисленных работ по истории русской литературы.

⁸ Таубе Михаил Александрович (1869–1961) – правовед, доктор международного права (1899). С 1897 г. преподавал в Харьковском, Петербургском университетах и Училище правоведения. С 1915 г. сенатор, в 1917 г. член Государственного Совета. С конца 1917 г. в эмиграции в Финляндии, Швеции, Франции, Германии. В 1932–1937 гг. профессор Мюнстерского университета. Автор работ по средневековой истории России и генеалогии.

⁹ Лаппо Иван Иванович (1869–1944) – историк-литуанист. Доктор русской истории (1911). Профессор Юрьевского (Воронежского) университета (1905–1919). С 1921 г. профессор Русского юридического факультета в Праге, в 1933–1940 гг. – Университета им. Витаутаса Великого в Каунасе.

¹⁰ Спекторский Евгений Васильевич (1875–1951) – правовед, философ, историк. Доктор государственного права (1917). До 1919 г. преподавал в Варшавском и Киевском университетах (в 1918–1919 гг. – ректор). С 1920 г. в эмиграции в Югославии, Чехословакии, США. В 1930–45 гг. профессор Люблянского университета. Автор многочисленных работ по различным областям гуманитарного знания.

¹¹ Сборник был в итоге опубликован без статьи Флоровского: Владимирский сборник. В память 950-летия крещения Руси. 988–1938. – Белград, 1939.

¹² Русский Исторический журнал организовать не удалось. Подробности несостоявшегося проекта см.: *Ковалев М. В.* «Издание исторического журнала, посвящённого прошлому России..., является... необходимым»: Документы Славянской библиотеки в Праге о несостоявшемся проекте российской научной эмиграции (1937–начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. – 2014. – № 5. – С. 84–99.

¹³ «Записки» издавались организованным в 1928 г. научным и просветительским учреждением русской эмиграции Русским Научным Институтом в Белграде в 1930–1941 гг. Вышли выпуски 1-16/17. С немецкой оккупацией Югославии был закрыт Институт, и прекратился выход Записок.

¹⁴ «Учёные записки, основанные Русской учёной коллегией в Праге» издавались в 1924–1927 гг. Здесь, вероятно, имеются в виду «Записки Русского научно-исследовательского объединения в Праге» – непериодическое издание Русского Свободного университета (просветительского заведения эмиграции), издававшееся в 1934–1942, 1945 гг. См.: *Емельянов Ю. Н.* История в изгнании. Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). – М., 2008. – С. 54–55, 141–143.

¹⁵ «Современные записки» – литературный журнал русской эмиграции, издававшийся в Париже с 1920 по 1940 г. Журнал содержал постоянный раздел критики, поэтому замечание Со-

ловьёва представляется субъективно преувеличенным.

¹⁶ *Seminarium Kondakovianum* (Сборник статей по археологии и византиноведению) (Прага, 1927–1936); *Annals de l'Institut Kondakov* (Прага, 1937–1938; Белград, 1940) – непериодическое издание Семинара (с 1930 г. Института) им Кондакова, научно-исследовательского объединения искусствоведов и историк, преимущественно Древней Руси и Византии, образованного из числа учеников историка искусства Никодима Павловича Кондакова (1844–1925). Издавалось в Праге, Т. 11 (1940) вышел в Белграде.

¹⁷ *Jugoslovenski istoriski časopis* (Югославский исторический журнал) – ежеквартальный научный журнал, издававшийся в Белграде в 1935–1939 гг. Югославским историческим обществом. Главный редактор – Владимир Чорович (Чоровић).

¹⁸ *Byzant[inische] Z[schrift]* (Византийский журнал) – один из главных мировых византиноведческих журналов, издаётся в Мюнхене с 1892 г.

¹⁹ *Revista istorică română* (Румынский исторический журнал) – ежеквартальное издание, выходившее в Бухаресте с 1931 по 1947 г. под эгидой Института национальной истории.

²⁰ Статья Соловьёва «Белая и Чёрная Русь» в итоге была опубликована в издании: *Сборник Русского Археологического Общества в Королевстве Югославии.* – Белград, 1940. – Т. III. – С. 29–66.

²¹ Погодин Александр Львович (1872–1947) – славист, историк и филолог. Доктор славянской филологии (1905). С 1897 г. преподавал в Санкт-Петербургском (приват-доцент), с 1910 г. в Харьковском университете (профессор). С 1920 г. в эмиграции, с 1921 г. – в Белградском университете, с 1939 по 1941 г. профессор. Автор работ по истории Древней Руси и славянской филологии.

²² Струве Пётр Бернгардович (1870–1944) – политический деятель и учёный-экономист. Доктор политической экономики и статистики (1917), академик РАН (1917). В эмиграции с 1920 г., профессор Русского юридического факультета в Праге, с 1928 г. в Белградском университете.

²³ Толль Николай Петрович (1894–1985) – историк и искусствовед. Участник Белого движения. Доктор философии (1927). Вице-директор Кондаковского семинара. В 1938 г. переехал с ним в Белград, в 1939 г. переехал в США

²⁴ *Soloviev A. V.* "H'ΕΞΟ ΡΩΣΙΑ // Byzantion. – Bruxelles, 1938. – Vol. XIII. – P. 227–232.

²⁵ Статья в итоге вышла в свет в другом издании. См. прим. 20.

²⁶ Русское Археологическое общество – существовавшее в 1921–1941 гг. объединение русских учёных-эмигрантов. Основатели А. П. Погодин, М. А. Георгиевский и др. Общество издало

3 тома «Сборника РАО» (См.: Емельянов Ю. Н. Указ. соч. С. 207–209).

²⁷ Перетц Владимир Николаевич (1870–1935) – лингвист, историк литературы и источниковед. Академик РАН (1914). В 1914–1917 гг. – профессор Саратовского университета, с 1917 г. – профессор Петроградского (Ленинградского) университета. Автор многочисленных работ по истории литературы и фольклору, в том числе монографии: *Перетц В.* Слово о полку Игоревім : пам'ятка феодальної України-Руси XII віку : вступ, текст, коментар. – Київ : Укр. акад. наук, 1926. (Збірник Історично-філологічного відділу / Укр. акад. наук ; № 33).

²⁸ Орлов Александр Сергеевич (1871–1947) – литературовед, текстолог. Академик АН СССР (1931). С 1906 по 1931 г. преподавал в Московском университете, с 1931 по 1946 г. – профессор Ленинградского государственного университета. С 1931 г. – заместитель директора Института русской литературы (Пушкинского Дома). Автор многочисленных работ по истории древнерусской литературы, в том числе монографии: *Орлов А. С.* Слово о полку Игореве. – М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1938. (2-е доп. изд. 1946).

²⁹ Ярославна (Ефросинья Ярославна) (?–?, вторая половина XII в.) – жена князя Новгород-Северского Игоря Святославича. Как доказал А. В. Соловьёв, была первой и единственной его женой, матерью пятерых сыновей и дочери (*Соловьёв А. В.* Восемь заметок к «Слову о полку Игореве» // Труды Отдела Древнерусской литературы. – М. ; Л. : Наука, 1964. – Т. 20. – С. 378–382).

³⁰ Игорь Святославич (1151–1202) – князь Новгород-Северский с 1180 г. В 1185 г. совершил неудачный поход на половцев, воспетый в «Слове о полку Игореве».

³¹ *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Том IV. Период удельный, 1054–1240. – М., 1850. Погодин Михаил Петрович (1700–1775) – историк и писатель. Доктор русской истории (1841). Профессор Московского университета (1836–1844). Автор многочисленных научно-исторических, публицистических и беллетристических произведений.

³² Баумгартен Николай Александрович (1867–1939) – генеалог, автор многочисленных публикаций с генеалогическими таблицами русских и иностранных монархических родов.

³³ Народная библиотека – национальная библиотека Сербии. Основана в 1832 г. Разрушена во время бомбардировки Белграда 5 апреля 1941 г. После Второй мировой войны долгое время остатки фондов размещались в приспособленных помещениях.

³⁴ Русская Публичная библиотека была основана в 1928 г., с 1933 г. размещалась в Русском Доме в Белграде. Содержала ок. 130 тыс. томов. Была закрыта после Второй мировой войны (*Ко-*

сик В. И. Досуг и быт в Белграде в 1920–1940-х гг. // Славянский альманах – 2006. – М., 2007. – С. 349–350).

³⁵ *Соловьёв А. В.* Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Исторические записки. – М., 1948. – № 25. – С. 71–103.

³⁶ Ярослав Владимирович (род. ок. 1130) – князь галицкий с 1153 г. по 1 окт. 1187 г. Прапраправнук Ярослава Мудрого. Упоминается в «Слове о полку Игореве».

³⁷ Ляцкая Видослава (Вида) Павловна (урожд. Зелена, Zelena) (1913–1991) – филолог-славист, переводчица на сербскохорватский язык. Вторая жена Е. А. Ляцкого.

³⁸ Серебрянский Николай Ильич (1872–1940) – историк православной церкви. Доктор церковной истории (1917). Преподавал в Московской духовной академии, Воронежском университете. Сочинение, упоминаемое Соловьёвым, – докторская диссертация Серебрянского.

³⁹ МОИДР – (Московское) Общество истории и древностей при Московском университете. Существовало в 1804–1929 гг. Занималось исследовательской, просветительской и издательской деятельностью в области истории России

⁴⁰ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – историк. Академик АН СССР (1935). Директор академических институтов: истории (с 1936 г.), одновременно в 1943–1947 гг. – истории материальной культуры, а в 1947–1951 гг. – славяноведения. В 1946–1953 гг. академик-секретарь Отделения истории АР СССР. Главный редактор периодического издания Отделения «Исторические записки».

⁴¹ Любецкий синодик – синодик (помянник), принадлежавший Антониевскому Любечскому мужскому монастырю, упразднённого в 1786 г., а позднее – Воскресенской церкви в г. Любече. На л. 16–21 читался помянник черниговских князей.

⁴² Сараевский университет в главном городе Боснии был официально основан в 1949 г. путём объединения существовавших к тому времени медицинского, юридического, сельскохозяйственно-лесного факультетов и Высшей педагогической школы. Юридический факультет официально основан в 1946 г., начал работу в 1947 г.

⁴³ Славянский институт Академии наук Чешской Республики – научно-исследовательское учреждение в составе Академии наук Чешской Республики, занимающееся изучением славянских языков и литератур. Основан в Праге в 1922 г. при финансовой поддержке президента Чехословакии Т. Г. Масарика, но начал свою деятельность только в 1928 г.

⁴⁴ Марков Осип (Иосиф) Осипович (1890–1976) – юрист и историк. В 1939 г. профессор Карлова университета в Праге, в 1940–1950 гг. – Братиславского, затем сотрудник Института народоведения Словацкой АН. Автор ряда работ по истории Галичины и Подкарпатской Руси.

⁴⁵ Владимир Алексеевич Мошин (1894–1987) – историк и филолог-славист. Доктор Загребского университета (1928). В 1930–1932 и в 1971–1974 гг. преподавал в Университете Скопье, в 1932–1942 гг. – в Белградском университете. В 1942–1959 гг. – священник, настоятель русских храмов в Белграде и Загребе. Автор многочисленных сочинений по истории России и южных славян. Академик Македонской АН.

⁴⁶ Институт славяноведения (в 1968–1997 гг. Институт славяноведения и балканистики) АН СССР (РАН) – научно-исследовательское учреждение Академии наук, располагающееся в Москве. Основано в 1947 г. Ведёт исследования в области истории и филологии славян.

⁴⁷ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII века. – М.: Л.: АН СССР, 1946.

⁴⁸ Пичета Владимир Иванович (1878–1947) – историк-славист, медиовист. Магистр русской истории (1918). Преподавал в Московском университете (в 1910–11 гг. приват-доцент, с 1917 г. профессор). Один из основателей и первый ректор Белорусского государственного университета в Минске (1921–1929). Академик АН СССР (1946), АН БССР (1928). Зам.директора Института славяноведения в 1947 г.

⁴⁹ Грацианский Николай Павлович (1886–1945) – историк-медиовист, специалист по аграрной истории Средневековья, в том числе истории западных славян. Доктор исторических наук (1938). В 1930–1940-е гг. преподавал в Московском педагогическом институте и Московском университете.

⁵⁰ Острогорски Г. Пронија: Прилог историји феудализма у Византији и у јужнословенским земљама. – Београд: Просвета, 1951. (Посебна издања Византинолошког института; 1).

⁵¹ Мошин В. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII веке // *Byzantinoslavica*. – 1947. – IX. – С. 55–85; 1950. – XI. – С. 32–60

⁵² Богомилство – одно из крупнейших религиозно-социальных еретических движений на Балканах и в М. Азии в X–XIV вв. Основополагающая идея учения есть представление о том, что материальный мир не может быть творением Божиим, а является делом рук сатаны.

⁵³ Соловьев А. Сведочанства православних извора о богомилству на Балканах // *Годишњак Друштва историчара Босније и Херцеговине*. – Сарајево, 1953. – Књ. 5. – С. 1–103.

⁵⁴ Паулова Милада (Paulová Milada) (1891–1970) – чешский историк. Доктор философии (1918). С 1925 г. преподавала в Карловом университете (с 1935 г. профессор).

⁵⁵ *Byzantinoslavica. Revue internationale des Etudes Byzantines*, – журнал, издающийся Славянским институтом Чешской АН с 1929 г.

⁵⁶ Соловьев А. Кончански практик // *Зборник радова Византолошког института*. – Београд, 1955. – Књ. 3. – С. 83–109.

⁵⁷ Речь об архиве Хиландарского монастыря – сербского православного мужского монастыря на горе Афон в Греции. Существует с 1191 г.

⁵⁸ *Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu* – Бюллетень Национального музея Боснии и Герцеговины. Является старейшим научным журналом в Боснии и Герцеговине (издается с 1889 г.).

⁵⁹ Журнал не был создан.

⁶⁰ Соловьев А. Трговање босанским робљем до год. 1661 // *Glasnik državnog muzeja u Sarajevu, Nova serija, Društvene nauke*, – Сарајево, 1946. – Sv. I. – Str. 139–162.

⁶¹ Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне: очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.) – Прага: Slovanský ústav, 1947. – Tom vtoroj.

⁶² Florovskij A. V. České sukno na východoevropském trhu v XVI. až XVIII věku. – Прага: Archiv pro dějiny průmyslu, obchodu a technické práce, 1947.

⁶³ Soloviev A. V. Vjersko učenje Bosanske crkve // *Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*. – Zagreb: JAZU, 1948. – Knj. 270.

⁶⁴ Соловьев А. Символика средневековых гробных споменика у Босни и Херцеговини // *Годишњак Историског друштва Босне и Херцеговин*. – Сарајево: "Веселин Маслеша", 1956. – Стр. 5–67.

⁶⁵ Соловьев А. В. А. Л. Погодин // *Краткие сообщения Института славяноведения*. – М., 1958. – Т. 23. – С. 57–59.

⁶⁶ В апреле 1948 г. отмечалось 600-летие Карлова университета в Праге.

⁶⁷ Правильнее: Гуситство – религиозное реформаторское течение в Чехии в XV в., названное по имени основателя Яна Гуса.

⁶⁸ *Zádonština: staroruský žalozpěv o boji Rusů s Tatory r. 1380*. Přeložil a studii naspal Jan Frček, překlad krátké redakce písně. – Прага: Slovanský ústav a Orbis, 1948. Фрчек Ян (Frček, Jan) (1896–1942) – чешский лингвист, славист и педагог. Доктор философии Карлова университета (1922). Преподавал в средних учебных заведениях Праги, Брно. С 1938 г. сотрудник Славянской библиотеки в Праге.

⁶⁹ Издание не состоялось.

⁷⁰ Правильно: Малышев Владимир Иванович (1910–1976) – археограф, историк и филолог. Доктор филологических наук (1968). С 1946 г. работал в Пушкинском Доме АН СССР, основатель и руководитель его Древлехранилища. Основные работы Малышева связаны с открытием и исследованием новых рукописей и памятников древнерусской литературы В 1946 г. во время археографической экспедиции нашёл в собрании Гребенщиковской старообрядческой общины в Риге второй список «Слова о погибели Русской

земли», о чём опубликовал статью: *Малышев В. И.* Житие Александра Невского по рукописи середины XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1947. – Т. V. – С. 185–193.

⁷¹ Заволоко Иван Никифорович (1897–1984) – археограф, старообрядческий просветитель. После окончания в 1927 г. Русского юридического факультета в Праге с 1930 по 1940 г. работал преподавателем правоведения в русских учебных заведениях Риги. В 1933 г. обнаружил в Гребенчиковской общине второй список «Сказания о погибели...» и переслал его слависту М. Горлину в Париж, но Горлин смог опубликовать свою статью об этом только в 1947 г. (*Goelin M.* Le dit de la mine de la terre Russe et de la mort du grand prince Jaroslav // *Revue des Etudes Slaves.* – 1947. – XXI. – P. 5–33). Поэтому Малышев в 1946 г. фактически заново открыл второй список. И. Н. Заволоко с 1940 по 1957 г., будучи незаконно репрессированным, находился в лагерях и ссылке. Затем проживая в Риге, был внештатным сотрудником Древлехранилища Пушкинского Дома РАН. См. также: *Соловьёв А. В.* По поводу Рижского списка «Слова о погибели Руския земли» // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1960. – Т. 16. – С. 142–144.

⁷² Горлин Михаил Генрихович (1908–1944) – поэт и учёный-славист, специалист по русской, в том числе древнерусской литературе. В 1922–1933 гг. жил в Берлине, затем в Париже, сотрудник Института славяноведения. Погиб в концлагере.

⁷³ RES – *Revue des Etudes Slaves* – французский журнал по истории и филологии славян, издающийся ежеквартально Институтом славистики в Париже с 1921 г.

⁷⁴ В «Вопросах истории» была опубликована статья: *Соловьёв А. В.* Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. – 1947. – № 7. – С. 24–38.

⁷⁵ *Соловьёв А. В.* Политический кругозор автора Слова о полку Игореве // Исторические записки. – [М.], 1948. – № 25. – С. 71–103.

⁷⁶ Издание не состоялось.

⁷⁷ Адрианова-Перетц Варвара Павловна (1888–1972) – филолог, специалист по фольклору и древнерусской литературе. Член-корреспондент АН СССР (1943). С 1934 г. работала в Пушкинском Доме РАН. Речь идёт о: *Адрианова-Перетц В. П.* «Задонщина»: Текст и примечания // ТОДРЛ. – 1947. – Т. 5. – С. 194–224.

⁷⁸ Ржига Вячеслав Федорович (1883–1960) – филолог, специалист по древнерусской литературе. С 1914 г. преподавал в Московском университете, а также на Высших женских курсах, в последующие годы – в МГПИ им. В. И. Ленина.

⁷⁹ *Ржига В. Ф.* Слово Софония-рязанца о Куликовской битве («Задонщина») // УЗ МГПИ. Кафедра русской литературы. – М., 1947. – Т. 43. – С. 41–99.

⁸⁰ *Соловьёв А. В.* Спорные вопросы по истории Готского княжества в Крыму. По поводу книги: *A. A. Vasiliev, The Goths in the Crimea // Seminarium Kondakovianum* : сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н. П. Кондакова. – Прага, 1937. – № 9. – С. 93–104.

⁸¹ Иодковский Юзеф (Юзефович) (*Jodkowski Józef*) (1890–1950) – польский нумизмат, историк-краевед. В 1922 г. создал и до 1936 г. возглавлял Исторический музей в Гродно. После 1940 г. работал в Варшаве и Кракове. Автор многочисленных статей по истории Понеманья и нумизматике.

⁸² *Jodkowski J.* Pieczęcie ruskie z XI i XII wieku znalezione w Grodzie i Drohiczyźnie // *Przegląd Historyczny.* – 1948. – Т. XXXVII. – Str. 153–180.

⁸³ VI Международный конгресс византийских исследований (Париж, 27 июля – 2 августа 1948 г.) и VII конгресс (Брюссель, 4–15 августа 1948 г.) прошли один за другим, чтобы компенсировать пропуск конгресса из-за военных действий. (Предыдущий был в Риме 20–26 сентября 1936 г. Следующий прошёл в Палермо, 3–10 апреля 1951 г.)

⁸⁴ Якобсон Роман Осипович (1896–1982) – лингвист, литературовед. В 1920–1930-е гг. преподавал в различных университетах Чехословакии, с 1939 г. в университетах Дании и Норвегии, Швеции. С 1941 г. – в США. В конце 1930-х – 1950-х гг. занимался «Словом», опровергая мнения А. Мазона (Мазон Андре (*André Mazon*) (1882–1967) – французский славист, полагавший, что «Слово» – позднее подражание «Задонщине»). Имеется в виду коллективная монография, где опубликованы текст «Слова» в переводе Р. Якобсона и его же статья: *The Tale of the Raid of Igor' – of Igor' Son of Svyatoslav, Grandson of Oleg / Transl. by S. H. Cross // La geste du Prince Igor', sous la direction d'Н. Grégoire, de R. Jakobson et de M. Szeftel.* – N. Y., 1948. – P. 151–179. Статья Якобсона «*Quelques remarques sur l'édition critique du Slovo, sur sa traduction en langues modernes et sur la reconstruction du texte primitif*» и «*L'authenticité du Slovo*» в книге «*La Geste*» (P. 5–37, 235–360). Частично опубликована переписка двух учёных: *Баран Х., Душечкина Е. В.* Вокруг «Слова о полку Игореве». Из переписки Р. О. Якобсона и А. В. Соловьёва // *Славяноведение.* – 2000. – № 4. – С. 50–78.

⁸⁵ Заметки к «Слову о полку Игореве». – Белград, 1941. – Вып. 2. – (*Seminarium Kondakovianum*; Т. 12).

⁸⁶ Правильно: Мацурек Йозеф (*Macúrek Josef*) (1901–1992) – историк. Специалист по истории Восточной Европы. С 1930 г. преподавал в Карловом университете в Праге, с 1935 по 1970 г. – в Масариковом университете в Брно.

⁸⁷ *Macúrek J.* *Dějiny východních Slovanů.* – Praha, 1947. – Sv. I–III.

⁸⁸ Душанов Законник – важнейший памятник средневекового сербского права, принятый во время правления царя Сербии Стефана Душана в 1349–1354 гг. Соловьёв внёс большой вклад в изучение памятника, его докторская диссертация посвящена Законнику: *Соловьёв А. В.* Законодательство Стефана Душана, цара срба и грка. – Београд, 1928; см. также: *Соловьёв А. В.* Законник царя Стефана Душана 1349 и 1354 године. – Београд, 1929.

⁸⁹ Národní muzeum (Народный (Национальный) музей) – главный исторический музей Чехии, основанный в 1818 г. Главный корпус расположен в центре Праги на Вацлавской площади. Обладает большой коллекцией рукописей и старопечатных книг.

⁹⁰ *Флоровский А. В.* Первый иезуит из московских дворян // *Acta Academiae Velehradensis*. – Olomucii, 1948. – Vol. 19. Ладъженский Алексей Юрьевич (1693–1756) – русский деятель католической церкви, иезуит.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарева Е. А.* Превратности судьбы А. В. Соловьёва // *Рах Rossica: Русская государственность в трудах историков зарубежья*. – М.: Вече, 2012. – С. 224–233.
2. *Ковалев М. В.* Труды и дни профессора Антония Васильевича Флоровского // *Флоровский А. В. Труды по истории России, Центральной Европы и историографии*. – СПб.: Нестор-История, 2020. – С. 8–48.
3. *Лантвева Т. Н.* Научное наследие А. В. Флоровского (1884–1968) в Архиве РАН // *Вестник архивиста*. – 2014. – № 1. – С. 270–287.

Сведения об авторах

Михальченко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор Института экономики, истории и права Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского (Брянск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 241036, Россия, Брянск, ул. Бежицкая, 14

E-mail: smikh10@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 385969

ORCID: 0000-0002-6809-9305

WoS ResearcherID: P-7667-2015

Пчеленок Анна Васильевна – младший научный сотрудник Центра славяноведения НИИ фундаментальных и прикладных исследований Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского (Брянск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 241036, Россия, Брянск, ул. Бежицкая, 14

E-mail: institut.sei@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 41114614

Информация о статье

Дата поступления
28 сентября 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Михальченко С. И., Пчеленок А. В. Письма А. В. Соловьёва А. В. Флоровскому (из собрания Архива Российской академии наук) // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 241–255. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).241-255.

S.I. Mikhailchenko, A.V. Pchelenok

LETTERS FROM A.V. SOLOVIEV TO A.V. FLOROVSKY (FROM THE COLLECTION OF THE ARCHIVE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

Published related to the 1930-1940s. letters from the historian of law A.V. Solovyov to the historian-Slavist A.V. Florovsky. The letters reveal the details of the participation of two historians in the printed publications of the Russian diaspora, the USSR, Yugoslavia and Czechoslovakia. Solovyov's work on the texts of ancient Russian monuments "The Tale of Igor's Campaign", "Zadonshchina" and "The Tale of the Destruction of the Russian Land" is characterized.

Keywords: A.V. Solovyov; A.V. Florovsky; Russian emigration in Yugoslavia; letters of scientists; "The Tale of Igor's Campaign"; "Zadonshchina".

REFERENCES

1. Bondareva E.A. Prevratnosti sud'by A.V. Solov'yeva [The vicissitudes of fate of A.V. Solovyov]. *Pax Rossica: Russkaya gosudarstvennost' v trudakh istorikov zarubezh'ya* [*Pax Rossica: Russian statehood in the writings of foreign historians*], Moscow, Veche Publ., 2012, pp. 224-233. (in Russian).
 2. Kovalev M.V. Trudy i dni professora Antoniia Vasil'yevicha Florovskogo [Works and days of Professor Antony Vasilyevich Florovsky] Florovsky A.V. *Trudy po istorii Rossii, Tsentral'noy Evropy i istoriografii* [*Works on the history of Russia, Central Europe and historiography*], St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020, pp. 8-48. (in Russian).
 3. Lapteva T.N. Nauchnoe nasledie A.V. Florovskogo (1884–1968) v Arkhive RAN [Scientific heritage of A.V. Florovsky (1884-1968) in the Archives of the Russian Academy of Sciences]. *Vestnik arkhivista* [*Herald of the archivist*], 2014, no. 1, pp. 270-287. (in Russian).
-

About the authors

Sergey I. Mikhailchenko – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Economics, History and Law of the Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University (Bryansk, Russia)

Postal address: 14, Bezhitskaya ul., Bryansk, 241036, Russia

E-mail: smikh10@mail.ru

RSCI AuthorID: 385969

ORCID: 0000-0002-6809-9305

WoS ResearcherID: P-7667-2015

Anna V. Pchelenok – Junior Researcher of the Center for Slavic Studies of the Research Institute for Fundamental and Applied Research of the Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University (Bryansk, Russia)

Postal address: 14, Bezhitskaya ul., Bryansk, 241036, Russia

E-mail: institut.sei@mail.ru

RSCI AuthorID: 41114614

Article info

Received
September 28, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Mikhailchenko S.I., Pchelenok A.V. Letters from A.V. Soloviev to A.V. Florovsky (from the Collection of the Archive of the Russian Academy of Sciences). *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 241-255. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).241-255 (in Russian).

УДК 930

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).256-269

О. В. Трофимова, Д. А. Гоголев, Е. О. Макарова

К ВОПРОСУ О КОРРЕКТИРОВКЕ БИОГРАФИИ АКАДЕМИКА Э. Г. ЛАКСМАНА: ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В г. ТОБОЛЬСКЕ

Основой для статьи послужили документы Государственного архива в г. Тобольске, впервые вводимые в научный оборот. Публикация содержит данные, меняющие господствующие до этого представления о финальном этапе жизни учёного-естествоиспытателя Э. Г. Лаксмана.

Ключевые слова: Э. Г. Лаксман; д. Дресвянская; Государственный архив в г. Тобольске; документ; источник; историческая память.

Наиболее значимые, если не самые важные, в жизни каждого человека события – приход в этот мир и уход из него. По сложившейся на протяжении долгого времени традиции обязательными атрибутами в сочинениях биографического характера, включая научную, справочную, научно-популярную и иную литературу, являются сведения о месте и времени рождения и смерти, в меньшей степени – о месте упокоения.

В случае с Эриком Лаксманом (1737–1796 гг.) судьба распорядилась таким образом, что на протяжении длительного периода информация, относящаяся к финалу жизненного пути учёного, «обросла» домыслами, мифами, и точные факты соседствовали с авторскими версиями, в основе которых нет главного – исторического документа, в нашем случае – архивного источника.

Почётный член Петербургской и иностранный член Шведской королевской Академии наук Эрик Густавович Лаксман, наряду с естествоиспытателями XVIII в., известен как представитель героической эпохи научных изысканий в неизведанных краях Российской империи. Уроженец Финляндии, большую часть своей жизни Э. Г. Лаксман провёл в Сибири, изучая её природные богатства. Неутомимый путешественник, он объехал многие районы России. На пути из столицы, как считается, в Среднюю Азию [1,

с. 175] «странствующий рудокоп» неожиданно для всех закончил свой жизненный путь. По официальным данным, случилось это печальное событие на почтовой станции Дресвянская в 118 вёрстах от Тобольска. В публикациях XIX – начала XXI в. содержатся сведения и о захоронении его тела вблизи указанной станции. Обнаруженные авторами в Государственном архиве г. Тобольска документы 1796 г. позволяют по-новому взглянуть на события финального этапа жизни Э. Г. Лаксмана, на связанные с ними действия сопровождавшего его в пути отставного сержанта Н. Полуектова и местных властей. В связи с этим целью статьи является введение в научный оборот новых данных, корректирующих некоторые факты биографии академика.

1. Историография

Традиция написания трудов, в которых даётся оценка научной деятельности Э. Г. Лаксмана на фоне событий его жизненного пути, берёт начало с исследования В. Лагуса [2], в котором «впервые более или менее полно была отражена необычайно яркая жизнь» учёного [1, с. 9]. В более поздних публикациях часто повторяются сюжеты из книги шведского автора. Примером классического сочинения монографического характера в жанре научной биографии является книга отечественных историков науки [1].

Анализ тематики работ последних десятилетий позволяет выделить две темы, вызывающие интерес у исследователей:

– деятельность Э. Г. Лаксмана в Сибири [3–7],

– завершающий этап жизни учёного и мемориализация его имени [8–13].

2. История заблуждения

Традиция в изложении фактов, связанных с окончанием жизненного пути естествоиспытателя, берёт своё начало с биографии Э. Г. Лаксмана, автором которой являлся профессор Гельсингфорского университета Вильгельм Лагус (1821–1909 гг.) [2]. В 1890 г. появился перевод книги на русский язык [14], осуществлённый Э. В. Паландером (1845–1914 гг.), экстраординарным лектором русского языка Гельсингфорского университета, переводчиком и автором хрестоматий по русской и немецкой литературам [15, с. 266]. Для написания книги он использовал материалы из архивов Стокгольмской академии наук, Петербургской академии наук и Сибири [1, с. 9]. Документами из Тобольского архива биограф Э. Г. Лаксмана воспользоваться не смог [14, с. 305].

За неимением документально подтверждённых сведений описание биографии «пастора-путешественника» В. Лагус закончил следующим образом: «У одной ямской станции, в 118 вёрстах от Тобольска, надо было переменить лошадей. Сани остановились. Ездок не показывается. Его выносят из саней умирающим, а может быть и умершим. С ним случился апоплексический удар. Это было 5 (16) января 1796 года. Более этого нельзя было разузнать о кончине Лаксмана из современных отрывочных, но согласных между собою известий. Из показанного сведения о расстоянии можно почти с полной достоверностью заключить, что он умер на станции Дресвянской, находившейся у речки Вагай, впадающей в Иртыш» [14, с. 302].

Осторожным является суждение автора о месте упокоения академика: «Может быть однако же, Дресвянская, подобно большинству русских деревень, имеет свою маленькую часовню, а возле неё мирное кладбище. Может быть, он покоится там, этот неутомимый путешественник. Верно, к сожалению, то, что могила его под холодными снегами Сибири <...> неизвестна и забыта» [14, с. 303].

В русскоязычной рецензии на издание 1880 г. бывший профессор русского языка и литературы Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе Я. К. Грот (1812–1893 гг.), помогавший Э. В. Паландеру в работе над биографией Э. Г. Лаксмана [15, с. 267], имелись, среди прочего, и сведения о финале жизни учёного [16, с. 19].

В научных исследованиях, в научно-популярной и справочной литературе XX – начала XXI в. при описании обстоятельств, сопровождающих финальный этап жизни Э. Г. Лаксмана, можно выделить несколько тем:

1) место и причины ухода из жизни учёного:

– без указания точного места:

а) «Лаксман продолжал много путешествовать, во время экспедиции (от верховьев р. Иртыш до границ с Китаем) умер в дорожной кибитке» [17, с. 623];

б) «Скончался Э. Г. Лаксман 5 января 1796 г. в пути недалеко от ямской станции Дресвянской у р. Вагай, впадающей в р. Иртыш» [18, с. 106].

– ямская станция Дресвянская:

а) «<...> он скоропостижно скончался на ямской станции Дресвянской» [19, с. 143];

б) «И вот, возвращаясь после двухлетнего отсутствия в Иркутск, где его ожидали жена, шестеро сыновей и дочь, он 5 января 1796 г. скоропостижно умирает на ямской станции Дресвянской, расположенной у притока Иртыша Вагая, в 118 километрах от Тобольска» [20, с. 137];

в) «<...> на ямской станции Дресвянской, у реки Вагай, впадающей в Иртыш, в 118 километрах от Тобольска, 5 января 1796 г. он умер» [21, с. 20].

2) обстоятельства и особенности фиксации факта ухода из жизни академика:

а) «Бескрайние заснеженные просторы сибирской степи. Искрящийся на морозном солнце снег скрипит под полозьями одинокого возка, подъезжающего к затерянной в степях маленькой ямской станции. Ямщик медленно, путаясь в тяжёлом тулупе, слезает с облучка и, опустив подножку, открывает дверцу возка. Пассажир сидит, прильнув к стенке и склонив голову на грудь. Кажется, он спит или погружён в глубокие раздумья...» [22, с. 107].

б) «У ямской станции Дресвянской, у р. Вагай, впадающей в Иртыш, в 118 километрах от Тобольска, возок останавливается 5 января 1796 г. для смены лошадей. К удивлению ямщика и персонала станции ездок не выходит, его выносят из саней умирающим или умершим» [1, с. 176];

в) «Он выехал из столицы, миновал Тобольск, затем ещё сто восемнадцать вёрст. На станции Дресвянской ямщик остановился, чтобы переменить лошадей. Путешественник не показывался из крытого возка. Вынесли его, кажется, бездыханным» [23, с. 64].

Приведённые выше примеры демонстрируют, что авторы работ, без ссылок на источники, прежде всего архивные, предлагают лишь определённую версию событий, мало отличающуюся от того, что уже было отмечено в книге В. Лагуса [14];

3) вопрос о месте захоронения тела исследователя:

– о захоронении учёного около р. Вагай или на местном кладбище около деревни Дресвянская:

а) «Тут же его и похоронили, на маленьком кладбище у р. Вагай» [1, с. 176];

б) «<...> на ямской станции Дресвянской <...> он умер. Тут же его и похоронили, на маленьком кладбище у реки Вагай. Даже смерть настигла его в дороге...» [21, с. 20];

в) «В лютый мороз он замёрз в санях на пути в Иркутск. Это случилось недалеко от Тобольска, чуть выше по течению р. Вагай от места её впадения в р. Иртыш. Здесь он и был погребён. Через несколько лет высокий берег Вагая в этом месте был подмыт, и прах неистового учёного, академика был унесён

водами Вагая, Иртыша, Оби в Северный Ледовитый океан» [24, с. 86];

– о неустановленности места упокоения, в частности:

а) «<...> 5-го января 1796 г., на станции в 118 в. от Тобольска (Дресвянской?), его вынули из повозки умирающим, или даже умершим. Подробности об его смерти не сохранились. Могила его остаётся неизвестной» [25, с. 9];

б) «5 января 1796 г. Лаксман скончался совершенно неожиданно: во время пути с ним сделался в повозке апоплектический удар; когда экипаж прибыл на станцию Дресвянскую, в 119 вер. от Тобольска, седок не выходил из него, а когда заглянули в экипаж, то Лаксман оказался уже в агонии. Место погребения Лаксмана до сих пор не удалось определить» [26, с. 49].

Современные авторы, которые касаются вопроса о месте упокоения учёного, без ссылок на документы, приводят одну и ту же версию о захоронении в деревне Дресвянская. Издатели биографии Э. Г. Лаксмана в «Русском биографическом словаре» (1909 г.) более осторожны, фактически повторяя выводы В. Лагуса.

В конце XX – первой четверти XXI в. происходит мемориализация имени академика, сначала в России, а затем и в Финляндии [9]. Так, рядом с селом Сычево Вагайского района Тюменской области в августе 1996 г. был установлен памятный знак к 200-летию со дня смерти естествоиспытателя. На его щите размещён текст следующего содержания (пунктуация и регистр источника сохранены):

ЗДЕСЬ НАХОДИЛАСЬ ЯМСКАЯ СТАНЦИЯ
ДРЕСВЯНСКАЯ,
ГДЕ 16 ЯНВАРЯ 1796 ГОДА
ПО ПУТИ В ИРКУТСК УМЕР И ПОХОРОНЕН
ВЫДАЮЩИЙСЯ ФИНСКИЙ УЧЁНЫЙ И ПУТЕШЕСТВЕННИК
ЭРИК ГУСТАВ ЛАКСМАН

Администрация Вагайского района
1996 г. Клуб путешественников «Русь», г. Орел

Накануне установки следопытами из г. Орел велись поиски предполагаемого места захоронения учёного. Орловцы писали: «Попробовали мы провести раскопки, но неудачно. Поэтому и памятный знак поставили здесь, в Сычевой, на берегу Вагая. На самом крутояре. Чтобы видно было окрест, и с земли, и с воды» [13, с. 234]. Краевед Н. П. Плесовских причины безрезультатных поисков места захоронения Э. Г. Лаксмана видел в том, что у следопытов не было нужного материала [27].

В итоге, из-за отсутствия у В. Лагуса необходимых данных о последних днях жизни учёного, сформировалось предположение, основанное на отдалённом представлении шведского профессора об особенностях функционирования в Сибири административного управления при Екатерине II. Невольное «заблуждение» В. Лагуса [14, с. 303] со временем привело к разрастанию мифов, созданных вокруг обстоятельств финального этапа жизни учёного. Стоит отметить, что схожая ситуация возникала вокруг имён других учёных XVIII в., умерших неожиданно и вдали от Родины; яркий пример – история с описанием обстоятельств ухода из этого мира известного естествоиспытателя Г. В. Стеллера [28, с. 105–110]: отсутствие опубликованных архивных документов [29] вело к мифотворчеству, прежде всего в текстах научно-популярных публикаций [30].

3. Общая характеристика публикуемых документов

Ниже приводятся два рукописных документа (на трёх листах каждый) архивного дела «Указ Тобольского наместнического правления о описании имения умершего коллежского советника К. Лаксмана» (на 35 листах) из фонда И-31 «Тобольская Управа благочиния или полицейская», в котором хранятся документы 1782–1798 гг. Большая часть их связана с подробной описью имущества, оставшегося после смерти учёного.

Источники впервые вводятся в научный оборот. Первый документ, вероятно, являю-

щийся развёрнутой резолюцией, с пометой входящего номера 42, и второй, указ с входящим номером 43, получены адресатами 8 января 1796 г. В них зафиксированы эпизоды финального этапа жизни учёного, в частности, связанные с его смертью действия приставленного к нему сержанта Н. Полуектова. В документах отражён порядок рассмотрения данного случая инстанциями различного уровня, начиная с волостного и заканчивая наместническим.

Текст документов передан с сохранением всех орфографических и грамматических особенностей подлинников. Сохраняется своеобразие в употреблении надстрочных букв и пунктуации оригинала. Знаки титла сохраняются. При публикации отмечены конец строки и границы листов. Вписанные слова оговариваются. Комментарии касаются упомянутых в документах учреждений, лиц, терминов. Архивная отсылка располагается после документа.

При публикации документов, для удобства восприятия их содержания (при этом без вмешательства публикаторов в пунктуацию источника), каждую предикативную часть (т.е. простое предложение в структуре сложной синтаксической конструкции с подчинительной, сочинительной и бессоюзной связью) помещаем в отдельную ячейку табличного представления документа с указанием порядкового номера части и выделением полужирным шрифтом средства связи (союза, союзного слова или местоименно-соотносительной скрепы). Косую черту используем для обозначения конца строки в источнике, имеющем единичные знаки переноса слова. Слитные в оригинале написания служебного слова (предлога, союза, частицы) со знаменательным отмечаем звездочкой. Прописные буквы используем в начале имён собственных, в том числе первого слова в составных административных наименованиях, вне зависимости от их написания в подлинниках.

Документ 1. Резолюция Тобольского нижнего земского суда

	[Л. 1а] № 42 По ¹ 8 ч ² генваря 96 года ³
A	в*Таболскую Управу благочиния ⁴ /
S	из*Табольскаго нижняго земскаго суда ⁵ /
1	рапортомъ Адбажской волостной судъ ⁶ про/писываить,
2	что сего генваря 5 ¹⁰ ч следующей / из*Таболска ⁷ в*Ыркуцкъ ⁸ при ко ^л лежскомъ советнике ⁹ / и*кавалере Кириле ¹⁰ Густафовиче Лацмане о ^т -/ставной сержантъ Никифоръ Полуектовъ / по*даннымъ отъ*его превосходительства Г ^с дна / действителнаго статского советника и ка/валера Александръ Григорьевича Толстых ¹¹ какъ / тому советнику Лацману равно и*сержанту / Полуектову о ^т 2 ¹⁰ ч сего ^ж генваря подорожнамъ ¹² / на четыре ^х повоска ^х возвратясь з*Дресвянскаго / станца ¹³ во*ономъ суде объявилъ
3	что по*приезде / и ^х на*упоминаемой станецъ в*разсужденіи име ^в /шейся у*упомянутаго советника Лацмана / болезни подошедъ к*повоске для получения о ^т *него / могущаго быть каковаго либо приказанія / о ^т кину ^в о ^т *повоски крышку
4	и увидевъ
5	что онъ ле/жить мертвъ
6	почему онъ почитая за*ну ^ж ное / принуженны ^м нашолса тотъ судъ просить / об*осмотре ево а равно и*имеющагося в*пово/ске ево имения
7	дабы не*могли они по*неза/свидетелствованию понестъ иногда каковаго / либо нареканія или на*ни ^х сомнителства /
8	почему онаго волостнаго суда начальника ^{ми} / со*о ^б щество ^м при прихо ^д ско ^м священнике с*приче ^т / ники ¹⁴ означенной советникъ осматриванъ /
9	у*котораго оказалось на*лево ^м боку и*левая / щека багровы
10	а*при разсматриваніи ево экипажа / [Л. 1а об.] и*чинения описй в*одномъ рогоженномъ ку ^л ке / найдены аптечные вещи
11	в*числе кои ^х одинъ / пузырекъ ссулемою ¹⁵ незапечатанной с*привя/заннымъ ерлыкомъ
12	на*которомъ на ^л писано /
13	[: ис*покровской аптеки 17 13/V 94, № 1809 для Г: / Иртишева
14	почему оной судъ имея к*смерти / советника Лацмана сомнение означенной пу/зырекъ а равно и*учиненную ¹⁶ опись [: кроме име/ющагося в*дву глухихъ повоска ^х имения : име/нию ^ж на рассмотрение при*томъ рапорте с*на/рочно о ^т ряженны ^м представляет;
15	при слушаніи ^ж / онаго рапорта сего суда дворянской заседатель / Озеровъ ¹⁷ отозвалса
16	что означеннаго Г ^с дна = / ко ^л лежскаго советника Лоцмана мертвое тело / и*имевшее ево имущество находящимся при то ^м / Лоцмане сержантомъ привезено в*горо ^д Таболскъ /
17	которое с*мертвымъ теломъ предъявлено / Таболской Управе благочинія
18	И ДЛЯ ТОГО учи/ненною в*семъ суде резолюцыею заключено,
19	с*про/писаниемъ вышеписаннаго и*с*приложениемъ с*описи / учине ^н ной ¹⁸ Адбажски ^м волостны ^м судо ^м имению ко ^л лежскаго со/ветника икавалера Лоцмана копій вТаболь/ское наместническое правление донестъ
20	[: и*донесено : /
21	а*по*поводу доставленнаго в*Таболскъ мертваго / онаго Лоцмана тела и*имевшаго при*немъ иму/щества ¹⁹ для надлежащаго в*семъ случае разсмо/трения в*Таболскую Управу благочинія с*приложе/нием*же с*описи копій соо ^б щить
22	при*чемъ и*запеча/танной Адбажскимъ волостны ^м судомъ ссулемой / [Л. 2] пузырекъ препроводить
23	[: которые при*семъ / и*препрово ^ж даютца :
24	и*требовать

25	не*будет ли / настоять в*приключившеися означенному Г ^с дну / Лоцману смерти сомнения учинить на месте / события обследование
26	о*томъ сей судъ не*оста/вить безъ уведомления
27	о чемъ и Таболскому / наместническому правлению в*посылаемомъ ра/порте донесено
D	генваря 6, дня 1796 года ^{20/}
P _s	Дворянской заседатель Григорий Озерковъ / За*секретаря / Канцеляристь Александръ Карпо ^б

**ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске»
Ф. И-31 «Тобольская управа благочиния или полицейская». Оп. 1. Д. 126. Л. 1а–2**

Документ 1, резолюция (см. часть 18) Тобольского нижнего земского суда (далее – ТНЗС), представляет из себя связный текст, формуляр которого включает реквизиты «Адресат» (А), «Адресант» (S), казусный блок реквизита «Текст» (предикативные части 1–18), прагматический блок реквизита «Текст» (части 19–27), реквизиты «Дата» (D) и «Подписи адресанта» (P_s).

В казусном блоке глаголом *прописывает* вводится сообщение о содержании рапорта (части 1, 8–15), полученного в ТНЗС из Аджакского волостного суда (далее – АВС); адресант рапорта, АВС, в свою очередь, приводит сведения, содержащиеся в объявлении отставного сержанта Никифора Полуектова (казусная информация в частях 2–5; *объявил, подошед, откинув, увидев*, прагматическая – части 6–7; *нашёлся просить об осмотре, дабы не понестъ нареkania или сумнительства*), и информирует о предпринятых АВС и ожидаемых от адресата (ТНЗС) действиях (8–14; обратим внимание, что, так

как предметом речи является мёртвое тело Э. Г. Лаксмана, эти действия в двух случаях из трёх представлены пассивными формами страдательных причастий: *осматриван, найдены, представляет на рассмотрение*).

Части 15–18 сообщают о «казусной» деятельности ТНЗС. Со скрепы *и для того* и причастной формы перформативного глагола (*резолюцией*) *заключено* начинается прагматический блок документа, содержащий волеизъявление адресанта, ТНЗС, в отношении двух адресатов: Тобольского наместнического правления (далее – ТНП), которого следует ввести в курс дела (*донести – и донесено*), и Тобольской Управы благочиния (далее – ТУБ), которую необходимо не только проинформировать (*сообщить*) и предоставить (*препроводить – и препровождаются*) ей соответствующие документ (*опись*) и «вещдок» (*пузырек с сулемой*), но и *требовать* он её *учинить обследование*, о чём уведомить адресанта, ТНЗС.

Документ 2. Указ Тобольского наместнического правления

	[Л. 5] № 43 По ²¹ 8 ч ²² Генваря 796 ²³
N	УКАЗЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА / САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
S	изъ Тоболь/скаго наместническаго правленія
A	тобольскому / Г ^с дну Городничему ²⁴
1	рапортомъ Иркутскаго / гарнизоннаго баталиона ²⁵ сержантъ Никифо/рь Полуектовъ прописываетъ,
2	что по*пове/ленію Иркутскаго наместническаго правленія / отъ помянутаго баталиона отправленъ / былъ онъ въ Санктпетербургъ къ отъехавше ^м / туда съ делами до*кабинета ЕЯ ИМПЕ/РАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ²⁶ следующие/ми о*японскомъ вояже и о*сыскъ цветныхъ / каменьевъ ²⁷ коллегскому советнику и*ко/валеру Кирилле Лацману
3	которой / окончавъ ту коммїсію возвращался / въ Иркутцкъ

4	и въ городѣ Пермѣ ²⁸ заболель /
5	а въ Екатеринбургѣ ²⁹ и*медицинскими чинами / былъ пользованъ
6	въ Тобольскѣ же при/ехавши и*прожи ³ 4. сутки съ пользованіем ^{же} / по*даннымъ подорожнымъ отъехали
7	по / пути въ Иркутскѣ проследовав ³⁰ же, о ^т Адбаж/ской волости ³¹ 16 верствъ въ деревнѣ Дря ^с вянской / при*перемене лошадей показанной ко ^л легской советникъ Лацманъ волею / [Л. 5 об.] Божію умре;
8	почему онъ возвратясь съ / теломъ въ показа ^н ную волость какъ о*смер/ти ево, такъ и*о*именіи
9	какое при*немъ / имелось
8	и*крестъ кавалерской ³² въ Адбаж/скомъ волостномъ судѣ объявилъ
10	и что / при*немъ было денегъ и*вещей запечатавъ / возвратился въ Тобольскѣ;
11	и*для того /
12	чтобы ему въ губернскомъ городѣ / зделано было подлежащее погребеніе /
11	и ³³ *потому сему правленію о семъ пре/дставляя просить
13	именіе его Лац/мана
14	какое есть
13	кому надлежитъ ³⁴ / приказать описа ^в и для доста/вленія онаго остающимся въ городѣ / Иркутске жене и*детямъ ³⁵ ему и съ / темъ ево отправить
15	и*для того по / указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИ/ЧЕСТВА Тобольское наместническое / правленіе ПРИКАЗАЛИ
16	къ вамъ / Господину Городничему послать сей / указъ и*велеть,
17	что ^б вы все оста/вшея после смерти коллегского / советника Лацмана именіе при / уездномъ Стряпчемъ ³⁶ описали /
18	[Л. 6] и опись оному предостави/ли въ сіе наместническое / правленіе
D	генваря 7, дня 1796 ^{го} / года. ³⁷
P _с	Илья Мыльниковъ / Секретарь Николаи Распопо ^в / Регистратор Иванъ Аврамо ^в

**ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске»
Ф. И-31 «Тобольская управа благочиния или полицейская». Оп. 1. Д. 126. Л. 5–6**

Казусный (предикативные части 1–14) и прагматический (части 15–18) блоки формуляра указа содержат информацию о деталях инцидента со слов (*рапортом прописывает*) сержанта Полуектова и о волеизъявлении адресанта, ТНП, в адрес тобольского городничего: описать оставшиеся после смерти Э. Г. Лаксмана вещи и представить опись в ТНП.

Сопоставляя содержание двух частично дополняющих друг друга документов, из резолюции от 6 января можем предположить дату приезда Э. Г. Лаксмана в Тобольск – вероятно, конец декабря или начало января, так как прожил он в Тобольске четверо суток, а 5 января на станце в деревне Дресвянской, что в

118 вёрстах от Тобольска и 16 вёрстах от Адбажской слободы, была констатирована его смерть, случившаяся либо в пути (резолюция: *лежит мертв*), либо на самом станце при перемене лошадей (указ: *умре*). Текст указа от 7 января не даёт ответа на вопрос, было ли вывезено тело Э. Г. Лаксмана из Адбажской слободы, где располагался Адбажский волостной суд; сообщается лишь о желании о «надлежащем погребении» в губернском городе. В резолюции же трижды находим данные о том, что тело Э. Г. Лаксмана находится в Тобольске: *сержантом привезено в город Тобольск; предъявлено Тобольской Управе благочиния; доставленного в Тобольск мертвого оногo Лацмана тело.*

Некоторые разночтения в документах связаны с написанием фамилии Э. Г. Лаксмана: *Лацман / Лоцман*, а также сведениями о Никифоре Полуектове: *Иркутского гарнизонного батальона сержант / отставной сержант*.

4. Заключение

Анализ текстов архивных документов позволяет сделать следующие выводы:

1. Существует необходимость корректировки следующих фактов биографии Э. Г. Лаксмана:

– обстоятельства его ухода из жизни, а именно болезнь учёного, в связи с чем достойны упоминания города Пермь, Екатеринбург и Тобольск; роль отставного сержанта Никифора Полуектова;

– место упокоения исследователя; с большой долей вероятности можно утверждать, что тело Э. Г. Лаксмана было отвезено в Тобольск, а не было предано земле недалеко от деревни Дресвянская. По косвенным свидетельствам, вытекающим из текста источников, можно предположить, что место погребения учёного находится на территории города Тобольска. Для получения более точных сведений необходимо дополнительное исследование.

2. Текст надписи памятного знака Э. Г. Лаксману в с. Сычево требует исправления, а именно: исключение слова «похоронен».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По[лучено].

² ч[исла].

³ Помета «Дата» выполнена другим почерком.

⁴ Управа благочиния, или полицейская – городской административно-полицейский орган, созданный в 1782 г. К ней перешли функции ликвидированной полицмейстерской конторы; в её составе – полицмейстер или городничий, приставы гражданских и уголовных дел, выборные от граждан [31, с. 262].

⁵ Законодательным актом «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. среди прочих местных судебных органов устанавливался нижний земский суд, чьё местонахождение было в уездном городе [32, с. 145].

⁶ Волостные суды выполняли административно-полицейскую функцию на уровне волостей. В их компетенции находились «сборы государственных и хлебных податей, рассмотрение споров и тяжб между крестьянами, ценою до

25 руб., а также маловажных поступков» [33, с. 198–199].

⁷ С 1782 г. по 12 декабря 1796 г. – центр Тобольской области Тобольского наместничества [34, с. 13–14].

⁸ Э. Г. Лаксман с семьёй с 1784 г. жил в Иркутске [1, с. 131].

⁹ Согласно Табели о рангах 1722 г., коллежский советник – гражданский чин, относящийся к VI классу.

¹⁰ В части документации, написанной на русском языке, учёный «заменял своё скандинавское имя Эрих греко-русским именем Кирилл» [1, с. 13].

¹¹ Правильно: Толстой Александр Григорьевич. Он занимал пост тобольского гражданского губернатора с 1796 г. по сентябрь 1797 г. [35, с. 138].

¹² Подорожная грамота – документ, дающий право на получение ямских (почтовых) лошадей [36, с. 18]. По указу от 13 января 1714 г. ямщикам велено было предоставлять подводы по подорожным за прогонные деньги [37, с. 127].

¹³ В 1762 г. на участке пути Тобольск – Тара в д. Дресвянке находилась подстава для ямской гоньбы из ямских 60 лошадей [37, с. 323]. По тексту дорожника 1773 г. деревня Дресвянка указана среди станов, расположенных от Тобольска до Кяхты и Нерчинска [37, с. 324].

¹⁴ Причетник – младший член церковного причта (псаломщик, дьячок) [38, стб. 879].

¹⁵ Сулема, согласно «Алтайскому лечебнику» второй половины XVIII в., использовалась для приготовления раствора для полоскания при цинге [39, с. 31].

¹⁶ Две последние буквы в слове вписаны по исправленному *ago*.

¹⁷ Известен как дворянский заседатель Тюменского нижнего земского суда в 1788–1789 гг. [40, с. 128].

¹⁸ Слово вписано на левом поле.

¹⁹ Имение – имущество, собственность [41, с. 80]. Все подробности составления описи, опечатывания и хранения имущества определялись общими правилами; они основывались, в частности, на документе от 8 июня 1743 г. «Форма, каким образом чинить описи движимым и недвижимым имениям» [42, с. 480].

²⁰ Подписи далее тремя разными новыми почерками.

²¹ По[лучено].

²² ч[исла].

²³ Помета «Дата» выполнена другим почерком. На левом поле № 214.

²⁴ На начало 1796 г. тобольским городничим являлся И. П. Топорков. Прямым свидетельством этого может служить то, что в одном из дел «за 1796 год имеется описание прочности питейных домов г. Тобольска, составленное городничим И. Топорковым» [31, с. 263].

²⁵ Иркутский гарнизонный пехотный батальон был создан из расформированной в 1775 г. полевой команды [43, с. 109].

²⁶ Кабинет его (её) императорского величества – государственное учреждение в России в 1704–1727 и 1741–1918 гг., занимался среди прочего заготовлением и продажей драгоценностей и мехов [44, с. 330]. В 1784 г. Э. Г. Лаксман был назначен «минералогическим путешественником» при Кабинете её императорского величества [1, с. 131].

²⁷ Э. Г. Лаксман планировал на начало 1796 г. поездку в Среднюю Азию для изучения месторождений ляпис-лазури и других самоцветов; в конце сентября этого же года намеревался отплыть из одной из русских гаваней на побережье Тихого океана в Японию [1, с. 175].

²⁸ Пермь в 1781–1796 гг. была центром Пермского наместничества.

²⁹ Екатеринбург в 1781–1796 гг. был центром Екатеринбургской области, входящей в состав Пермского наместничества.

³⁰ Первые три буквы в слове вписаны по стёртому.

³¹ Аdbaжская волость выделена в 1788 г. наряду с прочими волостями в Тобольском уезде,

который в начале 1796 г. входил в состав Тобольской области Тобольского наместничества (1782–1796 гг.) [34, с. 21].

³² Учёный был награждён орденом Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени [14, с. 282]. Знак ордена представлял собой крест тёмно-красной эмали с чёрной каймой.

³³ Союз *И* вписан по исправленному *А*.

³⁴ Вторая и третья от конца слова буквы прочитаны предположительно.

³⁵ У Э. Г. Лаксмана от первого брака родились двое сыновей, от второго – пять сыновей и одна дочь [14, с. 216]. С 1768 г. женой исследователя являлась Катерина Ивановна, урождённая Рут [14, с. 318]. Невозможно точно утверждать, сколько его детей с женой жили в начале 1796 г. в Иркутске.

³⁶ Согласно законодательному акту «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г., среди прочего учреждалась должность уездного стряпчего, который осуществлял надзор за административно-полицейскими учреждениями и за уездными судами и подчинялся губернской администрации и губернскому прокурору [45, с. 3].

³⁷ Три подписи далее новыми почерками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Эрик Густавович Лаксман: Выдающийся путешественник и натуралист XVIII в. – Л.: Наука, 1971. – 274 с.
2. Lagus W. Erik Laxman, hans lefnad, resor, forskningar och brevexling. – Helsingfors: Finska Litteratursällskapet tryckeri, 1880. – 331+146+1 p.
3. Karlsson K. H., Hupa L., Cable M. Erik Laxman, a Pioneering 18th-Century Glass Technologist // Journal of Glass Studies. – 2010. – Vol. 52. – P. 157–166.
4. Алексеева Л. Ю. Научный вклад академика Э. Г. Лаксмана в развитие стеклоделия в Сибири // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 2/1. – С. 158–159.
5. Анисимова Ю. А. Эрик Лаксман и его роль в создании Иркутского музея // Краеведческие записки / ред. Л. М. Колесник. – Вып. 9. – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2002. – С. 29–33.
6. Дайнеко В. В., Дайнеко Д. В. Эрик Густавович Лаксман: жизнь и научные исследования на Тальцинском заводе // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2019. – № 3. – С. 94–99.
7. Шайдуров В. Н. «Сибирские письма» Э. Лаксмана как источник по истории Алтая [2-я половина XVIII в.] // Aus Sibirien-2006: научно-информационный сборник. – Тюмень: Экспресс, 2006. – С. 151–152.
8. Баканина Л. Пути очарованного странника // Сельский труженик. – 2010. – 16 июня. – С. 2.
9. Гоголев Д. А., Макарова Е. О. Мемориализация имени Э. Г. Лаксмана // Aus Sibirien-2021: научно-информационный сборник. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2021. – С. 24–30.
10. Киселева Л. По Вагаю с краеведом // Тюменские известия. – 2017. – 31 мая. – С. 6.
11. Копылов В. Е. Сибиряк из Финляндии // Копылов В. Е. Окрик памяти. История Тюменского края глазами инженера. – Книга первая. – Тюмень: Слово, 2000. – С. 27–32.
12. Копылов В. Е. «Странствующий рудокоп» // Копылов В. Е. Окрик памяти. История Тюменского края глазами инженера. – Книга четвертая. – Тюмень: Слово, 2005. – С. 18–22.
13. Плесовских Н. П. История земли Вагайской: очерки. – Тюмень: Вектор Бук, 2000. – 472 с.
14. Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. – СПб.: Императорская Академия наук, 1890. – 488 с.
15. Хуттунен Т. «Господин Гросвальд творит чудеса»: к истории ранних успехов русской литературы в Финляндии // Литературный факт. – 2018. – № 9. – С. 264–281. – DOI: 10.22455/2541-8297-2018-9-264-281.
16. Грот Я. К. Эрик Лаксман // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1881. – Т. XXIX. – № 1. – С. 1–22.

17. Лаксман // Большая российская энциклопедия : в 35 т. – Т. 16. – М. : Большая российская энциклопедия, 2010. – С. 623.
18. Чикишева А. Н. Лаксман Эрик (Кирилл) Густавович (275 лет со дня рождения) // Приангарье: годы, события, люди: календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области на 2012 г. / ред. Е. П. Малованюк. – Иркутск : Изд-во Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2011. – С. 104–107.
19. Черевко К. Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII–XIX века. – М.: Наука, 1999. – 256 с.
20. Иркутские повествования. 1661–1917 годы : в 2 т. / авт.-сост. А. К. Чернигов. – Т. 2. – Иркутск : Оттиск, 2003. – 432 с.
21. Терюков А. А. Эрик Густав (Кирилл Густавович) Лаксман: судьба финна в России // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы седьмой ежегодной Международной научной конференции (13–14 апреля 2004 г.). – СПб. : РХГИ, 2006. – С. 15–26.
22. Сольский Д. И. Русский путешественник и минералог XVIII века академик Э. Г. Лаксман (1737–1796) // Труды минералогического музея. – Вып. 12. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 80–107.
23. Голенкова А. И. Следопыты Байкала. – М. : Мысль, 1973. – 188 с.
24. Ленденев В. С. Дороги к последнему океану... // Aus Sibirien-2013 : научно-информационный сборник. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2014. – С. 85–90.
25. Вагин В. Эрик Лаксман. (Окончание) // Восточное обозрение. – Иркутск, 1891. – № 11. – С. 8–9.
26. Лаксман // Русский биографический словарь : в 25 т. – Т. 10 : Лабзина – Лященко. – СПб. : Типография Главного управления уделов, 1914. – С. 47–50.
27. Плесовских Н. Так где же была Дресвянка? // Сельский труженик. – 1996. – 11 сент. – С. 4.
28. Омельчук А. К. Частное открытие Сибири: Каждый сам открывает свою Родину. – Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2001. – 404 с.
29. «А после смерти Стеллера осталось...» Документы Госархива Тюменской области о кончине учёного. Ноябрь 1746 г. / Публикацию подготовила Е. И. Долгушина // Отечественные архивы. – 2004. – № 1. – С. 94–98.
30. Гоголев Д. А., Макарова Е. О. История создания памятного знака Г. В. Стеллеру в Тюмени: от идеи до воплощения в городской среде // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2022. – Т. 13. – Вып. 4 (114). – DOI: 10.18254/S207987840021180-7.
31. Акбердеева Д. И. Деятельность полиции в Тобольской губернии в XVIII – середине XIX веков (по материалам Государственного архива в г. Тобольске) // Научный диалог. – 2018. – № 12. – С. 258–270.
32. Ефремова Н. Н. Реорганизация российской юстиции в эпоху Просвещения // Журнал российского права. – 2008. – № 3. – С. 135–148.
33. Голованова О. И. Тюменский уезд в 1782–1796 гг. сквозь призму архивных документов // Славянский сборник : материалы XII Всероссийских (с международным участием) Славянских чтений «Духовные ценности и нравственный опыт русской цивилизации в контексте третьего тысячелетия» / отв. ред. Н. А. Паршиков. – Орел : Орловский гос. ин-т культуры, 2016. – С. 196–201.
34. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.) / под ред. В. П. Петровой. – Тюмень : ООО ТНЦ «ТюменНИИГипрогаз» : ФГУ ИПП «Тюмень», 2003. – 304 с.
35. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред. В. В. Коновалова. – Тюмень : Тюменский издательский дом, 2000. – 577 с.
36. Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 21 : Подоба – Помощный. – СПб. : Наука, 2015. – 238 с.
37. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири: 30-е гг. XVIII – 90-е гг. XIX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2006. – 605 с.
38. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. 3 : П – Ряшка. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. – 1424 стб.
39. Трофимова О. В., Петрухина А. В. Лечебники XVII–XVIII вв. из сибирских архивов: структурно-грамматический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20. – № 4. – С. 19–35. – DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.4.2.
40. Голованова О. И. Формирование личного состава Тюменского нижнего земского суда во второй половине XVIII в. // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 19. – С. 126–129.
41. Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 9 : Из – Каста. – СПб. : Наука, 1997. – 270 с.
42. Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Т. 5 : История Российских гражданских законов. Ч. 3. Кн. 2 : Об имуществе. Разд. 3 : О правах на действия лиц ; Разд. 4 : О наследстве. – СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1858. – 524 с.
43. Кузнецов М. Ю. Иркутск военный XVII–XVIII веков // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2020. – № 3. – С. 104–111.
44. Кузьмин Ю. А. Кабинет его (её) императорского величества // Большая российская энциклопедия : в 35 т. – М. : Большая российская энциклопедия, 2008. – Т. 12. – С. 330.

45. Гаврилова А. В. Институт прокуратуры и стряпчих по губернской реформе 1775 г. (на примере Тобольской губернии) // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 3. – С. 3–8.

Сведения об авторах

Трофимова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия)

Адрес для корреспонденции: 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6

E-mail: otrofim@rambler.ru

РИНЦ AuthorID: 185240

ORCID: 0000-0002-0577-2443

WoS ResearcherID: B-1078-2019

Гоголев Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и мировой политики Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия)

Адрес для корреспонденции: 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6

E-mail: dmalgogolev@gmail.com

РИНЦ AuthorID: 166242

ORCID: 0000-0001-8870-6398

WoS ResearcherID: K-7022-2013

Макарова Елена Олеговна – аспирант (Тюмень, Россия)

Адрес для корреспонденции: 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6

E-mail: elenamakarovauj@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4482-1447

Информация о статье

Дата поступления
13 марта 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Трофимова О. В., Гоголев Д. А., Макарова Е. О. К вопросу о корректировке биографии академика Э. Г. Лаксмана: по материалам Государственного архива в г. Тобольске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 256–269. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).256-269.

O.V. Trofimova, D.A. Gogolev, E.O. Makarova

ON THE QUESTION OF CORRECTING THE BIOGRAPHY OF ACADEMICIAN E.G. LAXMAN: ON THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE IN TOBOLSK

The basis for the article was the documents of the State Archives in Tobolsk, for the first time introduced into scientific circulation. The publication contains data that change the previously prevailing ideas about the final stage of the life of the natural scientist E.G. Laxman.

Keywords: E. Laxman; Dresvyanskaya; State Archives in Tobolsk; document; source; historical memory.

REFERENCES

1. Raskin N.M., Shafranovskii I.I. *Erik Gustavovich Laksman: Vydayushchiysya puteshestvennik i naturalist XVIII v. [Erik Gustavovich Laxman: Outstanding traveler and naturalist of the 18th century]*, Leningrad, Nauka Publ., 1971, 274 p. (in Russian).
2. Lagus W. *Erik Laxman, hans lefnad, resor, forskningar och brevfexling [Erik Laxman, his life, travels, research and correspondence]*, Helsingfors, Finska Litteratur-sällskapets tryckeri, 1880, 331+146+1 p. (in Swedish).
3. Karlsson K.H., Hupa L., Cable M. Erik Laxman, a Pioneering 18th-Century Glass Technologist. *Journal of Glass Studies*, 2010, vol. 52, pp. 157-166. (in English).

4. Alekseeva L.Yu. Nauchnyi vklad akademika E.G. Laksmana v razvitie steklodeliya v Sibiri [The Scientific Contribution Made by Academician E. Laxman in Development of Glass Industry in Siberia]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [The News of Altai State University], 2011, no. 2/1 (70), pp. 158-159. (in Russian).
5. Anisimova Yu.A. Erik Laksman i ego rol' v sozdanii Irkutskogo muzeya [Eric Laxman and his role in the creation of the Irkutsk Museum]. Kolesnik L.M. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski* [Local history notes], Issue 9, Irkutsk, Izdatel'stvo Instituta geografii SO RAN Publ., 2002, pp. 29-33. (in Russian).
6. Daineko V.V., Daineko D.V. Erik Gustavovich Laksman: zhizn' i nauchnye issledovaniya na Tal'tsin'skom zavode [Eric Gustavovich Laxman: life and scientific research at Tal'tsin'sky glass factory]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* [Issues of Social-Economic Development of Siberia], 2019, no. 3, pp. 94-99. (in Russian).
7. Shaidurov V.N. "Sibirskie pis'ma" E. Laksmana kak istochnik po istorii Altaya (2-ya polovina XVIII v.) ["Siberian Letters" by E. Laxman as a source on the history of Altai (2nd half of the 18th century)]. *Aus Sibirien-2006* [From Siberia-2006], scientific and information collection, Tyumen, Ekspres Publ., 2006, pp. 151-152. (in Russian).
8. Bakanina L. Putyami ocharovannogo strannika [In the ways of an enchanted wanderer]. *Sel'skii truzhenik* [Rural worker], June 16, 2010, p. 2. (in Russian).
9. Gogolev D.A. Makarova E.O. Memorializatsiya imeni E.G. Laksmana [Memorialization named after E. G. Laxman]. *Aus Sibirien-2021* [From Siberia-2021], scientific and information collection, Tyumen, Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2021, pp. 24-30. (in Russian).
10. Kiseleva L. Po Vagayu s kraevedom [Along Vagay with a local historian], *Tyumenskie izvestiya* [Tyumen news], May 31, 2017, p. 6. (in Russian).
11. Kopylov V.E. Sibiryak iz Finlyandii [Siberian from Finland]. Kopylov V.E. *Okrik pamyati. Istoriya Tyumenskogo kraya glazami inzhenera. Kniga pervaya* [Shout of memory. The history of the Tyumen region through the eyes of an engineer. Book One], Tyumen, Slovo Publ., 2000, pp. 27-32. (in Russian).
12. Kopylov V.E. "Stranstvuyushchii rudokop" ["Wandering Miner"]. Kopylov V.E. *Okrik pamyati. Istoriya Tyumenskogo kraya glazami inzhenera. Kniga chetvertaya* [Shout of memory. The history of the Tyumen region through the eyes of an engineer. Book Four], Tyumen, Slovo Publ., 2005, pp. 18-22. (in Russian).
13. Plesovskikh N.P. *Istoriya zemli Vagaiskoi* [History of the Vagai land], essays, Tyumen, Vektor Buk Publ., 2000, 472 p. (in Russian).
14. Lagus V. *Erik Laksman, ego zhizn', puteshestviya, issledovaniya i perepiska* [Erik Laxman, his life, travels, research and correspondence], St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1890, 488 p. (in Russian).
15. Khuttunen T. "Gospodin Grosval'd tvorit chudesu": k istorii rannikh uspekhov russkoi literatury v Finlyandii ["Mr. Grosswald Does Miracles": On the history of the early success of Russian literature in Finland]. *Literaturnyi fakt* [Literary Fact], 2018, no. 9, pp. 264-281. DOI: 10.22455/2541-8297-2018-9-264-281. (in Russian).
16. Grot Ya.K. Erik Laksman [Erik Laxmann]. *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imperatorskoi Akademii nauk* [Collection of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences], vol. XXIX, no. 1, St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1881, pp. 1-22. (in Russian).
17. Laksman [Laxman]. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia], in 35 volumes, Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya Publ., 2010, vol. 16, p. 623. (in Russian).
18. Chikisheva A.N. Laksman Erik (Kirill) Gustavovich (275 let so dnya rozhdeniya) [Laxman Eric (Kirill) Gustavovich (275th birthday)]. Malovanyuk E.P. (ed.) *Priangar'e: gody, sobytiya, lyudi: kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat Irkutskoi oblasti na 2012 g.* [Angara region: years, events, people: calendar of significant and memorable dates of the Irkutsk region for 2012], Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskoi oblastnoi gosudarstvennoi universal'noi nauchnoi biblioteki im. I.I. Molchanova-Sibirskogo, 2011, pp. 104-107. (in Russian).
19. Cherevko K.E. *Zarozhdenie russko-yaponskikh otnoshenii. XVII-XIX veka* [The origin of Russian-Japanese relations. 17th-19th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1999, 256 p. (in Russian).
20. Chernigov A.K. (ed.). *Irkutskie povestvovaniya. 1661-1917 gody* [Irkutsk narrations. 1661-1917 years], in 2 volumes, Irkutsk, Ottisk Publ., 2003, vol. 2, 432 p. (in Russian).
21. Teryukov A.A. Erik Gustav (Kirill) Gustavovich) Laksman: sud'ba finna v Rossii [Eric Gustav (Kirill) Gustavovich) Laxman: the fate of a Finn in Russia]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy* [St. Petersburg and the countries of Northern Europe], Proceedings of the seventh annual International Scientific Conference (April 13-14, 2004), St. Petersburg, RKhGI Publ., 2006, pp. 15-26. (in Russian).
22. Sol'skii D.I. Russkii puteshestvennik i mineralog XVIII veka akademik E.G. Laksman (1737-1796) [Russian traveler and mineralogist of the 18th century Academician E. G. Laxman (1737-1796)]. *Trudy*

- mineralogicheskogo muzeya* [Proceedings of the mineralogical museum], Issue 12, Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1961, pp. 80-107. (in Russian).
23. Golenkova A.I. *Sledopyty Baikala* [Pathfinders of Baikal], Moscow, Mysl' Publ., 1973, 188 p. (in Russian).
 24. Lendenev V.S. Dorogi k poslednemu okeanu... [Roads to the Last Ocean...]. *Aus Sibirien-2013* [From Siberia-2013], scientific and information collection, Tyumen, Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014, pp. 85-90. (in Russian).
 25. Vagin V. Eric Laksman. (Okonchanie) [Eric Laxman. End]. *Vostochnoe obozrenie* [Eastern Outlook], Irkutsk, no. 11, pp. 8-9. (in Russian).
 26. Laksman [Laxman]. *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian biographical dictionary], in 25 volumes, St. Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1914, vol. 10. Labzina – Lyashenko, pp. 47-50. (in Russian).
 27. Plesovskikh N. Tak gde zhe byla Dresvyanka? [So where was Dresvyanka?], *Sel'skii truzhenik* [Rural worker], September 11, 1996, p. 4. (in Russian).
 28. Omel'chuk A.K. *Chastnoe otkrytie Sibiri: Kazhdyi sam otkryvaet svoyu Rodinu* [Private discovery of Siberia: Everyone himself opens his homeland], Tyumen, Yu. Mandrika Publ., 2001, 404 p. (in Russian).
 29. Dolgushina E.I. (ed.). "A posle smerti Stellera ostalos'..."» Dokumenty Gosarkhiva Tyumenskoï oblasti o konchine uchenogo. Noyabr' 1746 g. ["And after Steller's death, it remains..." Documents of the State Archive of the Tyumen Region on the scientist's death. November 1746]. *Otechestvennye arkhivy* [Patriotic archives], 2004, no. 1, pp. 94-98. (in Russian).
 30. Gogolev D.A. Makarova E.O. Istoriya sozdaniya pamyatnogo znaka G.V. Stelleru v Tyumeni: ot idei do voploshcheniya v gorodskoi srede [The history of the creation of a memorial sign to G.W. Steller in Tyumen: from idea to implementation in an urban environment], *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [Electronic scientific and educational journal "History"], 2022, vol. 13, no. 4 (114). DOI: 10.18254/S207987840021180-7. (in Russian).
 31. Akberdeeva D.I. Deyatel'nost' politsii v Tobol'skoi gubernii v XVIII – seredine XIX vekov (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva v g. Tobol'ske) [Police activity in Tobolsk province in the 18th – mid-19th centuries (based on the materials of the State Archives in Tobolsk)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2018, no. 12, pp. 258-270. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-258-270. (in Russian).
 32. Efremova N.N. Reorganizatsiya rossiiskoi yustitsii v epokhu Prosveshcheniya [Reorganization of Russian justice in the era of enlightenment]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2008, no. 3, pp. 135-148. (in Russian).
 33. Golovanova O.I. Tyumenskii uezd v 1782-1796 gg. skvoz' prizmu arkhivnykh dokumentov [Tyumen County in 1782-1796 in the light of archive documents]. Parshikov N.A. (ed.) *Slavyanskii sbornik* [Slavic collection], materials of the 12th All-Russian (with international participation) Slavic readings "Spiritual values and moral experience of Russian civilization in the context of the third millennium", Orel, Orlovskii gosudarstvennyi institut kul'tury Publ., 2016, pp. 196-201. (in Russian).
 34. Petrova V.P. (ed.). *Administrativno-territorial'noe delenie Tyumenskoi oblasti (XVII-XX vv.)* [Administrative-territorial division of the Tyumen region (17th-20th centuries)], Tyumen, TyumenNIIGiprogaz Publ., Tyumen Publ., 2003, 304 p. (in Russian).
 35. Konovalov V.V. (ed.). *Sibirskie i tobol'skie gubernatory: istoricheskie portrety, dokumenty* [Siberian and Tobolsk governors: historical portraits, documents], Tyumen, Tyumenskii izdatel'skii dom Publ., 2000, 577 p. (in Russian).
 36. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the XVIII century], St. Petersburg, Nauka Publ., 2015, Issue 21. Podoba – Pomoshchnyy, 238 p. (in Russian).
 37. Kationov O.N. *Moskovsko-Sibirskii trakt kak osnovnaya sukhoputnaya transportnaya kommunikatsiya Sibiri: 30-e gg. XVIII – 90-e gg. XIX vv.* [Moscow-Siberian tract as the main land transport communication of Siberia: 30s of 18th – 90s of 19th century], Thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk, 2006, 605 p. (in Russian).
 38. Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language], in 4 volumes, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 1939, vol. 3. P – Ryashka, 1424 p. (in Russian).
 39. Trofimova O.V., Petrukhina A.V. Lechebniki XVII–XVIII vv. iz sibirskikh arkhivov: strukturno-grammaticheskii aspekt [Medical Books of the 17th–18th Centuries from the Siberian Archives: Structural-and-Grammatical Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of VolSU. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 4, pp. 19-35. DOI: doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.2. (in Russian).
 40. Golovanova O.I. Formirovanie lichnogo sostava Tyumenskogo nizhnego zemskogo suda vo vtoroi polovine XVIII v. [Formation of staff at Tyumen Lower Territorial Court in the second half of the 18th century]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2015, no. 19, pp. 126-129. (in Russian).

41. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century], St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, Issue 9. Iz – Kasta, 270 p. (in Russian).
42. Nevolin K.A. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 5. Istoriya Rossiiskikh grazhdanskikh zakonov. Ch. 3. Kn. 2. Ob imushchestvakh. Razdel 3. O pravakh na deistviya lits. Razdel 4. O nasledstve* [Complete set of works. Vol. 5. History of Russian civil laws. Part 3. Book. 2. About property. Section 3. About the rights to actions of persons. Section 4. Of Inheritance]. St. Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa Publ., 1858, 524 p. (in Russian).
43. Kuznetsov M.Yu. *Irkutsk voennyi XVII–XVIII vekov* [Military Irkutsk: 17th-18th centuries]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela* [Humanitarian problems of military affairs], 2020, no. 3, pp. 104-111. (in Russian).
44. Kuz'min Yu.A. *Kabinet ego (ejo) imperatorskogo velichestva* [Cabinet of His (Her) Imperial Majesty]. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia], in 35 volumes, Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya Publ., 2008, vol. 12, p. 330. (in Russian).
45. Gavrilova A.V. *Institut prokuratury i stryapchikh po gubernskoi reforme 1775 g. (na primere Tobol'skoi gubernii)* [Institute of Prosecutor's Office and Solicitors on provincial reform of 1775 (on the example of the Tobolsk province)]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian law herald], 2013, no. 3, pp. 3-8. (in Russian).

About the authors

Olga V. Trofimova – Doctor in Philology Sciences, Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics of the University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Postal address: 6, Volodarskogo ul., Tyumen, 625003, Russia

E-mail: otrofim@rambler.ru

RSCI AuthorID: 185240

ORCID: 0000-0002-0577-2443

WoS ResearcherID: B-1078-2019

Dmitrii A. Gogolev – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and World Politics of the University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Postal address: 6, Volodarskogo ul., Tyumen, 625003, Russia

E-mail: dmalgogolev@gmail.com

RSCI AuthorID: 166242

ORCID: 0000-0001-8870-6398

WoS ResearcherID: K-7022-2013

Elena O. Makarova – PhD Student (Tyumen, Russia)

Postal address: 6, Volodarskogo ul., Tyumen, 625003, Russia

E-mail: elenamakarovauj@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4482-1447

Article info

Received

March 13, 2022

Accepted

October 15, 2022

For citations

Trofimova O.V., Gogolev D.A., Makarova E.O. On the Question of Correcting the Biography of Academician E.G. Laxman: on the Materials of the State Archive in Tobolsk. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 256-269. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).256-269 (in Russian).

Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 270–283.

УДК 930

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).270-283

В. П. Корзун, Г. П. Мягков, В. Г. Рыженко, А. В. Якуб

КОНСТРУИРУЯ НОВОЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: К ЮБИЛЕЮ ЛОРИНЫ ПЕТРОВНЫ РЕПИНОЙ

Статья посвящена юбилею известного историка, доктора исторических наук, члена-корреспондента Российской академии наук Лорины Петровны Репиной. Авторы обозначили проблему личного знания как способа сборки коммуникативного поля науки. Цель статьи – показать через самоанализ вхождения и пребывания в нём нескольких представителей из Омского и Казанского университетов как складывалась аура сотрудничества в большом научном сообществе интеллектуальной истории. Констатируется значимость фигуры Лорины Петровны Репиной не только в судьбе российской науки, но и в их личной научной судьбе. Сделан вывод, что успех большой коллаборации учёных связан с лидерским положением Лорины Петровны в науке, особой харизмой доброжелательности, умелым институциональным строительством, где принципиальным было создание открытой коммуникативной площадки – журнала «Диалог со временем».

Ключевые слова: Л. П. Репина; интеллектуальная история; историография; научное сообщество; коммуникативное пространство науки; интеллектуальная сеть; эмоциональная энергия; преемственность.

Лорина Петровна Репина

Как известно, для историка главные категории познания – пространство и время: они соединяются и измеряются масштабами деятельности личностей исследователей. Юбилеи в этом случае создают новые возможности понять и прочувствовать влияние ауры признанных лидеров и напряжённость коммуникативного поля внутри исторического сообщества, осознать, как исчезают формальные границы в общем интеллектуальном пространстве благодаря благотворному потоку новаторских идей, которыми щедро делятся с окружающими подвижники науки. К ним, без сомнения, относится Лорина Петровна Репина, отмечающая этой осенью свой юбилей. В чём секреты её обаяния и воздействия на умы отечественных историков? Мы попытаемся хотя бы эскизно ответить на этот очень непростой вопрос. Мы – это коллеги из Казани и Омска, включенные в сеть интеллектуального влияния

Л. П. Репиной и сотворения нового историографического пространства, ибо процесс этот был двусторонней дорогой, и каждый из нас, кто прошёл по ней по-своему ощутил, что его влекло к новому и кто был для него своего рода сталкером или, быть может, инструктором по распознаванию / покорению разбегающихся троп и тропинок, чтобы не сбиться в поиске основного пути.

А. В. Якуб

Слово главного редактора

Лорина Петровна Репина сыграла большую роль в развитии отношений между Институтом всеобщей истории и историческим факультетом в 2000-е годы, когда был заключен первый и единственный, к сожалению, уже утративший силу, договор о сотрудничестве в области научной деятельности между Институтом и Омским государственным университетом, в том числе предполагавшим и проведение научных стажировок на базе Института, часть из которых была осуществлена.

В 2014 г. Лорина Петровна любезно согласилась войти в состав редколлегии журнала «Вестник Омского университета. Исторические науки», который превратился из обычного периодического издания сначала в журнал, рецензируемый ВАК, а затем вошёл в базу данных RSCI.

Как главный редактор журнала «Диалог со временем» Л. П. Репина всегда оказывала поддержку в публикации научных статей преподавателей и научных сотрудников факультета, которые были необходимы для защиты докторских и кандидатских диссертаций, а также для публикаций в рамках различного рода научных грантов. Отмечу и постоянную поддержку инициатив исторического факультета в проведении разнообразных научных конференций как международного, так и регионального уровня.

Кроме заслуг Лорины Петровны институционального значения, остановлюсь на знаковых моментах личного сотрудничества. Первое заочное знакомство с Л. П. Репиной состоялось весной 1988 г., когда она, по просьбе профессора, доктора исторических наук Б. Г. Могильницкого, подготовила отзыв внешней организации от лица Института всеобщей истории по моей кандидатской

диссертации, посвящённой проблеме нормандского завоевания Англии 1066 г. в английской историографии. Совместная научная работа была продолжена спустя 20 лет, когда Л. П. Репина дала согласие на руководство моей диссертации на соискание степени доктора исторических наук в качестве научного консультанта. Её советы помогли мне выстроить работу как междисциплинарную, на стыке конкретно-исторического и историографического исследования. Диссертация «Образ “норманна” в западноевропейском обществе IX–XII вв. Становление и развитие историографической традиции» была успешно защищена в 2008 г. в Томском государственном университете. Конечно же, я благодарен Лорине Петровне за поддержку и наставничество.

Счастлив от имени редакции журнала поздравить Лорину Петровну с юбилеем!

В. Г. Рыженко

**«Мы глядим без фанатизма
на любой авторитет
и пускай бранят нас где-то,
пусть уж вовсе дело швах,
дрожжи Университета бродят
в наших головах...»**

Как сокурсница Лорины Петровны, считаю, что отправным моментом для накопления потенциала «научных дрожжей» стала атмосфера нашей Alma mater – исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, куда Л. П. и я поступили в 1966 г. Тогда за право обучаться во флагмане советских университетов одновременно боролись выпускники 11-х классов (последний плод хрущевской реформы о связи школы с жизнью) и 10-х классов (первый результат нового курса школьного образования). Набранный в результате высокого конкурсного отбора (17 человек на место) первый курс оказался очень активным и склонным к научным исследованиям, о чём свидетельствует и то, что многие наши сокурсники защитили не только кандидатские, но и докторские диссертации, двое стали академиками, двое членам-корреспондентами РАН (среди них и Лорина Петровна), их труды хорошо известны и широко востребованы. Обратимся к тому, как происходило накопление тех самых университетских дрожжей страны. И здесь в первую

очередь важны два фактора: социокультурный контекст (то, что давала нам университетская программа классического образования), а второй фактор историко-топографического пространства. Далее мы и обратимся к каждому из них. В социокультурном контексте второй половины 1960-х гг. большое место для формирования интеллектуального потенциала занимали для первокурсников истфака МГУ активные лекции известных учёных, авторов учебников и монографий (Б. А. Рыбакова, С. А. Арутюнова). По истории средних веков, которую читала Е. В. Гутнова, учебника ещё не было, поэтому мы очень внимательно слушали Евгению Владимировну, старательно записывая её лекции. Она читала их в аудитории самого первого «исторического» здания квартала МГУ на Моховой за спиной памятника М. В. Ломоносову, напротив знаменитого Манежа. Собственно, повсюду нас окружала аура пространства исторического квартала Московского университета с его знаменитыми доминантными зданиями и выходом к Красной площади с Кремлем, Спасской и другими его башнями, собором Василия Блаженного, Лобным местом. Внутри координат этой ауры находились здания истфака (мы их называли «Герцена 5» и «Герцена 6»), от них можно было пройти к улице Грановского, а через арку второго здания и переход под Казаковским главным корпусом университетского квартала (в нём в наше время обучения находилась студенческая столовая, а сам переход именовался «трубой») можно было оказаться в скверике с памятниками Герцену и Огареву, а затем из него пройти через советское топонимическое пространство, отражавшее другие страницы нашей истории (до Тверской, которая уже была улицей Горького, мимо гостиницы «Москва», к музею Ленина и к площади революции, а от неё на улицу 25-го октября, а это была уже территория Китай-города, на ней находился в старинном здании XVII века Историко-архивный институт). Прогуливаясь по этой улице, можно было пройти мимо памятника Ивану Федорову, выйти к Лубянке (в то время называвшейся площадью Дзержинского), к Политехническому музею, а затем по правой стороне улицы Кирова дойти до Армянского переулка, недалеко было и до Старосадского

переулка, где находилась любимая истфаковцами МГУ «Историчка». Хотя топография наших библиотечных посещений не ограничивалась «Историчкой», в ней своё место занимали и «Ленинка», и дом Пашкова, где находился отдел диссертаций ГБЛ. Однако это наложение пластов исторических эпох отражало, как представлялось тогда и тем более сейчас, глубину, многообразие и своеобразие истории, вписанной в поток всеобщего времени. Наше обучение на истфаке МГУ становилось своего рода путешествием по векам и культурам. Добавлю, что поскольку на истфаке было ещё и отделение искусствоведения, то в рамках учебной программы факультета читались курсы истории мирового и отечественного искусства, а стили архитектуры можно было наблюдать воочию в окружавшем нас городском пространстве. Исторический музей, Пушкинский музей, Третьяковская галерея были в пешеходной доступности. Независимо от выбора кафедры и специализации мы не могли не испытывать воздействие окружавшего нас исторического пространства города – столицы России. И даже когда наш истфак переехал на Ленинские горы, мы продолжали ощущать груз истории прежних веков с добавлением гордости за то, что мы истфаковцы тесно связаны с общей историей МГУ! Возможно, это чувство поддерживало знание, что некоторые наши профессора обитали в высотке. Например, знаменитого археолога академика Арциховского мы неоднократно видели идущего от корпуса высотки к корпусу исторического факультета в своей академической шапочке и в галошках... А его ученик и соратник по раскопкам в Новгороде, В. Л. Янин читал нам курс археологии, вёл семинары и принимал экзамены по своей методике, состоящей в подготовке историографического доклада по выбранным темам из рекомендуемого списка.

В одном из своих интервью (2007) Лорина Петровна подчёркивала, что, выбрав специализацию по истории средних веков и Евгению Владимировну в качестве научного руководителя, она приобрела неоценимые навыки исследовательской работы, прежде всего историографического и источниковедческого анализа. Она упоминала об упреке А. Я. Гуревича, увидевшего её окружённой в библиоте-

ке стопками книг. Он считал, что нельзя допускать столь неразборчивого чтения... Но в другом интервью (того же 2007 г., для омского историографического сборника «Мир историка») она подчёркивала, что на её выбор истории как профессии повлияло чтение «запоем» и круг чтения. А мощное интеллектуальное влияние М. А. Барга повернуло её к теории и методологии истории, к проблемам исторического познания.

Наши исследовательские интересы с Л. П. независимо от выбранных для специализации кафедр соединила «городская история». Это наиболее явно проявилось уже в конце 1980-х – на рубеже 1990-х гг. И если для Л. П. первоначально внимание было обращено на горожан и статус феодального города, то позже Репина обращается к проблематике городской истории в контексте становления новой интеллектуальной истории как особого историографического направления (это и выход первого номера альманаха «Диалог со временем» с её программной статьёй) [1; 2]. Если же говорить о персоналиях, то здесь неожиданно появилась объединяющая фигура профессора-медиевиста Ивана Михайловича Гревса. Выход на неё историка, занимавшегося историей советской культуры и интеллигенции, мог показаться непонятным для медиевистов. Однако его методики изучения города как наиболее выразительного социокультурного феномена и особого исторического источника оказались настолько универсальными, что позволили положить их в основу моих исследований интеллигенции и культуры сибирского города 1920-х гг., ставших основой докторской диссертации, а Лорина Петровна любезно согласилась быть первым официальным оппонентом. Её отзыв я бережно храню. В нём были высказаны как положительные оценки предложенной и апробированной междисциплинарной исследовательской модели на стыке истории, культурологии и урбанистики, так и рекомендации на перспективу «доводки» модели применительно к городам других типов, помимо «городов-центров». Добавлю, что попытки таких «доводок» вместе с моими молодыми коллегами / учениками мы предпринимали в 2010-е и на рубеже 2020-х гг. Одна из недавних – это исследование трансформаций культурного простран-

ва поселений в условиях переходов от образцов и символов советской эпохи к постсоветским в контексте парадигмы памяти (грант РФФИ 2018–2020) [3]. На наш взгляд, стремление к преемственности, в том числе с историко-топографическими методиками К. Шлегеля и с методиками исследовательских экскурсионных погружений И. М. Гревса нам удалось включить в инструментарий современного историка. По этому пути мы двигались под вдохновляющим влиянием Л. П. Репиной и в пространстве интеллектуальной истории.

Г. П. Мягков

«Познать знакомства с Вами наслажденье...»

...Передо мной лежит блокнот. Серосиневатые корочки, выцветшие от времени, на них надпись: «Спецкурсы по средним векам. МГУ, 1990 г.». Свидетель одной из самых интересных страниц моей жизни – времени обучения в феврале – июне 1990 г. на ФПК МГУ, он из того времени, когда произошло моё знакомство с Лориной Петровной Репиной.

В то время мне посчастливилось вновь вернуться в профессию: после 13 лет преподавания – 1975–1988 гг. – научного коммунизма в Казанском институте культуры (еще ранее – в 1971–1974 гг. – всеобщей истории) я был избран в июне 1988 г. по конкурсу доцентом кафедры всеобщей истории Казанского университета и получил почти в полное ведение курс истории средних веков и спецкурсы, в том числе по историографии, и приступил в сентябре к их чтению-ведению. Сознаюсь, ещё никогда я не чувствовал себя столь беспомощным перед открывшимися передо мной научными, методологическими и методическими проблемами преподавания, ибо надо было входить в аудиторию все же Медиевистом. Благо, была помощь коллег, была в наличии собранная весьма богатая библиотека именно по медиевистике, понимание студентов, за что я им благодарен, но не было «школы», той уверенности в знании и понимании преподаваемого, что имеет источником то, что называют неявным знанием. Потому мой друг-«начальник» зав. кафедрой В. Д. Жигунин сразу запланировал обучение на ФПК при МГУ по специальности «Всеобщая история».

В начале февраля 1990 г. я оказался в МГУ и был приписан к кафедре средних веков. Вообще попасть в Москву в это время почти на постоянное жительство на целый семестр – большая удача. Это означало стать если не участником, то непосредственным наблюдателем того, как коллеги-историки искали пути обновления науки, преподавания, освобождения от всевластия моноидеологии. Надеюсь, что отнюдь не самонадеянно полагаю, что профессионально я сформировался именно в это полугодие под влиянием лекций и занятий у учёных исторического факультета МГУ, прежде всего кафедры средних веков, являвших собой выдающуюся плеяду советских историков, и тех, кто шёл им на смену. Главное, мне и моим коллегам посчастливилось почувствовать на кафедре средних веков МГУ особую «медиевистическую» атмосферу, рождаемую ревниво пестуемым духом связи поколений, памятью об учителях, нацеленностью на фундаментальность подготовки, а также тем союзом медиевистов, который сложился между кафедрой средних веков МГУ и сектором средних веков Института всеобщей истории АН СССР.

Заседание кафедры, посвящённое знакомству вновь прибывших «курсантов» со своими преподавателями, началось с экскурсии в её историю. Затем была подробно представлена программа обучения, мы воочию увидели тех, кто будет нам читать лекции, обучать и делиться опытом ведения знаменитых московских семинаров.

Тогда-то в расписании я увидел строку, согласно которой 27 марта нам, слушателям ФПК, специализировавшимся при кафедре истории средних веков, должна была читать лекцию «Социальная история и историческая антропология (тенденции развития англо-американской историографии)» кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ АН СССР Лорина Петровна Репина.

Но моя первая встреча с Лориной Петровной состоялась намного раньше и не в Москве, а в... Казани. Дело в том, что кафедра всеобщей истории КГУ проводила конференцию «Ранние буржуазные революции и современная историческая мысль», посвящённую 200-летию Великой французской революции и 350-летию Английской буржу-

азной революции середины XVII в. Именно в дни, когда шла конференция (12–15 марта), нас и познакомил Измаил Ибрагимович Шарифжанов, доцент нашей кафедры, инициатор той конференции.

Сам же он вёл знакомство с Лориной Петровной с декабря 1988 г., когда в Москве, в ИВИ АН СССР, прошёл Всесоюзный симпозиум, посвящённый проблемам так называемых «белых пятен» истории. Так случилось, что изданные его материалы я буквально сразу по приезде в Москву смог приобрести и достаточно внимательно проштудировал, о чём свидетельствуют сделанные подчёркивания и пометы. К слову, не мог не заметить, что в числе авторов были и наши преподаватели – С. П. Карпов, А. А. Сванидзе, Л. П. Репина, Е. В. Гутнова.

Читая статью проф. С. П. Карпова [4] – вполне понятно, он заведовал кафедрой, и я становился её слушателем, – поймал себя на мысли, что своим походом в медиевистику я нарушал прокламируемое автором убеждение: «Процесс подготовки медиевистов особенно долог и трудоёмок». Впрочем, этот вывод верен и для подготовки античника, новиста, востоковеда, славяноведа и т. п. Думаю, что сегодня, спустя 30 лет, ещё более справедливо правило, сформулированное автором: «Чтобы расширить фронт исследований, надо, прежде всего, расширить число исследований. Ни одна армия не может держать фронт, если её солдаты находятся друг от друга на расстоянии целых километров. Быть может, это один из немногих случаев, когда увеличение штатов не зло, а благо и назревшая потребность».

Особенно понравилась статья В. В. Согрина «Перестройка в исторической науке и диалог с зарубежной историографией». Автор выступил против игнорирования вклада зарубежных историков-марксистов и попытался проанализировать практики, которые позволили «западной марксистской историографии занимать лидирующую позицию в мировой исторической науке». Это было всё же время, когда прогресс историознания связывался с прогрессом марксистской историографии. И если с Владимиром Викторовичем Согриным я был немного знаком благодаря Петру Борисовичу Уманскому, а в его тезисе слышал мотивы того положительного

отзыва, с которым он выступил при обсуждении в секторе США и Канады ИВИ диссертации моей жены, Ларисы Агдасовны Бургановой, посвящённой американской марксистской историографии, то вот теперь, повторю, Измаил Ибрагимович представил меня Лорине Петровне как участнику той конференции, а следовательно, и сборника.

Конечно, в тот момент у меня никаких «воспоминаний» о том, что Лорина Петровна была автором одной из статей в нём, быть не могло. Но публикации её я знал. Прежде всего, когда я приступил к преподаванию средних веков, пришлось перерабатывать программу семинарских занятий, и в библиографический список к семинару «Средневековый город» я включил (по сравнению с методическими указаниями, подготовленными моим предшественником по преподаванию предмета доцентом А. В. Сергеевым) среди «новых» книг (Л. Ф. Котельниковой, А. А. Сванидзе) и книгу Л. П. Репиной «Словесие горожан и феодальное государство в Англии XIV века» (М., 1979). А узнал о ней потому, что, благословляя на ведение курса, моя ещё школьная учительница, а в период 1963–1988 гг. старший преподаватель кафедры всеобщей истории А. З. Ханина, которая вела курс средних веков на вечернем и заочном отделениях, подарила мне объёмную папку с собранными «средневековыми» материалами – вырезками статей, обзоров, рецензий из самого популярного тогда в «провинции» журнала «Вопросы истории». Среди последних оказалась рецензия Н. И. Басовской на книгу Л. П. Репиной [5]. А поскольку она была в фондах Библиотеки КГУ им. Н. И. Лобачевского, студенты обращались к ней. В процессе преподавания я узнал, что глава 15 первого тома принципиально важного труда советских медиевистов «История крестьянства в Европе» (М., 1985) была написана Е. В. Гутновой и Л. П. Репиной. Такое соавторство не удивляло, поскольку Лорина Петровна была ученицей Евгении Владимировны. Какая бы «погода» ни была на нашем медиевистическом «дворе», но на протяжении всех 30 лет моего преподавания курса средних веков студенты узнавали и понимали формы социального сопротивления крестьян «по Гутновой и Репиной», а затем самостоятельно, как правило, по источникам

разбирая его причины, масштабы, специфику по странам и регионам, результаты и т. д.

В последующем, уже в другой связи, читая в названном выше сборнике 1989 г. статью Л. П. Репиной «Локальные исследования и национальная история: проблема синтеза» [6], я увидел, что она предлагала своё видение задач, стоявших перед «советскими историками», что её позиция была все же отличной от означаемой коллегами, в том числе и В. В. Согринным [7]. «Пора, наконец, понять, – чётко сформулировала Лорина Петровна: для того, чтобы выйти на мировой уровень и тем более превзойти его, нужно искать совершенно новые пути, не ограничиваясь теми, что были проторены в западной историографии последних 30 лет. Поступать иначе – значит заранее планировать своё отставание...».

На конференции Лорина Петровна выступила на секции «Английская революция середины XVII в.: основные пути и направления исследований», в работе которой участвовали проф. Дж. Э. Эйлмер (Великобритания), Г. Н. Левин, К. Д. Авдеева, И. И. Шарифжанов, А. Н. Нейман, М. В. Винокурова, Т. Л. Лабутина, С. В. Кондратьев и др. с докладом «Концепция “локальной автономии” и “провинциального общества” в современной историографии Английской революции». В опубликованном мною в № 5 за 1990 г. журнала «Новая и новейшая история» обзоре «О ранних буржуазных революциях» (с. 231–233) редколлегия потребовала решительно сокращения представленного в редакцию текста. В первоначальном варианте он был таким: «К.и.н. Л. П. Репина (ИВИ) подвергла обстоятельному анализу изучение в английской историографии локального аспекта революции, развившегося в конце 60-х – 70-е годы в одну из ведущих областей “новой исторической науки” и выдвинувшего ряд модификаций “локалистского” подхода к истории Английской революции. В результате радикального поворота историков к изучению общественной жизни людей прошлого в её реальных пространственно-временных рамках при использовании методов интердисциплинарного анализа историография обогатилась исследованиями, представившими сложную панораму общественно-политической жизни провинциальной Англии первой половины XVII в. Заключая, докладчик

подчеркнул, что нереально и нецелесообразно развёртывать советским историкам широкие локальные исследования по истории западноевропейских стран, но в свете достигнутого зарубежной наукой требуется пересмотр и новый синтез всех накопленных знаний».

После возвращения из Казани занятий на ФПК стало больше. Посещал поточные лекции по общему курсу, которые образцово с методической точки зрения читала профессор Л. М. Брагина; по вторникам слушал, как потом показала моя практика, полезнейший для меня курс источниковедения, прочитанный И. С. Филипповым и С. П. Карповым. Курс Т. П. Гусаровой по исторической географии воодушевил на постановку в последующем одного из самых любимых мною и, смею думать, студентами курса «Историческая география и историческая демография средних веков». А. А. Сванидзе буквально открыла нам историю раннесредневековой Дании и сделала это через призму особого внимания к «живым общностям», к повседневной жизни людей, их образующих. Не в тех ли лекциях лежали истоки той большой темы и первые опыты обращения к исторической антропологии, которые привели Аду Анатольевну к труду «Викинги – люди саги: жизнь и нравы» (М., 2014).

И всё же особую заинтересованность вызывал у меня блок, посвящённый проблемам методологии и истории медиевистики. Он включал работу по трём, условно назовем, блокам. Первым был общий курс историографии истории Средних веков, который вели проф. Е. В. Гутнова и доц. Н. А. Хачатурян. Лекторы как-то его делили, и в марте-апреле я посетил лекции, посвящённые становлению медиевистики в России, блестяще прочитанные Ниной Александровной.

Вторым блоком стала работа в спецсеминаре Е. В. Гутновой, посвящённом российской медиевистике. Считаю, что знакомство и общение с Евгенией Владимировной Гутновой, выдающимся историком и замечательным человеком, было одной из жизненных удач. Но об этом более подробно напишу в других воспоминаниях.

В рамках работы спецсеминара мне было доверено прочитать лекцию о «русской исторической школе». Итожа её, Евгения Владимировна, в частности, обратила внима-

ние на тезис (фактически гипотезу) о роли Т. Н. Грановского, его наследия не только в истории Московского университета, судьбах русской науки, но и в формировании «русской исторической школы». Тема жизни, творчества и научного наследия Т. Н. Грановского всегда была в поле активного внимания Е. В. Гутновой; незадолго до описываемых событий в журнале «Новая и новейшая история» была опубликована её статья «Т. Н. Грановский об исторической науке».

И когда я обратился к Евгении Владимировне с просьбой выступить консультантом по моей выпускной работе, она согласилась и предложила тему в такой редакции: «"Русская историческая школа" и научные традиции Т. Н. Грановского». Мог ли я представить, какую роль сыграет работа над этой проблемой в моей дальнейшей научной судьбе, дав методологический ключ к более глубокому пониманию процессов становления науки всеобщей истории в России и фактически «запрограммировав» участие в одном из самых интересных научных проектов – коллективном изучении темы «Т. Н. Грановский и судьбы исторической науки в России», задуманном и реализованном уже под руководством продолжателя дела Е. В. Гутновой, её ученицы Л. П. Репиной.

Третий блок был связан с осмыслением современных процессов развития историографии. Он сложился из лекций, прочитанных Е. В. Гутновой и Л. П. Репиной. Предметом лекции Е. В. стала работа прошедшей в Москве осенью 1989 г. международной конференции (коллоквиума), посвящённой 60-летию школы «Анналов». И если признано, что эта конференция сыграла огромную роль в истории исторической науки в СССР / России, то для меня, по сути, конструирующую роль в моем понимании современного историографического процесса сыграла лекция Евгении Владимировны. Это я понял не сразу, что называется, записывая её, а потом, когда вернулся к своим лекциям и студентам, когда встали задачи осмыслить и связно изложить, поставить новые вопросы и означить новую проблематику как в процессе преподавания историографии и истории средних веков, так и при переопределении предмета и поиске методологии изучения уже полюбившейся мне темы места

и роли научных школ в истории гуманитарной науки. Мы видели перед собой не просто лектора, а активного участника конференции, продолжающего вести свою линию в дискуссиях, в то же время предложившего своё профессиональное видение развития мировой историографии, места и роли Школы «Анналов».

И вот 27 марта мы слушали лекцию Л. П. Репиной «Социальная история и историческая антропология (тенденции развития англо-американской историографии)» (она продолжалась четыре академических часа). Не только слушали... Ещё результатом стали 11 страниц конспекта, записанных вполне читаемым и убористым почерком и ставших не только «суммой» материалов для использования при подготовке своих лекций, но и примером осмысления современного историографического процесса, донесения до слушателей в той форме, когда лектор как бы включает тебя в него. И сообщаемый материал был совершенно нов, что передавалось и соответствующими понятиями. Очевидно, следует пояснить, что хотя моей специальностью была именно историография, но историография проблемная, общее же видение процессов определялось учебником по новой и новейшей историографии, изданным в 1977 г. и рядом статей и монографий, опять-таки имевших предметом проблемную историографию и институционную историю, прежде всего в национальном преломлении. И вот теперь предметом изучения становилось движение за «новую историческую науку». Термин был знаком, но только на материале французской «новой исторической науки», что подчеркнул и лектор. И указав, что движение за «новую историю», имевшим своим содержанием «расширение предмета, проблематики и методов исторического исследования..., способов обработки источников», формирование и институционализацию новых спецдисциплин в сферах науки и образования и т. п., стало «повсеместным», более того, что «новая историческая наука» «перевернула всю историографию» (так я записал в конспекте, так услышал; в последующем в трудах Л. П. подобной констатации я не встречал), лектор в соответствии с определённым предметом рассмотрел развитие социальной истории в Англии, охарак-

теризовал этапы её истории, факторы, под влиянием которых формировались её характерные черты. Особо выделил в конспекте тезис лектора о том, что если для британской науки влияние школы «Анналов» было ограниченным, то для американской медиевистики оно оказалось «определяющим». Отмечено было и влияние марксистской историографии на формирование «новой социальной истории». Конечно, я записывал подробнее и яснее то, что «слышал», «разумел» (это определяло и характер записанного). Потому на меня произвел впечатление тезис, что в новейшей историографии взят курс на преодоление противопоставления структурного и антропологического подходов, прозвучал призыв к синтезу, который и должен быть реализован в практике социальной истории. В контексте этого лектор указал на взгляды А. Я. Гуревича. Понравилось то, что для осмысления дискуссии о взаимоотношениях истории и антропологии лектор использовал образ двуликой Клио, предложенный Д. Ратманом, который метафорически выразил раскол истории как науки на социально-экономическую и социально-культурную. Задача же состояла в том, чтобы через сочетание структурного и антропологического подходов создать «гуманистическую историческую науку».

Во второй части лекции процесс развития «новой социальной истории» был рассмотрен на примере истории семьи и локальной истории. Здесь автор обратился к сфере конкретных двух субдисциплин, точнее, ставших известных мне разве что по статье Лорины Петровны, опубликованной в сборнике статей 1989 г. [8].

Одним словом, лекция Лорины Петровны не была, что называется, из числа когда-то читанных, обкатанных, явно чувствовался огромный труд автора над осмыслением современного историографического процесса. Конечно, вряд ли кто из слушателей мог представить, какое место работа над проблемой, сообщаемые материалы занимали в развитии научной судьбы учёного. Позднее, когда спустя полгода удалось получить уже ожидаемый второй выпуск «Одиссея», стало понятно, что слушатели ФПК были в числе первых, на суд которых Л. П. выносила своё видение «новейших тенденций» развития

«новой истории». Сегодня смею заключить, что если автор в движении социальной истории «к новому историческому синтезу» увидел «стартовую площадку для “новой истории” XXI в.», то публикация 1990 г., а равно и лекция, впервые представившая её материалы, может полагаться успешным стартом к тем высотам, которых достигла Лорина Петровна в XXI в.

Знаковым событием описываемого полугодия стала проходившая в течение 4 дней (16.04–19.04.1990 г.) в ИВИ АН СССР конференция «Власть и политическая культура в средневековой Европе». Организованная Е. В. Гутновой и проходившая под её непосредственным руководством, она собрала, как сообщила в заключительном слове Евгения Владимировна, «более 100 учёных из 30 учебных заведений и НИИ ... городов» (в моём конспекте эта цифра пропущена, очевидно, не расслышал), что позволило определить конференцию «в какой-то степени всесоюзной». Задачу и конференции, и работы медиевистов в последующем она усматривала в «новом осмыслении государственных и политических структур в средневековом обществе», в необходимости «в свете новейших исследований вернуться к вопросу о стимулирующей или тормозящей роли государства». Сама Евгения Владимировна выступила с докладом (как записано у меня в конспекте) «Сословно-представительные собрания и проблемы “демократии”». Ответом на изложенную Евгенией Владимировной программу были выступления её ближайших учеников. Н. А. Хачатурян посвятила доклад соотношению авторитарных и коллективистских принципов в политической эволюции средневековья, Л. П. Репина сделала доклад на тему «Место и роль городского представительства в английском средневековом парламенте», А. А. Сванидзе – на тему «Патрициат и удержание власти в средневековом городе».

Со времени первых встреч с Лориной Петровной прошло более 30 лет. Они не только заложили возможность, но и определили характер отношений содружества, возможность идти совместно по жизненному пути. Год от года расширялось наше научное и человеческое общение. Память хранит и позволяет отметить его грани-вехи, а беспристрастный анализ позволяет заключить,

что неизменная помощь и поддержка, которую получали от Лорины Петровны я и мои ученики, моя семья, казанские коллеги-историки, которые органично входили в круг общения, была драгоценным даром, во многом определявшим нашу жизнь, нашу судьбу. Вокруг Лорины Петровны – это удалось почувствовать в уже описанное время – началось складываться новое, я бы сказал, историографическое пространство, задаваемое научной составляющей. Процесс же включения в него был двусторонней дорогой, и каждый, кто прошёл по ней ощутил, что его влекло по этой дороге притяжение человека, который проявлял себя незаурядным организатором, какой-то особой, пожалуй, женской пассионарностью, умея без абсолютно каких-либо административных ресурсов воодушевить и сформировать коллектив единомышленников. Как-то В. П. Корзун определила роль Лорины Петровны в судьбах многочисленных проектов быть «интеллектуальным магнитом». Это – бесспорно, комфорт пребывания в научном сообществе обеспечивается научной составляющей. Это «явное состояние», но, перелагая в своё время актуализированное именно Лориной Петровной учение М. Полани, надо видеть, что успех обеспечивается «неявной» составляющей, прежде всего энергией и авторитетом лидера, на призыв которого и хочется отвечать, встраиваться в общую работу.

В. П. Корзун

**Харизма Богом Вам дана, или
Как передаётся вдохновенье...**

Моя история знакомства с Лориной Петровной не столь длительна, в сравнении с коллегами, но является не такой уж и короткой – она насчитывает 22 года, почти четверть века... Эти годы я считаю особым периодом в моей интеллектуальной жизни, не побоюсь назвать его счастливым. Это ощущение связано не столько с такими вехами собственной биографии, как защита докторской диссертации, выходом монографий, успехами учеников, рождением историографического сборника «Мир историка» (вышло 12 выпусков), сколько с появлением большого круга друзей-единомышленников, с особой эмоциональной энергией, рождавшейся на конференциях, застольных встречах, пе-

реписке по поводу новых книг, новых идей. Мне на память приходят строки из письма знаменитого физика Макса Бора к сыну. После посещения Советского Союза в 1945 г. он писал о том, что в советской системе нет главного – нет любви, а ведь любовь – «это сила, столь же мощная, как и атомы». Так вот, не смотря на противоречия и споры между коллегами, прежде всего в концептуальном плане, в этот период сложилась особая аура, пронизанная любовью и интеллектуальной дружбой. А конструктором такой ауры была и остаётся Лорина Петровна, создавшая Российское Общество интеллектуальной истории, которое на сегодняшний день насчитывает 38 региональных отделений. Конечно, меня можно обвинить в сентиментальности, но если стало возможным изучать историю эмоций в качестве важных характеристик культуры того или иного социума, то почему нельзя эту оптику применить к исследованию, собственно, самого научного сообщества и его отдельных представителей. Не случайно в современной науке заговорили о «лирической историографии» (И. В. Нарский, Т. Б. Щепанская, Ю. Ю. Хмелевская и др.) и проблематизации феномена научной дружбы (И. М. Савельева).

Моя первая встреча с Лориной Петровной произошла в 2000 г. в рамках коллективного проекта, хотя годом раньше мы были на нескольких учредительных собраниях, то есть в одном месте, но не вместе. Известные мне статьи Репиной о новой социальной истории жили своей жизнью, без привязки к образу автора. Познакомил нас Борис Георгиевич Могильницкий, скрепив контакты историков всеобщников и руссистов.

Историография, которой мы все занимались, изначально была ориентирована на такой союз, междисциплинарность была, что называется в крови. Историография стала мостом между чётко очерченными берегами отдельных дисциплин. К этому времени уже был рождён «Диалог со временем», любимое дитя Лорины Петровны, обустроивалась «территория» большого Диалога в пространстве различных университетских центров страны в направлении интеллектуальной истории, разрушались сложившиеся иерархии между столичной и провинциальной наукой. Л. П. предложила сообществу широкое по-

нимание интеллектуальной истории «как истории социокультурных условий, форм и результатов всех видов творческой деятельности человека» [9, с. 19]. Такой разворот падал на подготовленную почву, методологическое обновление в нашей науке уже явственно начало обнаруживаться на рубеже 1970–1980-х гг. Историография, как дисциплина, мощно подпитываемая науковедением и культурологическими поисками, преодолевала рамки проблемно-ориентированной историографии, в поле её исследования оказывалось личностное знание, вопросы ремесла историка, научные сообщества как формы самоорганизации, системы коммуникаций. В этом проблемном поле схолярная проблематика стала своеобразным локомотивом, тянущим за собой целый ряд новых проблем, связанных с производством и трансляцией исторического знания, что не только вписывалось в антропологический поворот, но являло само его движение.

И первое же общение с Лориной Петровной поразило её верой и одержимостью в построении новой истории и особого коммуникативного поля. Но это была не одержимость фаната, со свойственной такому типу личности, жёсткого менторского тона, когда манифестируемое новое, враждебно отгораживается от прежнего. Её облик изящной женщины с восточными искрящимися карими глазами, с обворожительной улыбкой, её удивительный тембр голоса ассоциировался с виолончелью, в её речи ощущались интонации удивления, придающие некоторую напевность. Она внимательна к собеседнику, заинтересована в его ответах и размышлениях. Её харизма доброжелательности просто потрясающа! Мгновенно возникла симпатия. И это значимый фактор успеха замысливаемого грандиозного проекта Интеллектуальной истории. Буквально через несколько месяцев после нашего знакомства на страницах «Диалога» появилась рецензия на мою монографию, написанная Г. И. Зверевой, что явилось приятной неожиданностью – была подана рука поддержки с высоты научного Олимпа.

В этот романтический период сотрудничества, Л. П. гостеприимно приглашала в свой журнал. Первое приглашение напечататься в «Диалоге» я получила после доклада в Пет-

розаводске на конференции «Культура исторической памяти» (2001), очереди в журнал стали выстраиваться позже, в его звёздный период существования, в котором он, к счастью, пребывает и по сей день. И я рада, что на его страницах за эти годы мною опубликовано более 10 статей, некоторые в соавторстве с Д. М. Колеватовым, В. Г. Рыженко, В. Ю. Волошиной. С именем Лорины Петровны связана и ещё одна принципиальная новация – преодоление столице-центризма. Она печатается во многих университетских изданиях за пределами Москвы, в том числе в нашем «Мире историка». С её лёгкой руки, провинциализм не стал сводиться к географии.

В Омске Л. П. Репина была дважды. В мае 2000 г., в рамках большого грантового проекта она осуществляла экспертизу работы нашей кафедры «современной отечественной истории и историографии» и приняла участие в конференции «Отечественная историография и региональный компонент в образовательных программах: проблемы и перспективы», а также в круглых столах-тренингах. Следующий приезд состоялся в ноябре 2003 г. Это был второй этап семинара тренинга, когда акцент делался на междисциплинарности, проблемах преемственности и разрывов в интеллектуальном поле России, проблематике профессиональной идентичности в новых условиях и знакомстве с новыми исследовательскими практиками, как в мировой, так и в отечественной историографии. Доклад Л. П. Репиной «Специфика историко-антропологических поисков в современной историографии», а ещё больше её мастер-класс, имели потрясающий успех. На мастер-класс пришли аспиранты и студенты из многих вузов города, мой кабинет № 213 во втором корпусе ОмГУ был заполнен, что называется до отказа, на глазах разворачивался интереснейший диалог. Понятно, что он был интересен молодым учёным, но он был чрезвычайно интересен и самому Мэтру. Уже отложено запланированное посещение театра – пропали билеты, уже за окнами ночь, а разговор продолжается. Совсем недавно, спустя 20 лет после этой встречи, заместитель директора Омской областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина А. П. Сорокин признался, что это было самым ярким впечатлением его студенческой жизни и ук-

репило уверенность в избранном пути... Так через эмоциональную энергию подвижников науки, «чистую радость за успехи других», общими усилиями создается новый интеллектуальный ландшафт.

Понятно, что одной харизмы недостаточно, важен сплав личностных характеристик и высокого авторитета в науке. Об этом написал в своём эссе Г. П. Мягков. Меня привлекало постоянное стремление коллеги идти дальше, трудолюбие, умение чувствовать пульс мировой науки. Да, Репина как учёный прошла московскую школу, но было и другое: занимаясь изучением зарубежной историографии XX в., она на протяжении многих лет (1975–1991) сотрудничает с журналом «Общественные науки за рубежом», для которого пишет многочисленные обзоры. Этот накопленный особый опыт понимания «другого» получил развитие в рецензиях на книги, историографических обзорах работы международных конгрессов, опубликованных также в «Новой и новейшей истории», «Вопросах истории», «Диалоге со временем». По словам юбиляра её всегда интересовал «общий мыслительный субстрат, который определял своеобразие эпохи, проявляясь во всей творческой деятельности» [10, с. 19].

Работы автора последних десятилетий – реперные точки современной российской теоретической мысли. Монография «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика» (М.: Круг, 2011) и учебное пособие «История исторического знания» (М.: Дрофа, 2004) стали просто бестселлерами и прочно укоренены в преподавательскую практику.

Завершая своё эссе, обращаюсь к словам коллеги и моей историографической подруги Н. Н. Алеврас, совершенно справедливо отметившей, что в последние два десятилетия созданы «основы существенного сегмента национальной научной культуры под флагом интеллектуальной истории. Историко-интеллектуальный подход стал приобретать характер универсального метода в историческом познании» [11, с. 20].

Счастлив тот историк, кому удалось создать свою «Войну и мир». Думаю, что Лорине Петровне это удалось. Счастливы и мы, участники этого проекта, бывшие не только головами из зала, но и его участниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репина Л. П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / под ред. Л. П. Репиной и В. И. Уколовой. – Вып. 1/99. – М.: ИВИ РАН, 1999. – С. 5–12.
2. Репина Л. П. «Второе рождение» и новый образ интеллектуальной истории // Историческая наука на рубеже веков. – М.: Наука, 2001. – С. 175–192.
3. Рыженко В. Г. Возможности интеллектуальной истории для разработки региональных и локальных исследовательских проектов // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: материалы II Международной научно-образовательной конференции: в 2 т. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2020. – С. 44–48.
4. Карпов С. П. «Белые пятна» и понятие актуальности исторических исследований // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – М.: Наука, 1989. – Вып. 1. – С. 50–51.
5. Басовская Н. И. [Рец.:] Репина Л. П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М.: Наука, 1979. 218 с. // Вопросы истории. – 1981. – № 4. – С. 132–134.
6. Репина Л. П. Локальные исследования и национальная история: проблема синтеза // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – М.: Наука, 1989. – Вып. 1. – С. 149.
7. Согрин В. В. Перестройка в исторической науке и диалог с зарубежной историографией // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – М.: Наука, 1989. – Вып. 1. – С. 31.
8. Репина Л. П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // Одиссей. Человек в истории. 1990. – М.: Наука, 1990.
9. Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, С. П. Бычкова. – Вып. 8. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. – 336 с.
10. Интервью с Лориной Петровной Репиной // Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. – Вып. 3. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. – С. 17–20.
11. Мир историка: историографический сборник. – Вып. 11. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – 474 с.

Сведения об авторах

Корзун Валентина Павловна – доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: korzunv@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 75386

ORCID: 0000-0003-1868-1628

Scopus AuthorID: 57194873961

WoS ResearcherID: AAR-6383-2021

Мягков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), профессор Казанского федерального университета (Казань, Россия)

Адрес для корреспонденции: 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42

E-mail: gmyagkov@yandex.ru

РИНЦ AuthorID: 391294; SPIN-код: 3917-5246

Рыженко Валентина Георгиевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: valentina948@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 74151; SPIN-код: 8209-6082

Информация о статье

Дата поступления

1 октября 2022 г.

Дата принятия в печать

15 октября 2022 г.

Для цитирования

Корзун В. П., Мягков Г. П., Рыженко В. Г., Якуб А. В. Конструируя новое историографическое пространство: к юбилею Лорины Петровны Репиной // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 270–283. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).270-283.

Якуб Алексей Валерьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: avy59@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 239385; SPIN-код: 6241-7802

V.P. Korzun, G.P. Myagkov, V.G. Ryzhenko, A.V. Yakub

CONSTRUCTING A NEW HISTORIOGRAPHICAL SPACE: TO THE ANNIVERSARY OF LORINA PETROVNA REPINA

The article is dedicated to the anniversary of the famous historian, Doctor of Historical Sciences, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Lorina Petrovna Repina. The authors identified the problem of personal knowledge as a way of assembling the communicative field of science. The name of Lorina Petrovna is firmly connected with the formation of Intellectual history in Russia and on this basis the construction of a new historiographical space. She is the inspirer and creator of the Russian Society of Intellectual History, which currently has 38 regional branches. The purpose of the article is to show how the aura of cooperation developed in a large scientific community of intellectual history through introspection of the entry and stay of several of its representatives from Omsk and Kazan universities. The methodology of constructing such a text is eclectic. On the one hand, it is built in the anthropological paradigm, but on the other hand, the subject of the study suggests a departure from the strict scientific approach towards "lyrical historiography". The latter implies (and here we rely on the approach of I.V. Narsky) the introduction of the figure of an active author into the scientific text. "This author behaves not as a neutral judge, but as a participant in the story he tells. He creates the effects of reality and at the same time reveals to the reader the ways of their production". The sources of the research are interviews of the hero of the day, published in various publications, and the authors' own memoirs of this article.

Common to all authors is the statement of the fact of the importance of the figure of Lorina Petrovna Repina not only in the fate of Russian science, but also in their personal scientific fate. The conclusion is unequivocal that the success of a large collaboration of scientists is associated with the leadership position of L.P. in science, with a special charisma of goodwill, with skillful institutional construction, where the creation of an open communication platform – the magazine "Dialogue with Time" was fundamental. Variants of various circumstances of cooperation and scientific friendship with L.P. are presented, which is reflected in the subheadings of the author's texts / essays.

Keywords: L.P. Repina; intellectual history; historiography; scientific community; communicative space of science; intellectual network; emotional energy; continuity.

REFERENCES

1. Repina L.P. Chto takoe intellektual'naya istoriya? [What is intellectual history?]. Repina L.P., Ukolova V.I. (eds.). *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii* [Dialogue with Time. Almanac of Intellectual History], iss. 1/99, Moscow, 1999, p. 5-12. (in Russian).
2. Repina L.P. "Vtoroe rozhdenie" i novyi obraz intellektual'noi istorii ["Rebirth" and a new image of intellectual history]. *Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov* [Historical science at the turn of the century], Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 175-192. (in Russian).
3. Ryzhenko V.G. Vozmozhnosti intellektual'noi istorii dlya razrabotki regional'nykh i lokal'nykh issledovatel'skikh projektov [Possibilities of intellectual history for the development of regional and local research projects]. *Vseobshchaya istoriya i istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka* [Universal history and historical science in the 20th – early 21st century], materials of the 2nd International scientific and educational conference, in 2 volumes, Kazan, 2020, pp. 44-48. (in Russian).
4. Karpov S.P. "Belye pyatna" i ponyatie aktual'nosti istoricheskikh issledovaniy ["White spots" and the concept of relevance of historical research]. *Vseobshchaya istoriya: diskussii, novye podkhody* [Universal history: discussions, new approaches], iss. 1, Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 50-51. (in Russian).
5. Basovskaya N.I. [Retsenziya] Repina L.P. Soslovie gorozhan i feodal'noe gosudarstvo v Anglii XIV veka [Review. Repina L.P. The estate of townspeople and the feudal state in England of the XIV century]. *Voprosy istorii* [History issues], 1981, no. 4, pp. 132-134. (in Russian).

6. Repina L.P. Lokal'nye issledovaniya i natsional'naya istoriya: problema sinteza [Local research and national history: the problem of synthesis]. *Vseobshchaya istoriya: diskussii, novye podkhody* [Universal history: discussions, new approaches], iss. 1, Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 149. (in Russian).
7. Sogrin V.V. Perestroika v istoricheskoi nauke i dialog s zarubezhnoi istoriografiei [Perestroika in historical science and dialogue with foreign historiography]. *Vseobshchaya istoriya: diskussii, novye podkhody* [Universal history: discussions, new approaches], iss. 1, Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 31. (in Russian).
8. Repina L.P. Sotsial'naya istoriya i istoricheskaya antropologiya: noveishie tendentsii v sovremennoi britanskoi i amerikanskoi medievistike [Social History and Historical Anthropology: the latest trends in Modern British and American Medieval Studies]. *Odissei. Chelovek v istorii* [Odysseus. A Man in History], Moscow, Nauka Publ., 1990. (in Russian).
9. Korzun V.P., Bychkov S.P. (eds.). *Mir istorika* [The World of the Historian], historiographical collection, Iss. 8, Omsk, Omsk State University Publ., 2013, 336 p. (in Russian).
10. Interv'yū s Lorinoi Petrovnoi Repinoi [Interview with Lorina Petrovna Repina]. Korzun V.P., Yakub A.V. (eds.). *Mir istorika* [The World of the Historian], historiographical collection, iss. 3, Omsk, Omsk State University Publ., 2007, pp. 17-20. (in Russian).
11. *Mir istorika* [The World of the Historian], historiographical collection, iss. 11, Omsk, Omsk State University Publ., 2017, 474 p. (in Russian).

About the authors

Valentina P. Korzun – Doctor of Historical Sciences, Professor of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: korzunv@mail.ru

RSCI AuthorID: 75386

ORCID: 0000-0003-1868-1628

Scopus AuthorID: 57194873961

WoS ResearcherID: AAR-6383-2021

German P. Myagkov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEUP), Professor of the Kazan Federal University (Kazan, Russia)

Postal address: 42, Moskovskaya ul., Kazan, 420111, Russia

E-mail: gmyagkov@yandex.ru

RSCI AuthorID: 391294; SPIN-code: 3917-5246

Valentina G. Ryzhenko – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History, Sociology and Political Science of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: valentina948@mail.ru

RSCI AuthorID: 74151; SPIN-code: 8209-6082

Alexey V. Yakub – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and Theory of International Relations of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: avy59@mail.ru

RSCI AuthorID: 239385; SPIN-code: 6241-7802

Article info

Received

October 1, 2022

Accepted

October 15, 2022

For citations

Korzun V.P., Myagkov G.P., Ryzhenko V.G., Yakub A.V. Constructing a New Historiographical Space: to the Anniversary of Lorina Petrovna Repina. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 270-283. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).270-283 (in Russian).

УДК 929+93/94:930.25

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).284-291

Д. И. Петин

ИСТОРИК-АРХИВИСТ ДУШОЙ И СЕРДЦЕМ: К 70-ЛЕТИЮ Г. Ю. БОРОДИНОЙ

Представлен краткий аналитический обзор биографии и профессиональной деятельности администратора архивной службы Омской области, ветерана труда, историка-архивиста, краеведа и общественного деятеля Галины Юрьевны Бородиной. В 2022 г. ей исполняется 70 лет, более 40 из которых она посвятила государственной гражданской службе, архивному делу, изучению и популяризации исторического знания сквозь призму регионального документального наследия.

Ключевые слова: историческая наука; архивное дело; краеведение; интеллигенция; государственные служащие; юбилеи; Гражданская война; А. В. Колчак; Омск.

Архивное дело – служение на ниве прикладной формы исторического знания и особая работа, требующая от специалиста сочетания теоретических и практических познаний, а вместе с тем – желания сохранить и донести до современников и последующих поколений документальное наследие. Человеком, несомненно, преданным такому профессиональному кредо можно уверенно назвать Галину Юрьевну Бородину, чьё имя хорошо известно в историко-архивном сообществе далеко за пределами нашего города.

Она родилась 1 декабря 1952 г. в Омске в семье служащих. Отец, Юрий Павлович Кутейников (1928–1959) подростком, в 1943–1945 гг., работал слесарем на заводе имени Ворошилова (ныне Омсктрансмаш). Был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; окончив Ленинградский индустриальный техникум, работал мастером производственного обучения и старшим методистом областного управления трудовых резервов [1, с. 99–101]. Мать, Мария Васильевна (1926–2021), работала бухгалтером на предприятиях пищевой промышленности; в 1982 г. награждена медалью «Ветеран труда». Как отмечает сама Галина Юрьевна, значительное влияние на неё в самые юные годы оказала няня Ольга Васильевна Белова (1878–1962),

жившая в семье «на правах очень уважаемого и родного человека» [2, с. 37].

Детские и юношеские годы Галины Юрьевны прошли в Порт-Артуре – южной окраине Ленинского района Омска. В сентябре 1970 г. по окончании средней школы № 68 она начала трудовую деятельность в этом же учебном заведении в качестве старшей пионервожатой. Тогда же окончила курсы экскурсоводов при городском экскурсионном бюро.

Ещё девятиклассницей ей довелось в пионерлагере пообщаться с вожатыми из числа студентов-историков, девушку поразили их интеллект и умение дискутировать по вопросам на педагогические темы. И в 1971 г. Галина Юрьевна поступила на исторический факультет Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького. На формирование мировоззрения студентки наибольшее влияние оказал декан факультета Виктор Николаевич Худяков, как она отмечает, читавший лекции творчески, познавательно и эмоционально.

С осени 1975 г. молодая учительница работает по распределению в Неверовской средней школе Таврического района Омской области. В течение двух лет она была завучем по воспитательной, а затем учебной работе. Галина Юрьевна получила признание, как руководящего, так и своих подопечных, увлека-

тельно ведя уроки по истории и активно занимаясь организацией общественной работы.

Значимые изменения последовали в жизни Галины Юрьевны в 1977 г.: она вышла замуж за Владимира Павловича Бородина и вернулась в Омск, поступив на работу в Государственный архив Омской области (ГАОО), где работала сначала архивистом 1-й категории отделов обеспечения сохранности документов и научно-технической обработки документов.

Следующие 12 лет она планомерно получала карьерные повышения, будучи последовательно главным хранителем фондов, заведующей отделом обеспечения сохранности и государственного учёта документов, заместителем директора архива по основной деятельности. В тот период важные события произошли и в личной жизни Галины Юрьевны: в 1979 г. у неё родился сын Алексей, в 1982 г. – дочь Мария.

Весной 1987 г. с отрывом от производства Г. Ю. Бородина прошла обучение на курсах повышения квалификации при Московском государственном историко-архивном институте – главном отраслевом вузе. Вдумчиво погружаясь в профессию, она стремилась получить широкий спектр практических навыков. Её наставниками из числа коллег были Елизавета Ивановна Тимофеева, главный методист ГАОО и Галина Максимовна Ипатова, начальник Архивного управления.

Стоит сказать, что значимой страницей развития архивного дела в нашей стране в конце 1980-х гг. стало массовое рассекречивание значительных по объёму документальных комплексов. Большая часть их охватывала период Гражданской войны в России и раннего советского социума. В 1984 г. творческим коллективом сотрудников ГАОО во взаимодействии с омским историком А. Д. Колесниковым (о нём подр. см.: [3]) был подготовлен путеводитель по фондам архива¹, более 20 лет сохранявший актуальность. Рассекреченные документы позднее активно использовались для создания сайта «Белый Омск». В проведении этих ответственных мероприятий в ГАОО в силу занимаемых должностей активное участие принимала Галина Юрьевна.

В январе 1992 г. её пригласили на пост заместителя заведующего архивным отделом

Администрации Омской области. С аппаратной работой были связаны последующие 19 лет успешной карьеры юбилярши. В марте 1994 г. Архивный отдел Администрации Омской области преобразовали в Архивное управление Администрации Омской области, где Галина Юрьевна получила назначение заместителем начальника, а в ноябре 1999 г. стала первым заместителем начальника управления по работе с муниципальными архивами.

В январе 2003 г. Архивное управление Администрации Омской области вошло в состав Министерства государственно-правового развития Омской области, а Г. Ю. Бородина назначена начальником данной структуры. В соответствии с должностью шёл рост в классных чинах – государственного советника Омской области 3-го класса (2002), 2-го класса (2005), 1-го класса (2008).

Несмотря на весьма непростые общие социально-экономические условия в стране и регионе в 2000-е гг., архивной службе Омской области удалось достичь значимых успехов, заметных, в том числе, даже на федеральном отраслевом уровне. Важной административной мерой стало принятие в 2011 г. закона «Об архивном деле в Омской области», установившего ответственность юридических лиц региона за соблюдение законодательства в данной отрасли; это, в частности, помогло в деле сохранения регионального архивного фонда и способствовало на перспективу реализации социально-правового обеспечения населения. В целях оптимизации управления архивами в Омской области в 2008 г. было произведено слияние ГАОО с Центром документации новейшей истории Омской области в укрупненное учреждение с обновлённым названием – Исторический архив Омской области. Для него в 2009 г. построили дополнительное специализированное, оснащённое качественным оборудованием здание [4]. Все эти ответственные шаги осуществлялись под тщательным контролем и при деятельном участии главы архивной службы региона Г. Ю. Бородиной.

Вместе с тем в тот период Галина Юрьевна в руководящей работе всегда уделяла большое внимание вопросу интеграции архивистов с омским историческим и краеведческим сообществом – работниками вузов, научных институтов, музеев, библиотек. Так,

она выступила в числе основных инициаторов организации и проведения в 2002 и 2005 гг. «Архивных чтений памяти Н. В. Горбаня» – научной конференции, сыгравшей особо важную роль в деле накопления и фиксации знаний по локальной истории. С 1990 г. под эгидой архивной службы Омской области издаётся историко-краеведческий, информационно-методический журнал «Архивный вестник». С первых номеров ежегодника Галина Юрьевна стала постоянным автором, освещающая наиболее актуальные, подчас весьма острые текущие вопросы архивной отрасли региона: комплектование фондов, обеспечение сохранности, рассекречивание и использование документов, межведомственное взаимодействие, методическая работа. В 2000–2011 гг. в число общественных обязанностей Галины Юрьевны входила общая редакция издания и работа по формированию его контента, осуществлявшаяся совместно с коллегой по архивному управлению Татьяной Александровной Терехиной. Данный журнал, ориентированный прежде всего на обсуждение состояния, развития, а также истории архивной отрасли Омской области, стал объединять представителей научной и творческой интеллигенции региона, активно занимающихся краеведением и входивших в 2000–2012 гг. в Омское отделение Российского общества историков-архивистов (РОИА). В итоге, издание обрело авторитет и в 2003 г. новый формальный статус («журнал», а не «информационный бюллетень»).

С середины 1990-х гг. Галина Юрьевна стала регулярной участницей всероссийских советов по архивному делу, научно-методических советов архивных учреждений Сибири, научно-практических конференций, проводимых вузами Омска. Тематика её докладов (указанная выше) продолжала иметь широкий охват и актуальность.

С начала 2000-х гг. при её активном участии постепенно стало складываться направленное на подготовку специализированных кадров взаимодействие архивной службы региона с учебными заведениями. Ключевыми из них стали ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, ОмГТУ и Омский библиотечный техникум (подр. см.: [5–8]). Галина Юрьевна наряду с наиболее опытными коллегами-архивистами вошла в состав государственных аттестационных и экзаменационных комиссий.

В 2008 г. отмечалось 90-летие с момента образования государственной архивной службы России. Тогда Г. Ю. Бородина с Т. А. Терехиной, действуя «в отлаженном тандеме», смогли объединить архивистов с группой работников омских вузов, подготовив тематическое издание «Пора вам должно воздать...», ставшее первой формой обобщения региональной истории архивного дела [9].

Здесь стоит подчеркнуть, что подобные тенденции, связанные с усилением интеграции архивистов в академическую сферу отмечались тогда на федеральном и региональном уровнях. Типичными во многом были и формы реализации – проведение совместных научно-просветительских мероприятий, участие в издательской деятельности и кадровой политике. Омская область на общем фоне всегда выглядела по отчётным показателям весьма выигрышно. Одним из таких примеров можно назвать учреждённый по инициативе Г. Ю. Бородиной конкурс на лучший семейный архив, призванный укреплять традиционные ценности, популяризировать историческое знание, практическую генеалогию, формировать у населения патриотизм и любовь к малой родине [10]. Традиция проведения конкурса, заложенная в 2010 г. главой архивной службы региона, поддерживается и сегодня.

Самоотверженная работа и заслуги Галины Юрьевны, направленные на развитие архивного дела, регулярно высоко оценивались руководством страны, Федеральным архивным агентством и местной властью. Среди десятков федеральных и региональных государственных и ведомственных наград и мер поощрения, полученных юбиларшей за трудовую деятельность, особо выделяются орден «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (1998), медаль «Ветеран труда» (1991), нагрудный знак «Почётный архивист» (2018), Почётная грамота Правительства Омской области (2012), памятные медали «Патриот России» (2012) и «Омск. 300-летие» (2016).

В 2011 г. Губернатор Омской области Л. К. Полежаев поддержал идею создания Центра изучения истории Гражданской войны. Было изменено целевое предназначение особняка Батюшкиных, где в 1918–1919 гг.

располагалась Личная резиденция Верховного правителя А. В. Колчака. Здание передали Историческому архиву Омской области для создания выставочного и научно-просветительского подразделения. Подготовку к открытию Центра и разработку Концепции его деятельности по поручению областной администрации осуществляли заместитель Министра государственно-правового развития Аркадий Иванович Тарелкин и героиня нашего повествования. 13 января 2012 г. Центр был торжественно открыт, а его руководителем стала Галина Юрьевна [11]. Сплочённый ею коллектив быстро включился в работу. И уже вскоре Центр получил известность далеко за пределами региона, став одним из основных историко-культурных брендов Омска и гордостью архивной службы. Сегодня интеллектуальная площадка омских архивистов – колоритное общественное пространство. Опыт его деятельности убедительно доказал, что подобная форма архивной работы имеет высокую актуальность в деле популяризации истории и противодействия фальсификации прошлого (подр. см.: [12–14]).

Работа юбилярши в Центре изучения истории Гражданской войны стала истинной творческой стезей, где в то же время был полезен богатый опыт управленца. Галина Юрьевна в этой должности показала себя как активный популяризатор прошлого и хранимого в регионе документального наследия, проведя сотни просветительских мероприятий (презентаций, круглых столов, семинаров, дней открытых дверей, экскурсий и кинолекториев и др.), готовя материалы для средств массовой информации, участвуя, как спикер-эксперт, в работе конференций, съемках документальных фильмов. Она также занималась и подготовкой научных трудов, став автором в общей сложности порядка 100 работ, увидевших свет, в том числе, в ведущих рецензируемых изданиях страны. Тематика трудов закономерно расширилась, так, ряд публикаций Галина Юрьевна посвятила событиям и участникам Гражданской войны в Омском регионе, а также исторической фигуре адмирала А. В. Колчака. По словам юбилярши в это время при постоянном активном общении с публикой ей очень пригодились навыки педагога и гида, обретенные в 1970-е гг.

Г. Ю. Бородина являлась членом (в 2000–2011 гг. – председателем) экспертно-проверочной комиссии архивного управления, призванной обсуждать перед принятием ключевые решения в архивной сфере региона. Официальный пост, как и всегда, она совмещала с общественной нагрузкой, будучи в советский период секретарем первичной партийной организации, председателем профсоюзного комитета ГАОО; в 2000-е гг. – доверенным лицом кандидатов, наблюдателем, членом рабочей группы в рамках избирательных кампаний по выборам в органы государственной власти Российской Федерации и Омской области, членом Омского отделения РОИА, Общественного совета при Министерстве культуры Омской области, Омского отделения РВИО.

С 15 апреля 2021 г. Галина Юрьевна вышла на заслуженный отдых. За два месяца до этого она передала на постоянное государственное хранение в Исторический архив Омской области комплекс документов и фотодокументов составивший фонд личного происхождения. В этих источниках, уже доступных исследователям, представлен насыщенный трудовой путь историка-архивиста, отражающий развитие отрасли за текущие 40 лет².

С душой и сердцем – именно эти слова наиболее точно характеризуют работу юбилярши, которая не прерывает связи с коллегами и сегодня, будучи участником ключевых научных и творческих мероприятий, проводимых на базе Центра изучения истории Гражданской войны. Галина Юрьевна словом и делом – профессионализмом и преданностью идее сохранения прошлого ради будущего – помогает новому поколению историков-архивистов крепить лучшие традиции отрасли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Омской области и его филиал в г. Таре : путеводитель : в 2 ч. / редколл.: А. Д. Колесников [и др.] ; сост.: Г. Ю. Бородина [и др.]. – 2-е изд., перераб., и доп. – Омск : Ом. обл. тип., 1987.

² Исторический архив Омской области. Ф. Р-3852, 1 оп., 82 ед. хр., за 1952–2021 гг.

Г. Ю. Бородина, главный хранитель фондов ГАОО. 1988 г.

Г. Ю. Бородина, начальник архивного управления у строящегося нового здания Исторического архива Омской области. 2005 г.

Г. Ю. Бородина, руководитель Центра изучения истории Гражданской войны. 2011 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бородина Г. Ю.* Омский Трансмаш в истории семей Кутейниковых и Бородиных // Материалы X рег. науч.-практ. конф. «Вагановские чтения» (Тара, 2020 г.). – Омск : Амфора, 2020. – С. 99–103.
2. *Бородина Г. Ю.* Социальная история сквозь призму практической генеалогии (на примере представительниц омской семьи Алексеевых) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 13–14 ноября 2019 г.). – Омск : ОмГТУ, 2019. – С. 36–41.
3. *Кабакова Н. В.* Сибиряк, солдат, учёный, преданный Родине и готовый сражаться за неё до конца. Штрихи к портрету А. Д. Колесникова // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2021. – Т. 8, № 1. – С. 61–73. – DOI: 10.24147/2312-1300.2021.8(1).61-73.
4. *Бородина Г. Ю.* Строительство здания Исторического архива Омской области – под постоянным контролем // Отечественные архивы. – 2007. – № 6. – С. 124.
5. *Бородина Г. Ю.* Научное сообщество историков и архивистов Омской области // Вестник архивиста. – 2008. – № 3. – С. 44–50.
6. *Бородина Г. Ю.* О проблемах подготовки и переподготовки кадров историков-архивистов и документоведов в Омской области // Сибирь в социокультурном пространстве России : сб. науч. ст. – Омск : НОУ «ОГИ», 2004. – С. 102–105.
7. *Толочко А. П., Родионов Ю. П.* Развитие направления подготовки бакалавров и магистров «Документоведение и архивоведение» на историческом факультете Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2018. – № 1. – С. 19–22. – DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.19-22.
8. *Бородина Г. Ю.* Опыт партнёрства архивной службы Омского региона и Омского государственного технического университета (2000–2020) // Учёные Омска – региону : материалы V-й рег. науч.-техн. конф. (Омск, 13–14 октября 2020 г.) – Омск : ОмГТУ, 2020. – С. 32–36.
9. Пора вам должное воздать... Сборник об архивистах и для архивистов. – Омск : ОмГПУ, 2008. – 265 с.
10. *Бородина Г. Ю., Терехина Т. А.* В Омской области подведены итоги конкурса на лучший семейный архив // Отечественные архивы. – 2011. – № 3. – С. 122–123.
11. *Вибе П. П.* О памятнике Колчаку, музею Гражданской войны и Белой столице // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2012. – № 17. – С. 73–85.
12. *Сушко А. В., Петин Д. И.* Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А. В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2019. – Т. 4, № 4. – С. 9–17.

13. Чекалина Л. А. Центр изучения истории Гражданской войны как общественное пространство Исторического архива Омской области // Отечественные архивы. – 2022. – № 3. – С. 25–33.
 14. Федотова И. В. Отметив первый юбилей: обзор научных мероприятий в Омске к 10-летию центра изучения истории Гражданской войны // Сибирский архив. – 2022. – № 2. – С. 179–204.
-
-

Сведения об авторе

Петин Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, доцент (ВАК Россия), доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644050, Россия, Омск, пр. Мира, 11

E-mail: dimario86@rambler.ru

РИНЦ AuthorID: 742782

ORCID: 0000-0003-1614-8133

WoS ResearcherID: A-8542-2017

Информация о статье

Дата поступления
27 августа 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Петин Д. И. Историк-архивист душой и сердцем: к 70-летию Г. Ю. Бородиной // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 284–291. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).284-291.

D.I. Petin

HISTORIAN-ARCHIVIST WITH HEART AND SOUL: TO THE 70th ANNIVERSARY OF G.YU. BORODINA

The readers are presented with a brief analytical review of the biography and professional activities of Galina Yuryevna Borodina, a historian-archivist, local historian and public figure of the Omsk region, who headed in the period from 2003 to 2011. archival service of the region, which was at the origins of the creation and development of the innovation of the Historical Archive of the Omsk Region – Center for the Study of the History of the Civil War. In 2022, she celebrates her 70th birthday. She devoted most of her life to archiving, public civil service, as well as the study and popularization of historical knowledge through the prism of regional documentary heritage.

The relevance of the publication is connected, first of all, with the fact that the career development of the hero of the day fell on a fairly long period of time, during which a cardinal socio-political transformation took place in our country, which had a direct impact on the development of domestic archives, historical science and the formation of a new intelligentsia. The historiographical value of the presented work is seen in the fact that in the classical academic tradition this kind of generalizing material about G. Yu. Borodina is presented on the pages of a scientific publication for the first time. This is the main purpose of this publication.

The genre features of the presentation determined the theoretical basis of the article – this is the principle of consistency, anthropological approach, and comparative historical and historical biographical methods. Such a methodological combination made it possible to present the personality, professional and social activities of the hero of the day in the general context of the situation of the era that embraced the collapse of the Soviet state and society and their formation in the conditions of democratic Russia.

This publication may be of interest to a wide range of readers, primarily among them – researchers in the history of archiving, the intelligentsia, historical science and the local history movement in Western Siberia in the period from the 1970s to the 2020s.

Keywords: historical science; archives; local history; intelligentsia; government employees; anniversaries; Civil War; A.V. Kolchak; Omsk.

REFERENCES

1. Borodina G.Yu. Omskii Transmash v istorii semei Kuteinikovykh i Borodinykh [Omsk Transmash in the history of the Kuteinikov and Borodin families]. *Materialy X regionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Vaganovskie chteniya"* [Materials of the 10th region scientific-practical conferevce "Vaganov Readings"], Omsk, Amfora Publ., 2020, pp. 99-103. (in Russian).
2. Borodina G.Yu. Sotsial'naya istoriya skvoz' prizmu prakticheskoi genealogii (na primere predstavitel'nits omskoi sem'i Alekseevykh) [Social history through the prism of practical genealogy (on the example of representatives of the Omsk Alekseev family)]. *Grazhdanskaya voina na vostoке Rossiі: vzglyad skvoz'*

- dokumental'noe nasledie* [Civil War in the East of Russia: a look through the documentary heritage], Omsk, OmSTU Publ., 2019, pp. 36-41. (in Russian).
3. Kabakova N.V. A Siberian, a Soldier, a Scientist, Devoted to the Motherland and Ready to Fight for It to the End. Strokes to the Portrait of Alexander D. Kolesnikov. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2021, vol. 8, no. 1 (29), pp. 61-73. DOI: 10.24147/2312-1300.2021.8(1).61-73. (in Russian).
 4. Borodina G.Yu. Stroitel'stvo zdaniya Istoricheskogo arkhiva Omskoi oblasti – pod postoyannym kontrolem [Construction of the building of the Historical Archive of the Omsk Region – under constant control]. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic Archives], 2007, no. 6, p. 124. (in Russian).
 5. Borodina G.Yu. Nauchnoe soobshchestvo istorikov i arkhivistov Omskoi oblasti [Scientific community of historians and archivists of the Omsk region]. *Vestnik arkhivista* [Herald of An Archivist], 2008, no. 3, pp. 44-50. (in Russian).
 6. Borodina G.Yu. O problemakh podgotovki i perepodgotovki kadrov istorikov-arkhivistov i dokumentovedov v Omskoi oblasti [On the problems of training and retraining of personnel of historians, archivists and document specialists in the Omsk region]. *Sibir' v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii* [Siberia in the socio-cultural space of Russia], Omsk: NOU "OGI" Publ., 2004, pp. 102-105. (in Russian).
 7. Tolochko A.P., Rodionov Yu.P. Development of the Training Direction "Document Science and Archival Science" (Bachelors and Master's Degrees) at the Historical Department of Dostoevsky Omsk State University. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2018, no. 1 (17), pp. 19–22. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.19-22. (in Russian).
 8. Borodina G.Yu. Opyt partnerstva arkhivnoi sluzhby Omskogo regiona i Omskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (2000–2020) [The experience of partnership between the archival service of the Omsk region and the Omsk State Technical University (2000-2020)]. *Uchenye Omska – regionu* [Scientists of Omsk to the region], Omsk, OmSTU Publ., 2020, pp. 32-36. (in Russian).
 9. *Pora vam dolzhnoe vozdat'...* *Sbornik ob arkhivistakh i dlya arkhivistov* [It's time to pay tribute to you... A collection about archivists and for archivists], Omsk, OmGPU Publ., 2008. 265 p. (in Russian).
 10. Borodina G.Yu., Terekhina T.A. V Omskoi oblasti podvedeny itogi konkursa na luchshii semeynyi arkhiv [In the Omsk region the results of the competition for the best family archive were summed up]. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic Archives], 2011, no. 3, pp. 122-123. (in Russian).
 11. Vibe P.P. O pamyatnike Kolchaku, muzee Grazhdanskoi voiny i Beloi stolitse [About the monument to Kolchak, the Museum of the Civil War and the White Capital]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya* [Reports of the Omsk State Museum of History and Local Lore], 2012, no. 17, pp. 73-85. (in Russian).
 12. Sushko A.V., Petin D.I. Bitvy za pamyat': k voprosu o memorializatsii imeni admirala A.V. Kolchaka v Omske [Battles for memory: on the issue of memorialization of the name of Admiral A.V. Kolchak in Omsk]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity], 2019, vol. 4, no. 4, pp. 9-17. (in Russian).
 13. Chekalina L.A. Tsentr izucheniya istorii Grazhdanskoi voiny kak obshchestvennoe prostranstvo Istoricheskogo arkhiva Omskoi oblasti [Center for the Study of the History of the Civil War as a public space of the Historical Archive of the Omsk Region]. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic Archives]. 2022, no. 3, pp. 25-33. (in Russian).
 14. Fedotova I.V. Otmetyv pervyi yubilei: obzor nauchnykh meropriyatii v Omske k 10-letiyu tsentra izucheniya istorii Grazhdanskoi voiny [Having celebrated the first anniversary: a review of scientific events in Omsk on the occasion of the 10th anniversary of the Center for studying the history of the Civil War]. *Sibirskii arkhiv* [Siberian Archive], 2022, no. 2, pp. 179-204. (in Russian).

About the author

Dmitriy I. Petin – PhD in Historical Sciences, Associate Professor (HAC, Russian Federation), Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Communications of the Omsk State Technical University (Omsk, Russia)

Postal address: 11, Mira pr., Omsk, 644050, Russia

E-mail: dimario86@rambler.ru

RSCI AuthorID: 742782

ORCID: 0000-0003-1614-8133

WoS ResearcherID: A-8542-2017

Article info

Received
August 27, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Petin D.I. Historian-archivist with Heart and Soul: to the 70th Anniversary of G.Yu. Borodina. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 284-291. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).284-291 (in Russian).

УДК 327+327.3+929+930

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).292-299

С. В. Фоменко

«МЫ БЫЛИ ГОТОВЫ ПРОДОЛЖАТЬ НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ. НО ПРОИСХОДИВШИЕ В СТРАНЕ СОБЫТИЯ ПЕРЕЧЕРКНУЛИ НАШИ ПЛАНЫ...»

Вынесенная в заголовок статьи цитата принадлежит Савелию Вольфовичу (Владимировичу) Вольфсону. В № 1 (33) «Вестника Омского университета. Серия “Исторические науки”» за 2022 г. автор писал о начале научно-организаторской деятельности этого известного не только в Томске историка, позволяя себе иногда называть его просто СВ (по аналогии с 32-м президентом США – ФДР, т. е. Франклином Рузвельтом). То, что Савелий Вольфович, который для многих остаётся по-прежнему Савелием Владимировичем, в середине жизни восстановил отчество, полученное при рождении, является дополнительной к этому причиной. Цель данного сообщения – осветить деятельность возникшего осенью 1968 г. в Томском государственном университете в составе Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири сектора истории зарубежного молодёжного движения.

Ключевые слова: Савелий Вольфович (Владимирович) Вольфсон; Томский государственный университет; Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири; сектор истории молодёжного движения в развитых капиталистических странах; кафедра новой и новейшей истории ТГУ.

Сектор истории зарубежного молодёжного движения Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири (ПНИЛ ИАЭС) функционировал в самой тесной связи с двумя кафедрами всеобщей истории историко-филологического факультета Томского государственного университета (ТГУ). Для того, чтобы вовлечь в исследовательскую деятельность как можно больше людей, научные руководители его сотрудников, включая руководителя сектора, т. е. самого Вольфсона, и его зама, работали на общественных началах и зарплаты не получали. За все годы работы группы / сектора «был (лишь) один семестр (или, возможно, год), когда появилась возможность выплатить гонорар научным руководителям» [1, с. 32]. В группе практиковали приём на работу на неполную ставку, перевод людей в аспирантуру, чтобы на их место трудоустроить других, и т. п. Кандидатура каждого сотрудника нуждалась в личном одобрении заведующего одной из 2-х кафедр всеобщей истории. Отчёты сотрудников и их статьи обсуждались на кафедральных засе-

даниях, что «обеспечивало гарантию качества исследований, а при необходимости и защиту» самих исследователей [1, с. 33–34].

«Это время, – написала Г. Г. Супрыгина, – я вспоминаю с благодарностью, потому что мы, молодые сотрудники, приобрели неоценимый опыт коллективной работы. Мы также постоянно получали помощь в нашем становлении со стороны преподавателей кафедры новой и новейшей истории и учились у них тому, что сейчас называется корпоративной культурой. На историческом факультете всегда было у кого поучиться – и на конференциях, и на методологическом семинаре, посещение которого было обязательным. Кроме этого, Савелий Владимирович, используя свои связи в КМО (Комитете молодёжных организаций СССР), в столичных вузах, обеспечивал нам возможность участия в конференциях по проблемам международного молодёжного движения в странах Запада, на которых выступали известные советские учёные (конференциях в Москве, Минске, Ростове-на Дону, Ростове Великом). На этих конференциях, когда речь шла о странах

Востока, об Израиле, нередко полемически заостренно выступал и он сам, демонстрируя отнюдь не провинциальную глубину и нестандартность суждений. Ряд сотрудников при содействии С. В. Вольфсона участвовали в работе международных молодёжных лагерей. Несколько молодых сотрудников в результате его усилий получили счастливую возможность поехать на последний в истории СССР XII Всемирный фестиваль молодёжи и студентов летом 1985 г.»¹.

21–22 сентября 1972 г. группа «молодёжников» и сама провела научный симпозиум «Положение и борьба трудящейся молодёжи развитых стран Запада». В этом мероприятии, организованном ТГУ совместно с Томским обкомом ВЛКСМ и КМО СССР, помимо томичей принял участие целый ряд учёных из Института международного рабочего движения АН СССР и Высшей комсомольской школы (ВКШ), Института мировой экономики и международных отношений АН СССР и Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза². Правда, более такого рода солидных мероприятий организовать не удалось из-за невозможности для ТГУ оплачивать командировки их иногородних участников. Зато сами сотрудники группы / сектора участвовали практически во всех крупных мероприятиях ВКШ и КМО, включая и международные. Никогда не забуду той робости, которую испытала, обнаружив, что советскую «часть» международной конференции по случаю 50-летия образования Коммунистического интернационала молодёжи (1969 г.) составили работники ЦК ВЛКСМ, КМО, ВКШ и мы, 6 томичей.

Крошечная часть нужных всеобщникам источников и литературы стала доступна к 1970-м гг. и в Томске благодаря развитию межбиблиотечного абонементу. Но книги (преимущественно из Москвы) поступали в библиотеку ТГУ только на срок до месяца и лишь из фондов открытого доступа. Поэтому столица оставалась для нас такой же, как Мекка для верующих – желанной, но не очень доступной.

Иногда дело упиралось в деньги, но в целом даже студент-отличник при стипендии в 45 руб. мог позволить себе полёт в Москву, ибо авиабилет стоил 46 руб., а в период сво-

ей ежегодной 10-месячной учёбы студенты ещё пользовались льготами в виде половинной оплаты проезда на транспорте. «Чистая» же зарплата младшего научного сотрудника (мнс) составляла 90 с небольшим рублей, и, кроме того, мнс практически всегда обеспечивались командировочными средствами.

Препятствием являлась, однако, проблема проживания в столице. В те годы просто так поселиться в гостиницах Москвы было практически невозможно из-за малого там количества мест. (Однажды сотрудник нашего сектора более половины своей месячной командировки прожил в столице на одном из вокзалов, ночуя не в его комнатах отдыха, а на обычной вокзальной скамейке.) И сколько усилий тратил Савелий Владимирович на то, чтобы обеспечить проживание кого-нибудь из нас, допустим, в общежитии ВКШ или МГУ или в Доме аспиранта и стажёра этого университета. Иногда ему удавалось «пробить» для нас стажировки в академических институтах, но, к сожалению, например, Институт международного рабочего движения, в котором стажировалась в 1972 г. я, жильём не обеспечивал. И только после того, как СВ призвал на помощь женской части «молодёжников» и «международников» свою тётю³, у некоторых, включая и меня, отпали проблемы с проживанием в столице.

Приезжая в Москву, мы старались приходить в ту или иную библиотеку к её открытию и работали в ней до момента закрытия. Поскольку нужная информация находилась почти исключительно в фондах специального хранения (спецхран), даже после появления первых ксероксов мы не могли ими пользоваться; всю информацию приходилось переписывать от руки, а дома, подготовив какую-либо публикацию, печатать её на пишущей машинке, боясь сделать много ошибок, потому что с ними, даже аккуратно исправленными, текст в печать могли и не принять, и его нужно было перепечатывать заново⁴.

Вопреки этим трудностям, неизвестным людям компьютерной эпохи и эры нового российского капитализма, молодёжный сектор ПНИЛ ИАЭС сделал немало, несмотря на то, что собственно «молодёжников» в нём трудилось одновременно, как правило, не более 6–8 человек. В 1971–1976 гг. было подго-

товлено и издано 7 сборников статей «Вопросы истории международного молодежного движения», в 1981–1987 гг. – ещё 4 таких же сборника⁵. В 1987 г. С. В. Вольфсоном, Г. Б. Рябовой, Г. Г. Супрыгиной, А. Г. Тимошенко, С. В. Фоменко, Н. С. Черкасовым, О. И. Ющенко, а также доктором исторических наук из ВКШ В. П. Мошнягой была опубликована коллективная монография о политике правящих кругов развитых капиталистических стран в отношении молодежи⁶.

Важно то, что эти публикации пользовались спросом. Как свидетельствует СВ, «максимальный тираж издаваемых в те годы в ТГУ сборников и монографий был ограничен 200 экземплярами». Но сборники группы / сектора издавались тиражом, как правило, в 500–700 и даже в 1000 экз. (сборники 1986–1987 гг.). При этом «заявки на наши публикации иногда превышали наши возможности более чем вдвое» [1, с. 37]. Заявки поступали от тех обкомов, крайкомов, местных комитетов комсомола, работники которых хотели знать о молодежи как можно больше, а главное, получить подспорье в работе с нею в виде обобщения международного опыта.

Практически все «молодёжники» стали кандидатами наук. Под руководством Савелия Владимировича в 1977–1979 гг. было защищено 4 диссертации по молодежной тематике: Фоменко С. В. «Политика руководства лейбористской партии Великобритании по укреплению влияния лейборизма среди молодежи (1959–1970 гг.)» – 1977 г.; Бандорина Е. В. «Политика консервативной партии Великобритании по отношению к молодежи (конец 50-х – 60-е годы)» – 1977 г.; Тимошенко А. Г. «Молодежная политика администраций Дж. Кеннеди и Л. Джонсона» – 1978 г.; Рябова Г. Б. «Политика правого крыла республиканской партии США и ультраправых организаций по отношению к молодежи (1961–1968 гг.)» – 1979 г.

Из подопечных Н. С. Черкасова в 1978–1986 гг. защитились пятеро: Идаятов В. А. «Политика правящих кругов Франции в отношении высшей школы в 1968–1976 гг.» – 1978 [2, с. 115] или 1979 [3, с. 409]; Супрыгина Г. Г. «Политика Социал-демократической партии Германии по отношению к молодежи (1966–1976 гг.)» – 1979 г.; Мику-

шов В. В. «Основные направления деятельности “профсоюзной молодежи” в Объединении немецких профсоюзов (1966–1982 гг.)» – 1984 [2, с. 116] или 1985 г. [3, с. 409]; Бяликова Т. А. «Политика СДПГ-СвДП и внутривнутриполитическая борьба в ФРГ в связи с реформой высшей школы (1969–1982 гг.)» – 1986 г.; Ющенко О. И. «Политика партий ХДС/ХСС Федеративной Республики Германии по отношению к молодежи (1969–1982 гг.)» – 1986 г. [3, с. 409–410].

Особенно хочется подчеркнуть то, что из-за отсутствия в ТГУ до середины 1980-х гг. диссертационного совета по специальности 07.00.03 (всеобщая история) «молодёжникам» приходилось защищать свои диссертации в Московском государственном университете (Бандорина, Фоменко), в Московском педагогическом институте им. В. И. Ленина (Рябова, Супрыгина), в Институте США и Канады (Тимошенко)... Эти же солидные вузы и академические институты, а также Институт всеобщей истории выступали нередко на защитах и в роли «ведущих учреждений». Среди оппонентов по диссертациям об Англии значились известные англоведы: И. Н. Ундасынов, В. В. Песчанский, Ф. Э. Бурджалов, а оппонентами при защите кандидатских по сюжетам германской истории выступали не менее известные в среде германистов П. Ю. Рахшир, А. И. Борозняк... Отзывы томичам-американистам писали Е. Ф. Язьков и даже академик Г. Н. Севостьянов.

Созданный СВ сектор «молодёжников» ПНИЛ ИАЭС обладал потенциалом превратиться со временем в достаточно солидную структуру – в своего рода региональный Институт молодежи⁷, который занимался бы не только академическими исследованиями, но и оказывал бы положительное воздействие на молодежную политику как местных, так и центральных властей, в том числе за счёт подготовки / переподготовки нужных для проведения этой политики кадров.

Частично образцом для подражания здесь являлся возникший в июне 1990 г. на базе ВКШ Институт молодежи. Призванный готовить кадры комсомольских работников, институт (и прежде всего его Научно-исследовательский центр, возглавляемый с 1984 г. И. М. Ильинским) сыграл немалую роль в деле пробуждения в нашем обществе по-

настоящему глубокого внимания к молодёжи. Ильинский впоследствии напишет: «Идею разработки новой, сильной государственной молодёжной политики в СССР не понимал и не принимал никто: ни партийные, комсомольские и государственные чиновники, ни учёные, в том числе “молодёжники”. ...День за днём, месяц за месяцем, год за годом мы бились в стены невежества, предрассудков и мифов... прежде чем в массовое общественное сознание стало приходить прозрение и просвещение, прежде чем миллионы людей стали поддаваться нашему напору, нашим взглядам и убеждениям, начали говорить на том языке, которому мы их обучали: “молодёжная политика”, “комитет по делам молодёжи”, “социальная служба молодёжи”, “ювенальная юстиция”, “социальный работник”» [4, с. 467–468]. Здесь я, правда, поспорила бы с автором, ставшим «признанным классиком исследования проблем государственной молодёжной политики» в нашей стране [5]. Перечисленные и подобные им слова и выражения, которых, по выражению Ильинского, «тогда просто не существовало ни в научном, ни в обывденном словаре», вне зависимости от москвичей использовали также и сотрудники молодёжного сектора ПНИЛ ИАЭС Томского университета, хотя при формулировании тем их публикаций и диссертаций излишняя осторожность академических кругов долгое время неизменно брала верх.

Изыскания «молодёжников» ТГУ также вполне могли найти выход в область практики, что наглядно продемонстрировала, например, Г. Б. Рябова. Когда с конца XX в. в Томской академии систем управления и радиоэлектроники началась подготовка студентов по специальности «работа с молодёжью», именно Рябова разработала курсы: «Международный опыт молодёжной политики», «История молодёжных организаций в России и за рубежом», «Молодая семья»... Но когда подобные специальности появились в вузах, молодёжного сектора ПНИЛ ИАЭС уже не было.

По мере роста достижений сектора ряды «молодёжников», как ни странно, стали таять. Защитив кандидатские диссертации, люди стремились найти себе место на вузовских кафедрах, поскольку при «грязной» зарплате

мнс в 105 руб. (а ставок старшего научного сотрудника в лаборатории было мало) старший преподаватель кафедры получал минимум 280 руб. Часть вообще уезжала из Томска туда, где кандидат наук мог достаточно быстро получить жильё.

Но окончательный удар по сектору истории международного молодёжного движения нанесла контрреволюция 1990-х гг. и сократившееся почти до нуля в её условиях финансирование в вузах «непреподавательской» деятельности. Как выразился сам СВ, «мы были готовы продолжать наши исследования. Но происходившие в стране события поставили крест на наших планах – инфляция, масштабы которой сейчас трудно представить, свела на нет финансирование наших исследовательских проектов» [1, с. 40].

Дело, однако, не сводилось к одной лишь инфляции. На исходе советской власти руководство СССР, казалось, озаботились проблемами молодёжи. В 1990 г. появился Уполномоченный при Президенте СССР по делам молодёжи. 16 апреля 1991 г. был принят «Закон об общих началах государственной молодёжной политики в СССР». Летом 1991 г. в новом российском правительстве был создан Госкомитет РСФСР по делам молодёжи, а в конце 1991 г. появилась должность полномочного представителя правительства по делам молодёжи. 16 сентября 1992 г. был образован Государственный комитет Российской Федерации по делам молодёжи (Госкомитет РФ по делам молодёжи). Вплоть до 1991 г. существовал Совет по координации научных исследований проблем молодёжи, который объединял 424 учёных и более тысячи участников научных проектов [6, с. 3] и т. д.

Но уже в ноябре 1991 г., когда началась реструктуризация всех государственных структур СССР, был ликвидирован Госкомитет по молодёжной политике с передачей его функций министерству образования. В 1992 г. из закона РФ «Об образовании» оказался изъят один из двух компонентов, составляющих (наряду с обучением) понятие «образование» – воспитание. В 1994 г. из штатных расписаний школ, ссузов и вузов исчезли должности работников, занимавшихся воспитанием школьников и студентов. Тем самым закон «Об образовании» превра-

тился в закон «Об обучении», а фактически – в закон об оказании «образовательных услуг». В 1995 г. правительство РФ даже запретило распространение доклада Госкомитета РФ по делам молодёжи, поскольку его авторы били тревогу по поводу неизбежного резкого падения духовно-нравственного развития детей и молодёжи, «и без того уже низкого» [5, с. 5–6; 7].

В этих условиях последним крупным проявлением изысканий «молодёжников» ТГУ стали 2 коллективные монографии начала 1990-х гг., научным редактором и одним из соавторов которых выступил Н. С. Черкасов. Последняя из них вышла – при участии Ю. В. Маковского, Г. Г. Супрыгиной, Т. А. Бяликовой и О. И. Ющенко – в год смерти Николая Сергеевича – в 1993 г.⁸ Но она уже была написана авторами, работавшими не в ПНИЛ ИАЭС, а на разного рода вузовских кафедрах.

Последние 2 кандидатские диссертации по молодёжной тематике были подготовлены в 1990-е гг. тоже «обычными» аспирантами кафедры новой и новейшей истории ТГУ, точнее, аспирантами Савелия Владимировича. А. А. Стуканов защитил в 1990 г. диссертацию «Молодёжная политика администрации президента Рейгана, США (1981–1988 гг.)», а Л. В. Дериглазова в 1994 г. – диссертацию «Антиядерное движение и его влияние на процессы формирования взглядов молодёжи по проблемам войны и мира в США (80-е годы)».

В 1997 г. Госкомитет РФ по делам молодёжи попытался сформировать банк данных о российских исследователях и научных организациях, занимавшихся изучением проблем молодёжи, а также о текущих и планируемых проектах в различных областях науки о молодёжи.

Из томичей, занимавшихся проблемами молодёжи, в банке оказалось лишь 6 сотрудников различных подразделений ТГУ и преподаватели кафедры философии Томской академии систем управления и радиоэлектроники. Работавшая на этой кафедре уже упомянутая доцент Г. Б. Рябова значилась как эксперт по проблеме «Социальные и мировоззренческие ориентации студенческой молодёжи», а доцент ТГУ Вольфсон – как эксперт по вопросам зарубежного опыта мо-

лодёжной политики и систем образования [6, с. 119–120, 187].

Савелий Владимирович, конечно же переживал, но не впал в уныние. В начале постсоветского периода нашей истории он взялся за реализацию фактически двух новых научных проектов, один из которых был связан с международными отношениями, а второй – с историей Востока. И здесь он опять добился немалого.

Рискну также предположить: если бы даже сектор «молодёжников» продолжил своё существование, руководитель постепенно стал бы его поворачивать в сторону от Запада. Не случайно уже в 1975 г. СВ отправил 3-х студентов в Новосибирск на двухлетние курсы изучения японского языка. Причиной являлось не только уже достаточно глубокое постижение учёным сложнейшей современной истории Востока, но и даввшее о себе знать интуитивное понимание: будущее цивилизации рождается явно не на Западе. СВ вновь уловил вектор времени.

В целом в сложнейший для страны период Савелий Владимирович не только выжил сам как преподаватель, учёный и организатор науки, но и создал условия для продолжения активной деятельности части подготовленных им кадров, оказавшихся, казалось бы, в безвыходной ситуации. Что не менее важно, он помог поступательному развитию истфака ТГУ и предотвращению его стагнации. Как СВ это удалось, этот вопрос достоин стать, однако, предметом особого рассмотрения – возможно, даже монографического – ибо речь в нём должна идти о роли доцента С. В. Вольфсона в создании в 1991 г. отделения международных отношений Высшей школы экономики ТГУ, которое станет затем отделением международных отношений истфака ТГУ, а также трёх из девяти [8, с. 15] имевшихся на историческом факультете к 2009 г. кафедр: мировой политики, европейских языков и востоковедения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Я с теплом вспоминаю время работы в лаборатории под руководством Савелия Владимировича ещё и потому, – продолжала Г. Г. Супрыгина, – что в ней присутствовал дух коллективизма, присущий ушедшей эпохе не только в работе, но и во взаимоотношениях. Мы отмечали совме-

стно праздники, юбилеи, ездили на сельхозработы, сдавали нормы ГТО, знали проблемы своих коллег, по возможности помогали друг другу. Многие сотрудники лаборатории до настоящего времени сохраняют дружеские отношения или хотя бы проявляют интерес к своим бывшим сослуживцам» (Неопубликованный материал Галины Гавриловны Супрыгиной, подготовленный к 18 февраля 2021 г. – к 90-летию С. В. Вольфсона).

² См.: Положение и борьба трудящейся молодёжи развитых капиталистических стран Запада. Научный симпозиум : тезисы докладов и сообщений. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. – 56 с.

³ Нельзя не упомянуть эту удивительно стойкую, всё понимающую и добрую тётю СВ – Розу Марковну Кобленц. В 1930-х гг. то ли за поддержку идеи создания Еврейской республики в Крыму, то ли из-за знакомства с самим Львом Троцким был арестован её муж и почти сразу же расстрелян. А она оказалась в лагере. В период заключения Розы Марковны умерла её дочь, оставленная на бабушку, но сын Юрий, с началом войны в возрасте 16 лет ставший юнгой на корабле, выжил. После реабилитации Роза Марковна получила комнату в двухкомнатной московской «хрущёвке». И именно в ней, стесняя хозяйку, то и дело стали останавливаться приезжавшие для работы в московских библиотеках томички из числа сотрудников ПНИЛ ИАЭС и кафедр всеобщников ТГУ.

⁴ Высшая аттестационная комиссия СССР – этот грозный ВАК, если не ошибаюсь, допускал в получаемых им текстах диссертаций не более 4 исправлений на странице.

⁵ Вопросы истории международных отношений и международного молодёжного движения : сб. ст. и сообщений / ред. С. С. Григорьевич, С. В. Вольфсон. – Томск : Изд-во ТГУ, 1971. – 178 с.; Вопросы истории международного молодёжного движения. Выпуск 2 / ред. С. В. Вольфсон, Н. С. Черкасов. – Томск : Изд. ТГУ, 1973. – 164 с.; Вопросы истории международного моло-

дёжного движения и всеобщей истории. Выпуск 3 / ред. С. В. Вольфсон, Н. С. Индукаева, Н. С. Черкасов. – Томск : Изд-во ТГУ, 1973. – 235 с.; Вопросы истории международного молодёжного движения / ред. С. В. Вольфсон, Н. С. Черкасов. – Томск : Изд-во ТГУ, 1974. – 148 с.; Вопросы истории международного молодёжного движения. Выпуск 4 / ред. С. В. Вольфсон, Н. С. Черкасов. – Томск : Изд-во ТГУ, 1975. – 238 с.; Вопросы истории международного молодёжного движения. Выпуск 5 / ред. С. В. Вольфсон, В. П. Мошняга, Н. С. Черкасов. – Томск : Изд-во ТГУ, 1976. – 184 с.; Вопросы истории международного молодёжного движения. – Томск : Изд-во ТГУ, 1981. – 147 с.; Вопросы истории международного молодёжного движения (выпуск 7) : сб. ст. / под ред. С. В. Вольфсона. – Томск : Изд-во ТГУ, 1983. – 145 с.; Вопросы истории международного молодёжного движения : сб. ст. Выпуск 8 / отв. ред. С. В. Вольфсон – Томск : Изд-во ТГУ, 1985. – 138 с.; Вопросы истории международного молодёжного движения : сб. ст. Выпуск 9 / отв. ред. С. В. Вольфсон. – Томск : Изд-во ТГУ, 1987. – 136 с.

⁶ Политика правящих кругов развитых капиталистических стран в отношении молодёжи (60–80-е гг.) / отв. ред. С. В. Вольфсон. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. – 256 с. (Но в библиографическом описании годом выпуска монографии значится 1986).

⁷ Не исключено, что сектор мог превратиться и в Институт ювенологии, в рамках которого при изучении молодёжи как специфической социально-демографической группы населения объединялись бы самые разные научные подходы.

⁸ ФРГ: молодёжь и молодёжная политика (60–80-е гг.) / Н. С. Черкасов, О. И. Ющенко, Т. А. Бяликова и др. ; под ред. Н. С. Черкасова (отв. ред.), А. Г. Тимошенко. – Томск : Том. гос. ун-т, 1990. – 193 с.; Германия: фашизм, неофашизм и молодёжь / отв. ред. Н. С. Черкасов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. – 176 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вольфсон С. В.* Изучение международного молодёжного движения в Томском государственном университете // Европа и Европейский союз глазами учёных / под ред. Л. В. Дериглазовой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. – С. 29–42.
2. *Дериглазова Л. В., Румянцев В. П.* Томское региональное отделение // Европейские исследования в России (1992–2017 гг.) / под общ. ред. О. В. Буториной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. – С. 107–122.
3. *Черкасов Н. С.* О германском фашизме и антифашистском сопротивлении. Избранные труды. – Томск : Изд-во Института оптики атмосферы СО РАН, 2006. – 422 с.
4. *Ильинский И. М.* Молодёжь и молодёжная политика. Философия. История. Теория. – М. : Голос, 2001. – 696 с.
5. *Ильинский И. М.* Государственная молодёжная политика в СССР. – М. : Изд-во МосГУ, 2017. – 432 с.
6. Кто изучает проблемы молодёжи. Российские исследователи и научные организации : справочник. – М. : Учреждение «Центр программно-технического управления Федеральной системы информационного обеспечения молодёжи», 1997. – 208 с.

7. Касьянов В. В. Методология изучения исторического опыта разработки и реализации российской молодёжной политики // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 1. – URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2010/1/istoriya/kasyanov.pdf (дата обращения: 12.08.2021).
8. Зиновьев В. П. Исторический факультет Томского государственного университета в 2004–2008 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2009. – № 1 (5). – С. 14–24.

Сведения об авторе

Фоменко Светлана Владимировна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: fomenk@gmail.com

РИНЦ AuthorID: 784436

ORCID: 0000-0002-6561-1916

Информация о статье

Дата поступления

5 июля 2022 г.

Дата принятия в печать

15 октября 2022 г.

Для цитирования

Фоменко С. В. «Мы были готовы продолжать наши исследования. Но происшедшие в стране события перечеркнули наши планы...» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 292–299. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).292-299.

S.V. Fomenko

“WE WERE READY TO CONTINUE OUR RESEARCH. BUT THE EVENTS THAT TOOK PLACE IN THE COUNTRY CROSSED OUT OUR PLANS...”

The quote in the title of the article belongs to Savely Volfovich (Vladimirovich) Wolfson. In issue 1 (33) of this Vestnik for 2022, the author wrote about the beginning of the scientific and organizational activities of this historian, well-known not only in Tomsk, sometimes allowing himself to call him simply SV – by analogy with FDR – the 32nd President of the USA. The fact that Volfovich, who for many still remains Savely Vladimirovich, in the middle of his life restored the patronymic received at birth, is an additional reason for this. The purpose of this report is to highlight the activities of the sector of the history of the foreign youth movement which was created in 1968 at Tomsk State University as part of the Problem Research Laboratory of the History, Archaeology and Ethnography of Siberia.

Some of the sources needed by novist historians became available by the 1970s. and in Tomsk thanks to the development of interlibrary loans. But the books (mostly from Moscow) came to the TSU library only for up to a month and only from open access funds. Therefore, the capital remained for us the same as Mecca for believers – desirable, but not very accessible. It was almost impossible to settle in hotels in Moscow because of the small number of places there. And how much effort SV spent on ensuring that one of us lived in a hostel of the Higher Komsomol School (HKSh) or Moscow State University.

In Moscow, we would come to this or that library at the time of its opening and work in it until the moment it was closed. Since the necessary information was almost exclusively in special storage funds, even after the appearance of copiers, we could not use them; information had to be rewritten by hand.

Despite the difficulties unknown to the people of the computer age and the era of new Russian capitalism, the youth sector of the Laboratory did a lot, despite the fact that, as a rule, no more than 6–8 actual “youth specialists” worked in it simultaneously. 11 collections of articles “Issues of the history of the international youth movement” were prepared in 1971–76 and 1981–87. In 1987, collective monograph was published on the youth policy of the ruling circles of developed capitalist countries. The maximum circulation of books published in those years at TSU was limited to 200 copies. But the collections of the sector were published in the amount of 500–700 and even 1000 copies. Almost all the “youth specialists” became candidates of science. Under the leadership of SV 4 dissertations were defended in 1977–79. Five persons had defended themselves on youth topics in 1978–86 from Cherkasov wards.

The sector of “youth specialists”, created by SV, had the potential to turn over time into a regional Institute of Youth, which would be engaged not only in academic research, but also would have a positive impact on the youth policy of the authorities, including through the training/retraining of personnel necessary for implementing this policy. The model for imitation here was the Youth Institute, which arose on the basis of the Higher Komsomol School in 1990.

The counter-revolution of the 1990s dealt an irreparable blow to the sector of the history of the international youth movement. The last 2 dissertations on youth topics were prepared in 1990-1994 by "ordinary" graduate students of the Department of Modern and Contemporary History of TSU, more precisely, by graduate students of SV. And in the same years, the last 2 collective monographs were published under the editorship and with the participation of N.S. Cherkasov.

Keywords: Savely Volfovich (Vladimirovich) Wolfson; Tomsk State University; Problem Research Laboratory of History, Archaeology and Ethnography of Siberia; a sector of the history of the youth movement in developed capitalist countries; Department of Modern and Contemporary History, TSU.

REFERENCES

1. Vol'fson S.V. Izuchenie mezhdunarodnogo molodezhnogo dvizheniya v Tomskom gosudarstvennom universitete [Studying the international youth movement at Tomsk State University]. Deriglazova L.V. (ed.). *Evropa i Evropeiskii soyuz glazami uchenykh [Europe and the European Union by the eyes of scientists]*, Tomsk, Tomsk State University Publ., 2018, pp. 29-42. (in Russian).
2. Deriglazova L.V., Rumyantsev V.P. Tomskoe regional'noe otdelenie [Tomsk regional department]. Butorina O.V. (ed.). *Evropeiskie issledovaniya v Rossii (1992–2017) [European studies in Russia (1992-2017)]*, Tomsk, TSU Publishing House, 2017, pp. 107-122 (in Russian).
3. Cherkasov N.S. *O germanskom fashizme i antifashistskom soprotivlenii. Izbrannyye trudy [About German fascism and anti-fascist resistance. Selected Works]*, Tomsk, Publishing house of the Institute of Atmospheric Optics SB RAS, 2006, 422 p. (in Russian).
4. Il'inskiy I.M. *Molodezh' i molodezhnaya politika. Filosofiya. Istoriya. Teoriya [Youth and youth policy. Philosophy. History. Theory]*, Moscow, Golos Publ., 2001, 696 p. (in Russian).
5. Il'inskiy I.M. *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v SSSR [State youth policy in the USSR]*, Moscow, Publishing House of Moscow Humanitarian University, 2017, 432 p. (in Russian).
6. *Kto izuchaet problemy molodëzhi. Rossiiskie issledovateli i nauchnye organizatsii [Who studies the problems of youth. Russian researchers and scientific organizations]*, directory, Moscow, Establishment "Center for software and technical management of the Federal system of information support for youth" Publ., 1997, 208 p. (in Russian).
7. Kas'yanov V.V. Metodologiya izucheniya istoricheskogo opyta razrabotki i realizatsii rossiiskoi molodezhnoi politiki [Methodology for studying the historical experience of developing and implementing Russian youth policy]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 2010, no. 1, available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/1/istoriya/kasyanov.pdf (accessed: 12.08.2021). (in Russian).
8. Zinov'ev V.P. Istoricheskii fakul'tet Tomskogo gosudarstvennogo universiteta v 2004–2008 gg. [Faculty of History of Tomsk State University in 2004-2008]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of the Tomsk State University. History]*, 2009, no. 1 (5), pp. 14-24. (in Russian).

About the author

Svetlana V. Fomenko – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of World History of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: fomenk@gmail.com

RSCI AuthorID: 784436

ORCID: 0000-0002-6561-1916

Article info

Received
July 5, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Fomenko S.V. "We Were Ready to Continue Our Research. But the Events that Took Place in the Country Crossed Out Our Plans...". *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 292-299. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).292-299 (in Russian).

УДК 929+394

DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(4).300-309

В. И. Терентьев

ПОСЛЕДНИЙ ТРИКСТЕР СИБИРСКОЙ ЭТНОГРАФИИ (К 70-ЛЕТИЮ ВАЛЕРИЯ МАКАРОВИЧА КИМЕЕВА)

Рассматриваются трикстерные черты в жизни, личности и характере сибирского этнографа и музееведа, доктора исторических наук, доцента, профессора кафедры археологии КемГУ Валерия Макаровича Кимеева. В качестве атрибутов трикстера обозначаются пять наиболее характерных признаков. Выделенные теоретиками характеристики прослеживаются в научно-педагогической и общественной деятельности В. М. Кимеева. В результате проведенных наблюдений вырисовывается портрет оригинального, самобытного и неутомимого исследователя, имя которого можно ставить в один ряд с другими не фольклорными, а существовавшими реально советскими трикстерами – культурными героями.

Ключевые слова: Валерий Макарович Кимеев; трикстер; экомусеи; Горная Шория; Монголия.

21 октября 2022 г. исполняется 70 лет Валерию Макаровичу Кимееву (1952–2021) – исследователю, имя которого в российской этнографической науке не нуждается в представлении. В результате идеи, высказанной руководством Кузбасского музея-заповедника «Томская Писаница», и стараний редколлегии журнала «Учёные записки музея-заповедника “Томская Писаница”» (в особенности, главного редактора А. Н. Мухаревой), 13-й выпуск за 2021 г. указанного журнала был посвящён жизни и деятельности Валерия Макаровича. Также благодаря незаурядным организационным навыкам и опыту сотрудников и директора музея «Археология, этнография и экология Сибири» Н. А. Белоусовой, преподавателей Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, директора Музея этнографии и природы Горной Шории Н. А. Шихалевой и многим другим причастным учёным лицам Кемеровской области, упомянуть которых не позволяет затянувшаяся преамбула, в июне 2021 г. была проведена Всероссийская научная конференция памяти Валерия Макаровича «Этническое наследие: изучение, музеефикация, актуализация», о которой опубликовал отзыв крупнейший омский эт-

нограф, доктор исторических наук, профессор Н. А. Томилов [1].

В представленных материалах содержится большое количество информации о В. М. Кимееве как биографического плана, так и сведений о направлениях и формах его научных исследований. Тем не менее в жизни и творчестве Валерия Макаровича остаётся ещё множество сюжетов, которые требуют своего современного осмысления. Один из таких связан с довольно удивительными и неоднозначными особенностями его личности, которые не сразу можно ёмко описать или охарактеризовать, но которые определяли модель его поведения как на научном поприще, так и в повседневной жизни. Все они связаны с образом трикстера, сгенерированного в своё время антропологом П. Радиным в процессе исследования им мифологии североамериканских индейцев и раскрытого известным психологом К. Г. Юнгом в качестве одного из «архетипов коллективного бессознательного».

В данной статье попытаюсь разглядеть образ трикстера (англ. *trickster* – «трюкач, хитрец, обманщик») в жизни и личности Валерия Макаровича. Поочередно выделим признаки-атрибуты трикстера в поведении

и деятельности В. М. Кимеева, иллюстрируя каждый из них конкретными примерами из жизни сибирского этнографа. Попытка сгруппировать эти примеры по конкретным признакам носит, скорее, технический характер с целью структурирования представленного текста, поскольку одни случаи из реальной жизни Валерия Макаровича взаимодополняются другими и, одновременно, подпадают под несколько атрибутов, систематизированных А. Р. Ахметшиным и А. В. Горбатовым [2]. Важно помнить, что трикстер часто не вписывается ни в какие классификации, неся в себе черты, одновременно, шута и культурного героя, презираемого чужака и абсолютно своего в любом обществе, разрушителя и установителя правил [3, с. 119]. Трикстер выступает медиатором / посредником, «примиряющим и сводящим в непротиворечивое целое все возможные противоречия» [4, с. 38].

Трикстер – архетип пограничного плана, балансирующий на тонкой линии, отделяющей продуктивное созидание от негативного разрушения. Трикстер – это непредсказуемый, непостоянный, обаятельный тип. Не-

редко авторы, затрагивающие эту тему, концентрируются при анализе образа трикстера на нём как на символе цинизма и отсутствия всех норм, в первую очередь моральных. Такой подход безопасен для исследователя в применении к герою – персонажу фольклора, мифологии или поэзии. Исследование же реальной личности ставит перед нами не только конкретные этические границы, но и в определённой степени корректирует диапазон привычных маркеров-индикаторов архетипа трикстера, когда аморальность героя становится, скорее, внеморальностью (как, например, это было у трикстеров – деятелей советской культуры [5]).

Итак, первым признаком трикстера специалисты в этой теме обозначают *игровой характер действий*.

Подбирая слова и метафоры в процессе подготовки своих прошлогодних воспоминаний [6], мне показалось, что именно образ игры в некоторой степени характеризует В. М. Кимеева как личность. Валерию Макаровичу было присуще уникальное сочетание серьёзных академических изысканий, вплетённое в игровую манеру поведения (рис. 1, 2).

Рис. 1. Обработка ореха. Горная Шория. 1985 г.
(Музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, ОФ 459-5)

Рис. 2. Шорская гармония. 1984 г. (МЗТП КПОФ 2729)

Реализация задуманных идей на практике, сам интеллектуальный труд этнографа проходили в лёгкой, непринуждённой форме. Как итог, возникало полное вживание в конкретную роль, проигрывание модели поведения, которая вырабатывалась в процессе творческого поиска. Нередко эта игра была способом ухода от окружающей и не удовлетворявшей его социальной реальности, вследствие чего В. М. Кимеев постоянно расширял не только своё этнографическое исследовательское поле, но и «вторгался» в смежные научные дисциплины, ломая устоявшуюся в музееведении модель сохранения и презентации культурного наследия, разрушая, по ходу своего движения, стереотипное представление о строгом, напыщенном учёном-исследователе. Но тут мы уже перескакиваем в следующие теоретические атрибутивные признаки трикстера, поэтому вернёмся к намеченной проблематике чуть позже.

Игра трикстера – это, по существу, воплощение его «авантюрного типа личности» [7, с. 100]. Подтверждая эту характеристику,

Валерий Макарович, довольно редко, но всё-таки именовал нашу «монгольскую затею» не иначе как «авантюра»: пять экспедиций КемГУ в Западную Монголию, начавшиеся с поездки 2008 г. на одном УАЗе-«буханке» без навигатора, с картами, не соответствовавшими географической действительности, и закончившиеся финальным этапом 2012 г., когда у машины кандидата философских наук Д. В. Ушакова (вторая сопровождающая машина появилась только на этом заключительном этапе) на скорости 80 км/ч оторвало колесо, кроме того произошли другие «приключения», перечисленные самим философом [8, с. 92].

К таким же «авантюрам» относится и знаменитая эпопея, связанная с транспортировкой из Горной Шории построек и предметов быта в музей-заповедник «Томская Писаница» с целью создания здесь экспозиции «Шорский улус Кезек», описанная участником тех событий В. К. Леонтьевым и охарактеризованная им как «совершенно невозможная в наше время» [9, с. 26]. Именно

эпоха перемен, переход от социализма в иллюзию «открывшейся» свободы начала 1990-х гг. детально обрисовали фон, на котором максимально ярко мог проявиться игровой характер действий В. М. Кимеева.

Среди воспоминаний о буднях иных многочисленных экспедиций под руководством и при участии В. М. Кимеева найдётся немало повествований, ход которых аналогично с упомянутыми выше скользит на грани реальности, повседневной для трикстера, но для нас вибрирующей в тонком междумирье допустимого-недопустимого.

Невозможно не привести фрагмент из беседы Валерия Макаровича с одной коллегой по поводу специфики монгольских поездок. Беседа, свидетелем которой был автор этих строк, состоялась на одной из конференций практически сразу после монгольской экспедиции 2009 г. Коллега-археолог заметила, что ей очень понравилась и Монголия, и поездка в эту страну: «Было здорово, мы жили в гостинице в Ховде (город в Западной Монголии, центр Ховдского аймака. – В. Т.), каждый день на машине выезжали на раскоп». В ответ Валерий Макарович сухо процедил: «Молодцы... Вам надо было ещё сделать так, чтоб в машине дно убиралось, и вы могли бы копать, не выходя из машины». В общем, В. М. Кимеев осознавал

весь, мягко говоря, экстремальный характер наших «монгольских авантур», тем не менее, чувствовал и вёл себя в этой стихии, как рыба в воде.

Следующим признаком трикстера выступает целая группа атрибутов, логично связанная с предыдущим, – *невозможность вписаться в известные рамки, хаос и непредсказуемость героя*.

Любой мало-мальски знакомый с Валерием Макаровичем человек, всегда отмечал его неординарность и самобытность, нестандартность мышления и, вместе с тем, безусловно сложный характер. Именно неординарность и особенности личности В. М. Кимеева проявились в специфике и формах ведения им своей научной деятельности (рис. 3).

Известно, что «трикстер зачастую формирует среду, сам придумывает закон, по которому живёт» [2, с. 83]. В связи с этим новые оттенки трикстерности обретает вся новаторская деятельность Валерия Макаровича по разработке незаурядных способов изучения, описания и сохранения исчезающего этнокультурного наследия в контексте создания этноэкологических музеев-заповедников, концептуально выраженная в его докторской диссертации и опубликованной по её материалам монографии [10].

Рис. 3. Интервью на одной из конференций
Фото Д. В. Ушакова

Экомузеи, с которыми теперь в отечественной науке неразрывно связано имя В. М. Кимеева, являются своего рода музеями наоборот, когда этнокультурное наследие не изымается из своей среды, а продолжает функционировать в местах компактного проживания той или иной этнической общности, музеефицируется и становится объектом показа. Идея средового музея непривычна, но очень востребована большинством рядовых и неискушённых посетителей. Экомузей-заповедник, действительно, не вписывается в стандартные представления о музеях некоего закрытого типа, когда в ассоциативном ряду со словом «музей» возникает образ чего-то далёкого и застывшего за стёклами витрины. Именно трикстерность экомузея и его российского транслятора-проповедника В. М. Кимеева перефокусировали ракурс восприятия этнической культуры: представление о её неподвижном характере сменилось взглядом на этнокультуру как на динамичное творчество. Об экомузеях – сквозной теме – поговорим вновь при раскрытии следующего признака трикстера.

Непредсказуемость жизненного пути Валерия Макаровича раскрылась ещё до начала его активной научной деятельности, когда в 1973 г. горный техник-электромеханик из совхоза Ленинуголь Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области поступает в Ленинградский государственный университет на геологический факультет и, спустя некоторое время, переходит в начале 1974/75 уч. г. на исторический факультет ЛГУ, где знакомится с Р. Ф. Итсом, что определяет его дальнейшую этнографическую стезю [11, с. 59].

Нестандартность мышления В. М. Кимеева также проявилась в его научном пути: от изучения, начиная со студенчества, этнографии шорцев (рис. 4) через исследование других аборигенных народов и русских старожилов Притомья к монографическому описанию этнографии западных монголов. Отчётливым фоном всей этой работы была его музейная деятельность. Подобный размах исследовательских траекторий, широта научных взглядов и неизменная установка на воплощение сугубо научных изысканий

Рис. 4. Шорский охотник. Начало 1980-х гг.
(Музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, ОФ 1968-24).

в практику проектирования и создания музеев выглядят органично и, одновременно, хаотично, не всегда вписываясь в представления о привычных границах научных интересов учёного-этнографа, словно обязанного (кому?) замкнуться в своём исследовательском поле. Об этом, собственно, говорил сам Валерий Макарович, когда он столкнулся с непониманием отдельных коллег по поводу начала его монгольских экспедиций (см. раздел «Зачем Кимееву Монголия?» в: [6, с. 39]).

В общественной, научно-педагогической и организационной деятельности Валерия Макаровича также проявлялся следующий признак трикстера – *склонность к трансформации*. Кратко этот атрибут трикстерности в личности и характере В. М. Кимеева можно обнаружить не только в присущей ему резкой и, зачастую не всегда контролируемой самим героем, смене характера, но и в широчайшей панораме его научных интересов, контурно обрисованной выше. Изучение этнографии народов Притомыя и Западной Монголии – это воплощение в жизнь принципов Р. Ф. Итса – Учителя Валерия Макаровича, выраженных кратко в заглавии одной из его книг «К людям ради людей». Для В. М. Кимеева наука являлась не только описанием тех или иных сторон материальной или духовной этнической культуры, но, в большей степени, конкретной практикой, образом жизни, способом взаимоотношения с людьми, некогда совершенно незнакомыми, но ставшими с годами близкими и родными. Представители изучаемых Валерием Макаровичем сообществ не вписывались в рамки определения «объект исследования», но становились тем, без кого он уже не мог существовать и которым он старался помочь, проживая вместе с ними их непростую судьбу.

Неравнодушный, каким и должен быть настоящий историк, обеспокоенный социально-экономическим и морально-нравственным положением, в первую очередь, любимых шорцев, Валерий Макарович пытался активно повлиять на существующую ситуацию. Одним из вариантов развития шорских улусов и других деревень и посёлков Притомыя, через которые пролёг маршрут многолетних исследований этнографа, как раз и могло стать создание в Кемеровской области целой серии инициированных В. М. Ки-

меевым экомузеев, к которым, помимо шорского «Тазгола» в п. Усть-Анзас Таштагольского района, относятся ещё пять частично реализованных проектов – это телеутский «Чолкой» (п. Беково Беловского района), «Калмаки» (д. Юрты-Константиновы Яшкинского района), «Село Ишим» (п. Ишим Яйского района), «Село Брюханово» (с. Красное Ленинск-Кузнецкого района), «Тюльберский городок» (п. Городок Кемеровского района). Также, кроме экомузеев, Валерий Макарович участвовал в проектировании и создании ещё целой серии музеев под открытым небом, начиная с уже упомянутой «Томской Писаницы» и заканчивая «Трёхречьем» в п. Усть-Кабырза Таштагольского района, не до конца понятым местной администрацией. Именно музеефикация этнокультурного и природного наследия в составе экомузеев или иных скансенов обязана становиться, в первую очередь, инструментом искоренения депрессивности сельских территорий нашей страны.

Главной задачей в изучении истории народов для Валерия Макаровича было то, что прот. Г. Флоровский именовал «встречей с живыми людьми». Трудно не вспомнить, как он буквально на ходу в повседневные беседы и в лекции вплетал рассказы как о живых представителях изучаемых этнических общностей, так и о давно ушедших из жизни людях, связанных с той или иной исторической темой. Особую радость доставляло ему знакомство с новой информацией, в частности, с жизнеописаниями путешественников предшествующих эпох, совершившими свои экспедиции в район, куда планировал свою поездку он сам. Для него эти первопроходцы были не памятниками или портретами, застывшими на страницах книг, но реальными личностями, на которых он равнялся.

Кроме всего прочего, склонность к трансформации у Валерия Макаровича – это сочетание и лёгкость смены статусов и должностей: одновременное преподавание на кафедре археологии КемГУ, организация научной деятельности, руководство экспедициями, экомузеем-заповедником «Тюльберский городок» и учебно-научным центром при нём. Из последнего следует необходимость стяжания колоссального опыта в уме-

нии выстраивать общение с работниками, выработка мастерства в общении с начальством (университетским, районным, областным), развитие навыка организации материально-хозяйственного снабжения экомuzeя и базы практик при нём.

Также В. М. Кимееву была присуща обратная сторона рассматриваемого признака, «свойственная большинству трикстеров» [2, с. 84], а именно, не ущемляемое никем право оставаться самим собой, что реализовывалось, как минимум, в процессе игры в «последнего тюльбера», образ которого всегда соседствовал с другими статусами В. М. Кимеева и перемежался ими.

Трансляция идей как очередной атрибутивный признак трикстера был присущ Валерию Макаровичу, что называется, по определению. Будучи деятелем, педагогом и Учителем, он транслировал идеи, которые в дальнейшем ложились в основание методов ведения научной работы его последователей. Так, важнейшие идеи экомuzeологии, дисциплины новой и, отчасти, утопической, активно передаются представителям этнических общностей, администрации и посетителям.

Говоря о склонности к трансформации, я уже обозначил сущностную теоретическую основу всех этнографических исследований Валерия Макаровича, унаследованную им от своего Учителя Р. Ф. Итса и основывающуюся на человеческом отношении к изучаемым

народам. Теперь, оглядываясь назад, понимаю, что в своей совместной работе с Валерием Макаровичем, в моём личном опыте активного соучастия в научной, педагогической, общественной и организационной сферах жизни В. М. Кимеева, в ходе его руководства экомuzeем-заповедником «Тюльберский городок» не только воплощался принцип Сократа «смотри и делай, как я», но и содержался классический этнографический подход, метко обозначенный другим сибирским этнографом, также ушедшим в прошлом году, Владиславом Михайловичем Кулемзиным (1938–2021): «Не надо мешать людям вести обычную жизнь» [12, с. 190].

Заключительным, но не менее важным атрибутом трикстера выступает *юмор*, который не всегда добродушен и, помимо поводов к лёгкому веселью, несёт в себе жестокость и циничность. Данный аспект трикстерства раскрывается фразой Аристотеля: «Шутить надо для того, чтобы совершать серьёзные дела».

Шутки Валерия Макаровича нередко пронизывали всю его речь: лекционно-семинарскую для студентов, научную для коллег-исследователей, повседневную – для тех, кто оказался рядом. Разноплановость его устной речи, наполненной фольклоризмами, просторечиями и афоризмами отмечали все те, кто общался с В. М. Кимеевым чуть шире, чем строго-официально (рис. 5).

Рис. 5. В Горно-Алтайске. Фото Д. В. Ушакова

Отдельным явлением в повседневной речи Валерия Макаровича было активное использование им цитат из известных советских фильмов, применяемых всегда уместно и хлётко. Выпутываясь из определённой сложной и, с первого взгляда, неразрешимой ситуации он повторял знаменитые слова из фильма «Особенности национальной охоты»: «Жить захочешь – не так раскорячишься». Наблюдая за сменой руководства в муниципальных районах, на территории которых располагались «его» музеи, Валерий Макарович не без иронии и, одновременно, с сожалением вздыхал: «Опять власть меняется».

Среди других излюбленных киноцитат стоит привести следующие: «...А не хлопнуть ли нам по рюмашке?» (к/ф «Покровские ворота»); «Как поймают, Якина на кол, а уже потом...» (к/ф «Иван Васильевич меняет профессию») и не совсем верная цитата из к/ф «Операция “Ы” и другие приключения Шурика»: «Пока космические корабли бороздят просторы Большого театра».

Здесь же необходимо отметить особое увлечение Валерия Макаровича организацией и проведением культурно-образовательных мероприятий в экомузее-заповеднике «Тюльберский городок» – реконструкцией обрядов, связанных с календарными праздниками земледельческого цикла русских старожилов и аборигенов Притомья: начиная от написания сценария и заканчивая собственным активным участием в действе (ещё один элемент трикстерства: игра в переодевание). В дотюльберской жизни В. М. Кимеева были и другие аналогичные мероприятия. Например, это активно им практикуемый почти с самого начала работы в КемГУ в 1980 г. ва-

риант создания экспозиции, условно называемой «ожившей», когда Валерий Макарович переоблачался в шорского охотника сначала сам [13, с. 56], но с годами он всё больше вовлекал в этот процесс своих учеников. Кроме того, прообразом музейных праздников были театрализованные представления, которые В. М. Кимеев устраивал вместе со студентами [11, с. 61]. В некоторых случаях культурные функции трикстера сопоставляют по аналогии с карнавалом, описанным М. М. Бахтиным. Эти музейные праздники и прочие перфомансы Валерия Макаровича становились своего рода «художественным жестом», когда «прагматика трюка редуцирована, а на первое место выдвигается художественный эффект» [5].

Сегодня в условиях постмодерна трикстера можно рассматривать «как относительно серьёзного героя, провозглашающего идеи культуры постмодерна» [2, с. 83], что с одной стороны ещё больше актуализирует современную эпоху нестабильности, в которой культура (а вслед за ней и наука), в целом, отказывается «от серьёзности и смысла», по итогу чего и культуру, и науку заполняют «сонмы “трикстерят”, молниеносно сменяющих друг друга» [4, с. 51].

Трикстерные черты, присущие Валерию Макаровичу Кимееву, являлись основой его поведения в жизни, сутью его мироощущения и адаптации к реальности. Трикстерство В. М. Кимеева поддерживало его профессионализм и, порой, завышенную требовательность к происходящему, именно рассмотренные нами качества его характера и личности приковывали внимание к нему – последнему трикстеру сибирской этнографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Томилов Н. А.* Конференция памяти профессора В. М. Кимеева: изучение культурного наследия народов Сибири и его роли в российском обществе // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2021. – Т. 8, № 3 (31). – С. 244–247. – DOI: 10.24147/2312-1300.2021.8(3).244-247.
2. *Ахметшин А. Р., Горбатов А. В.* Атрибутивные признаки архетипа трикстера // Вестник КемГУКИ. – 2015. – № 32. – С. 81–85.
3. *Самойлова В. Е.* Трикстер и шаманизм // Казанская наука. – 2012. – № 6. – С. 119–123.
4. *Чернявская Ю. В.* Трикстер, или Путешествие в Хаос // Человек. – 2004. – № 3. – С. 37–52.
5. *Липовецкий М.* Трикстер и «закрытое» общество // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 100. – С. 224–245.
6. *Терентьев В. И.* Кимеев. Человек играющий // Учёные записки музея-заповедника «Гомская Писаница». – 2021. – Вып. 13. – С. 35–40. – DOI: 10.24412/2411-7838-2021-13-35-40.
7. *Яковлева Е. Л.* Игра как мотивация и действие в коррупционном социальном // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 4. – С. 96–103.

8. Ушаков Д. В. Валерий Макарович Кимеев: от теории к практике изучения народов Сибири и Монголии // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2021. – Вып. 13. – С. 83–96. – DOI: 10.24412/2411-7838-2021-13-83-96.
9. Леонтьев В. К. Макарыч (воспоминания о В. М. Кимееве) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2021. – Вып. 13. – С. 25–30. – DOI: 10.24412/2411-7838-2021-13-25-30.
10. Кимеев В. М. Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции. – Томск : Изд-во ТГУ, 2008. – 450 с.
11. Китова Л. Ю. Деятельность В. М. Кимеева на кафедре археологии Кемеровского государственного университета // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2021. – Вып. 13. – С. 59–67. – DOI: 10.24412/2411-7838-2021-13-59-67.
12. Зиновьев В. П., Литвинов А. В. Владислав Кулемзин – этнограф Божьей милостью // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 73. – С. 189–192. – DOI: 10.17323/19988613/73/26.
13. Белоусова Н. А., Боголепова Л. З., Боброва Л. Ю. Вклад В. М. Кимеева в формирование этнографического фондового собрания музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2021. – Вып. 13. – С. 51–58. – DOI: 10.24412/2411-7838-2021-13-51-58.

Сведения об авторе

Терентьев Владислав Игоревич – кандидат исторических наук, независимый исследователь (Улан-Батор, Монголия)

Адрес для корреспонденции: 13380, Монголия, Улан-Батор, район Баянзурх, 1-й мкр., 21-24

E-mail: vlad33@bk.ru

РИНЦ AuthorID: 766330

ORCID: 0000-0003-1258-6865

WoS ResearcherID: GPX-7775-2022

Информация о статье

Дата поступления
23 сентября 2022 г.

Дата принятия в печать
15 октября 2022 г.

Для цитирования

Терентьев В. И. Последний трикстер сибирской этнографии (к 70-летию Валерия Макаровича Кимеева) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 300–309. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).300-309.

V.I. Terentyev

THE LAST TRICKSTER OF SIBERIAN ETHNOGRAPHY (TO THE 70th ANNIVERSARY OF VALERY MAKAROVICH KIMEEV)

This article discusses life and work of Valery Makarovich Kimeev – one of the most prominent Siberian ethnographers, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Archaeology of KemSU, in connection with his 70th birthday, which was to be held in October 2022. The article also attempts to identify trickster features in the creative, scientific and social life of the famous Siberian scientist. The trickster is the archetype of the frontier plane, teetering on the thin line that separates productive creation from negative destruction. The trickster is an unpredictable, fickle, charming type.

The complexity of the problem lies in the identification of trickster features not in a folklore or mythological character, but in a real person who has recently passed away from us. Among the attributes of the trickster are the playful nature of his actions, the inability to fit into the known framework, the chaos and unpredictability of the hero, the communication of ideas and humor. Examples of the manifestation of the listed attributes in the life and work of V.M. Kimeev are demonstrated, first of all, on the basis of personal observations.

Trickster features inherent in Valery Makarovich Kimeev were the basis of his behavior in life, the essence of his attitude and adaptation to reality. Trickster characteristics of V.M. Kimeev was supported by his professionalism and, at times, excessive demands on what was happening. The qualities of his character and personality that we examined drew attention to him, the last trickster of Siberian ethnography.

Keywords: Valery Makarovich Kimeev; trickster; ecomuseums; Gornaya Shoria; Mongolia.

REFERENCES

1. Tomilov N.A. Konferentsiya pamyati professora V.M. Kimeeva: izuchenie kul'turnogo naslediya narodov Sibiri i ego roli v rossiiskom obshchestve [Conference of the Memory of Professor Valerii M. Kimeev: Study of the Cultural Heritage of the Peoples of Siberia and His Role in the Russian Society]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"* [Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"], 2021, vol. 8, no. 3 (31), pp. 244-247. DOI: 10.24147/2312-1300.2021.8(3).244-247. (in Russian).
2. Ahmetshin A.R., Gorbatov A.V. Atributivnye priznaki arkheta tipa trikster [Attributive Signs of Archetype of Trickster]. *Vestnik KemGUKI [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 32, pp. 81-85. (in Russian).
3. Samoilova V.E. Trikster i shamanizm [Trickster i shamanizm]. *Kazanskaya nauka [Kazan science]*, 2012, no. 6, pp. 119-123. (in Russian).
4. Chernyavskaya Ju.V. Trikster, ili Puteshestvie v Khaos [Trickster, or Journey into Chaos]. *Chelovek [Human]*, 2004, no. 3, pp. 37-52. (in Russian).
5. Lipovetskii M. Trikster i "zakrytoe" obshchestvo [Trickster and "closed" society]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer]*, 2009, no. 100, pp. 224-245. (in Russian).
6. Terent'ev V.I. Kimeev. Chelovek igrayushchii [Kimeev. Homo ludens]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisanitsa"* [Scientific Notes of the "Tomskaya Pisanitsa" Kuzbass museum-reserve], 2021, vol. 13, pp. 35-40. DOI: 10.24412/2411-7838-2021-13-35-40. (in Russian).
7. Jakovleva E.L. Igra kak motivatsiya i deistvie v korruptsionnom sotsial'nom [Game as Motivation and Action in the Corruptive Social]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava [Actual Problems of Economics and Law]*, 2015, no. 4, pp. 96-103. (in Russian).
8. Ushakov D.V. Valerii Makarovich Kimeev: ot teorii k praktike izuchenija narodov Sibiri i Mongolii [Valery Makarovich Kimeev: from theory to practice of studying the peoples of Siberia and Mongolia]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisanitsa"* [Scientific Notes of the "Tomskaya Pisanitsa" Kuzbass museum-reserve], 2021, vol. 13, pp. 83-96. DOI: 10.24412/2411-7838-2021-13-83-96. (in Russian).
9. Leont'ev V.K. Makarych (vospominaniya o V.M. Kimeeve) [Makarych (Memories of V.M. Kimeev)]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisanitsa"* [Scientific Notes of the "Tomskaya Pisanitsa" Kuzbass museum-reserve], 2021, vol. 13, pp. 25-30. DOI: 10.24412/2411-7838-2021-13-25-30. (in Russian).
10. Kimeev V.M. *Ekomuzei Pritom'ya v postindustrial'nom obshchestve: genezis, arkhitektonika, funktsii [Ecomuseums of the Tom river region in post-industrial society: genesis, architectonics, functions]*, Tomsk, TGU Publ., 2008, 450 p. (in Russian).
11. Kitova L.Ju. Deyatel'nost' V.M. Kimeeva na kafedre arkheologii Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [V.M. Kimeev at the Department of Archaeology of Kemerovo State University]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisanitsa"* [Scientific Notes of the "Tomskaya Pisanitsa" Kuzbass museum-reserve], 2021, vol. 13, pp. 59-67. DOI: 10.24412/2411-7838-2021-13-59-67. (in Russian).
12. Zinov'ev V.P., Litvinov A.V. Vladislav Kulemzin – etnograf Bozh'ei milost'yu [Vladislav Kulemzin – Ethnographer by the Grace of God]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2021, no. 73, pp. 189-192. DOI: 10.17323/19988613/73/26. (in Russian).
13. Belousova N.A., Bogolepova L.Z., Bobrova L.Ju. Vklad V.M. Kimeeva v formirovanie etnograficheskogo fondovogo sobraniya muzeya "Arkheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri" Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [The contribution of V.M. Kimeev to the formation of the ethnographic collection in the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" at Kemerovo State University]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisanitsa"* [Scientific Notes of the "Tomskaya Pisanitsa" Kuzbass museum-reserve], 2021, vol. 13, pp. 51-58. DOI: 10.24412/2411-7838-2021-13-51-58. (in Russian).

About the author

Vladislav I. Terentyev – PhD in Historical Sciences, Independent Researcher (Ulaanbaatar, Mongolia)

Postal address: 21-24, 1 khoroo, Bayanzurkh District, Ulaanbaatar, 13380, Mongolia

E-mail: vlad33@bk.ru

RSCI AuthorID: 766330

ORCID: 0000-0003-1258-6865

WoS ResearcherID: GPX-7775-2022

Article info

Received
September 23, 2022

Accepted
October 15, 2022

For citations

Terentyev V.I. The Last Trickster of Siberian Ethnography (to the 70th Anniversary of Valery Makarovich Kimeev). *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 300-309. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).300-309 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Общие положения

Журнал «Вестник Омского университета. Серия “Исторические науки”» издаётся с 2014 г. Периодичность выхода – 4 раза в год.

Учредитель и издатель журнала – Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского». Соучредитель – Омский государственный педагогический университет.

С 2017 г. журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы результаты научных исследований, предъявляемых к защитах кандидатских и докторских диссертаций по группам научных специальностей 07.00.00 – исторические науки и археология, 23.00.00 – политология.

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Публикации регистрируются в Crossref – агентстве регистрации Цифровых идентификаторов объекта (DOI).

С 2021 г. журнал вошёл в базу данных Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.

Редколлегией принимаются статьи и материалы по следующим направлениям:

- Всеобщая история
- Отечественная история
- Этнология, этнография
- Археология, первобытная история
- Музеология, музееведение, краеведение
- Археография и документоведение. Источниковедение
- Историография всеобщей и отечественной истории
- Политические науки и международные отношения
- Исторический архив (публикация документов)
- Научная жизнь

Язык публикаций – русский, английский.

К публикации в журнале принимаются оригинальные, ранее не публиковавшиеся целиком или частично научные статьи, исторические источники, сообщения о конференциях, научных экспедициях, памятных датах, работе диссертационных советов, рецензии и другие материалы историко-научного характера.

Авторами могут быть аспиранты, кандидаты наук, доктора наук. Для аспирантов обязательна развёрнутая рекомендация научного руководителя с обоснованием научного вклада, новизны и ценности, которая подаётся в свободной форме и высылается вместе со статьёй.

Требования к публикациям: актуальность, научное содержание и стиль изложения с соблюдением правил научной этики и корректного цитирования.

Рецензирование. Каждая статья проходит обязательное закрытое рецензирование решением редколлегии. Об итогах экспертизы автор получает информацию после поступления готовой рецензии через электронную платформу в автоматическом режиме в течение 1 месяца после начала рецензирования.

Рукописи статей подвергаются редакционной обработке, при необходимости отдельные замечания редактора согласуются с авторами. Статьи, оформленные не в соответствии с настоящими требованиями, отклоняются без рецензирования.

Плата за публикацию не взимается.

Материалы следует подавать через электронную платформу научных журналов ОмГУ им. Ф. М. Достоевского <https://history-journal.omsu.ru>. Каждый автор должен пройти обязательную регистрацию по предлагаемым формам. Статья или иной материал должны быть прикреплены окончательно к платформе в формате Microsoft Word.

Отправляя на платформу свою статью автор фактически, без договоров с редакцией соглашается на публичное воспроизведение его эксклюзивного научного материала и использование персональных данных.

Информацию о принятии, рецензировании и дальнейшем продвижении своих материалов автор получает в автоматическом режиме работы платформы.

Все возникающие вопросы разрешаются путем переписки через официальную почту журнала vesthist@gmail.com или с ответственным секретарём Сергеем Павловичем Бычковым по почте spbychkov@mail.ru.

Материалы предоставляются только в электронном виде, но при необходимости могут быть запрошены редколлегией в оригинале по адресу: 644077, г. Омск, пр. Мира, 55, 2-й корпус ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, каб. 513.

Прием статей осуществляется в непрерывном режиме. Выход номеров журналов осуществляется в рамках календарных годовых кварталов. В среднем, подача статьи до конца текущего квартала при условии успешного рецензирования предполагает выход статьи через квартал. (Например, подача номера в 1 квартале будет означать выход статьи в 3 квартале).

В случае принятия статьи к публикации после верстки макета и согласования с авторами, редакция высылает авторам макет номера для чистой окончательной проверки в течение 3–5 рабочих дней. После печати контрольных экземпляров, номер в течение 7–10 дней появляется в РИНЦ и КИБЕРЛЕНИНКЕ. Авторам редакция рассылает авторский чистовой экземпляр в формате PDF. При необходимости авторы могут запросить авторский бумажный бесплатный экземпляр и получить его в здании редакции или почтовым отправлением.

2. Правила оформления

Объём статьи – до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами) всего объёма вместе с английским приложением.

Текст набирается в Microsoft Word. Формат страницы – А4, поля – 2,5 см со всех сторон, гарнитура – Times New Roman, кегль – 11 пт, межстрочный интервал – одинарный, абзацный отступ – 1,0 см.

В верхнем левом углу листа ставится УДК.

Далее **на русском языке** – инициалы, фамилия автора, строкой ниже по центру – заглавие статьи (не более 10 слов; не должно содержать аббревиатур и авторских сокращений). Ниже через строку помещается аннотация (3–5 предложений), раскрывающая основное содержание статьи, и ключевые слова (словосочетания), которые разделяются точкой с запятой (5–7 слов). *При наличии финансовой поддержки (гранта) научного исследования (публикации) информация об этом с указанием названия и номера проекта размещается перед основным текстом.*

Например: Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Новый сакральный центр России в социальном окружении: проблемы взаимодействия с государственными, религиозными, медийными институтами», проект № 14-01-00431.

Далее размещается основной текст статьи.

Сокращения слов не допускаются, кроме общепринятых. Аббревиатуры включаются в текст лишь после их первого упоминания с полной расшифровкой.

Например: К таким символическим объектам относится здание Государственной публичной научно-технической библиотеки (далее – ГПНТБ), открытое в 1966 г.

Рисунки (фотографии, диаграммы, графики) должны быть чёткими, контрастными, рассчитанными на чёрно-белую печать (в любом формате, совместимом с Word). К публикации принимаются рисунки и фото как чёрно-белые, так и цветные, но цветной вариант публикуется только в электронном виде. Предоставляются в виде отдельных файлов в форматах tif, jpg, cdr.

Разрешение рисунков не менее 300 dpi. При наличии авторских отметок и подписей на рисунках, фотографиях, картах, кроме поясняющего изображения требуется предоставление отдельного «чистого», лишённого каких-либо отметок файла.

Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисовочную подпись. Не нумеруется рисунок, если он в тексте единственный. На все рисунки должны быть ссылки в тексте. Сам рисунок рекомендуется вставлять в тексте сразу после ссылки на него.

Оформление ссылок на рисунки: (рис. 1) – для ссылки на один рисунок; (рис. 4–6) – на несколько рисунков; (рис. 1, 2–4) – на объект(ы) в скомпонованном рисунке.

Пример оформления подрисовочной подписи:

Рис. 1. Артефакты стоянки: 1 – бифас; 2 – нуклеус; 3, 4 – отщепы

Таблицы. Создание таблиц допускается только в Word. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, сквозную нумерацию. Не нумеруется таблица, если она в тексте единственная. Содержание граф должно соответствовать их названию. Рекомендуемый размер таблицы – не более 1 страницы. Все данные внутри таблицы – 10 пт. На все таблицы должны быть ссылки в тексте. Саму таблицу рекомендуется вставлять в тексте сразу после ссылки на неё.

Например:

Таблица 1. Состав каменной индустрии стоянки Ушбулак

После выводов основного текста следует раздел **ПРИМЕЧАНИЯ**.

В основном тексте статьи *ссылки на примечания* оформляются числами в виде верхнего индекса и должны быть последовательно пронумерованы. Тексты же примечаний под соответствующими числами в виде верхнего индекса относят в конец статьи в раздел ПРИМЕЧАНИЯ, оформляя в порядке очередности их упоминания в тексте.

Подстрочные (постраничные или концевые) сноски в тексте не допускаются.

К примечаниям относятся ссылки на тезисы, статьи, монографии и другие материалы, которые нельзя отнести к актуальной индексируемой литературе. К примечаниям необходимо относить издания, носящие источниковый, библиографический, историографический, обзорный, архивный, статистический, юридический, справочный характер. К примечаниям также относится справочная и уточняющая информация к словам, терминам, определениям, личностям, упоминаемым в основном тексте.

Библиографическое описание изданий, относимых автором к примечаниям, аналогично образцам оформления для списка литературы.

Образец оформления примечаний

Текст статьи¹ текст статьи² текст статьи... Текст статьи³ текст статьи текст статьи⁴...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Здесь и далее использована информация региональной периодики.

²Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-150. Оп. 2. Д. 723. Л. 1.

³Венгеров С. А. Критико-биографический словарь, Т. II, изд. 2-е. – Пг., 1918. – С. 90.

⁴Там же. С 95.

После раздела ПРИМЕЧАНИЯ следует раздел **ЛИТЕРАТУРА**.

В раздел ЛИТЕРАТУРА включаются монографии, статьи, тезисы научных конференций, авторефераты диссертаций и прочие издания, находящиеся в индексах научного цитирования и носящие актуальный научный характер. В литературу вносятся только прямо используемые, цитируемые и анализируемые в статье издания.

Ссылки на литературу в тексте статьи оформляются числами в квадратных скобках с указанием страниц. После основного текста статьи и раздела примечаний формируется единый последовательный список в порядке упоминания изданий в тексте. Объединённое описание (нескольких изданий под одним числом) не допускается. Если цитируемая статья имеет DOI

(см. оригинал статьи на сайте соответствующего журнала или eLibrary.ru), обязательно укажите его в описании. Все библиографические данные должны быть тщательно выверены.

Образец оформления ссылок и списка литературы

Текст статьи текст статьи [1, с. 214]. Текст статьи текст статьи [2]. Текст статьи текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи [1, с. 267]. Текст статьи текст статьи текст статьи [4, с. 165]. Текст статьи текст статьи [5] текст статьи «текст статьи» [3, с. 238]...

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова И. В. Красная гвардия в Сибири. – Новосибирск : Наука, 1983. – 145 с.
2. Рыженко В. Г. О методиках выявления трансформаций образов прошлого в локальных культурных пространствах постсоветской России // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2018. – № 4 (20). – С. 53–57. – DOI: 10.25513/2312-1300.2018.4.53-57.
3. Могутнова Н. Н. Корпоративная культура: идеал и реальность // Вестник РГГУ. – 2007. – № 2–3. – С. 234–244. – URL: <https://liber.rsuh.ru/elib/000001670> (дата обращения: 07.09.2021).
4. Сальников К. В. История археологических исследований на Южном Урале // Проблемы археологического изучения Южного Урала : сб. науч. ст. – Челябинск : Абрис, 2009. – С. 158–214.
5. Родионов И. Н. Государственная молодёжная политика (Сущность, этапы, основные тенденции): 1980–1993 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994. – 20 с.

Все остальные возможные варианты ссылок и библиографического описания источников согласовываются с литературным и техническим редакторами в процессе редакторской правки после приёма статьи к публикации.

Далее необходимо предоставить **информацию об авторе(ах) на русском языке**: фамилия, полное имя и отчество, учёная степень и звание, должность, полное название организации, полный рабочий адрес для корреспонденции (с указанием почтового индекса и страны), e-mail, номер самого оперативного служебного, домашнего или мобильного телефона.

Обязательной является информация об индивидуальных кодах авторов в РИНЦ (AuthorID на личной странице в eLibrary) и ORCID (регистрация через сайт <http://orcid.org>). При наличии WoS ID его указание является обязательным. Остальные индивидуальные коды при их наличии указываются автором по усмотрению.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям международных рецензируемых изданий (РИНЦ, Web of Science, Scopus и др.), т. е. помимо основного текста содержать сведения, представленные **на английском языке** (заглавие, аннотация, ключевые слова, названия организаций, к которым приписан автор). Ответственность за качество перевода возлагается на автора. Часть информации, которая не переводится на английский язык (фамилии авторов, русскоязычные названия первоисточников в списках литературы, собственные названия организаций и издательств, представленных в оригинале на русском языке), должна быть представлена в одной из принятых систем транслитерации.

Для правильной транслитерации рекомендуется онлайн-сервис – «Транслит по-русски» (<http://translit.net>), где нужно выбрать вариант транслитерации BSI.

3. Оформление сведений на английском языке

Далее с новой страницы следует набор сведений **на английском языке**. Указываются инициалы, фамилия автора, строкой ниже по центру – название статьи. На следующей строке помещаются ключевые слова (словосочетания), которые отделяются друг от друга точкой с запятой (5–7 слов или словосочетаний). Ниже через строку помещается аннотация. Аннотация существенно отличается от русского аналога и не является его переводом. Общий её объём составляет от 1500 до 3000 знаков и является авторским рефератом статьи с указанием в зависимости от её характера решаемых научных проблем и задач, используемых источников и методик, изложением основного содержания и выводов, позволяющим составить общее представление о статье без её прочтения.

После аннотации следует английская версия списка литературы – REFERENCES.

ЛИТЕРАТУРА преобразуется в REFERENCES в соответствии с приведёнными ниже требованиями и примерами. Источники литературы в разделе REFERENCES должны по номерам совпадать с источниками в ЛИТЕРАТУРЕ.

Образец оформления раздела REFERENCES

REFERENCES

1. Pavlova I.V. *Krasnaya gvardiya v Sibiri* [Red Guards in Siberia], Novosibirsk, Nauka Publ., 1983, 145 p. (in Russian).
2. Ryzhenko V.G. О методиках выявления трансформации образов прошлого в локальных культурных пространствах постсоветской России [About Methods of Determining Transformations of Image of the Past in Local Cultural Spaces of Post-Soviet Russia]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"* [Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"], 2018, no. 4 (20), pp. 53-57. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.4.53-57. (in Russian).
3. Mogutnova N.N. Korporativnaya kul'ura: ideal i real'nost' [Corporate culture: ideal and reality]. *Vestnik RGGU [RSUH Bulletin]*, 2007, no. 2-3, pp. 234-244, available at: <https://liber.rsu.ru/elib/000001670> (Date of request: 07.09.21). (in Russian).
4. Sal'nikov K.V. Istoriya arkhelogicheskikh issledovaniy na Yuzhnom Urale [History of archaeological research in the Southern Urals]. *Problemy arkhelogicheskogo izucheniya Yuzhnogo Urala* [Problems of archaeological study of the South Urals], collection of scientific articles, Chelyabinsk, Abris Publ., 2009, pp. 158-214. (in Russian).
5. Rodionov I.N. *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika (Sushchnost', etapy, osnovnye tendentsii): 1980–1993 gg.* [State youth policy (Essence, stages, main tendencies): 1980-1993], Author's abstract, Moscow, 1994, 20 p. (in Russian).

Общая схема оформления:

– для отдельного издания:

Автор (транслитерация). Название (транслитерация) [Название (перевод на английский язык)], город (англоязычный вариант названия), издательство (если издательство имеет собственное название – его транслитерация, если издательство входит в структуру другой организации, например является университетским или ведомственным, – перевод названия этой организации) Publ., год, объем (p.). (язык источника) (in Russian).

– для публикации в журнале:

Автор (транслитерация). Название (транслитерация) [Название (перевод на английский язык)]. Название журнала (транслитерация) [Название журнала (перевод на английский язык)], год, vol. (том), no. (номер), pp. (диапазон страниц). DOI (если есть). (язык источника) (in Russian).

– для публикации в сборнике:

Автор (транслитерация). Название (транслитерация) [Название (перевод на английский язык)]. Указание редактора(ов) или составителя(ей) (ed.). / (eds.). / (comp.). / (comps.). Название сборника (транслитерация) [Название сборника (перевод на английский язык)], информация об издании: вид, выпуск и т. п. (перевод), город (англоязычный вариант названия), издательство (транслитерация или перевод), pp. (диапазон страниц). DOI (если есть). (язык источника) (in Russian).

Если источник имеет выходные данные на английском языке, следует использовать их, опуская транслитерацию, но сохраняя указание на язык источника. В случае использования переводных источников, в списке References рекомендуется привести описание источника, с которого был осуществлён перевод.

Завершается статья **английским аналогом сведений об авторе**: имя, отчество, фамилия, учёная степень, учёное звание, должность, место работы, полный рабочий адрес для корреспонденции (с указанием почтового индекса и страны).

**Правильное оформление статей значительно облегчит труд редакторов
и ускорит публикацию вашего материала.**

ЖДЁМ ВАШИ МАТЕРИАЛЫ!